ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВ

САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ ДИЛОГИЯ О ПРИЗРАКАХ

ДЖЕЙМС ГЕРБЕРТ

ДЭВИД ЭШ, ДЕТЕКТИВ ПО ПАРАНОРМАЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЯМ

ИНОГДА ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Эксмо

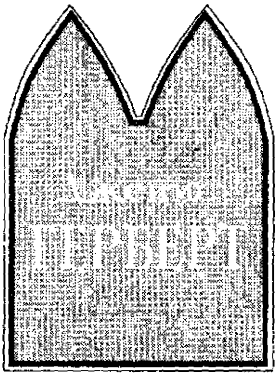
ДЖЕЙМС ГЕРБЕРТ

ДЭВИД ЭШ, ДЕТЕКТИВ ПО ПАРАНОРМАЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЯМ

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВ

ДЖЕЙМС
ГЕРБЕРТ
Дэвид Эш, детектив по паранормальным явлениям

В плену у призраков

•

Возвращение призраков

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

ДЖЕЙМС

ГЕРБЕРТ

Дэвид Эш, детектив по паранормальным явлениям

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Г 37

James Herbert
HAUNTED
Copyright © 1988 by James Herbert
THE GHOSTS OF SLEATH
Copyright © 1994 by James Herbert

Составитель серии *А. Жикаренцев*
Оформление серии художника *А. Саукова*
Серия основана в 2003 году

Герберт Дж.

Г 37 Дэвид Эш, детектив по паранормальным явлениям: Романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 624 с. — (Шедевры мистики).

ISBN 5-699-10341-4

Где грань между сном и явью? Возможно ли, чтобы призрак преследовал другого призрака? Что происходит в реальной жизни, а что — лишь плод воображения?

Всю жизнь Дэвид Эш искал ответы на эти вопросы и пытался доказать, что любому сверхъестественному явлению, даже совершенно невероятному с точки зрения здравого смысла, можно найти вполне достоверное научное объяснение.

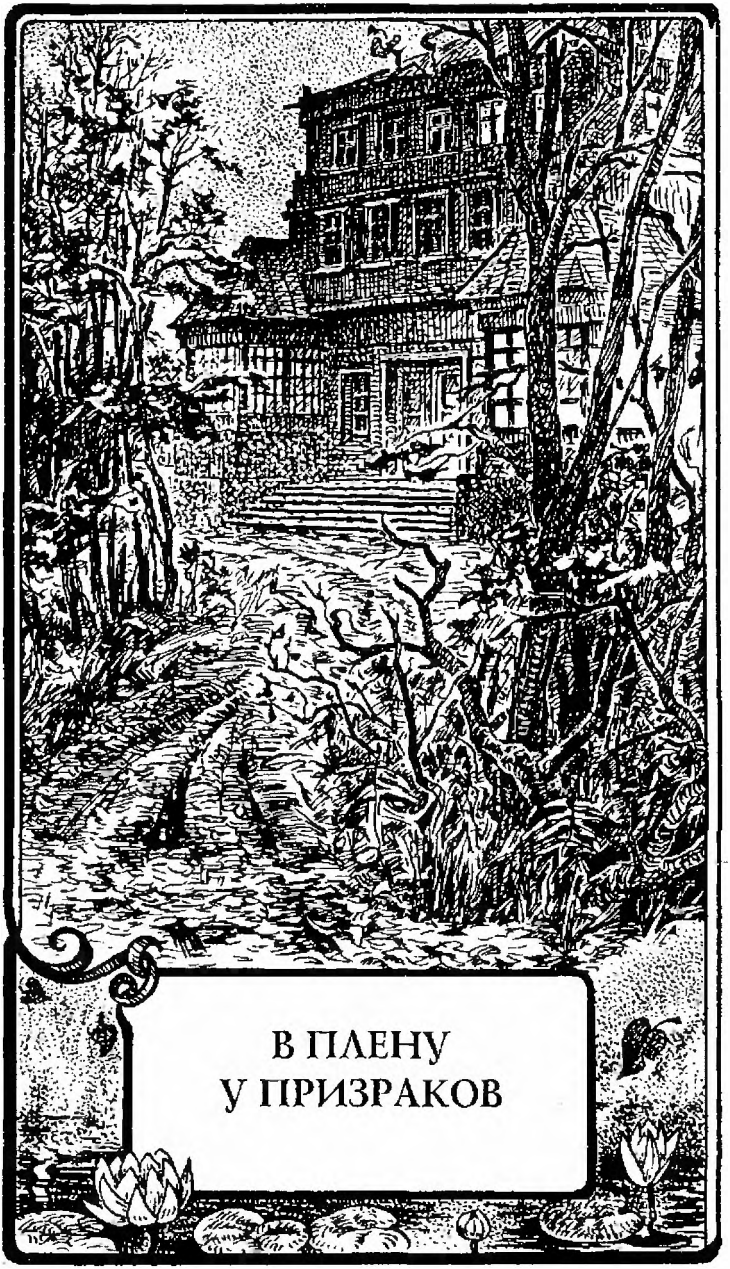
Но стоит ли отрицать очевидное?

Если Эш прав и призраков не существует, то почему они как ни в чем не бывало обитают в старинных особняках и даже днем свободно бродят по улицам?

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Перевод. И. Шефановская, М. Кононов, 2005
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-10341-4

В ПЛЕНУ У ПРИЗРАКОВ

Памяти Джорджа Гудинга — мошенника, проказника и моего лучшего друга.

Оказаться в плену у призраков — все равно что приоткрыть завесу над истиной, которой следует оставаться непознанной.

СОН. ВОСПОМИНАНИЕ

Шепотом произнесенное имя. Мальчик вздрагивает во сне. Бледная, неясная луна сквозь туман освещает комнату. Вокруг лежат густые тени.

Он крутит головой, и, когда поворачивается к окну, лицо превращается в нежную и чистую, начисто лишенную красок маску. Но сон мальчика беспокоен, и глаза под опущенными веками лихорадочно движутся туда-сюда.

И вновь кто-то шепчет имя:

— Дэвид...

Звук доносится словно издалека.

Мальчик хмурится. Голос звучит в его сновидении — нежный, вкрадчивый зов во сне. Руки выпускают влажные простыни, губы приоткрываются в безмолвном шепоте. Свободно блуждающие мысли непроизвольно возвращаются из далеких странствий к действительности. По мере того как он просыпается, застрявшие в горле слова протеста вырываются наружу.

Он недоуменно смотрит на холодную, безжизненную луну, силясь понять, не приснился ли ему собственный крик.

Сердце его наполняет щемящая печаль. Она леденит ему кровь, которая движется в венах так медленно, словно эта тяжелая, нудная и даже безнадежная работа требует

от нее невероятных усилий. Но свистящий шепот прогоняет, уничтожает эту внутреннюю вялость и леность.

— ...Дэвид...— снова зовет голос.

И он знает его источник, и это знание заставляет содрогнуться.

Мальчик садится и вытирает глаза — он плакал во сне. Он пристально смотрит на неясные очертания двери спальни, и его охватывает страх. Он боится и... он зачарован.

Откинув одеяло, он встает и идет к двери, отвороты помятых пижамных брюк спускаются до самого пола и бьют его по пяткам. Мальчику не больше девяти лет, он маленький, темноволосый, бледный и выглядит необычно изможденным и усталым для своего возраста.

Он стоит перед дверью, словно боясь дотронуться до нее. Однако он озадачен. Больше того, его разбирает любопытство. Он поворачивает ручку, холод металла пронизывает его ледяной энергией, будто исходящей от хозяина зимней стужи. Но он едва чувствует этот холод, ибо все тело его сотрясает озноб. Он открывает дверь, и царящая за ней густая тьма тут же черной тенью проникает в спальню. Это всего лишь иллюзия, но мальчик еще слишком мал, чтобы осознать и понять природу явления. Он отшатывается, отказываясь вступать в контакт с чернотой.

Зрение его постепенно проясняется, глаза привыкают к чернильной темноте, которая словно рассеивается и одновременно густеет. Он снова идет вперед, скорее робко и боязливо, чем осторожно, выходит за порог и, дрожа, останавливается на площадке лестницы, внимательно оглядываясь вокруг. Спуститься сейчас по лестнице — все равно что попасть в глубокую черную яму: внизу кромешная тьма.

И вновь приглушенный, но настойчивый шепот:

— ...Дэвид...

У него больше нет сил сопротивляться, ибо этот призыв сулит ему надежду — хрупкую, находящуюся за гранью разумного, за его строгими и четкими пределами. И в то же время в этом призыве ощущается пусть слабое, но отри-

цание чего-то ужасного, того, что заставляет его лихорадочно трястись от страха.

Он еще с минуту прислушивается, будто надеясь, что посторонний голос разбудит его родителей. Из их комнаты не доносится ни звука — горе лишило их и физических, и душевных сил. Охваченный страхом, он вглядывается в кромешную тьму и, страшась все больше и больше, начинает медленно спускаться.

Пальцы руки скользят по стене, царапают тисненую бумагу. В душе его смешаны недоверие, любопытство, страх; глаза, в зрачках которых отражаются непонятно откуда взявшиеся искорки, похожи на два слабых огонька, погружающихся в черную глубину.

У подножия лестницы он вновь останавливается и оглядывается через плечо, словно ища поддержки у своих обессиленных родителей. Но из их спальни по-прежнему не доносится ни звука. Весь дом погружен в тишину. Не слышно даже голоса, который звал его.

В другом конце того коридора, в котором он сейчас оказался, виднеется слабое свечение, и оттуда тянется струйка пахучего дыма. Очень медленно, с трудом переставляя ноги, он движется на этот свет, пока не останавливается перед закрытой дверью. Теперь он действительно слышит звук — слабое движение, будто дом вздохнул. Возможно, это всего лишь легкий сквозняк.

Пальцы ног купаются в струящемся из-под двери свете; он пристально разглядывает их, стремясь оттянуть момент того, что ему неизбежно предстоит сделать. Неровно мерцающие отблески мягко играют на пальцах. Рука крепко хватается за ручку двери, и на этот раз он не чувствует холода — металл влажный. Или это его ладонь влажна от пота?

Прежде чем повернуть дверную ручку, он вытирает ладонь о курточку пижамы. Но и после этого слабые пальцы скользят по гладкой поверхности, и ему никак не удается крепко ухватиться за ручку и повернуть ее. У него даже промелькнула мысль о том, что кто-то держит дверь с другой стороны и мешает ему открыть ее. Но вот наконец

дверь открывается. Он заставляет себя войти внутрь, и лицо его заливает мерцающий свет.

В комнате горит множество свечей — их пламя колеблется, изгибается от ворвавшегося в открытую дверь воздуха, и аромат воска окутывает мальчика у входа. Тени мгновенно растворяются, но едва лишь пламя огромного количества свечей успокаивается, тени возвращаются вновь, по-своему приветствуя мальчика.

В дальнем конце комнаты на покрытом кружевной скатертью столе стоит гроб. Маленький детский гробик.

Не сводя с него взгляда, мальчик идет дальше.

Ноги его словно налиты свинцом, но он с широко распахнутыми глазами приближается к открытому гробу. В неверном свете свечей на лбу его поблескивают капельки пота.

Он не хочет заглядывать в гроб. Он не хочет видеть покоящееся в нем тело. Но выбора у него действительно нет. Он всего лишь ребенок, и разум его открыт для самых невероятных возможностей. В душе столь юных существ оптимизм может иногда приобретать весьма причудливые формы, но тем не менее он весьма им свойствен. Голос прошептал его имя, и он откликнулся на зов, у него были свои причины, чтобы попытаться понять непостижимое.

Он подходит все ближе и ближе, и постепенно взору его открывается фигура, лежащая в гробу, обитом изнутри шелком.

На ней платье, какие обычно надевают девочки на первое причастие, с бледно-голубым бантом на груди. Она немного старше мальчика. Руки ее сложены на груди, как для молитвы. Темные волосы обрамляют мертвое лицо, и в этот момент она словно воплощает спокойствие и похожа на спящего невинного ребенка. Хотя она лежит абсолютно неподвижно, играющий в уголках рта свет создает впечатление, что она изо всех сил старается подавить улыбку.

Но мальчик, несмотря на свое нежелание поверить в это, знает, что в этой бледной оболочке нет жизни. Даже более, чем ее неожиданное и мучительное отсутствие, в этом его убедили все те горестные и печальные обряды,

которые происходили в последние два дня и еще не были завершены. Он наклоняется к ней совсем близко, лоб его морщится от отчаяния и тоски. Он хочет произнести ее имя, но горло перехватывает от чувства беспредельной жалости. Он моргает, пытаясь прогнать слезы. Он склоняется еще ниже, будто осмеливаясь вдруг поцеловать мертвую сестру.

Неожиданно ее глаза широко распахиваются.

Она улыбается, и лицо ее внезапно теряет свою невинность.

Рука ее вздрагивает, словно в стремлении коснуться его.

Мальчик застывает на месте. Рот его раскрывается, губы растягиваются, обнажая зубы, и лишь через одно-два мгновения с губ срывается замерший на них крик, который затем переходит в визг и разрезает царящую в доме мертвую, звенящую тишину.

Крик его постепенно стихает, растворяется в воздухе, в то время как разум ищет убежища за черной стеной забвения...

1

...Глаза его открыты, и одновременно с пробуждением возникло ощущение неуверенности и неопределенности. Металлический стук колес о рельсы, ритмичное покачивание вагона прогнали последние остатки сна. Он раз или два моргнул, избавляясь от смутной череды образов, не имевших ни формы, ни содержания. Дэвид Эш глубоко вздохнул и повернул голову к окну, следя за проносящимся мимо пейзажем.

Поля были пусты. Листья, еще недавно желтые и хрупкие, теперь намокли и завяли. Они скапливались под деревьями — словно прокаженные, от которых отказались их хозяева. То тут, то там у подножий и на склонах холмов возникали вдруг одиночные постройки или группы домов, но они выглядели чем-то чужеродным на фоне окружающего ландшафта. Позднее осеннее небо было серым и столь

же материальным, как и земля, над которой оно простиралось, почти касаясь вершин холмов и смягчая их очертания.

Поезд вошел в туннель, и стало совершенно темно, стук колес превратился в оглушительный грохот. Вспышка света, человек, одиноко сидящий в купе, освещенный крохотным языком пламени.

Эш потушил зажигалку, и красный кончик сигареты сделал еще более густыми тени возле его скул и лба. Пристально вглядываясь в темноту, он пытался вызвать в памяти сон, заставивший его дрожать в ледяном ознобе. Но сон был, как всегда, неясным, ускользающим. Он выпустил колечки дыма, недоумевая, почему он так уверен в том, что это был все тот же сон — сон, после которого он всегда испытывал одни и те же ощущения. Возможно, причиной тому был слабый запах воска, витавший в воздухе, точнее в его воображении, после этого сна, а быть может, все дело в сердцебиении, которое никогда не удавалось быстро унять. Или, может, уверенность основывалась на невозможности вспомнить детали этого сна.

В купе вновь ворвался дневной свет — поезд мчался через какую-то забытую Богом станцию. Радуясь этому отвлекающему обстоятельству, Эш подумал, что когда-нибудь между городами и населенными пунктами вообще не останется промежуточных остановок и железная дорога превратится в широко разветвленную сеть, требующую минимального обслуживания. Что станет тогда с этими заброшенными станциями? Будут ли все так же выстраиваться вдоль платформ похожие на призраков пассажиры? Будет ли все так же звучать из динамика предупреждение «Двери закрываются»? Поглощенные бетоном и деревом образы будут воспроизведены и вернутся через много лет после того, как они существовали в действительности, когда окружавшие их реалии уже исчезнут. Такова была одна из принятых в Институте теорий относительно «призраков» и одна из тех, которые он сам считал правильными и наиболее приемлемыми. Не окажется ли это предметом его нового исследования? Быть может, и нет; существует мно-

жество других объяснений так называемого феномена, так что выбор велик. Он следил за лениво поднимавшимся вверх сигаретным дымом.

Поезд с грохотом промчался через переезд. За шлагбаумом стояла одна-единственная машина, напоминавшая маленького зверька, лишенного способности двигаться, загипнотизированного пробирающимся мимо хищником.

Эш взглянул на наручные часы. Должно быть, уже недалеко, утешал он себя. Во всяком случае, путешествие оказалось спокойным, у него даже была возможность поспать... Хотя нет, не таким уж спокойным. Этот сон — хотя он не мог вспомнить его содержание — несколько взбудоражил его. Как и всегда после сна, который он никак не в силах был воспроизвести в памяти, Эш ощущал тупую боль в голове. Он слегка нажал кончиками пальцев на внутренние уголки глаз, чтобы снять боль. Не помогло, хотя он был уверен, что непременно подействует,— безотказное средство. В поезде не было вагона-ресторана, а потому выпить было негде. Может, оно и к лучшему — едва ли ему удастся произвести благоприятное впечатление на клиента, если при первой же встрече от него будет разить алкоголем.

Откинув голову на спинку сиденья, он прикрыл глаза. Сигарета свободно повисла в уголке рта, пепел падал прямо на помятый пиджак.

Поезд мчался вперед по сельской местности, время от времени останавливаясь на станциях, где те или иные пассажиры покидали его и редко кто садился в вагоны. За окнами купе мелькали поля, холмы и пастбища, над которыми нависло мрачное, окутанное тучами небо; кое-где встречались редкие городки и поселки.

Наконец поезд замедлил ход и остановился на маленькой сельской станции под названием Рэйвенмур — путешествие Эша закончилось. Он быстро поправил узел галстука и накинул пальто, лежавшее на противоположном сиденье. Сняв с багажной полки чемодан и портплед, поставил их на пол и распахнул дверь купе в тот момент, ко-

гда поезд в последний раз со скрежетом дернулся и окончательно замер.

Спустившись на платформу, он повернулся, взял багаж и локтем захлопнул дверь. Он оказался единственным, кто вышел из поезда на этой станции. Она была совершенно пуста, безжизненна, и его вдруг охватило странное чувство, что станция уже превратилась в призрак. Эш потряс головой, чувствуя себя сконфуженным и смущенным,— только ему могла прийти в голову подобная мысль. Впереди, на дальнем конце платформы, возникла фигура в форме — человек вышел из дверей здания, поднял руку и махнул ею в сторону машиниста. Поезд тронулся и стал набирать ход, а человек вновь скрылся внутри, уже не заботясь о том, чтобы состав благополучно покинул станцию. Прежде чем войти в одноэтажное станционное здание, Эш подождал, пока последний вагон скрылся из вида и мерный стук колес замер вдали. И лишь после того как поезд исчез за поворотом, он переступил порог темного кассового зала.

Внутри никого, дежурного нигде не видно. Возле пластикового окошечка кассы стояла пожилая пара, мужчина наклонился и беседовал с кассиром через узкую щель для подачи денег, не желая почему-то воспользоваться расположенной выше специальной решеткой для переговоров. Эш вышел на дорогу по другую сторону здания.

Ни одной машины и никого, кто встретил бы его. Он нахмурился, поставил багаж на край тротуара и взглянул на часы. Эш простоял на месте несколько минут, внимательно оглядывая дорогу, служившую, по всей вероятности, главной улицей поселка. Он увидел несколько магазинов, непременное здание Строительной ассоциации, почту и прямо перед собой, на другой стороне — гостиницу «Рэйвенмур». Закурив очередную сигарету, он сунул руки в карманы и принялся ждать хоть какую-нибудь попутную машину. Однако тщетно. Эш ходил взад и вперед по тротуару, мучаясь от холода и жажды.

Прошло еще минут десять. Пожав плечами, Эш подхватил чемодан и портплед и перешел пустынную дорогу.

За дверью гостиницы располагался холл, по обе стороны которого были двери, ведущие в бары. Эш вошел в один из баров, посетители которого едва удостоили его своим вниманием. Время ленча было в самом разгаре, но Эш без труда отыскал свободное место возле стойки и тут же поймал на себе взгляд бармена. Широколицый человек прервал разговор с одним из завсегдатаев и бросился приветствовать нового посетителя, всем своим видом демонстрируя гостеприимство радушного хозяина.

— Что желаете, сэр? — спросил он, и в голосе его сквозила некоторая холодность по отношению к клиенту, не относящемуся к числу завсегдатаев бара.

— Водку,— спокойно ответил Эш.

— Что-нибудь еще?

— Лед.

Хозяин окинул его внимательным взглядом и лишь после этого повернулся к рядам бутылок. Поставив бокал перед Эшем, он бросил туда два кубика льда из стоявшего рядом ведерка.

— С вас...

— И пинту лучшего пива.

Бармен повернулся, чтобы налить ему пива, а Эш тем временем бросил на стойку две монеты по фунту и сделал большой глоток водки, разом отпив почти половину. Оперпись на стойку, он сел вполоборота и оглядел помещение. Интерьер не был типичным для вокзальных забегаловок: низкие балки потолка, большой камин, полку которого украшали блестящие медные конские головы, были выдержаны в сельских традициях. Из угла холодными немигающими глазами на Эша внимательно смотрел худой человек в плоской шляпе, с обветренным лицом синевато-красного цвета. Трое вполне делового вида людей за уставленным холодными закусками столом дружно рассмеялись какой-то сказанной вполголоса шутке. Возле двери, тесно прижавшись друг к другу бедрами, сидела среднего возраста пара. Они увлеченно беседовали и походили скорее на любовников, чем на супругов. У камина расположилась компания

в твидовых костюмах и перчатках. Мужчины слушали болтовню своих спутниц, потягивая джин с тоником и размышляя о достоинствах (или недостатках) одинокой жизни. В целом атмосфера была наполнена гулом голосов, дымом трубок и сигарет и едким запахом пива. Завсегдатаи чувствовали себя здесь спокойно и уютно, в то время как постороннему человеку обстановка казалась враждебной и чужой.

Заказанная пинта пива появилась на стойке, и Эш снова повернулся к хозяину.

— У вас есть телефон?

— Там, за дверью, через которую вы вошли,— кивнул бармен.

Эш поблагодарил его и взял сдачу. Он отнес свой багаж к столику возле окна и вернулся за напитками. Прежде чем взять их, он отпил немного пива вместе с пеной, потом поставил его и водку на столик. Сбросив на ходу пальто, Эш направился к двери, прихватив с собой бокал с водкой.

Телефон-автомат находился в конце вестибюля. Эш порылся в карманах, отыскивая монетки, и разложил их на полке возле телефона. Перебрав их пальцем и найдя десятипенсовик, он опустил его в щель, потом набрал номер, и когда на другом конце ему ответил женский голос, слегка подтолкнул монетку, чтобы она пролетела вниз.

— Дженни? Это Дэвид Эш. Будьте любезны, соедините меня с Маккэррик.

Зазвонил телефон примерно в сотне миль отсюда в одном из кабинетов Института психологических исследований. Вдоль стен помещения стояли полки, заполненные книгами о парапсихологии и различного рода аномальных явлениях, а также папками, содержащими описания конкретных примеров разных типов феноменов. В нескольких промежутках между полками располагались высокие шкафы для хранения документов. Напротив распахнутой двери стоял заваленный бумагами, журналами и справочниками письменный стол; другой, поменьше, на котором царил такой же беспорядок, приютился в углу. Кабинет,

до отказа набитый всякого рода печатной продукцией, в настоящий момент был пуст. Телефон настойчиво продолжал трезвонить, пока в коридоре наконец не послышались быстрые шаги. В кабинет торопливо вошла женщина уже довольно почтенного возраста. На ней было пальто, а щеки горели румянцем от холодного уличного воздуха и быстрого подъема на второй этаж. В руках она держала большую сумку и пухлый конверт большого формата. Женщина быстрым движением схватила трубку.

— Кабинет Кейт Маккэррик,— задыхаясь, произнесла она.

— Кейт?

— К сожалению, мисс Маккэррик сейчас нет.

— А когда она будет? — разочарованно спросил Эш.

— Дэвид, это вы? Это Эдит Фиск.

— Привет, Эдит. Только не говорите мне, что до сих пор трудитесь в офисе.

— Нет,— коротко усмехнувшись, ответила женщина.— Я только что пришла. Мы с Кейт собираемся вместе пообедать. Откуда вы звоните?

— Не спрашивайте. Слушайте, вы не могли бы найти сейчас Кейт?

— Думаю, что...— услышав, что кто-то вошел, Эдит подняла голову.— Дэвид, Кейт как раз здесь, передаю ей трубку.

Кейт Маккэррик с улыбкой протянула руку и вопросительно подняла брови.

— Это Дэвид Эш,— пояснила пожилая женщина.— Он, кажется, сердит и раздражен.

— А когда он бывает другим? — фыркнула в ответ Кейт и, взяв телефонную трубку, обошла стол и уселась в свое кресло.— Привет, Дэвид!

— Ну и где же те, кто должен был меня встретить?

— В чем дело? Где ты?

— А где, черт возьми, ты думаешь, я могу быть? В Рэйвенмуре, конечно. Ты уверяла, что меня встретят на станции.

— Так и должно было быть. Подожди минутку, я найду письмо.

Кейт вышла из-за стола и направилась к шкафу с документами. Быстро перебрав закладки с именами, она остановилась на той, где было написано «Мариэлл». Взяв папку, Кейт вернулась к столу и раскрыла ее. Внутри было всего два письма.

— Кейт, будь добра...— донесся до нее из трубки раздраженный голос Эша.

Кейт взяла трубку.

— Вот оно, передо мной... Да, все правильно. Некая мисс Тесса Вебб уверяет, что встретит тебя на станции в Рэйвенмуре. Ты сел в поезд, отправившийся в 11.15 с Паддингтона, так ведь?

— Да, я сел в этот поезд. И в пути не было никаких задержек. Ну и где же эта леди?

— Ты звонишь со станции?

На том конце провода несколько мгновений молчали.

— Ну-у-у... нет, не оттуда. Здесь через дорогу есть забегаловка.

Голос Кейт посуровел.

— Дэвид...

В кабачке в Рэйвенмуре Дэвид в это время допил остатки водки и встряхнул бокал, гоняя по нему кубики льда.

— Ради Бога, Кейт, сейчас время ленча,— ответил он в трубку.

— Да, некоторые во время ленча едят.

— Только не я и не на пустой желудок. Так что мне прикажешь делать?

— Позвони в тот дом,— хмурясь, ответила Кейт.— Номер их телефона у тебя с собой?

— Ты мне его вообще не давала.

Она быстро просмотрела лежащие перед ней письма.

— Да, извини. Мисс Вебб ни в одном из писем его не указывает. Мы говорили с ней по телефону, но звонила она мне сама. Я совершила глупость, не узнав у нее номер домашнего телефона. Но ты можешь найти его в телефон-

ной книге — посмотри на фамилию Мариэлл. Насколько я поняла, мисс Вебб — родственница хозяев дома или даже секретарь. Усадьба называется Эдбрук.

— Да, у меня где-то есть адрес. Я позвоню.

— Дэвид...— тихо позвала Кейт.

Прежде чем повесить трубку, Эш минуту в нерешительности помедлил.

— После того как ты до них дозвонишься,— продолжила Кейт,— почему бы тебе не подождать на станции?

Дэвид устало вздохнул.

— Я порчу репутацию Института, не так ли? О'кей, это моя первая и последняя на сегодня порция спиртного. Поговорим позже, ладно?

Эдит заметила, что у ее начальницы несколько озабоченная улыбка.

— Хорошо, Дэвид,— ответила Кейт.— Удачной охоты.

— Всего хорошего,— холодно попрощался Дэвид.

Кейт задумчиво положила трубку на аппарат.

— Что-то не так? — встревоженно подалась вперед сидевшая по другую сторону стола Эдит.

Кейт подняла голову, и ее милое, симпатичное личико осветилось улыбкой.

— Нет, с ним все будет в порядке. Просто наши клиенты не встретили его. Вероятно, какая-то путаница во времени или она просто опоздала.— Она порылась на столе, отыскала заваленную бумагами книгу регистрации заказов.— У вас сегодня два сеанса, Эдит,— снова заговорила она, открыв нужную страницу.— Недавно овдовевшая женщина и пожилая пара, желающая подтвердить факт смерти сына. Представляете, он числится среди пропавших без вести еще со времени конфликта у Фолклендских островов.

— Бедняжки,— Эдит печально покачала головой.— Столько лет полной неизвестности. Они хотят, чтобы я определила, где обитает его дух?

— Я посвящу вас во все детали за ленчем,— кивнула Кейт, вставая и отодвигая кресло.— Лично я сейчас готова

съесть целую лошадь. Но я полагаюсь на вас и надеюсь, что вы меня вовремя остановите.

— Может быть, мы ее просто поделим?

— Ну, в этом деле вы плохой помощник, Эдит.

Женщина-медиум улыбнулась.

— Нам просто придется во время еды напоминать друг другу о необходимости подсчитывать калории. А это вполне возможно при наличии нескольких лишних фунтов. А по пути вы мне расскажете о нашей вдовушке...

Эш водил пальцем по строчкам телефонного справочника, найденного на полке под телефоном. Он что-то бормотал себе под нос, пытаясь отыскать эту черт знает куда подевавшуюся фамилию Мариэлл. Он переворачивал страницы, ища другие варианты написания фамилии. Возможно, два «р»? Нет, такой тоже нет. Он перелистал справочник, отыскивая фамилию Вебб. Нашел несколько, но ни одной с именем Тесса. И ни один из обладателей фамилии Вебб не жил в Эдбруке. На всякий случай он просмотрел все на букву «Э», но Эдбрука там тоже не оказалось. Эш чертыхнулся. Эта мисс Вебб должна была предупредить Кейт, что их телефона нет в справочнике.

Он уже готов был со злостью захлопнуть справочник, когда почувствовал легкое прикосновение к своему плечу и вздрогнул от порыва холода, ворвавшегося в открытую дверь.

2

Она была невысокого роста, темноволосая, с белой кожей и тонкими чертами лица. Она улыбалась, однако натянуто и тревожно.

— Дэвид Эш?

Он кивнул, к своему удивлению на миг лишившись дара речи. Теперь в ее глазах сверкали веселые искорки.

— Вы мисс Вебб, если не ошибаюсь? — наконец смог произнести он.

— Ошибаетесь,— ответила девушка.— Я — Кристина Мариэлл. Мисс Вебб — моя тетя. Я уговорила ее позволить мне встретить вас на станции и доставить в усадьбу.— Она изучающе смотрела на него, слегка склонив голову набок.— Извините, что опоздала.

Эш откашлялся и почувствовал вдруг, как напряглось все его тело, но все же улыбнулся ей в ответ.

— Все в порядке. Так или иначе, мне необходимо было подкрепиться.

Одета она была очень просто. Длинное облегающее пальто сзади заметно приподнималось на уровне груди, плечи подчеркивались, но не слишком, воротник плотно охватывал шею. Он не мог понять, то ли она ультрасовременна, то ли безнадежно старомодна,— он во всем этом плохо разбирался.

— Я очень хотела первой встретиться с вами,— сказала она, словно извиняясь за свое присутствие.

— Вот как? — удивленно отозвался Эш.

— Ведь это так здорово! Я имею в виду охоту за привидениями.

— Я бы не сказал. А откуда вам известно, кто я?

Девушка показала ему книгу, с обложки которой на него смотрела его собственная черно-белая фотография.

— Вы известная личность,— пояснила она.

— Действительно,— усмехнулся Эш.— Я продал около трехсот экземпляров. Могу я предложить вам выпить?

— Мои братья с нетерпением ждут вас в усадьбе. Нам и правда нужно ехать.

Эш постарался скрыть свое разочарование.

— Ну, если вы в этом уверены... тогда позвольте мне пойти и забрать свой багаж из бара.

— Я подожду на улице,— сказала она, обернувшись на ходу.

Эш озадаченно посмотрел ей вслед. Потом пожал плечами и направился в бар. Прежде чем взять чемодан и портплед, он допил свою пинту пива, потом кивнул худому муж-

чике с красным лицом, по-прежнему сидевшему в углу и безразлично наблюдавшему за ним из-под полей плоской шляпы. Наконец Эш снова вышел в вестибюль, а оттуда через главную дверь на улицу, в холодный осенний день.

Он остановился и с восхищением оглядел машину, за рулем которой ждала его Кристина Мариэлл. Эту модель он не видел уже много лет, да и прежде только в специальных журналах, посвященных старинным машинам. Корпус и колеса «Уолсли» были, судя по всему, в прекрасном, можно сказать, идеальном состоянии, мотор работал ровно, мягко выбрасывая из выхлопной трубы легкий дымок. Девушка перегнулась через сиденье и открыла дверь со стороны пассажирского места, улыбкой приглашая его в салон.

Эш забросил чемодан на заднее сиденье и поудобнее устроился на переднем, положив портплед на колени.

— Редкая машина,— сказал он.— Не думаю, что автомобилей того времени осталось много.

Не ответив, она включила первую скорость и выруливала на полупустую дорогу. Лишь отъехав на некоторое расстояние, она снова заговорила.

— А какая машина у вас?

— Ну-у-у... в данный момент никакой. Мне разрешат снова сесть за руль только через четыре месяца.

В брошенном на него взгляде он заметил одновременно удивление и веселые искорки.

— Не думаете же вы, что я по собственной воле отправился сюда поездом?

Кристина вновь повернулась и внимательно смотрела на дорогу, но на губах ее по-прежнему играла легкая улыбка.

— Ну, рассказывайте,— потребовал Эш.

Она казалась несколько озадаченной, но продолжала улыбаться.

— Рассказывать о чем?

— О том, почему ваша семья так настаивала, чтобы именно мне поручили эту работу.

Девушка не отрывала взгляда от дороги.

— Вы сумели завоевать высокую репутацию в решении такого рода таинственных загадок паранормальных явлений.

— Я предпочитаю называть их нестандартными,— он поправил на коленях портплед и вытянул ноги.— В Институте работают многие исследователи, и они ничуть не хуже меня.

— Уверена, что некоторые из них вполне квалифицированные специалисты, но все же вы — лучший из всех. Мой брат Роберт наводил подробные справки, прежде чем пригласить вас. И вас особенно рекомендовала миссис Макэррик. Кроме того, мы читали ваши статьи, посвященные пара... — она издала короткий смешок,— простите, нестандартным явлениям, и, конечно же, вашу книгу.

— Кто это мы? — заинтересовался Дэвид.

— Мои братья — Роберт и Саймон. Даже нянюшка проявила к этому интерес.

— Нянюшка?

— Няня Тесс, моя тетя...

— Мисс Вебб?

Кристина кивнула.

— Нянюшка воспитывала нас после смерти родителей. Или, наоборот, это мы заботились о ней — не знаю, что более соответствует истине.

Машина выехала на окраину, и теперь по обеим сторонам дороги попадались лишь редкие дома. Приземистое здание церкви возвышалось над рядами могил, словно каменный путь на Небеса. Какая-то фигура в черном, застывшая в безмолвном горе, подняла голову, когда машина проезжала мимо, и они увидели бледное лицо, такое же холодное и суровое, как и могильные камни вокруг.

— И все вы испытали это на себе... вас всех преследовали призраки? — спросил Эш, вновь обращаясь к девушке.— Кажется, именно так выразилась мисс Вебб в своих письмах, присланных в Институт. Вы все испытали на себе этот феномен?

— О да! Первым увидел Саймон...

Дэвид поднял руку.

— Нет, не сейчас. Не говорите мне ничего. Для начала посмотрим, что мне удастся обнаружить самому.

— Но вы не будете знать, что именно следует искать.

Эш заметил, что волосы ее на самом деле золотисто-каштановые и оттенок их зависит от освещения. А глаза у нее голубые с сероватым отливом.

— В данный момент в этом нет необходимости,— объяснил он.— Если вас и в самом деле преследуют призраки, я в скором времени это выясню. Или вы сомневаетесь во мне?

— Вы не нуждаетесь даже в намеках? — снова улыбнулась она.

— Ни капельки,— улыбнулся он в ответ.— Во всяком случае пока.

Две таблетки оказались на удивление противными на вкус и напоминали раздутые шарики, которые невозможно проглотить. Эдит сделала большой глоток «Перье», смывая внутрь эту гадость. «Вот так-то, дьяволы, — подумала она,— хватит издеваться надо мной, лучше займитесь своим делом и заставьте старую кровь двигаться побыстрее».

Она с улыбкой поблагодарила официанта, поставившего перед ней тарелку с филе тунца, и взглянула на сидевшую напротив Кейт, которая угрюмо изучала салат из анчоусов с яйцом. Эдит покачала головой.

— Мне бы следовало мучить всей этой здоровой пищей только себя,— несколько виноватым тоном произнесла она.

— Это расплата за то, что во время уик-энда я позволила себе лишнее,— ответила Кейт, выжимая лимон на зеленые листья салата.— И все же одно дело — искупление грехов, и совсем другое — мазохизм.— Она отпила большой глоток белого вина и пожала плечами.— Это вполне компенсирует неудобства.

Эдит приветственно подняла бокал с «Перье», словно это было шампанское. Она вдруг заметила мелкие мор-

щинки, разбегавшиеся от уголков глаз Кейт, отвердевшую линию рта, свидетельствующие о том, что «юность» уступает место «зрелости». Что ж, сорок лет теперь не возраст для женщины, а внешняя привлекательность останется с Кейт и в пожилом возрасте — таково ее свойство. «Не то что я,— подумала Эдит, никогда не обладавшая такими чертами лица, которые ей хотелось бы сохранить до конца жизни.— Для некоторых людей, и для меня в том числе,— размышляла она,— возрастные изменения можно расценивать как награду, ибо "внешняя некрасивость" с годами становится менее заметной, сглаживается. Может быть, это одна из причин того, что все старики так похожи друг на друга: физические свойства как бы уравниваются, возвращая их к почти одинаковому для всех состоянию при рождении».

— Эдит, вы витаете сейчас где-то очень далеко,— прервал ее мысли голос Кейт.

Медиум заморгала глазами.

— Извините меня, в последнее время я что-то часто задумываюсь.

— Для медиума в этом нет ничего странного.

— Наши мысли требуют руководства и контроля.

— Но не всегда же. Не забывайте, сейчас время ленча, а потому вы можете расслабиться.

— Брать пример с вас? — подтрунивающе спросила Эдит.— Когда вы в последний раз позволяли себе полностью расслабиться, Кейт?

Молодая женщина, казалось, искренне удивилась.

— У меня в этом плане вообще нет никаких проблем. Вам следовало бы видеть меня, когда я дома.

— Сомневаюсь. В Институте всегда так много работы, а тем более сейчас, когда на носу конференция парапсихологов...

— Да, каждый год эта конференция доставляет нам массу забот, а уж тем более когда мы являемся принимающей стороной.

— Вы сейчас принимаете участие во многих исследованиях?

— Большинство так называемых паранормальных явлений оказываются самыми обычными, вызванными естественными причинами, хотя обстоятельства иногда бывают неординарными. Как правило, нашим сотрудникам требуется всего лишь несколько часов, чтобы это установить.

— Но в других случаях необходимы недели и даже месяцы напряженной работы.

— Да, это правда. Но если говорить честно, именно такие ситуации нравятся нам больше всего.— Кейт разрезала яйцо и принялась за еду.— Кстати, тот случай, над которым работает сейчас Дэвид, может оказаться очень интересным. Там могут быть настоящие призраки. Надеюсь, Дэвид сумеет сделать все как следует.

— Вы тревожитесь о нем? — спросила Эдит, беря в руки вилку и нож и чуть наклоняясь вперед.

— Меньше, чем обычно,— смущенно улыбнулась Кейт.

— И как это понимать? Значит ли это, что вы уже не так влюблены в него, как прежде, или что он наконец остепенился?

— Вот уж не думала, что о наших отношениях всем все известно.

— А зачем делать из этого тайну? Вы разведены, он холост, вы часто и подолгу бываете вместе — достаточно веские основания для того, чтобы люди пришли к такому выводу.

— Наши отношения никогда не были столь серьезными,— покачала головой Кейт.— Думаю, это можно назвать не более чем эпизодическими встречами.

— И теперь эти эпизоды случаются все реже?

— Значительно реже.

Эдит попробовала рыбу и удержалась от искушения добавить соли.

— Он очень необычный человек,— помолчав, сказала она.— Меня удивляет, что вы потеряли к нему интерес.

— Я этого не говорила.

— Значит, он...

— Дэвид иногда чересчур рационален и поглощен собой, чтобы у него еще оставалось время на какие-то отношения.

— А может быть, он чересчур поглощен работой? — предположила Эдит.

— Это почти одно и то же.

Пожилая женщина некоторое время обдумывала ответ собеседницы.

— Я вас понимаю... У него такое сильное предубеждение ко всему, что связано со спиритизмом... Я иногда удивляюсь, как нам с ним удается оставаться друзьями.

Кейт с улыбкой коснулась руки медиума.

— В этом нет ничего личного, Эдит. Он воспринимает ваш душевный склад как неправильно ориентированный, но вполне искренний по своей природе. Мне кажется, что он высоко ценит вашу способность утешить тех, кто потерял своих близких. Он ненавидит жуликов и шарлатанов, тех, которые обманывают людей ради собственной выгоды. Но вы совсем не такая, и он это хорошо знает. Он убежден, что вы действительно помогаете тем, кто в этом нуждается.

— И как только вам это удается, Кейт? Заставить мирно сосуществовать под одной крышей такие разные направления деятельности.

— Исследования, проводимые Институтом, требуют баланса в этом вопросе. Для того чтобы совершить настоящие открытия в области паранормальных явлений, нам необходимы люди от природы здравомыслящие и трезво рассуждающие, такие как Дэвид.

— Даже если он упорно отрицает факты независимо от их очевидности? — Эдит понизила голос, потому что за соседний столик усаживалась пара. Ресторан был полон, в воздухе витал гул голосов, вокруг царила суета.— Многие из таких, как я, терпеть его не могут за то, что он вечно

нападает на нас. Они воспринимают его как угрозу своим способностям и авторитету.

— Но другие — и их тоже много, это люди посторонние — считают такое отношение единственно правильным. Будем откровенны, Эдит, у него есть весьма основательные данные и факты, а также огромный опыт в разоблачении всякого рода обманов и в объяснении появления призраков и других феноменов вполне рационально и материалистически.

— У меня такое впечатление, что вы на стороне неверующих скептиков.

— Вы слишком долго меня знаете, чтобы и в самом деле так думать. Но как директор Института я обязана прислушиваться как к логичным, так и к алогичным точкам зрения. Неужели вы не понимаете этого?

— Конечно же понимаю,— ответила Эдит и с веселой искоркой в глазах добавила: — Мне также хорошо известно, как часто вы встаете на сторону логики, когда внутренний голос диктует вам прямо противоположное.

Кейт рассмеялась и в знак согласия подняла свой бокал. Сделав несколько глотков, она вновь без всякого энтузиазма принялась за салат.

Когда Эдит вновь заговорила, лицо ее было серьезным.

— Но ведь проблема Дэвида, его конфликт, гораздо глубже.— Она положила на стол нож и вилку и сделала еще глоток воды, в то время как Кейт не сводила с нее взгляда.

— Я не понимаю, о чем вы,— сказала наконец Кейт.

— Разве? Но вы, несомненно, догадываетесь. Ведь вы его так хорошо знаете, что не могли этого не заметить!

— Эдит, к чему вы клоните? — мягко спросила Кейт.— Вы хотите сказать, что все это время Дэвид скрывал от меня какую-то страшную тайну? Что-либо запертое за семью замками, например свой возраст? Уверяю вас, вы в корне ошибаетесь...

Эдит с улыбкой подняла вверх руку.

— Кейт, дорогая, я верю вам. Я имею в виду совсем другое. Неужели вам никогда не приходило в голову, что Дэ-

вид обладает особым даром? Или, может быть, это лучше назвать проклятием? — Она тряхнула головой.— Его экстрасенсорные возможности жестоко подавлены, глубоко скрыты, но они, несомненно, есть. И проблема в том, что он не хочет признаться в этом даже самому себе. Только я не понимаю, зачем он это делает.

— Вы ошибаетесь,— возразила Кейт.— Все, что он делает, говорит...— Она раздраженно взмахнула рукой.— Он всю жизнь посвящает тому, чтобы опровергать такого рода вещи.

Эдит усмехнулась.

— Простите мне мои слова, Кейт, но познавать душу другого человека — занятие очень увлекательное. Я много раз проникала в мысли Дэвида, но ему всегда удавалось очень быстро изгнать меня из своего разума. У него есть нечто вроде автоматического выключателя.— Эдит задумчиво перебирала вилкой еду в тарелке.— Вы только представьте себе, какое смятение царит в его бедной голове! Как вы правильно сказали, он посвятил многие годы опровержению того, что сам в душе подсознательно считает правильным и реально существующим.

— Не могу согласиться с вами, Эдит. Для такого рода душевного расстройства Дэвид чересчур уравновешен и хладнокровен.

— Уравновешен? — переспросила медиум, глядя Кейт прямо в глаза.— Так ли это? Неужели вы действительно в этом уверены, Кейт?

Молодая женщина ничего не ответила, но ее неуверенность была очевидна.

3

«Уолсли» мчался по сельской равнине, и чувствовалось, что девушка, сидевшая рядом с Эшем, достаточно опытный водитель, хотя Дэвид предпочел бы ехать чуть помедленнее. По обе стороны дороги стояли густые леса, жилье встречалось довольно редко. На одном из перекрестков им

попалась телефонная будка с разбитыми стеклами, вокруг которой росла высокая трава. Грач клевал какой-то покрытый шерстью комочек, валявшийся возле обочины. Едва лишь машина проехала, птица подскакала к краю дороги, держа что-то в клюве. В редких просветах между деревьями мелькали немногочисленные поля и холмы.

Эш время от времени посматривал на девушку. Ему нравились нежные черты ее лица, особенно глаза, в которых прятались веселые, озорные искорки. Кристина напевала себе под нос какой-то простой мотивчик, похожий на детскую песенку, и машина, несмотря на преклонный возраст, шла очень легко и безукоризненно слушалась управления. Рука девушки грациозно лежала на руле, как будто ей не приходилось преодолевать никакого сопротивления.

День был унылым и серым, тучи сплошным пухлым покрывалом закрывали небо, их однообразно-свинцовый цвет местами имел более темный оттенок.

Кристина и Эш всю дорогу молчали, но время от времени она с улыбкой поворачивалась в его сторону и тут же вновь уделяла все внимание дороге, не позволяя ему даже ответить взглядом.

Вскоре машина свернула на подъездную аллею, у въезда на которую были широко распахнуты массивные, украшенные орнаментом ворота. Перед ними оказалась посыпанная гравием и давно требующая ремонта дорога. После небольшой полоски леса по обе стороны дороги простирались поля и лужайки, но чем ближе «Уолсли» подъезжал к дому, тем все более замысловатым становился окружающий ландшафт. Цветочные клумбы, подстриженные газоны и живая изгородь представляли собой живописное зрелище и были сделаны таким образом, что с разных точек выглядели по-разному. Дом стоял вдалеке от газонов и лужаек, и создавалось впечатление, что архитектор стремился сделать так, чтобы здание не сливалось с окружающей природой, а доминировало над ней. Эдбрук производил неизгладимое впечатление: построенный из серого камня, он поражал холодной мрачностью, несмотря на полукруглые

выступы и великолепно спроектированные эркеры и стеклянные фонари. Неожиданно в душе Эша что-то дрогнуло, настроение его резко упало, и он почувствовал себя странно усталым. Не отрывая взгляда от дома, он пытался понять, что же с ним происходит.

Кристина остановила машину возле каменных ступеней, ведущих к входу в особняк. Выключив мотор, она выскочила из автомобиля и буквально вприпрыжку взбежала по лестнице к открывающейся двери.

Эш вышел спокойно и степенно, потом наклонился, взял из машины багаж и задержался еще на некоторое время, изучая окружающую обстановку.

В проеме открытой двери стояла женщина, с тревогой вглядываясь в прибывшего исследователя.

— Я опоздала, нянюшка,— услышал он голос Кристины,— но быстро разыскала нашего мистера Эша.

Он поднялся по ступеням, в то время как женщина, которую назвали нянюшкой, еще шире распахнула одну из двух створок двери. При дневном свете хорошо были видны ее седые волосы и морщинистое лицо. Она отступила назад, освобождая путь Кристине и Эшу, который приветствовал ее кивком головы.

— Здравствуйте, мисс Вебб,— произнес он.

Она с беспокойством всматривалась в Дэвида, словно сомневаясь в том, что это действительно он.

— Спасибо, что приехали, мистер Эш,— наконец ответила она, удовлетворенная результатами своего осмотра.

Потребовалось какое-то время, чтобы глаза Дэвида привыкли к сумраку полутемного холла, в котором он оказался. Дневной свет сюда практически не проникал, а темные дубовые панели еще более усугубляли темноту. Холл сужался к концу, где тоже была дверь, а прямо против входа широкая лестница вела на огражденную балюстрадой площадку.

У подножия лестницы стояли в ожидании двое мужчин.

Старшему из них, подумал Эш, должно быть, лет тридцать пять или чуть больше. Он был одет в строгий костюм

с галстуком и первым пошел навстречу Дэвиду, протягивая руку для приветствия.

— Разрешите представиться,— заговорил он, и тон его был столь же официальным, как и его костюм.— Я Роберт Мариэлл, а это мой брат Саймон.

Младший из мужчин приветствовал Эша не столь холодно и сдержанно, как его брат, однако его рукопожатие было вялым и слабым. Белая рубашка с открытым воротом, джемпер с V-образным вырезом и свободного покроя брюки, а также короткая стрижка придавали ему мальчишеский вид.

Внимание Эша привлекло какое-то движение за спинами мужчин. Темнота под лестницей расщепилась, словно кто-то приоткрывал пошире дверь, и тень скользнула вперед. Прежде чем стало ясно, что это собака, послышалось угрожающее рычание.

Эш невольно напрягся. Такого пса ему никогда не приходилось видеть: мощная холка, возвышающаяся фута на два над полом, черная жесткая шерсть, спутанная и не очень длинная, прямоугольной формы голова с плоским черепом и крепкими челюстями. Зверь крадущейся походкой шел навстречу Эшу, не отрывая от него овальной формы глаз.

— А это Охотник,— сказал Роберт Мариэлл, похлопывая собаку по боку. Пес высоко поднял голову, по-прежнему не сводя взгляда с непрошеного гостя.— Не позволяйте ему запугать вас, мистер Эш. Он очень быстро привыкает к незнакомым людям.

— Да, вероятно, если только его недавно покормили,— ответил Дэвид, который не то чтобы очень испугался, но чувствовал себя все же не слишком уютно.

— Мы не позволим ему приставать к вам,— весело расхохотался Саймон Мариэлл.— Уйди, Охотник, отправляйся на место.— Он подтолкнул собаку к открытой двери, и пес безропотно подчинился.

Заметив недоуменное выражение лица гостя, старший из братьев пояснил:

— Это фландрский бувье, мистер Эш. Бельгийская пастушья собака. Не правда ли, весьма необычный экстерьер? Они могут быть невероятно свирепыми, если их разозлить, и их мощь и сила вполне соответствуют внешнему виду. Великолепный помощник в случае необходимости держать на расстоянии нежелательных посетителей.

Только после того как за собакой закрылась дверь, Эш вздохнул свободно.

— Ну а теперь позвольте предложить вам ленч,— сказал Роберт Мариэлл.— После столь долгого путешествия вы, должно быть, голодны.

— О нет, я перекусил в поселке,— возразил Эш.

— Надеюсь, моя сестра не заставила вас ждать слишком долго.

Дэвид улыбнулся в ответ на улыбку Кристины, затем еще раз оглядел холл и галерею наверху.

— Что я действительно хотел бы сейчас сделать, так это распаковать вещи и затем осмотреть дом и его окрестности.

Держа руки в карманах, Саймон вновь присоединился к остальным.

— Но зачем осматривать окрестности? Мы всегда встречали нашего призрака внутри дома.

—. Причиной того, что здесь происходит, могут быть какие-либо внешние факторы,— ответил Эш.

— Подземные источники, оседание грунта, заброшенные туннели...— вступил в разговор Роберт.

— Вы самостоятельно проводили исследование?

— Все это я вычитал в вашей книге, посвященной подобным проблемам. Не думаю, что вам удастся отыскать что-нибудь в этом роде здесь, в нашем парке.

— У вас есть подробная карта поместья?

Саймон, не выдержав, воскликнул:

— Господи! Вам ничего этого не понадобится! Проблема и в самом деле заключена внутри дома. Послушайте, мы должны рассказать вам о том, что видел каждый из нас...

— Нет, Саймон,— возразила ему Кристина,— мистеру Эшу это не нужно. У него совсем другие принципы работы. Он предпочитает выяснить все самостоятельно.

Эш внимательно по очереди оглядел всех присутствующих. Няня Тесс — мисс Вебб — все еще стояла возле двери, словно опасаясь, что он в любую секунду может сбежать.

— Что ж,— наконец произнес он,— скажем так: я люблю сначала прочувствовать атмосферу, настроение, потом выявить все недостатки в устройстве дома, земель вокруг...— Он подошел к одной из стен и постучал костяшками пальцев по обшивке.— Прогнившие балки и скрытые пустоты часто становятся источником огромного числа так называемых проявлений. В нужный момент я непременно побеседую с каждым из вас по отдельности и выясню, что испытали или видели лично вы.

Няня Тесс покинула свой пост возле двери, хотя по-прежнему оставила ее открытой. Когда она заговорила, голос выдавал ее волнение.

— Сколько вам потребуется времени, мистер Эш? Как долго вы здесь пробудете?

— Все будет зависеть от обстоятельств,— ответил несколько обескураженный прямотой вопроса Эш.— Все исследование может быть проведено за один день, а может потребовать и недели. Посмотрим, улыбнется ли мне удача.

— Вы наш гость ровно столько, сколько пожелаете,— мягко сказал Роберт.— Мы крайне заинтересованы в том, чтобы выяснить все до конца относительно этих... э-э-э... неприятных моментов. Возможно, мы обсудим все уже сегодня вечером за ужином, после того как вы завершите предварительный осмотр?

— Меня это вполне устраивает.

— В таком случае я покажу вам вашу комнату,— сказала няня Тесс, и в голосе ее Эшу послышались нотки раскаяния и сожаления.

Эш взял свои вещи, постоянно чувствуя на себе пристальные взгляды хозяев. Он уже пошел было вслед за тетушкой Мариэллов, но его остановил голос Роберта:

— Прежде чем вы приступите к своим исследованиям, мне хотелось бы выяснить еще один момент.

Эш вопросительно поднял брови.

— Ничто из того, что вам удастся здесь обнаружить, не должно выйти за пределы этого дома и официальных отчетов Института экстрасенсорики. Наша семья живет весьма обособленно, и нашим соседям доставит истинное удовольствие посплетничать относительно призраков и полтергейстов в Эдбруке — им дай только тему. И одному только Богу известно, во что превратит эти слухи людская молва.

Эш понимающе кивнул.

— Возможно, мне придется посетить архивы или библиотеку в ближайшем городе, проконсультироваться с властями относительно истории этих мест, но вам не о чем волноваться. Все останется в тайне. Для всех я выполняю лишь инспекцию вашей собственности. И что бы мне ни удалось узнать или обнаружить в процессе своего исследования, независимо от того, сумею или нет я найти объяснение, все останется между вами и Институтом. Если, конечно, вы не измените мнение и сами не решите сделать материалы исследования достоянием общественности.

Он стал подниматься по ступенькам, но голос Роберта вновь заставил его остановиться:

— Значит, вы допускаете, что некоторые явления и обстоятельства не поддаются объяснению? А мне показалось, что вы вообще не верите в существование сверхъестественного как такового.

— Необъяснимое отнюдь не всегда означает сверхъестественное,— ответил Эш терпеливо.— Часто это означает лишь то, что мы не обладаем достаточным количеством знаний, чтобы найти объяснение. Во всяком случае, в данный момент.

Роберт выслушал его с непроницаемым выражением лица, но когда Эш повернулся, чтобы подниматься дальше, он успел заметить многозначительную и таинственную улыбку, которой обменялись Кристина и Саймон.

4

Няня Тесс, слегка ссутулившись, шла впереди него по полутемному коридору, и шаги ее на удивление гулко отдавались на деревянном полу. Воздух был сырым, в нем витал запах пыли — такое впечатление, что окна не открывались уже много лет. В конце коридора шторы были задернуты лишь наполовину, оттуда проникал слабый дневной свет.

Женщина остановилась и пояснила, что ванная чуть дальше по коридору справа, после чего открыла одну из дверей по левой стороне. Пропустив Эша вперед, она остановилась в дверном проеме, наблюдая, как он кладет на кровать свои вещи.

— Извините, что я не встретила вас на станции...— начала она.

Он уже устал от извинений и быстро покачал головой:

— Не беспокойтесь, все в порядке, правда.

— Кристина иногда бывает очень упрямой.— В улыбке мисс Вебб промелькнуло нечто похожее на сожаление.— Она спрятала мои ключи от машины, и потому я не смогла встретить вас.

— Ей так хотелось меня встретить? — удивленно спросил Дэвид.

— Она любит подшучивать. Они все не прочь повеселиться,— ответила няня Тесс задумчиво и грустно, словно вспоминая далекие времена. И вдруг резко распрямилась, стряхивая с себя грезы, и уже совсем другим — резким и решительным — тоном добавила: — Если вам что-либо понадобится, дайте мне знать. Мои комнаты расположены этажом выше. Мы ужинаем в семь часов, так что у вас еще достаточно времени для осмотра дома.

— И парка,— добавил он.

— Да, и парка тоже,— с этими словами она вышла из комнаты и бесшумно прикрыла за собой дверь.

Эш внимательно осмотрел комнату и с облегчением отметил, что она по крайней мере освещается, хотя и не слишком хорошо, дневным светом, проникающим через окно, выходящее на юг. Здесь стояла большая кровать с крепки-

ми спинками и боковинами. Проверив ее на мягкость, Дэвид был приятно удивлен: она оказалась более удобной, чем можно было предположить с первого взгляда. Напротив кровати у стены возвышался массивный дубовый шкаф, а около двери стоял высокий комод. Возле стола с лампой пол покрывал огромный ковер, здесь же было маленькое бюро, на котором тоже стояла лампа. Он подумал, что условия весьма сносные, во всяком случае, чтобы прожить здесь пару дней. Эш не видел оснований задерживаться в доме дольше, хотя и предупредил Мариэллов, что исследование может затянуться. По какой-то ему самому не понятной причине Эш очень надеялся, что этого не случится.

Скинув пальто, он положил его на кровать и стал распаковывать вещи, доставая то, что может пригодиться в исследованиях: магнитофон, два фотоаппарата, один из которых «Полароид», оба со вспышками и экспонометрами, раздвижные штативы, термометры, лупу, рулетку, графитовый порошок и пудру, лабораторные весы и другие полезные предметы, как, например, графитовая бумага, компас, вольтметр.

Разложив все мелкие приспособления по ящикам комода, он оставил оба фотоаппарата и треноги на его верхней крышке. Портативный магнитофон сунул в карман пиджака, а записную книжку — в другой. Свернув плотную ткань, которой были обернуты все хрупкие предметы, Эш закрыл крышку чемодана и защелкнул замки, потом дотянулся и взгромоздил чемодан на шкаф, после чего расстегнул молнию портпледа. Вытащив смену белья и одежду, он переложил все в шкаф, а туалетные принадлежности временно оставил на кровати. Последним предметом, лежавшим на самом дне портпледа, была бутылка водки. Едва он протянул к ней руку, за окном послышался тихий смех.

Отвинчивая на ходу пробку, он подошел к окну и выглянул в парк. Отпив лишь один глоток, он вновь завинтил крышку. Увидев, что кто-то крадучись пробирается сквозь заросли кустарника, Эш нахмурился.

Это был Саймон Мариэлл, он улыбался, присев на корточки и прячась за кустами. Эш заметил, что к нему приближается еще какая-то фигура. Она была одета во все белое, но Эш узнал золотисто-каштановые волосы Кристины, локонами рассыпавшиеся по плечам. Она искала Саймона и окликала его по имени. Она громко рассмеялась, а ее брат пригнулся в кустах еще ниже и даже зажал руками рот, не позволяя вырваться наружу собственному смеху. Эш прильнул к окну, совершенно сбитый с толку этой детской игрой.

Невдалеке от этих двоих шевельнулась еще одна фигура. Кто-то стоял возле дерева, наблюдая за их развлечениями. Совсем юная девушка...

Саймон на четвереньках выбирался из своего укрытия, и это на минуту отвлекло внимание Дэвида. Когда он обернулся к дереву вновь, третья фигура исчезла...

Он опять посмотрел на Кристину и едва по глупости не окликнул ее, чтобы предупредить, что брат крадется в ее сторону. Однако сдержался, хотя костяшки пальцев уже коснулись стекла. Дэвид улыбнулся, развеселившись при мысли о том, что сам едва не оказался вовлеченным в игру.

И все же девушка, словно почувствовав на себе его взгляд, уже оборачивалась в его сторону.

Эш непроизвольно затаил дыхание. Девушка медленно подняла голову вверх, туда, где находилось окно комнаты Эша, и он в замешательстве хотел было отступить назад. Однако вдруг почувствовал, что словно зачарованный буквально прирос к месту в ожидании, когда их глаза встретятся.

Ее профиль возникал так постепенно, что он вдруг поймал себя на том, что мозг его странным образом ускоряет ход собственных мыслей, создавая иллюзию вялости ее движений. Он еще успел поразмышлять о том, кто виноват в этом несовпадении во времени — Кристина или он сам. И кто за кем наблюдает на самом деле.

Она стояла уже боком к нему и лицо ее вот-вот должно было повернуться полностью, когда раздался громкий стук в дверь.

Он вздрогнул и заморгал, инстинктивно отворачиваясь от окна.

Дверь открылась, и в комнату заглянула Кристина.

— Вы уже готовы пойти осматривать дом? — улыбаясь, спросила она.

Эш от удивления лишился дара речи. Он вновь выглянул в окно.

Девушка исчезла. Парк был пуст.

5

В Эдбруке царил холод, и причиной его была не только погода за окнами. Некоторые комнаты и коридоры были сырыми и затхлыми, другие — совершенно пустыми, казалось, что в них уже много лет никто даже не заглядывал. Дом был очень велик, такого типа строения Эшу не раз доводилось обследовать, и он знал, что очень часто хозяйство в подобных домах ведется экономно и на их содержание тратятся весьма скудные средства; это было связано с высокими налогами на наследство, когда поместья переходили из поколения в поколение. Однако Эдбрук вовсе не походил на заброшенный особняк, и едва ли его хозяева особенно заботились об экономии.

Кристина провела Эша по комнатам верхнего этажа и мансарды, потом они спустились вниз и прошли через библиотеку, большую и малую гостиные, кухню, буфетную, столовую и кабинет. Он щупал доски пола, панели на стенах, облицовку каминов и дымоходов, иногда прикладывался ухом к стене и слушал звуки, пытаясь определить их источник, время от времени замирал, чтобы ощутить воздушные потоки и уточнить их направление. У первой ступеньки лестницы, ведущей в подвал, он на минуту замер, вспомнив о том, что где-то там, внизу, обитает бувье. Но Кристина, уже спустившаяся вниз, рассмеялась и укорила его за трусость. Она заверила Дэвида в том, что Охотник ничего ему не сделает, если, конечно, не почувствует, что от него

исходит угроза. Но ведь это абсолютно исключено, не так ли? Эшу, хотя и с опаской, пришлось последовать за ней. Откуда-то издалека донеслось грозное рычание, но сам пес не появился.

По всему подвалу тянулись ряды полок, наполовину заставленные бутылками с вином, которые покрывал толстый слой пыли. Кроме того, здесь хранился всякий хлам: сломанная мебель, часть которой, судя по количеству пыли, валялась здесь очень давно, разбитые скульптуры, пустые рамы от картин. По одну сторону было несколько темных ниш, но что именно находилось в этих нишах, Эш никак не мог определить. Холод здесь стоял ужасный, хотя это вполне соответствовало атмосфере хорошего винного погреба, но что было гораздо важнее для Эша — это свидетельствовало о наличии поблизости подземных ключей или отверстий в прилегающих пластах почвы, через которые проникал ледяной воздух, просачиваясь затем сквозь трещины в старых кирпичах. С исследовательской точки зрения это было весьма интересное место, однако Дэвиду не хотелось задерживаться здесь надолго, главным образом из-за враждебно настроенной собаки Мариэллов.

Эш и Кристина поднялись обратно, и Дэвид испытал несколько неприятных моментов, заметив, что Охотник покинул свое убежище и следует за ними по пятам.

Он с облегчением выбрался из подвала и через кухню и буфетную вышел в парк.

Хотя Дэвиду было трудно разделить восторги Кристины по поводу поместья, он все же мог представить себе, что когда-то Эдбрук служил уютным домом для большой семьи Мариэллов. Что произошло, определить было трудно, но отчасти это было связано со здешней атмосферой, а также с недостатком тепла (причем не только в физическом смысле). Прекрасное место для обитания призраков, решил он, если, конечно, вообще допустить возможность их существования.

Эш оглядел парк и разочарованно отметил, что тот вовсе не так хорошо ухожен, как ему показалось на первый взгляд. И все же планировка, несмотря на некоторое однообразие, представляла собой великолепное сочетание изгибов и линий, а густой лес вокруг создавал прекрасный фон. Дэвид глубоко вдохнул, пытаясь освободить легкие от спертого и затхлого воздуха, которым они наполнились в доме.

— И давно вы занимаетесь охотой за привидениями, мистер Эш? — с лукавой улыбкой спросила Кристина.

— Я не охочусь за привидениями,— совершенно серьезно ответил он.— Я ищу причины возникновения необычных явлений. Кстати, меня зовут Дэвид, и я предпочел бы, чтобы вы называли меня именно так.

— Согласна, Дэвид. Так давно ли вы занимаетесь поисками причин таинственного?

— С самого детства,— с улыбкой ответил он.— Меня всегда интересовали необычные явления, но по-настоящему я увлекся после своего первого сеанса.

— Сколько вам тогда было лет?

— Ну-у-у... чуть больше двадцати.— Он задумчиво покачал головой.— Поверите ли, я в то время был уже инженером-стажером. Одному Богу известно, что заставило меня тогда пойти на этот сеанс,— возможно, любопытство в сочетании со все возрастающим интересом к этому вопросу. Видите ли, хотя я никогда не понимал, почему люди верят в такого рода вещи, мне всегда хотелось узнать о них как можно больше. И тот первый сеанс поистине раскрыл мне глаза.

Кристина остановилась.

— Вам действительно удалось войти в контакт с потусторонним миром?

— Как раз наоборот,— со смехом проговорил Эш.— Медиум был великолепным, и ему на какое-то время даже удалось одурачить меня. Он сумел всех нас убедить в том, что мы видим призрак родственницы одного из тех, кто

присутствовал на сеансе,— его любимой бабушки, которая принялась рассказывать сидевшей рядом со мной женщине обо всех болезнях, которые мучили ее за последние десять лет. Речь шла, конечно, об этой женщине, а не о бабушке, которая со времени своего переселения в мир иной чувствовала себя как никогда прекрасно.

Эш снова покачал головой, предаваясь приятным воспоминаниям. Он продолжал идти по широкой мощеной террасе, и Кристине ничего не оставалось, кроме как стараться не отстать, время от времени заглядывая ему в лицо.

— Вся сцена выглядела весьма странной и причудливой,— продолжал свой рассказ Дэвид.— Я видел какой-то туман, неясную фигуру, возникшую позади медиума, и, должен признаться, почувствовал, как по спине у меня ползет холод. Но меня рассмешили те пустяки, о которых посредством медиума говорила бабуля.— Даже теперь он фыркнул при воспоминании об этом.— Я ожидал чего-то проникновенного, трогающего за душу, возможности взглянуть изнутри на мир, лежащий по ту сторону нашей жизни, понять его спиритическую сущность...

— И?..— терпеливо произнесла Кристина, после того как Эш глубоко задумался и умолк.

— Так вот, все мы услышали, что вставная челюсть дяди Альберта покоится в дерьме под его домом — он уронил ее в унитаз вместе со всем содержимым своего желудка, напившись однажды вечером в стельку. И при всем этом у сидевшей рядом со мной женщины вид был такой, словно она наконец узрела местонахождение Святого Грааля. Я посмотрел на окружавшие меня лица — Боже, до чего все они были серьезными. И тогда я расхохотался, как дикая гиена.— На губах Эша по-прежнему играла улыбка, но тон его стал мрачным.— Не знаю почему, но я вдруг почувствовал удивительное облегчение, словно с меня в одно мгновение свалился тяжелый груз. Я понял, что все это не более чем фарс. Медиуму, естественно, моя реакция не понравилась. Он попросил меня уйти, что я и сделал с огромным

удовольствием. Но прежде чем переступить порог, я включил свет — не знаю, не то от злости, не то из простого любопытства.

Они прошли мимо французских окон гостиной, где, насколько Эш мог судить, в тот момент никого не было. Над ними возвышался серый и мрачный, погруженный в тишину Эдбрук. Дэвид поспешил отойти подальше от этого величественного сооружения, в тени которого он чувствовал себя неуютно.

— И тогда,— вновь вернулся он к своим воспоминаниям,— все присутствовавшие смогли увидеть, что «бабушка» на самом деле всего лишь старая фотография, с помощью специальной подсветки спроектированная на кусок полотна. Для большего эффекта из отверстия в стене шел пар, который, проникая сквозь материал, заставлял изображение шевелиться. В полутьме все это, конечно, было весьма впечатляющим, но только не при ярком свете.

— Но то, что она говорила этой женщине?! — удивленно воскликнула Кристина.

— Абсолютно пустая информация. Такого рода сведения легко получить от родственников или друзей клиента, например от того, кто привел ее в это общество. Понимаете, медиуму достаточно узнать кое-что лишь об одном или двух посетителях, чтобы произвести впечатление на остальных.

— Должно быть, все они пришли в ярость, когда увидели, как все было сделано.

— О да, конечно. Но злились они главным образом на меня.

— На вас? — в голосе Кристины слышались удивление и недоверие.

Дэвид кивнул.

— Я разрушил их надежды. И они вовсе не собирались благодарить меня за это.

Некоторое время Кристина и Эш шли молча. Когда девушка заговорила вновь, тон ее выражал сомнение.

— Но ведь не все же они шарлатаны. Среди них, конечно же, есть и настоящие медиумы.

— Есть, я сам знаю нескольких. А с парочкой даже дружу. Но я не в силах объяснить, что именно они делают и как им это удается. В одном я уверен: они не беседуют с мертвецами.— Они спустились на несколько ступеней, от которых, огибая клумбы, вели три мощеные дорожки. Они пошли по средней.— Только тогда мы сможем найти объяснение паранормальным явлениям, когда начнем хоть немного разбираться в том, что происходит в нашем собственном мозгу.

Кристина нахмурилась.

— И что произошло потом? Вы во всем разуверились?

— Нет, не разуверился. Как я уже говорил, тот факт, что мои сомнения подтвердились, заставил меня почувствовать огромное облегчение. И в то же время я был еще больше заинтригован. Было ли все это обманом и притворством? Все, что мне когда-либо приходилось читать или слышать о паранормальных явлениях,— вранье? Я с головой ушел в изучение вопроса, и к тому времени, когда мне удалось прояснить кое-что, это стало делом моей жизни. И чем больше ошибок и несоответствий я обнаруживал, тем больше меня все это раздражало.— Они приближались к низкой каменной стене, кое-где осыпавшейся и разрушенной, которая тянулась от центра парка.— Несколько лет назад меня пригласили на работу в Институт экстрасенсорики. Мне кажется, они предпочли иметь меня при себе и использовать, чем терпеть мои нападки.

Из всего сказанного Кристина сделала вдруг совершенно неожиданный вывод:

— Вы считаете, что мы совершаем огромную глупость, воображая, что этот дом населен призраками? Вас это тоже раздражает?

— Ни в коем случае. Просто я считаю, что вы ошибаетесь. И мне необходимо немного времени, чтобы это доказать.

Они вплотную подошли к низкой, примерно до уровня коленей, каменной стенке, и теперь Эш увидел, что она окружает большой живописный пруд, похожий на маленькое озеро со стоячей темно-бурого цвета водой, заросшей водорослями и увядшими лилиями. Зрелище буквально потрясло Эша, ибо, несмотря на то что парк в целом содержался отнюдь не в таком порядке, как следовало бы, запущенное состояние пруда было поистине удивительным.

Эш заглянул в пруд, и у него перехватило дыхание от исходящего из его глубин зловония.

Он обернулся к девушке и только теперь обратил внимание, что она незаметно отстала и остановилась в отдалении. Взгляд ее был обращен мимо Дэвида — она смотрела на пруд так, будто и сама была потрясена его видом и тем, что они зашли так далеко. С испуганным выражением лица она попятилась назад.

— Кристина?..— удивленно окликнул ее Дэвид.

Мутная вода за его спиной покрылась рябью, водоросли задрожали, зашевелились...

...Лоб Эдит покрылся испариной. Она дернулась в кресле, и глаза ее широко раскрылись, видение немедленно исчезло.

Сидевшая напротив пожилая пара тревожно вглядывалась в ее лицо.

— Мисс Фипс? — подавшись вперед, окликнул ее седой мужчина.— С вами все в порядке? Вы рассказывали о нашем сыне...

Эдит заморгала глазами, ей потребовалось время, чтобы осознать, что она находится в одном из изолированных помещений Института. Предвидение прервало контакт с сыном этой пожилой пары, молодым матросом, погибшим во время последней войны, которую вела Британия, причем юноша погиб при обстоятельствах столь ужасных, что о них не следовало рассказывать все еще горько оплакивающим свою потерю родителям.

— Мне... извините... мне очень жаль,— ответила Эдит.— Я ослабила концентрацию. Я...— Она глубоко вдохнула, чтобы немного успокоиться.— Я попытаюсь связаться с Майклом снова.

Но едва она закрыла глаза, прежнее видение вернулось, хотя на этот раз не столь отчетливо.

Она увидела фигуру мужчины, стоявшего спиной к ней. Но она точно знала, что это Дэвид Эш. Помимо весьма странного ракурса было еще что-то... видение дрожало и колебалось перед ее глазами, словно... словно она смотрела сквозь воду... темную грязную воду. Вокруг фигуры все находилось в движении, стебли водных растений напоминали шевелящиеся щупальца. К Дэвиду тянулись две обнаженные руки, тонкие, жемчужно-серые, со скрюченными пальцами. Эти руки не были ее, Эдит, руками, они принадлежали кому-то другому.

Они тянулись сквозь воду к стоявшему наверху мужчине, вокруг них обвивались полусгнившие водоросли, и руки эти были совершенно бескровными.

Это были мертвые руки.

6

Столовая была погружена в полутьму. Вокруг стола, за которым собрались Мариэллы и Дэвид Эш, горели свечи, свет их был мягок, но совершенно недостаточен, некоторые светильники, расположенные вдоль стен, не горели вовсе. Эш ожидал, что в доме есть горничная или хотя бы экономка, но няня Тесс сама накрыла на стол, даже без помощи Кристины. Теперь ему стало ясно, что семья Мариэллов отнюдь не так богата, как в прежние времена. Однако, несмотря на то что все, что касалось Мариэллов, весьма интересовало Эша, их финансовое положение не имело никакого отношения к его работе в настоящее время. Он потягивал вино, хотя с удовольствием предпочел бы выпить чего-нибудь покрепче.

Саймон шепнул что-то на ухо Кристине, она хихикнула, и сидевший во главе стола Роберт Мариэлл остановил их строгим взглядом. Девушка зажала рот рукой и опустила глаза, изображая смущение, в то время как сидевший рядом с ней Саймон продолжал усмехаться.

— Как прошел ваш сегодняшний осмотр? — обратился Роберт к сидевшему на другом конце стола Эшу.— Удалось ли вам обнаружить какие-либо тайные воздушные потоки или водные течения, которые помогут разгадать нашу маленькую загадку?

Дэвид занялся лежавшим перед ним на тарелке бифштексом, чересчур, на его вкус, пережаренным.

— Этого я пока сказать не могу,— ответил он,— поскольку не знаю, в чем именно заключается ваш секрет. Но мне удалось обнаружить массу конструкционных недостатков дома, которые могут являться причиной определенного беспокойства.

— Достаточно серьезных, чтобы создать призрачные видения, мистер Эш? — все еще улыбаясь, спросил Саймон.

— Возможно, вас это очень удивит, но часто люди принимают за привидение обыкновенное облачко тумана или дыма. Или, например, капающая и стекающая по невидимому желобу вода кажется им звуком шагов призрака. Рассыхающиеся доски пола, естественно, скрипят, особенно если в доме жарко или горит камин, между ними возникает трение, и звук этот воспринимается как чье-то призрачное присутствие. При наличии воображения все возможно.

— Видение, которое мне... всем нам... являлось, вовсе не было плодом наших фантазий,— вступила в разговор до сих пор молчавшая и практически не притронувшаяся к еде няня Тесс, сидевшая слева от Эша.— Если бы вы знали...

Дэвид предостерегающе поднял руку.

— Завтра. Каждому из вас завтра будет предоставлена возможность рассказать обо всем, что он видел и слышал,

обо всех своих ощущениях. А сейчас я хочу сохранить абсолютную объективность, не подвергаясь ничьему влиянию.

— Но я не понимаю, как вы узнаете, что именно следует вам искать,— возразила Кристина.

— Я ищу своего рода феномен, принимающий, предположительно, форму призрака. Это все, что мне в данный момент необходимо знать.

Губы Роберта тронула едва заметная улыбка.

— Вы верите в такого рода вещи, мистер Эш? Блуждающие духи, существа, появляющиеся по ночам...

— ...Стенающие во тьме привидения,— возбужденно подхватил Саймон,— демоны, вампиры...

— ...Оборотни,— добавила Кристина.

Саймон по-волчьи завыл, и она громко расхохоталась. Даже Роберт широко улыбнулся.

Не разделяя их восторга, Эш взглянул на няню Тесс, но она отвела глаза. Судя по всему, их черный юмор ей тоже был не по душе.

— Вы отнюдь не похожи на людей, преследуемых призраками; такое впечатление, что вас это ничуть не беспокоит,— обратился Эш к Роберту.

— А разве нам следует беспокоиться? — услышал он в ответ.— Неужели подобные явления способны нанести нам физический вред?

— Как правило, нет,— покачал головой Эш,— но обычно те, кто видит такого рода явления, впадают в панику и вредят сами себе.

— Тогда о чем же нам волноваться? Но вы так и не ответили на мой вопрос: верите ли вы сами в существование призраков?

— Это зависит от того, что именно вы под этим подразумеваете. Наваждения, телепатические видения или электромагнитные образы. Можно даже назвать их колебаниями атмосферы. Они могут существовать независимо от понимания нами их значения, то есть сами по себе.

— Но вы не склонны воспринимать их как духов умерших людей? — спросила няня Тесс.

Все взоры обратились к исследователю. Он откашлялся и в свою очередь медленно обвел взглядом всех присутствующих.

— Ни в малейшей степени. Ни одно из моих исследований не предоставило мне убедительных доказательств существования жизни после смерти. Я слишком часто разоблачал так называемых спиритуалистов как шарлатанов и обманщиков, чтобы верить в возможность общения с мертвыми.

— Так мы и думали, мистер Эш,— тихо и вкрадчиво ответил Роберт.— Но, надеюсь, вы не обвиняете нас во лжи?

— Конечно же нет. Вам, безусловно, кажется, что все, что вам довелось увидеть и испытать здесь, в Эдбрукс, вполне реально. Иначе зачем бы вы стали оплачивать мои услуги? Я лишь хотел сказать, что все произошедшее может иметь вполне рациональное объяснение.

Саймон положил локти на стол и оперся головой на руки.

— Мне кажется, вам все-таки следует рассказать...

— Всему свое время,— ответил Эш.— Для начала дайте мне возможность самостоятельно выяснить все, что удастся.

— Вам совсем не обязательно испытывать то же, что пришлось пережить нам,— подал вновь голос Роберт.

— Мне и в голову не приходило делать это. Парапсихологическая связь может существовать только между вами и тем, что здесь происходит. Посмотрим, что будет дальше.

— Парапсихологическая связь? — Саймон снова выпрямился.— Что это означает?

— Вообразите, если можете, что наш разум представляет собой нечто вроде радиоприемника. Вы, обитатели этого дома, имеете возможность настроить его на чью-то частоту.

Саймону показалось забавным такое предположение.

— На волну того, кто вещает с того света?..— Он оглядел родственников в поисках поддержки.

Эш не поддался на его шутку.

— Назовем это мыслительным процессом кого-то, кто в данный момент находится в другом месте, или оставлен-

ным им впечатлением. Может случиться так, что вы в силу вашей тесной связи с Эдбруком настроены именно на эту волну.

— Весьма интересная теория,— признал Роберт.— Но не слишком, на мой взгляд, правдоподобная, не так ли?

— Не в большей степени, чем предположение о существовании призраков,— парировал Эш.

Кристина промокнула губы салфеткой, глаза ее мягко отражали пламя свечей.

— Чем мы можем помочь вам в ваших исследованиях? Кроме того, что расскажем обо всем, что видели и испытали.

— Ничем. Разве что будете держаться в стороне,— ответил Эш.— Сегодня вечером я хочу установить вокруг дома кое-какое оборудование, особенно в тех местах, где, на мой взгляд, возможны всякого рода необычные явления. После того как я это сделаю, прошу вас не подходить близко к этим местам. Лучше всего, если всю оставшуюся часть дня вы проведете в своих комнатах.

Услышав последнюю просьбу, Мариэллы и их тетушка переглянулись.

— Что-то уж очень круто,— недовольно проворчал Саймон.

— Только на один вечер,— заверил его Эш.— Может быть, в дальнейшем мы сможем сосредоточить внимание на одном-двух особо интересных участках.

— Мы окажем вам полную поддержку и сделаем все, что в наших силах,— ответил за всех Роберт.— Вам необходимо что-то еще?

— В данный момент нет. Да, чуть позже мне нужно будет позвонить Кейт Маккэррик — проинформировать ее о том, как идут дела.

— Няня Тесс говорит, что мисс Маккэррик одобрила наш выбор, то, что для этого исследования мы пригласили именно вас. Похоже, она высоко оценивает вашу работу.

— Она и сама специалист высочайшего класса в области парапсихологии. Должен признаться, мы с ней не все-

ли сходимся во мнениях, но в этом вопросе гораздо больше догадок и предположений, чем доказательных фактов. Кстати, если мои опыты в Эдбруке дадут положительные результаты, будет хорошо, если она сумеет приехать сюда с независимым и непредвзятым наблюдателем.

Резкость, с какой няня Тесс отреагировала на это предложение, поразила Дэвида.

— Нет, нет! — воскликнула она.— Это совершенно невозможно!

Отказ Роберта прозвучал более мягко.

— Как я уже говорил, мистер Эш, мы настаиваем на том, чтобы все держалось в строжайшей тайне. Надеюсь, вам понятны причины такого нашего решения и вы отнесетесь с уважением к нашей просьбе.

— Никакой огласки не будет,— заверил его Эш.— Все останется в стенах Института и будет отражено лишь в его архивах.

— Давайте не будем торопиться и проведем исследование спокойно и не спеша,— произнес старший из братьев Мариэлл.— Таково ведь и ваше желание, не так ли?

Эш слабо улыбнулся.

— Согласен. С моей стороны не будет никакого давления. Все в ваших руках.

С дальнего конца стола на него холодно смотрели глаза Роберта.

— Это не совсем так. Я бы даже сказал, совсем не так...

Одной рукой прижимая к уху массивную черную телефонную трубку, другой он в отчаянии стучал по аппарату. Бесполезно. Телефон молчал. То ли этот допотопный аппарат давно отслужил свой срок, то ли произошло что-то на самой линии, за пределами дома. Как бы то ни было, ситуация возникла не из приятных.

Услышав за спиной в холле чьи-то шаги, он резко обернулся, удивляясь своей нервозности. Еще больше его поразило то облегчение, которое он почувствовал, увидев, кто именно к нему приближается.

— Мисс Вебб, э-э-э... вы знаете... телефон... такое впечатление, что он отключен,— выдавил он из себя.

Она подошла совсем близко и заглянула ему прямо в лицо.

— У нас постоянно проблемы на линии,— сказала она.— Это одно из немногих неудобств жизни в сельской местности.— Она взяла у него трубку и, даже не потрудившись проверить, есть ли гудок, положила ее на место.— Завтра я поеду в поселок и попытаюсь что-либо выяснить.

Все это время она не сводила с него глаз, и Дэвид вдруг подумал, всегда ли они полны такого беспокойства, как сейчас. Этой маленькой хрупкой женщине было, наверное, далеко за шестьдесят, ближе к семидесяти или даже чуть больше. Кем же была она для Кристины и ее братьев? Да, она приходилась им тетей. Но кем еще? Насколько он мог судить, она полностью вела все хозяйство в доме, и в ее возрасте, должно быть, это было совсем не легкой задачей.

— Мистер Эш...— начала она, не решаясь продолжить.

Он ждал.

— Обещайте мне, что будете очень осторожны, пока находитесь в Эдбруке,— почти шепотом сказала она.

Дэвид не смог удержаться от улыбки.

— Я уже говорил, что призраки не в состоянии причинить нам вред. Они даже не могут испугать нас, если нам известны причины их появления.

— Но... призраки могут преследовать нас... по-разному...— Она с трудом подбирала слова от волнения.

— Мне казалось, что вы поняли мою точку зрения...

— Но вы не понимаете,— довольно резко ответила она.

— Тогда объясните,— напряженно попросил Эш.

Прежде чем она успела ответить, послышался еще один голос:

— Наш гость не хочет забивать себе голову твоими глупостями, няня.

Они одновременно подняли головы и увидели Роберта Мариэлла, наблюдающего за ними с верхней ступеньки лестницы.

— Разве не так, мистер Эш? — с легким оттенком укора в голосе спросил он.

Эш снова повернулся к няне Тесс.

— Все вопросы я задам вам завтра,— ровным тоном произнес он, озадаченный ее поведением.

— В таком случае не станем вам мешать,— сказал Роберт.— Пойдем, няня, пусть наш гость продолжает работать. Спокойной ночи, мистер Эш. Вас никто больше не побеспокоит.

С этими словами он повернулся и исчез в темноте наверху. Избегая встретиться глазами с Эшем, няня Тесс поспешила следом за племянником. Эш смотрел, как маленькая, тщедушная фигурка поднимается по лестнице, потом тряхнул головой. Похоже, тетушку Мариэллов интересуют не столько привидения Эдбрука, сколько остальные члены семьи.

7

Всю оставшуюся часть вечера Эш занимался установкой оборудования вокруг дома и внутри его. На стенах и мебели он установил четыре термометра, чтобы отметить самую низкую температуру в течение ночи. В гостиной и в кухне он разместил магнитофоны, автоматически включающиеся при малейшем звуке, а в библиотеке и кабинете — фотокамеры, связанные с датчиками, регистрирующими изменения магнитного поля и при любом движении поблизости приводящими в действие затворы. В нескольких местах на первом и втором этажах он насыпал тонкий слой специального порошка, а поперек дверных проемов натянул черные нитки.

Позже в своей комнате Дэвид при свете лампы изучал на скорую руку нарисованный план Эдбрука с его лабиринтами комнат и коридоров, время от времени отхлебывая из стоявшей под рукой бутылки с водкой. Он курил одну сигарету за другой, делал пометки в блокноте и ино-

гда бросал взгляд в окно, за которым сгущалась ночь. Темнота, казалось, давила на стекла.

Наконец он вышел из комнаты и отправился бродить по дому, старательно огибая те места, где был насыпан порошок, не входя в помещения с установленной аппаратурой и не приближаясь к дверям, поперек которых были натянуты нитки.

Эдбрук погрузился в тишину. Все было спокойно.

Где-то в доме пробили часы. Освещая себе путь карманным фонариком, Эш прошел по коридору мимо своей комнаты и двинулся к окну в дальнем его конце. Несмотря на физическую усталость, все его чувства были обострены до предела, мозг действовал словно беспокойный пассажир заглохшей машины. Кейт Маккэррик определяла такое весьма обычное для него состояние всегда однозначно: «Ты слишком много пьешь и чересчур много куришь. И однажды — возможно, это будет не так скоро, но случится непременно — твой мозг окажется таким же усталым и истощенным, как твое тело». А может быть, это совсем даже неплохо, Кейт, возможно, даже хорошо.

Выключив фонарик, он подошел поближе к окну и прижался к стеклу, чтобы лучше видеть то, что происходит снаружи. Тяжелые тучи наконец исчезли, а молочно-белые кучевые облака неподвижно застыли в темном небе. Луна висела так, как будто ее серебряный свет поглотил все окружающее пространство. На парк и поля вокруг легли черные тени. За окном видны были не только деревья и кустарник: тени от скульптур указывали в сторону Эдбрука и были похожи на укоряющие пальцы. Издалека, откуда-то из глубины леса, донесся пронзительный крик ночного животного или птицы, но звук был столь тихим, что не вызывал неприятных ощущений.

Эш продолжал стоять у окна, но взгляд его стал неподвижным, ибо мысли в этот момент были заняты совсем другим. В памяти возник другой, прозвучавший еще более издалека, чем этот, жалобный крик животного. Он вспомнил громкий хриплый вопль, пронесшийся над бурлящим

водным потоком, и, возможно, перед его мысленным взором возникла бы вся картина в целом, если бы его не заставил обернуться послышавшийся за спиной шорох.

Он включил фонарик и направил яркий, разорвавший черноту луч вдоль коридора. В свете фонарика он успел уловить какое-то движение возле лестницы.

Не колеблясь ни минуты, Эш бросился туда и увидел, что мелкий порошок, который он недавно рассыпал по полу, словно подхваченный порывом ветра кружится в воздухе.

Он остановился перед серовато-белым облаком, с удивлением глядя на миллионы мельчайших частичек, плавающих в луче света от фонарика. Не было ни ветра, который мог бы заставить порошок взметнуться с пола, ни кого-либо на ступеньках лестницы, своими шагами вызвавшего такое движение. Бросив взгляд на висевший рядом на стене термометр, он с тревогой обнаружил, что прибор зарегистрировал температуру, близкую к нулю. Однако сам он при этом не чувствовал холода.

Снизу вновь послышались какие-то звуки. Такое впечатление, что кто-то ступал босыми ногами по доскам пола.

Перегнувшись через перила галереи, Эш взглянул вниз, освещая фонариком холл, и успел увидеть нечто не то белое, не то серое, скрывшееся в этот момент за углом.

— Кристина? — шепотом позвал он.

Он бросился к ступенькам, на ходу стряхивая с лица прилипающие частички все еще кружащегося в воздухе порошка. Спустившись почти бегом вниз, он лихорадочно обводил лучом фонарика холл, пока наконец не убедился, что все двери плотно закрыты. И в этот момент до него снова донесся шум. Эш направил луч в дальний конец холла, уверенный, что звуки слышались именно оттуда.

Он торопливо двинулся в этом направлении и вдруг заметил, что дверь под лестницей, ведущая в подвал, чуть приоткрыта, хотя был совершенно уверен в том, что накануне сам ее плотно захлопнул. Он было остановился, но вновь раздавшиеся впереди звуки заставили его продолжить путь.

Эш вбежал в кухню, и луч фонарика выхватил из темноты стол, скользнул к буфету, потом к старинной железной плите, каминной решетке, шкафу с посудой и, наконец, к окну. Совсем рядом послышалось угрожающее низкое рычание.

Он обернулся слишком резко, задев фонариком за косяк двери, и свет тут же погас. К своему неудовольствию, почти потеряв контроль над собой, он зашарил по стене рукой в поисках выключателя, пока наконец дрожащими пальцами не нащупал и не повернул его. Свет был тусклым, но и его было достаточно, чтобы увидеть, что кухня пуста. И что дверь в противоположной стене, ведущая на террасу и в парк, открыта.

Снаружи кто-то был, Эш услышал приглушенный смешок.

Оставив сломанный и бесполезный теперь фонарик на столе, Эш пробежал через кухню и выскочил в темноту ночи.

Хотя луна светила очень ярко, ему понадобилось некоторое время, чтобы глаза привыкли к окутавшему его мраку, и еще секунда или две, чтобы разглядеть то, что было перед ним. Одетая во что-то свободное и белое фигура двигалась вдоль террасы. Но неожиданно она исчезла.

Стоя в потоке лунного света, Эш прищурился и едва слышно позвал:

— Кристина?..

Ответа не было, и он снова бросился вперед, пока не достиг ступенек, ведущих с террасы в парк. Уверенный, что фигура в белом исчезла именно здесь, он стал оглядываться, пытаясь вновь отыскать ее взглядом. Но внизу, среди цветов и низкого кустарника не было никакого движения.

Эш спустился по лестнице и пошел по средней дорожке в сторону пруда. Дойдя до полуразрушенной стены, он взглянул на неподвижную, освещенную луной водную гладь, которая странным образом не отражала серебряное сияние.

Неожиданно он вновь услышал знакомый уже звук — шлепанье босых ног по каменным плитам.

Он резко развернулся, чтобы увидеть, кто приближается к нему, но вдруг получил удар такой силы, что потерял равновесие, качнулся назад и, перелетев через стену, рухнул вниз.

Стоячая вода сомкнулась над головой, приняв его в свои ледяные и скользкие объятия. Эш в панике боролся с водорослями, стебли которых охватили его, словно щупальца. Чем отчаяннее он пытался освободиться, тем крепче они держали его. Вокруг него со дна поднимались облака грязи, зловонной пеленой заслонив освещенную луной поверхность пруда.

Пытаясь высвободить руку из липких объятий подводных лиан, он вдруг заметил силуэт, с вытянутыми вперед руками приближавшийся к нему сквозь облака грязи и ила. Фигура развела руки в стороны, словно распятая на кресте, одежды ее шевелились и извивались по краям, а черные распущенные волосы походили на змей на голове Медузы Горгоны.

Зловонная, отвратительная на вкус вода хлынула в раскрытый в крике ужаса рот Эша...

...Эдит проснулась и широко раскрытыми глазами, в которых ясно стояла картина ее ночного кошмара, уставилась перед собой.

Дрожа от ужаса, она заставила себя сесть в постели. Но страшно ей было отнюдь не за себя.

Она прошептала его имя...

— Дэвид...

Она задыхалась, и воздух со свистом, хорошо слышным в тишине спальни, вырывался из ее груди. Эдит усилием воли заставила себя успокоиться и выровнять дыхание, мягкими движениями потирая грудь в области сердца.

Откинувшись на спинку кровати, она ждала, пока пройдет тяжесть в груди. Но, устремив взгляд в пространство, вдруг снова увидела бледно-серые мертвые руки.

Руки, вцепившиеся в Дэвида Эша...

8

Эш отчаянно извивался под водой, не то пытаясь отвернуться от приближающегося к нему размытого силуэта, не то стремясь освободиться от облепивших и опутавших его плотным кольцом водорослей. А быть может, ни то и ни другое. Он захлебывался и тонул, и сознание этого кошмара заполняло его полностью, не оставляя места для каких-либо других ужасных мыслей.

И все же сквозь ощущение приближения неминуемой смерти он вдруг почувствовал, как чья-то рука сзади схватила его за горло.

Его тащили назад, и из открытого рта Дэвида стремительным потоком вылетали пузырьки воздуха. Эш пытался сопротивляться, но слабо, ибо сил уже почти не осталось, голову его окутал туман, конечности закоченели от холода. На какое-то краткое, но удивительно ясно осознанное мгновение он вдруг опутил себя в совершенно ином времени — мгновение deja vu* — и почувствовал, что, совершенно ослабев, все еще сражается со стоячей водой, а чья-то сильная рука тянет его вверх...

Наконец он оказался на свободе, и ледяной ночной воздух окутал его так же, как чуть раньше неподвижная вода пруда, из глубины которого он сейчас выплывал. Другие руки вцепились в его одежду, грубо сдавив тело. Его потащили вверх, перевалили через стену, окружавшую пруд, освещенная серебряным сиянием вода которого уже не была спокойной, взбаламученная его судорожными движениями. Кто-то все тащил и тащил его, и, открыв наконец глаза, он увидел над собой лицо Саймона, с мокрых и слипшихся волос которого на лоб стекала вода. Что-то твердое царапнуло его по спине, и он очутился на неровных каменных плитах, исторгая из желудка и легких заполнившую их грязную воду.

---

* deja vu *(фр.)* — *букв.* уже виденное — ощущение, что события, происходящие в данный момент, уже имели место в прошлом, ложное припоминание.— *Примечание редактора.*

Он корчился на камне, плечи его были напряжены, конечности конвульсивно дергались, он кашлял и судорожно хватал ртом воздух, голова его при этом кружилась.

Эш не знал, сколько времени он находился в таком состоянии, но когда он наконец, все еще тяжело дыша, перевернулся на спину, то увидел склоненные над ним лица Саймона, Роберта и няни Тесс. Одежда их была мокрой, а младший из братьев испачкался в грязи с головы до ног.

Эш пытался заговорить, объяснить им все, указывая дрожащей рукой на пруд, но речь его понять было практически невозможно.

— Кто-то... кто-то еще... там... кто-то меня держал...

Роберт Мариэлл склонился над ним и ободряюще похлопал по плечу.

— Теперь с вами все будет в порядке. Отдышитесь и не придавайте всему этому значения.

Эш с трудом приподнялся на локте.

— Да нет же! Там... там есть еще кто-то... девушка... в воде...

Роберт удивленно переглянулся с братом и тетушкой. Попытавшись приподняться повыше, Эш конвульсивно забился в приступе кашля. Он смахнул остатки воды с глаз и губ.

— Няня, пожалуйста, включите освещение над прудом,— услышал он голос Роберта.

Эш снова взглянул на них и увидел, что няня Тесс уходит. Ее место заняла Кристина, выражение лица которой было совершенно бесстрастным.

Он перекатился набок, и изо рта вновь хлынула вода. Эш крепко зажмурился. Он думал... Но нет... одежда Кристины не была даже влажной. Как, впрочем, и ее лицо и волосы. Вспыхнувший свет заставил его снова открыть глаза.

Эш с трудом поднялся на ноги, чувствуя, что кто-то помогает ему сделать это, но не зная, кто именно. Пошатываясь и спотыкаясь, он сделал несколько шагов до стены и рухнул возле нее на колени, всматриваясь в черноту пруда. Намокшая и грязная одежда стала тяжелой и буквально

придавливала его к земле. Он почувствовал, что остальные подошли ближе и окружили его, но головы не поднял. Они, как и Эш, вглядывались в освещенную огнями воду.

Но в темной глубине не было заметно никакого движения, и только на поверхности воды слегка подрагивала мелкая рябь.

Он лихорадочно всматривался в заросший водорослями пруд, даже опустил туда руку, чтобы очистить от растений участок воды. Дыхание по-прежнему причиняло ему боль, но все же он смог произнести:

— Я преследовал кого-то от самого дома. Я слышал чьи-то бегущие шаги...

— А-а-а... я, кажется, понимаю,— услышал он голос Роберта.

Эш обернулся к нему и проследил за его взглядом. Роберт смотрел в противоположную от пруда сторону, в направлении террасы. Тесно прижавшись к земле, там кто-то затаился.

Роберт щелкнул пальцами, и пес с угрюмым видом вышел из своего укрытия.

— Боюсь, что тем, кого вы преследовали, был Охотник. Ночью мы позволяем ему бродить по дому.

— Нет,— возразил ему Эш,— я видел девушку, она убегала от меня...

— Но этого не может быть, мистер Эш. Если только это ты, Кристина, ходила по дому, как лунатик? — Роберт улыбнулся сестре, давая понять, что его вопрос не следует принимать всерьез.

Она слегка нахмурилась и покачала головой.

— Я спала в своей комнате, пока весь этот шум не разбудил меня.

Опираясь на стену, Дэвид с трудом встал. Он все еще дрожал с головы до ног и чувствовал слабость, а потому присел на полуразрушенный камень, уперся локтями в колени и закрыл ладонями лицо.

— Нет, там была...— начал он, но Роберт не позволил ему договорить.

— Услышав на улице шаги, я подошел к окну, но, кроме вас, мистер Эш, никого не увидел. Парк был совершенно пуст.

— Но в воде...

— Охотник по ошибке принял вас за грабителя и напал на вас, после чего вы рухнули в пруд. Возможно, вам еще повезло, что все случилось именно так,— Охотник иногда бывает очень свирепым.— Он указал на продолжавшие колыхаться под водой водоросли.— Вы оказались в плену этих... этих зарослей, испугались, запаниковали и вообразили, что вас кто-то держит.

Эш снова покачал головой.

— Другого объяснения быть не может,— настойчиво продолжал Роберт.— Разве что... если, конечно, вы не повстречались с нашим призраком.

Эш отнял от лица руки и широко раскрытыми глазами по очереди оглядел всех Мариэллов. Он не мог сказать с уверенностью, ибо был потрясен и смущен, но ему показалось, что, когда он встретился глазами с Кристиной, по ее губам пробежала легкая усмешка.

Кейт подняла бокал с бренди, и мужчина, сидевший рядом с ней на диване, придвинулся ближе. Он чокнулся с ней и, наклонившись к ее губам, поцеловал. Кейт ответила на поцелуй, но как бы не всерьез и быстро отстранилась, чтобы глотнуть бренди.

Харкорт улыбнулся и тоже сделал глоток из своего бокала. Он ослабил узел галстука, расстегнул воротничок рубашки и пуговицы на пиджаке вечернего костюма, выпустив на свободу уже появившееся и довольно заметное брюшко. Светлые и уже начавшие редеть волосы насквозь просвечивали в свете стоявшей за его спиной лампы.

— Сегодня прекрасный вечер,— тихо сказала Кейт, поглаживая пальцами выпуклую поверхность бокала. Она скинула по очереди сначала левую, а затем правую туфлю и, оставшись в колготках, вытянула скрытые длинной юбкой ноги, удобно откинувшись на мягкую спинку дивана.

— Это еще далеко не конец...— нежно ответил он.

— Нет, не стоит торопиться,— игриво произнесла Кейт.

— Ты заслуживаешь награды, и мне хочется сегодня позаботиться о тебе, побаловать.— Он придвинулся к ней еще ближе.— Я не хочу уходить от тебя сегодня.

Кейт удивленно подняла брови.

— Как я догадываюсь, женушки нет дома?

— Нет,— покачал он головой,— это неверный муж в отъезде. Я уехал по делу. Хелен уверена, что меня нет в городе.

— Мне не нравятся такие игры, Колин.

— Но я говорю вполне серьезно, старушка.

Несмотря на его легкий тон, она поняла, что он действительно не шутит.

— Это не то, что я хочу...

Раздавшийся в холле телефонный звонок заставил ее замолчать.

Харкорт взглянул на часы.

— Однако уже несколько поздновато для того, чтобы звонить кому-либо. Как ты считаешь? Брось, не подходи, пусть катятся к черту и звонят кому-нибудь другому.

Кейт со вздохом поднялась с дивана.

— Но, может быть, случилось что-то важное. Их счастье, если это действительно так... в такое время...— бормотала она себе под нос, идя через холл к телефону.

Харкорт с недовольным видом потягивал бренди и прислушивался к доносившемуся через открытую дверь голосу Кейт.

— Алло. Маккэррик у телефона...— Пауза.— Эдит?.. Что-то случилось?

Сидя в гостиной своего маленького домика в окрестностях города, Эдит Фипс потуже стянула вокруг горла ворот ночной сорочки. Устроившись в плетеном кресле возле миниатюрного столика, на котором помещались только телефонный аппарат и настольная лампа, она украдкой оглядывалась вокруг, словно даже ночные тени способны

были подслушивать ее разговор. Когда Эдит наконец заговорила, голос ее звучал возбужденно и тревожно.

— Кейт... послушайте, это важно.-Мне кажется, что с Дэвидом что-то произошло.

— О чем вы говорите, Эдит? — Кейт тоже встревожилась.— Вы получили от него какие-то сведения?

— Нет, меня разбудило приснившееся мне видение.

— Видение? — с ноткой раздражения переспросила Кейт.— Эдит, вы знаете, сколько сейчас времени?

— Извините меня, Кейт. Я не хотела вас будить...

— А вы меня не разбудили,— ответила Кейт, между тем как Эдит продолжала говорить:

— ...Но я видела все так ясно, это было так страшно... Я видела, как Дэвид тонул.

— Успокойтесь,— стараясь скрыть волнение, как можно более твердо сказала Кейт.— Это был всего лишь сон.

— Нет, это было нечто гораздо большее,— продолжала настаивать Эдит.— Он в опасности. Я чувствую, что его жизнь под угрозой. Все так непонятно... Дэвид был под водой, и что-то тянуло его вниз. Ему было так страшно...

— Вы хотите зарегистрировать предвидение?

— Ради Бога, Кейт, не будьте со мной столь официальны. Я звоню вам как друг. Что-то не в порядке с тем домом, который обследует сейчас Дэвид. Меня не покидает ощущение грозящей ему беды.

Кейт почувствовала, что, несмотря на раздражение, ее тоже охватывает тревога.

— Ваше беспокойство передалось и мне, Эдит. К сожалению, в данный момент мы с вами мало что можем сделать. Слушайте, завтра я при первой же возможности свяжусь с Мариэллами.— Она заметила, что Харкорт, стоя с бокалом в руке в проеме двери, не сводит с нее взгляда.— Он должен был позвонить мне оттуда еще днем, но, должно быть, слишком увлекся установкой оборудования. Насколько я поняла, Эдбрук представляет собой довольно большой особняк.

— А вы не можете позвонить сегодня?

Кейт буквально заставила себя противостоять настойчивости медиума.

— Нет, это слишком неприлично. Сейчас уже очень поздно, чтобы беспокоить их.

— Кейт...

— Пожалуйста, Эдит, не волнуйтесь так,— по-прежнему непреклонно, но уже более мягким тоном сказала Кейт.— Знаете, вполне возможно, что это все-таки не более чем плохой сон. Разве вы не помните, что за ленчем мы как раз говорили о Дэвиде? Вероятно, наш разговор стал причиной явившегося вам во сне видения.

— Если вы не хотите сделать это сами, позвольте мне туда позвонить.

— Вы же знаете, что это невозможно. Клиентам нашего Института гарантируется абсолютная секретность. Я не имею права даже обсуждать их проблемы с вами. И к тому же у меня нет их телефона. Мне придется поискать его завтра в справочнике.— Кейт взглянула на бокал с бренди в руках Харкорта и почувствовала, что ей самой сейчас нужен хороший глоток.— А теперь, пожалуйста, возвращайтесь в постель и постарайтесь не волноваться — ваше нынешнее состояние едва ли пойдет вам на пользу. Обещаю, что непременно свяжусь с вами, как только что-нибудь узнаю,— не важно, хорошими или плохими будут новости.

— Пожалуйста, Кейт...

— Спокойной ночи, Эдит.

Услышав щелчок разъединения линии, медиум вздрогнула от неожиданности. Прежде чем положить трубку на рычаг, она еще некоторое время в оцепенении смотрела на нее. Потом перевела взгляд на противоположную стену, и мысли ее вновь обратились к Дэвиду Эшу.

Кейт в задумчивости отвернулась от телефона. Перед ней маячила высокая фигура Харкорта.

— Все это звучало довольно мрачно,— сказал он.

— Это одна из сотрудниц нашего Института — медиум,— в смятении ответила ему Кейт.— Она была очень расстроена.

— Судя по всему, очень нервная особа,— презрительно отозвался он.

— Как правило, она мыслит не менее здраво, чем мы с тобой.

— Здраво? Человек, который общается с призраками? Перестань, Кейт, я допускаю, что ты относишься к исследованию такого рода вещей очень серьезно, но убежден, что бывают моменты, когда даже ты с трудом веришь во все эти басни.

— Очень редко,— ответила она, проскальзывая мимо него обратно в комнату и беря в руки бокал с бренди. Он последовал за ней, и Кейт, обернувшись, попросила: — Думаю, сейчас тебе лучше уйти, Колин.

Харкорт застыл на месте.

— Да ладно тебе, что я такого сказал? Я не хотел обидеть ни тебя, ни твой Институт. Мне прекрасно известно, как преданно ты относишься к своей работе. Но нам, обыкновенным людям, иногда бывает очень трудно понять, о чем вообще идет речь.

— Я все понимаю, но я очень устала.

— Ты хочешь сказать, что очень занята,— ответил он.

— Мне не хотелось бы спорить и ссориться с тобой и тем самым портить такой чудесный вечер.

— Так давай его продолжим. Послушай, я якобы уехал по делам.

— Скажи жене, что ты справился быстрее, чем рассчитывал. Это будет для нее приятным сюрпризом.

— Ты серьезно? — не веря своим ушам, спросил Колин.

Кейт кивнула и направилась к двери.

— Да какой бес вдруг в тебя вселился? — Харкорт смотрел на Кейт, и недоверие постепенно перерастало в раздражение.— Это как-то связано с тем человеком, о котором ты говорила по телефону? Дэвидом... или как там его?

— Я просто устала. Уходи, пожалуйста, Колин.

Харкорт со стуком поставил недопитый бокал с бренди на столик и бросился к двери, на ходу схватив со спинки кресла свое пальто.

— Я никогда не смогу понять тебя, Кейт,— сказал он скорее с упреком, чем с сожалением.

— Я позвоню тебе завтра,— извиняющимся тоном проговорила вслед ему Кейт.

Он на секунду задержался в дверях.

— Может быть, не стоит беспокоиться?

— Возможно, ты и прав.

Крайне раздраженный Харкорт выскочил в холл, и Кейт вздрогнула от грохота захлопнувшейся за ним входной двери.

Кейт с бокалом в руке рухнула на диван. Лицо ее выражало крайнюю озабоченность, а все мысли были о Дэвиде Эше.

Наверное, ей следовало поехать вместе с ним, как она уже не раз сопровождала его в прошлом. Ей вспомнился последний такой случай, когда они вместе работали больше года назад...

9

— Когда ты в последний раз был в церкви? — спросила Кейт.

— Спроси что-нибудь полегче,— ответил Эш.

— Как бы то ни было, сейчас у тебя есть шанс наверстать упущенное.

Он взял у нее из рук водку и поморщился, заметив, что она добавила в нее тоник.

— Этот прозрачный яд в чистом виде убьет тебя,— пояснила Кейт, садясь с ним рядом.

Потерев одну пятку о другую, она скинула туфли и забралась с ногами на диван, опершись на подушки и отпивая мелкими глотками белое вино. Эш ждал объяснений.

— Сегодня появилось одно интересное дело, и мне бы хотелось поручить его тебе,— наконец сказала она.

— Это означает, что я должен надеть на себя сутану?

— Нет, но это означает, что ты должен будешь провести какое-то время в церкви.

— Там что, появились призраки?

— Насколько могу судить, они завладели церковью.

Он встал с дивана и прошел в кабинет, чтобы налить себе еще водки. Кейт укоризненно покачала головой.

— Ну что ж,— вернувшись, промолвил он,— расскажи мне поподробнее.

— Сегодня утром ко мне в офис пришли двое мужчин и поведали весьма странную историю. Честно говоря, мне стоило большого труда поверить им. Убедило меня в конце концов то, что оба они были священниками и казались вполне в здравом рассудке.

— Священники пришли в Институт за помощью?

— Один из них — викарий, преподобный Майкл Клеменс, другой — благочинный настоятель собора. Приход викария находится где-то во Врекстоне.

— А где это?

— Неподалеку от Винчестера. Небольшой городок.

— Там, должно быть, не так уж плохо.

— Отнюдь, если верить преподобному. Он постепенно теряет свою паству. Прихожане боятся заходить в церковь. Они готовы поверить, что она находится в руках демонов.

Эш невольно улыбнулся.

— Прекрати, Дэвид. Бедняга говорил совершенно искренне. Честно говоря, он был чересчур взволнован, однако рассуждал вполне здраво.

— Может быть, ему и его благочинному следует обратиться прежде всего к своему начальству.

— О, это они уже делали. Преподобнейший Клеменс сначала рассказал обо всем благочинному, а тот в свою очередь, когда дела стали совсем плохи, поведал о них епископу.

Именно епископ и посоветовал им обратиться в Институт, при условии, конечно, что вся работа будет проведена в строжайшей тайне.

— Естественно.

— Да, естественно. Ибо в случае огласки такого дела Церковь окажется в очень глупом положении. У меня сложилось впечатление, что настоятель вообще был категорически против обращения к нам, но вынужден был подчиниться приказу и согласиться на холодное, бездушное и, что самое главное, беспристрастное научное исследование. Другого выхода у него не было.

— Викарий, должно быть, говорил очень убедительно.

— Почему ты так решил?

— По опыту знаю, что Церковь — в любых своих проявлениях — предпочитает держать такого рода вещи под своим контролем. Если им необходимо изгнать дьявола, они и сами знают, как именно это сделать,— у них есть свое ноу-хау. Зачем же им допускать к делу посторонних и рисковать при этом превратиться во всеобщее посмешище?

— Да просто потому, что эта, скажем, «одержимость дьяволом» стала известна всему городу. Причем половина жителей видит в этом повод для развлечений, а другая половина трясется от страха. Епископ хочет, пока не поздно, положить всей истории конец и считает, что это вполне по силам такому авторитетному учреждению, как наш Институт.

— Думаю, ты привела достаточно убедительные доводы. Когда я должен начать?

— Мы. Над этим делом я буду работать вместе с тобой.

— Для этого есть какие-то особенные причины? — удивленно спросил Эш.

Кейт отвела глаза в сторону.

— Это даст нам возможность почаще бывать вместе. Мы оба так заняты в последнее время... К тому же я давно не занималась практической работой, и мне иногда хочется отправиться на конкретное задание.

Про себя Эш, однако, подумал, что есть, вполне возможно, и еще одна причина. Не собирается ли Кейт поехать вместе с ним, чтобы держать его под присмотром? Не было ли добавление тоника в водку тонким намеком, словно Кейт таким образом хотела сказать: «Я присмотрю за тобой, Дэвид. До меня дошли кое-какие слухи, была даже парочка жалоб, и теперь я вынуждена контролировать тебя». Он понимал, что Кейт в данном случае не только заботится о добром имени Института, но и беспокоится за него, Дэвида. Однако ее забота больше раздражала его, чем трогала. Его пристрастие к выпивке никакой проблемы не составляло, он умел держать себя в руках. Нет, настоящей проблемой была внутренняя тревога, смутное беспокойство, с которым ему невозможно было совладать, ибо он не знал его причины. Именно потому, что он не мог определить его источник, противостоять приступам душевной тревоги оказывалось непросто. Алкоголь, по крайней мере, притуплял их остроту.

Кейт коснулась его руки, и он заставил себя больше не думать об этом.

— Думаю, мы сможем отправиться во Врекстон завтра,— сказала она.— Ты останешься у меня на ночь?

Вопрос был задан как бы невзначай, но ее большой палец мгновенно перестал гладить его руку. Она ждала ответа.

— Мне кое-что понадобится.

— Мы сможем заехать за твоими вещами по пути.

Эш и сам не мог понять, почему мозг его лихорадочно ищет причины для отказа. Что же, черт побери, с ним происходит?

— Потрясающий энтузиазм,— заметила Кейт.

— Я очень хочу остаться и как раз собирался просить у тебя разрешения.

Ответ, конечно, запоздал, но пальцы Кейт тем не менее крепко сжали его руку.

— Может быть, поговорим об этом позже? — предложила она.

Она имела в виду те волнующие мгновения близости и трогательной нежности, когда их обнаженные тела тесно переплетутся и темнота отгородит их от всего мира, оставив наедине друг с другом.

— В этом действительно есть необходимость? — спросил Эш, и скрытый подтекст этого вопроса был для нее совершенно очевиден.

— Ты же знаешь, что есть.

Им и в самом деле необходимо было поговорить, но в ту ночь разговор не состоялся. Кейт, правда, попыталась, но и она была слишком утомлена — они так интенсивно занимались любовью, что совершенно обессилели. Дэвид мог быть погруженным в себя, у него часто менялось настроение, но он никогда не страдал от недостатка страсти, думала Кейт, и слава Богу!

Кейт вырулила на своем «саабе» с боковой дороги и поехала в сторону Винчестера. Скоро должен был появиться указатель на Врекстон. Покосившись на Эша, она увидела, что тот спит, свесив голову на грудь и покачиваясь в такт машине. Ну вот, спасибо большое, в дальнем пути всегда приятно иметь хорошего попутчика. Он, правда, предлагал ехать на его машине, но, во-первых, Кейт не понравилось состояние машины и, во-вторых, ей не нравилось состояние, в котором зачастую садился за руль Дэвид. Конечно же, он не доводил себя до ручки, но в один прекрасный день его все же поймают на этом. Может быть, это будет и к лучшему.

«Дэвид,— мысленно обратилась она к нему,— проснись, Дэвид, ради себя самого, ради нас, проснись, пока еще не поздно».

— Проснись, Дэвид,— сказала она вслух.— Мы почти на месте.

Что он и сделал.

Однако душа его по-прежнему спала...

Дверь в церковь была приоткрыта. Эш переступил порог и сразу же ощутил дискомфорт. Помимо всего прочего в церкви стоял ледяной холод, здесь было даже холоднее, чем на улице. Неужели в церквах всегда царит такая стужа? Душевное тепло — это одно, но если в этих молельнях будет тепло еще и физически, то их станет посещать больше людей. Он пошел к центральному приделу, и каждый шаг гулко отдавался под сводами. Он в шутку представил себе, что это шаги призрака, идущего за ним по пятам.

Эш остановился и внимательно осмотрел придел, вплоть до нефа и алтаря, убедившись, что здесь нет ничего настораживающего. Лишь полумрак. Высокий алтарь с распятием и свечами, покрытый льняной тканью, не вызывал у Эша никаких возвышенных эмоций. В тусклом свете, проникавшем сквозь витражи окон, белая материя казалась грязно-серой. Он уже хотел было повернуться и уйти, но тут заметил, что перед барьером, возле которого принимают причастие, кто-то стоит на коленях.

Позади себя он услышал голоса, один из которых принадлежал Кейт. Обернувшись через плечо, он увидел ее и рядом с ней, судя по всему, преподобного Майкла Клеменса. Они входили в ту же дверь, в которую чуть раньше вошел он сам. Преподобному Клеменсу было лет сорок — сорок пять, он был худ лицом и фигурой, и, наверное, самой заметной его особенностью были очки с толстыми стеклами в роговой оправе. Кейт представила мужчин друг другу. Вместо рукопожатия викарий сделал какой-то скользящий жест, лицо его, лишенное улыбки, выражало лишь беспокойство.

— Большое спасибо, что приехали,— произнес он.— Быть может, вы сумеете убедить моего епископа в том, что церковь Святого Марка перестала быть подходящим местом для христиан.

— Уверен, что вы ошибаетесь,— возразил Эш.— Мое намерение состоит как раз в том, чтобы доказать вам, что

здесь не происходит никакого святотатства. Во всяком случае, если говорить о настоящих призраках.

Священник взглянул на Кейт.

— Но я думал...

— При проведении Институтом исследования в области так называемых паранормальных или сверхъестественных явлений в большинстве случаев выясняется, что причины, вызывающие их, вполне естественны, хотя обстоятельства могут быть достаточно таинственными,— пояснила она.— У Дэвида огромный опыт в решении такого рода загадок.

— Понимаю,— разочарованно протянул преподобный Клеменс.— Но боюсь, что в данном случае вы можете потерпеть неудачу.

— Должен вам сказать, что такого рода вещи, как правило, являются делом рук вандалов или хулиганов,— спокойно ответил Эш.— Либо это может быть кто-то, кто затаил обиду на церковь или даже лично на вас.

— Полагаю, вам уже рассказали, что именно здесь происходит?

— Дэвид предпочитает начинать исследование, как можно меньше зная об обстоятельствах и о том, что имело место ранее,— объяснила за Эша Кейт.

— Никаких предварительных и предвзятых теорий, понимаете? — добавил Дэвид.— Но в данном случае придется, вероятно, сделать исключение.

Кейт бросила на него удивленный взгляд.

— Это поможет нам сэкономить уйму времени,— пояснил Дэвид, видя ее недоумение.

— Кровь, мистер Эш.

Оба одновременно повернулись к преподобному Клеменсу.

— Стены и статуи были испачканы кровью. Святые одежды промокли насквозь. Однажды утром я вошел и увидел, что крестильная купель наполнена кровью.

— Где-нибудь были экскременты?

— Простите?

— Люди, проникающие в церковь с дурными намерениями, как правило, стремятся воплотить их в самых отвратительных формах. Экскременты и моча в этом случае служат наиболее простым и очевидным средством.

— Нет, ничего подобного я не видел, ничего до такой степени мерзкого.

— Кровь вызывает не меньшее омерзение. Где эти святые одежды? Мы могли бы взять кровь на анализ.

— Сожалею, но я их сжег. Я не хотел, чтобы хоть что-нибудь напоминало об этом святотатстве.

— Жаль. Какие еще были случаи осквернения?

— Позапрошлой ночью была подожжена заалтарная завеса. Счастье еще, что не сгорела вся церковь.

Викарий повел их по центральному приделу к нефу, но пути указывая на стоявшие в боковых приделах статуи.

— Видите, как они повреждены, изуродованы? Я собственными руками отчищал их от наиболее оскорбительных надписей и других безобразий.

Эш очень удивился, что стоявший на коленях возле барьера для причастия человек исчез. Массивная колонна закрывала ему обзор, но он был почти уверен, что за нею находится еще одна дверь. Когда они подошли еще ближе к алтарю, он убедился, что его предположение оказалось правильным. В тени была видна узкая, но глубокая ниша, скрывавшая маленькую боковую дверь.

— Церковный орган поврежден до такой степени, что починить его невозможно,— продолжал рассказывать викарий, потом указал на кафедру проповедника.— Все резные детали расколоты в щепки, а на дереве остались царапины, похожие на след звериных когтей. Взгляните на эту боковую дверь.— Он подвел их к нише, которую Эш заметил чуть раньше.— Такое впечатление, что ее рубили топором. Такие же следы есть и на другой двери.

— Я их не заметил,— сказал Эш.

— Не мудрено. Ведь они с внутренней стороны. Это сделал не тот, кто хотел войти в церковь снаружи, мистер Эш.

Эш хмурился, внимательно изучая маленькую дверь.

— И, наконец, свечи. Не один раз, придя утром в церковь, я обнаруживал, что все до единой свечи либо зажжены, либо уже сгорели до основания.

— Дом викария совсем рядом с церковью,— вступила в разговор Кейт.— Неужели вы не видели и не слышали ничего подозрительного?

— Мисс Маккэррик, множество ночей напролет я дежурил возле церкви Святого Марка, и ни разу вокруг нее не было заметно даже малейшего движения. Единственный звук, который я слышал в ночи,— удар колокола. Когда я провожу вас на колокольню, думаю, вы согласитесь со мной, что это не могло быть делом рук смертного.

Подъем на колокольню заставил Эша буквально задохнуться, к тому же он почувствовал страх, поскольку последний лестничный марш оказался очень ветхим — дерево от старости громко скрипело.

— Подождите минуточку, я сейчас найду выключатель,— сказал священник и исчез в проеме двери, ведущей непосредственно на колокольню.— Боюсь, дневного света здесь недостаточно.

Последовав за ним, Эш и Кейт поняли, почему там так темно: окна были крест-накрест заколочены досками и в помещение проникали лишь тонкие лучики света. К поперечной балке была приделана лампочка без абажура.

Эш указал на массивные колокола, которые висели над отверстиями в полу.

— Теперь понимаю, что вы имели в виду,— колокола без веревок.

— Они без языков, мистер Эш. Языки исчезли задолго до моего приезда сюда, и никто из здешних жителей не знает, когда и как это случилось. А сами колокола давным-давно проржавели. Боюсь, что церковь Святого Марка никогда не найдет достаточно средств, чтобы снова привести их в порядок. Никто из моих прихожан не обладает столь

щедрым сердцем, чтобы пожертвовать крупную сумму денег.

Он наклонился вперед и ладонью стер пыль с одного из колоколов.

— Как видите, эти колокола никак не могли звонить. И все же один из них неоднократно звонил по ночам, причем звук был очень чистым и громким. Мне казалось, что я слышу погребальный звон.

— Почему на этот раз ты сделал исключение? — вечером спросила Кейт.

— Что?

Она открыла дверцу «сааба».

— Меня интересует, почему ты захотел узнать факты заранее.

— Интуиция, вот и все,— ответил Эш.

— Ты считаешь, что это все дело рук обыкновенного смертного?

— Ради Бога, Кейт! Ты же знаешь, что это на самом деле так.

— Тебе именно это и придется доказать.— улыбнулась Кейт, но неожиданно ее улыбка стала напряженной.— Дэвид... мы так и не поговорили...

— Они ждут меня. Викарий с женой хотят, чтобы я вместе с ними помолился, прежде чем сесть за стол.

— Ужин может подождать.

— Нет, Кейт, сейчас не время. Возвращайся в Лондон. Поговорим, когда все закончится.

— Ты снова уходишь от разговора на эту тему.

— Мы же с самого начала с тобой договорились: никаких обязательств. Помнишь? Нас обоих это устраивало. Господи, после истории с твоим замужеством я думал, что ты первая будешь настаивать на соблюдении этого условия.

— Иногда я забываю об этом.— Она села в машину и включила мотор, но, прежде чем захлопнуть дверцу, спросила, глядя в сторону: — Ты позвонишь мне?

— Кейт...

Дверца захлопнулась, Кейт на секунду встретилась с ним взглядом, и «сааб» рванул с места.

Эш проводил взглядом машину. Он не злился на себя, но чувствовал в душе безысходное отчаяние. Чего же, черт побери, он хочет на самом деле? Почему он всегда все разрушает? Нет, не так, это, пожалуй, чересчур сильно сказано. Сначала он позволял отношениям развиваться самим по себе, потом они так же сами по себе остывали... Он никому не хотел причинить боль, но одновременно не стремился дать слишком много.

Он вернулся к дому викария и увидел, что преподобный Клеменс ожидает его на пороге.

— Мы уже садимся ужинать, мистер Эш. Розмари послала меня за вами.

Вслед за священником он вошел внутрь, в душе жалея, что до окончания своего исследования согласился жить в доме викария. Лучше бы ему снять комнату в местной гостинице, хотя, конечно, постоянное пребывание рядом с церковью тоже имело свои преимущества.

За ужином викарий развлекал его рассказами о Врекстоне и его обитателях, в первую очередь о своих прихожанах. Он очень сожалел о том, что из-за неприятностей церковь Святого Марка могут закрыть и тогда им с женой придется переехать в другой приход. Несколько раз Эш ловил на себе пристальный взгляд Розмари, которая поглощала столовое вино в еще больших количествах, чем он сам, причем она не всегда вовремя успевала опустить глаза. Она выглядела моложе своего мужа, хотя и не намного, не больше чем на пару лет. Несмотря на некоторую полноватость, ей нельзя было отказать в привлекательности.

Эш с облегчением вздохнул, когда ужин наконец закончился и он получил возможность выйти из дома и отправиться в церковь, чтобы проверить установленное оборудование. Беседа с преподобным Клеменсом доставила ему

мало удовольствия, а взгляды Розмари, задерживавшиеся на нем слишком долго, вызвали немало неприятных ощущений.

После осмотра церкви Эш позвонил Кейт с переговорного пункта на главной улице. Он сказал, что докладывать пока не о чем, и подумал, что Кейт, наверное, про себя добавила: и говорить тоже не о чем. «Я позвоню тебе завтра».— «Если хочешь».— «Кейт, послушай, давай закончим это исследование».— «Конечно, Дэвид, это очень важно».— Я не имел в виду...» — «Знаю. Держи меня в курсе всего, Дэвид».

Кейт попрощалась с ним весьма холодно, и Эш направился в ближайший кабачок. Спустя некоторое время он вернулся в дом викария.

У него был свой ключ. Стараясь шуметь как можно меньше, он тихо поднялся по лестнице, не желая беспокоить в столь поздний час преподобного Клеменса и его жену. В тот момент, когда он уже готов был переступить порог своей комнаты, послышался какой-то шорох — за его спиной кто-то был.

В проеме расположенной напротив двери, придерживая рукой полы халата, стояла Розмари Клеменс.

— Вы меня испугали,— сообщил он.

— Я хотела извиниться за причиненное вам за ужином беспокойство,— приглушенным голосом сказала она.

Он удивленно уставился на нее.

— Мой муж без конца может говорить о своей работе и о своей так называемой пастве. Иногда это бывает весьма утомительно, слишком уж он о них заботится.

Эш чувствовал себя очень неловко. Женщина стояла от него всего в нескольких футах, и рука ее больше не стягивала полы халата. Эш изо всех сил старался не смотреть в образовавшуюся между ними щель.

— Вам не за что извиняться.

Она сделала шаг вперед.

— Не хотите ли пропустить на ночь стаканчик? Всего один. Мне всегда трудно бывает так рано заснуть. Не то

что Майклу.— Она кивнула в сторону закрытой двери, расположенной дальше по коридору.— Мы уже много лет спим в разных комнатах, Дэвид.

— Сейчас не так уж и рано,— ответил Эш.— Уже ночь, а утром мне необходимо приступить к работе.

— И все же вы ведь не откажетесь выпить? — Она подошла еще ближе.— Мне хотелось бы поговорить с вами. Всего несколько слов. Только поговорить. Вы представить себе не можете, каково это...

Оба вдруг застыли на месте. В тишине ночи гулко прозвучал удар церковного колокола.

Кейт сидела в машине, съежившись от холода и изнывая от скуки. Говоря позавчера вечером Дэвиду о том, что ей необходима конкретная, практическая работа, она и представить себе не могла, что придется заниматься слежкой. Чтобы хоть немного согреть руки, она подула на пальцы.

Глядя на темнеющий силуэт церкви Святого Марка, на простирающееся до самой дороги кладбище с черными могильными камнями и надгробиями, она легко могла представить себе, что это место посещают призраки. Уже одна только колокольня, взметнувшаяся к клубящимся в небе облакам, за черными проемами которой таился леденящий мрак, способна была внушить суеверный страх. Она не завидовала Дэвиду, когда прошлой ночью ему пришлось в самое жуткое время взбираться наверх по шатким ступеням, чтобы выяснить, каким образом колокол умудряется звонить. Войдя в церковь Святого Марка, он увидел, что вся установленная им измерительная аппаратура, стены и святые иконы забрызганы кровью. Все до единой свечи ярко горели.

Однако ему не удалось никого обнаружить.

Даже на колокольне.

Низкий гул первого и единственного удара затих еще до того, как он вошел в церковь, а когда он наконец добрался до колокольни, тот (или то), кто звонил в колокол, исчез, оставив после себя лишь поврежденное оборудование.

Кейт с трудом сдерживала желание завести хоть ненадолго мотор и включить в машине печку, чтобы согреться. Она искренне надеялась, что Эш, который открыл церковь своим ключом, оставленным ему преподобным Клеменсом, и находится сейчас внутри, мерзнет не меньше, чем она.

Викарий и его жена считали, что он вернулся в Лондон, чтобы заменить испорченное оборудование и прихватить дополнительные приборы, а через пару дней продолжить расследование. На самом деле Кейт в тот же вечер привезла его назад, после того как он пересказал ей одну весьма интересную местную сплетню, подслушанную им в кабачке (великолепное место, чтобы узнать все городские новости). Даже сейчас ее не покидали сомнения. Здесь, безусловно, совершалось преступление, и не лучше ли поставить обо всем в известность местную полицию? Но принятие такого решения не входило в компетенцию Института — слово оставалось за викарием или его начальством. Если бы преподобный Клеменс не помешался на идее «одержимости дьяволом», полиция обо всем давно узнала бы и подключилась к работе.

Кейт протерла запотевшее стекло и старалась сдерживать дыхание, чтобы окно оставалось чистым хотя бы некоторое время. Вот оно, опять! На улице кто-то был! Кто-то шел через кладбище, пробирался тайком! И направлялся в сторону церкви! «Надеюсь, ты не заснул там, Дэвид!» — мысленно взмолилась Кейт. Как можно бесшумнее она открыла дверцу машины.

Эш сидел в дальнем конце церкви, спрятавшись за каменную колонну. Сюда проникал лишь свет луны — в те мгновения, когда она выплывала из-за мчавшихся по небу туч. Он поднял воротник пальто, запахнул лацканы и глубоко засунул руки в карманы. И все равно дрожал от холода. Откуда-то из темноты до него донесся шум.

По его лицу скользнул легкий ветерок — где-то открылась дверь.

Вот оно: черная тень с размытыми очертаниями двигалась в темноте.

Эш с замиранием сердца застыл на месте и ждал, что произойдет дальше.

Чиркнула спичка — в пустой церкви звук показался удивительно громким. Зажглась одна свеча, за ней другая... Фигура двигалась — казалось, почти скользила — вдоль прохода, одну за другой зажигая все больше и больше свечей. Церковь осветилась, и Эш, пока еще оставшийся в тени, пригнулся, стараясь рассмотреть незваного посетителя, который теперь был виден гораздо лучше.

Фигура была согнута, словно человек носил на спине горб, одета в какой-то свободный балахон, напоминавший монашескую рясу, голову закрывал большой капюшон.

Эш наконец понял, почему человек показался ему горбатым,— тот нагнулся, чтобы поднять что-то с пола, что-то очень тяжелое.

Эш увидел, что это была канистра... человек поливал из нее какой-то жидкостью алтарь...

Кейт прихватила с собой фонарик, но включать его не стала.

Она остановилась за церковной оградой и вошла в нее только после того, как человек, за которым она следила, скрылся из вида. Калитка громко скрипнула, и Кейт от досады и страха лязгнула зубами.

Она ускорила шаги, не желая надолго выпускать незнакомца из поля зрения. Кто бы это ни был, он, как догадалась Кейт, шел к маленькой боковой двери церкви. Под ногами хрустнул гравий, и Кейт пошла по траве, стараясь не споткнуться о камни и надгробные плиты, с трудом подавляя отчаянное желание включить фонарик.

Дойдя до угла церкви, Кейт осторожно заглянула за него. Никаких признаков присутствия человека, которого она преследовала...

Ее внимание привлек послышавшийся справа шорох. Так и есть: чья-то тень скользит среди надгробий. Но она движется в противоположном от церкви направлении.

Кейт прищурилась. Этого не может быть! Украдкой пробиравшийся по кладбищу человек шел к дому викария.

Фигура в капюшоне со свечой в руках вышла на середину церкви, и Эш скользнул под скамью.

Неизвестный на мгновение остановился и огляделся вокруг, словно чувствуя чье-то присутствие, и Дэвид спрятался как можно глубже. Затаив дыхание, он боялся пошевелиться, пока шаги не возобновились.

Как только человек прошел мимо скамьи, под которой скорчился Эш, он высунул голову. Сзади казалось, что над головой незнакомца светится нимб — такое впечатление создавал отблеск свечи, которую тот держал у самой груди. Человек приблизился к двери, ведущей на колокольню.

На какое-то время лестница осветилась, но по мере того как человек поднимался выше, снова погружалась во мрак. Эш бесшумно пополз вдоль скамьи, потом бросился к алтарю, где тоже горели вынутые из подсвечников свечи. Разлитая вокруг жидкость отражала их свет.

Он буквально взлетел по ступеням к алтарю, опасаясь, что свечи стоят в луже бензина.

Но запаха бензина он не почувствовал — пахло чем-то другим. Запах был тяжелым и неприятным. Эш резко остановился перед алтарем, коснулся пальцами жидкости и понял, что это кровь.

— Стойте на месте!

Кейт включила фонарик и направила его луч прямо в лицо незнакомца. Она видела, как он, крадучись, приблизился к дому, тайком заглянул в освещенные окна, а затем осторожно двинулся к задней двери. Но тут она с шумом обо что-то споткнулась и тем самым выдала свое присутствие. Человек резко повернулся и пригнулся, словно ожи-

дая нападения. Кейт ничего другого не оставалось — она перешла в атаку и ослепила его светом фонарика.

— Что вы здесь делаете? — стараясь, чтобы голос не дрожал от страха, спросила она.

— Выключите этот чертов свет! — потребовал он.

Ни за что, подумала про себя Кейт.

— Я спрашиваю, какого черта вам здесь нужно?

— Не суйтесь не в свое дело и выключите фонарь, уберите свет от моего лица!

Человек шагнул к Кейт, и она с трудом удержалась, чтобы не удрать со всех ног. «Мы говорим достаточно громко, чтобы разбудить Дэвида, не говоря уже о тех, кто в доме,— убеждала она себя,— не бойся и держи себя в руках».

Задняя дверь в доме викария распахнулась, и вырвавшийся изнутри свет озарил фигуру с ног до головы.

— Что здесь происходит?

Кейт узнала голос жены викария Розмари.

— Эрик, это ты?

— Замолчи, Розмари,— не оборачиваясь, сказал человек.

Стоявшая в дверях женщина, щурясь от яркого света фонаря, всматривалась в темноту позади человека, которого она назвала Эриком.

— Майкл, ты же сказал, что у тебя сегодня вечером встреча с настоятелем и потому ты вернешься поздно.

Кейт наконец начала догадываться, в чем дело.

— Значит, это дело рук вас обоих? Это вы устраивали все эти безобразия в церкви! Господи! Как же вам не совестно издеваться таким образом над мужем, миссис Клеменс?

— Кто там? Кто вы?

Кейт вышла вперед, по-прежнему держа фонарик направленным на мужчину, словно луч света был оружием в ее руках.

— Я Кейт Маккэррик, миссис Клеменс. Из Института экстрасенсорики. Вчера я была у вас вместе с Дэвидом Эшем.

— Но... но что вы здесь делаете? — Женщина, словно боясь вот-вот упасть, ухватилась рукой за косяк двери.

— То, что вы изменяете мужу, это, конечно, ваше личное дело,— заговорила вновь Кейт, входя в полосу льющегося из открытой двери света.— Хотя, Бог свидетель, о ваших похождениях известно всему городу. Но осквернять церковь и тем самым доводить мужа до нервного срыва — это уже нечто совсем другое.— Она наконец выключила фонарик, и мужчина с облегчением потер глаза.— Зачем вы так мучаете своего мужа, миссис Клеменс? Чего вы хотите этим добиться?

— Она сошла с ума! — воскликнул мужчина, которого Розмари называла Эриком, злобно глядя на Кейт.— Ты просто ненормальная! — рявкнул он на нее.

— Думаю, вам обоим придется объяснить очень многое,— спокойно ответила Кейт.— Полиция не церемонится с...

Она вдруг замолчала, и все трое как по команде повернулись в сторону серой громады церкви, откуда снова донесся звон колокола.

Эш поднимался по каменным ступеням внутри колокольни, подгоняемый тяжелым гулом колокола, таким громким в замкнутом пространстве лестницы, что Дэвид буквально оглох. Он торопливо взбирался все выше и выше, освещая себе путь фонариком, уже задыхаясь и чувствуя боль в ногах. Он споткнулся, ободрав ногу о камень, но тут же снова бросился вперед, полный решимости (хотя в душе уже почти знал правду) выяснить наконец, что за «призрак» посещает церковь Святого Марка. Он чувствовал, что в этом храме Божьем происходит что-то нехорошее, что в нем царит нездоровая атмосфера, но был абсолютно уверен, что дьявол здесь ни при чем. Разложение — сейчас ему в голову не приходило никакое другое слово — связано со слабостью человеческой натуры, а не с богохульством призраков. От преподобного Клеменса паства отворачивалась отнюдь не по вине церковного здания и не по причине духовного падения.

Добравшись до второго яруса, Эш остановился, чтобы передохнуть, и опустил фонарь. Дальше ступеньки были деревянными и скрипели — ему придется подстраивать шаги под удары колокола и эхо от этих ударов. Сквозь люк и отверстия для веревок над головой просачивался тусклый свет свечи.

Эш не стал больше задерживаться. Ему предстоял самый опасный отрезок пути, а звон колокола достиг своего апогея и стал поистине оглушительным.

Мерцающий свет наверху исчез, словно кто-то намеренно заслонил свечу. Эш поднимался очень медленно, придерживаясь рукой за верхние ступеньки лестницы. Наконец он добрался до люка и предусмотрительно пригнулся, только чуть-чуть высунув голову. Тень человека в капюшоне на противоположной стене казалась огромной.

Эш пролез через люк и увидел стоявшего на коленях спиной к нему человека, одетого в балахон и что-то делавшего возле стены.

Нестерпимо громкий колокольный звон все звучал и звучал, хотя колокола оставались неподвижными, как и скорчившийся у стены человек.

— Немедленно выключите! — рявкнул Эш, не в силах больше выносить этот ужасный грохот. Но человек, похоже, не слышал его.

Эш рванулся к нему, забыв о страхе и кипя от ярости.

— Выключите! — снова крикнул он и включил фонарик, направив его луч на фигуру человека на камнях.

Незнакомец на мгновение застыл на месте, потом медленно обернулся.

Эш держал в вытянутой руке фонарик, словно это был заряженный пистолет.

В первый момент ему показалось, что под капюшоном никого нет,— такая чернота царила внутри. Но луч фонарика высветил вдруг лицо.

— Выключите! — в третий раз приказал Эш, хотя понимал, что из-за оглушительного гула услышать его не-

возможно. Он уже готов был оттолкнуть скорчившегося человека и одним ударом заставить этот чертов механизм замолчать, ибо не мог больше выносить буквально сводящий его с ума грохот, эхом отдававшийся от стен и оттого еще более громкий в замкнутом пространстве колокольни. Но даже не слыша ни слова, викарий понял, чего требует от него Эш. Он пошарил за стеной и щелкнул выключателем.

И в ту же минуту пришло облегчение, хотя прошло еще какое-то время, прежде чем стихло эхо.

— Теперь пусть разбираются сами,— сказал Эш, когда вместе с Кейт они шли через кладбище к «саабу».— Мы свое дело сделали, а все остальное — их проблемы.

Помощник настоятеля беспумно закрыл за ними дверь дома викария, где сам настоятель в это время беседовал по душам с хозяином.

— Отчет о результатах исследования Института не принесет ему пользы,— грустно сказала Кейт.

Она была подавлена не столько потому, что все дело яйца выеденного не стоило и свелось к обыкновенной человеческой слабости и моральному падению, сколько из-за симпатии, которую она испытывала к викарию, из-за сочувствия к нему.

— Это уже не наша проблема,— резко ответил Эш.— Ему следовало обратиться за помощью к своему начальству.

— Тебе не кажется, что викарию не так-то просто признаться в том, что его жена переспала с половиной мужчин в городе?

— Ну уж не с половиной,— пожал плечами Эш.— Но их было достаточно, чтобы дать пищу для сплетен. Мне кажется, что за все эти пересуды за его спиной он ненавидел своих прихожан даже больше, чем жену.

— Но имитировать одержимость нечистой силой...

— Он хотел, чтобы церковь Святого Марка закрыли навсегда. Он мечтал уехать отсюда и начать все сначала. Разве можно его винить?

Кейт открыла водительскую дверь, а Эш обошел машину, сел в нее с другой стороны и провел ладонями по лицу.

— Я совершенно разбит, устал как собака.

— Пожалуйста, не засыпай на обратном пути, мне нужен собеседник ночью.— Она взглянула на часы.— Точнее, уже утром.— Кейт захлопнула дверь.— Ты знал обо всем с самого начала?

— Нет,— устало покачал он головой.— Но подозревал. Он отнюдь не похож на неврастеника. Сейчас уже нет смысла отправлять на анализ залитый кровью покров, но голову даю на отсечение, что это кровь животного. Уверен, что где-нибудь поблизости в поле или в реке мы могли бы обнаружить парочку трупов бродячих собак или кошек.

— Это ужасно! Ведь он служитель Господа!

— Доведенный до крайности. Возможно, у него все же не совсем в порядке психика. Можно ли с уверенностью утверждать, что во всем виновата одна лишь Розмари? Что меня действительно интересовало, так это то, каким образом он все это проделывал.— Эш вытащил пачку сигарет и закурил.— Кровь, свечи, поджоги, беспорядок — устроить все это с легкостью мог любой, кто имел доступ в церковь. Создавалось впечатление, что тот, кто устраивал все эти безобразия, был вне себя от ярости, но если задуматься... никакого серьезного ущерба церкви причинено не было. Если бы он не контролировал себя, если бы его не сдерживали святые обеты, им данные, он вообще мог бы спалить церковь. Оставалась лишь одна загадка: как ему удавалось звонить в колокол?

— Обыкновенный таймер, подсоединенный к магнитофону.

— Именно. Сегодня у него не было времени установить его, потому что большую часть вечера он провел с настоятелем.

Кейт повернула ключ зажигания, и мотор «сааба» заработал.

— Розмари думала, что он пробудет у настоятеля до поздней ночи и что ее нынешний любовник может прийти к ней без всяких опасений.

— А тем временем преподобный, уверенный, что я благополучно вернулся в Лондон, под каким-то благовидным предлогом поторопился уйти от настоятеля. Конечно, с его стороны все это было довольно глупо — рано или поздно я все равно нашел бы магнитофон, даже если для этого мне пришлось бы оторвать одну за другой все доски пола или даже разобрать колокольню.

— Думаю, что он не был способен рассуждать здраво.

Эш глубоко затянулся и откинулся на спинку сиденья.

— На откровенный вызов это тоже не слишком похоже. Но есть одна деталь, которая до сих пор не дает мне покоя.

Кейт бросила на него вопросительный взгляд.

— Когда я позавчера впервые вошел в церковь Святого Марка, я увидел, что возле алтаря кто-то есть. Этот кто-то или стоял на коленях, или был очень маленького роста. Теперь я думаю, что, возможно, это был ребенок.

Я решил, что этот некто вышел из церкви через боковую дверь, но через несколько минут мы осмотрели ее и она оказалась запертой на засов изнутри. Пройти незамеченным мимо нас этот человек никак не мог, спрятаться тоже было негде.

Кейт и Эш одновременно оглянулись и посмотрели на темневший за кладбищем силуэт церкви.

10

Пар клубами поднимался вверх, касался потолка и влажными каплями стекал по белому кафелю. Слышались только всплески воды и звуки интенсивного трения губки о тело: процесс, происходивший в ванной, представлял собой не только физическое очищение. Эш с таким остервенением тер свое тело, как будто стремился содрать с себя кожу, чувствуя, что мерзкая грязь проникла под нее и испачкала

душу. Ощущение совершенно иррациональное, но избавиться от него никак не удавалось. Грязь в конце концов была смыта, но скверна внутри осталась.

Ванна была поистине огромной, эмаль под старинными вертикальными кранами потемнела от времени и покрылась бурыми пятнами; гнутые ножки словно деформировались под невероятной тяжестью. Над массивной квадратной раковиной висело маленькое запотевшее мутноватое зеркало, рядом стоял табурет, бледно-зеленая краска на котором потрескалась и местами облупилась.

Он наконец вылез из воды, мокрые темные волосы облепили голову и тело. Вытерев пальцами глаза и проведя ладонью по небритому подбородку, Эш шагнул из ванны и направился к висевшему на перекладине за дверью большому полотенцу, стараясь не поскользнуться на блестящем гладком полу. Он яростно растирался жесткой тканью, начав с головы и постепенно двигаясь вниз, как бы продолжая процесс очищения. В какое-то мгновение он вдруг замер, повернулся к двери и прислушался. Но ничего не услышал — Эдбрук погрузился в тишину. Эш закончил вытираться и натянул на все еще влажное, распаренное тело халат.

Выдернув пробку, закрывавшую сливное отверстие, Эш руками стал стирать со стенок ванны грязные следы, оставленные уходящей водой. Как загипнотизированный, он смотрел на образованную водой воронку возле отверстия, и мысли его в эту минуту были далеко, в совершенно ином времени, подхваченные гораздо более мощным водяным вихрем... Потом он вдруг вздрогнул и вернулся к реальности. Эш глубоко вздохнул, и горло наполнил влажный пар, он сделал долгий выдох, чтобы очистить легкие и заставить себя хоть немного успокоиться.

Ванна наконец опустела, Эш направился к дверям и увидел, что ручка тоже мокрая и скользкая. Прежде чем взяться за нее и повернуть, он какое-то мгновение колебался — его не покидало странное ощущение, что за дверью его кто-

то поджидает. Из темного, но пустого коридора на него пахнуло холодом.

Приглаживая на ходу волосы, Эш босиком вернулся к себе в спальню. Несмотря на возбужденное состояние, он чувствовал себя смертельно усталым и совершенно разбитым.

Заперев за собой дверь, он направился к бюро, на котором были разложены его записи и наскоро сделанные наброски планировки дома. Теперь рядом с ними стоял и стакан, и Эш торопливо плеснул в него приличную порцию водки. Он сделал большой глоток, потом еще один, подождал, пока тепло разольется в груди, а голова станет ясной, как прежде, потом подошел к окну. Выглянув в парк, он с облегчением увидел, что из этой части дома не видны ни терраса, ни пруд.

Ему не нравились скульптуры в парке и тени, отбрасываемые деревьями и кустами. Мог ли он быть уверен, что они являются именно тем, чем кажутся? Да что, черт возьми, с ним происходит? Он упал в пруд, потому что его кто-то толкнул, но этот кто-то не был собакой! И он подумал... вообразил, что именно этот кто-то был рядом с ним в воде, пытался его утопить. Но это мимолетное видение отступило, его заслонили ужасные воспоминания о событиях, произошедших много лет назад. К черту! Он должен взять себя в руки и начать мыслить логически. С Мариэллами связана какая-то тайна, он чувствовал, что они скрывают от него что-то. Идиот! Он сам не велел им ничего говорить, во всяком случае на этой стадии расследования. Он едва не позволил одному-единственному событию разрушить все остальное. Все члены семьи искренне верят, что их преследуют привидения, он же считал своей задачей разубедить их, представив бесспорные доказательства того, что все происходящее в Эдбруке вызвано вполне земными, рациональными причинами. Привидения, призраки, неприкаянно бродящие души не могут существовать на самом деле. Через день-два, а быть может, и раньше он сумеет это доказать. А сам вновь обретет уверенность.

Он с отвращением отвернулся от окна и направился к кровати, прихватив по пути бутылку с водкой и стакан. Поставив то и другое на тумбочку возле кровати, чтобы всегда были под рукой, он скинул халат и скользнул под одеяло.

Прикосновение холодных простыней заставило его вздрогнуть. Погасив лампу, он заметил, что тусклая луна почти не дает света. Широко открытыми глазами он смотрел в темно-серое пространство над головой...

Ни огонька, ни отблеска света изнутри. На фоне черных ночных туч вырисовывалась темная громада Эдбрука. По парку проносился легкий ветерок, он шуршал листвой и шевелил ветви деревьев. В лесу охотились ночные звери и птицы, мгновенно и яростно нанося удары своим жертвам. На стволах деревьев поблескивал зеленовато-голубым светом лишайник, в траве ползали и прыгали жучки. Иногда сквозь разрывы в тучах виднелся бледный, излучающий призрачное сияние диск луны.

Эш спал в доме. Но сон его был тревожным, беспокойным.

Ему снилась вода, вокруг него бурлил и пенился водоворот, давящий со всех сторон. Время от времени ему удавалось чуть приподняться над поверхностью, и тогда с обеих сторон он видел уже недосягаемые, удаляющиеся берега. Он закричал, и рот его наполнился ледяной жидкостью, это ужасное ощущение было ему знакомо.

Стремительное подводное течение тащило его вниз, и он вновь скрылся под водой. В глубине рядом с ним кто-то был, неясная тень, как и он, пытающаяся сопротивляться. Растрепанные волосы вьются вокруг ее лица, руки и ноги лихорадочно барахтаются в воде. Рот у нее тоже открыт, она кричит, протестуя против ужаса, происходящего с ними. Девочка отдаляется от него, очертания ее фигуры становятся все менее ясными, ее поглощает бурлящий поток, но, к своему удивлению, он вдруг ясно видит ее ногу в белом гольфе и замечает, что туфлю она потеряла. Потом девочка исчезает в мутной воде реки.

Он вновь выплыл на поверхность, слабый мальчик, уже не имеющий сил бороться с потоком, но достаточно легкий, чтобы яростное течение вытолкнуло его наверх.

Он успел увидеть ее еще раз, точнее — только ее голову, маленькое бледное личико, которое появилось словно затем, чтобы попрощаться, прежде чем навсегда исчезнуть. Маленькая девочка, навеки унесенная в небытие...

Эш проснулся с криком, больше похожим на рыдание. Перед глазами все еще стоял ночной кошмар, постепенно уступающий место совсем другим ощущениям — чувству безысходного горя и раскаяния. Все тело его покрылось холодным потом.

В окно проникал свет раннего утра, серый и безрадостный.

11

Эш встал на колени, чтобы лучше видеть порошок, рассыпанный им на верхней площадке лестницы. Бесполезно, ничего не понять — слишком много ног прошло здесь ночью и, возможно, утром. Он собрал немного порошка и поднялся. Разжав кулак, он смотрел, как порошок медленно опускается на пол, и пытался определить направление воздушных потоков. Но частички порошка падали вниз, никуда не отклоняясь в своем движении. Он проверил показания висевшего рядом термометра. Температура невысока, но все же не такая низкая, как в прошлую ночь, вполне обычная для утра в это время года.

Эш спустился вниз и направился в сторону, ориентируясь на звук доносившихся оттуда приглушенных голосов. Кристина смеялась над какой-то репликой Саймона, а сидевший во главе стола Роберт улыбался, глядя на обоих. Когда Дэвид вошел, разговор немедленно прекратился.

— Доброе утро, мистер Эш,— приветствовал его Роберт и указал ему место рядом с няней Тесс, напротив своих

младших брата и сестры.— Надеюсь, вам удалось выспаться после маленького печального происшествия прошлой ночью.

Эш отодвинул стул и сел.

— Э-э-э... да... я спал,— ответил он.— И все же я так и не смог понять, что же случилось. Я уверен, я настаиваю на том, что видел на улице девушку.

Все смотрели на него, не произнося ни слова.

— Хорошо,— продолжал Дэвид,— допустим, в пруд меня столкнула собака. У меня нет никакой уверенности в этом вопросе, поэтому настаивать не буду. Но я твердо убежден в том, что от самого дома преследовал какую-то фигуру. Это была молодая девушка.— Он поднял глаза.— Мне показалось, что это были вы, Кристина.

Она только посмотрела на Эша и ничего не сказала.

Воцарившееся за столом молчание прервал Саймон.

— Мне кажется, настало все-таки время рассказать нашему исследователю обо всем, что происходит в Эдбруке.

— Да, пожалуй,— после минутного колебания согласился с ним Роберт.— Мы воздержались от этого прошлой ночью, поскольку вы были несколько не в себе и потому, что вы сами запретили нам это делать, не позволили ничего вам рассказывать до поры до времени. И тем не менее думаю, что нам пора поговорить о наших призраках.

— Да, пора,— кивнул Эш.

— Что ж, в таком случае будет справедливо, если начнет няня. Она первая столкнулась с нашим призраком.

Все взоры обратились к тетушке, которая в этот момент встала из-за стола, чтобы принести Эшу завтрак. Она поставила перед ним мизерную порцию яичницы с беконом и грибами и вновь села, опустив глаза и глядя в свою тарелку с едва тронутым завтраком. Создавалось впечатление, что она не хочет ничего говорить.

— Ну давай же, няня, не стесняйся,— подбодрил ее Саймон.— Мистер Эш приехал сюда, чтобы помочь нам.

— Расскажите о том, что вы видели и пережили, мисс Вебб,— мягко попросил Эш.— Я не удивлюсь ничему из того, что вы скажете.

Она начала очень неуверенно и запинаясь:

— Я... я видела... несколько раз я видела призрак.

— Всегда в одном и том же месте? — уточнил Дэвид.

— Нет. В разных частях дома. И... и в парке.

— Около пруда?

— Да. Однажды,— ответила она, избегая встретиться с ним глазами.

Эш с мрачным выражением лица обвел всех взглядом.

— Как выглядел этот призрак? — спросил он, вновь поворачиваясь к няне Тесс.

— Это была девушка,— прошептала она.— Юная девушка.

Эш заметил, что Саймон и Кристина украдкой переглянулись и улыбнулись друг другу, но постарался скрыть свое раздражение.

— Одетая во что-то свободное, белое и легкое, похожее, скажем, на ночную рубашку...— сказал он, и слова его прозвучали скорее как утверждение, чем как вопрос.

Няня Тесс кивнула, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Как долго?

— Простите? — она подняла на него непонимающий взгляд.

— Как долго все это продолжается? Сколько времени вам приходится наблюдать этот феномен?

— Это, безусловно, призрак, мистер Эш? — вмешался в разговор Роберт.

— Это пока еще не установлено,— резко ответил Эш.— Так как долго, мисс Вебб?

— Уже несколько лет, да, многие годы.

— В таком случае почему только сейчас вы решили провести исследование?

И вновь за нее ответил Роберт.

— Ну... видите ли, до недавнего времени этот... феномен, так сказать, являлся только няне Тесс. А теперь все мы стали его свидетелями.

Саймон зажал руками рот, пытаясь подавить смешок.

— Это что, шутка? — обернувшись к нему, поинтересовался Эш.

— Простите, пожалуйста, моего брата,— извинился за Саймона Роберт.— У него манера все превращать в шутку.

— Не у меня одного,— быстро отреагировал Саймон.

Старший брат никак не отозвался на его слова.

— Вы ведете себя невежливо по отношению к нашему гостю,— проворчала няня Тесс.

— Совершенно справедливый упрек, няня,— с улыбкой сказал Роберт и повернулся к Дэвиду.— Боюсь, няне Тесс пришлось многое испытать от наших глупых шуточек еще со времен нашего детства. Иногда я удивляюсь, как ей удается терпеть нас столько лет.

— Кому-то нужно было это делать,— тихо, словно про себя, пробормотала няня Тесс.— Кому-то...— она снова опустила взгляд в свою тарелку, как будто увидела там нечто интересное.

Эш тоже попытался приступить к завтраку, хотя аппетита совершенно не было.

— Вы сказали, что теперь вам всем пришлось повстречаться с тем, что вы называете призраком молодой девушки.

— И не однажды,— ответил за всех Роберт.— И все мы видели ее в разных концах дома. Но только няня встречала эту бедную неприкаянную душу за пределами особняка.

— Почему вы называете ее «бедной»?

— А разве не таковы все они? Одинокие души, которым при тех или иных несчастливых или даже трагических обстоятельствах пришлось покинуть бренные тела. Я помню, что где-то даже читал об этом.

— Это общепринятая теория.

— Но вы с ней не согласны,— впервые за все утро подала голос Кристина.

Свет, проникавший сквозь высокие окна за ее спиной, по мере того как разгорался день, становился все ярче и окрашивал волосы девушки в ярко-рыжий цвет. Глаза ее искрились смехом; Эш уже начал привыкать к такому их выражению и подумал, уж не подшучивает ли она над ним.

— Я готов поверить, что эмоции, испытываемые некоторыми психически слабыми людьми в момент смерти, могут быть настолько сильны, несмотря на боль, моральную травму или шок, что оставляют после себя некое впечатление. Послеобраз, если хотите. И требуются многие и многие годы, чтобы он рассеялся навсегда.— Он перевел взгляд с Кристины на Роберта.— Предполагаю, что Эдбрук тоже имеет свою историю. Он всегда находился во владении Мариэллов?

— В этом доме жили многие и многие поколения Мариэллов, мистер Эш,— сказал Роберт.— Фактически со времени его постройки — с шестнадцатого века.

— Тогда, возможно, вам известно...

Роберт не дал ему закончить фразу.

— Мариэллы во все времена предпочитали забывать о своих несчастьях. Насколько я знаю, ни одна трагедия, когда-либо случившаяся в Эдбруке, не нашла отражения в семейных анналах. В жизни нашего поколения тоже произошло несчастье — наши родители погибли, когда мы были еще совсем детьми. Но это был несчастный случай, и произошел он далеко отсюда.

— Быть может, кто-то из гостей или слуг умер в доме при трагических обстоятельствах?

— Ах, были времена (и какие!), когда в Эдбруке работали слуги. А теперь все заботы о доме полностью лежат на няне Тесс. Она прекрасно с ними справляется...

Тетушка, наливавшая в этот момент чай гостю, казалось, была не слишком-то польщена этим комплиментом. Она поставила чашку перед Эшем, которого поразили ее

молчаливость и явное нежелание принимать участие в разговоре.

— Однако о каких-либо убийствах или самоубийствах гостей или слуг Эдбрука мне ничего не известно,— закончил Роберт.

— Никого бы не удивило, если бы в таком доме, как Эдбрук, где-нибудь в шкафу была припрятана парочка скелетов.— Эш добавил в чай молоко и продолжил: — Хорошо бы все-таки узнать, кем была эта девушка.

Кристина, положив руки на стол, наклонилась вперед.

— Значит, вы верите, что этот дом посещает призрак?

— Вполне возможно, что здесь задержалось визуальное представление о ком-то, кто прежде жил в этом доме. Вероятно, что именно его я видел прошлой ночью. Своего рода видение.

— Это что, синоним слова «привидение»? — пренебрежительно спросил Саймон.

— Нет, это то же самое, что и «образ»,— ответил Эш, оглядывая сидящих за столом.— Совсем не обязательно это может быть привидением в том смысле, какой вы вкладываете в это слово. Сегодня утром, чуть позже, я хочу, чтобы каждый из вас...

Няня Тесс вскрикнула. В руках у нее была кастрюля с тушеной требухой с клецками, крышка от которой вместе с кучкой требухи и перца лежала сейчас на ее тарелке. Саймон и Кристина расхохотались, а когда няня Тесс начала чихать, хохот стал поистине неудержимым. Даже Роберт улыбнулся и хихикнул.

Эш переводил взгляд с одного на другого и чувствовал себя совершенно сбитым с толку этой детской выходкой.

Взгляд его задержался на Кристине, и она тут же заметила это. Веселье ее немедленно испарилось. Она взглянула на братьев, словно ища у них поддержки, но они, казалось, этого не заметили.

Эш не сводил с нее глаз, но она избегала смотреть в его сторону. Интересно почему?

12

Через вращающуюся дверь Кейт Маккэррик вошла в Институт экстрасенсорики, пожелала доброго утра сидевшему за барьером вахтеру и по пути взяла у него кипу писем и пакетов. Она просматривала их, поднимаясь наверх в свой офис, то и дело здороваясь с коллегами.

Войдя в кабинет, она бросила всю кипу на стол, сняла шарф и пальто и повесила на вешалку за дверью. Усевшись поудобнее, она быстро пролистала журнал регистрации заказов, другой рукой подняв телефонную трубку и нажимая кнопку «0».

— Дженни, Дэвид Эш пытался связаться со мной сегодня утром? — спросила она.— Нет? Тогда выясните для меня, пожалуйста, номер телефона.

Продиктовав фамилию и все данные Мариэллов, она положила на рычаг трубку и принялась вскрывать свежую почту.

В то же самое время в библиотеке Эдбрука Дэвид Эш заново устанавливал на треногу «Полароид», стараясь не задеть тонкие провода, соединяющие фотоаппарат с другими высокочувствительными приборами.

Роберт, сцепив за спиной руки, следил за его работой, и, казалось, она его немало забавляла.

— Примерно здесь? — спросил Дэвид, обернувшись и желая уточнить, правильно ли он выбрал место.

— Да, в первый раз здесь, а потом...— Роберт небрежно обвел рукой помещение.— ...Здесь, там... в разных местах.

Эш выпрямился и с удовлетворением отметил, что в поле объектива фотоаппарата попадает большая часть библиотеки.

— Она когда-либо произносила хоть слово? Вы сами пытались заговорить с ней?

— Дорогой мой,— нахмурившись, ответил Роберт,— я не имею привычки вести беседы с привидениями. Уже то, что приходится наблюдать такого рода явления, кажется

мне весьма подозрительным и неприятным.— Он передернул плечами.— Как бы то ни было, вы весьма удачно установили фотоаппарат, и будем надеяться, что ему удастся зафиксировать что-то. Можете вы мне объяснить, что же все-таки происходит в нашем доме?

— Это называется прибором для измерения емкостного сопротивления,— указал Эш на один из предметов.— При возникновении малейшего движения в помещении он приведет в действие фотоаппарат и магнитофон. Я включу его позднее, когда буду уверен, что никто из нас не войдет в библиотеку.— Он достал из кармана портативный магнитофон.— Пожалуйста, расскажите мне конкретно обо всем, что видели. Я запишу все на пленку.

— Запишете на пленку? — Роберт удивленно поднял брови.

— Это только для институтского архива. Я гарантирую вам строжайшее сохранение тайны.— Он нажал кнопку и положил крошечный прибор на угол стола между собой и Робертом.

Минуту или две Роберт молча смотрел на него, потом заговорил.

— Что ж, ладно. Я видел в этой комнате девушку, хотя поначалу это было лишь туманное видение неопределенной формы. И все же это девушка примерно лет двадцати, по-моему. Я видел ее несколько дней, точнее — ночей, причем чем дальше — тем яснее, как будто ее присутствие постепенно усиливалось. Должен признаться, что при ней сам я чувствовал ужасную слабость.

— Это иногда случается. Видения такого рода как будто отбирают физическую энергию у тех, кому являются, чтобы пополнить собственные силы. Они обладают также способностью вытягивать энергию из воздуха. Вот почему температура в помещении внезапно падает. Их присутствие также может влиять на электричество.

— Невероятно. Но вы и вправду рассказываете о привидениях, мистер Эш.

— Нет, я по-прежнему говорю о необъяснимом феномене. Пожалуйста, продолжайте свой рассказ.

Роберт ходил взад и вперед по комнате, но вдруг вспомнил о лежащем на столе магнитофоне и возвратился на прежнее место.

— Я чувствовал безысходную печаль, связанную с... с этим видением... как будто она искала что-то... что-то потеряла...

Магнитная пленка на медленно кружившихся бобинах фиксировала каждый звук, раздававшийся в комнате, включая шаги и даже трение спички о коробок и ее вспышку, когда Эш закуривал сигарету.

Оставив дверцы шкафа с документами полуоткрытыми, Кейт вернулась к столу, чтобы ответить на телефонный звонок.

— Маккэррик слушает,— ответила она в трубку и тут же нахмурилась, услышав слова Дженни.— Но должен же быть номер,— настойчиво сказала она.— Проверьте еще раз.— Она снова замолчала, слушая ответ.— Нет в списке? Не может быть! — Она на секунду задумалась.— Хорошо, Дженни, спасибо за помощь.

Кейт положила трубку и погрузилась в размышления, постукивая кончиками пальцев по крышке стола.

Катушечный магнитофон был не таким маленьким, как портативный, но все же достаточно компактным, чтобы его удобно было возить с собой. Он соединялся с вибрационным детектором. Саймон Мариэлл с интересом наблюдал, как исследователь устанавливает оборудование на низкой полочке в подвале Эдбрука. Рядом на треноге был укреплен фотоаппарат с эффектом ускорения движения и электронной вспышкой, снабженный фильтром для улавливания инфракрасного излучения. В фотоаппарат была вставлена черно-белая пленка, фиксирующая инфракрасное изображение, а кнопка спуска соединялась с инфра-

красным детектором, регистрирующим малейшие движения.

Царящая в подвале сырость вызывала неприятные ощущения, пыльный и влажный воздух раздражал, но Эш старался не обращать на это внимания. Достав термометр для оранжерей, он повесил его на полку для хранения вина. Все интересующее его пространство освещалось единственной тусклой лампочкой, отчего тени в нишах и углах казались еще чернее. Стряхнув с ладоней пыль, Дэвид повернулся к своему спутнику.

— Разве все эти ваши приспособления не зафиксировали ничего прошлой ночью? — спросил Саймон.

— Я не устанавливал аппаратуру здесь, внизу.

— Но в других частях дома?

— Абсолютно ничего. Правда, я тогда еще не определил точное расположение приборов.

— Наверное, вам еще тогда следовало узнать у нас кое-какие детали.

— В этом не было необходимости. Сначала я должен был выяснить, что мне удастся обнаружить самостоятельно.

— Мне кажется, вы обнаружили нечто большее, чем рассчитывали увидеть,— с усмешкой констатировал Саймон.

Он глубоко засунул руки в карманы брюк; казалось, его забавляла вся эта ситуация.

— Итак, что вы хотели от меня услышать? О том, как я лицом к лицу столкнулся в этом подвале с женщиной-призраком?

— Мне было бы интересно услышать об этом. Но сначала скажите мне вот что: сколько лет было вашей матери, когда она умерла?

Саймон улыбнулся, ничуть не смущенный таким вопросом.

— Она в то время была гораздо старше, чем наше видение, друг мой. Мне кажется, вы ищете совсем не там.

— Как отреагировала на это Кристина?

— На смерть наших родителей? Господи! Да так же, как и все мы,— она была потрясена. А чего еще вы можете ожидать? Мы тогда были еще маленькими. На наше счастье, рядом с нами осталась няня Тесс, которая всегда заботилась о нас.

Эш почувствовал удовлетворение, заметив, что при этих воспоминаниях с лица Саймона исчезло наконец насмешливое выражение. Саймон в свою очередь переминался с ноги на ногу, он чувствовал себя не в своей тарелке и был явно недоволен расспросами.

— Послушайте, если вы не против, поговорим лучше о наших призраках,— довольно раздраженно сказал он.— В этом сыром подвале торчать очень неприятно.

— Прошу прощения,— ответил Эш, вытаскивая магнитофон и нажимая на кнопку.— Продолжим. Расскажите, пожалуйста, обо всем, что видели, по возможности подробно.

— Я видел то же, что и все,— по-прежнему недовольным тоном заговорил Саймон.— Девушку. Я видел ее несколько раз, она шла крадучись, или парила, или что там еще делают существа такого рода. В первый раз я встретил ее, когда спустился сюда за вином,— она стояла вон там и смотрела на меня.— Он указал, где именно, и содрогнулся при этом воспоминании.— Должен признаться, что от этого зрелища у меня кровь застыла в жилах.

— Была ли она похожа на кого-то, кого вы знаете? Или знали раньше?

— Конечно нет! Это, кстати, самое ужасное во всем этом деле.— Он поморщился от отвращения.— С ее лицом и фигурой что-то было не в порядке... Что-то очень неприятное... Она казалась... не знаю... какой-то... уродливой, что ли.

Эш поднес магнитофон ближе к Саймону, чтобы лучше записать звук.

Наверху, в холле, няня Тесс стояла возле полуоткрытой двери, прислушиваясь к разговору внизу...

13

Дверь кабинета открылась, и Кейт оторвала взгляд от пишущей машинки. На самом кончике ее носа чудом держались очки для чтения. Эдит Фипс, словно не решаясь войти, заглянула в дверь. Лицо ее выражало крайнее беспокойство.

— Вы обещали позвонить мне...— Ее голос дрожал от волнения.

— Да-да, извините,— ответила Кейт, жестом приглашая Эдит войти.— Но мне нечего пока сказать вам. Все это очень странно, но, боюсь, в поместье Мариэллов вообще нет телефона.

Медиум села напротив Кейт, не сводя с директора Института пристального взгляда.

— Разве Дэвид до сих пор не связался с вами?

Кейт постаралась улыбнуться как можно непринужденнее.

— Нет, но я не вижу в этом ничего странного. Он обладает великой способностью бесследно исчезать на много дней. Дэвид так увлекается исследованиями, что подчас напрочь забывает о своих обязательствах перед другими людьми.— Она сняла очки и откинулась на спинку кресла.— Так или иначе, но если у них нет телефона, то Дэвид не имеет возможности связаться с нами — для этого ему необходимо пойти куда-то. Не забывайте также, что он без машины. Вы можете себе представить, чтобы он тащился пешком по полям в поисках телефонной будки? Я — нет.— Она снова улыбнулась, стараясь придать словам шутливый тон.

Лицо Эдит, однако, оставалось бледным и озабоченным.

— Дом расположен в столь отдаленном месте? — спросила она.

— Насколько я могу судить, исходя из полученных мною писем, от него до ближайшего поселка не меньше двух миль. Именно поэтому мисс Вебб пообещала встретить его на станции.

Кейт стала вдруг серьезной. После ночного звонка Эдит ей было очень не по себе, но при свете холодного дня ситуация приобрела более реальные черты. Глупо так беспокоиться из-за потери связи с Дэвидом всего лишь на один день. Хотя Эдит Фипс и великолепный опытный медиум, она тоже не застрахована от ошибок. У любого медиума бывают проколы. И все же Кейт сочувственно относилась к подавленному душевному состоянию своей служащей.

— Вы по-прежнему очень беспокоитесь, Эдит? — спросила она, стараясь говорить как можно мягче.

Медиум сжала дрожащие руки.

— Прошлой ночью ощущение того, что Дэвид в опасности, было таким сильным...

— Да, признаюсь, вы меня тоже очень встревожили. Но нам остается только ждать от него звонка. Ничего другого мы сделать не в силах. Вы же знаете, у него достаточно опыта и он сумеет сам позаботиться о своей безопасности.

— Вы считаете меня глупой старухой? — покраснев от неловкости, пробормотала Эдит.

— Я слишком уважаю вас и ценю ваши способности экстрасенса, чтобы думать так,— мягко ответила Кейт.— Я только прошу вас быть разумной. Мы мало что можем предпринять до тех пор, пока Дэвид с нами не свяжется. А потому давайте подождем еще немного.

На этот раз, однако, улыбка ее была гораздо менее уверенной.

14

Тусклое серое утро сменилось ясным днем, а потом взорвалось ярким великолепием осени; последние перед зимой лучи солнца охватили землю крепкими, но холодными объятиями. Дыхание ледяного воздуха было свежим и бодрящим.

Кристина и Эш шли по густому тенистому лесу, время от времени прерывавшемуся просторными яркими лужай-

ками. Иногда они останавливались, наблюдая, как выскакивает из-под ног встревоженный их шагами маленький зверек и бросается в другое укрытие или как прыгают с дерева на дерево, пренебрегая всеми законами земного притяжения, белки. Когда они оказались в густых зарослях, шедшая впереди Кристина вдруг отвела в сторону ветку и резко отпустила ее, так что та сильно ударила Эша в грудь. Эта детская шалость привела ее в восторг, и она громко расхохоталась. Удар не был болезненным, и Эш, глядя на довольное лицо девушки, улыбнулся, хотя и несколько удивленно.

Кристина бегом бросилась вперед, вынуждая Дэвида следовать за собой и упрекая его за «старческую» медлительность. Он следил, как девушка, цепляясь за стебли травы и торчащие из-под земли корни, взбирается по крутому склону. Ее длинная юбка при этом приподнялась, открывая изящные ступни и тонкие лодыжки. Ее веселость и беспечность были столь заразительны, что у Дэвида тоже поднялось настроение. Возможно, свою роль в этом сыграло и то, что они оказались вдалеке от мрачной громады дома.

Пытаясь ее догнать, он поскользнулся и упал спиной на землю, укрытую толстым ковром из осенних листьев. Его падение еще более усилило восторг девушки, и смех ее был слышен даже в самых отдаленных уголках леса.

Эш отряхнулся и выдавил из себя весьма унылую улыбку, в нем поднималось раздражение — нервное напряжение последней ночи давало о себе знать. Эш снова попытался взобраться наверх, и на этот раз под ободряющие крики Кристины ему удалось это сделать.

Они пошли дальше, наслаждаясь обществом друг друга и почти не разговаривая, так как не испытывали в этом потребности.

Потом они отдыхали на поляне, со всех сторон окруженной деревьями, защищавшими их от ветра, в то время как осеннее солнце согревало их своим последним теплом. Эш, с трудом переводя дыхание, прислонился спиной к толстому стволу дуба, поднял лицо к солнцу и закрыл гла-

за. Кристина, поджав под себя ноги, села рядом, опираясь рукой о траву.

— Я в гораздо худшей форме, чем думал,— признался он, смахивая с шеи какое-то жужжащее насекомое.— Я чувствую себя сейчас так, будто пробежал по меньшей мере милю в свинцовых ботинках.

— Это издержки городской жизни,— ответила она.

— Пьянство и обжорство когда-нибудь должны были сказаться,— с этими словами Эш достал из кармана портативный магнитофон.— Не возражаете, если я включу его на время нашего разговора.

Она покачала головой. Казалось, ее забавляло это маленькое устройство.

— Нисколько не возражаю. Так о чем вы хотите поговорить со мной? — Вопрос прозвучал почти насмешливо.

— О ваших братьях. О доме.

Она рассмеялась.

— Это достойно того, чтобы записывать на пленку?

— Возможно.

Кристина развела руками.

— С чего же мне начать?

— Расскажите, где вы столкнулись с привидением,— ответил он, нажимая на кнопку.

— Значит, теперь и вы называете то, что мы видели, привидением?

— Только для простоты. На данном этапе терминология не имеет значения.

— Откуда в вас столько скептицизма? — девушка казалась искренне озадаченной.

— Предпочитаю считать себя всего лишь реалистом,— парировал он.

Несколько секунд она размышляла над его словами, потом заговорила:

— Я видела ее в холле. В коридорах. Я видела ее в вашей комнате. Однажды, гуляя по парку, я заметила, что она наблюдает за мной из окна.

— Она никогда не пыталась заговорить с вами?

— Мне кажется, она этого хочет,— спокойно ответила Кристина.— Даже очень. Такое впечатление, что у нее не хватает для этого сил, она может только появиться, не более.

— Вас это пугает?

— Нет,— Кристина слегка качнула головой.— Нет, она вызывает во мне сочувствие и жалость. Она кажется... какой-то потерянной.

Прежде чем задать следующий вопрос, Эш некоторое время задумчиво молчал.

— Как умерли ваши родители, Кристина?

По лицу девушки словно пробежала тень. Наверное, так и было на самом деле, ибо солнце в этот момент спряталось за верхушками деревьев, качнувшихся под внезапным порывом ветра.

— Это случилось очень давно,— сказала она, и он почувствовал, что она все еще страдает, хотя и старается скрыть душевные муки, готовую вырваться боль.— Они оставили нас на попечение няни Тесс — младшей сестры нашей мамы. Мне кажется, мама слишком любила наслаждаться жизнью, чтобы обременять себя заботой о детях, а потому наша тетушка стала нам няней задолго до гибели родителей.

— Вы были еще детьми, когда это случилось?

— Мы были совсем маленькими.

Темно-коричневый лист с загнувшимися краями медленно опустился на землю между ними. Потом еще один. Несмотря на пригревавшее солнышко, Эш чувствовал, как холод, исходящий от земли, насквозь пронизывает его тело.

— Вы спросили меня, как это случилось,— продолжала Кристина.— Автомобильная авария. Они ехали по Франции, намереваясь навестить друзей в Дижоне. Никто не знает, как и почему произошла катастрофа, но, судя по всему, их машина внезапно съехала с дороги. Неизвестно даже, кто в этот момент сидел за рулем, так как машина взорвалась и загорелась. Обнаружили только... два обгоревших до неузнаваемости... скрюченных тела...

Дэвид выключил магнитофон, наклонился к Кристине и тронул ее за руку.

— Простите меня. Я не хотел воскрешать в вашей памяти такие страшные воспоминания.

— Это случилось так давно — теперь это лишь отдаленные, едва ли связанные с реальностью отголоски памяти.

— Вам, должно быть, очень их не хватало.

— К счастью, с нами осталась няня Гесс. И к тому же денег было достаточно, чтобы мы могли жить относительно безбедно.

— Мисс Вебб стала вашим опекуном?

Кристина кивнула.

— Все эти годы няня оставалась хранительницей семьи, несмотря на то что иногда мы буквально доводили ее до крайности.

Неожиданно настроение ее резко изменилось — увидев недоуменно-вопросительное выражение лица Эша, она рассмеялась.

— Это все наши игры,— пояснила она.— С самого детства время от времени мы любим подшучивать друг над другом, поддразнивать, чтобы повеселиться. Няня говорит, что мы унаследовали любовь к шуткам от мамы — она своими выходками иногда доводила папу буквально до безумия. Точно так же, как мы доводим теперь няню.

— Да, я это заметил сегодня за завтраком,— сухо сказал Дэвид.— Неужели она никогда не сердится на вас?

Она снова рассмеялась, но на этот раз довольно-таки злорадно.

— Очень часто. Но она уже научилась принимать нас такими, какие мы есть.— Она сорвала травинку и кончиком пощекотала себя по губам.— Она часто ворчала на нас, когда мы были детьми, ругала за то, что иногда мы жестоко обходились друг с другом,— вы же знаете, каковы дети. Пожалуй, я вела себя еще хуже, чем Саймон и Роберт, но чего вы хотите от девочки, которая растет рядом с двумя старшими братьями.

— Вам нет нужды рассказывать мне, какими злыми бывают подчас очаровательные маленькие девочки.

Кристина с любопытством посмотрела на него.

— Вы говорите как человек, имеющий личный опыт в этом вопросе.

— Я... в общем... у меня тоже была сестра,— ответил Эш, избегая ее взгляда.

— Была?

Дэвид невидящими глазами уставился в пространство.

— Ее звали Джульеттой. Она...— Он с трудом подбирал слова.— Она... утонула, когда мы были еще детьми. Мы упали в реку, но мне повезло больше — меня вытащили.— Он вспомнил вдруг исчезающую под водой маленькую белую ручку с растопыренными пальчиками.

Теперь уже Кристина наклонилась и взяла его за руку. Он вздрогнул от неожиданности.

— Вы по-прежнему боитесь воды? — мягко спросила она.— Именно поэтому вы так испугались прошлой ночью?

Она продолжала держать его за руку, а Дэвид молча смотрел ей в глаза. Потом отвернулся — взволнованный и утративший вдруг всю свою уверенность.

— Я чувствую себя очень неловко из-за этого происшествия,— наконец сказал он.— Но в связи со смертью Джульетты меня по-прежнему по ночам мучают кошмары. Возможно, прошлой ночью они каким-то образом наложились на реальность.

Он вспомнил вдруг руки, вытягивающие его из воды, но не мог точно сказать, не было ли это отголоском событий, произошедших много лет назад.

— Вы все еще думаете о Джульетте? — поинтересовалась Кристина.

— Я плохо ее помню,— холодно промолвил он.

Он порылся в карманах в поисках сигарет, вытащил пачку. Сунув сигарету в рот, он вдруг спохватился и предложил пачку Кристине. Но она, продолжая пристально наблюдать за ним, отрицательно покачала головой. Эш чиркнул

зажигалкой и затянулся. Он хотел было что-то сказать, но вдруг заметил, что Кристина не сводит взгляда с его замершей в воздухе руки, все еще сжимавшей горящую зажигалку. Она завороженно смотрела на маленький язычок пламени.

Эш потушил зажигалку, девушка несколько раз моргнула, потом вскочила на ноги и стала отряхивать длинную юбку от прилипших к ней травинок и сухих листьев.

— Пора возвращаться в дом,— сказала она.

Эш ошеломленно стоял на месте.

— Спорим, я доберусь туда раньше вас,— поддразнила его насмешливо Кристина. Она со смехом повернулась и побежала в гущу деревьев.

Эш вдавил в землю недокуренную сигарету и с трудом поднялся на ноги.

— Эй, послушайте, не так быстро! Я могу заблудиться! — крикнул он ей вслед.

Но Кристина не ответила, и ему оставалось лишь смиренно наблюдать, как ее фигурка удаляется все дальше и дальше.

Эш медленно направился вслед за ней, сам не понимая, раздражает его или умиляет детская непосредственность этой девушки. Потеря родителей в столь юном возрасте не способствовала взрослению Кристины и Саймона. Наверное, им очень не хватало в жизни сильной руки отца и умиротворяющего, ласкового отношения матери. Няня Тесс, судя по всему, не способна была дать им ни того, ни другого. Похоже, роль старшего в доме, его главы, досталась Роберту, но он оказался способным не более чем на благожелательное равнодушие.

Впереди Эш иногда видел мелькавшую среди деревьев фигурку Кристины.

— Кристина! Дайте же мне передохнуть! — крикнул он, но в ответ услышал лишь ее тихий смех в отдалении.

В лесу царила полная тишина, нарушаемая только шорохом и хрустом листьев под ногами Дэвида. Вскоре он совсем потерял девушку из вида.

Он остановился и стал оглядываться вокруг. За спиной, как ему показалось, послышались чьи-то шаги. Он снова окликнул Кристину по имени.

Никакого ответа, даже смеха не слышно.

Он опять пошел было вперед и тут же снова остановился.

Кто-то прячется за деревом слева?

Он подождал немного, но не заметил никакого движения. Эта глупая детская игра раздражала его все больше и больше.

Вновь остановиться его заставил совершенно иной звук. Он был похож на смех ребенка.

Резко обернувшись, Эш успел заметить нечто, торопливо скрывшееся среди деревьев. Но все произошло мгновенно, и он не успел ничего рассмотреть.

Странно, но ему показалось, что это была маленькая девочка. Хотя с уверенностью он не смог бы это утверждать. Видение было таким коротким.

Он резко повернул голову. Нет, он не мог слышать чей-то шепот. Конечно же, это ветер шумит в кронах деревьев.

И вновь слабый отголосок смеха.

Эш резко втянул в себя воздух. Ему показалось, что откуда-то из желудка поднимается и охватывает его странное ощущение — будто кровь стынет в жилах, по коже пробегает мороз и холод медленно пронизывает все тело. Он не мог понять, отчего ему вдруг стало не по себе, но чувство оказалось столь сильным, что игнорировать его было невозможно. Дэвид невольно ускорил шаги и пошел дальше через лес.

Время от времени он внезапно оглядывался назад, резко поворачивал голову то влево, то вправо. Он явно был не один. И все же рядом с ним никого не было.

Эш сдерживался, чтобы не побежать, но шел очень быстро.

Он услышал тихий смешок, чья-то рука коснулась его плеча. Конечно, прикосновение могло быть и легким касанием листьев. Но смешок — это смешок, и ничто другое.

Он едва не споткнулся и ухватился рукой за неровную кору дерева. Но задерживаться не стал и поспешил дальше. Лес стал гуще и темнее, создавалось впечатление, что здесь царят вечные сумерки. Но это невозможно. Быть может, и холод тоже был плодом его воображения? Лоб покрылся испариной, влажная рубашка прилипала к телу, спина тоже была мокрой. Эш торопливо шел вперед, теперь уже не обращая внимания ни на сопровождавшие звуки, ни на бесплотные тени вокруг.

Наконец он вновь оказался на солнце, на просеке, ярко освещенной теплыми лучами, как будто притягивавшей и копившей в себе тепло и свет. Он услышал даже ленивое жужжание мухи, спасавшейся от обычного для этого времени года холода. Эш зажмурился от невероятно яркого, слепящего сияния.

Просека представляла собой пространство, беспорядочно заросшее травой и усыпанное опавшими листьями. От ее неровных краев в стороны отходили несколько тропинок. В самом центре высилось квадратное сооружение, каменные стены которого были покрыты лишайником и какими-то темными пятнами. Высокая дверь из проржавевшего железа с заросшей травой нижней перекладиной была приоткрыта. По бокам от входа стояли две глиняные вазы с увядшими цветами.

Эш догадался, что это заброшенное, полуразрушенное сооружение не что иное, как склеп. Мавзолей? Последнее пристанище многих поколений Мариэллов?

Снедаемый любопытством, он подошел ближе.

Солнце постепенно согревало его, изгоняя холод из тела.

Вдруг изнутри склепа послышался какой-то звук. Какое-то движение.

Эш остановился. Примятая его шагами трава вновь поднялась и застыла, скрыв следы.

— Кристина, это вы?

Он подождал, но ответа не было. Но из темноты, царившей за полуоткрытой дверью, вновь послышался какой-то звук.

Дэвид заставил себя принять шутливый тон.

— Ну хорошо, Кристина, хватит меня разыгрывать. Вы, по-моему, уже достаточно повеселились.

Ответом ему была зловещая тишина.

— Кристина...— вновь позвал он со вздохом, устав от этих детских игр.

Воздух вокруг казался странно неподвижным. Эш вплотную подошел к сооружению, протянул руку и ухватился, словно ища поддержки, за прутья двери. Сбоку от входа он заметил табличку с полустертой от времени надписью, почерневшую и заляпанную грязью. Хотя и с трудом, он все же разобрал написанную на ней фамилию Мариэллов.

Он толкнул створку двери, и она со скрипом медленно открылась внутрь. В помещении воздух был сырым и затхлым, и Эшу показалось, что там совершенно пусто. Но потом он заметил, что вдоль стен ярусами расположены узкие бетонные платформы, на которых стоят каменные гробы.

— Кто здесь? — очень тихо спросил Дэвид.

И вновь никакого ответа. Вдруг какая-то тень шевельнулась в темноте и двинулась в его сторону из-за гроба, стоявшего на одной из платформ нижнего яруса.

Послышалось утробное грозное рычание, и черная туша собаки появилась из темноты. Пригнув голову к земле и оскалившись, Охотник на минуту замер.

Эш медленно и осторожно попятился назад. Пес двинулся в его сторону, в полуоткрытой пасти за подрагивающей верхней губой влажно поблескивали острые клыки.

Охотник хрипло зарычал, напрягая мышцы и чуть приседая на сильные задние лапы, упирающиеся в земляной пол. И вдруг прыгнул вперед.

15

Эш успел захлопнуть за собой решетчатую дверь, и в ту же секунду в нее с другой стороны всей тяжестью врезался Охотник. Удар был такой силы, что перекладины кач-

нулись. Эш отлетел в сторону. Оказавшийся взаперти зверь буквально обезумел и залился яростным лаем в отчаянии от того, что жертва оказалась недосягаемой для его зубов. Слюна с огромных челюстей струйками стекала по ржавым прутьям двери.

Эш поднялся, ни на секунду не спуская глаз с обезумевшего пса, чей лай эхом отдавался в каменном помещении и оттого казался еще более страшным. Он торопливо поднялся от мавзолея, пригнувшись в ожидании нападения в том случае, если псу все-таки удастся пролезть через решетку двери. Только благополучно добравшись до края просеки, он повернулся к мавзолею спиной и побежал, преследуемый остервенелым лаем Охотника и лязгом железа о камень. Он продирался сквозь кустарник, перепрыгивал через мелкие препятствия, отпихивая цеплявшиеся за одежду ветки. Не зная, сколько еще времени незапертая дверь будет удерживать Охотника, он в отчаянии стремился как можно дальше убежать от обезумевшего пса.

Голоса. Нет, здесь не может быть никаких голосов. И все же он их слышал вокруг себя. В гуще леса.

Сам он тоже кричал что-то, но не понимал, что именно.

Сдавленные смешки. Господи! Да они же просто издеваются над ним. Тени мечутся среди деревьев.

— Прекратите! — крикнул — а может, уже простонал — он.

Они шепчут что-то в ответ.

Сзади послышались шорох листьев и громкий треск веток: кто-то — или что-то — двигался очень быстро, буквально преследуя его по пятам. Тяжелая поступь. Это пес несется по траве, собираясь напасть на него.

— Помогите!!! — завопил Эш, но в ответ услышал лишь дразнящий смех.

Он не осмеливался смотреть назад, не решался даже оглянуться через плечо. Он может споткнуться, может упасть или зацепиться за что-то, может увидеть это воплощение черной ярости, преследующее его. Треск слышался

все ближе, он был уверен, что до него явственно доносится тяжелое дыхание и утробное рычание догоняющего зверя, что он уже чувствует вырывающийся из пасти жар.

Ноги отказывались повиноваться ему, как будто вдруг разом ослабели все суставы, он бежал наугад, не координируя движения. Он шатался, при каждом шаге тело дергалось, легкие, казалось, вибрировали и бились о грудную клетку. Пес уже почти догнал его, он слышал — уже слышал! — звук раскрывающейся пасти, клацанье зубов и хлопанье высунутого языка...

Голубизна неба на миг ослепила его, он почувствовал, как чьи-то руки ухватили его за грудь — и увидел стоявшую на его пути фигуру. Эш непременно упал бы, но те же руки подхватили и удержали его.

Он несколько раз моргнул, и затуманенное не то от яркого света, не то от страха зрение прояснилось.

Перед ним на тропинке, так близко, что он ощущал запах пудры, покрывавшей изборожденное морщинами лицо, все еще крепко держа его, стояла няня Тесс. Цветы, которые она несла в руках, теперь беспорядочно рассыпались по земле.

Он задыхался и по-прежнему не в силах был произнести ни слова. Он смог только махнуть рукой, указывая на лес за спиной, с трудом удерживаясь, чтобы вновь не побежать.

Но позади никого не было. Он слышал только возмущенное щебетание птиц, потревоженных его безумным бегом. Деревья и кусты стояли неподвижно, лишь легкий ветерок слегка шевелил листву.

16

Опершись локтями о неровную поверхность стола и сжимая дрожащими губами сигарету, Эш сидел в кухне. Осенние цветы, которые он выбил из рук няни Тесс на лесной тропинке, когда буквально врезался в женщину, ле-

жали рядом. Они слегка завяли, но все еще источали сильный аромат. Он глубоко затянулся, вынул изо рта сигарету и зажал ее в дрожащих пальцах.

Няня Тесс повернула к нему сморщенное озабоченное лицо и внимательно посмотрела. Стоя возле буфета, она наливала бренди в стакан, и руки ее при этом тоже слегка дрожали. Поставив бутылку на место, но все еще крепко держа ее за горлышко, она на секунду зажмурилась. Потом открыла глаза и, решительно взяв стакан, поставила его на стол перед Эшем.

— Выпейте,— приказала она.— Это поможет вам успокоиться.

Эш сделал большой глоток, потом еще один. Тетушка Мариэллов отодвинула стул и села сбоку от Дэвида. Он чувствовал на себе ее пристальный, изучающий взгляд.

— Так, говорите, Охотник снова напал на вас? — взволнованно спросила она.— Он вас преследовал?

Эш кивнул и уставился в стакан, который сжимал обеими руками.

— Но его нигде не было видно,— сказала она.— Если Охотник гнался за вами, что же заставило его остановиться?

— Не знаю,— голос Дэвида был низким и слегка хриплым от выпитого бренди.— Возможно, увидев вас, он спрятался. Все, что мне известно, это то, что он бросился на меня внутри... внутри этого чертова склепа.

Она заметно вздрогнула.

— Мистер Эш, что заставило вас пойти к семейной усыпальнице?

— Господи, я попал туда совершенно непреднамеренно. Я заблудился и наткнулся на этот склеп. Почему никто не сказал мне, что у Мариэллов есть фамильный мавзолей?

— Мы не сочли это важным,— ответила она.— И я по-прежнему так считаю. Раз в неделю я хожу туда, чтобы заменить цветы, но, боюсь, мавзолей постепенно разрушается, как, впрочем, приходит в упадок и многое в Эдбруке.

В какой-то момент Дэвиду показалось, что мысли ее витают где-то далеко, совсем в другом времени и месте.

Эш глотнул еще бренди и откашлялся.

— Родители Кристины... они тоже покоятся в мавзолее?

— Их останки были привезены из Франции и погребены в Эдбруке. Вы сказали, что обнаружили Охотника в склепе?

— Да, он прятался где-то в глубине. Я думал...— Он покачал в нерешительности головой.— Я думал, что Кристина прячется там от меня. Она бросила меня в лесу, какая-то поистине детская выходка...

— Вы должны извинить ее, мистер Эш, ее и ее братьев за их... инфантильность. Я думала, с годами, после всего, что произошло, они повзрослеют. Мне казалось, что горе — потеря родителей — поможет им измениться.— Плечи ее поникли, и вся она как будто вдруг сжалась.— Но трагедия оказала на них совершенно противоположное воздействие. Она словно заставила их с головой уйти в детские игры и шалости...

— Послушайте,— нетерпеливо перебил ее Эш,— эта собака слишком опасна, чтобы бегать на свободе.

Она вдруг выпрямилась, и тон ее стал довольно резким.

— О нет, Охотник абсолютно безобиден, мистер Эш. Уверяю вас, он не причинил бы вам никакого вреда. Он вообразил, что защищает свою хозяйку, и хотел только испугать вас и заставить уйти.

— О чем, черт возьми, вы говорите? Кристины поблизости не было.

Няню Тесс совсем не обескуражил его гнев, она, наоборот, стала вдруг очень печальной.

— Я и понятия не имела, что Охотник по-прежнему охраняет ее последнее пристанище.

— Я пытаюсь выяснить хоть что-то, мисс Вебб, а вы мне совсем не помогаете,— медленно выговаривая каждое слово, отчеканил Эш.— Чье последнее пристанище?

Она сидела, обхватив себя руками и не глядя ему в глаза. Седые пряди упали на лоб.

— Кристина...— начала она и запнулась, откидывая назад волосы.— У Кристины была сестра-близнец.

Дэвид замер, не донеся до рта сигарету.

— Они были так похожи,— продолжала няня Тесс,— совсем одинаковые... и все же... между ними было одно ужасное различие...

Он ждал, по-прежнему забыв о сигарете.

— Та, вторая, страдала шизофренией. Она могла быть вполне нормальным ребенком какое-то время, но иногда вдруг превращалась в совершенно безумное существо.

— Она умерла? — тихо спросил Дэвид.

— Вы видели то место, где она покоится рядом со своими родителями.

— И никто не счел должным рассказать мне об этом! — Он яростно затянулся и выпустил облако дыма.

— А почему это имеет для вас значение?

— Вы действительно не понимаете? Господи! По вашему дому бродит призрак молодой девушки, и никто из вас не считает достойным упоминания тот факт, что у Роберта, Саймона и Кристины была сестра? Даже когда сегодня утром я спрашивал вас!

— Мы не любим говорить об этом.

— Следуя семейной традиции, не так ли? — язвительно спросил он.— Что ж, если вы хотите помочь мне в моем исследовании, помочь самим себе, вам придется сейчас же рассказать обо всем.

С шумом отодвинув стул, няня Тесс встала, направилась к буфету и взяла с полки второй стакан. Она плеснула в него изрядную порцию бренди — на этот раз для себя.

Эш поднял и показал ей свой уже почти пустой стакан. Она вернулась к столу и поставила перед ним бутылку. Эш налил себе сам, а она вновь заняла свое место.

Прежде чем заговорить снова, няня Тесс сделала глоток бренди и поморщилась.

— Я не уверена...

— Вам придется рассказать,— настаивал Эш.

— Это случилось так давно. Все это время я старалась изгнать воспоминания из своей памяти...

— Я хочу, чтобы вы кое-что поняли,— уже мягче заговорил Эш.— Если вы, если все вы постоянно пытаетесь подавить в себе какие-то мрачные воспоминания, связанные с ужасным происшествием в прошлом, вполне возможно, что ваше коллективное подсознание — поверьте, это случается достаточно часто — вытягивает это воспоминание на поверхность, не позволяя вам забыть эту девушку. Ваш разум, ваши эмоции объединяются и создают образ — дух, если хотите,— сестры Кристины. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Думаю, что понимаю. Но вы же не верите в сверхъестественное.

— Нет, но я верю в паранормальные явления. Однако это нечто другое. Пожалуйста, объясните, расскажите мне все.

Няня Тесс взяла со стола стакан, сделала маленький глоток, потом еще один — побольше. При этом она не спускала глаз с Дэвида, словно решая, как ей поступить. Наконец она заговорила:

— Моя сестра и ее муж никогда и ни за что не признались бы окружающим их людям, что их ребенок может быть... что с их ребенком не все в порядке. Если бы вы только знали их, мистер Эш, и то время, в которое они жили, взаимоотношения в обществе...

— И отношение самих Мариэллов,— перебил он ее.

— Они не допускали даже мысли о том, чтобы отправить куда-то свою дочь, например в лечебницу. И дело было не в боязни позора, а в той любви, которую они, несмотря ни на что, испытывали к своему ребенку. Сейчас мне даже кажется странным, что моя сестра Изабель столько раз умоляла меня позаботиться обо всех ее детях без исключения, если с ней и с ее мужем вдруг что-нибудь слу-

чится. Такое впечатление, что она предчувствовала что-то. Это возможно, мистер Эш? Допускаете ли вы, что она каким-то непостижимым образом знала, что им суждено умереть такими молодыми?

— Некоторые из моих коллег считают, что такого рода предчувствия — явление весьма обычное,— ответил он.

Она опустила голову, обдумывая его ответ.

— Эти две ужасные смерти потрясли всех нас, но для нее, для сестры Кристины, они стали невыносимым испытанием. Она не смогла пережить и осмыслить эту потерю, болезненная часть ее существа все сильнее подавляла здоровую. Она играла в те же игры, что и остальные, но ее выходки становились все более и более опасными. Дети стали бояться ее и в конце концов начали избегать. Когда она находилась во власти черных и злых мыслей, она чувствовала, что единственным ее другом остается Охотник. Ее шалости, шутки и поведение в целом становились все более злонамеренными, и нам пришлось запирать ее ради ее собственной безопасности и спокойствия остальных детей.

Няня Тесс сделала еще глоток бренди, словно для того, чтобы придать себе силы. Эш потушил в поставленной перед ним пепельнице сигарету и молча ждал продолжения рассказа.

— Однажды ночью — не знаю, случайно или намеренно — она подожгла дом. К счастью, мы быстро обнаружили пожар и сумели его потушить. Но она исчезла. Мы обыскали весь дом, и только когда Саймон заметил, что задняя дверь открыта, поняли, что произошло. Ее тело мы обнаружили в пруду.

Эш в ужасе смотрел на женщину. Ее мысли были в этот момент где-то очень далеко, среди воспоминаний о той страшной ночи.

— Ее ночная рубашка загорелась, и она бросилась в воду, чтобы потушить пламя. Но, видимо, ожоги были столь

сильны, что у нее не хватило сил выбраться на берег. Она утонула, мистер Эш, бедная девочка утонула.

Он был настолько потрясен, что почти утратил способность мыслить четко и ясно.

— Вчера утром, когда Кристина показывала мне парк, ей, по-моему, было страшно подходить близко к пруду...

— Никто из нас не любит ходить туда после всего, что произошло. Вот почему пруд теперь так запущен.

Эш откинулся в кресле, пытаясь осмыслить услышанное, он был совершенно сбит с толку.

— И все же я никак не могу понять, почему вы не рассказали мне об этом раньше,— сказал он.

— А почему мы должны были рассказывать вам о психическом расстройстве одного из членов нашей семьи? Мы всегда стремились оберегать друг друга, даже наши воспоминания. Вам не следовало об этом знать, мистер Эш. Во всяком случае, до этого момента. Теперь я чувствую, что вы имеете на это право.

— Вы хотите открыть мне еще какую-нибудь тайну?

Она медленно покачала головой.

— Посторонние не должны знать обо всем, что происходит в Эдбруке, здесь есть свои секреты.

Няня Тесс допила бренди и встала из-за стола.

— Подождите! — уже на пороге остановил ее Эш.

Открыв дверь, она обернулась:

— Мой вам совет: уезжайте из этого дома. Ничего хорошего из вашего исследования не выйдет. Неужели вы сами не понимаете?

С этими словами няня Тесс вышла из кухни.

17

В лучах света, струившегося из окна комнаты, вился сигаретный дым, отравляя благоухающий воздух. С мрачным выражением лица Эш просмотрел свои записи, отложил в сторону мундштук с фильтром и потушил окурок сигареты

в медной пепельнице. Он уже потянулся было к бутылке водки, опустошенной больше чем наполовину, но в этот момент раздался громкий стук в дверь.

Не дожидаясь ответа, в комнату заглянул Саймон Мариэлл.

— У вас есть несколько минут? — спросил он со своей надменно-презрительной улыбкой, которая уже начинала раздражать Эша.— Роберт просит вас прийти в гостиную.

— Хорошо, мне тоже хотелось бы с ним встретиться,— подавив в себе раздражение, ответил Эш.

Взяв со спинки стула пиджак, он направился к двери. Саймон успел уже отойти на некоторое расстояние, и Эш последовал за ним по коридору, чувствуя себя неуютно в царящем здесь всегда полумраке, пропитанном запахом пыли и старого дерева.

Он спустился по широкой лестнице, двигаясь не очень уверенно из-за выпитого с утра бренди и изрядного количества водки, которую без конца потягивал, сидя в своей комнате. Только сейчас он заметил, что покрывавший ступеньки ковер был очень старым и вытертым, особенно по краям.

В гостиной его ждали Роберт, Кристина и няня Тесс. Закрыв за Эшем дверь, Саймон присоединился к остальным, заняв место на диване рядом с Кристиной.

С холодной улыбкой Роберт отошел от большого окна и направился навстречу Эшу.

— Мне хотелось бы знать, можете ли вы рассказать нам о предварительных результатах ваших исследований, мистер Эш,— сказал он.

— Что за чертовщину вы здесь устроили и что означают все эти глупые игры? — вместо ответа задал вопрос Эш.

Кристина вздрогнула, пораженная его словами.

Однако тон Роберта по-прежнему оставался мягким, улыбка не исчезла.

— Я не совсем понимаю...

— То, что произошло прошлой ночью, и сегодняшнее поведение Кристины, которая привела меня к семейному склепу, где меня снова поджидал этот чертов пес...

— Но я не...— протестующе начала Кристина.

Эш резко повернулся в ее сторону.

— Вы совершенно случайно побежали в ту сторону, не так ли? А голоса, которые я слышал в лесу, лишь плод моего воображения? — Он снова повернулся к Роберту.— Некоторое время назад ваша тетя рассказала мне небылицу о якобы существовавшей еще одной вашей сестре — близнеце Кристины, которая много лет назад утонула здесь, в Эдбруке.— Он сердито взглянул на няню Тесс, напряженно застывшую на краешке кресла.— Ей почти удалось убедить меня в правдивости этой истории. Она так удачно укладывается в рамки вашего утверждения о том, что дом посещают призраки.

— Боюсь, что переживания, выпавшие на вашу долю, выбили вас из колеи, вы переутомились,— ровным голосом произнес Роберт.— С какой стати мы стали бы все это придумывать?

— Вот об этом мне и хотелось бы узнать от вас. Это что, своего рода заговор, разработанный вами и кем-то еще, чтобы дискредитировать меня? Возмездие за все раскрытые мною фальсификации появления призраков, месть шарлатанов, которых я разоблачил? Только не пытайтесь убедить меня в том, что вы собрались вместе лишь затем, чтобы попытаться доказать несостоятельность всех моих прошлых исследований.

Роберт по-прежнему сохранял спокойствие.

— Поразительно, неужели вы сами не понимаете, как смешны? Да, ваша вендетта, объявленная многим медиумам и сверхъестественным явлениям, известна всем, но семью Мариэллов она совершенно не интересует. Мы не занимаемся такого рода вещами.

— Мне остается только верить вам на слово. Что я в действительности знаю о вас? О каждом из вас?

Эш переводил взгляд с одного на другого по очереди. Кристина казалась взволнованной, как будто чувствовала себя не слишком уверенно, в то время как няню Тесс явно встревожила его несдержанность. Саймон по-прежнему ехидно усмехался, хотя и пытался скрыть улыбку. Это еще больше вывело из себя Дэвида.

Роберт подошел к холодному и пустому камину и оперся на него рукой.

— Мы рассказали вам все, что сочли возможным и необходимым. Если вы считаете, что должны узнать больше, что ж, мы постараемся оказать вам любую помощь, сделать все, что в наших силах. Однако у меня создалось впечатление, что вы сомневаетесь в правдивости рассказа няни Тесс.

— Только потому, что она утверждает, будто сестра-близнец Кристины умерла много лет назад, то есть еще ребенком. Каким же тогда образом Охотник мог быть ее любимцем? — Он взволнованно провел рукой по волосам.— Об этом сказала мне мисс Вебб. Я не специалист по животным, но тем не менее прекрасно вижу, что пес далеко не так стар. Вот почему я уверен в том, что ее рассказ не более чем глупая ложь.— Он махнул рукой и покачал головой.— Все это заставляет меня размышлять о ваших истинных мотивах. Я никак не могу понять, чего вы надеялись добиться, дискредитируя меня таким образом.

— Мы всего лишь хотели узнать правду, мистер Эш,— ответил старший из братьев Мариэллов,— не более.

Кристина встала с дивана и приблизилась к мрачно взиравшему на нее Эшу.

— Дэвид, вы не думаете, что ваши собственные предрассудки заставляют вас сомневаться в нашей искренности?

— Я считаю, что в отличие от ваших забав мои так называемые предрассудки вполне разумны,— холодно ответил он.

— Так, значит, вы считаете, что все это лишь наши игры и забавы? — раздался с другого конца комнаты голос Ро-

берта.— В таком случае докажите свою правоту. А если не можете, то докажите, что все таинственные явления в этом доме,— а вы и на себе уже успели их испытать,— что все эти явления вызваны какими-то подземными источниками, просчетами в конструкции Эдбрука или, как вы их называете, электромагнитными импульсами. Докажите, что все эти феномены имеют естественные причины, что все это лишь видимость и обман. Вы можете даже попробовать убедить нас в том, что мы ошибаемся в своей уверенности, будто Эдбрук находится во власти призраков. Нам всем будет весьма интересно выслушать ваши доводы, мистер Эш. Уверен, что и для Института экстрасенсорики они тоже представляют значительный интерес.

— А с какой радости я стану все это делать?

— Только из собственного профессионального любопытства,— хмыкнул Саймон.— Ради чего же еще?

— Думаю, что во всем этом есть нечто большее,— вновь заговорил его брат.— Речь идет о вашем собственном скептицизме, мистер Эш. Вы сами нуждаетесь в подтверждении своей правоты — во имя укрепления вашей веры. Я намерен утроить вашу обычную плату за такого рода исследование и, кроме того, внести значительную сумму на проведение Институтом экспериментов в этой области. Последнее я сделаю лишь в том случае, если вы докажете, что никаких призраков в Эдбруке на самом деле нет.— Он театрально развел руками.— Вы готовы принять вызов и мои условия?

Прежде чем ответить, Эш медленно обвел взглядом всех присутствующих.

— Хорошо,— наконец сказал он,— но вы должны пообещать мне, что сегодня ночью, что бы ни случилось, вы не выйдете из своих комнат. Только так я могу быть уверен, что вы не будете иметь никакого отношения к происходящим здесь событиям.

Роберт улыбнулся.

— Мы с Саймоном проведем ночь в Лондоне — завтра рано утром у нас деловая встреча в Сити. Так что вы можете быть совершенно спокойны относительно нас — мы не сможем предпринять здесь что-либо. Уверен, что Кристина и няня тоже согласятся с вашими условиями.

Няня Тесс отвернулась, но Кристина кивнула в знак согласия, глядя Эшу прямо в глаза. От ее прежнего волнения не осталось и следа.

— Вполне возможно, что к моменту вашего возвращения у меня будут готовы ответы на все вопросы,— сказал Роберту Эш.

— Надеюсь,— ответил тот.— Я очень на это надеюсь.

18

Какая-то фигура медленно двигалась по окруженной густым лесом долине, внимательно всматриваясь в отдаленные склоны холмов. Солнце уже клонилось к закату, и воздух становился все холоднее и холоднее.

Эш поднял воротник пиджака, пожалев, что перед уходом из Эдбрука не успел зайти в свою комнату и взять пальто. Он пошел быстрее — холод придал ему сил и бодрости, избавив от ощущения усталости, владевшей им до этого.

И все же, когда он наконец добрался до телефонной будки, стоявшей на пересечении шоссе и боковой дороги и как будто выросшей из-под земли среди высокой травы, он задыхался и чувствовал ужасную тяжесть в не привыкших к длительной ходьбе ногах. Ядовито-красная будка (такой цвет, конечно, сразу бросался в глаза) была очень старой, часть стекол в ней были разбиты, но Эш тем не менее надеялся, что местные власти все же поддерживают телефон в рабочем состоянии. Ему потребовалось сделать немалое усилие, чтобы открыть дверь, но, когда это ему наконец удалось, он поднял трубку и с облегчением услышал зуммер. Высы-

лав мелочь на полку, Эш отыскал нужные ему монетки, потом набрал номер, чуть подождал и опустил одну из них.

— Кейт Маккэррик,— произнес он в трубку.

В ожидании ответа он внимательно осматривал долину сквозь запотевшие от его дыхания стекла.

— Кейт? Это я, Дэвид.

— Дэвид! — послышался в трубке обеспокоенный голос.— Почему ты не позвонил раньше? Мы очень волновались.

— Я не мог,— ответил он.— Телефон в Эдбруке не работает. Такое впечатление, что он вообще отключен.

— В телефонном справочнике отсутствует номер Эдбрука.

Дэвид нахмурился и какое-то время молчал.

— Дэвид, ты слышал, что я сказала? В справочнике нет номера телефона Мариэллов!

— Да-да, я слышал,— устало произнес он.— Это вообще очень странная семейка. Послушай, тебе известно что-нибудь о Мариэллах, об их прошлом?

Сидевшая в своем кабинете в Институте экстрасенсорики Кейт сняла очки и положила их на стол.

— Только то, что написала в своих двух письмах мисс Вебб, то есть очень мало, или почти ничего,— ответила она.— Я могу поискать их и прочитать тебе, но сегодня у меня почти нет свободного времени — я готовлюсь к завтрашней конференции по парапсихологии. Ты же знаешь, как много...— Она вдруг отодвинула от уха трубку, в которой раздался ужасный треск.— Ты меня слышишь, Дэвид? — спросила она, когда шум стих.— Отвратительная связь!

— Сделай для меня все возможное, Кейт,— донесся до нее слабый голос Эша.— Я не совсем понимаю, с чем именно мне пришлось здесь столкнуться. Не знаю, дурачат они меня или говорят правду.

— Если у тебя там возникли проблемы, брось все и уезжай. Тебе совершенно незачем ввязываться в неприятности,— твердо и решительно сказала Кейт.

Эш протер ладонью запотевшее стекло и мрачно улыбнулся.

— Ты еще не знаешь, какое предложение мне сделали,— ответил он.

На линии вновь возникли помехи, и треск стал поистине оглушительным.

— Что ты сказал? Я плохо расслышала,— крикнула Кейт.

— Не важно! — закричал он в ответ.— Я доведу дело до конца. Случай весьма необычный. Все, у меня закончились монеты, больше говорить не могу. Позвоню тебе завтра.

— Я буду на конференции. Расскажи подробнее, что там у тебя происходит.

— Хотел бы я знать. Но Роберт Мариэлл поставил передо мной интересную задачу...

В трубке послышалось пиканье, предупреждающее о том, что время разговора заканчивается.

— Я позвоню тебе завтра вечером,— быстро проговорил он,— домой. И тогда расскажу обо всем.

Линия разъединилась, и в трубке вновь послышался зуммер.

— Дэвид! Черт!

Кейт молча уставилась на телефон, потом проворчала что-то себе под нос и положила трубку. Из другого конца комнаты на нее был устремлен пристальный взгляд Эдит Финс...

Свернув с дороги, Эш, чтобы сократить путь, пошел к дому через парк. Ноги гудели от усталости и требовали отдыха, поэтому он остановился и привалился спиной к стволу дерева. «Стареешь, дружище»,— сказал он сам себе и полез в карман за сигаретами. Взглянув на стоящий вдалеке дом, он заметил, что фасад его поблек и кое-где обшарпан, и подумал, что лет сто назад особняк, должно быть, выглядел гораздо более величественным. Но сейчас углы некоторых каменных труб откололись, штукатурка с них осыпалась, краска вокруг окон потрескалась и облетела, черепица на крыше в нескольких местах отсутствовала. Эш

не понимал, почему Мариэллы позволяют разрушаться собственному дому. Трудное финансовое положение? Судя по всему, не столь уж плохое, если Роберт позволяет себе утроить плату за услуги исследователя, да к тому же еще жертвует приличную сумму Институту. Как бы то ни было, Эшу приходилось работать в таких же или даже еще более внушительных размеров особняках, которые потомки вот так же плохо содержали только из-за собственной беспечности, за исключением, конечно, тех случаев, когда смерть кого-либо из членов семьи расшатывала ее финансовые дела.

Он уже хотел было закурить, как вдруг краем глаза заметил что-то. Оказывается, он до сих пор не видел, что впереди еще кто-то наблюдает за домом. Фигура в белом...

Это была девушка с рассыпанными по плечам темными волосами.

Вытащив изо рта неприкуренную сигарету, Эш сунул ее в верхний кармашек пиджака. Он шел к девушке осторожно, словно боясь, что любой звук может заставить ее — ее образ — исчезнуть. Глупая мысль, подумал он, но продолжал идти крадучись.

Приблизившись, он услышал, что она напевает что-то, простенький мотивчик, который он уже слышал где-то раньше, но не мог вспомнить, где и когда. Неприхотливая, похожая на детскую и при этом странным образом завораживающая песенка.

Он подошел еще ближе и узнал эти узкие плечи и эти волосы.

Еще шаг — и он сможет дотронуться до нее.

Песенка оборвалась, и Кристина с улыбкой обернулась.

— Я не хотел испугать вас,— чувствуя себя неловко, виноватым тоном произнес Дэвид.

— Я ждала вас.

И тут Эш вспомнил, что ту же самую песенку Кристина напевала позавчера, когда они ехали со станции. Он обошел скамейку и сел рядом с девушкой.

— Неужели вам не холодно? — спросил он. Несмотря на то что платье девушки было длинным, доходившим по-

чти до щиколоток, а рукава закрывали запястья, сшито оно было из какой-то тонкой и легкой материи.

— Вас не было очень долго,— пожав плечами, ответила она.

— Телефонная будка довольно далеко отсюда.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Я должен был позвонить в Институт и доложить обо всем, что происходит,— пояснил Эш.— Правда, это легче сказать, чем сделать, потому что я сам мучаюсь в догадках. А почему не работает телефон в доме?

— Знаете, мы терпеть не можем телефоны. Это так ужасно — беседовать с какими-то неведомыми бесплотными голосами.— Она снова улыбнулась, хотя в глубине глаз вновь промелькнула насмешка.

Он сделал вид, что не заметил этого.

— Но как же вы без него обходитесь? Каким образом ваши братья ведут свои дела?

— Как-то обходимся.

Она вновь замурлыкала себе под нос все тот же мотивчик, словно разговор совершенно ее не интересовал.

Эш наклонился вперед, опершись локтями о камни и вместе с ней стал разглядывать Эдбрук.

— Почему вы оставили меня одного в лесу?

Песенка смолкла, и в тоне Кристины послышалось искреннее раскаяние.

— Я не хотела поступать с вами так, я думала, что вы идете следом за мной. Вы меня простили?

— А не было ли это очередной вашей проделкой? Не было ли это задумано вами заранее вместе с Саймоном и, возможно, Робертом? Не сговорились ли вы немного попугать меня?

Она снова запела, на этот раз печально, слезно погребальную песнь.

— Чем занимаются ваши братья, Кристина? — настойчиво продолжал расспрашивать Эш.— Как удается им содержать такое поместье, как Эдбрук?

— Я уже, кажется, говорила вам: отец оставил нам деньги. Вклады, акции, ценные бумаги — я не очень разбираюсь во всем этом. Из-за них Роберт и Саймон уехали в Лондон.

— И тем не менее вам не хватает денег, чтобы нанять слуг. Поместье слишком велико, чтобы няне Тесс управляться со всем в одиночку.

— Если необходимо, она нанимает людей. Весной и летом приходят садовники, чтобы привести в порядок земли вокруг. Но мы предпочитаем жить своей семьей.

— Но почему?

— Потому что мы есть друг у друга. Этого достаточно. Нам не нужны посторонние.

Эш повернулся и посмотрел ей прямо в лицо.

— Неужели у вас никогда не возникало желания уехать отсюда? Кристина, вы когда-нибудь покидали пределы Эдбрука?

— О да! — Она улыбнулась.— Да, очень часто. И каждый раз очень, очень надолго.

Но Эш в этот момент смотрел мимо нее: он увидел, что на другой стороне долины под деревьями кто-то стоит. Неясная фигура в тени, под сенью ветвей, маленькая девочка... расстояние не позволяло точнее определить ее возраст и рассмотреть черты лица. На ней были белые гольфы, что свидетельствовало о том, что она еще очень мала.

Кристина продолжала говорить, не замечая, что его внимание переключилось на нечто другое.

— Но меня всегда тянуло обратно в Эдбрук. Не думаю, что вообще смогла бы покинуть...

Эш тронул ее за руку.

— Кристина, посмотрите туда. Вы видите ее?

Она взглянула в ту сторону, куда он указывал.

— Я никого не вижу.

— Там, возле деревьев.

Она прищурилась, пристально всматриваясь, потом отрицательно покачала головой.

— Ничего не вижу...

— Не может быть! — Эш удивленно посмотрел на нее и мягко повернул лицо девушки.

Но теперь там действительно никого не было. Под деревьями никто не стоял...

19

Он шел по пустому дому; тишина, в которой слышалось лишь гулкое эхо его собственных шагов, действовала на него угнетающе. Эш был не один — Кристина и ее тетушка оставались в своих комнатах. И все же ему никак не удавалось избавиться от ощущения полного одиночества. Ночь за окном была ясной, безоблачной, яркая луна блестела в небе, словно гордясь своей неоспоримой властью над миром. Казалось, стены дома не защищали от холода, а, напротив, аккумулировали, притягивали его к себе, отчего даже мебель внутри была холодной на ощупь.

Вечером ему пришлось ужинать в одиночестве, даже няня Тесс, ставя перед ним на стол еду, не проронила ни слова. Правда, Эшу тоже не хотелось в тот момент разговаривать с кем-либо. Справедливо предположив, что Саймон и Роберт все еще в Лондоне, он поинтересовался, где Кристина, и няня Тесс ответила, что ее племянница рано ушла спать, так как события предыдущей ночи, естественно, очень ее утомили. Она говорила об этом таким тоном, словно виноват во всем был именно он, Дэвид Эш.

Он проверил установленную в нескольких комнатах аппаратуру, желая удостовериться, что все сработает как надо, если что-то вдруг возникнет поблизости. Отыскав еще несколько подходящих мест, он рассыпал там порошок, потом убедился в том, что наружные двери заперты. Половицы под его ногами скрипели, а в тех местах, где пальцы касались стен или перил лестницы, на толстом слое пыли оставались следы. Он обратил внимание еще на одну

деталь, не замеченную им прежде: в темных углах висела ажурная паутина — пыльная, грязная, особенно причудливо разросшаяся в тех комнатах, которыми редко пользовались. Дэвид с отвращением покачал головой. Мариэллы слишком уж многого хотели от своей тетушки, если воображали, что она одна в состоянии справиться со всеми заботами по дому. Ничего удивительного в том, что она вечно обеспокоена чем-то.

Когда в одной из комнат он протянул руку к выключателю, то почувствовал, что по ней бежит паук. От мерзкого ощущения его лапок на коже Эша передернуло и по телу побежали мурашки. Он увидел, как паук исчез в одной из щелей гладильной доски. Как и везде в Эдбруке, свет был тусклым, и Эш удивился, почему не видел этой комнаты прежде. Потом он вспомнил, что до сих пор она всегда оставалась запертой и что Мариэллы уверяли его, будто в ней нет ничего заслуживающего его внимания, а потому он потерял тогда всякий интерес к этой комнате. Возможно, сейчас они открыли ее, желая дать ему возможность осмотреть весь дом.

Мебель покрывали пыльные чехлы, а над камином напротив двери висел портрет, на котором были изображены мужчина и женщина в вечерних туалетах. У него возникло странное ощущение, будто они пристально наблюдают за ним.

Сомнений в том, кто они, не возникало — женщина обладала удивительным сходством с Кристиной. Правда, черты лица ее были более резкими, чем у дочери, волосы светлее и причесаны по-другому, но глаза были теми же — художнику удалось передать скрытую в них жизнерадостность и сочетание насмешки и холодности. Казалось, они отражают некое высшее внутреннее сознание.

Мужчина представлял собой более суровую, жесткую копию Роберта, хотя был, конечно, значительно старше. Если даже тому человеку и было присуще чувство юмора,

ему удалось великолепно скрыть его во время позирования. Угрюмое выражение лица и непреклонный взгляд раскрывали его внутреннюю сущность.

Томас и Изабель Мариэллы — покойные родители Роберта, Саймона и Кристины. Изабель — сестра Тессы Вебб.

Эш почувствовал себя неуютно под их немигающими взглядами и поспешил выключить свет и закрыть за собой дверь.

Проходя обратно через холл, он заметил, что дыхание его превращается в пар. Проверив показания висевшего поблизости термометра, он увидел, что температура упала очень низко. Всего девять градусов Цельсия. Как же холодно должно быть в доме, чтобы его хозяева включили систему отопления или хотя бы разожгли огонь во множестве имевшихся в доме каминов?

Он дошел до библиотеки, открыл дверь... и его ослепила яркая вспышка.

Эш закрыл руками глаза и выругался — должно быть, он оставил включенным детектор емкостного сопротивления. Из «Полароида» на пол вылетел белый листок со снимком. Бобины магнитофона медленно вращались. Быстро моргая и защищая руками глаза от возможной следующей вспышки, он бросился к треноге с фотоаппаратом. Еще один белый листок вылетел и приземлился рядом с первым. Снова вспыхнул свет.

Нащупав кнопку выключателя на детекторе, он обнаружил, что она находится в нерабочем положении. Невозможно! Прибор не мог работать! Он дернул за провод, соединяющий детектор с фотоаппаратом.

Снова вспышка, яркий, ослепительный свет. Шорох фотобумаги. Бобины продолжают вращаться.

— Невозможно! — повторил он, на этот раз вслух.

Однако свет вспыхнул снова. Невероятно! Фотографии вылетели из щели фотоаппарата. Он слышал, как все быстрее крутятся бобины.

Спотыкаясь и натыкаясь в темноте на мебель, Эш бросился к розетке. Почти ничего не видя, он наклонился, чтобы выдернуть вилку.

Вспышки прекратились. Последний листок фотобумаги упал на пол. Бобины магнитофона замерли, и лишенная натяжения пленка между ними провисла, изогнувшись дугой. В наступившей тишине слышалось только его дыхание.

Эш в себя не мог прийти от потрясения. Непостижимо! Аппаратура была отключена и не должна была сработать таким образом! Неподсоединенный фотоаппарат не должен был снимать. Может, произошел какой-то сбой в подаче напряжения, и этого оказалось достаточно, чтобы вывести из строя чрезвычайно чувствительный механизм детектора? Он взглянул на тускло горящие лампочки. Возможно, сбой произошел именно в тот момент, когда он открывал дверь, а вспышка помешала ему это заметить? И все же детектор оставался отключенным. Могло ли это иметь значение? Эш выпрямился. Он был озадачен и совершенно сбит с толку, но все же подумал, нет ли во всем этом какого-либо подвоха.

Он подошел к разбросанным по полу фотографиям, изображение на которых было неясным, словно окутанным туманом. Наклонившись, выбрал две, казавшиеся более четкими, чем остальные. На одной видна была фигура в проеме двери, на другой та же фигура, но уже ближе к фотоаппарату. Он присел на корточки и принялся шарить руками по полу. На всех остальных снимках был тоже он — крупным планом вблизи и мельче, когда удалялся по направлению к розетке. Если не считать окружающей обстановки, больше на фотографиях ничего не было.

Эш аккуратно сложил все фотографии и сунул пачку в карман пиджака. Теряясь в догадках, он вышел из библиотеки, оставив все оборудование в прежнем положении. Прикрыв за собой дверь, он на секунду замер и прислушался.

Откуда-то послышались голоса. Приглушенные, больше похожие на шепот звуки.

— Кристина?! — громко позвал он.— Мисс Вебб?!

Тишина.

Одну за другой он открывал выходящие в холл двери. Но везде было пусто.

Эш поднялся по лестнице и пошел по коридору — теперь в противоположную от своей комнаты сторону. Остановившись возле спальни Кристины, он тихо постучал в дверь. Никакого ответа. Он позвал ее, но снова ответом была лишь тишина.

Он пошел дальше, намереваясь подняться по узкой лестнице, которая вела на верхний этаж. В прежние времена в комнатах наверху жили, вероятно, слуги, работавшие в Эдбруке, но теперь, насколько ему было известно, эти комнаты занимала тетушка Мариэллов. В отделанный простыми деревянными панелями коридор выходили несколько дверей. Эш постучал в каждую из них по очереди, но вновь никто не отозвался.

Совершенно сбитый с толку, не зная, что и думать, Эш некоторое время стоял неподвижно. Такое впечатление, что он остался совершенно один в Эдбруке, дом был пуст.

Когда он наконец спустился вниз, лицо его выражало непреклонную решимость. Мариэллы вновь играют с ним в свои глупые игры, стараются вывести его из равновесия, заставить нервничать, чтобы у него разыгралось воображение и он легче поддался... чему? Чего они добиваются? Какова их цель? Неужели они действительно верят в то, что снова смогут испугать его? Неужели надеются, что он в страхе перед необъяснимыми явлениями попросту сбежит из дома? Что станет посмешищем в глазах всех людей его профессии? Он мрачно улыбнулся. Нет, для этого потребуется нечто гораздо большее, чем игры и забавы этой семейки.

Он вдруг резко остановился и прислушался.

Снова голос, на этот раз один.

Кто-то напевает песенку.

Тот же однообразный мотивчик, который он уже слышал прежде: утром его мурлыкала Кристина.

Эш шагнул в холл, дошел до его центра и медленно повернулся кругом, пытаясь определить, откуда доносится звук.

Дверь, ведущая в подвал, была полуоткрыта. Голос слышался откуда-то снизу.

Он подошел к двери, и, хотя двигался он практически бесшумно, тихое пение прекратилось.

Он придвинулся к щели, замер и стал прислушиваться. Лицо обдало холодом. Ничего.

Эш открыл дверь пошире и принялся шарить рукой по стене в поисках выключателя, который, как он знал, должен быть где-то здесь, на верхней площадке лестницы, ведущей в подвал. Свет зажегся, но был еще более тусклым, чем везде, а тени стали еще чернее.

Он начал спускаться по стонущим под его тяжестью ступеням.

Наконец он оказался внизу, в просторном помещении с кирпичными стенами, вдоль одной из которых располагались погруженные в непроницаемую тьму ниши. С низких стропил свисали клочья паутины, пыль и паутина покрывали чехлы стоявшей здесь мебели и черепки разбитых скульптур, разбросанные по полу. Запах сырости и плесени, казалось, стал еще сильнее.

— Кристина, вы здесь? — Он старался, чтобы голос, гулким эхом отдававшийся под сводами, не выдавал его волнения.

Ответом ему была лишь тишина.

— Если это еще одна ваша чертова выходка...— вновь заговорил он, с трудом сдерживая гнев.

В ничем не нарушаемом молчании ему слышалась насмешка.

Он поежился, чувствуя пронизывающий холод. Укрепленный на стропилах термометр показывал три градуса

Цельсия. Тихий щелчок заставил его резко обернуться. Фотоаппарат отреагировал на его присутствие, и теперь внутри камеры переводился кадр. Дэвид пошел к нему, раздался еще один щелчок, и он быстро выключил камеру. Тут он заметил, что магнитофон, стоящий на одной из полок рядом с вибрационным детектором, тоже работает. Интересно, он заставил его включиться или это сделал кто-то другой, до него? Он нажал на кнопку обратной перемотки.

Он закурил, в ледяной атмосфере подвала глубокая затяжка доставила особенное удовольствие. Наконец пленка перемоталась до конца, и он нажал на пуск. Секунду или две из магнитофона доносилось только шипение, потом послышался звук шагов, и он напряженно замер. Звуки становились все громче — кто-то спускался по лестнице. Пауза. Эш не понял, испытал ли он облегчение или разочарование, услышав собственный голос: «Кристина, вы здесь, внизу?»

Он нажал на «стоп» и отключил магнитофон от сети. Опершись спиной о стеллаж с вином, Эш глубоко затянулся, его не переставали мучить вопросы. Зачем? Чего, черт возьми, они добиваются? Какого дьявола затеяли эту игру? Он тщательно осмотрел все помещение и убедился, что никого рядом нет, еще раз похвалив себя за то, что настоял накануне вечером на том, чтобы собаку заперли на ночь где-нибудь вне дома. Он слышал голос Кристины? Либо он ошибся, либо здесь где-то были трубы или другие полые отверстия, сквозь которые доносились звуки извне. Конечно же, только так можно это объяснить. Он, правда, до сих пор не мог понять, каким образом им удалось подключить к сети оборудование в библиотеке, но факт остается фактом: они сумели это сделать. Завтра он непременно все выяснит, даже если для этого ему придется разобрать все приборы до последнего винтика.

В горле пересохло, и он вынужден был признать, что, несмотря на все разумные доводы, нервы его напряжены до предела. Идиот! Он позволил Мариэллам вывести себя

из равновесия! Вне себя от злости он схватил с полки одну из бутылок и ладонью стер пыль с этикетки. «Château Cheval-Blanc» 1932 года. Прекрасный, должно быть, был год. Он сунул бутылку на место и потянулся к другой. Сколько же здесь редких, высочайшего качества вин, подумал он с некоторой завистью. «Château Climens», 1929 год... Эш пошел вдоль стеллажей в поисках чего-нибудь покрепче. Вытащив бутылку «Арманьяка», он ногтем большого пальца соскреб с горлышка воск. «Пусть только Мариэллы посмеют пожаловаться,— пробормотал он себе под нос.— У меня тоже есть повод предъявить им претензии». Держа во рту недокуренную сигарету, он отвернул пробку.

Откуда-то послышался сдавленный смешок.

Он резко обернулся и на этот раз заметил тень, промелькнувшую в одной из ниш. От удивления он выронил изо рта сигарету, бутылка с бренди выскользнула из разжавшихся пальцев, разбилась вдребезги, и ее содержимое, забрызгав Эшу брюки, блестящей лужей растеклось по полу.

Жидкость тут же вспыхнула, и от испуганного крика Дэвида вздрогнули сами своды подвала.

Он в шоке отскочил назад. Увидев, что брюки на нем тоже горят, Эш лихорадочно принялся хлопать по ним ладонями, сбивая пламя и пятясь все дальше и дальше.

Сдернув один из чехлов, он бросился обратно и накрыл им пылающую лужу. Потом принялся топать по нему ногами, слыша, как хрустит раздавленное под его тяжестью стекло, но продолжая плясать на небольшом пятачке, стремясь не пропустить ни дюйма и опасаясь, что сам чехол может вот-вот вспыхнуть.

У него не было времени задуматься, откуда раздался предательский звук, из-за которого случилось это неприятное происшествие, но он понимал, что, видимо, выпавшая у него изо рта сигарета заставила загореться бренди. Сейчас его заботило только одно: необходимо сбить пламя, пока огонь не распространился дальше.

Через несколько минут битва была выиграна, и он обессиленно привалился к стеллажу, глядя на почерневшую тряпку на полу. От испуга и лихорадочных усилий все тело его покрылось липким потом. Его охватил жар. Эшу казалось, что он горит.

Он осторожно приподнял закопченный чехол. Огонь потух, на каменном полу не осталось ни единой искорки. Но когда он выпрямился, то увидел, что на стенах и потолке подвала пляшут оранжевые отблески.

Эш дико озирался вокруг. Этого не может быть! Огонь погашен! Но мелькающие тени свидетельствовали об обратном.

Ногам было жарко. Он отступил назад и принялся снова бить по ним ладонями. Но огня не было. Нет, огня не было, но тем не менее он явственно ощущал жар. Стало тяжело дышать, ему не хватало кислорода. Странно, но он слышал треск огня.

Но огня не было!!!

Для того чтобы убедиться в неправдоподобности своих ощущений, он взглянул на термометр и, к ужасу своему, увидел, что ртутный столбик стремительно ползет вверх. Температура повышалась. Быстро, невероятно быстро!

Эш почувствовал слабость, жара лишала его последних сил. Дышать становилось мучительно больно.

Стекло термометра треснуло и разлетелось, и Эш отпрянул назад, инстинктивно прикрывая руками лицо от осколков.

Звук этого взрыва привел Эша в чувство и заставил действовать. Он, шатаясь, бросился к лестнице, на ходу рванув воротник рубашки, кашляя и задыхаясь от невидимого дыма. Он споткнулся о деревянные ступени, упал, чувствуя, насколько они горячи, и вновь заставил себя подняться, в отчаянии стремясь поскорее выбраться из подвала. Отблески пламени и тени плясали на стенах вокруг него. Он слышал треск горящего дерева. Еще немного, и начнут одна за другой взрываться бутылки, а их содержимое заставит огонь

разгореться еще сильнее. Он чувствовал запах тлеющей одежды, ощущал натяжение кожи на голове, в то время как волосы стали сухими и жесткими.

Эш заставлял себя карабкаться все выше и выше, лихорадочно хватая ртом воздух, чувствуя, как раскаляется кожа. Он был почти наверху. Дверь в подвал оказалась закрытой.

Он протянул вперед руку, но тут же взвыл от боли, когда ладонь коснулась раскаленной дверной ручки.

Эш рухнул на колени и схватился за обожженную руку. Дышать было трудно и больно, от недостатка воздуха сознание мутилось. Достав из кармана носовой платок, Эш попытался обернуть им раскаленную ручку двери.

Но рука его соскользнула.

Внизу бушевало адское пламя, от его рева у Эша все сжалось внутри.

Превозмогая боль, он обеими руками схватился за обернутую носовым платком металлическую ручку. На этот раз ему удалось повернуть ее.

Замок открылся. Он потянул на себя дверь. И в глазах его вспыхнул ужас.

Над ним склонилась темная фигура. Это была девушка, волосы ее растрепались, а ночная рубашка, словно подхваченная дующим снизу ветром, развевалась вокруг тела.

20

Фигура наклонилась еще ближе. Черты лица ее находились в тени, и различить их пока было невозможно. Эш съежился, мускулы его напряглись, а когда она прикоснулась к нему, не удержался и громко вскрикнул.

Когда лицо ее оказалось совсем рядом, его осветило невидимое пламя, и Эш увидел обеспокоенные глаза Кристины и ее руку, нежно касающуюся его плеча. Она одними губами произнесла его имя — звука ее голоса Эш не услышал. В ее зрачках отражались отблески огня, но посте-

пенно они затухали, а жар за его спиной спадал, становилось прохладнее, треск горящего дерева стих.

Внимание его привлекло какое-то движение за спиной Кристины. Ее сопровождал Охотник, однако он остался стоять в стороне, низко пригнув голову, дрожа от напряжения и не сводя пристального взгляда с лестницы, ведущей в подвал. Вырывавшиеся из его приоткрытого рта скулящие звуки больше походили на горестный детский плач.

Эш был настолько обессилен пережитым кошмаром, что смог встать на ноги только с помощью Кристины. Она подхватила его под руки, приподняла, но, для того чтобы обрести равновесие, ему пришлось ухватиться за косяк двери.

Когда Эш оперся на плечи Кристины, девушка буквально согнулась под его тяжестью. Он обернулся, чтобы взглянуть на бушевавшее внизу пламя, но обнаружил, что от огня и жара не осталось и следа.

Деревянные ступени по-прежнему вели в холодный сырой подвал, где единственная тускло светившая лампочка отбрасывала тени на каменные стены.

Эдит проснулась, но перед ее мысленным взором все еще проносились картины ночного кошмара. Она резко села в кровати, охваченная ужасом, связанным с тем, что ей пришлось пережить во сне.

В горле пересохло, а в воздухе, которым она дышала в собственной спальне, казалось, по-прежнему витал дым из ее сна. В груди оставалось ощущение тяжести, дышать было трудно, от воображаемого дыма и пламени трахея словно сжалась, боль постепенно перемещалась, распространялась в груди.

Эдит хорошо были знакомы эти симптомы, она знала, что ощущение жжения внутри не было результатом ночного кошмара, оно было вполне реальным. Она с трудом дотянулась до лампы возле кровати, стараясь сдерживать

охватывающий ее страх, смахивая вызванные не то болью, не то ужасом слезы. Онемевшими пальцами нащупала выключатель. Зажегся свет, и она увидела стоявшую рядом с лампой баночку с таблетками. Она торопливо отвинтила крышку и вытряхнула одну на ладонь. Эдит положила ее под язык и стала ждать, пока таблетка растает и уничтожит эту дьявольскую боль, хотя вполне допускала, что на сей раз терзающий ее грудь зверь откажется подчиниться. Однако мучительная боль постепенно ушла и дыхание выровнялось. Озноб прекратился, оставив после себя лишь слабую дрожь.

Иногда Эдит выплевывала таблетку, прежде чем та успевала раствориться окончательно, потому что вызванная ею головная боль пугала и мучила не меньше, чем боль в груди.

На этот раз, однако, Эдит не сделала этого.

Опираясь на девушку, Эш добрался до двери своей комнаты. Он шел словно пьяный, но слабость и тошнота были вызваны не алкоголем, а пережитым ужасом. Даже дыхание требовало таких усилий, что Эша покачивало.

Кристина уложила его навзничь на кровать и подняла ему ноги. Потом подошла к бюро и налила в стакан водку.

— Огонь...— бормотал он, когда она вернулась обратно.

Кристина вложила ему в руку стакан.

— Там не было никакого огня, Дэвид. Неужели вы не поняли? Это все лишь часть того, что мы называем властью призраков. Они владеют домом.

Дэвид приподнялся, опершись на локоть и молча сделал большой глоток водки. Ядовитый вкус заставил его поморщиться. Лишь придя немного в себя, он взглянул на Кристину и покачал головой.

— Это невозможно. Жар...

— Он всего лишь плод вашего воображения,— мягко, но настойчиво пыталась убедить его Кристина.— В подва-

ле не было никакого пожара, сохранилась лишь память о нем.

Мысли в его голове путались.

— Ваша сестра... это правда, у вас была сестра-близнец. Она много лет назад устроила пожар в подвале...

В устремленном на него взгляде Кристины промелькнула жалость.

— Вам ничто не угрожает, Дэвид. Вы в полной безопасности.

— Она сгорела там, внизу...

— Вы весь дрожите. Позвольте, я вас укрою.

Кристина помогла ему снять пиджак, потом стащила с него ботинки. Укрыв его одеялом, она присела на краешек кровати и мягким движением руки убрала темные волосы с его лба. Ее пальцы гладили его щеку.

Ему пока не удалось выровнять дыхание.

— Кристина, скажите мне наконец, что все-таки происходит здесь, в Эдбруке? — умоляюще сказал он.

— А разве не вы сами собирались рассказать нам об этом? — ответила она вопросом на вопрос, но в словах ее не было при этом ни резкости, ни упрека. Рука девушки скользнула к его плечу.— Отдыхайте, Дэвид, и выбросьте из головы все неприятные мысли. Вы так бледны и выглядите таким усталым.

Дэвид, однако, не унимался.

— Вчера... вскоре после того, как я приехал... Мне показалось, я видел вас в саду вместе с Саймоном. Но это не могли быть вы...

— Постарайтесь успокоиться.

— Здесь есть еще одна девушка...

— Именно это мы и пытались вам объяснить. Дэвид, вам следует отдохнуть.

С трудом борясь с усталостью, он схватил ее за руку.

— Незадолго до этого я подходил к вашей комнате. Вас там не было...

В противоположность его возбуждению, голос ее звучал успокаивающе.

— Я ушла в свою комнату рано вечером и все время находилась там, как вы и просили. Должно быть, я заснула и не слышала, как вы стучали. Я сплю очень крепко, Дэвид.

— Но мисс Вебб... Она тоже не ответила, когда я постучал в дверь ее комнаты.

Кристина ободряюще улыбнулась, как улыбается мать, пытаясь успокоить испуганного ребенка, боящегося чудовища с красными глазами, которое прячется в туалете возле спальни.

— Няня часто принимает на ночь снотворное, ее уже много лет мучает бессонница. Сомневаюсь, что вам удалось бы ее разбудить, даже если бы вы вышибли дверь.— Она задумчиво провела рукой по одеялу, разглаживая складки.— Не знаю, возможно, вы все же разбудили меня. Мне снился какой-то кошмар. Я проснулась с неприятным ощущением, что происходит что-то нехорошее. Вот почему я нарушила ваши инструкции, Дэвид. Мне пришлось выйти из комнаты, чтобы выяснить, что случилось.

— Я очень рад, что вы сделали это,— ответил он и устало вздохнул, осознавая наконец, насколько он измотан. Глаза его на секунду закрылись, и он поставил стакан на грудь.

Кристина взяла его, намереваясь убрать на место.

Дэвид снова открыл глаза.

— Расскажите мне о вашей сестре...

Кристина, глядя куда-то в сторону, покачала головой, словно давая ему понять, что эти воспоминания чересчур тяжелы для нее. По бледной щеке медленно скатилась слеза. Эш нежно притянул ее к себе.

— Я понимаю, Кристина,— прошептал он,— знаю, как это больно. Я тоже потерял сестру, и хотя это случилось очень давно... она... она...

Кристина подняла голову и пристально посмотрела ему в глаза.

— Почему вам так трудно сказать это? Она утонула, но вы по какой-то причине отказываетесь произнести это слово. Почему оно вас так пугает, Дэвид?

Ответ его прозвучал как-то холодно и бесстрастно, он словно констатировал факт.

— Потому что в этом виноват я.

В глазах Кристины промелькнуло не то неверие, не то смущение, а он повторил:

— Она утонула по моей вине.

Он устремил взгляд куда-то мимо Кристины, словно видел перед собой картины далеких времен. Его охватили воспоминания детства, так долго и тщательно скрываемые в самых далеких тайниках души, словно они могли, вырвавшись на свободу, подобно страшной болезни, опустошить мир. И вот теперь они разбили оковы и возникли из глубин сознания. Он плыл в бурном потоке, удивляясь, каким образом удалось воспоминаниям выйти из-под контроля, нахлынуть, чтобы мучить его, воскресить те времена и события, о которых он предпочел бы забыть навсегда. Но, как оказалось, ничто не пропало, не исчезло в лабиринтах памяти: душевные травмы могут быть скрыты, могут затаиться, затихнуть, пусть не окончательно, иногда просто ожидая подходящего момента, чтобы возникнуть из небытия. Однако они странным образом принесли ему облегчение. По мере того как Эш говорил, перед его глазами, сменяя друг друга, возникали видения, а затем медленно уплывали, постепенно уступая место следующим. При этих воспоминаниях Эш внутренне содрогнулся.

— Джульетта была злой девочкой. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, я не могу забыть об этом. По правде говоря, у меня не осталось о ней ни одного светлого воспоминания. Не кажется ли вам, Кристина, что это ужасное признание? Моя сестра погибла будучи совсем еще ребенком, а я не могу сказать о ней ни одного доброго слова, не могу даже утверждать, что сожалею о ее смерти. Видите ли, она была двумя годами старше меня, и ее самым люби-

мым развлечением было дразнить и мучить меня. Уверен, что она не желала делить со мной любовь наших родителей. Но ее шалости и проделки выходили далеко за рамки детской ревности...

Он словно вновь увидел себя маленьким мальчиком.

— ...В ее поддразнивании, в ее выходках всегда было много жестокости...

...Лицо маленького мальчика морщится, слезы текут градом, в то время как сестра с очаровательной улыбкой отламывает крыло от его новой модели самолета, и глаза ее при этом полны презрения...

...Маленькая ножка незаметно высовывается из-под стола, и мальчик, несущий стопку тарелок к раковине, спотыкается и падает...

...Мальчик, уже чуть постарше, просыпается от толчка и чувствует, как чья-то жесткая лапа гладит его по щеке. Дэвид кричит, в коридоре слышатся шаги, и его сестра быстро прыгает в свою кровать, а страшная лапа мгновенно исчезает под одеялом...

Погруженный в воспоминания, Эш снова видит то, что уже видел однажды...

...Дрожа от возбуждения, затаив дыхание, он следит, как белая рыба медленно и осторожно подплывает к леске; время от времени она вдруг резко дергается, шевелит плавниками, борясь с подводным течением. Рыба берет наживку, и рука мальчика напрягается, крепко сжимая удилище. Но вдруг он издает отчаянный, полный разочарования крик — ком земли с шумом падает в воду, поверхность которой тут же покрывается рябью, а рыба резко отскакивает от лески и быстро уплывает прочь.

Дэвид резко оборачивается и оказывается лицом к лицу с хохочущей над ним Джульеттой. Его звенящий от негодования и ярости крик лишь подзадоривает ее, и она веселится еще больше. Положив короткое самодельное удилище на тропинку, он бросается к сестре, сжимая кулаки

и собираясь ударить ее, но она с легкостью увертывается и хватает с земли удилище. Она дразнит его, размахивая бамбуковой палкой, тыкая ею в живот брату, не позволяя ему приблизиться.

Острый конец удилища царапает щеку, на ней появляется кровь, и Дэвид кричит от боли.

Он проводит пальцами по щеке и потом внимательно смотрит на оставшиеся на них красные полоски.

Девочка пятится от него назад, но отнюдь не от страха — она хохочет, издевается над ним, насмехается над его царапиной. Она подходит к самому краю берега и с презрительной усмешкой, портящей ее личико, поворачивается и медленно бросает удилище в реку. Бамбуковую палку подхватывает сильным течением и стремительно несет на середину бурного потока.

Отнюдь не один этот хладнокровный и презрительный жест приводит мальчика в ярость — это уже далеко не первая злобная выходка его сестры. Годы изощренных и жестоких издевательств копили в его душе отчаяние и гнев, но до сих пор ему удавалось прятать их глубоко в груди. И вот теперь долго сдерживаемая ярость смела все преграды и вырвалась наружу. Широко расставив руки и кипя от ненависти, он бросается к сестре, намереваясь схватить ее.

Точно так же, как прежние ее издевательства пробудили в нем ненависть, в ее душе эта ненависть в свою очередь породила страх. Пытаясь увернуться, она пятится назад.

Дэвид уже видит опасность, руки его вновь напрягаются, тянутся вперед, на этот раз чтобы удержать ее.

Но она не понимает его истинного намерения, а быть может, слишком презирает и ненавидит, чтобы позволить ему дотронуться до себя. Еще один шаг назад... И она падает...

Он успевает схватиться рукой за ее платье, и это резкое движение заставляет его потерять равновесие, тянет его вперед. Брат и сестра вместе падают, тела их тесно соприкасаются друг с другом. Они оба оказываются в реке.

Холодные, ледяные объятия воды. Мутное пространство, наполненное приглушенными звуками, теснящимися тенями. Лишающая возможности дышать серая мгла.

Мальчик выныривает на поверхность, но не благодаря силе воли или ловкости — просто подводные течения, словно поплавок, выталкивают его наверх. Он переворачивается на спину, удерживая над водой голову, и хватает ртом воздух, краем глаза успевая увидеть бегущего к реке отца и следующую за ним по пятам мать с зажатой в руке корзинкой для пикника. Рты их широко раскрыты в крике, но до него не доносится ни звука.

Чьи-то сильные руки вновь утаскивают его под воду, и он закрывает глаза, на которые, причиняя боль, давит мощный поток. Он понимает, что кричать нельзя, потому что горло и легкие тут же наполнятся холодной серой водой, но все-таки не в силах сдержать вопль.

Теперь уже его действительно подхватывают чьи-то руки, и в бурлящей воде он видит рядом с собой отца. Эти руки выхватывают его из других объятий, и он сейчас похож на сломанную куклу, за которую борются, вырывая ее попеременно друг у друга, два претендента — бешеное течение и властный человек. И постепенно человек выигрывает эту битву.

Дэвиду снова удается приподнять над водой голову, и на этот раз он видит темные волосы сестры, мелькающие пока еще не очень далеко, но стремительно уносимые прочь.

Дэвид чувствует, что ударяется о берег, руки матери, наконец-то бросившей корзинку, вытаскивают его, промокшего и обессиленного, наверх. Отец снова бросается в глубину, лихорадочными движениями будоража воду. Он ныряет, и на какое-то мгновение в воздухе мелькают его ноги, а женщина и прижавшийся к ней всем телом мальчик сидят на тропинке и в ужасе наблюдают за ним.

Время, кажется, тянется бесконечно. Но вот наконец отец появляется над водой, хватает ртом воздух и снова исчезает в глубине.

Для мальчика наступает вдруг абсолютная тишина, вокруг него наполненная скорбью и страданием пустота, лишенная звуков и времени. Но движение осталось: течение бурного потока, трава, склоняющаяся под порывами легкого ветерка. Бесконечное ожидание, полное неопределенности затишье.

Оно было нарушено воплем отчаяния отца, вновь вынырнувшего на поверхность и теперь уже окончательно осознавшего, что его дочь навсегда исчезла в холодной и мрачной глубине.

Дэвид вздрагивает, потрясенный беспредельным отчаянием и горем, прозвучавшими в крике, а мать еще теснее прижимает его к себе, обхватывает руками, словно пытаясь защитить ребенка, навсегда удержать его в безопасности.

Он прячет лицо у нее на груди, одним глазом косясь на реку, похитившую сестру. Отец приближается, крики и плач его становятся все громче... Взгляд мальчика затуманивается, а шум реки превращается в поистине оглушительный грохот...

...Голова Эша лежала на подушке рядом с головой Кристины, и перед его глазами стоял такой же, как и тогда, на берегу, туман. Лишающая возможности двигаться и даже дышать боль тоже была не менее острой.

— Я так и не осмелился сказать им,— ровным голосом произнес Эш,— я никому не сказал, что все случилось по моей вине, что это я столкнул Джульетту в воду.

— Но это ведь был несчастный случай! — ответила Кристина.

— Нет, я хотел, чтобы она утонула. Я словно обезумел в тот момент и желал ей смерти. Да, я пытался помочь ей, но... но когда мой отец выбрался из реки, я почувствовал облегчение, какая-то темная часть моего существа радовалась.— Это признание, сделанное после многих лет неуверенности и отрицания, до глубины души потрясло его.— Я не знаю, что мучило меня больше все эти годы — созна-

ние вины за то, что я сделал, или угрызения совести за мои мысли после этой трагедии.

— И все эти годы вы казнили себя? Но вы ведь были маленьким мальчиком!..

— Я так боялся, что меня накажут. Меня не покидало сознание того, что я заслуживаю наказания за этот ужасный поступок. Мне казалось, что все узнают о нем и прочтут на моем лице все тайные мысли. А мои родители никогда не простят меня, когда узнают... Джульетта никогда не простит меня...

— Джульетта?

Эш перевернулся на спину и уставился в потолок, избегая встретиться глазами с Кристиной.

— Иногда мне кажется, что я вижу ее, как будто краешком глаза. Я замечаю какую-то зыбкую тень, а когда поворачиваюсь, она тут же исчезает. И все же что-то остается... Мне кажется, я вижу ее такой, какой она была тогда — одиннадцатилетней девочкой, и одета она в то же платье, что... что и в тот день.

Он закрыл глаза, и перед его мысленным взором явственно предстал образ Джульетты. Но не ее лицо — оно было как в тумане, черты его невозможно было различить. Взгляд ни на чем не фокусировался. Еще более расстроенный этим неясным видением, призрачным обликом мертвой сестры, Эш снова открыл глаза.

— Ночью, накануне похорон, я услышал ее голос. Она звала меня. Я спал, и голос ее ворвался в мой сон. Когда я проснулся, она все еще продолжала звать меня. Тело ее лежало в открытом гробу на первом этаже дома. Я потихоньку прокрался туда — мне было очень страшно, но я не в силах был противостоять ее зову. Я должен был ее увидеть. Возможно, в глубине души я хотел, чтобы она вновь ожила, или, быть может, стремился снять с себя груз вины.— Дыхание его сделалось неровным, и он с трудом продолжал: — Джульетта пошевелилась, Кристина. Ее тело пошевелилось в гробу. И она говорила со мной.

Кристина, как завороженная, не сводила с него глаз. Он повернул голову к ней.

— Вполне возможно, все это было лишь ночным кошмаром. Не знаю. Я был совсем еще ребенком, и мне только что пришлось пройти сквозь страшное испытание. Но что-то говорило мне, что все происходит наяву. Родители услышали мой крик. Когда они нашли меня, я валялся на полу без чувств. Не выдержав, я потерял сознание.

В горле у него пересохло, словно оно действительно воспалилось от охватившего подвал невыносимого жара. Он облизал языком губы, но и язык был сухим, а потому ему не удалось даже смочить их.

— Две недели после этого я горел в лихорадке — заупокойные службы, похороны, горе моих родителей после столь страшной утраты — все это миновало меня. Они решили, что виной всему мое падение в реку. Я простудился. Можете ли вы в это поверить? Но я был рад, что они думали именно так.

— О Дэвид,— тихо произнесла Кристина, касаясь его руки.— Это и есть причина, не так ли?

Он покачал головой, не понимая, о чем она говорит.

— Поэтому вы и посвятили свою жизнь исследованиям в области парапсихологии, стремлению доказать, что сверхъестественное не существует, что жизни после смерти быть не может? Неужели вы сами не понимаете? — Она крепче взяла его за руку.— Ваш скептицизм происходит от сознания вашей вины. Вы не хотели допускать даже мысли о возможности существования призраков. Вас испугал тот ночной кошмар, вы боялись даже думать о том, что это не был сон, что Джульетта действительно говорила с вами и действительно шевелилась в гробу. Вас приводила в ужас вероятность того, что все произошло на самом деле и что однажды Джульетта потребует возмездия. Дэвид, неужели вы до сих пор не понимаете, каким вы были глупым?

Она придвинулась ближе и поцеловала его в щеку.

Эш обнял девушку. Слова Кристины привели его в смятение, однако он чувствовал, что в них есть значительная доля правды. Но он не мог так быстро смириться и признать логику ее рассуждений — слишком долго он носил в душе эту тяжесть. Ему необходимо было время, чтобы все хорошо обдумать. Ему нужен был отдых. Он должен был осмыслить то, что она сказала. А сейчас больше всего на свете ему нужна была Кристина.

Эш со стоном крепко прижал к себе девушку.

21

Веки дрогнули и открылись. Комната была погружена в темноту, если не считать льющегося в окно лунного света.

Его обнаженное тело было влажным от пота. В горле саднило. Он вспомнил пожар.

Он вспомнил все.

Эш повернулся к Кристине, чувствуя необходимость в ее поддержке, и понял, что желание его все еще полностью не удовлетворено.

Но Кристины не было. Кровать рядом с ним оказалась пуста, а когда он позвал ее по имени, из темноты, окутавшей комнату, ему никто не ответил.

Там, где она еще недавно лежала, простыни были смяты и на них явственно сохранился след от ее тела.

Он коснулся этого места, как будто надеясь, что она каким-то чудом появится вновь, но ощутил такой холод, что вскрикнул и отдернул руку.

Впечатление было таким, будто рука его окунулась в ледяную жидкость,— казалось, что простыни не только сами были холодными, но всей своей смятой поверхностью излучали леденящий холод.

Он лег на спину, отодвинувшись как можно дальше от этого места. Его вновь охватил страх, мысли путались, но он чувствовал себя слишком усталым, чтобы сделать хоть

какое-то усилие, слишком утомленным и измотанным душой и телом, чтобы подняться.

Веки были тяжелыми, глаза слипались.

22

Раскрасневшаяся от мороза Эдит Фипс быстро взбежала по лестнице, ведущей в Институт экстрасенсорики. На улице за ее спиной скопились в огромной пробке, как, впрочем, и всегда в час пик, автомобили — они едва ползли, а чаще вообще стояли, и водители вымещали свое раздражение на пассажирах или товарищах по несчастью, стоявших с ними бок о бок, и даже на колесах собственных машин, однако редко кто нажимал на клаксон. Сквозь двойные стекла входной двери Эдит увидела спускавшуюся сверху Кейт Маккэррик и с силой толкнула дверь, торопясь перехватить коллегу.

— Кейт!..— задыхаясь, окликнула она, вбежав в вестибюль.

На лице Кейт отразилось удивление, однако она не остановилась и продолжала идти в направлении стола дежурного регистратора.

— Здравствуйте, Эдит. Извините, мне некогда, я опаздываю на конференцию. Вы вызвали мне такси? — обратилась она к дежурному.

— Оно уже ждет вас на улице,— коротко ответил он.

— Прекрасно. Это почта, ее нужно отправить сегодня же утром,— с этими словами Кейт выложила на стол целую кипу конвертов.

— Кейт, мне необходимо поговорить с вами,— настаивала Эдит, беря под руку своего шефа.

— У меня нет ни минуты, Эдит,— ответила Кейт, поворачиваясь к взволнованной женщине-медиуму.— Я действительно опаздываю. Постараюсь позвонить вам позже. Вы будете здесь, в Институте?

— Да, у меня сегодня с утра три сеанса. Но это очень важно...

— Так же как и конференция. Прежде чем она начнется, мне необходимо представить друг другу множество людей и успеть сделать еще очень многое. Если меня там вовремя не будет, с меня просто живьем шкуру сдерут.

Кейт осторожно протиснулась мимо Эдит и направилась к двери.

— Это касается Дэвида! — крикнула уже в спину ей Эдит.

Кейт на минуту задержалась у двери, уже держась рукой за вращающуюся створку и не зная, как поступить.

— Увидимся позже,— наконец решительно бросила она и вышла.

Дверь повернулась, выпуская ее из вестибюля. Эдит кинулась было следом, но, увидев, что Кейт садится в ожидавшее ее такси, остановилась, прикусив от досады нижнюю губу и понимая, что бежать за Кейт бесполезно.

Вместо этого она поднялась по лестнице и прошла в кабинет Кейт Маккэррик. Причем подъем этот потребовал от нее гораздо больше усилий, чем ей хотелось бы, и чрезвычайно утомил ее, хотя она сама отказывалась себе в этом признаться.

Бросив сумочку на стол шефа, она направилась прямо к шкафу с документами, вынула один из ящиков и стала быстро перебирать папки.

Найдя ту, на которой значилось «Мариэлл», она вытащила ее из ящика.

Раскрыв папку, она задумалась, вспоминая, когда ее впервые заинтересовал Дэвид Эш...

23

— Эдит, познакомьтесь, это Дэвид Эш.

Когда Эдит вошла в комнату, навстречу ей поднялся со стула высокий темноволосый мужчина, и теперь он про-

тягивал ей руку. Он вел себя очень сдержанно, но его скрытые возможности не укрылись от Эдит, и она подумала, что у этого человека очень интересное лицо и выразительные глаза...

Но мысли ее неожиданно были прерваны странным ощущением, можно даже сказать потрясением, когда они пожали друг другу руки. Его прикосновение вызвало у нее дрожь по всему телу, похожее чувство испытываешь, когда трогаешь кончиками пальцев поверхность мягкого бархата.

Пожатие его вдруг ослабло, словно и сам он испытал смущение, но потом снова сделалось крепким.

— Кейт много мне о вас рассказывала,— сказал он.

— Мне тоже хорошо известна ваша высокая репутация,— также быстро овладев собой, ответила Эдит и улыбнулась в ответ на его улыбку, желая тем самым показать, что в ее словах нет никакой скрытой враждебности.

— Я очень удивился, узнав от Кейт, что вам потребовалась моя помощь.

— Хочешь верь, хочешь нет, но Эдит восхищается твоей работой,— сказала Кейт, с сияющей улыбкой глядя на них обоих.

Эш удивленно поднял брови.

— Я ни в коем случае не ставлю под сомнение ваши доводы, мистер Эш,— сказала Эдит.— Среди людей моей профессии, без сомнения, немало шарлатанов. Мы и так вызываем немалое неудовольствие людей, а эти жулики еще больше дискредитируют нашу работу и ставят нас в смешное положение.

— Простите мне мои слова,— без обиняков ответил Дэвид,— но я уже привык к тому, что все вам подобные ополчились против меня и постоянно на меня нападают.

— Только не в тех случаях, когда мы сами подозреваем обман. Бывает, что проходит много лет, прежде чем удается разоблачить такого рода обманщика, а когда это наконец происходит, страдаем и все мы. Их деятельность необходимо прекращать, и чем раньше это будет сделано, тем

меньший вред успеют они нанести, мистер Эш. И главное — прежде, чем эти фальшивые медиумы успеют заполучить массу поклонников. Чем их больше, тем сложнее бывает разоблачить мнимого идола.

Эш знал, что это правда. Как и всякую религию (а ясновидение для многих было именно религией), эту можно было разрушить, только поколебав веру ее исповедников и разоблачив методы каждого шарлатана и обманщика в отдельности.

— Человек, которым мы просим тебя заняться в данном случае, слишком далеко вышел за все допустимые пределы,— сказала Кейт.

— За допустимые пределы? — переспросил Эш, обращаясь на этот раз к Эдит.— Следовательно, есть какие-то дозволенные рамки обмана, если он достаточно безобиден? Я правильно вас понял?

— Не стану отрицать — некоторые медиумы пользуются своего рода театральными эффектами,— ответила Эдит.— Но они никому не причиняют вреда. Это всего лишь средство достижения определенного психологического настроя.

Ей очень не понравилась ответная улыбка Эша.

Кейт встала из-за стола, недовольная и обеспокоенная ходом этой встречи.

— Пожалуй, я пойду выпью чаю или кофе, а вы, Эдит, тем временем во всех деталях объясните Эшу суть дела,— сказала она.— Думаю, его это весьма заинтересует.

— Уверена, что так и будет,— кивнула Эдит, в то время как Дэвид с равнодушным видом доставал из кармана сигарету.— Да, я абсолютно в этом уверена.

Это было впечатляюще. Напряженная атмосфера и почти физически осязаемое ожидание. В огромном помещении царил мрак — свет был не просто тусклым: как это обычно бывает во время таких сеансов, он практически отсутствовал.

Эш внимательно изучал медиума, стоявшего в отдалении. Это была женщина, и Эш вынужден был признать, что выглядела она весьма впечатляюще. Черные как смоль волосы (несомненно крашеные) были гладко зачесаны назад и собраны в тугой пучок на затылке; густо накрашенные глаза, приподнятые в углах, словно кожа здесь была туго натянута; чувственные ярко-красные губы; крупный нос, весьма примечательный, но при этом совсем не портивший ее лицо. Естественно, одета она была во все черное: блузка с высоким воротником, длинная юбка, даже чулки и туфли были черными. Эш подумал, что ее облик вполне соответствует плате за сеанс. Если бы он выложил такие деньги (а Эш не сомневался в том, что все это делается отнюдь не бесплатно), именно такой он хотел бы ее видеть — это неотъемлемая часть задуманного шоу. Звали ее Эльза Бротски, и Эш удивился, что она не действовала по полной программе и не прибавила к своему имени слово «медиум». Да, все это было весьма впечатляющим и одновременно смешным и нелепым. Однако Дэвид ясно видел, что аудитория ее едва ли не боготворила.

Он внимательно оглядел возбужденных «гостей» — главным образом это были женщины и среди них несколько пожилых или среднего возраста мужчин, которые все же сохраняли видимость спокойствия. Женщины возбужденно перешептывались, стараясь, однако, говорить как можно тише.

Эшу никогда еще не приходилось бывать на сеансах такого рода. Спиритические сеансы, как правило, были очень многолюдными и проходили в до отказа набитых помещениях. Здесь же присутствовало не больше двадцати пяти человек, не считая, конечно, медиума и ее помощников. Все приглашенные на этот закрытый сеанс сидели на расставленных полукругом скамьях. Медиум расположилась на стоявшем перед ними стуле. Все остальное пространство оставалось свободным.

Пока Эш изучал присутствовавших, сидевшая напротив, на другом конце полукруга, Эдит не сводила с него пристального взгляда.

За последние несколько недель она успела отчасти — только отчасти — узнать его и начала понимать, что его скептицизм (хотя, возможно, это не совсем точное слово) происходит из искреннего желания постичь истину. Он отнюдь не считал, что выполняет некую святую миссию,— его интеллект был чрезвычайно высоко развит, и потому для него неприемлемы были столь прямые, однозначные оценки, да и не было в этом человеке ничего от евангелического проповедника. Эдит чувствовала, что им движет нечто такое, что и сам он не в состоянии пока осмыслить и понять. «Для меня это всего лишь работа, а не призвание»,— сказал он ей в одном из недавних разговоров, но она сомневалась в том, что это на самом деле так. Понять этого человека было задачей отнюдь не из легких, возможно потому, что он и сам себя до конца не понимал. Она видела, что он охвачен чувством безысходности, разочарования, хотя нет — пожалуй, это было нечто большее, чем просто разочарование, нечто более глубокое... Быть может, отчаянные поиски самого себя? Вероятно, однако, что она и в этом ошибается. Сама не зная почему, Эдит подозревала, что все может быть как раз наоборот. «Какая странная мысль пришла мне в голову,— подумала она.— Можно ли допустить, что в основе желания узнать правду лежит отрицание существования самой этой правды?» Эдит сознавала, что причиной ее смущения и растерянности относительно личности Дэвида Эша является тот факт, что в какой-то момент ее разум коснулся его сознания. Все это было так странно и таинственно.

Вместо того чтобы усилиться, тихий шепот голосов вдруг почти прекратился, и это оторвало Эдит от размышлений. Она вновь обратила все свое внимание на сидевшую отдельно от «гостей» женщину в черном, которая до этого момента не проронила ни слова — словно все это время

концентрировала мысленную энергию для предстоящего сеанса. Сзади к ней подошли двое мужчин, больше похожие на охранников, чем на помощников. Медиум подняла голову и с надменной улыбкой оглядела собравшихся.

Когда она заговорила, все остальные звуки стихли и наступила полная тишина.

— Благодарю вас за то, что вы пришли сегодня сюда. Мне кажется, что я уже чувствую волнение и возбуждение всех тех, кого мы так любим и кто покинул этот мир. Да! Да! Они с нетерпением ждут возможности побеседовать с нами.

Она медленно скользила взглядом по лицам присутствующих, словно стараясь запомнить каждого, а те в свою очередь дрожали от удовольствия и от испытываемого ими благоговения.

Щеки Эдит вспыхнули от мучившего ее стыда за свое участие в подобной авантюре. Чуть раньше Эш спросил ее, почему она так уверена в том, что эта женщина — обманщица. «Истинный экстрасенс угадывает это совершенно безошибочно»,— ответила она тогда, и слова против ее воли прозвучали довольно двусмысленно. Эдит поняла это и тут же добавила, что за последние годы эта женщина получила весьма значительную сумму гонораров и это уже само по себе вызывает сомнения в ее честности и порядочности, ибо люди, действительно владеющие «даром», не позволяют себе извлекать из своего таланта чересчур большие прибыли. Брать плату за столь уникальные способности — это не путь, сказала она тогда Эшу, придавая в этом случае слову «путь» скорее духовный смысл, чем некое отношение к происходящему. Он выслушал ее точку зрения, однако согласился он с ней или нет, сказать трудно.

Была и еще одна причина сомнений в честности Эльзы Бротски. Эдит объяснила Эшу, что причина эта весьма проста: эта так называемая медиум была слишком уж удачливой. Она ни единого раза не потерпела неудачи в своих попытках связаться с тем или иным духом, находящимся в

потустороннем мире. В подобное невозможно поверить — каждый экстрасенс терпит неудачи, точнее, если говорить правду, их бывает гораздо больше, чем удач. А эта женщина, как выяснилось, работает совершенно безупречно. Эш поступил весьма невежливо — он принялся довольно откровенно размышлять вслух о зависти, которую испытывают друг к другу экстрасенсы, и Эдит пришлось напомнить ему, что она и Институт просят его всего лишь понаблюдать за этой женщиной, внимательно изучить ее и дать свое заключение. Иными словами — доказать правоту или ошибочность их мнения, не более того.

Попасть на сеанс не представило для них никакого труда — казалось, сюда пускали кого угодно (этот факт весьма озадачил Эдит: как правило, мнимые медиумы стараются вытянуть из своих потенциальных клиентов как можно больше информации, чтобы во время сеанса иметь максимально полные сведения и отталкиваться от них в полете своей фантазии; но в данном случае ни ею, ни Эшем никто даже не поинтересовался). Правда, им пришлось довольно долго ждать, пока подойдет их очередь,— список желающих стать «гостями» сеанса был длинным, эта женщина быстро набирала популярность и завоевала репутацию лучшей ясновидящей. Прошло почти два месяца, прежде чем Эдит и Эш получили отдельные приглашения (из предосторожности они воспользовались чужими именами), и Эдит пришлось придумывать повод, чтобы перенести свой визит на то же время, которое было назначено Эшу. Долгое ожидание имело и свои преимущества: у Эша было достаточно времени, чтобы узнать кое-что о прошлом Эльзы Бротски.

Эдит успела заметить в полумраке легкий кивок Эша в свою сторону. Она услышала, как ахнула сидевшая рядом с ней пожилая женщина, от которой сильно пахло мылом и пудрой. В небольшом пятне света она видела «медиума», ее бледную кожу и кроваво-красные губы. Хотя полной темноты в помещении не было, внимание всех невольно об-

ращалось на этот светлый круг, который тоже постепенно тускнел, словно вместе с «медиумом» погружался в транс.

Бротски вздохнула, и губы ее при этом раскрылись, став похожими на кровавые шрамы, горевшие в медленно гаснувшем свете. Вздох женщины был полон страсти. Она подняла руки, и двое ее помощников выступили вперед, чтобы поддержать их, в то время как руки почти коснулись сидевших ближе других к «медиуму» людей.

— Присоединяйтесь ко мне,— задыхаясь, произнесла она, и все присутствующие словно по команде взялись за руки.

Ладонь сидевшего справа от Эша пожилого человека была сухой и жесткой, как кора дерева знойным летом, в то время как влажная ладонь женщины слева больше напоминала кусок сырого мяса. Дэвид мысленно похвалил Эльзу Бротски за умение с таким эффектом организовать представление и внимательно наблюдал за тем, как ее голова все ниже и ниже опускается на вздымающуюся под тонкой блузкой грудь. Глаза ее какое-то время оставались закрытыми, но вдруг широко распахнулись, и она произнесла имя:

— Клэр.

Она еще раз повторила то же имя — голос был низким и чуть хрипловатым.

Кто-то, сидевший через два места от Эша, шевельнулся и испуганно вскрикнул.

— Здесь, в этом мире, кое-кто желает побеседовать с Клэр,— раздался голос Бротски. Затем она слегка повернула голову и, словно обращаясь к кому-то слева от себя, произнесла: — Да, я знаю, Джереми, потерпите, пожалуйста.— Она снова обернулась к аудитории.— Учтите, Клэр, сегодня многие с нетерпением ждут своей очереди, чтобы поговорить.

Эш поморщился. Да-а... эта женщина времени зря не теряет. Немного театральных эффектов — и вот уже шоу в самом разгаре.

— Это, наверное, я,— раздался из темноты голос.

В ту же секунду возник еще один луч света и быстро двинулся вдоль того ряда, в котором сидел Эш. Наткнувшись на женщину, сидевшую с полуоткрытым ртом и горящими от возбуждения глазами, луч остановился. Женщина заморгала, ослепленная этим светом, хотя он отнюдь не был ярким.

Эш был заинтригован. Никогда прежде ему не приходилось видеть, чтобы во время сеанса вот таким образом высвечивали из темноты одного из участников сеанса.

— Джереми просит вас не беспокоиться,— обратилась Бротски к женщине.— Там, где он сейчас находится, он чувствует себя вполне счастливым, однако ему хочется, чтобы вы почаще навещали его так, как сейчас. Он хочет рассказать вам о многом. Вы исполните просьбу Джереми, Клэр?

Клэр лихорадочно закивала головой, глаза ее были полны слез.

— Он просит меня сказать вам, что не чувствует больше боли, даже в ноге. Вас обоих это так беспокоило, не правда ли, Клэр?

Женщина еще раз энергично кивнула, и слезы потекли ручьем.

— В следующий раз Джереми расскажет вам больше. Главное, не волнуйтесь и теперь, когда вам удалось установить с ним контакт, не оставляйте его больше надолго.

— Не оставлю,— сдавленным голосом ответила женщина и, с трудом сдерживая рыдания, повторила: — Не оставлю...

Весьма умно и хитро, подумал Эш, теперь у нее есть еще одна постоянная клиентка, поклонница на всю оставшуюся жизнь. Интересно, она получает фиксированный гонорар или клиенты платят ей по собственному желанию — столько, сколько сочтут нужным? Хотя большого значения это не имеет — в порыве чувств люди обычно не скупятся и бывают весьма щедры.

— Здесь присутствует пожилой джентльмен с седыми волосами и красивой бородой,— снова послышался голос «медиума».— Он желает побеседовать с кем-то по имени...

Сеанс продолжался в том же порядке. Луч света (Эш заметил, что им управляет человек, стоящий в темноте за спиной «медиума» и время от времени поправляющий положение источника света) останавливался то на одном, то на другом участнике сеанса, когда наступала их очередь беседовать с обитателями потустороннего мира. Режиссура спектакля была хорошо продуманной, но достаточно очевидной.

Больше всего Эша поразил тот факт, что этой женщине в черном известно очень и очень многое не только о тех, кто присутствовал на сеансе, но и о их возлюбленных усопших. Никаких сомнений не может быть в том, что она предварительно получала о них информацию.

Создавалось впечатление, что Бротски выбирала кого-то из «гостей» как бы случайно, и луч, останавливавшийся на избранном, создавал иллюзию, будто в помещении в данный момент присутствуют только двое. Великолепный психологический ход — прекрасная возможность для концентрации одного разума на другом. Разговоры мертвых касались главным образом вполне земных и обыденных вещей: «...пойди к врачу и посоветуйся относительно этой постоянной боли в спине, радость моя, он тебе поможет, поезжай и отдохни в этом году за границей, там ты встретишь интересных для себя людей, обо мне не беспокойся, у меня все в порядке, скажи бабушке Розе, что ее Том здесь, со мной, и он с удовольствием встретится с ней, когда придет время, я всегда любил тебя, хотя иногда ты в этом сомневалась, я и сейчас люблю тебя, будь осторожна с той новой плитой, которую ты купила, ты права, головные боли могут быть вызваны утечкой, и, пожалуйста, не плачь больше обо мне, прошло уже пять лет, пора бы взять себя в руки и подумать о своей жизни, только не забывай меня и приходи поговорить со мной, да, конечно, я очень скучаю по тебе,

мастер плохо сделал заднее крыльцо в доме, попроси его перестроить, ты права относительно своего шефа, он плохо к тебе относится, пора тебе, моя девочка, поискать другую работу...» Все это, безусловно, имело большое значение для присутствовавших на сеансе, об этом свидетельствовала их реакция — они то плакали, то радостно смеялись.

Простота и банальность происходящего делали шоу еще более убедительным. Однако Эша убедить было далеко не так просто.

Не все участники сеанса получали весточки из другого мира, не получили их в том числе и Эдит, и сам Дэвид. Значит ли это, что «медиум» осуществляла «контакт» только в том случае, если у нее имелась информация? Даже если она использует лишь ограниченное число участников, остальные все равно окажутся под впечатлением от увиденного. Возможно, «контакт» становится реальным лишь после двух-трех визитов, а за это время Бротски и ее помощники успевают получить достаточную информацию о прошлом своих новых клиентов. Интересно, подумал Эш, кто заведет с ним разговор по окончании сеанса? Что ж, он готов к этому, у него есть несколько занятных сюжетов для дезинформации, и он...

Луч света замер на лице Эдит.

Эш был потрясен. Они ничего не знали о ней, им не было известно даже ее настоящее имя. С какой стати эта женщина, словно направляя луч света, указала рукой на Эдит, на совершенно незнакомого ей человека?

Тишина длилась всего несколько секунд, показавшихся, однако, вечностью. Эдит смущенно заерзала на стуле и взглянула на сидевшего напротив нее Эша.

Лицо женщины в черном напряглось и исказилось от ярости. Она перевела взгляд на Дэвида.

— Выставьте их отсюда! — истерически взвизгнула она.

Все участники сеанса, включая Эдит и Эша, буквально застыли от этой неожиданной яростной вспышки.

— Этих двоих! — рука «медиума» указывала по очереди на непрошеных гостей.

Один из помощников бросился вперед, вглядываясь в темноту и взглядом отыскивая второго чужака в этой компании. Дэвид вскочил и выставил вперед руку, намереваясь оттолкнуть этого человека, в глазах которого читался смертный приговор.

Эш выругался про себя. Такой поворот событий не входил в его планы. У него не было никакого желания вступать в открытый конфликт с мнимым медиумом — он собирался поговорить с ней с глазу на глаз и предупредить ее, что, если она не прекратит свою порочную практику, он выведет ее на чистую воду и публично назовет обманщицей, во всех деталях рассказав, как именно она дурачит людей и какую прибыль получает от этого. В прежних случаях такая угроза обычно оказывала действие, поскольку, будучи однажды разоблаченными, всякого рода шарлатаны и мнимые ясновидящие уже не в силах были восстановить свою репутацию и завоевать доверие клиентов. Они предпочитали тихо и красиво удалиться и поискать другие возможности одурачивания людей.

Все планы рухнули, мрачно думал Эш, видя, как приближается к нему помощник «медиума». Неожиданно он получил удар такой силы, что тело его согнулось пополам. Удивительно, но этот удар не был физическим — охранник был в этот момент в нескольких ярдах от него. Эш резко обернулся и посмотрел на Бротски.

Устремив на него горящий ненавистью взгляд, она вся дрожала. От нее исходило нечто большее, чем ненависть,— в глазах ее читались одновременно презрение, отвращение и страх. Она боялась его. Он чувствовал это совершенно явственно, но не мог понять, каким образом. Это не было похоже на то, как один человек узнает по поведению другого, что тот его не любит или не доверяет ему, нет — эта ненависть буквально захлестнула разум Эша, словно женщина способна была взглядом проникнуть в его мозг. Он

вдруг представил себе, как из глаз ее струятся рентгеновские лучи, как они проникают сквозь кости черепа — и чужие мысли заполняют его мозг. И он вдруг ясно понял, каким именно образом эта женщина проделывает свои трюки. Конечно же, она не была ни медиумом, ни ясновидящей, но в определенном смысле она обладала великим даром.

Чьи-то руки вцепились в него железной хваткой.

— Ну-ка, ты, вон отсюда! — услышал он тихий угрожающий голос охранника, в котором звучала неприкрытая злоба.

Эш отпихнул от себя эти руки.

— А вы ведь не разговариваете ни с какими духами,— спокойно обратился он к сидевшей по-прежнему в луче света и кипевшей от ярости женщине.

Все остальные «гости» беспокойно ерзали на своих местах, переводя взгляд с «медиума» на посмевшего так с ней разговаривать человека и обратно. Кто-то недовольно заворчал, к нему присоединились другие. Их возмущение было обращено против Эша.

— Пора людям узнать, каким образом вы устраиваете это представление,— бесстрашно продолжал Эш.

Охранник вновь попытался схватить Дэвида, но он с еще большей силой отпихнул его от себя.

— Вы очень талантливы,— вновь заговорил он, стараясь перекричать гул возмущенных голосов,— но только не в том смысле, в каком пытаетесь это представить.

К нему приближался второй охранник.

— Она телепат,— обратился Эш к окружавшим его людям, лица которых скрывались в полумраке.— Она обладает великим даром, но использует его, чтобы обманывать несчастных людей, таких как вы.

Он не был до конца уверен в том, что говорит, но все же его выводы были более чем догадкой — он явственно ощущал, как ее мысли проникают в его разум. Однако выражение ее лица после его слов убедило его в том, что он

совершенно прав, ибо оно сделалось вдруг хитрым, а в устремленных на него глазах промелькнуло коварство. Потом она перевела взгляд на обращенные к ней лица участников сеанса. Лишь какое-то мгновение она колебалась, но быстро взяла себя в руки, как загнанный на охоте зверь, не утративший, однако, ловкости и стремления выжить.

— Нет! — прозвучал чей-то громкий крик.

— Она просто вытягивает из вас деньги,— настойчиво продолжал Эш.

Вокруг него раздавались возгласы неверия, отрицания очевидного.

— Послушайте,— терпеливо вновь заговорил Дэвид.— Я прислан сюда Институтом экстрасенсорики специально для того, чтобы проверить эту женщину. Ее способность к ясновидению давно уже вызывает сомнения.

Если бы сейчас здесь присутствовала Кейт Маккэррик, она непременно застонала бы от неудовольствия. Это отнюдь не соответствовало тому, каким образом Институт предпочитал проводить свои исследования. По правде говоря, Эш и сам удивился собственной непростительной неосторожности. Возможно, виной тому была опасная близость двух похожих на вышибал охранников, от которых исходила неприкрытая угроза, а быть может, его вывело из себя неблагоприятное воздействие злобных мыслей этой женщины — он чувствовал, что они обволакивают его мозг, словно нечистоты.

— Вы ошибаетесь. Вы даже сами не понимаете, что говорите,— раздался голос одного из участников сеанса, которого тут же одобрительно поддержали остальные.

— Она помогла мне,— сказал еще кто-то.

— Благодаря ей я обрел душевный покой.

— Она вернула нам сына,— крикнула какая-то женщина.

— Нет, это не так,— настаивал Эш.— Она не делала ничего подобного. Я узнал о ее прошлом, она совсем не та, за кого себя выдает. Спросите ее о религиозном обществе,

которое она девять лет назад организовала в Лидзе и которое перестало существовать, как только полиция заинтересовалась странными сборищами, происходившими за закрытыми дверями,— необычными ритуалами, в которых принимали участие обнаженные девушки, совершавшие непристойные акты с пожилыми мужчинами. Спросите ее о вдовце из Честера, который еженедельно платил ей внушительную сумму денег за письмо, написанное рукой его покойной жены.

Со всех сторон все громче раздавались протестующие возгласы.

— Заставьте ее объяснить, почему она вынуждена была спешно уехать из Эдинбурга,— продолжал он,— тамошние власти не очень-то жалуют ясновидящих (последнее слово он произнес с явной издевкой), которые требуют, чтобы психически неуравновешенные пожилые леди переписывали на их имя свои поместья в обмен на обещание тепленького местечка в ином мире — рядом с их давно ушедшими друзьями и родственниками, которые только и ждут возможности встретиться с ними.

— Не слушайте этого сумасшедшего! — яростно прошипела Бротски.— Большинство из вас знают меня и помнят, что я для них сделала. И теперь вы поверите ему, а не мне? — Женщина по-прежнему, словно приросшая, сидела в кресле, крепко вцепившись в деревянные подлокотники.

— Те из вас, кто приглашен сюда не впервые, вспомните, сколько вы заплатили за эту привилегию? — обратился к людям Эш.— Подумайте об этом. Сколько стоил вам разговор с мертвыми?

Теперь уже оба охранника набросились на него одновременно. Схватив его за руки, они старались оттеснить его к двери. Эш отчаянно сопротивлялся, и тогда у самого его уха раздался шепот одного из головорезов.

— Для тебя же лучше, если ты сейчас тихо уберешься отсюда. Иначе твои ноги будут далеко не первыми, которые мне пришлось переломать в своей жизни.

Эш попытался что-то ответить, но грубая рука зажала ему рот. Он с силой ударил локтем в солнечное сплетение стоявшего за спиной охранника и с удовлетворением услышал, как тот захрипел. Рука, прижатая к его губам, упала.

— Кто-нибудь! Включите свет! — раздался взволнованный голос.— Я не вижу, что здесь происходит.

Однако свет по-прежнему оставался приглушенным. Единственное пятно света освещало то место, где находилась женщина в черном. Кто-то обратил внимание, что застывший взгляд ее в этот момент был прикован к сидевшим полукругом людям. Она не сводила глаз с кого-то, но с кого именно — в полумраке было невозможно понять.

Рот ее медленно открылся, а во взгляде округлившихся глаз явственно читалась тревога.

В помещении неожиданно наступила полная тишина.

— Не-е-е-е-е-ет! — жалобно прозвучал в этой тишине крик, больше похожий на стенание. Этот вопль женщины в черном слышали все, кто находился в комнате, и он поверг их в ужас, окончательно лишив дара речи.

Руки, по-прежнему державшие Эша, ослабли, будто из них ушла вдруг вся сила.

Луч света погас, но прозвучавший затем голос Эш узнал сразу, несмотря на то что не мог видеть среди собравшихся Эдит Фипс.

«Оставьте нас в покое»,— эти слова Эдит произнесла свистящим шепотом, но они странным образом разнеслись по всему помещению.

Эш без труда освободился от державших его рук, не встретив при этом никакого сопротивления. Никто не шевелился. Прозвучавший из темноты голос был таким жутким, что заставил всех почувствовать, будто обладатель его стоит совсем рядом с каждым из них. При этом, однако, все понимали, что этот голос принадлежал кому-то из участников сеанса, сидевших сейчас полукругом на стульях.

И этот человек сейчас громко и тяжело дышал...

«Мы для тебя никто, оставь нас»,— снова послышался тот же голос, он был женским... и в то же время нет...

Одна из участниц сеанса пронзительно вскрикнула — душераздирающий звук был вызван тем, что она почувствовала, как что-то ледяное коснулось ее, а потом двинулось дальше.

«Мы не хотим быть здесь, рядом с тобой.— Голос хотя и оставался тем же, все же несколько изменился, но по-прежнему принадлежал невидимой женщине.— Ты не имеешь права использовать нас таким образом, это причиняет нам страдание, заставляет нас возвращаться обратно».

— Эдит? — позвал потрясенный происходящим Эш.

Он мог различать очертания ее фигуры, видел, как то вздымается, то вновь опускается ее грудь, но лицо ее при этом оставалось в тени, и различить его черты было невозможно.

Она заговорила снова, хотя теперь голос ее еще меньше был похож на голос Эдит — в нем появились хриплые, какие-то мужские нотки и послышался гнев:

«Пусть они помнят нас такими, какими мы были. Ты поступаешь плохо, неужели... неужели ты сама не понимаешь этого? Это так нехорошо...»

Все головы вдруг повернулись к сидевшей в пятне света женщине в черном, ибо это она говорила теперь тем же голосом, что и прежде Эдит. Глаза ее безумно блуждали, взгляд их был невидящим, она лихорадочно облизывала языком пересохшие губы, отчего они вновь становились блестящими.

«Ты вмешиваешься в то, чего не понимаешь»,— продолжал голос. Артикуляция женщины совершенно не совпадала с произносимыми ею словами.

Эш повернулся к Эдит и увидел, что она обмякла на стуле, а сидящая рядом с ней женщина пытается ее поддержать, не позволяя ей упасть на пол.

«Ты должна прекратить, ты... Я не вижу тебя, мамочка...— Голос на полуслове изменился и теперь принадлежал ребенку — непонятно, девочке или мальчику. Бротски раскачивалась в своем кресле.— Приди и отыщи меня, мамочка, не оставляй меня здесь...»

— Это мое дитя...— раздался чей-то плачущий, всхлипывающий голос.

— Да она же пытается одурачить вас! — воскликнул Эш, указывая на женщину в черном.

«Мы счастливы, мы счастливы...» — послышался другой, уже не похожий на детский голос.

И снова голос ребенка:

«Я хочу вернуться домой, в свою комнату...»

Вслед за ним зазвучал старческий женский голос, хриплый, напоминающий карканье вороны:

«Я не вижу вас, я не вижу всех вас...»

Потом голоса смешались, зазвучали все вместе, перебивая друг друга, словно кто-то настежь раскрыл невидимую дверь,— их было много, очень много, громких, доходящих почти до крика, тихих, едва слышных, выразительных и монотонных,— слова лились, сталкивались друг с другом, накладывались одно на другое, различить их было почти невозможно, бессмысленная какофония звуков оглушала, превращалась в однообразный ропот...

«...Мой брат проводит Рождество без меня боли больше нет я никого не вижу почему бы не рассказать Марте пожалуйста перестань если ты заглянешь под ковер на лестнице какой год мамочка приди и забери меня не слушай ее мы никогда тебя не забудем в этом мире я счастлив здесь нет грустные мысли когда наконец Дэвид так много все эти люди причинят тебе зло мамочка пожалуйста я жду тебя я буду ждать тебя там если есть Бог не плачь больше будь счастлива когда-нибудь прекрати это прекрати это прекрати это...»

Последние слова прозвучали всеобщим криком.

Эдит резко дернулась и открыла глаза. Приподняв голову, она взглянула на освещаемое лучом света место. Она чувствовала, реально ощущала, что на лице ее высыхает кровь.

Та, которая выдавала себя за медиума, безуспешно пыталась встать со своего кресла. Спина ее изогнулась дугой, она с такой силой отталкивалась от подлокотников, что су-

ставы напряглись и побелели. Глаза ее едва не выкатывались наружу, белки их были отчетливо видны, рот широко раскрылся, и губы напряглись, став вдруг совершенно тонкими. Щеки ввалились так сильно, что даже в луче света на ее лице проступили слабые тени.

Изо рта ее показалось облачко пара, какое возникает при дыхании на морозе, однако Эдит и прежде, правда в очень редких случаях, приходилось видеть, как из отверстий на лице медиумов вылетает эктоплазма — физическое воплощение астральных тел. Она была уверена, что и сейчас наблюдает именно это, но поначалу поток так слаб, что не принимает пока определенные формы.

По-прежнему были слышны перебивающие друг друга голоса, но теперь намного тише, слабее, превращаясь в едва различимые мольбы. Звуки вырывались вместе с паром из открытого рта женщины, хотя ни язык, ни губы ее при этом не шевелились.

«Прекрати, прекрати, прекрати...»

Слабое облачко пара исчезло, рассеялось, но по лицу ее скользили тени, странная игра света едва заметно изменяла черты лица: другой становилась форма скул, тяжелела нижняя челюсть, густели брови. Лицо постоянно менялось, принимало различные формы, однако все это было лишь игрой теней в неподвижном луче света.

Приглашенные на сеанс люди, до этой минуты слепо поклонявшиеся своему кумиру, не в силах были больше сдерживать свой ужас. Раздавались испуганные крики, постепенно превращавшиеся в тревожный гул голосов, перекрывавший все еще слышавшееся тихое бормотание, которое вырывалось из напряженно открытого рта женщины.

Молодая женщина, та, которой показалось, что она слышит зов своего умершего ребенка, попыталась пробраться поближе к «медиуму», но в это время все остальные в страхе бросились к выходу, и она, сбитая с ног, вновь рухнула на стул.

Две женщины, хныча и скуля, как испуганные дети, промчались мимо Эша, оттолкнув его в сторону, стремясь поскорее выбраться из этого кошмара. Следом за ними толпой бросились к выходу все остальные, они толкали и отпихивали друг друга, каждый хотел побыстрее оказаться у двери. Несмотря на то что вид сидящей в кресле женщины в черном был весьма впечатляющим и малоприятным, Эш не мог понять причины их ужаса. Судя по всему, они догадывались, что она стала жертвой приступа какой-то странной болезни, что каким-то образом эта женщина (теперь, несмотря на весь свой скептицизм и нежелание признавать ее способность к ясновидению, он вынужден был все же согласиться с тем, что она действительно экстрасенс) мысленно передавала окружающим собственный ужас — казалось, вся атмосфера вокруг была пропитана страхом, который, словно заразная болезнь, быстро распространялся и охватывал всех, кто был в помещении, включая и самого Эша. Не сознавай он всей абсурдности подобного предположения и всего происходящего вокруг, он тоже бросился бы сейчас к выходу. Стоит ли удивляться, подумал он, что эти люди с таким благоговением относятся к этой женщине.

Почувствовав, что кто-то тронул его за руку, Дэвид буквально подскочил на месте.

— Дэвид, она в страшной опасности,— сказала ему Эдит Фипс.

Он с облегчением вздохнул, увидев, что Эдит уже оправилась после своего обморока и в отличие от остальных не паникует.

— Это самовнушение,— сказал он.— Я уже видел примеры подобной истерии прежде.

Эдит посмотрела на него как на сумасшедшего.

— Нет, это нечто совсем иного рода. Мы должны помочь ей, пока еще не поздно. Нам необходимо вывести ее из транса.

Толпа вокруг них значительно поредела, большинство участников сеанса сгрудились возле двери, торопясь как можно скорее выбраться из помещения. Эдит и Эшу хорошо видна была сидевшая в кресле женщина.

— О Господи! — выдохнула едва слышно Эдит.

Те немногие, кто не бросился к выходу и еще оставался в зале, включая двух помощников Бротски, буквально застыли на месте, словно загипнотизированные представшим перед их глазами зрелищем. Кто-то застонал. В следующую секунду послышался грохот — кто-то рухнул на пол.

Ибо лицо Эльзы Бротски в этот момент не имело ничего общего с ее обычным обликом.

Плоть вздулась и сделалась неровной. Кожа покрылась морщинами и складками, но на некоторых участках была гладкой и тонкой, почти прозрачной. Подобную трансформацию уже невозможно было принять за игру света и тени — произошедшие изменения слишком бросались в глаза. Создавалось впечатление, что под этой кожей скрывается великое множество лиц, каждое из которых стремится заявить о себе, вырваться на поверхность, до предела растягивая поверхность кожи. Зрелище, столь же невероятное, сколь и ужасное, было тем не менее завораживающим.

Казалось, что лицо Эльзы Бротски вот-вот непременно должно взорваться.

Потрясенный всем увиденным, Эш как зачарованный внимательно следил за мгновенными трансформациями, сменявшими одна другую с огромной быстротой, хладнокровно и упрямо он ожидал завершения процесса, желая узнать, как далеко все это может зайти. Дэвид совершенно не испытывал жалости к женщине, хотя и не мог не упрекать себя за это.

Увидев, что Эдит отходит от него, и догадываясь, куда именно она направляется, он поднял руку, пытаясь остановить ее. На какой-то миг ее силуэт закрыл от него картину происходящего, но вот Эдит уже возникла в том же луче света, в эпицентре кошмара.

Эдит склонилась к измученной женщине и, положив руки на ее искаженное лицо, тихо заговорила с ней.

Эш бросился к ней, обходя по пути немногих оставшихся «гостей», застывших на месте и полными смертного ужаса глазами смотревших на женщину в черном. Один из охранников повернулся к приближавшемуся Эшу, но даже не попытался преградить ему путь. Вместо этого он бросился прочь и вклинился в теснившуюся у выхода толпу. Его напарник от ужаса лишился способности двигаться и не мог, а быть может, не хотел подойти к беспомощной женщине. Третий помощник, тот, который управлял лучом света, выхватывая из темноты лица участников сеанса, вцепился в треногу, чтобы не упасть, и, словно не желая верить в реальность того, что видел, отчаянно тряс головой.

Бротски вдруг резко приподнялась, выгнулась всем телом, хотя руки ее по-прежнему оставались как будто привязанными к подлокотникам. Эдит, спотыкаясь, попятилась назад. Тело «медиума» изогнулось дугой, живот округлился до невероятных размеров, как на последнем месяце беременности, спина оказалась втянутой.

Голова ее при этом оставалась в прямом положении, подбородок лежал на тонкой материи, обтягивавшей грудь,— создавалось впечатление, что голову отделили от шеи и просто положили туда. Страшнее всего были ее глаза: зрачки закатились и видны были только выпученные и тусклые, как у дохлой рыбы, белки.

В целом она представляла собой поистине жуткое зрелище, а лицо ее по-прежнему находилось в движении, гримасничая, словно горгулья.

Голоса настойчиво продолжали звучать — неземные речи слетали с неподвижных губ, представляя собой череду малопонятных глупостей и гневных возгласов...

«...Не могу не кошка ты и я это совершенно другое помню то время длинный тоннель яркий свет мамочка по-

жалуйста мамочка цветы их здесь много прекрати оставь скажи всем ты конец смерть вся боль проходит не забудь под лестницей когда же ты перестанешь хватит мы не хотим этого мы хотим я чтобы нас оставили...»

Из носа, а затем и из уголков глаз Бротски хлынула кровь.

Эш стоял перед ней, испуганный и потрясенный силой ее конвульсий. Не зная, что еще можно предпринять, он шагнул ближе и, как чуть раньше сделала это Эдит, взял руками ее голову, стараясь побороть отвращение, которое вызывала в нем вздувшаяся и шевелящаяся под его пальцами плоть.

В какой-то нелепой пародии на сладострастие она терлась о него животом, а ее красные, истекающие кровью глаза смотрели на него невидящим взглядом. Дыхание женщины было зловонным, словно отравленным исходящими из нее речами.

Спазматические движения сменились дрожанием, все тело сотрясалось, и Эшу стоило огромных усилий удерживать руки на ее лице. Спина женщины выгнулась еще больше, казалось, что она вот-вот сломается, живот поднялся выше и находился теперь на уровне груди Эша. Голова женщины, лежавшая между грудями, походила на протескный, дрожащий и пульсирующий муляж.

Словно литания, перекрывая все остальные, звучало лишь одно слово:

«...Прекрати... прекрати... прекрати...»

Невероятной силы дрожь достигла, видимо, наивысшей точки, потому что тело Эльзы Бротски вдруг замерло, застыло неподвижно.

Как показалось Эшу, женщина стала такой холодной, будто заледеневшей, словно он держал сейчас в руках мраморную статую.

Голоса смолкли. На смену им откуда-то из самых глубин тела женщины зазвучал на пронзительно высокой ноте похожий на похоронный плач вопль.

Поначалу тихий, отдаленный, он становился все громче, пока не вырвался из широко раскрытого рта оглушительным, душераздирающим визгом.

Прежде чем Эльза Бротски бесформенной массой осела перед его глазами, Эш успел услышать еще одно слово... Имя...

Эдит Финс буквально терялась в догадках. Почему она дважды слышала имя Дэвида — в первый раз среди бессмысленного гула голосов и во второй — в этом последнем крике?

24

Эш шевельнулся в постели и провел рукой по лбу, пытаясь снять давящую изнутри боль. Он откашлялся, попробовав прочистить саднящее горло, потом нехотя открыл глаза и глубоко втянул в себя воздух, словно дыхание не было для него вполне естественным процессом.

Он шевельнулся еще раз, вяло, через силу подтянулся и сел в кровати. Тусклый дневной свет проникал в комнату, разогнав тени, ночью казавшиеся густыми и бесформенными, создававшие атмосферу таинственности. Эш что-то пробормотал — возможно, ругал себя за полное отсутствие жизненной энергии.

Он с усилием поднял руку и посмотрел на часы. От удивления сон как рукой сняло. Давно перевалило за полдень — Эш проспал невероятно долго.

Он прислонился к спинке кровати и начал растирать руками лицо, чтобы окончательно избавиться от сонливости. Он чувствовал себя совершенно разбитым, пальцы затекли, тело казалось чужим, и он вспомнил, каким влажным оно было, когда он просыпался среди ночи. Не обращая внимания на то, что в комнате холодно, Эш сбросил с себя одеяло. При свете дня сухая кожа казалась очень бледной. Простыни на кровати были скомканы, его беспокойные

метания во сне уничтожили всякие следы чьего бы то ни было пребывания рядом с ним ночью. Однако на простыне остались пятна спермы.

Эш медленно встал, морщась от пульсирующей боли во лбу, и потащился к окну. Опершись руками о раму, он выглянул в парк.

Вокруг все было тихо и спокойно. Ни ветерка, ни движения облаков на небе — оно было сплошь покрыто серыми тучами; до него не доносилось ни единого звука.

Да и сам дом, весь Эдбрук, казался до странности тихим.

Эш сразу же обратил на это внимание, хотя мысли его заняты были в тот момент совсем другим — воспоминаниями о прошедшей ночи. Перед его глазами стояла Кристина — чистая и прекрасная в своей наготе, с рассыпавшимися по плечам темными волосами, обрамлявшими ее лицо и длинными прядями спускавшимися до кончиков грудей. Он вновь мысленно коснулся ее и вновь ощутил ее чувственную ответную реакцию, почувствовал влагу ее тела и то, как оно содрогалось от наслаждения.

Эш отошел от окна, присел на край кровати и закрыл ладонями лицо. Куда она ушла? Почему Кристина бросила его среди ночи?

Даже не умывшись, он медленно оделся, ему и в голову не пришло принять ванну. Взявшись за дверную ручку, он с минуту помедлил, словно ожидая чего-то и недоумевая, почему ему так не хочется выходить из комнаты. Царившая в доме тишина нервировала Эша, ему казалось, что весь дом — каждый камень, каждая доска в нем — застыл в ожидании чего-то, ожиданием была пропитана вся атмосфера Эдбрука... Ожиданием чего? Эш злился сам на себя. Он, Дэвид Эш, прагматик и убежденный реалист, выдумывал теперь невесть что. Ну и фантазии лезут ему в голову! Эдбрук обыкновенный дом, не более. Однако история его хранила множество трагедий, и одна из них настолько ужасна, что память о ней, вполне вероятно, по-прежнему

сильна и оказывает влияние на настоящее. Но все это не имеет никакого отношения к власти над домом призраков в настоящем смысле этого слова. Здесь нет привидений, нет духов или видений, тревожащих жизнь нынешних обитателей дома. Хотя, возможно, в Эдбруке любят розыгрыши.

С этой мыслью Дэвид распахнул дверь.

Коридор был пуст, но ничего другого он и не ожидал. Однако было одно обстоятельство, вызывавшее у Дэвида суеверный страх,— весь дом казался необитаемым и одновременно погруженным... в меланхолическую печаль.

Эш прошел по коридору к лестнице и с галереи заглянул вниз, в холл. Даже воздух в Эдбруке казался древним и тяжелым. Хотя, возможно, это ощущение было связано с его собственным состоянием и не имело никакого отношения к действительности. События двух прошедших ночей травмировали его психику и совершенно измотали нервы. Несмотря на то что он проспал большую часть дня, походка его была неуверенной, а мысли кружились и путались в голове.

Он подошел к комнате Кристины и тихонько постучал в дверь. Ответа не последовало. Эш не стал стучать еще раз и вошел внутрь.

Остановившись у порога, он, слегка приоткрыв рот, обвел взглядом комнату.

Ничего необычного в спальне Кристины не было. Кровать с латунными перекладинами в изголовье и в ногах была аккуратно застелена, на пуховом одеяле не было ни складочки. Старинная мебель искусно украшена резным орнаментом. Набивные шторы отведены в стороны и прихвачены великолепными застежками, а сквозь тюлевые занавески в комнату проникал дневной свет.

Ничего необычного, если бы не...

...Если бы не тот факт, что все это носило отпечаток старости и ветхости. Не было ни журналов, ни книг, не видно было никакой одежды или ночного белья, разбросанных,

как это обычно бывает, по стульям и креслам. Все вокруг было серым, тусклым, как будто покрытым толстым слоем пыли.

Ни единого звука, никаких признаков того, что в этой спальне жил кто-то. Она больше походила на заброшенный музей.

На бюро, над которым висело овальное зеркало, стояли в серебряных рамках две фотографии, и Эш подошел ближе, чтобы получше их рассмотреть. Взяв в руки одну из них и стерев с нее пыль, он узнал изображенную на ней пару с портрета, который видел предыдущей ночью. Сидевшие в напряженно застывших позах родители Кристины холодно улыбались в объектив фотоаппарата. Второе фото, судя по всему, было сделано значительно раньше и запечатлело потомство Мариэллов. Он уже хотел взять в руки эту фотографию, но тут взгляд его упал на зеркало и он увидел в нем свое отражение. Несмотря на покрывавший зеркало слой грязи, он сумел разглядеть мешки под глазами и черноту небритого подбородка. Он в смущении отпрянул и провел рукой по взъерошенным волосам, пытаясь привести их хотя бы в относительный порядок.

Сам не зная зачем, он дотронулся до кровати (возможно, это был жест истосковавшегося любовника, который ласково гладит белье своей возлюбленной, чтобы вновь испытать хотя бы видимость интимной близости), провел пальцами по покрывалу. Материя оказалась жесткой на ощупь.

Выйдя из спальни, Эш вернулся к лестнице и почти бегом спустился вниз, чувствуя в душе беспокойство из-за царившей вокруг неестественной тишины. Он обошел комнату за комнатой, проверяя, не нарушены ли оставленные им печати и нет ли где-либо следов порошка, прежде чем войти внутрь и отключить сработавшую при его появлении аппаратуру.

Заметно волнуясь и с трепетом в душе, он подошел к двери, которая вела в подвал, открыл ее и с верхней сту-

ненькой лестницы попытался определить причиненный пожаром ущерб. За исключением кучки пыли, покрывавшей осколки разбитой бутылки бренди, он не увидел ни одного свидетельства случившегося здесь прошлой ночью: не было ни почерневших стен, ни обгоревших деревянных балок, ни запаха дыма и гари. Все это оказалось лишь иллюзией. В архивах Института экстрасенсорики хранилось множество описаний подобных случаев. Эш сам не понимал, что именно он почувствовал при этом — облегчение или тревогу.

Из подвала он прошел через холл к кухне и остановился, прежде чем туда войти. Изнутри слышались какие-то звуки. Слабый шум, поскребывание.

Дверь была чуть приоткрыта, и Эш осторожно и медленно начал открывать ее шире.

Бегавшие по кухонному столу мыши не замечали его присутствия до того момента, пока дверь не распахнулась настежь, ударившись о перегородку. Крохотные существа, не потрудившись даже взглянуть на вошедшего, бросились врассыпную — некоторые из них шлепались на придвинутые к столу стулья, другие стремительно спускались по ножкам стола, причем каким образом им это удавалось, оставалось поистине непостижимым.

При виде этих меховых комочков с длинными, волочившимися хвостами у Эша мурашки побежали по коже. На столе их было всего около полудюжины, но они производили такой шум, что казалось, будто их сотни. Раскрошенный хлеб, служивший лакомством для мышей,— половина буханки, возле которой лежал нож с тускло поблескивавшим лезвием,— был покрыт черной плесенью. Это зрелище и воспоминания о только что суетившихся здесь меховых комочках вызвали у Эша приступ тошноты.

Он бросился к раковине, стараясь не наступить ни на одно из крохотных существ, хотя, по правде говоря, в тот момент его это мало волновало. Рвоты не было, он сплюнул лишь большое количество слюны, попавшей на спинки двух сидевших в раковине тараканов. Дэвид отпрянул,

глотая поднимавшуюся к горлу горько-кислую жидкость. Господи! Да этот дом просто утопает в грязи и мерзости! Что же произошло с Эдбруком за одну лишь ночь? Этот вопрос промелькнул у него в голове, но даже если бы он высказал его вслух, ответить было некому. Он протянул руку и повернул старинной формы кран. Послышалось бульканье, из крана неровными толчками хлынула бурая вода, чуть погодя она стала чистой и потекла ровной прозрачной струей. Над сгустками его слюны кружились, дергая тонкими ножками, черные мухи. Эш закрутил кран и отошел от раковины.

Задняя дверь оказалась незапертой, и он вышел на улицу, радуясь свежему, хотя и по-зимнему холодному воздуху. Вытирая тыльной стороной ладони губы и подбородок, он лихорадочно хватал ртом воздух, чувствуя, как постепенно усталость покидает его. Дэвид поежился от холода и с отчаянием в голосе произнес имя Кристины.

Эш не был уверен в том, что действительно надеется услышать ответ. И все же позвал ее снова.

И стал напряженно вслушиваться в тишину.

Стоя на возвышавшейся над парком террасе, он приложил ладони рупором ко рту и снова крикнул:

— Кри-и-и-сти-и-и-на-а-а!!!

Затем крикнул еще раз, но уже тише и практически ни на что не надеясь.

Кристина покинула Эдбрук, так же как, судя по всему, и няня Тесс. Эш остался совсем один, и его вдруг охватило странное и необъяснимое ощущение, что разрушающийся дом злорадно смеется над ним.

25

Красная «Фиеста» осторожно влилась в поток машин на шоссе, двигавшихся на северо-запад, и стала постепенно набирать скорость, словно радуясь своему освобождению от переполненных городских улиц.

Но на лице единственного сидевшего в машине человека радости не было. И вовсе не из опасения перед поджидавшими ее в дороге трудностями Эдит Финс так крепко вцепилась в руль.

Эш шел по коридору к лестнице, на ходу натягивая пальто и не потрудившись даже закрыть за собой дверь спальни. Он быстро спустился вниз, стараясь поскорее выбраться из этого дома, пустота и мрак которого безмерно подавляли его.

Холодный воздух по крайней мере избавил его от сонливости и апатии, и он чувствовал острую потребность в энергичном движении, чтобы окончательно прийти в себя.

На последней ступеньке лестницы он на миг задержался и взглянул на стоявший в другом конце холла огромных размеров телефон. Эш решил попытаться еще раз. В конце концов, он ничего не теряет, всего лишь несколько секунд. Он подошел к аппарату и поднял к уху тяжелую трубку. Губы его искривились в некоем подобии улыбки — линия не работала. Впрочем, ничего другого он и не ожидал.

Швырнув трубку на место, Дэвид рукавом пальто стер пыль с ладони.

Эш поспешил к выходу, и шаги его по деревянному полу гулко отдавались в пустом холле. Он открыл одну из створок двери, вышел на улицу и почти бегом спустился по ступенькам, ведущим от входа.

Он поднял воротник пальто и отвернул лацканы, прикрывая от холодного ветра грудь. Под его ногами громко шуршал покрывавший дорожку гравий.

Огромный грузовик с прицепом проскользнул так близко, что Эдит испугалась — ей показалось, что ее «Фиесту» сейчас затянет под колеса этого монстра. Во всяком случае, воздушный поток, созданный этой гигантской гусеницей, был таким сильным, что Эдит пришлось еще крепче вцепиться в руль, чтобы удержать машину на ровном ходу. Взглянув в боковое зеркало, она увидела, что у грузовика

много последователей, правда значительно меньших размеров, водители которых, вероятно, давно уже сгорали от нетерпения — быть может, с того самого момента, как выехали на трехполосное бетонное шоссе. Эдит взглянула на спидометр — на пятнадцать ниже допустимой. Что ж, наверное, она действительно сама виновата, однако не одна она ехала со скоростью 55 миль в час. «Нет, вы только посмотрите на нас,— проворчала она себе под нос,— прямо как процессия катафалков». Она невесело улыбнулась, и эта улыбка как нельзя лучше соответствовала ее настроению. Откуда в ней этот ужасный, лишающий сил страх? Почему она так боится за Дэвида? Она не могла найти ответ. Интуитивное видение не всегда бывает ясным и отчетливым. В основном оно построено на чувствах, на подсознании, но на этот раз эмоциональное напряжение было чересчур сильным. И оно исходило от самого Дэвида, имело непосредственную связь именно с ним. Словно бедняжка посылал отчаянные сигналы бедствия. Но все было так зыбко, так туманно...

Она резко нажала ногой на тормоз, заметив вдруг всего в нескольких ярдах впереди другую машину.

Она приказала себе успокоиться. Что бы ни случилось, что бы ни происходило сейчас в доме, называемом Эдбрук, она ничем не сможет помочь Дэвиду, если ее бездыханное тело окажется распластанным на шоссе.

Господи, какие ужасные мысли лезут ей в голову! «Как не стыдно, Эдит,— упрекнула она себя,— ты ведешь себя плохо, очень плохо».

Эдит рискнула бросить взгляд на раскрытую на пассажирском сиденье карту. Ей не хотелось пропустить поворот с шоссе на другую дорогу, которая в свою очередь приведет ее на еще одну дорогу, а потом еще на одну, и та в конце концов приведет ее в Рэйвенмур.

Не сводя внимательного взгляда с шоссе, она сдвинула в сторону два письма, закрывавшие нужную ей страницу на карте, и быстро отыскала номер необходимой ей дороги. Лежавшие вместе с картой письма были подписаны мисс

Т. Вебб. «Еще очень далеко»,— пробормотала она себе под нос и вдруг резко вздрогнула — еще один грузовик с грохотом, обгоняя ее, промчался мимо.

Добравшись наконец до телефонной будки, Эш немного постоял внутри и отдышался, прежде чем набрать номер телефона Института. После прогулки быстрым шагом по свежему воздуху у него по крайней мере прояснилось в голове. Несмотря на пройденный путь, он чувствовал себя бодрым и полным энергии. Возможно, для того чтобы снять усталость, ему не хватало именно такой вот прогулки по долине и свежего воздуха. В том, что он так отвратительно чувствовал себя раньше, Дэвид винил дом, Эдбрук, с его вечным полумраком и затхлым воздухом. И конечно же, события последних двух ночей, неблагоприятно повлиявшие на его психологическое состояние. Мариэллы явно разыгрывали его, пытались сбить с толку, но он не понимал, зачем им это было нужно. Неужели его действительно это интересовало? И разве его волновало, какие цели они преследуют? Как ни удивительно — да. Он не знал только, в какой именно степени. Мариэллы раздражали, бесили его и одновременно, признался он нехотя самому себе, странным образом привлекали, буквально завораживали. Особенно Кристина. Прошлой ночью...

Он заставил себя не думать об этом. Ему необходимо было получить руководящие указания, выслушать мнение здравомыслящего человека и прояснить ситуацию. Ему нужно поговорить с Кейт Маккэррик, непреклонной, решительной, все понимающей и умеющей логически мыслить Кейт.

Эш порылся в карманах и выругался, обнаружив там только несколько пенни.

Толкнув тяжелую дверь, он вышел из будки и долго смотрел на раскинувшуюся перед ним долину и видневшийся в конце ее Эдбрук.

Однако пошел он совсем в другую сторону.

Ну вот, наконец-то, именно эта дорога, уходящая в сторону от шоссе, ей и нужна.

Эдит включила левый указатель поворота и с облегчением вздохнула, оказавшись после скоростного шоссе на тихом сельском проселке. Она не торопясь ехала мимо городков и поселков, наслаждаясь видом возвышавшихся вдалеке холмов с мягкими очертаниями.

День клонился к вечеру, и кое-где уже зажигались первые огни.

К тому времени, как Эш достиг окраины поселка, он уже едва тащил ноги. Плечи его поникли, ссутулились, а глаза не отрывались от дороги — двухмильный переход напрочь лишил его обретенной было (и, как оказалось, ненадолго) энергии.

Дома постепенно выстраивались в ровную линию, располагались уже не так далеко друг от друга, а кое-где даже целыми группами. В них уже зажегся свет, в некоторых Эш видел даже горящие камины. Мягкий свет этих огней вызывал ощущение теплоты и уюта, необходимого усталому путнику покоя, и в то же время это ощущение заставляло всякого, кто находился на улице, острее почувствовать собственное одиночество. Именно так чувствовал себя сейчас Дэвид Эш.

Облачка пара от его дыхания витали вокруг лица, таяли и растворялись, они были столь же мимолетны, как и кружившиеся в голове мысли. В сравнении с его разгоряченным от долгой ходьбы телом вечерний воздух казался особенно холодным. Он шел мимо слепящих ярким светом витрин магазинов, но впереди его ждал гораздо более гостеприимный свет.

Эш прибавил шагу, и в горле его пересохло от предвкушения того, что его ждет.

Эдит стояла возле «Фиесты», наблюдая, как пожилой служащий бензоколонки наполняет бак, жалуясь на долгие ночи, на то, что приближается зима, что лето редко бывает

хорошим и что цены на мясо непомерно высоки. Это была небольшая автостанция, и заправку машин бензином едва ли можно было назвать увлекательной работой, но она все же давала возможность хотя бы изредка поболтать с проезжающими здесь клиентами.

Да-да, Рэйвенмур отсюда совсем недалеко, да, он слышал о поместье под названием Эдбрук — это большой дом, много земли вокруг него... нет, оно тоже недалеко отсюда, меньше чем в трех милях, не доезжая городка, нет, он толком не знает, кто там живет, имена ему неизвестны, поместье-то вроде бы есть, а вроде бы и нет его, вы понимаете, дом стоит далеко от дороги, рядом нет ни соседей, ни тех, кто там работает; кто бы они ни были, они живут сами по себе; впрочем, он вообще мало что здесь знает (при этих словах он усмехнулся), потому что и сам в этих краях, можно сказать, новичок, приехал сюда вместе со своей второй женой, а через два года опять овдовел — лет десять-одиннадцать с тех пор прошло, и за это время у него не было повода общаться с обитателями больших домов, хотя леди, которая живет там, частенько останавливается здесь, чтобы заправить машину,— она у нее старинная, великолепная старая машина, но в отличном состоянии, такое впечатление, что они нечасто пользуются ею; он точно знает, что эта леди оттуда, потому что однажды у нее не оказалось наличных денег и она выписала чек, а он вынужден был попросить ее оставить свой адрес, потому что так полагается; будь он проклят, если помнит сейчас ее имя, она никогда много не разговаривала, она не из тех, кто, как он, любит поболтать, а вот он получает огромное удовольствие от приятной беседы, а сейчас, если миссис поедет по этой дороге и на втором перекрестке повернет направо, то слева от нее будет небольшая долина, ее следует объехать вокруг, потом будет еще одна дорога, пошире, хотя и ненамного, а чуть дальше по ней будет уже Эдбрук.

Он остановился, чтобы перевести дух, и снова усмехнулся.

Да, он, конечно, знает это поместье, но ему до него нет дела. Он проезжал мимо пару раз, и оно его не впечатлило. Когда вам уже семьдесят, а точнее — семьдесят два, и вам все еще приходится работать круглые сутки, потому что вы к этому привыкли и другой жизни себе не представляете, так вот, когда вам уже за семьдесят, вы хорошо умеете чувствовать такого рода вещи. Миссис, конечно, понимает, что он имеет в виду? Уверен, что понимает. Ну вот, полнехонько, под завязку, можно ехать. Чек нужен? Нет? Ладно, тогда схожу за сдачей. Как насчет масла? Масло вам нужно? Нет? Да, эти маленькие консервные банки не требуют столько масла, сколько жрали старые колымаги. Говорят, это все прогресс. Возможно, но иногда кажется, что в некотором смысле все становится хуже, а не лучше. Ну, вы понимаете? Все вокруг становится другим, но время и жизнь не стоят на месте, и нужно как-то приспосабливаться...

К великому облегчению Эдит, старик наконец направился в свою конторку, построенную из камня и выкрашенную в белый цвет. Она крикнула ему вслед, что сдачу он может оставить себе. Она уже села в машину и протянула руку к ремню безопасности, когда старик обернулся и в знак благодарности помахал ей.

Хозяин кабачка в Рэйвенмуре едва успел открыть дверь, чтобы посмотреть, какая нынче вечером погода (холод и даже мороз его не нугали, но в дождливую погоду любители выпить и поиграть в карты, за исключением самых заядлых и стойких, предпочитали не выходить на улицу), как вдруг на него буквально наткнулся человек в темном пальто. Парень был не из местных и какой-то весь растрепанный, взъерошенный. Ему не помешало бы и хорошенько побриться. Хозяин отступил, давая возможность посетителю войти.

Пробормотав извинения, Эш протиснулся мимо него и направился через вестибюль к бару. Хозяин последовал за ним.

— Сегодня холодная погода,— чтобы как-то завязать разговор, сказал хозяин, обходя стойку бара.

Эш только молча кивнул в знак согласия и указал на отражавшиеся в зеркалах ряды бутылок за спиной бармена. Потом ткнул пальцем в бутылку водки.

— Большую, пожалуйста.

Эдит снизила скорость и почти прижалась лицом к ветровому стеклу, пытаясь рассмотреть надписи на прикрепленных к воротам почтовых ящиках. Потом включила на полную мощность фары, чтобы было лучше видно.

Да, вот оно. Подъехав чуть ближе, она смогла прочитать выгравированное на кирпичных столбах по обе стороны дороги название — Эдбрук. Ворота были открыты, и она, съехав с дороги, остановила «Фиесту» по другую их сторону. В вечерних сумерках она отчетливо видела тень большого дома, стоявшего в конце прямой подъездной дорожки. Света в доме не было.

Она ничего не чувствовала.

Судя по всему, дом был совершенно пуст.

Нет, она по-прежнему не испытывала никаких ощущений. И в то же время у нее не было желания входить в этот темный и мрачный дом. Если только Дэвид...

Эдит сняла ногу с педали тормоза и поехала вперед.

По обе стороны раскинулись просторные лужайки, за которыми виднелся лес, потом начался парк. В полумраке ей трудно было определить, в каком состоянии все это находится. Эдит вдруг тихо вскрикнула — в какой-то миг ей показалось, что в парке стоят люди, но тут же она поняла, что их пугающая неподвижность объясняется тем, что они сделаны из камня. Она постаралась выбросить из головы мысль о том, что эти статуи пристально следят за ее приближением.

Дом словно рос на глазах, и вскоре сквозь ветровое стекло она могла видеть только освещенный фарами фасад, производивший весьма мрачное впечатление.

Она остановила машину недалеко от ведущих к входу в дом ступеней — под деревом, раскидистая крона которого нависала над посыпанной гравием площадкой.

Вполне безопасное расстояние, подумала она, издеваясь над собой, обеспокоенная собственной нервозностью. Со смешанным чувством любопытства и тревоги она вглядывалась в величественное здание, не понимая, почему оно действует на нее таким образом,— она по-прежнему не ощущала ничего, никакого намека на историю этого дома, на то, что скрывалось за массивными стенами.

Тогда откуда же этот страх? Он засел внутри ее, разъедая ее внутренности, как раковая клетка, потихоньку разрушающая находящиеся рядом здоровые клетки и ткани, медленно прокладывая себе путь и постепенно захватывая весь организм, совершая свое страшное дело при поддержке извне... и эта внешняя поддержка исходила из мрачного дома, перед которым стояла сейчас Эдит...

Ну же, Эдит, говорила она себе, ты чувствуешь что-то. Ужасную всеохватывающую пустоту, причины которой вполне реальны. Здесь царит ужас, и Дэвид Эш стал его частью...

Эдит отправилась в Эдбрук полная решимости избавиться от мучившей ее тревоги и предупредить Дэвида о грозящей ему опасности; сам он, напрочь отрицая наличие у него великого дара, не мог постичь и осознать масштабы этой угрозы. Судя по всему, его сенсорность не в силах была преодолеть воздвигнутые им психологические барьеры между собственным сознанием и подсознанием, а потому избрала иной путь. Нет, не совсем так. Та часть его сознания, которая колебалась между тем, во что он верил, и тем, что отрицал исходя из доводов логики, этот сидящий внутри каждого (или почти каждого) из нас третейский судья,— иными словами это можно было бы назвать способностью к восприятию и постижению — так вот, эта способность вынуждена была отсылать его мысли в ином направлении.

И Эдит оказалась именно тем человеком, кто уловил эти мысли, как и рассчитывал на то третейский судья. Сам того не подозревая, Дэвид послал сигнал опасности. Господи! Каким же благодатным материалом мог бы послужить разум Дэвида для любого психоаналитика. И вот теперь захлестнувшая Эдит тревога в значительной степени поколебала ее решимость.

Эдит готова была уже развернуть машину и поскорее убраться подальше от этого страшного места. Света в доме по-прежнему не было — такое впечатление, что Эдит здесь совершенно одна. Может быть, Дэвид уже закончил свои исследования и вернулся в Лондон? Может быть, она напрасно так беспокоится? Нет, тут же возразила она себе. Любое предположение может быть спорным, но чувства не ошибаются. Если Дэвид действительно уехал отсюда, то это только к лучшему. Если в доме никого нет, еще лучше — она может возвращаться в Лондон с чистой совестью и сознанием того, что сделала все возможное.

Дом по-прежнему не вызывал у нее никаких ощущений. Как будто внутри его царил абсолютный вакуум, всеобъемлющая пустота, ставившая ее в тупик. Но если там действительно ничего нет, незачем и бояться. Ничего и есть ничего, и нет повода для страха — не так ли, Эдит?

Она открыла дверцу машины. Поежилась от холода. Пересекла посыпанный гравием двор. Поднялась по трем широким каменным ступеням.

Одна створка входной двери была приоткрыта, и сквозь образовавшуюся щель было видно, что в доме властвует непроглядная тьма.

Эдит нажала на кнопку звонка возле двери. В доме не раздалось ни звука. Она нажала еще раз, уже сильнее, и несколько секунд не снимала палец с кнопки. Но звонок не работал.

Она постучала в закрытую створку двери с такой силой, что костяшки пальцев тут же покраснели. И вновь никако-

го ответа. Тогда Эдит заглянула внутрь, оставив дверь нараспашку. Чернота чуть отступила.

— Эй! — крикнула она.— Эй! Кто-нибудь меня слышит?

От царившего внутри дома запаха Эдит передернуло. Пахло старостью, сыростью, вековой пылью... и чем-то еще. Странно, но она ощутила запах древесного угля.

Охваченная любопытством, Эдит вошла в дом.

Поскольку на улице тоже было темно, Эдит не потребовалось много времени, чтобы глаза привыкли к чернильно-черной темноте внутри дома. Мрак словно рассеялся.

— О Господи! — тихо воскликнула Эдит.

И в ответ на ее возглас в проеме двери под лестницей в конце холла возникла тень.

26

Опершись локтями на стойку бара, Эш показал хозяину пустой стакан.

— Еще одну большую порцию.

Хозяин взял из его рук стакан и настороженно взглянул на посетителя. Пьянство в обычном смысле этого слова не свойственно такого рода людям. Должно быть, у него есть для этого какие-то очень серьезные основания. Он повернулся к Эшу спиной и стал наливать в стакан водку.

— И пива? — спросил он через плечо.

— А почему бы и нет,— ответил Эш, туша в пепельнице сигарету,— я не за рулем.

Посетителей в кабачке прибавилось, хотя он был далеко не полон. В такую погоду людям не хотелось покидать уютные дома и выходить на улицу. Беседы велись вполголоса, и в баре слышался лишь приглушенный гул, изредка прерываемый криками и руганью, доносившимися из соседнего, меньших размеров бара, завсегдатаями которого были местные пьяницы.

Хозяин поставил перед Эшем стакан с водкой и открыл пивной кран, искоса поглядывая на взъерошенного гостя.

— Вы говорили, что остановились неподалеку?..— осмелился наконец спросить он.

— Поблизости,— кивнул Эш, запуская руку в ведерко для льда.— Но пешком оттуда идти оказалось чертовски долго.— Он бросил лед в стакан с водкой.

— Стало быть, где-то за пределами городка? — снова задал вопрос хозяин, медленно закрывая кран.

— Да, примерно милях в ста отсюда,— Эш изобразил на лице некое подобие улыбки, желая показать тем самым, что это всего лишь шутка.— Нет, конечно, милях в двух, я думаю. Но мне они кажутся сотней. В Эдбруке. Вы знаете это поместье?

— Эдбрук? — переспросил хозяин, и в голосе его слышался интерес.— Да, я знаю этот дом.

— В гостях у семьи Мариэллов.— Эш покачал головой и улыбнулся про себя.

Хозяин поставил на салфетку пинту пива и чуть наклонился к стойке.

— Довольно уединенное местечко. Вы долго собираетесь жить там?

— Нет, если это будет зависеть от меня.— Дэвид протянул хозяину два фунта.— Я собираюсь, если получится, уже сегодня ночью сесть в поезд до Лондона.— Если бы не...— Он пожал плечами и сделал большой глоток водки.

— Похоже, этот визит не доставляет вам удовольствия,— фамильярным тоном сказал хозяин и был весьма удивлен, когда Эш мрачно расхохотался в ответ.

— Я бы сказал, что Мариэллы довольно эксцентричные люди,— пьяно улыбаясь и покачивая головой, заявил Эш.

— Мариэллы?

— Да, все они — Роберт и Саймон, милая старая няня Тесс и даже... даже Кристина.

Хозяин выпрямился, и тон его вдруг утратил все свое дружелюбие.

— Мне кажется, вам не следует пить столько водки. Если вы собираетесь возвращаться туда сегодня вечером...— Он

не закончил и направился к кассе. Кладя перед Эшем на стойку сдачу, он добавил: — Конечно, если вы действительно живете именно там.

С этими словами хозяин отошел. Оставшись в одиночестве, Эш хмуро посмотрел ему вслед, пожал плечами и принялся за пиво. Перебрав пальцем лежавшие на стойке монетки, он отыскал десятипенсовик, залпом допил водку и направился к выходу. Походку Дэвида нельзя было назвать нетвердой, но это стоило ему немалых усилий.

Отыскав в вестибюле телефон-автомат, он опустил в щель монетку и поднял трубку. Набрав номер, Дэвид стал ждать.

— Ну давай же, Кейт,— бормотал он, не слыша ответа.— Почему тебя нет именно тогда, когда ты нужна мне?

Но на том конце провода никто не отвечал. Нетерпеливо вздыхая, Дэвид прислонился к стене, заметив вдруг, что шатается.

Телефон звонил и звонил, и вот наконец в двери кабинета Кейт Маккэррик повернулся ключ. Дверь распахнулась, и Кейт, бросив у порога на пол сумку, подбежала к столу и схватила трубку.

— Алло! — задыхаясь крикнула Кейт.

Послышался щелчок, и связь прервалась.

— Черт...— проворчала Кейт.

Эш чертыхнулся и бросил на рычаг трубку.

Он прислонился головой к стене и уставился в потолок. В висках стучало, от выпитого спиртного кружилась голова. Какое-то время он стоял, не двигаясь с места, потирая пальцами лоб и глаза. «Ну и черт с ними, Эш,— уговаривал он сам себя.— Пусть проделывают свои чертовы трюки и играют в дьявольские игры с кем-нибудь другим. Какое тебе до всего этого дело?»

— Вот именно, какого дьявола! — произнес он уже вслух.

Неужели он просто болезненно реагирует на происходящее? Неужели все дело в том, что он разозлился на Кристину за то, что она сбежала от него, не оставив даже записки, как будто то, что было между ними ночью, не имеет для нее ровным счетом никакого значения? Он вспомнил, как она хотела его, быть может, даже сильнее, чем он ее, с какой страстью прижималась она к нему всем телом. Он вспомнил, как в конце концов откликнулась на ее призыв его плоть, и он, поначалу растерявшийся и ошеломленный, занимался с ней любовью с таким же всепоглощающим желанием и страстью, как и она. Даже воспоминание об этих минутах было возбуждающим.

Но пожар! Эта мысль пронзила его и мгновенно вытеснила из головы сладострастные воспоминания. Получается, что огонь был не более чем плодом его воображения. Но этого не может быть, это невозможно! Он не мог выдумать эту жару, клубы едкого дыма. Господи! Что же в действительности произошло с ним в этом подвале?! «Выброси все это из головы,— настойчиво убеждал его внутренний голос.— Пусть они купаются в собственных несчастьях».

Эш оттолкнулся от стены и нетвердой походкой направился к двери, стремясь поскорее оказаться на улице и вдохнуть холодного свежего воздуха. Он уже взялся было за ручку двери, но в этот момент она открылась и в вестибюль вошли двое — парень обнимал молодую девушку. Эш отступил в сторону, и парень, даже не взглянув на него, кивнул в знак благодарности. Они направились к бару — парень что-то шептал на ухо своей спутнице, а та тихо смеялась.

Эш вышел на улицу и поднял воротник, спасаясь от пронизывающего холода. Дверь за ним захлопнулась, отрезав от улицы уютный свет и тепло холла.

Увидев припаркованный к тротуару старый «Уолсли», Эш буквально застыл на месте. Из темноты салона сквозь ветровое стекло на него пристально смотрела Кристина.

Он в нерешительности помедлил. Потом обошел машину и распахнул пассажирскую дверь. От резкого движения металлические петли заскрежетали. Дэвид наклонился и заглянул внутрь.

— Почему вы уехали? — в голосе Кристины слышался гнев.

Эш ушам своим не поверил.

— Почему я?.. Господи! Что я слышу?

— Вы никому не сказали, куда отправились.

Кипя от злости, Дэвид сел в машину.

— Мне некому было говорить! Что происходит, Кристина? Почему дом был совершенно пуст?

Кристина повернула ключ зажигания.

— Я задал вам вопрос,— резко сказал Эш.

— Мне хотелось, чтобы вы как следует выспались, я же видела, что вы совершенно измучены.

— Я спрашиваю вас, где вы были? — настойчиво повторил Дэвид.

Кристина нажала на сцепление, и «Уолсли» тронулся от поребрика.

— Подождите, куда это вы поехали?

— Обратно в Эдбрук, конечно,— ответила она, не отрывая взгляда от дороги.

— Я не уверен...

Кристина бросила на него быстрый взгляд.

— Но вы же не собираетесь сбежать? После этой ночи, я имею в виду.

Дэвид сжал пальцами разрывавшиеся от боли виски.

— То, что произошло между нами...

— Было весьма приятно. Разве сами вы не помните, как нам было хорошо?

— Мне трудно... Я очень неловко себя чувствую, Кристина... Я был так измотан, я, право, смущен...

Машина быстро проскочила по городку, миновала окраину и окунулась в царившую под деревьями буквально ося-

засмую тьму. Сквозь густые кроны не проникал даже лунный свет.

Эш устроился на сиденье вполоборота, так, чтобы видеть Кристину.

— Что все-таки происходит в Эдбруке, Кристина? Я не понимаю, что там творится. Вы и ваши братья устраиваете какие-то безумные игры по ночам?

Она молчала, пристально вглядываясь в дорогу, а «Уолсли» все набирал и набирал скорость. Теперь он отчетливо чувствовал исходивший от машины запах старости и ржавого металла.

— В Эдбруке нет никаких призраков, не так ли? — продолжал расспрашивать Дэвид.— Вы все это придумали? По какой-то причине вам необходимо было добраться до меня? Объясните мне, почему. Пожалуйста, объясните, зачем вам это.

Машина с такой скоростью вписалась в поворот, что завизжали шины.

— Бога ради, ответьте мне! Что вы задумали, Кристина?

Ее нога с еще большей силой нажала на акселератор.

— У вас ведь никогда не было сестры-близнеца, правда? Вся эта ложь была лишь частью вашей игры.

— Вы хотели уехать, не закончив расследование,— ответила Кристина.

— Вы что, не слушаете меня? Вы не слышали ни слова из того, что я говорил? У вас никогда не было сестры-близнеца, умершей в детстве. Правда, я верю, что в семье Мариэллов действительно был шизофреник.— Машина вновь резко накренилась на повороте, и Эш крепко схватился за спинку сиденья.— Это ведь вы, Кристина, не так ли?

Она вся напряглась. В струящемся сквозь ветровое стекло лунном свете лицо ее казалось бледным и совершенно чистым, в тени оставался лишь лоб.

Испытывая разочарование и горечь из-за отсутствия какой-либо реакции с ее стороны, Эш в отчаянии полез в

карман за сигаретами и зажигалкой. При этом он ухитрился даже улыбнуться, но улыбка вышла сардонической.

— Мне давно следовало бы догадаться. Все эти разговоры о том, что Мариэллы из поколения в поколение хранят свои семейные тайны... Безумие кого-либо из членов вашей семьи вы не только обсуждать не желаете, но даже признать не хотите.

Он щелкнул зажигалкой и заметил, что Кристина отпрянула от языка пламени. Нервозность, явственно сквозившая в ее искоса бросаемых на него взглядах, позабавила его и доставила почти детскую радость. Что ж, пусть огонь горит.

— Саймон и Роберт всегда защищали и оберегали вас, Кристина? И няня Тесс тоже?

Он поднес зажигалку ближе к ее лицу, не то для того, чтобы разглядеть его получше, не то для того, чтобы помучить. Машина замедлила ход и свернула на боковую дорогу, проехав мимо будки, из которой Эш перед тем безуспешно пытался позвонить в Лондон.

Кристина отодвинулась от него, упорно продолжая смотреть вперед. «Уолсли» снова начал набирать скорость. Время от времени она косилась на огонек зажигалки, словно тот против ее воли притягивал ее взгляд, оказывал на нее магическое действие. Но это длилось лишь доли секунды, потом глаза ее вновь обращались к дороге.

— Не знаю, каким образом вам и вашим братьям удавалось проделывать все эти фокусы — пожар в подвале и...— Он безнадежно махнул другой рукой в воздухе.— И эта девушка... которую, как мне показалось, я видел в пруду. Ну конечно, вы все такие умные, такие хитрые... Но это не совсем так...

Он придвинул язычок пламени ближе к ее щеке.

Кристина отшатнулась и отвернула в сторону лицо, машина при этом опасно вильнула. Свободной рукой Эш схватил ее за запястье, пытаясь выровнять руль,— ему показалось, что они сейчас разобьются.

Когда он коснулся руки Кристины, у него вдруг возникло какое-то странное ощущение.

Он взглянул на ее руку, и незажженная сигарета выпала у него изо рта. Вместо сжимавших руль пальцев девушки он увидел почерневшие кости с видневшимися кое-где сморщенными и засохшими остатками плоти. Он непроизвольно сжал руку, отчего хрящи суставов, как ему показалось, хрустнули и посыпались.

Голова Кристины медленно отодвигалась от бокового окна, и Эш мог видеть в профиль ее улыбку. Потом она повернулась к нему, и лунный свет упал на вторую половину лица.

Он закричал.

Кожа была сморщенной и обугленной, в глазных впадинах начисто отсутствовала плоть, отчего глазное яблоко казалось огромным и смотрело на него, как будто повиснув в пустоте. Череп с этой стороны был совершенно голым и блестящим, лишь кое-где с него свисали длинные пряди волос. Губы в уголках рта сгорели, их просто не было — торчали лишь зубы и видны были темные десны. То, что прежде показалось Эшу улыбкой, превратилось в ужасную гримасу.

Эш выронил из руки зажигалку, и пламя тут же погасло. Он в шоке смотрел на обращенное к нему огромное глазное яблоко и на освещенное лунным светом уродливое подобие человеческого лица.

27

«Уолсли», не снижая скорости, мчался по узкой дороге среди долины. Тонкие ветки деревьев и кустов хлестали по боковым стеклам машины, колеса оставляли глубокие следы в траве. Но Кристина — точнее говоря, то существо, в которое она превратилась,— не снимала ногу с педали акселератора.

Эш отпрянул от нее так резко, что ударился спиной о дверцу. Голова ее вновь повернулась в профиль, и его глазам опять предстала милая улыбка. Но перед мысленным взором Эша по-прежнему стоял кошмар, только что увиденный им по другую сторону.

Впереди показались каменные столбы, высившиеся при въезде в Эдбрук. Не снижая скорости, «Уолсли» проскочил мимо них. Эша бросило вперед, он ударился головой о ветровое стекло, но боли не почувствовал. Черная громада дома стремительно приближалась и вырастала на глазах.

Они мчались по дорожке, по обе стороны которой темнели деревья парка. Эш открыл было рот, чтобы крикнуть, а может быть, чтобы попросить ее остановиться, но в горле пересохло, и он не смог издать ни звука.

«Уолсли» вдруг резко развернулся и остановился. Из-под колес во все стороны полетел гравий, барабанной дробью простучав по каменной стене дома, а Эш едва не свалился с сиденья на пол.

Он круто повернулся и стал нащупывать на двери ручку, не осмеливаясь еще раз взглянуть на сидевшее рядом с ним в машине ужасное существо, отчаянно стремясь поскорее избавиться от близкого соседства с ним в тесном пространстве машины. Найдя наконец ручку, он громко втянул в себя воздух и издал какой-то звук, очень похожий на всхлип.

Эш почти вывалился из машины и, не разбирая дороги, бросился бежать, спотыкаясь и пошатываясь. В панике он не заметил, что в дальнем конце двора под низко нависавшими ветками дерева стоит еще одна машина. Ему показалось, что он услышал несущийся ему вслед из «Уолсли» сухой и скрипучий смех, вырывавшийся из обожженного горла существа, сидевшего на водительском месте.

Он почти взлетел по каменным ступеням, но на последней споткнулся и больно ударился о тяжелую входную дверь. Ухватившись за одну из медных ручек, он снова поднялся, опираясь другой рукой о деревянную створку.

Эш оглянулся через плечо и увидел, что водительская дверца машины открывается. До него донесся хриплый смех.

Он обоими кулаками забарабанил в дверь, не обращая внимания на распространяющуюся по рукам боль. Он хотел закричать, но горло перехватило, и из него не вырывалось ни звука.

Он не осмеливался смотреть назад, но голова его против воли поворачивалась в сторону машины, и боковым зрением он видел, что Кристина выходит из «Уолсли».

В груди появилась невыносимая тяжесть. Эш едва не взвыл от ужаса, но продолжал молотить кулаками по двери, хотя уже почти потерял всякую надежду. Ему хотелось убежать отсюда как можно дальше, прежде чем эта страшная фигура приблизится к нему. Но неожиданно он ощутил такую слабость и усталость, словно силы вмиг покинули его. Ноги стали тяжелыми и как будто ватными. Даже не глядя назад, он чувствовал, что она уже возле первой ступеньки, слышал скрип ее туфель по камню. Крик ужаса замер в его груди.

Когда створка двери открылась внутрь, он едва не потерял равновесие.

Поведение и выражение лица няни Тесс едва ли можно было назвать гостеприимным. Она уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но он, оттолкнув ее, влетел в холл и захлопнул за собой дверь. Женщина буквально застыла от удивления, и все приготовленные слова выскочили у нее из головы.

Дрожа с головы до ног, Эш трясущимися руками повернул ключ и с удовлетворением услышал щелчок замка. Однако и это его не успокоило. Он наклонился и опустил задвижку в специально сделанное отверстие в полу, потом проделал то же самое со второй створкой и привалился всем телом к двери, словно пытаясь таким образом укрепить преграду.

Увидев, как изменился Эдбрук, Эш не смог удержаться от стона.

Освещение стало еще более тусклым, словно и оно тоже подверглось всеобщему разрушению. Однако света все же было еще достаточно, чтобы разглядеть черноту закопченного потолка и стен, пыльную паутину и плесень во всех нишах и углах, длинные темные трещины на деревянных панелях, над которыми клочьями свисали куски рваных обоев. Пол был усыпан кусками отвалившейся штукатурки. И над всем этим витал дух пустоты, повсюду царил едкий запах разложения.

Стоя на ступенях лестницы, на него смотрели Саймон и Роберт Мариэллы.

— Ради Бога... Кристина! — выдохнул Эш, наконец обретя дар речи.

Братья улыбались.

За его спиной раздалось тихое постукивание.

Он резко обернулся, словно кто-то тронул его за плечо, и отошел в сторону от двери.

Стук прекратился.

И вдруг дверь затряслась от мощных ударов, раздался страшный грохот. Эш громко закричал. Створки, казалось, вот-вот готовы были сорваться с петель, дерево выгибалось внутрь под чьим-то мощным давлением с другой стороны, на его поверхности, образуя причудливый узор, появились трещины.

Не отрывая взгляда от двери, Эш медленно попятился назад, в ушах у него стоял нестерпимо громкий гул.

Давление снаружи вдруг прекратилось, и наступила полная тишина.

— Няня, открой, пожалуйста, дверь,— послышался в этой тишине голос Роберта.

К великому ужасу Эша, тетушка Мариэллов подошла к двери и повернула в замке ключ.

— Нет! Не впускайте ее! — умоляющим тоном закричал Эш.

Няня Тесс колебалась, неуверенно глядя то на Дэвида, то на своего племянника. Роберт все с той же спокойной улыбкой кивнул головой. Няня Тесс наклонилась, чтобы поднять задвижку.

Удивительно быстрым движением она распахнула створку двери, за которой стояла скрытая тенью фигура.

Эш почувствовал, как изнутри него что-то уходит, из него словно вытягивали все тепло, отчего кровь и тело становились ледяными и застывали. Он хотел убежать, но двигался при этом медленно и неуверенно, с трудом переставляя ноги. Лестница показалась ему бесконечной, и подъем по ней стоил ему больших усилий.

Когда он пробирался мимо братьев, Роберт все так же улыбался, а Саймон посмеивался, глубоко засунув руки в карманы брюк.

Чтобы удержаться на ногах, Эш крепко держался за перила. Но постепенно к нему возвращалась способность соображать, он сознавал, что необходимо бежать, и чувство самосохранения брало верх над страхом, с каждым шагом прибавляя ему сил. Почти у самого верха он все же упал, но не остановился и на четвереньках дополз до последней ступеньки, потом поднялся на ноги и шатаясь побежал по коридору к той комнате, которая была отведена ему хозяевами.

Дверь была открыта, он влетел внутрь и с грохотом захлопнул ее за собой, а потом резко повернул ключ в замке. Прислонившись влажным лбом к прохладному крашеному дереву, он попытался взять себя в руки и отдышаться. Он прислушался к доносившимся из-за двери звукам, и ему показалось, что слышны чьи-то приближающиеся шаги.

Эш закрыл глаза, словно собираясь молиться.

Но вдруг он бросился к стоявшему неподалеку комоду. Крепко вцепившись в него, Эш начал подтаскивать его к двери, дергая то в одну, то в другую сторону, чтобы легче было двигать, и наконец вплотную приставил комод к две-

ри, надеясь, что такую баррикаду преодолеть не удастся никому. Он стукнул ладонью по выключателю, и лампа под потолком, несколько раз мигнув, слабо осветила комнату тусклым светом.

Ни на секунду не сводя взгляда с двери, он попятился в другой конец комнаты, стараясь оказаться как можно дальше от воздвигнутой баррикады.

Вскоре послышался уже знакомый ему тихий стук.

Кто-то прошептал его имя.

— Оставьте меня в покое! — взвизгнул Эш, доведенный едва ли не до истерики.— Оставьте меня в покое!

Крик его превратился в стон, и он бессильно рухнул в стоявшее напротив двери кресло.

— Оставьте же меня в покое...

Шепот прекратился.

28

Эдбрук застыл в холодном безмолвии. В темных коридорах и холлах не слышно было шагов, ничто не шевелилось в пыльных комнатах, слышалось только шуршание разного рода паразитов, поселившихся под обивкой продавленных диванов, или легкий шелест паучьих лапок. Даже слабый ветерок не тревожил шторы на окнах. Каменные стены охраняли покой этого дома. В окна заглядывал лишенный красок рассвет.

В комнате наверху, сидя в кресле лицом к забаррикадированной двери, беспокойно спал человек.

На Дэвиде Эше по-прежнему было помятое пальто, поднятый воротник которого закрывал шею. Небритый, заросший щетиной подбородок покоился на груди. В тусклом утреннем свете лицо его казалось отекшим и усталым, по нему пробегали тени, лоб время от времени хмурился. Он видел сон...

...Мальчик просыпается и прислушивается. Кто-то зовет его шепотом.

— Дэвид...

Он выходит из спальни и, следуя зову этого нежного голоса, спускается вниз, в комнату, освещенную множеством свечей. В дальнем конце длинной комнаты стоит гроб.

С расширенными от страха глазами мальчик подходит ближе, заглядывает в обитый шелком ящик.

Лежащая в нем девочка вовсе не его сестра.

Она намного старше и даже в смерти очень красива.

Глаза ее открываются.

На лице появляется улыбка.

Эта улыбка превращается в гримасу.

Кристина протягивает руки, словно собираясь обнять его.

Она шепчет:

— Дэвид...

Испуганно вскрикнув, Эш проснулся. От его резкого движения валявшаяся возле ног пустая бутылка из-под водки покатилась по полу. Он стал оглядываться вокруг, словно не понимая, где находится. Тусклый утренний свет, проникавший через окно, странным образом смешивался с электрическим, льющимся с потолка, отчего все в комнате казалось необычным — не было ни густых теней в углах, ни ярких красок. Он несколько раз моргнул, пытаясь избавиться от рези в глазах. Даже не глядя в зеркало, он знал, что они опухли и покраснели. В горле пересохло. Эш несколько раз провел рукой по растрепанным волосам и попытался сглотнуть.

Но тут он вспомнил свой сон, и рука замерла на полпути. Взгляд его упал на тяжелый комод, придвинутый к двери, и Эш застонал, вспомнив, почему он стоит именно там.

Затаив дыхание, крепко вцепившись трясущимися руками в подлокотники, он заставил себя прислушаться. За

дверью было абсолютно тихо, у Эша возникло почему-то ощущение, что не только в коридоре, но и во всем доме царит вакуум, абсолютная пустота, словно дом, как и Эш, затаил дыхание в ожидании чего-то.

Он с трудом поднялся с кресла, подошел к воздвигнутой баррикаде и, опершись на комод, снова начал прислушиваться, не раздастся ли тихое шарканье ног или шелест проносящегося по дому сквозняка. Ничего.

Он нетвердой походкой направился к окну, чувствуя, что координация движений полностью отсутствует, что ему пока еще трудно определить собственные ощущения. Дэвид выглянул в парк. Моросил дождь, от земли поднимался сырой туман, отчего стоявшие в саду скульптуры утратили четкость очертаний и были трудноразличимы.

По мере того как отступали вызванные тяжелым сном неприятные ощущения, к Эшу возвращалась решимость.

Достав из шкафа портплед, он принялся швырять в него одежду и прочие свои вещи, ничуть не заботясь об аккуратности и запихивая все как попало, лишь бы хватило места. Движения его стали резкими и постепенно обретали быстроту.

Под конец он бросил в портплед свои записи и диаграммы, вытащив их из бюро, служившего ему письменным столом, потом дернул молнию и выругался, когда машинка прижала торчащую изнутри ткань. Не желая больше тратить ни минуты, он оставил все как есть. Встав на цыпочки, он достал со шкафа чемодан и положил его на кровать. Несколько минут он молча смотрел на него, сознавая, что, для того чтобы заполнить его, необходимо пройти по всему дому и собрать оставленное в различных местах оборудование.

Он снова оглянулся на дверь.

Потом осторожно приблизился к ней и, собрав все силы, оттащил комод в сторону. После чего постарался отдышаться, не сводя при этом взгляда с торчавшего в замке ключа.

Он не мог найти в себе силы повернуть этот ключ и открыть дверь...

...За дверью стояла няня Тесс.

— Господи Иисусе! — едва слышно вскрикнул Эш.

Она шагнула на свет. Лицо ее казалось еще более постаревшим, глубокие морщины избороздили кожу, а в смущенном выражении было нечто безумное. Такие серые, совершенно лишенные красок лица бывают у людей после долгой и тяжелой болезни.

Она заговорила с ним очень тихо, словно боясь, что ее могут услышать, однако голос звучал чрезвычайно настойчиво.

— Вам следует уехать немедленно. Бегите отсюда, мистер Эш.

— Где они? — так же тихо спросил он.

— Не важно,— резко, словно упрекая его, ответила она.— Не спрашивайте меня ни о чем и немедленно покиньте этот дом. Это уже перестало быть игрой и превратилось в нечто гораздо большее. Случилось нечто такое, что в корне изменило ситуацию. Они сердятся на вас, мистер Эш. Они ужасно сердиты.

Она чуть отклонилась назад и оглядела коридор, словно желая убедиться в том, что он пуст. Потом снова приблизилась к Эшу и тихо зашептала почти ему в ухо:

— Рано утром на станции останавливается почтовый поезд. Вы еще можете попасть на него, если поторопитесь.

Уговаривать Эша не потребовалось. Он вернулся к кровати за портпледом, и в это время взгляд его упал на раскрытый пустой чемодан. Однако он так и оставил его лежать, отвернулся и пошел прочь. Все приборы и оборудование, неотъемлемая часть его работы, почему-то вдруг перестали представлять для него какой-либо интерес.

Схватив портплед, он бросился к двери и был неприятно удивлен, обнаружив, что пожилая леди исчезла. Он вышел в коридор. И застыл на месте.

В дальнем конце коридора, не сводя с него пристального взгляда, в угрожающей позе стоял Охотник.

Эш начал медленно отходить, ступая очень осторожно, опасаясь, что любое резкое движение, малейший признак охватившего его страха спровоцируют нападение ужасного чудовища. Он усилием воли заставлял себя не торопиться и не делать ничего, что могло бы возбудить собаку.

Охотник крадущейся походкой следовал за ним.

Эш крепче сжал ручку портпледа. Если этот зверь бросится на него, он сунет ему в морду портплед, воспользуется им как щитом. А что потом? Сколько времени сможет он сдерживать собаку? Если он вернется обратно в спальню, то окажется в ловушке. Может быть, ему следует позвать няню Тесс? Она, наверное, сумеет справиться с Охотником. Но почему она не подождала его? Или все это было лишь частью их плана — выманить его из комнаты и оставить на милость этого чудовища? О Господи! Да они что, все в этом доме сумасшедшие?

Охотник все время держался на расстоянии, но упорно следовал за своей жертвой. В темном коридоре Дэвид видел лишь две тускло светящиеся точки его глаз и бесформенную массу туловища с втянутой в плечи головой, бесшумно скользившую вперед.

Эш не отрывал взгляда от собаки и не осмеливался смотреть по сторонам, но чувствовал, что находится уже совсем рядом с галереей на верхней площадке лестницы. Если бы он в этот момент оглянулся, то увидел бы поднимавшуюся по лестнице фигуру. Только услышав за своей спиной характерный хрипловатый смех, он осмелился бросить через плечо взгляд.

Саймон был уже на верхней ступеньке. Но это был не совсем Саймон.

Даже в полумраке Эш мог видеть, что брат Кристины смертельно бледен, как будто его лицо и руки густо посыпаны белой пудрой. Полусгнившая, сморщенная, вся в пят-

пах кожа свисала клочьями. Видневшаяся в открытом воротнике рубашки шея была покрыта багровыми шрамами, резко контрастировавшими с неестественно белой кожей, на теле зияли раны и порезы, а голова уродливо перекосилась на сторону.

Несмотря на столь ужасный вид, Саймон улыбался.

Вне себя от ужаса Эш швырнул портплед в стоявшую на верхней ступеньке фигуру. Резкое движение заставило пса броситься вперед.

Эш слышал, как за его спиной лязгнули челюсти и раздалось грозное рычание. Даже не оборачиваясь, он, не тратя даром времени, перемахнул через перила и успел ухватиться за перекладину с другой стороны. Он висел, болтая ногами в воздухе, пока над его головой не появилась морда Охотника и он не услышал клацанье его страшных челюстей. Пальцы Эша ослабли, он выпустил перекладину, успел еще ухватиться за выступ балкона, но руки соскользнули. Он тяжело рухнул на пол и задохнулся от ужасной боли в лодыжке.

Эш лежал на спине, хватая ртом воздух и чувствуя, что все тело онемело от сильного удара. Постепенно онемение прошло, уступив место мучительной болезненности, и тогда Эш заметил витавшие в воздухе облачка дыма, услышал треск огня и почувствовал,— хотя, конечно, это могло ему только показаться,— как охватывает жаром его лицо.

Потом до него донесся топот лап по ступеням.

Эш быстро перевернулся, встал на колени, потом с трудом поднялся на ноги и застонал от нестерпимой боли в лодыжке. Он увидел, как Охотник обогнул столбик лестницы возле нижней ступеньки, поскользнулся на давно не метенном полу, но быстро обрел равновесие и бросился вперед.

Эш, прихрамывая, побежал, понимая, что его единственное спасение — преграда между ним и разъяренным зверем. Кухня далеко, в другом конце холла,— ему ни за что

не добраться туда. И Эш распахнул ближайшую дверь. Дверь в подвал.

Стена ослепившего его пламени заставила Эша попятиться. Защищаясь от жара, он поднял к лицу руки.

Тем не менее он успел заметить, что внизу среди моря огня мечется какая-то фигура. Словно не замечая нестерпимого жара, человек стал подниматься по лестнице. Эш опустил слегка руки и, пораженный, не веря своим глазам, снова заглянул в подвал.

Охваченная пламенем фигура почти добралась до верхней ступеньки. Несмотря на то что она ослепительно пылала, что-то в ней — в ее облике, в превратившемся в кипящую массу лице — показалось Эшу знакомым.

Выбирающийся из подвала живой факел оказался не кем иным, как Робертом Мариэллом.

29

Охотник остановился. В глазах его, словно близнецы, отразились две пляшущие огненные фигурки, словно человек горел внутри собачьего черепа. Пес трусливо задрожал и жалобно завыл.

Эш не стал больше ждать. Он бросился прочь от адского пекла, в которое превратился подвал, от объятой сверкающим пламенем фигуры, источавшей отвратительный запах горелого мяса.

Заметив, что жертва готова вот-вот улизнуть, пес пришел в себя и встряхнулся. Низко пригнув к полу голову, он осторожно обогнул горящего человека и вновь бросился в погоню.

Эш остановился лишь затем, чтобы швырнуть в своего преследователя один из стоявших в холле стульев, который упал прямо перед носом Охотника, заставив пса на мгновение прервать гонку. Саймон Мариэлл уже успел спуститься вниз. Пламя, сжигавшее его брата, причудливым образом

освещало Саймона, делая облик еще более фантастическим. Из горла его вырывался сдавленный и тем не менее ядовитый смех.

Эш буквально ввалился в кухню и обернулся, чтобы захлопнуть за собой дверь. Это ему почти удалось, но в последний момент челюсти Охотника вцепились в рукав его пальто.

Наваливаясь всем телом на дверь, Эш пытался вырвать из собачьей пасти руку, изо всех сил прижимая дверью морду пса. Наконец ему это удалось, и пес с зажатым в зубах лоскутом материи отлетел обратно в холл. Эш запер дверь и отступил назад, в то время как Охотник бросался на нее с другой стороны. Деревянные панели стонали, но, к счастью, выдерживали его натиск. Пес в ярости царапал лапами дерево.

Эш устремился к выходу через грязную и захламленную кухню, при каждом шаге морщась от невыносимой боли в лодыжке. Наконец он добрался до задней двери и распахнул ее настежь.

Холодный утренний воздух охватил его с ног до головы, словно поздравляя с обретением долгожданной свободы. Эш, ковыляя, выбрался наружу, радостно подставляя лицо под моросящий дождик и полной грудью вдыхая свежий и чистый воздух, стремясь как можно скорее освободить легкие от затхлости и плесени Эдбрука. Ему удалось вырваться оттуда, и сознание, что он избавился от всех этих ужасов, наполняло его энергией. Ему хотелось кричать и одновременно плакать и смеяться от распиравшей его изнутри радости.

Только добравшись до края террасы, он осмелился оглянуться на оставшийся позади дом. Намокшие от дождя стены казались еще темнее, а окна грязнее и чернее. И все же на первый взгляд это был обычный дом, построенный руками людей из кирпича, дерева и стекла. Старое здание словно устало от долгой жизни, и в нем нет ничего злове-

щего, подумал Эш, если не знать, что творится за его стенами. Дэвид смахнул с ресниц капли дождя. Все, что произошло, не могло быть реальным, и все же это не было сном.

Тем временем кошмар, как оказалось, еще не закончился,— одно из стекол в окнах нижнего этажа разлетелось вдребезги, и в образовавшемся проеме возникла дьявольская морда Охотника.

Эш с трудом, припадая на одну ногу, спустился по ступенькам террасы в парк и заковылял по выложенной каменными плитами дорожке, понимая, что ему ни за что не убежать от своего преследователя. Оглянувшись через плечо, Эш увидел, что пес уже добежал до верха ведущей в парк лестницы и стал неторопливо спускаться по ней, словно сознавая, что его жертва никуда не денется. Из собачьей пасти текла слюна, с морды клочьями падала белая пена; опустив голову, дрожа от сдерживаемой ярости, Охотник с утробным рычанием стелющимся аллюром бежал по дорожке.

Эш повернулся лицом к приближавшемуся чудовищу, как делал это уже раньше, вынужденный играть с ним в смертельно опасную игру, потому что бежать было еще страшнее. В том, что пес его серьезно покалечит, Эш не сомневался, вопрос состоял в другом: будут ли эти раны достаточно серьезными, быть может даже смертельными? Несмотря на холодный дождь, Эш вспотел — ему было жарко.

Охотник был от него всего лишь в нескольких ярдах, и расстояние между ними стремительно сокращалось. Эш, скорчившись, продолжал пятиться — он был одновременно испуган и зол, оттого что не может справиться со своим страхом перед этой собакой.

В душе его все кипело, и он уже готов был разразиться бранью, хотя и понимал, что пользы от этого не будет. Но прежде чем слова сорвались с его губ, ноги его уперлись во что-то твердое. Все. Дальше отступать некуда: за его спиной

оказалась невысокая ограда, окружавшая заросший пруд со стоячей водой.

Охотник весь напрягся, готовясь к прыжку.

Позади Эша разверзлась вода.

Забыв об Охотнике, он резко обернулся. На него надвигалось нечто столь ужасное, что Эш без сил рухнул на колени.

Остатки ее волос мокрыми слипшимися прядями свисали до плеч. Длинное, заляпанное грязью и слизью со дна пруда платье клочьями прилипло к телу вместе с полусгнившими водорослями, словно решило украсить себя всякого рода мерзостью, пока его обладательница покоится под водой.

Охотник завыл и лег на дорожке.

Отвратительными на вид, сморщенными руками, от одной из которых остались лишь почерневшие хрящи, она вцепилась в край стенки, обратив к Эшу оскал зубов. Почти половина тела ее сгорела и обуглилась. Как и накануне вечером, на него не мигая смотрело огромное глазное яблоко.

Она подтянулась и вылезла из пруда, возле ее покрытых шрамами ног тут же образовалась лужа воды, потоками стекавшей с тела. При ее появлении Эш отпрянул от стенки, и вот теперь она наклонилась вперед и тянула к нему руки, с которых свисали тонкие скользкие водоросли, браслетами увившие ее запястья.

Эш с отвращением отшатнулся, и губы ее искривились, издав какой-то скрипучий звук,— возможно, это было его имя.

Внезапно почерневшая половина ее тела вспыхнула огнем, и она пронзительно закричала.

Ужас, охвативший все существо Эша, напрочь лишил его способности соображать. Он в шоке мгновенно вскочил на ноги и помчался прочь от омерзительного существа, все время слыша вопли и визг, словно они звучали внутри

его опустевшего, без единой мысли, разума. По мере того как он удалялся от пруда, в голове постепенно прояснялось, а крики звучали все громче и громче, как будто исчезали все преграды на их пути. Но одновременно до него доносился и смех, тихий, как эхо, язвительный смех.

Он поскользнулся и упал в мокрую траву, острая боль пронзила теперь уже всю ногу — от лодыжки до самого паха. Не обращая внимания на мучительные спазмы, он снова вскочил и заковылял по запущенным клумбам, через заросли кустарника, стремясь поскорее добраться до деревьев и укрыться под ними. Вопли и смех стихли, остались где-то позади, хотя и не смолкли окончательно.

Дождь полил сильнее, еще более затруднив продвижение. Он бежал вытянув перед собой руки, защищая таким образом лицо от хлеставших по нему веток, и наконец добрался до леса. Из-за стекавших со лба дождевых струй он почти ничего не видел, а может быть, виной тому были слезы, туманившие глаза. Его не покидало ощущение, что он в лесу не один,— слышался приглушенный смех, его звали тихие голоса, иногда в отдалении мелькали среди деревьев тени.

Он понятия не имел, куда именно бежит, им владело лишь одно желание — оказаться как можно дальше от поместья. Как только выйдет из леса, он найдет дорогу в поселок и вновь окажется в упорядоченном мире нормальных людей. Хруст ветки в кустах заставил его резко отпрянуть влево, мелькнувшая под деревьями тень вынудила повернуть направо. Доносившийся откуда-то сзади смех гнал его вперед.

Вскоре он оказался на уже знакомой ему просеке. Он споткнулся и упал на четвереньки, чувствуя, как барабанит по спине дождь, который здесь, на открытом месте, лил еще сильнее. Эш наконец понял, где находится. Перед ним возникла каменная громада фамильного склепа Мариэллов.

Эш судорожно хватал ртом сырой воздух, он безмерно устал, плечи поникли, спутанные волосы прилипли к голове. Дождевые капли с гулким эхом стучали по серому камню мавзолея, постепенно смывая с него грязь, придавая более яркие оттенки укоренившемуся в трещинах лишайнику. На глазах у Эша дождь смыл черный налет с прикрепленной у входа таблички, на которой были выгравированы какие-то надписи.

Ему оставалось только прочитать эти постепенно появляющиеся слова.

Томас Эдвард Мариэлл
1896— 1938

Изабель Элоиза Мариэлл
1902— 1938

Эш смахнул с век капли дождя, внимательно следя за тем, как заполнявший выгравированные бороздки грязный налет, смешиваясь с водой, потоками стекает вниз. По-детски шевеля губами, он беззвучно произносил то, что постепенно появлялось на этих табличках, и новая волна ужаса буквально пригвоздила его к месту.

Возлюбленные дети

Роберт
1919— 1949

Саймон
1923— 1949

Кристина
1929— 1949

Последняя цифра — дата их смерти — все росла и росла перед его глазами, увеличиваясь до невероятных размеров...

1949

Из темноты склепа до него донесся приглушенный детский смех.

Он увидел, что металлическая дверь широко распахнута. Изнутри слышались теперь совсем иные звуки — скрежет камня о камень. В полумраке мавзолея возникло какое-то движение. Плита, служившая крышкой гроба, сдвинулась в сторону. Рядом приподнялась еще одна такая же плита, словно кто-то с силой толкнул ее изнутри.

И снова послышался детский смех.

30

Он бросился напролом через заросли, спотыкался, падал, вскакивал снова, не замечая, как ветки больно хлещут его по лицу, по рукам, цепляются за одежду, пытаясь задержать его. Над головой пронзительно кричали птицы. Эш ни разу не оглянулся, боясь увидеть тех, кто, возможно, его преследовал. Он продирался через кусты, перепрыгивал через поваленные деревья, но упорно двигался вперед, пока наконец не увидел просвет.

С воплем облегчения Эш выбежал на дорогу.

Он позволил себе на минуту остановиться, чтобы перевести дух и прислушаться, не гонятся ли за ним его преследователи. Вокруг все вроде было тихо и спокойно. Кто бы (или что бы — у него не было времени выяснять это) ни прятался внутри склепа, он не бросился за ним в погоню. Тем не менее он снова двинулся вперед, неуклюже припадая на поврежденную ногу, которая болела теперь поистине невыносимо. В горле пересохло, дыхание было тяжелым. Уже совсем рассвело, дождь почти прекратился и лишь слабо моросил.

Он не слышал шума приближавшегося автомобиля, пока тот не оказался в какой-нибудь сотне ярдов позади него. Наконец до него донесся рокот мотора, шелест шин и хруст попадавших под колеса мелких веточек. Эш огля-

нулся и сквозь пелену дождя увидел свет фар. Он попытался идти быстрее, но сил уже не было, каждый шаг давался ему все с большим трудом.

Фары осветили мокрую дорогу. Он все продолжал и продолжал идти вперед, отчаяние заставляло его упорно преодолевать метр за метром.

С ним поравнялся «Уолсли», и Эш отскочил в сторону, чтобы не оказаться под его колесами. Окно со стороны водителя открылось, и оттуда высунулась рука.

— Мистер Эш! Пожалуйста, сядьте в машину. Вы совершенно обессилели и не сможете сами добраться.

Эш остановился, потом зашатался, согнулся пополам, хватая ртом воздух, его едва не стошнило, и он был близок к истерике.

— Что... что вам от меня нужно? — наконец смог вымолвить он.

В глазах женщины мелькнула жалость.

— Я только хочу помочь вам,— ответила она.— Пожалуйста, сядьте в машину и позвольте отвезти вас на станцию. Это ваш единственный шанс.

Эш понимал, что она совершенно права: он слишком устал, утратил не только физическую, но и психическую силу и не сможет дойти самостоятельно. Он оперся руками о капот машины.

— Только скажите мне, почему...— умоляюще попросил он.— Почему они так со мной поступили?

Мисс Вебб указала ему на пассажирскую дверь.

— Сядьте, мистер Эш, иначе вы упадете прямо на дороге.

По-прежнему опираясь на капот, он медленно обошел машину спереди, сознавая, что иного выбора у него нет и придется ей поверить. Он с трудом влез в машину.

«Уолсли» тронулся с места и начал постепенно набирать скорость. Эш по-прежнему никак не мог отдышаться, ноги и руки у него дрожали. Он с подозрением вглядывался в сидевшую рядом женщину. Няня Тесс тоже заметно из-

менилась, хотя перемены в ней не носили столь противоестественного характера, как у ее племянников. Лицо ее осунулось, волосы растрепались, морщины не только углубились, их стало значительно больше — теперь они сплошь покрывали бледную кожу.

— Они очень плохо поступили с вами,— промолвила она ворчливым тоном.— Я предупреждала их, я умоляла их не делать этого.

— Я ничего не понимаю,— со вздохом произнес Эш заплетающимся языком.

Она бросила на него быстрый взгляд и нахмурилась, увидев, в каком он состоянии.

— О, вы и не должны были понять что-либо. Они хотели запутать вас, сбить с толку и таким образом нагнать на вас побольше страха.

— Но зачем им было пугать меня?! — воскликнул он.— Что я им сделал?

Дворники очистили ветровое стекло от последних капель дождя.

— Они хотели доказать, что вы заблуждаетесь. Что все ваши теории относительно невозможности жизни после смерти в корне неверны. Они хотели, чтобы вы сами убедились... чтобы вы заплатили...

Он уставился на нее непонимающим взглядом.

— Никакой сестры-близнеца не было, мистер Эш,— тихо сказала она.

Эш презрительно фыркнул.

— Я догадался. Кристина страдает шизофренией, не так ли?

— Что? Вы по-прежнему ничего не поняли? После всего, что произошло? — Она снова взглянула в его сторону, но Эш избегал встречаться с ней глазами.— Такое впечатление, что в ее теле одновременно жили два существа. Одно совершенно нормальное, нежное и любящее, а другое — безумное и злобное. Мы сделали все возможное, чтобы скрыть это от окружающих.

Ее руки, обтянутые потемневшей кожей, еще крепче сжали руль.

— После смерти Изабель и Томаса забота о ней полностью легла на плечи мальчиков и, конечно, на мои тоже. Мы все, как могли, оберегали ее и одновременно держали под постоянным контролем. Господи! У меня, у всех нас, просто сердце разрывалось, когда мы были вынуждены ради ее же безопасности и для нашего спокойствия запирать девочку на ключ.

Машина подъезжала к перекрестку, и миссис Вебб снизила скорость. Эш едва удержался, чтобы не броситься к заросшей травой телефонной будке. Какой в этом сейчас смысл? Лучше уж поскорее добраться до станции и уехать как можно дальше от этого проклятого поместья. Няня Тесс выехала на главную дорогу, и машина снова стала набирать скорость. Дворники со скрипом бегали по совершенно сухому ветровому стеклу. Но женщина, казалось, не замечала ничего.

Она продолжала рассказ, и в голосе ее было столько печали и горя, что Эш понял: несмотря на прошедшие годы, воспоминания по-прежнему причиняют ей боль. Усталый и измученный, он тем не менее слушал ее очень внимательно.

— В том, что в конце концов произошла эта трагедия, виноват Саймон. Видите ли, несмотря на то что он вырос, в душе он все еще во многом оставался ребенком. Мальчикам, конечно, неоднократно напоминали, что с Кристиной следует обращаться очень бережно и осторожно. Возможно, двойственность ее натуры просто утомила его — она могла быть веселой и игривой, а в следующую минуту превращалась в злобную, визжащую фурию. А быть может, в какой-то момент он вдруг стал бояться ее.

Она замолчала и тут только обратила внимание на скребущие по сухому стеклу дворники. К великой радости Эша, она наконец отключила их.

— В тот день Роберт должен был вернуться из Лондона после встречи со своими советниками по финансам, и я поехала встречать его на станцию. Я... я думала, что Саймон вполне сможет справиться со всем самостоятельно. Должно быть, это была еще одна его глупая выходка, своего рода игра...

Она замолчала.

— Рассказывайте...— тихо попросил Эш.

Она, казалось, собиралась с силами и наконец решилась продолжить.

— Саймон запер Кристину вместе с ее любимой собакой в винном подвале. Он знал, что она не любит бывать там, ненавидит царящую внизу темноту, запах сырости и толстые стены без окон. Каким-то образом ей удалось зажечь огонь. Мне часто приходилось отбирать у нее спички — маленькие язычки пламени буквально завораживали ее. Кристина говорила мне, что когда пламя гаснет, от спички поднимается маленькое облачко — это крошечная спичечная душа устремляется на Небеса.

Это воспоминание вызвало на лице няни Тесс горькую улыбку. Но тут же лицо ее снова мрачно застыло.

— Не знаю, была ли это очередная игра или она намеренно зажгла огонь. Теперь этого уже никто не узнает. Возможно, она хотела лишь попугать Саймона и таким образом заставить его открыть дверь. Но пламя вырвалось из-под ее контроля и стало быстро распространяться.

Когда мы с Робертом возвратились домой, в подвале вовсю бушевал пожар. Саймон скорчился перед открытой дверью и, плача, указывал рукой на огонь. Снизу доносились жуткие крики Кристины и ужасный вой Охотника.

Не обращая внимания на огонь и нестерпимый жар, Роберт бросился вниз...

Под колесами машины хрустнула валявшаяся на дороге ветка, и от оглушительного треска Эш резко дернулся.

Няня Тесс даже не обратила внимания на этот звук.

— Через несколько минут наверх поднялись двое. Первой бежала Кристина. Одежда на ней и половина тела пылали.

Старая женщина закрыла глаза, словно перед ее мысленным взором все еще стояла та страшная картина. Эш бросил тревожный взгляд на дорогу, потом снова взглянул на мисс Вебб. Она вновь смотрела прямо перед собой и уверенно вела машину.

— Мы не успели поймать ее. Она промчалась мимо, а наше внимание было отвлечено вторым... вторым человеком. Роберт был весь охвачен пламенем. Я... я представить себе не могу, каким образом он смог подняться по лестнице... он... он рухнул у наших ног... он так мучился... Господи! Какие же муки пришлось ему испытать!..

Мы пытались спасти его, пытались сбить пламя. Но безуспешно — все тело его представляло собой огромный огненный шар. Он так кричал... эти страшные крики до сих пор стоят у меня в ушах. Они разрывали тишину ночного дома. Даже приняв снотворное, я слышу во сне эти ужасные вопли — в них было столько муки...

— Вы нашли Кристину...— начал было Эш.

— Да. Она бросилась в пруд и утонула там. Я уже говорила вам раньше — ожоги оказались чересчур сильными и она не смогла выбраться из воды.

Эш прислонился головой к боковому стеклу и закрыл руками глаза.

— Господи Иисусе...— едва слышно прошептал он.

— В то время у нас еще были наемные рабочие. Они бросились в дом и сумели сдержать распространение огня до приезда пожарных. Если бы не они, Эдбрук сгорел бы дотла. Возможно, это было бы к лучшему.

И вновь на лице ее появилось некое подобие улыбки, но тут же исчезло.

— Саймон был безутешен и совершенно подавлен. В том, что произошло, он винил только себя, считал себя

ответственным за смерть брата и сестры. Понимаете, несмотря на то что они постоянно подшучивали друг над другом, они были очень близки, особенно после гибели родителей. Через несколько недель Саймон повесился на перилах лестницы.

Несмотря на все, что пришлось ему пережить, Эш недоверчиво посмотрел на старую женщину.

— Но это невозможно! — воскликнул он.— Этого просто не может быть! Я же видел их всех, я разговаривал с ними, я ел с ними за одним столом. Кристина привезла меня на машине!

Няня Тесс в ответ лишь покачала головой.

— Но Кристина...— настаивал Эш.— Я прикасался к ней!.. Мы... ее тело было живым, теплым!..

И тут он вспомнил ледяной холод простыни в том месте, где лежала Кристина.

— Вы видели... вы разговаривали с неживым существом. Мы с вами были совершенно одни в доме, мистер Эш. И все же не совсем одни. С нами были Роберт, Саймон и Кристина, но только не как живые люди. И Охотник тоже — его несчастная душа так и не обрела покоя.

— Вы с ума сошли,— тихо, без всякого выражения произнес Эш.

Она вновь улыбнулась, но на этот раз в ее улыбке была не только печаль.

— Вы же чувствовали слабость, мистер Эш, когда находились в доме. Так неужели вы, при ваших-то знаниях в области парапсихологии, не догадались, что кто-то отбирает у вас психическую энергию, пользуется ею? Точно так же все эти годы они брали энергию от меня. Именно она служит им источником существования. Неужели вы так и не сумели это понять? Они снова и снова появляются в Эдбруке и живут за счет моей энергии: «Ах, дорогая наша няня Тесс, хранительница Эдбрука, защитница детей и в жизни, и в смерти...» Они продолжают играть в свои игры, словно их совместные выходки помогают их душам объе-

диняться, связывают их друг с другом. Думаю, что ту игру, в которую они играли с вами, они считают лучшей из всех. Мне остается только надеяться и молить Бога, чтобы она стала для них последней.

— Но они были такими реальными...— уже без всякой уверенности в голосе пробормотал Эш.

— Это вам только казалось. Человеческий разум — область не менее таинственная, чем потусторонний мир, в котором они сейчас обитают. Они проникли в самые глубины вашего разума, отыскали в нем наиболее глубоко спрятанные мысли и воспользовались ими.

Дэвид покачал головой — он по-прежнему отказывался ей верить.

— Скажите, ваш диктофон сейчас при вас? — спросила она.

Думая в эту минуту о чем-то другом, Дэвид машинально полез в карман пиджака и достал диктофон.

— Включите его, мистер Эш,— попросила она, и он был озадачен ноткой самодовольства, прозвучавшей в ее голосе.— Прослушайте записи, сделанные в Эдбруке.

Он послушно нажал на кнопку перемотки и подождал, пока перематывается пленка, потом нажал на «пуск».

«Как умерли ваши родители, Кристина?» — послышался искаженный записью голос Эша.

Тихий шелест движущейся пленки и атмосферные шумы.

«Вы были еще детьми, когда это случилось?» — снова зазвучал его голос.

И вновь никакого ответа.

Эш нахмурился и перемотал пленку чуть дальше. Потом снова нажал на «пуск».

«...Кого вы знаете? Или знали раньше...» — это опять его голос. Эш вспомнил, что это часть вопроса, заданного им Саймону.

В ответ — тишина.

В полном смятении он снова перемотал пленку.

«...Их присутствие также может влиять на электричество...» — это его слова.

Никакого ответа. Потом его голос:

«Нет, я по-прежнему говорю о необъяснимом феномене. Пожалуйста, продолжайте свой рассказ».

Еще некоторое время он слушал шипение пленки, потом раздраженно выключил диктофон. Засовывая его обратно в карман пиджака, Эш заметил, что впереди уже показались первые дома поселка.

— Но почему? Почему именно я? — со странной смесью недоумения и безнадежности спросил Эш.

Ее ответный вздох был столь же безнадежным, как и заданный им вопрос. Дэвид вдруг подумал, что няня Тесс сейчас мало чем напоминает ту женщину, которая еще совсем недавно встретила его в Эдбруке,— сдержанную, необщительную старую деву, незамужнюю тетушку троих племянников.

— Заговор,— ответила она наконец.

Он непонимающе взглянул на нее.

— Заговор духов,— пояснила она, осторожно ведя машину по пустынной улице.— Союз между ними и кем-то еще, обитающим, так же как и они, в потустороннем мире. Они сговорились с кем-то, мистер Эш, и этот кто-то из числа ваших близких.

Эш замер, чувствуя, как по спине ползет холодок. Внутри возникло и постепенно усиливалось ощущение еще большей угрозы. Он хотел вновь оказаться в реальном мире — и вот он, этот мир: за окнами машины проплывают дома и магазины, улицы освещены, дорожные указатели стоят на своих местах — обычная жизнь идет своим чередом. Но его по-прежнему преследуют аномалии, патологические явления, и они в данный момент находятся здесь, рядом с ним, в машине. Голос няни Тесс звучал тихо и монотонно, но тем не менее каждое ее слово четко фиксировалось его сознанием. Он одновременно и верил, и решительно отвергал все ею сказанное. Постепенно страх начинал брать верх над разумом.

— Причиной послужило ваше решительное отрицание возможности посмертного существования духа. Ради собственного спокойствия вы глубоко прятали свою веру в подобную возможность. Разве сознание вины в гибели вашей сестры не заставило вас воздвигнуть эту стену неверия? — Не дожидаясь ответа, она продолжала: — И разве вы, несмотря на то что прошло уже много лет, все еще не боитесь, что она вернется, чтобы потребовать возмездия, чтобы заставить вас заплатить за то, что вы с ней сделали? Я уже говорила вам, что человеческий разум — область таинственная и непостижимая...

Машина подъехала к небольшому станционному зданию, и Эш увидел стоящий у платформы поезд. Однако он по-прежнему оставался в машине. Все чувства его находились в полном смятении, он дрожал всем телом, голова слегка подергивалась, словно он хотел опровергнуть все только что сказанное.

Няня Тесс разволновалась, на глазах ее выступили слезы.

— Игра зашла слишком далеко. Я пыталась держать их под контролем, старалась изо всех сил, но... как всегда, не выдержала, уступила. Моя вина ничуть не меньше вашей — я обещала Изабель, что позабочусь о них, а вместо этого позволила всем им умереть. Всем... Разве может быть мне прощение?

Она опустила голову на руль и закрыла руками лицо. Эш с трудом мог различить то, что она говорила.

— Самое страшное уже случилось. Теперь люди станут задавать вопросы. Эдбрук и Мариэллы станут пищей для разговоров.

Эш почувствовал, что, несмотря на страх и смятение, его охватывает гнев.

— Ну уж я-то во всяком случае никогда и никому не расскажу о том, что произошло со мной в Эдбруке. Мне же все равно никто не поверит.

— Вы по-прежнему не понимаете, о чем речь? Игра зашла чересчур далеко. В нее оказался втянутым еще один человек, чье сердце было не таким крепким, как ваше.

Она подняла к нему искаженное мукой лицо, обрамленное растрепавшимися волосами. Морщины на щеках стали еще заметнее. Няня Тесс медленно повернула голову и посмотрела через плечо на заднее сиденье. Несмотря на нарочитую неторопливость этого движения, в глазах ее застыл страх, а выражение лица едва ли можно было назвать бесстрастным.

Эш проследил за ее взглядом, хотя внутренний голос настойчиво приказывал ему не делать этого.

С заднего сиденья на него смотрели широко открытые мертвые глаза Эдит Фипс. Рот ее был полуоткрыт, верхние зубы лежали на нижней губе, и этот вывалившийся зубной протез придавал ее лицу какое-то нелепое выражение, однако в чертах ее лица, во всем ее теле отсутствовали свойственные покойникам расслабленность и умиротворенность. Если бы труп мог обладать голосом, Эдит сейчас кричала бы от ужаса.

Эш резко отвернулся и уставился на приборную доску. Это уже был даже не ужас, ибо и это чувство имеет свои пределы — в те несколько секунд, что он смотрел на Эдит, все эмоции, достигнув, видимо, наивысшей точки, разом покинули его, превратив в пустую, бесчувственную оболочку.

Но в следующий момент он услышал, как хихикает няня Тесс, и увидел пляшущие в ее испуганном взгляде искорки безумия.

Мгновенно придя в себя, Эш бросился прочь из машины.

31

Он оттолкнул в сторону служащего вокзала, который в эту минуту входил в полутемный кассовый зал со стороны платформы. Он слышал, как человек выругался и что-то прокричал ему вслед, но не остановился. Поезд уже тронулся и медленно набирал скорость, словно груз, который он вез, был для него чересчур тяжелым.

Схватившись за ручку вагонной двери, Эш прихрамывая побежал рядом, стараясь не отставать, чтобы вскочить

в вагон. Он едва не лишился ног, но все же каким-то образом успел ухватиться за дверную раму и ввалился внутрь. Дэвид без сил рухнул поперек сиденья в купе, но тут же подтянулся и сел прямо, прислонившись головой к стене. Дверь купе с грохотом захлопнулась. Поезд набирал ход. Голова Эша моталась из стороны в сторону, словно у пьяного, он бормотал что-то себе под нос, вслух отрицал возможность и вероятность всего, что пришлось ему пережить, судорожно хватался руками за воротник рубашки, как будто ему не хватало воздуха. По спине и шее струился липкий холодный пот.

Колеса поезда ритмично стучали, движение его по-прежнему было неторопливым, и Эш поблагодарил Бога за то, что он наконец-то уезжает из этого адского местечка, называемого Эдбрук, со всеми происходящими в нем кошмарами, уезжает от Мариэллов, которые существуют только за счет горя и мучительных угрызений совести живых, от домоправительницы, их тетушки, сошедшей с ума от сознания своей вины в постигшей семью трагедии. Он уезжает от всех, уезжает от Кристины...

Он вновь оказался во власти эмоций, воспоминаний, сомнений и впечатлений. За время краткого пребывания в Эдбруке произошло слишком многое, чтобы он мог так быстро осмыслить все это. Он пережил минуты отчаяния и ужаса и минуты всепоглощающей любви. Он занимался любовью... Но с кем? С призраком? Нет, это невозможно, решительно невозможно.

Он в отчаянии затряс головой. Ибо на самом деле он знал правду.

Роберт, Саймон и Кристина были призраками, и все они сговорились еще кое с кем, когда-то ему очень близким,— с его сестрой, которая даже после смерти не перестала его презирать, которая строила против него козни даже из могилы. И этот заговор призраков превратился в страшную реальность.

Внезапно Эш застыл на месте. Он сидел спиной по ходу поезда и потому мог видеть постепенно удаляющуюся пу-

стую платформу. Но теперь на ней появился человек, и голова его медленно поворачивалась вслед уходящему поезду.

Эшу улыбался Роберт Мариэлл.

Вскоре сквозь грязное стекло Эш увидел вторую фигуру. Саймон стоял без пальто, глубоко засунув руки в карманы брюк. На шее его больше не было шрамов, голову он держал совершенно прямо, а на обращенном к Эшу лице сияла беззаботная улыбка.

Снова пустой участок бетонной платформы... и снова кто-то стоит, запрокинув голову, и с детской непосредственностью разглядывает поезд. Она оставалась все той же маленькой девочкой. На ней было то же белое платье, в котором она утонула, а на ногах — белые гольфы. Рядом с ней неподвижно застыл Охотник.

Эш рванулся к окну, с грохотом опустил его вниз и высунулся наружу, протягивая к ней руки.

— Джульетта!!! — в отчаянии закричал он.

Теперь он отчетливо видел ее лицо, черты которого до сих пор помнил лишь смутно, не желая их узнавать, запрещая себе делать это и таким образом признавать факт столь неестественного ее существования. Он ясно различал ее губы, которые изогнулись в злобной усмешке.

Поезд уходил все дальше, видение исчезло, а сидевший рядом пес превратился в маленькую черную точку.

Эш плакал, и сердце его разрывалось от горя, он звал ее снова и снова, в отчаянии обращаясь к теперь уже неясной фигуре; по запыленному лицу, оставляя грязные полосы, текли слезы.

Чьи-то сильные руки жестко вцепились в его плечи сзади, изнутри купе. Он крепко ухватился за раму, боясь, что сейчас его вышвырнут на проносящуюся мимо твердую землю. Он начал сопротивляться, пытаясь развернуться, чтобы встать лицом к своему противнику. Острые ногти расцарапали ему лицо.

Глаза Кристины превратились в уродливые щели. Лицо ее было чистым, ожогов на теле не было, и все же это была

не та Кристина, которую он знал. Перед ним открылась темная сторона ее существа, он увидел взбешенное порочное создание, которое Мариэллы при жизни тщательно скрывали от окружающих. Волосы ее были растрепаны, лицо исказила насмешливая гримаса. Серо-голубые глаза сверкали безумным огнем, за маской настоящей ведьмы бесследно исчезла красота девичьего облика.

Она безжалостно набросилась на него, ее белоснежное платье развевалось, словно под порывами ветра. Царапаясь и яростно плюя ему в лицо, она зажала Эша в угол купе. Эш был слишком испуган, чтобы сопротивляться, он лишь прикрыл руками голову, безропотно позволив ей избивать себя.

Но по мере того как боль становилась нестерпимой, он начал размахивать руками, пытаясь отогнать воскресшую Кристину, выкрикивал ее имя. Ярость и отчаяние помогали ему постепенно преодолеть страх.

Вскоре он обнаружил, что борется с пустотой, но продолжал молотить кулаками по воздуху.

Прошло несколько минут, прежде чем он остановился в полном изнеможении. Еще какое-то время он испуганным взглядом обводил купе. Наконец Эш сумел взять себя в руки, выпрямился и остался стоять так, пошатываясь в такт движению поезда.

Почувствовав, что щека у него мокрая, Эш коснулся ее дрожащей рукой.

И надолго застыл, не сводя взгляда с испачканных кровью кончиков пальцев...

ЭДБРУК

Ночь только еще вступает в свои права. Над изрытой ямами подъездной дорожкой к огромному заброшенному зданию порывами вздыхает ветер. Словно пришедшая из другой эпохи машина стоит возле ведущих к входной двери каменных ступеней.

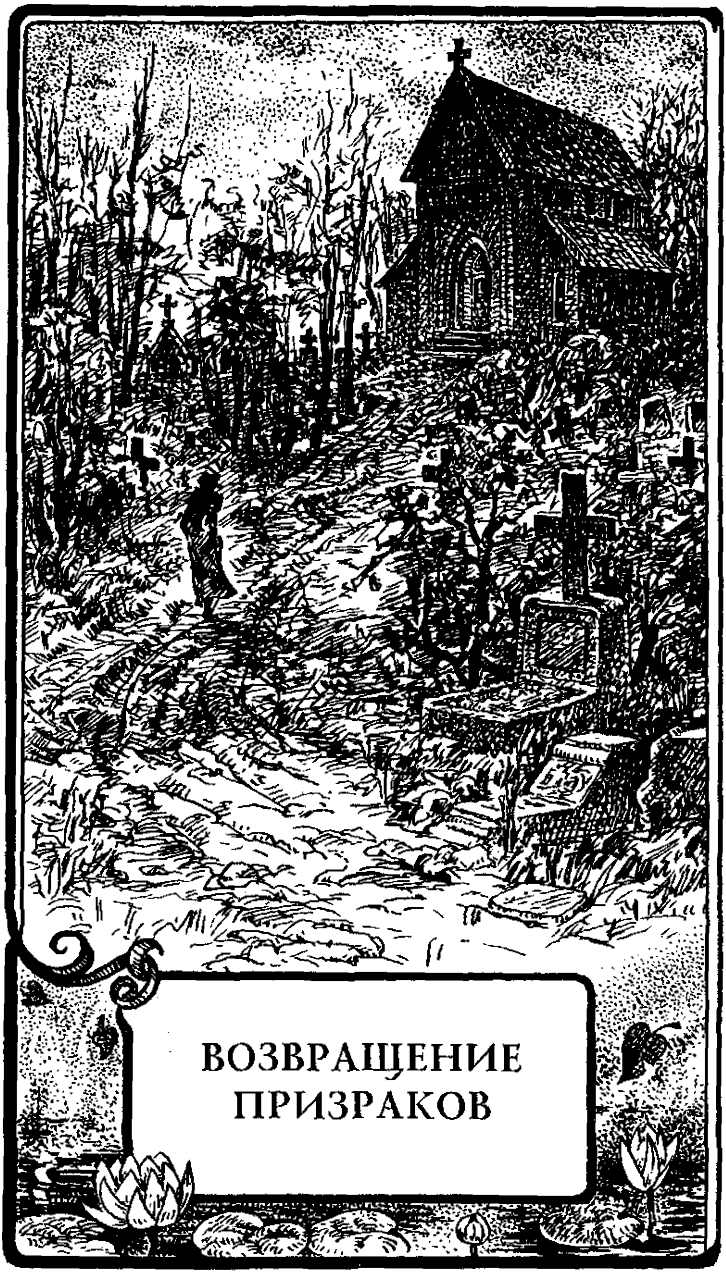
Дом кажется покинутым и всеми забытым, внутри царит темнота.

Но в этой непроглядной черноте кто-то движется, переходит из комнаты в комнату. Пожилая женщина ходит по дому, тихо напевая,— эту песенку она пела, укачивая детей, которые выросли здесь. Но это было очень давно, ее детей уже нет.

В руках у женщины коробок со спичками. Она зажигает их одну за другой и оставляет горящими где попало.

Становится все темнее, и пустая каменная громада Эдбрука все больше погружается во мрак. Но вот в одном из окон особняка разгорается оранжевое пламя. Вскоре теплое сияние появляется в другом окне...

Потом еще в одном...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИЗРАКОВ

Посвящается Эйлин, без которой...

Трудно танцевать
С чертом за спиной!

Сидни Картер

1

Среди лугов царил покой.

Насекомые собирали нектар с цветов на живой изгороди, но жужжали приглушенно, двигались лениво. Хотя утреннее солнце еще не начало припекать, коровы сбились в тени и жевали утреннюю травку, равнодушно отгоняя хвостами слепней. Желто-черные гусеницы объедали крестовник, а там и сям мотыльки сонно распластали свои черно-вишневые, как киноварь, крылышки. Из лесистых участков брызгами разлетелась к солнечному свету жимолость, оставив свои корни среди деревьев, где земля была черной и влажной, а из глубины тенистых ветвей доносились мелодичные трели.

Ярко-синее небо нависло прямо над отдаленными Чилтернскими холмами.

Среди придорожных кустов ткали свою паутину пауки, а вдоль пыльной дороги низко скользил ворон в поисках падали. Птица резко взмыла над верхушками деревьев, а затем снова нырнула вниз, к скрывавшемуся за деревьями кладбищу, и уселась на покосившееся надгробие. Ворон вскинул голову в сторону собравшихся людей, словно окидывая любопытным взглядом их черные, как и у него са-

мого, наряды. Рядом возвышалась старая церковь; ее стены, покрытые шрамами, потрепанные веками и непогодой, в этот день тоже сверкали под лучами солнца; квадратную башню подпирали неровные контрфорсы, а темные стрельчатые окна будто наблюдали за сборищем людей и вороном.

Свежевырытая могила была маленькой — по размерам детского гробика, и лица присутствующих на похоронах отражали эту особую скорбь по безвременной смерти. Поодаль от остальных, ближе к самой могиле, опустив голову и сгорбившись, стояла женщина; страдание и печаль, казалось, громадным грузом навалились на нее — тело Эллен Предда ослабло, плоть словно увяла под кожей под гнетом чрезмерного страдания. Женщина плакала, но ее плач был беззвучен: горе ощущалось не новым, а просто более жестоким, чем когда-либо раньше.

Викарий — высокий, но сутулый мужчина — время от времени отрывался от молитвенника и посматривал на нее, опасаясь, как бы церемония не прервалась неподобающей истерикой: он видел, что женщина близка к критической точке. Не прошло и года с тех пор, как умер ее муж, но та смерть не подействовала на Эллен столь угнетающе. Сказать по правде, муж ее был отвратительным типом, но в сыне всегда сосредоточивался весь смысл ее жизни. Они были беззаветно преданы друг другу, мать и сын; пороки утраченного отца вскоре забылись, стерлись из мыслей и пропали из разговоров. Смерть Джорджа Предда была ужасна, и викарий гадал, как вдова и сын — который и сам теперь отошел в мир иной — так быстро с ней примирились. Особенно если учесть, что сын был свидетелем той смерти. Викарий не чувствовал стыда за свое не слишком благочестивое отношение к Джорджу Предду, поскольку этот сельский работник был слишком мерзок, чтобы вызывать сочувствие даже у человека в сутане; тем не менее он чувствовал вину, но другого рода. Викарий вернулся к своему молитвеннику, его узловатые пальцы дрожали.

Гроб осторожно опустили в яму, и на одно жуткое мгновение викарию показалось, что осиротевшая женщина сой-

час бросится вслед за ним. Она опасно покачнулась на краю могилы, словно едва не лишилась чувств. К счастью, один из присутствующих — родственник или друг, но явно не из этой деревни — шагнул вперед, подхватил Эллен под руку и осторожно отвел от зияющей ямы. Она отошла без возражений, покорно, словно воли в ней уже не осталось, и только опустила голову, когда мужчина тихонько похлопал ее по спине.

Вскоре похороны завершились, и Эллен Преддл, еще больше сгорбившуюся, отвели по узкой дорожке между надгробий, через кладбищенские ворота к ожидающим процессию автомобилям. Викарий удивился, когда женщина без посторонней помощи села в первый из них и что-то коротко сказала своему утешителю, прежде чем закрыть дверь. Черная машина медленно отъехала, а оставшиеся с удивлением посмотрели ей вслед. Мужчина, к которому обратилась Эллен, пожал плечами, и все, жалостливо качая головами, направились к остальным машинам.

«Придется жить одной,— повторяла про себя Эллен, пока черный «вольво» преодолевал короткое пространство к ее коттеджу.— Мне больше никто не нужен. Им не понять. Они *не могут* понять, каково это — потерять единственного ребенка, того единственного, кто мог любить тебя в ответ на твою преданность, кто не сомневался в твоих словах, никогда не был злым или непослушным, как другие дети». Саймон — это все, что оставалось у нее после Джорджа, когда тот так страшно и нелепо погиб. Тогда Саймон и она остались одни. И больше им никто не был нужен. Они нуждались только друг в друге, и больше ни в ком. «О Саймон, Саймон! Почему ты? Почему Всемогущий отобрал тебя у меня? В наказание за то, что я делала с Джорджем — что я делала для Джорджа,— за эту мерзость, о которой не расскажешь ни одной живой душе и стыд за которую не отпустит до смерти... в наказание за все то мерзкое и ужасное? Так это наказание? О Боже, он вынуждал меня де-

лать это. Это не доставляло мне радости. Но я делала это ради тебя, разве ты не видишь? О, верни мне моего мальчика, милый Боже, верни мне его, не отбирай мое сокровище. Я сделаю что угодно, Господи. Только верни мне Саймона. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста».

Наконец из ее груди вырвался стон, который она подавляла все утро. Она больше не могла держать в себе свою скорбь. Эллен зарыдала, и рыдания перешли в вой.

Водитель похоронной машины посмотрел на нее в зеркало заднего вида, и его глаза, в течение двадцати с лишним лет смотревшие на боль разлуки,— даже эти глаза — увлажнились. «Бедная женщина,— подумал он,— бедное, жалкое создание. Ни опомниться после церемонии, ни поделиться горем. Назад к себе, чтобы скорбеть в одиночестве. Нет, это не дело, совсем не дело. Сейчас время поговорить, время для утешений — и для пары рюмок. Умеренная доза алкоголя придется очень кстати после такой трагедии, даже если умер ребенок. А по сути дела, *особенно* если умер ребенок. Немножко притупить чувства, ненадолго превратить трагедию просто в переживание. Бедная, бедная женщина».

Деревенские жители, занятые своими делами в этот солнечный день, останавливались, чтобы проводить взглядом мрачную черную машину, катящуюся по узкой улочке; люди постарше почтительно снимали шляпы, некоторые женщины крестились, принимая на себя крошечную долю страданий Эллен Преддл. А когда машина проезжала, они продолжали прерванное дело, скорбь отходила на второй план, но продолжала шевелиться где-то в глубине души. Бедная миссис Преддл! Добрая женщина, но судьба к ней немилосердна. А теперь просто бесчеловечно жестока. Смерть никого не жалеет, но некоторых не жалеет и жизнь.

Лимузин плавно катил дальше, его скорость соответствовала скорбной торжественности случая.

«Почему это произошло?» — снова и снова спрашивала себя Эллен. Она отлучилась всего на пять минут — ну

ладно, может быть, на десять — на почту, купить марку и отправить письмо. Саймон был в ванной комнате в полной безопасности, резвился, как это бывало много раз раньше, да и воды-то в ванне было всего до половины. Несколько мгновений того дня, несколько коротких минут — отправить письмо и да, да — посплетничать с миссис Смедли, почтмейстершей, всего несколько слов, это не заняло и трех минут — *трех роковых минут, когда Саймон захлебывался в ванне,*— и сразу же назад, домой. Но она поняла, что что-то неладно, в тот же момент, как только ступила на короткую дорожку перед дверью; что-то шевельнулось в ней, какое-то гнетущее чувство и холодок страха проникли в сердце. Но ради всего святого, ему было уже одиннадцать — вполне достаточно, чтобы купаться в ванне одному! Все признавали это. Во время дознания даже коронер* изменил своему обычаю и сказал, что против Эллен не может быть выдвинуто никаких обвинений (хотя его слова прозвучали сурово, в них не было ни капли мягкости, доброты), и все согласились с ним. Несчастный случай, ужасный несчастный случай. На теле не осталось никаких следов, не было никаких признаков, что мальчик поскользнулся — или что ею голову держали под водой. Коронер высказал предположение, что мальчик или уснул в ванне, разомлев в теплой воде, или, играя, надолго погрузил голову, а потом, когда дыхания не хватило, непроизвольно хлебнул слишком много воды. Возможно, этим объясняется его раскрытый в ужасе рот.

Таков был официальный вердикт. Смерть от несчастного случая. Так почему же она не может поверить в это?

Похоронная машина подъехала к трем стоящим в ряд коттеджам, крытым черепицей, и остановилась, но Эллен поняла, что приехала домой, только когда водитель вытянул ручной тормоз и повернулся к ней.

---

* Коронер — в Англии особый судебный следователь, производящий расследование причины смерти лиц, умерших насильственной смертью или в результате несчастного случая.— *Прим. перев.*

— Вам помочь зайти внутрь, миссис Предда? — спросил шофер.

— Нет,— ответила она. И больше ни слова, только безжизненное «нет».

Ну и хорошо, ему же лучше. Странно, но она настояла на том, что вернется домой одна,— впрочем, никто из друзей и родных и не напрашивался предложить утешение, так что не будет сэндвичей с тончайшим слоем паштета, крохотных кексов, чая и кофе, может быть, немного шерри или чего-нибудь покрепче, никаких ритуалов, помогающих смириться с утратой. Несомненно, другие скорбящие, чтобы немного взбодриться, найдут путь в «Черного кабана». Это естественно. Людям это нужно. Но, очевидно, не этой женщине. Настояла, что хочет побыть одна. Что ж, пусть так и будет, дело хозяйское. Хотя и глупо — в подобных случаях нужно быть среди людей. Водитель вышел из машины и открыл пассажирскую дверь.

Ее голова опять склонилась, и Эллен шагнула на тротуар. В крайнем коттедже дернулась занавеска — сосед скорее беспокоился, чем любопытствовал. Но Эллен этого даже не заметила.

Она открыла калитку, машинально отметив, что петли надо смазать — их скрип нарушил тишину дня,— и пошла к дому, замешкавшись на короткой мощеной дорожке на полпути к крыльцу. С обеих сторон радостным строем протянулись пионы, сирень и первоцвет — цветы, за которыми они с Саймоном так заботливо ухаживали, сделав свой маленький садик самым красивым из всех среди соседних коттеджей. Черная машина позади незаметно отъехала.

Эллен взглянула на окошко над входной дверью, окошко ванной комнаты, где Саймон... Она заставила себя не думать. Где Саймон... Мысль не отвязывалась, и Эллен прогнала ее из головы. Но продолжала смотреть на окошко.

Она вздрогнула от странного ощущения: будто бусинка ледяного пота скатилась по спине.

Ускорив шаги, Эллен пошла вперед, и ее взгляд не отрывался от окошка в ванную до тех пор, пока не пришлось

искать в сумочке ключи. Холод со спины распространился на остальное тело, так что все мышцы одеревенели. Чтобы попасть ключом в скважину, пришлось сосредоточиться.

Ключ повернулся, но Эллен не распахнула дверь сразу; вместо этого она глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, не понимая того напряженного состояния, которое вдруг возобладало над горем. Какое-то другое чувство наполнило ее, и она не могла отдать себе в нем отчет. Что-то вроде ожидания, в котором не было никакого смысла. Эллен знала, что надежды нет, что все дорогое у нее отнято. Ничего не осталось, никакой радости, никакого будущего. Ничего...

Изящно вышитым носовым платком она вытерла влагу со щек. И со светящимися от странного предчувствия глазами толкнула дверь.

В доме не было прихожей, дверь открывалась прямо в гостиную с низким потолком и толстыми балками, вделанными в белые шероховатые стены. Изогнутая дубовая лестница со стертыми ступенями вела к спальням и ванной комнате.

На ступенях не было мокрых следов.

Но в старом громоздком кресле у камина сидела маленькая голая фигурка, и Эллен бросилась вперед. Волосы мальчика были еще мокрыми, блестящими и прилипли к темени и лбу; на съежившемся теле виднелись капельки воды.

Великая печаль была в глазах Саймона, когда он через комнату посмотрел на мать.

2

Изменив позу, Дэвид Эш издал легкий стон. Расхлябанный в стыках стул заскрипел, и он снова замер. Он посмотрел на часы на руке. Светящийся циферблат сообщил, что сейчас без десяти три. Ночи.

«Боже, должен существовать образ жизни получше»,— сказал себе Эш, осторожно сгибая плечи. Три часа ночи, а

он здесь прячется в полутьме среди полок с полотенцами и простынями, стараясь не дышать слишком громко, отчаянно мечтая о сигарете... тоскуя по выпивке. Он чуть распрямился и потер руками лицо, прогоняя усталость. Даже шорох щетины на подбородке казался в этот немилосердный час слишком громким.

Дверь в прачечную была приоткрыта, и свет фонарей, проникая через глазницы окон в коридор, слегка разгонял мрак. Эш тихо пробрался к двери и выглянул в проем. Тишина, ни души. Запах несвежей еды преследовал его, словно пропитал сами обои, и Дэвид подумал: если он поцарапает стену ногтем, не появится ли аромат, как с карточки духов в журнале. Эш бросил пустые измышления и снова прислушался. Нет, ни звука. Старики хранили покой.

Он отошел назад, повернулся к установленной на бельевом стеллаже камере и, нажав на рычажок проверки питания, увидел красный, как глаз демона, огонек. Батарея была в порядке, но разве он не проверял ее всего два часа назад? Дэвид прижал пальцы к вискам и тихо надавил, прогоняя тупую боль в голове. От усталости или от скуки? Или все дело в напряжении?

Нужно привыкнуть к этому. Бесконечные часы бездействия, такое долгое ожидание в темноте, что в конце концов даже воображение угасало. Отмахивалось от призраков. Буквально.

Он позволил себе улыбнуться, и улыбка, если бы была видна в темноте, выглядела бы ироничной.

Эш потянулся к термосу рядом со стулом и осторожно налил себе кофе. В кофе очень не хватало бренди, но нет — он обещал Кейт. Он всегда ей обещает. Никакой выпивки на работе. Правило это, впрочем, он никогда не соблюдал.

«Да, Кейт, знаю, у меня проблема — да, Кейт, знаю, она обостряется»,— Эш проговорил про себя эти слова, представляя, что Кейт стоит перед ним в темноте прачечной. Но вспомни, Кейт, вспомни, что было три года назад. Могла ли она упрекнуть его? Могла ли поверить ему?

Он часто задумывался об этом. Кейт была единственная, с кем он говорил о тех трех ночах в Эдбруке, единственная, кто не усомнился в его рассудке. И все же он улавливал неуверенность в ее глазах — нет, это слишком сильное слово; это было не более чем намеком на недоверие. И кто бы мог упрекнуть ее? У него самого возникали сомнения, он сам задумывался, не было ли это ужасным сном, абсурдным кошмаром, преследующим его до сих пор. Его пальцы нащупали шрам на щеке, тонкий твердый рубец, видный только при ярком свете, и Эш задумался...

Нет! Он чуть не выкрикнул это вслух.

Сделав большой глоток остывшего кофе, Эш откинулся на спинку стула. «Сосредоточься,— посоветовал он себе.— Думай только о настоящем, забудь о том, что случилось давно и не имеет никакого смысла». *(Но это имело смысл, правда, Давид? Все, что произошло в том старом доме три года назад, было совершенно логично, хотя и странно. То есть если верить в злых духов.)*

Эти слова в его голове будто произнес кто-то другой, это был коварный, еле слышный шепот, будто кто-то не хотел позволить ему забыть случившееся; но голос принадлежал ему самому, и слова были его собственные, которые он часто повторял себе, чтобы реальность и время не утратили своего значения.

Эш поежился, хотя в комнате с теплыми трубами и запахом выстиранного белья было не холодно. Может быть, эти ночные наблюдения следует оставить психически более устойчивым исследователям и изыскателям, которые смотрят на подобные вещи не так эмоционально. Как когда-то смотрел и он. В Институте хватало сотрудников, чтобы выполнить эту работу, не было необходимости браться за нее в одиночку. И все же это была его идея, это он, после того как месяц исследований ушел впустую, предложил владельцам дома престарелых «Счастливый путь» это одиночное бдение. Он не обнаружил никаких аномальных явлений, никаких призраков — и никакого Ангела Сна.

Ангел Сна. Предвестник смерти, предзнаменование гибели. Во всяком случае, в это верили живущие в доме старики.

Фигура в ниспадающих одеждах, испускающая зеленоватое свечение, около трех часов пополуночи появилась перед тремя старейшими постояльцами и сообщила, что им пришло время умереть. И они последовали инструкции — двое через несколько дней, а третий, кажется, немедленно. (Еще одна обитательница, пожилая женщина, которая из-за слабого мочевого пузыря не раз выходила ночью из комнаты, засвидетельствовала, что так называемый «ангел» вошел в комнату к умершему, когда она возвращалась из туалета. Сама она поскорее нырнула в постель и с головой спряталась под одеяло, чтобы гость не заметил ее и не решил тоже навестить.) Первые двое пересказали слова Ангела Сна, обращенные к ним, и повторяли до тех пор, пока тоже не выполнили указание.

Клер и Тревор Пенлоки, владельцы приюта «Счастливый путь», постарались смягчить происшествие и успокоить своих клиентов, но у тех почти не было занятий, кроме как сплетничать, все больше приукрашивая историю, и Пенлоки испугались, что неблагоприятные слухи об их доме скоро распространятся в округе. Поскольку смерть в таких заведениях, учитывая возраст обычных постояльцев, была обыденным явлением — если не ожидаемым,— весть о том, что неземные силы активно поощряют «уход», определенно повредила бы репутации дома престарелых. Хозяевам пришлось связаться с Институтом экстрасенсорики, и были приняты меры для осторожного, но всеобъемлющего исследования.

Сначала Эш подумал, не было ли это неземное видение какой-то заразной галлюцинацией, возникающей у человека перед смертью (религиозные верования вполне могли вызвать видение небесного проводника в иной мир), и он потратил некоторое время на разговоры с обитателями

дома, осторожно прощупывая их умонастроения и состояние психики, но не нашел достаточных свидетельств массовой истерии и даже повышенного интереса к сверхъестественному. Он также допросил персонал, от хозяйки, самой миссис Пенлок, до младших сиделок и кухарки, уделив особое внимание двум старшим надзирательницам, которые еженедельно сменялись в ночной вахте. Он убедился, что здание ночью охраняется, и был удовлетворен тем, что окна и двери запираются на засов или на замок. Каждую ночь он устанавливал на треногах в конце коридора и у главного входа камеры с автоматическим детектором, а также размещал термометры в определенных точках, чтобы в любое время регистрировать как сильные, так и еле уловимые изменения температуры. Снаружи, за дверями спален самых престарелых обитателей дома и тех, чье здоровье внушало опасение, он рассыпал пудру, чтобы наутро увидеть следы материальных или неземных ног. Он изучил архитектурные планы самого здания, включая детализированные чертежи недавних перестроек, и заглянул в его историю, интересуясь прежними аномальными явлениями. Все напрасно. Никто, кроме одной болезненной старой леди, не засвидетельствовал никакого проявления чудес, ничто не было потревожено за время его исследований, и камеры засняли только старших надзирательниц, совершающих положенный обход, да некоторых почтенных обитателей, навещавших туалет.

И все же Эш не был вполне удовлетворен. Поэтому предложил свои секретные ночные бдения. И только в определенные ночи.

Дважды хозяйка заведения тайно впускала его в дом, пока надзирательница была занята обходом и отдачей распоряжений медицинскому персоналу, но Эш уже начал подозревать, что впустую тратит время.

Однако в эту ночь его терпение оказалось вознаграждено.

Он услышал поблизости какой-то звук. Затем опять воцарилась тишина.

Эш подождал еще несколько секунд, потом тихонько приподнялся, чтобы стыки стула — и собственные суставы — не издали ни звука. На цыпочках пробравшись к двери, он выглянул в узкую щель.

Прямо напротив был лифт, обслуживающий все три этажа дома, а справа располагался короткий спуск для кресел-каталок, ведущий в другой коридор, куда выходила центральная лестница. Эш открыл дверь пошире и осторожно высунулся наружу: коридор слева был пуст, все спальни казались запертыми. Открыта была только дверь в ванную.

Он прикрыл дверь в прачечную, оставив снова лишь узкую щель, и шмыгнул назад в темноту.

Снова звук. Может быть, здание оседает? Или кто-то спускается по лестнице?

Эш отодвинулся еще глубже в темноту, так, чтобы неяркий свет снаружи не падал на него, и сосредоточился на своем дыхании.

Он также осознал, что оранжевое свечение ночников в коридоре едва заметно изменилось — в нем появился зеленоватый оттенок.

Эш почти перестал дышать, когда мимо двери проплыла фигура.

Джесси Динкл вдруг проснулась. В сновидении все ее члены стали гибкими, кожа разгладилась, а в сердце ожили чувства. Она бежала по полю, заросшему лютиками, их сверкающая желтизна на фоне яркой зелени радовала душу, и каждый шаг был грациозным прыжком, с каждым прыжком она описывала чудесную дугу,— и вот она уже летела, плыла и каждый раз возвращалась на землю, в цветы, но легко взлетала вновь, вверх, к сапфировому небу, парила и опускалась, парила и опускалась, радужные дуги становились все длиннее и длиннее, все выше и выше, она уже совсем не касалась земли и действительно летела, летела к...

Она застонала, недовольная пробуждением, опечаленная, что снова стала старой развалиной с хрупкими костями, со сморщенной кожей, с сердцем и душой, уставшими от усилий жить.

Джесси лежала на кровати, опершись на высоко поднятую подушку — только так она могла теперь спать, не задыхаясь от мокроты в горле,— и силилась вспомнить. А, этот сон... такой чудесный сон... где сила тяжести и возраст не имели власти и тело было слугой духа. Покой, что принес этот сон. Свобода...

Но что ее разбудило? За окном все еще было темно.

Она пошевелилась на постели, но старческие глаза не могли разглядеть циферблат часов на столике у кровати. Она снова легла на спину и затуманенным взором пошарила по комнате, стараясь вспомнить, все ли прописанные таблетки и лекарства приняла за день — верапамил от сердца, сайнмет от болезни Паркинсона, тиоридазин от помрачения сознания, лактулозу для кишечника. Да, да, хозяйка или надзирательница проследили за этим. Они даже подтрунивали над ее знанием всех предписаний и требований, как будто она опасалась, что они не справятся со своей работой. Что ж, Джесси сама была сестрой милосердия во время двух мировых войн, когда была молода... когда была молода... так давно, целую жизнь назад... когда Говард был жив, а дети... дети любили ее, заботились о ней, а она так заботилась о них! Но теперь они живут своей жизнью, они не могут тратить свое с трудом выкраиваемое свободное время на такую старую рухлядь, как она — ведь за спиной осталось восемьдесят два года жизни; дети не могут приходить каждый день, каждую неделю, каждый месяц, у них есть работа — очень важная работа,— о которой надо думать, есть любимые семьи, о которых нужно заботиться... ухаживать... как она когда-то ухаживала... за ними.

Слезы затуманили ее взор, темный силуэт распятия на стене напротив стал еще неопределеннее. Трясущейся рукой Джесси поднесла край пододеяльника к глазам и вытерла слезы.

Теперь ты здесь, глупая старая развалина. Становишься в старости все более и более сентиментальной. А ума все меньше и меньше. Ведь они завтра придут, а если не завтра, так послезавтра. Они очень заняты. Но очень заботливы. Заведения вроде этого недешевы, но дети никогда не ворчат. Ее мальчики добры к ней. Но когда она видела их последний раз? Вчера? Нет, нет, позавчера. Ох, старая тупая клуша! Это было давным-давно, давным-давно. Месяц назад? Раньше, Джесси, гораздо раньше. Они приходили, когда могли, вместе с женами и внучатами. Не каждый раз, но часто. При случае. Иногда. Да, а младшие ребята теперь уже подростки — или еще старше? Трудно вспомнить, трудно представить их — что им делать в таком ужасном месте? Это место для стариков, не для молодежи. Молодежь не любит этих запахов и болезней, невнятного бормотания и забывчивости — и напоминания, что когда-нибудь то же ждет и их. И в этом нет ничего удивительного. А что, ведь будь она самостоятельной, а не такой никчемной и беспомощной, то тоже предпочла бы какое-нибудь другое место!

Ее тонкий, безгубый рот растянулся в улыбке. Какое-нибудь другое место. Ох, Джесси, для тебя есть лишь единственное другое место, девочка моя. Это если Он примет тебя. Она закрыла глаза и помолилась, чтобы Он принял ее, и ее мысли о Небесах были сродни ее сну.

Она снова открыла глаза, не услышав, а лишь ощутив, что дверь в спальню приоткрылась.

В дверном проеме стоял Ангел Сна, и зеленоватое сияние оттеняло белизну ниспадающих одежд. Его лицо было в тени, но Джесси знала, что оно излучает добро.

Ангел приблизился, грациозно, бесшумно, и Джесси представила его улыбку.

Он заговорил так тихо, что Джесси еле расслышала слова, и сказал, что ей пришло время уйти, что ее ждет лучшее место, где нет страданий и печали, а ей нужно только отдать свою душу, отбросить свою жизнь...

И он наклонился к ее беззубому рту, словно для поцелуя, но Джесси засомневалась, улыбка ли это — или усмешка, усмешка ли — или оскал, оскал — или гримаса ненависти. Джесси вдруг стало страшно, что-то одеревенело в ее костлявой груди, сжалось и в то же время, казалось, разбухло, вызвав боль, какой она еще не знала. Удар был бесчеловечен в своей жестокости и не имел ничего общего с мирным отказом от жизни.

Схватившись за свое борющееся сердце, Джесси заметила сверху ослепительный свет и поняла, что в комнате есть кто-то еще. Ангел Сна отшатнулся от нее, и раздался вопль... раздался вопль... раздался вопль — это кричала она сама...

3

— У тебя такой вид, будто ты плохо провел ночь.

Кейт Маккэррик сгребла бумаги и отложила в сторону, когда Эш сел напротив. Он поставил пластиковый стаканчик с кофе на край ее стола и стал шарить в карманах в поисках сигарет.

— И утро не лучше,— сказал Дэвид, вытряхивая из пачки последнюю сигарету.

— Есть успехи?

— В том смысле, что принято считать успехом в нашем Институте,— нет. «Счастливый путь» не населен призраками.

Кейт откинула назад волосы, подошла к шкафчику с серыми ящичками, стоящему между забитыми книжными полками, и выдвинула ящик с буквой «С».

— Я ничего такого и не ожидала. Если бы видение появлялось перед персоналом, я бы отнеслась к этому с большим доверием. К сожалению, пожилые люди — не всегда надежные свидетели, когда дело касается аномальных явлений. У них или плохое зрение, или чересчур буйное воображение.

Порывшись в ящике, она вынула папку с надписью «"Счастливый путь", дом престарелых». Открыв ее, Кейт вернулась к своему столу.

— Ты составил отчет? — спросила она, оторвав глаза от папки.

Эш устало улыбнулся:

— Извини, Кейт. Я еще не закончил.

Она сняла очки, в которых читала, и внимательно посмотрела на него: темные взъерошенные волосы, бледное небритое лицо, помятая одежда.

— Извини, я задала глупый вопрос.

Дэвид вынул изо рта неприкуренную сигарету и потянулся за кофе. Пригубив, он сказал:

— Трудная ночь, трудное утро. Письменный отчет я составлю попозже днем.

— Нет, у тебя такой вид, что тебе надо выспаться. Расскажи сейчас, отчет составишь потом.

Снова пригубив кофе, Дэвид задумался, есть ли нынче у Кейт любовник. Она еще неплохо выглядит; ее фигура, хотя уже не такая стройная, как когда-то, оставалась соблазнительной, волосы по-прежнему имели естественный блеск. Возможно, подбородок стал чуть менее твердым, и вокруг глаз появилось несколько новых морщинок, но у Кейт был шарм, какой сохраняют не все женщины за сорок. Дэвид вспомнил ту первую ночь, когда они с Кейт любили друг друга,— ту деликатную мягкость, с которой ее зубы легко покусывали его плоть, а губы увлажняли каждый уголок его тела.

— Дэвид?

— А?

Он помотал головой, стряхивая воспоминания, и, встретившись глазами с ней, понял, что она разгадала его мысли. Ее тон был деловым, а от нахмуренных бровей на лбу появились морщины.

— Насколько я поняла, ты не зарегистрировал никаких аномальных явлений.

— Боюсь, что так.

Эш поставил стаканчик с кофе на стол и полез в карман за спичками; чиркнул и поднес спичку к сигарете, но замер, глядя на огонек. Заметив, что Кейт наблюдает за ним, Эш быстро прикурил, надеясь, что она не увидела, как дрогнула его рука.

— Нет, никаких призраков, хотя в какой-то момент я засомневался.

Она подалась вперед, заинтересованная.

— Тамошние обитатели были отчасти правы,— продолжил Дэвид.— Там был Ангел Сна, блуждавший по коридорам, но это оказалось совсем не то, что они себе вообразили.

— Тем не менее ему удалось напугать некоторых до смерти.

Эш пожал плечами:

— Ну да, они умерли — двое через пару дней, а один в ту же ночь. Старик умер от сердечного приступа, хотя незадолго до того у него обнаружили рак кишечника. Ему было далеко за восемьдесят, и он был совсем плох — не много требовалось, чтобы отправить его на тот свет.— Он выпустил дым.— Циник бы сказал, что этот гость оказал ему любезность.

Кейт пропустила его слова мимо ушей.

— А другие двое — что случилось с ними?

— Обоим было за восемьдесят, и здоровье у обоих соответствующее. Со слов хозяйки, похоже, гость убедил их, что им пора навсегда заснуть.

— Он велел им умереть? — взволновалась Кейт.

— Угу. Потому они и прозвали его Ангелом Сна. Полагаю, это можно назвать чем-то вроде вербальной эвтаназии.

— Не верится.

— Погоди, когда состаришься и устанешь, почувствуешь, что тебе больше нечего делать со своей жизнью.

— Я это чувствую через день. Так кто или что было этим посланцем из потусторонней жизни? Ты видел его этой ночью?

Эш пошарил глазами по столу в поисках пепельницы, и Кейт протянула ему мусорную корзину. Он стряхнул пепел и поставил корзину рядом с собой.

— Да,— сказал он, устало вздохнув.— Ангел появился в лучшем виде. Это случилось ранним утром, еще до рассвета, и я наблюдал за ним из домовой прачечной. Говорят, старики и больные часто отдают Богу душу примерно в это время — тело тогда находится в наиболее бессознательном состоянии,— и я решил, что что-то может произойти между двумя и тремя часами. Я также позаботился о том, чтобы находиться на одном этаже с самыми старыми обитателями. Как бы то ни было, сразу после трех что-то проследовало мимо двери прачечной — нечто, испускающее зеленое свечение.— Он поскреб щетину под подбородком.— Оно чертовски напугалось, когда я выглянул в коридор.

— Кто-то переоделся, чтобы пугать других.

У Кейт это прозвучало как утверждение, а не как вопрос.

— Правильно. Или, по крайней мере, чтобы сыграть роль. Ниспадающая белая хламида, длинные широкие рукава. А под ней были приспособлены эти маленькие люминесцентные трубки — знаешь, с которыми дети играют в Хэллоуин. Прозрачные пластиковые трубочки, наполненные химическим составом, светящимся в темноте.

— Да, я видела такое.

— Она воспользовалась ими для эффекта, чтобы придать себе жуткое свечение.

— Она?

Эш махнул рукой:

— Одна из старших надзирательниц, женщина, работавшая в доме несколько лет.

— Должно быть, особого сорта бесчеловечная стерва.

— Не уверен. Ее наниматели и полиция все еще пытаются выяснить, пугала ли она стариков из ненависти, поскольку они ей надоели, или искренне хотела облегчить их

страдания, по-своему стараясь указать им путь в лучший мир.

Откинувшись на спинку стула, Кейт попыталась осознать сказанное Эшем.

— Это ужасно,— заключила она.

— Этой ночью она напугала еще одного кандидата на Небеса, но я появился там раньше, чем она смогла причинить вред. Остается надеяться, что престарелая леди перенесет этот шок.— Он отпил еще кофе, затянулся сигаретой и через стол послал улыбку Кейт.— Вот, теперь ты знаешь. Боюсь, это не поможет институтским исследованиям.

— Мы это переживем. Наша задача — фиксировать аномальные и сверхъестественные явления, но почти так же полезно выявлять ложные свидетельства. По сути дела, когда случается последнее, это укрепляет авторитет нашей организации; люди должны понять, что мы не поддерживаем шарлатанов и помешанных. Мне только жаль, что ты потратил столько времени на это расследование. А скажи, ты с самого начала подозревал, что в доме кто-то хитрит?

Кейт тут же пожалела об этой фразе, так как Эш бросил на нее обеспокоенный, чуть ли не затравленный взгляд, и она торопливо добавила:

— Ты думал, что в этом как-то замешана надзирательница?

Через ее плечо он посмотрел за окно. Там было солнечно, хотя они находились в затененной части здания, и снаружи доносился уличный шум. Мимо пронеслось что-то черное — птица, такая большая, что Эш подумал: не иначе ворон. И почему-то по телу пробежала дрожь.

— Я догадался, что за этим кто-то стоит,— сказал он.— Было нетрудно выяснить, кто в одиночку дежурил в те ночи — точнее говоря, ранним утром,— когда являлось видение. Я предложил подежурить еще несколько ночей, если персоналу скажут, что расследование закончено. Никто не должен был знать, что я все еще там. Полагаю, надзиратель-

ница решила, что победила и может продолжать в том же духе.

— Она действительно вообразила, что ей сойдет это с рук?

— Она сумасшедшая, Кейт. Она может вообразить что угодно.

Кейт закрыла папку с материалами по «Счастливому пути» и отложила в сторону.

— Что ж, я рада, что мы покончили с этим. Мне казалось это не очень вероятным.

— Сколько дел кажутся такими сначала...

Несколько лет назад Эш никогда бы не сделал такого замечания, и Кейт удивилась. Почему-то он казался несчастным, его словно разочаровал результат только что проведенного расследования, и это тоже вызвало у нее замешательство. Эш, который когда-то цинично отзывался о парапсихических явлениях и задачах Института экстрасенсорики, незаметно, но ощутимо изменил свою позицию. Он больше не отмахивался от не подчиняющихся физическим законам аномальных явлений, хотя при расследованиях по-прежнему демонстрировал свое явное неверие в существование призраков и возможность общения с миром мертвых. Большинство рассматриваемых Институтом явлений действительно либо оказывались мистификациями, либо были причудами природы. Никто лучше Дэвида Эша не умел выводить мошенников на чистую воду и находить естественные объяснения странным, причудливым явлениям. По сути дела, именно этот его скептицизм по отношению ко всему сверхъестественному и побудил Кейт предложить ему работу в Институте: их исследования нуждались в хладнокровном и критическом взгляде, а кто лучше неверующего может это обеспечить? И Эш превосходно справлялся с задачей, не принимая на веру рассказы о призраках, полтергейсте и духах, раз за разом находя логичные, здравые объяснения, подкрепленные солидными свидетельствами. В организации работали и те, кто пола-

гал, что он слишком хорошо справляется со своей работой, а это вредит репутации Института, ибо он постоянно опровергает то, что сами они подтверждали; но Кейт всегда отводила их доводы, объясняя, что Эш из-за своей непредвзятости — нет, из-за своего неприятия подобных явлений — обеспечил огромное доверие к Институту в тех случаях, когда обстоятельства, связанные с аномалиями, оказывались вне всяких сомнений.

Дэвид Эш был находкой для Института, и сам радовался — хотя и втихомолку — результатам своего труда. До событий трехлетней давности. До дела Мариэллов. Тот случай вдребезги разбил его самоуверенность и поверг его в нервный коллапс.

Что крылось за этим, Дэвид? Твое расследование разрушило твою веру или ты и так шел к этому? А может, все произошло в твоем воображении?

Эш по привычке допивал кофе, уже вставая на ноги. Бросив пустой пластиковый стаканчик в мусорную корзину, он сказал:

— Мне нужно поспать. Я напишу отчет вечером, и завтра первым делом прочти его. Кстати, ты могла бы позвонить Пенлокам — думаю, им не помешает пара теплых слов.

— У меня есть для тебя еще одно поручение.

— Мне нужно отдохнуть, Кейт.

— Хорошо. Считай, что завтра у тебя выходной. Составишь отчет о «Счастливом пути» и отоспись.

— Ты ужасно великодушна. Несомненно, заняться этим мог бы кто-нибудь другой.

— Я подумала, тебе это будет интересно.

«И кроме того, я не люблю, когда ты бездельничаешь,— подумала она.— Свободное время пугает тебя, не так ли, Дэвид? Тогда ты начинаешь слишком задумываться, уходить в мечты».

— Ты когда-нибудь слышал о деревне под названием Слит? — спросила Кейт.

Эш покачал головой, не тратя времени на раздумья.

— Это в Чилтернах. Не так далеко.
— И что там за проблема? Привидения?
— Нет, Дэвид,— ответила она.— Если бы только это.

4

Было приятно убраться из города, несмотря на то что ясная погода вдруг сменилась мелким дождиком, охладившим воздух. Время от времени сквозь тучи пробивалось солнце — и пейзаж искрился, луговая зелень сверкала глянцем, вдали, смягченные дымкой, виднелись холмы, буковые рощи отбрасывали тень, в то время как полевые цветы добавляли яркости и пестроты.

На проселочной дороге движения почти не было, но Эш не разгонял свой «форд», наслаждаясь покоем прилегающих к Лондону загородных просторов. Время от времени он сверялся с картой, лежащей на сиденье рядом. Когда маршрут вне главных дорог стал запутаннее, Эш начал понимать, почему никогда не слышал о деревне Слит — это было одно из тех местечек, что пришли в запустение в эру скоростных шоссе и трасс, когда водители редко отклонялись от своего маршрута. Он проезжал ложбины и пологие холмы, заросшие буковыми рощами. Временами встречались знаки, предупреждающие, что на дорогу выходят дикие олени, а один раз, когда Эш остановился, чтобы свериться с картой, он услышал, как где-то в лесу барабанит дятел. Опустив стекло, Эш с удовольствием вдыхал чистый загородный воздух, наслаждаясь обострившимися после дождя разнообразными запахами деревьев и трав. В тишине отчетливо слышалось пение птиц, каждая птичка пела по-своему, и в то же время все голоса сливались в совершенную гармонию; даже отдаленная дробь дятла мягко вписывалась в нее. Эш тронулся с места, не вполне уверенный в своем местоположении, но надеясь, что придерживается нужного направления.

Слит. Странное название. Впрочем, сельская местность пестрит странными названиями, многие из них забавны,

а некоторые звучат зловеще. «Это название,— подумал Эш, ближе к последним»*.

Он взглянул на часы. Скоро нужно быть на месте. Впрочем, нетрудно заплутать в этом лабиринте дорог, среди которых есть такие, где не разъехаться двум легковым автомобилям. Кейт говорила, что деревня находится вдали от наезженных трасс, а она в таких вещах не ошибается. Пока он даже не встретил указателя с названием этой деревни. Ну, ничего — еще минутку, и появится.

Он остановил машину у перекрестка двух дорог и вгляделся в потрепанный непогодой указатель. Стойка посерела и потрескалась от времени, надписи на стрелках облупились и заржавели, покрылись черно-коричневыми пятнами. Несколько растерянный, Эш покачал головой: три стрелки сказали ему, что находится слева и справа, но что лежит впереди — прочесть не удалось. Он снова уставился на карту.

Дорога должна идти прямо, если он не совсем еще потерял ориентацию. Эш опять посмотрел на указатель, запомнил названия и нашел их на карте.

— Ладно,— пробормотал он,— цель прямо впереди,— и, включив первую скорость, тронулся, озираясь по сторонам.

Но не успела машина проехать и нескольких дюймов, как пришлось снова ударить по тормозам: справа показался трактор, тарахтение мотора еще из-за поворота предупреждало о его приближении. Водитель — мужчина, чье красное лицо отлично гармонировало с ржаво-красным цветом трактора, приветливо махнул рукой и свернул на дорогу, по которой собирался ехать и сам Эш. На трактористе была оливково-зеленая куртка с поднятым капюшоном, а улыбка открывала редкие матово-желтые зубы; зияющие между ними промежутки придавали каждому зубу особую важность.

---

* Слит (Sleath) созвучно со sleet — дождь с мокрым снегом — и sleazy — подлый, низкий, а также — slit — разрез, щель.— *Прим. перев.*

Быстро опустив стекло, Эш крикнул ему:

— Это дорога на Слит?

Но трактор продолжал свой путь по узкой, окруженной насыпями и кюветами дороге, водитель даже не взглянул на Дэвида, и тот мог только наблюдать, как он исчез за поворотом. Огромные колеса оставили на дороге грязные комья земли, а шум дизеля перешел в низкое пыхтение. Эш выключил передачу и отстегнул ремень безопасности, чтобы залезть в карман пиджака. Он нашел сигарету и, закурив, швырнул еще горящую спичку на мокрую дорогу. Спичка потухла, не долетев до земли; маленький завиток дыма от нее быстро растаял под дождем. Эш пару секунд смотрел на полусгоревшую спичку, потом откинулся на сиденье и закрыл глаза. Он глубоко затянулся и вспомнил другое мгновение, в другой машине, когда кое-кого привлек маленький огонек в его руке и она обернулась к нему в лунном свете...

Его глаза вдруг открылись.

Хватит. Забудь прошлое. Эти воспоминания ведут к безумию.

Но казалось, что это произошло только вчера.

Он застегнул ремень безопасности, включил первую скорость и нажал на акселератор. Задние колеса забуксовали на мокром покрытии, прежде чем нашли сцепление, и машина рванулась вперед. Через открытое окно ворвались ветер и дождь, выдув сигаретный дым, но не преследующие Дэвида мысли. Машина набрала скорость, и Эш попытался сосредоточиться. Вскоре он достиг поворота, куда свернул трактор, и поспешно затормозил. Рефлекторное действие вернуло мысли к настоящему, на мгновение изгнав мрачные воспоминания — образы, вызванные сном, кошмаром, а не реальными событиями. И Эш был даже рад необходимости отвлечься, когда при повороте правое крыло оказалось в опасной близости от насыпи.

Он повернул руль влево и нажал на тормоз, надеясь, что машина не пойдет юзом по жидкой грязи, оставленной на

дороге трактором. Поросль на крутой насыпи заколыхалась от ветерка, пронесшегося вслед за автомобилем.

Эш снова вырулил на середину дороги и повел машину еще медленнее, увидев впереди красный трактор. Он догнал его; тракторист, напоминающий в своем капюшоне средневекового монаха, ясно виднелся впереди. Для обгона не было места, и, чтобы избежать столкновения, Эшу пришлось затормозить. Раздраженный, борясь с искушением посигналить, он медленно, чуть ли не лениво поехал следом за тарахтящим трактором. В замкнутом пространстве узкой, ограниченной насыпями дороги шум дизеля был еще ужаснее, уступая по децибелам лишь работе отбойного молотка. «Шумновато для тихой и спокойной сельской местности»,— подумал Эш, поднимая стекло. А черные клубы дыма, время от времени вырывавшиеся из-под трактора, имели мало общего со сладким деревенским воздухом и приятной свежестью дождя.

Эш заметил, как побелели костяшки пальцев, изо всех сил вцепившихся в баранку. Он размял каждый палец по очереди, расслабляя сухожилия; хотелось отдохнуть. Положив локоть на край окна, он вынул изо рта сигарету и через плечо выпустил дым в ровно льющийся встречный воздушный поток. Вскоре пальцы начали нетерпеливо барабанить по рулю.

Прошла минута, и Эш решил, что дружеский звуковой сигнал не причинит никакого вреда. Тракторист не оглянулся, не прижался к краю дороги, и Эш не понял, то ли он придуривается, то ли действительно не слышит. В любом случае делать нечего: мимо трактора не протиснулась бы и кошка — просвет с обеих сторон был слишком узок.

— Давай, давай,— вслух сказал Эш, когда они подъехали к вырытому в насыпи месту обгона.

Тракторист неумолимо катил прямо.

Они проехали мимо заляпанных грязью ворот, и трактор вполне мог бы заехать туда, чтобы пропустить автомобиль вперед, но тракторист не обратил на них внимания.

Уже довольно взвинченный, Эш снова нажал на клаксон и на этот раз держал его несколько секунд. Но снова без толку. Он опять опустил стекло и высунул голову, собираясь окликнуть водителя, но тут увидел, что впереди насыпь понижается и виден участок заросшей травой обочины.

Эш швырнул сигарету в окно и приготовился нажать на акселератор. Если немного съехать на обочину, будет достаточно пространства и времени, чтобы обогнать еле ползущий трактор.

Эш выждал, потом нажал на педаль, бросив машину вправо, так что правые колеса съехали на обочину. Он набрал ускорение, передний бампер чуть не задел огромное заднее колесо трактора. «Форд» накренился и покачнулся, но Эш крепко держал руль, направляя машину.

Он поравнялся с грязным колесом и встревоженно посмотрел на него. «Форд» находился на приличной дистанции от трактора, но за обочиной был кювет, что ограничивало возможность маневра. Невероятно, но человек в капюшоне не заметил его или, по крайней мере, притворялся, что не заметил. Эш злобно надавил на клаксон.

Но трактор словно прибавил скорость, большие колеса не пускали ни туда, ни сюда. Они как будто нарочно надвигались на машину.

С ужасом Эш увидел, что съезжает с поросшей травой обочины, что через тридцать ярдов или около того она резко заканчивается, и там снова вздымается насыпь с вросшими в землю тремя переплетенными корнями.

Эш ударил по тормозам, и правые колеса заскользили по мокрой траве, заставив машину развернуться влево.

Он что-то выкрикнул, вероятно, ругательство, когда «форд» дернулся, заскользил — и насыпь заслонила все ветровое стекло. Сейчас он врежется.

Эш приотпустил тормоза и выровнял машину, боясь попасть под трактор и в то же время опасаясь врезаться в насыпь. Он похолодел...

...А трактор вдруг резко свернул и въехал в ворота слева от дороги.

Эш резко повернул руль, машина вылетела из травы, правые колеса нашли наконец сцепление с дорогой.

Он убрал ногу с педали тормоза, позволив автомобилю ехать по инерции, облегчение прогнало страх — но не сняло напряжения. Теперь впереди показался узкий горбатый мостик, и останавливаться не было времени. Оставалось только молиться, чтобы с другой стороны никто не подъехал.

Машина на скорости взлетела на каменный мостик. Эш чуть не ударился головой о крышу, когда автомобиль ринулся вниз. Он упал назад, изо всех сил стараясь контролировать машину, желудок чувствовался где-то в области горла.

Мост остался позади, здесь обочины были шире и спускались к маленькой речке, которую Эш только что пересек.

Но посреди дороги стояла какая-то фигура.

Эш закричал и снова выкрутил руль.

«О Боже, сейчас я его собью!»

Эта мысль воплем прозвучала в голове, а машина закрутилась на твердом покрытии дороги, заднюю часть занесло, покрышки завизжали в унисон с мысленным криком. Мир за ветровым стеклом — деревья, листва, сама фигура — уплыл вправо, и «форд» вылетел на траву с неистовым толчком, который едва не вырвал руль из рук Эша.

Дэвид затрясся, когда колеса заскакали по ухабам и канавам, но нога непроизвольно давила на педаль тормоза; из головы вылетели все советы специалистов, как избежать юза. Для дополнительного усилия он спиной вжался в спинку сиденья, запястья одеревенели.

Прошли бесконечные мгновения, пока деревья впереди быстро и угрожающе увеличивались. Автомобиль покачнулся и замер, Эша бросило вперед, а потом ремнем безопасности дернуло назад.

Он оставался недвижим, борясь со взвинченными нервами и неистово колотящимся сердцем. Но вскоре образ стоящей посреди дороги фигуры — *застывшей там и даже не попытавшейся убежать, загипнотизированной, как кролик под взглядом удава,*— вывел Эша из шока. С бы-

строгой, во многом вызванной выделением адреналина, он отстегнул ремень безопасности, толчком открыл дверь и по траве бросился к дороге, спотыкаясь и бешено шаря глазами в поисках упавшего тела. Дождь хлестал его по голове и плечам, Эш поскользнулся, но все же сохранил равновесие. Он был уверен, что сбил этого человека — *должен был сбить, тот стоял прямо на пути,*— но все же вспоминал, что не слышал удара. Достигнув дорожного покрытия, Эш остановился и стал вертеть головой, ища тело, потом перебежал на другую сторону и снова вернулся, оглядываясь по сторонам.

На дороге никого не было.

Он торопливо осмотрел обочины, но никто не лежал, распростершись на траве, никто не стоял и не валялся под деревьями. Возможно, пострадавший, в состоянии шока, куда-то отошел независимо от того, задела его машина или нет. Или сполз к берегу реки.

Эш бросился к мосту и посмотрел в воду. Бурная река была чистой и мелкой, виднелись камни и песок на дне. Густые пучки мха облепили камни побольше, из тенистых участков по краям пробивались голубые незабудки, но вниз по течению никого не было видно. С облегчением, но и с изумлением Эш поспешил на другую сторону; мысль о том, что тело могло снести течением, не воспринималась всерьез — тут было неглубоко,— но здравый смысл говорил, что человек, которого он сбил или чуть не сбил, должен быть где-то поблизости. Тяжело дыша, Эш оглядел берег. Над ним нависали ветви с густой листвой, создавая тенистый туннель, здесь и там лесная поросль подобралась к самой кромке воды. Тем не менее река была довольно прямой и взгляд его мог проникнуть далеко. И все же Эш не обнаружил ничего, хотя бы отдаленно напоминающего тело.

Он снова огляделся и, подавив панику, заставил себя потратить время на осмотр местности, внимательно исследовал листву и промежутки между деревьями в поисках одежды или вытянутой руки или ноги, хоть какого-нибудь признака раненого человека, но так ничего и не нашел.

Озадаченный, он бросился к краю короткого горбатого мостика; страх не исчез, а только усилился. Эш встал, глядя вниз на пустую дорогу, по которой приехал; издали слышалось слабое тарахтение злосчастного трактора.

Теперь дыхание уже успокоилось, но внезапная мысль вдруг так поразила Дэвида, что он вообще перестал дышать. И бросился к машине.

Добежав, упал на колени и скользнул по мокрой траве. Одной рукой ощупывая металлическое дно «форда», он залез глубже, вглядываясь в полутьму.

Убедившись, что под машиной никого нет, Эш издал вздох, напоминающий приглушенный стон. Выбравшись из-под машины, он прислонился к двери, вытянув одну ногу и обхватив другую руками. Подняв лицо к небу, так что капли дождя падали на сомкнутые веки, Эш прошептал:

— Слава Богу!

На дороге никого и не было.

Это был единственный ответ. Фигура ему померещилась.

Хотя и измученный, Эш заставил себя подняться, опираясь на скользкий кузов. Оказавшись на ногах, он прислонился к машине, положил локоть на крышу, а другую руку на капот и, сгорбившись, сознательно сделал несколько глубоких вдохов, давая себе время сбросить напряжение.

Нет, когда машина въехала на старый каменный мостик, он *видел* кого-то. И в уверенности, что сейчас собьет мальчика, отчаянно выкрутил руль.

Мальчик.

Странный маленький мальчик в тесноватой курточке с тремя пуговицами и в штанишках ниже колен. Как это могло померещиться, когда припоминаются такие детали?

И все же поблизости никого не было, совсем никого. Даже шум трактора затих.

Крик, такой резкий за спокойным шумом дождя, заставил Эша обернуться. Он поискал взглядом птицу — звук напоминал карканье,— но никого не увидел. Возможно, ворон скрывался где-то в ветвях.

Эш открыл дверь машины и забрался на заднее сиденье. Он расстегнул кожаную сумку и порылся в ней, пока не нащупал холодный металл, затем вытащил серебристую плоскую фляжку и сел, несмотря на дождь, свесив ноги из машины. Открутив крышку, он поднес фляжку к губам и сделал большой глоток. Это была чистая водка.

По горлу и груди разлился огонь, который затем ослаб, оставив лишь слабое тепло.

Водка немного помогла.

5

Он ехал вниз по склону холма, когда за деревьями замелькали дома деревни. Дорога резко поворачивала чуть ли не в обратном направлении, и Эш, сосредоточившись на маневре, бросил лишь мимолетный взгляд в сторону Слита. Затем дорога снова выпрямилась. На мгновение за группой других домов мелькнула церковная башня, но деревья стали гуще и снова заслонили вид.

Швырнув в окно окурок, Эш заметил, что рука все еще дрожит от давешнего инцидента. С тех пор прошло лишь несколько минут, но здравый смысл уже навязывал логичное объяснение: стоящий посреди дороги мальчик просто померещился. Несчастный случай чуть не произошел потому, что трактор, вероятно, затронул что-то в памяти — возможно, какое-то воспоминание, а может быть, вызвал нечто вроде галлюцинации. Что бы это ни было, он никого не сбивал, резко свернул, чтобы не наехать на нечто несуществующее. Что за черт — он расследовал достаточно много случаев с так называемыми фантомами или видениями, чтобы знать, что большинство из них бывают следствием перевозбужденного воображения или психической травмы. Он прекрасно знал, что человеческое сознание полно всяких хитростей, и только что он сам стал жертвой одной из них. Но все же беспокойство оставалось (иначе откуда эта дрожь?), определенные воспоминания пытались пробиться на поверхность сознания словно в союзе с воз-

никшей в уме кратковременной иллюзией. «Нет, это не так»,— подумал Эш. Его воспоминания были сильнее, они и стали побудительной причиной, а воображение лишь поддалось им. Такие рассуждения не совсем вписывались в простую логику, но они усиливали его прирожденный рационализм и поэтому убеждали. Эш страстно, хотя и без удовольствия цеплялся за них, поскольку все остальное вызывало в уме новые вопросы и новые сомнения.

Дорога выровнялась, он увидел, что подъезжает к еще одному маленькому мостику из грубого камня. Неподалеку, на другом берегу речушки, стояла старая мельница, ее несоразмерно большое колесо позеленело от тины. Поросшие травой берега были круты, а нависающие деревья создавали вдоль узкого русла тенистый туннель. Сбавив скорость, Эш переехал мостик, и через секунду-две покрышки зашуршали по-иному. А затем показалась деревня под названием Слит.

Дождь перестал, и солнце, пробиваясь сквозь облака, золотило мокрую дорогу.

Эш ехал медленно и, оглядываясь по сторонам, рассматривал древние дома. Многие были сложены из красного кирпича и бревен, другие выглядели более причудливо, с белыми плетнями, размалеванными филенками и почерневшими от времени балками; с их соломенных крыш капало после недавнего дождя. Дымовые трубы казались нелепо высокими, особенно на огромном доме слева, который из-за его размеров Эш принял за муниципалитет или административное здание. На трубах, вздымающихся почти на безумную высоту из покрытых ржаво-коричневой черепицей крыш, были сделаны выступающие ряды кладки, а сверху их покрывали терракотовые колпаки в форме звезд. Вход — двойные широкие дубовые двери — был закрыт, и виднелось несколько пришпиленных к дереву объявлений. Большинство домов выходили фасадом прямо на дорогу, только один-два отличались тем, что перед ними были разбиты крохотные садики, окаймленные невысоким штакетником.

На Эша деревня произвела впечатление. А также удивила, поскольку, хотя деревушка и казалась мечтой туриста, народу на главной улице почти не было. Находись это местечко где-нибудь в Котсуолде, в Озерном крае или в определенных районах юго-запада, его бы наводняли шумные экскурсанты, особенно в это время года. Похоже, Слит был хорошо засекречен.

Эш подъехал к лужайке, в центре которой располагался большой пруд, вытянутый в форме капли; его поверхность была темной, спокойной, а у прибрежных камышей нелепо плавала желтая пластиковая утка.

Дорога огибала лужайку, и Эш направил свой «форд» влево, к маленькой стоянке, отвоеванной у травы щебнем и битумом; на ней виднелась аккуратная разметка. Там было несколько свободных мест, но Эш не сразу их заметил.

За крышами виднелись обступающие деревню холмы, и, попав в это неожиданное место, кто-то мог бы вообразить себя в таинственной замкнутой долине. Серые тучи начали рассеиваться, их края разлохматились, разрывы между ними моментально расширились; снова вовсю засияло солнце, согревая воздух и обещая еще один прекрасный летний день. От дороги поднялись тонкие струйки пара.

Эш проехал мимо двух лавок — одна из них была булочной, а другая торговала печатной продукцией; и та и другая располагались в перестроенных домах и, по-видимому, содержались самой общиной. Внутри виднелись посетители, но на улице по-прежнему было пустынно — ни праздно шатающихся, ни спешащих по делам людей. Взглянув на часы, Эш увидел, что всего без пяти одиннадцать. Такие деревни не бывают оживленными в это время дня. По крайней мере, он так считал. Навстречу выехал фургон и подъехал к противоположному краю лужайки. За ним следовал зеленый одноэтажный автобус, который заехал на тротуар перед тремя магазинами. Внутри был лишь один пассажир.

На скамейке под старым вязом сидели две почтенные леди и наблюдали, как Эш объезжает лужайку, направля-

ясь обратно, откуда приехал. Когда он проезжал мимо, одна что-то сказала другой, и после некоторого обсуждения они продолжили свое созерцание, а их головы поворачивались вслед машине. Невдалеке от места, где проводили время старушки, находилось нечто вроде колодок и позорного столба — деревянные орудия казались такими же древними и крепкими, как и вяз рядом, словно тоже выросли из земли. В голову Эша закралась мысль, уж не используют ли здесь эти орудия наказания и позора до сих пор. «Возможно, местные жители сохранили их для чрезмерно любопытных чужаков»,— подумал он, подавив улыбку.

В Слите было что посмотреть, если бы он проехал дальше на север, но Эш уже заметил то, что искал, и потом у него еще будет масса времени для осмотра местности. Он проехал мимо еще нескольких причудливых жилых домов и трех заведений — скобяной и мясной лавок, почты,— где перед этим останавливался автобус, и подъехал к гостинице «Черный кабан».

С вывески, укрепленной на скобах над главным входом, сверкало горящими глазами, скалило клыки и топорщило щетину поблекшее изображение того, кому гостиница была обязана своим названием. У входа стояли скамейки — предположительно, для посетителей, склонных, выпивая, обозревать фланирующую мимо публику; скамейки были не заняты — впрочем, в данный час не так уж много публики прогуливалось мимо.

Прежде чем выйти из машины, Эш потратил какое-то время на осмотр здания: фасад из красного кирпича и бревен, некоторые части выложены елочкой, заполнявшей тесно поставленные стойки; к оправленным в металл окнам тянулись лозы с гроздьями фиолетово-синих цветов душистого горошка, увивая стены вокруг, но оставляя большие участки досок и бревен на обозрение восхищенным прохожим. И снова Эш удивился, как это туристические агентства упустили такое местечко. Он не терял надежды, что и внутренняя отделка его не разочарует.

Эш ступил на тротуар и запер машину. Знак наверху скрипел, болтаясь на вольном ветерке. Теперь Дэвид более обстоятельно осмотрел картину. Зверь был изображен во всей своей природной свирепости, но время и непогода приглушили эффект.

Эш вошел в гостиницу; приятно после яркого, вновь выглянувшего солнца оказаться в тени. Внутри было прохладно и царил полумрак, лучи только-только начали проникать сквозь окна на изношенный ковер с красным узором. В холле было два бара, один пошикарнее, вроде кафе, а другой — обычный паб, но оба по-своему привлекали; последний был затенен деревянными филенками, но казался приветливым, а первый сверкал кремовыми стенами с толстыми резными балками, его окна заливало солнце. Кресла в кафе имели высокие спинки, чтобы защитить посетителей от холодного сквозняка, а в дальнем конце было местечко у камина с обтянутыми кожей скамеечками по сторонам и полками позади, где, наверное, в другую эпоху держали разогретую пищу. Огонь, естественно, не горел, но решетка была завалена дровами. Стойка из полированного дуба с медными кранами на ней тянулась через оба бара, которые разделялись низкой деревянной перегородкой. И оба не были переполнены в это время дня: пожилая пара, примостясь у окошка, потягивала кофе, а средних лет мужчина в спортивном клетчатом пиджаке и оливково-зеленых вельветовых бриджах читал газету, развернув ее и положив на маленький круглый столик. В углу сидели еще двое мужчин, поглощенные беседой, пока не заметили в дверях Эша. Один в очках, с виду лет шестидесяти, а другой мог быть чуть помладше, его темные волосы поседели лишь на висках. Это был крепкий мужчина в черном костюме и рубашке с открытым воротом, и Эшу стало неловко под взглядом его светлых глаз. В пабе два джентльмена зрелого возраста и соответственно одетые играли в домино, их красные лица говорили о работе на свежем воздухе, а у Г-образной стой-

ки потягивал пиво парень в хлопчатой рубашке и джинсах. Заднюю стену украшала мишень для игры в дартс, на двери рядом висела табличка с надписью «ДЖЕНТЛЬМЕНЫ». Эш помедлил секунду-две, обозревая все это, и вошел в кафе.

За стойкой девушка с короткими светлыми волосами, чья стрижка казалась бы слишком строгой, если бы личико девушки не было столь обаятельным, оторвалась от протирания стаканов и подошла к нему.

— Доброе утро,— сказала она с улыбкой, которая, однако, совсем не коснулась ее глаз. Эш заметил темные круги вокруг них и подумал, что нынче девушка не очень хорошо спала.

Он кивнул и, быстро ознакомившись с сортами пива на медных кранах, указал на то, которое принял за местное.

— Половинку,— сказал он.

Девушка подставила стеклянную кружку и повернула кран.

— Хороший денек сегодня,— сказала она, пока цедилось пиво.

Эш подчинился ритуалу:

— Наверное, будет жарко.

Он снова оглядел помещение и увидел, что мужчина за круглым столиком отвлекся от своей газеты и смотрит на него поверх очков. Когда их взгляды встретились, мужчина встряхнул газету и заслонился ею. Двое других не выказали никакого смущения и продолжали рассматривать его.

Улыбнувшись про себя, Эш повернулся к стойке.

— С вас...— начала девушка, выставляя полпинты на подставку перед ним.

— И водки,— перебил он.— Чистой. Без льда.

Она посмотрела на него с легким удивлением, прежде чем повернуться к полкам с бутылками, и, уже стоя спиной к нему, уточнила:

— Без тоника?

— Спасибо, без.

Он взял пиво и сделал большой глоток. Оно было холодное, пряное, очень вкусное. Потянувшись за бумажником, Эш спросил:

— У вас есть свободные комнаты?

Девушка вернулась с водкой.

— Вы имеете в виду на ночь? — Она рассмеялась, осознав бессмысленность своего вопроса.— Да, есть, но вам нужно поговорить с мистером Джинти, хозяином. Я позову его, если хотите.

Эш протянул пятифунтовую бумажку за выпивку:

— Да, если можно.

Девушка дала сдачу, сказала, что сейчас вернется, и исчезла за дверью в дальнем конце бара.

Эш исподволь потягивал водку. Об Институте сложится не слишком хорошее мнение, если его сотрудник при первой же встрече с клиентами окажется навеселе. И все же инцидент с «мальчиком, которого не было» требовал по крайней мере пару доз чего-нибудь покрепче, а он принял лишь одну. Пиво не в счет.

Он по-прежнему ощущал на себе чей-то взгляд и, посмотрев налево, увидел, что парень в хлопчатой рубашке рассматривает его. Эш мысленно помотал головой, чувствуя себя пресловутым «чужаком в городе». Интересно, все приезжие привлекают к себе такое внимание или здесь уже прослышали о приезде исследователя — *охотника за привидениями*? Но человек, обратившийся в Институт экстрасенсорики, настаивал, чтобы дело оставалось в тайне, так что маловероятно, что сам же клиент все и разболтал. Впрочем, странные вещи творятся в Слите, и местные жители вполне могут относиться с подозрением к кому-то или чему-то новому. Особенно если этот «кто-то» интересуется комнатой для ночлега.

— Мистер Джинти спустится через минуту.

Вернувшаяся барменша улыбнулась ему через стойку. Эш заметил, что у нее красивые ровные зубы, а длинная голубая юбка и розовато-лиловая блузка с рукавами до лок-

тя, заправленная под ремень, подчеркивают стройную фигурку. На девушке было мало косметики, а голосок с легкой местной картавостью и несколько протяжными гласными звучал приятно. Впрочем, приятными выглядели все ее манеры. Она больше походила на стажирующуюся учительницу, чем на официантку, но, может быть, таков был стандарт в этой части страны.

— Вы в отпуске? — спросила девушка, взяв салфетку и снова принимаясь за протирку стаканов.

Прежде чем Эш успел ответить, в гостиницу вошла группа мужчин, и их громкие голоса привлекли внимание посетителей в обоих барах. Они прошли в паб и устроились рядом с парнем, который пил в одиночестве. Один хлопнул его по плечу и поворошил его вьющиеся волосы.

— Рановато пьешь, а, Дэнно?

Тот бросил на него хмурый взгляд:

— Некоторые уже полдня отпахали.

— Вы только послушайте,— сказал другой, оглядывая товарищей. Те рассмеялись, а он тесно прижался к плечу парня и, издевательски понизив голос, проговорил: — Иногда лучшая работа делается ночью, парень,— и присоединился к хохоту своих друзей.

Все трое были небрежно одеты, один в клеенчатой куртке, еще блестевшей от дождя, двое других — в видавших виды пиджаках. Когда они входили, Эш заметил, что их ботинки в грязи, и предположил, что это сельские рабочие или землекопы. На самом маленьком была бордовая бейсбольная кепка с узором, как у вождя краснокожих; сам он был небрит, и волосы длинными прядями свисали из-под головного убора.

— Эй, Рути! — позвал он барменшу.— Здесь люди умирают от жажды.

Она двинулась к ним, и ее улыбка стала еще менее искренней, чем раньше.

— Ничего не хочу знать о ваших делах,— заявила девушка, наклоняясь к пинтовым стеклянным кружкам на полке под стойкой.

— А мы не хотим говорить,— с подозрительной усмешкой сказал тот, что сидел рядом с молодым парнем, которого называл Дэнно.

Эш еще отхлебнул водки и охладил ее огонь двумя глотками пива. Из двери позади стойки появился пузан в галстуке, но с закатанными по локоть рукавами рубашки. У него было широкое, не особенно приветливое лицо, красные щеки и нос испещряли глубокие поры, подобные булавочным уколам; редкие волосы были зализаны назад, скрывая лысину, и Эш догадался, что он пользуется бриолином, а не гелем. Хозяин бросил на троих вновь пришедших хмурый взгляд, и они тут же поубавили тон, хотя продолжали свои шутки и смех.

Хозяин остановился рядом с Эшем.

— Вы ищете комнату?

Его манеры не казались навязчивыми или грубовато-добродушными: в данный момент они были оценивающими.

— У вас найдется свободная? — вопросом ответил Эш.

— О, и не одна. Сколько ночей вы хотите пробыть здесь, сэр?

Когда он склонился к Эшу через стойку, из соседнего помещения донесся хохот. Хозяин с раздражением на лице обернулся на шум, и хохот мгновенно стих.

— Лоботрясы,— доверительно сообщил Эшу мистер Джинти.

— Лоботрясы? — удивленно поднял брови исследователь.

Хозяин еще больше понизил голос:

— Часть своего времени они тратят на браконьерство. В остальное время собирают подачки и воруют. Их дневная работа выполнена. Не сомневаюсь, этой ночью они шалили,— он произносил слова на местный манер, глотая окончания,— или рано утром прятали добычу в тайниках и садовых сараях.— Хозяин невесело улыбнулся.— Похоже, это постоянная работа для таких парней, готовых получить заряд дроби в задницу. Так сколько ночей, сэр?

— Точно не знаю.

Эш с возросшим интересом рассматривал пришедшую компанию. Тип в кепке поманил пальцем барменшу, но она не смотрела на них и отстраненно поставила последнюю пинту на стойку. Казалось, что молодому парню неловко, ему как будто совсем не нравились их шутки. Эш снова повернулся к хозяину.

— Может быть, пару ночей,— сказал он,— а может быть, целую неделю. Возможно, завтра я сообщу вам наверняка.

— Что ж, хорошо.— Хозяин выпрямился.— Я проветрю комнату для вас, пока вы допьете. Рут,— позвал он девушку, которая вдоль стойки подошла к ним,— попроси миссис Джинти приготовить главную гостевую комнату, ладно, милая?

Она обворожительно улыбнулась Эшу и ушла искать хозяйскую жену.

— Знаете, если вы приехали на машине,— продолжил хозяин,— а я полагаю, у вас она есть, вы можете поставить ее прямо через дорогу, у лужайки. Боюсь, там еле хватает места для моей собственной машины, зато ваша будет в полной сохранности. Кстати, меня зовут Том Джинти, или Томас, как написано над входом, владелец «Черного кабана», как и мой отец до меня, а до него — его отец.

Он протянул широкую ладонь, и Эш потянулся пожать ее. Пожатие хозяина было твердым, но небрежным и быстрым.

— Вы можете принести вещи, когда будете готовы, а я подниму их в вашу комнату. У нас в баре можно перекусить, а если хотите поесть основательно, там есть небольшой ресторанчик,— мистер Джинти указал на дверь у лестницы, которую Эш раньше не заметил,— он открыт не только для проживающих.

— Прекрасно. Вы не выпьете со мной?

— Для меня немного рановато, сэр,— ответил хозяин без тени неодобрения.— И все же спасибо. Вы ведь турист, не так ли?

— М-м-м, нет. У вас бывает много туристов?

— А! — Махнув рукой, Джинти взял из-под стойки салфетку и вытер лужицу.— Мы несколько в стороне от проторенных дорог, чтобы к нам многие заезжали. И нам это нравится.

В первый раз Эш слышал, чтобы владелец гостиницы радовался недостатку посетителей, и Джинти, вероятно, понял это по выражению его лица. Он бросил вытирать стойку и издал короткий смешок:

— Для занятости нам хватает и местных, без набегов любопытствующих каждую весну и лето. Некоторые ассоциации бродяг такого рода навещают нас, конечно, но они понимают, что в их же интересах не болтать по всему миру и его окрестностям о нашей деревушке. Я держу одну-две комнаты на всякий случай, но, слава Богу, клиентов бывает не много.

Эш мысленно покачал головой от удивления, но решил, что ему по душе такое отношение. Местечки вроде Слита, где коммерческой погоне за случаем и удачей предпочитали покой, встречались редко в этом постоянно сжимающемся пространстве, так дай же Бог им удачи!

— Так, значит, вы здесь по делу?

Эш заподозрил, что вопрос не так прост, как хозяин хотел бы его представить. Да, Джинти уж слишком внимательно рассматривал пятнышко на стойке (явно многолетней давности).

— В общем-то, я приехал встретиться с преподобным Локвудом.

Джинти быстро вздернул голову, но смотрел он за правое плечо Эша — возможно, переглянулся с кем-то в баре.

— Я пришлю жену осмотреть вашу комнату, сэр,— сказал хозяин, и его голос звучал уже не так дружелюбно.

«Возможно, он не любит местного викария,— подумал Эш, потягивая пиво.— А может быть, недолюбливает разговоры о привидениях, снующих вокруг деревни,— это может привлечь много любопытствующих».

— Вы не подскажете, как мне найти викария? — быстро спросил он хозяина, когда тот уже собирался уйти.

Джинти задержался в дверях бара.

— Прямо по главной улице, пока не дойдете до развилки,— сухо проговорил он.— Идите направо, вверх до церкви Святого Джайлса. Дом викария чуть дальше. Большое каменное здание, вы сразу заметите.

— Это далеко?

— Минута или около того, если на машине. Минут десять, если пешком. К вашему возвращению комната будет готова.

В его последних словах Эш уловил сожаление.

— Спасибо,— сказал он, но Джинти уже вышел.

Эш допил остатки водки, а потом пива. Выходя из бара, он заметил, что все посетители, не скрываясь, разглядывают его. И даже трое «лоботрясов» в пабе замолчали.

6

Он вышел на яркое солнце и осмотрелся по сторонам, впитывая в себя атмосферу деревни, вдыхая ее воздух, прислушиваясь к собственным чувствам. Он научился этому в недавние годы, после долгих — по сути дела, продолжавшихся почти целую жизнь — попыток отрицать то, что его восприятие не такое, как у других, что часто он способен ощутить нечто, другим недоступное. Эта способность существовала всегда, но только три года назад ему пришлось признать ее реальность. До того случая скептицизм не давал ему понять самого себя. Нет, зачем он так упорно себя обманывал? Барьером был страх. Это из-за страха он отказывался признать свои необычные способности. Пока не произошло нечто — нечто столь личное, столь незабываемое, что смело все его отрицания, все баррикады, и истина оказалась такой же ошеломляющей, как и путающей.

Эш вздрогнул под солнечными лучами и отогнал воспоминания.

Слит был совершенно обычной деревней, разве что немного живописнее остальных и определенно спокойнее

многих. И все же Эш ощущал под этим спокойствием какое-то напряжение, тревогу.

По дороге к машине он ругал себя. Ведь ему просто померещилось, что он сбил кого-то по пути сюда, а он все еще не оправился от потрясения! Вдобавок подействовала внезапная враждебность владельца гостиницы, несомненно вызванная просто нелюбовью к чужакам, сующим нос не в свое дело. А тяжесть на душе вполне может отрицательно сказаться на восприятии всего остального, что происходит в деревне.

Он перегнал машину через дорогу на стоянку рядом с лужайкой, решив пройтись до дома викария пешком. Несколько маленьких глотков из фляжки плюс водка и пиво, принятые в «Черном кабане», похоже, превысили допустимую для вождения дозу, и хотя вряд ли в деревне был собственный полицейский патруль, Эш не хотел снова рисковать правами — неудобство было бы слишком велико. Кроме того, пешая прогулка не повредит, прояснит голову, позволит глубже погрузиться в атмосферу местечка. И день снова станет подходящим для работы.

На юге небосклона Эш заметил еле заметную игру радуги. Спектр таял перед глазами, исчезая, как иллюзия, рассеиваемая трезвым взглядом, как ложное интуитивное чувство, изгоняемое логикой.

Эш запер машину и направился к слитской церкви и к дому викария.

Он наискось пересек дорогу, прошел мимо гостиницы и сбившихся вместе лавок и жилых домов. Стиль последних изменялся от оштукатуренных, с дубовыми балками зданий до кирпичных под черепичной крышей. Две престарелые леди по-прежнему сидели на скамейке у колодок и позорного столба и снова с откровенным любопытством посмотрели на него. Эш учтиво кивнул им, мысленно послав к черту, и изобразил самую приветливую улыбку, но не получил ответа. Старушки продолжали смотреть, поворачивая голову вслед за ним, пока он не удалился. Но и потом, идя по главной улице, Эш чувствовал спиной их взгляды.

Он все еще улыбался — вышивка в сочетании с деревенским покоем окончательно успокоила нервы — и размышлял о безусловно приятной во многих отношениях командировке. Слишком часто его заточали в мрачных домах, заставляя всю ночь и ранние утренние часы ждать чего-то необычного, порой неестественно замерев, в одиночестве, выкуривая сигарету за сигаретой и чересчур много размышляя о прошлом.

Он ускорил шаги, не позволяя знакомому ознобу завладеть мыслями — холод возрождал воспоминания и вызывал кошмары. Перерыв после эдбрукского дела поставил его на грань безумия — Эш знал: кое-кто считал, что он перешел эту грань,— и медленным выздоровлением он был обязан тупому приятию, а не отрицанию того, что случилось в прогнившем особняке. Тогда его циничное отношение к сверхъестественному подверглось серьезному испытанию, хотя сам он коренным образом не изменил своих воззрений и по-прежнему верил, что в этом бизнесе (а аномальные явления в самом деле стали бизнесом) замешаны мошенники, выдумщики и аферисты — шарлатаны и жулики, выманивающие деньги у верующих, знахари, морочащие голову себе и своим последователям, плуты, которые конструировали и даже изобретали аномальные эффекты для преступных или самовозвеличивающих целей. Что же ждет его в Слите? Даже то, что его вызвал священнослужитель, преподобный Эдмунд Локвуд, не означало, что привидения были истинными, поскольку Эш уже встречался с невротиками или просто введенными в заблуждение людьми в сутане — религия не спасала их от заблуждений или безумия. И именно поэтому церковь, как правило, предпочитала сама разбираться с подобными явлениями, а не обращаться к людям со стороны, рискуя подвергнуться публичному осмеянию. Эш не понял, почему к ним через своего представителя обратился местный викарий, а не его начальство. Знал ли вообще епископ об инициативе своего священника? А если бы знал, согласился бы на расследование? Или епископ не хотел оказаться лично замешанным? Это

лишь некоторые вопросы, на которые должен ответить преподобный Локвуд.

Не все дома, мимо которых шел Эш, были так же причудливы и выразительны, как около лужайки в центре; тем не менее их шиферные крыши и грубые красные кирпичные фасады по-прежнему сохраняли определенное деревенское обаяние. Эш заметил один домик, где огромный выступ для дымохода просто подавлял собой входную дверь рядом, а соседний домишко был такой крохотный, что, казалось, в нем вряд ли способен кто-то жить.

Эш дошел до развилки, где дорога расходилась в две стороны, и, увидев поодаль на пологом холме церковную башню, пошел направо.

Что-то задержало его у трех стоящих рядком аккуратных коттеджей с ярко раскрашенными желтыми дверями и крохотными, но ухоженными палисадничками. Его внимание привлек средний; Эшу показалось, что сейчас из дверей кто-то выйдет. Он подождал, но ничего не случилось. И все же оставалось ощущение, что за ним кто-то наблюдает.

Эш посмотрел на маленькое окошко над входной дверью, ожидая увидеть в нем лицо.

Там никого не было. Но, может быть, наблюдатель отпрянул внутрь за мгновение до того, как Эш повернул голову?

И снова он ощутил холод, знакомый озноб, так противоречащий теплому дню.

До него донеслись голоса, детское пение, и Эш отвернулся от коттеджа, привлеченный этими звуками. Дальше по дороге стояло здание, которое могло быть только школой, поскольку перед ним был двор с оградой по плечо. Оттуда долетали приглушенные голоса певших в унисон детей — неумело, но чисто они выводили то ли гимн, то ли детскую песенку. Эш не смог разобрать. Отвлекшись, он двинулся дальше по дороге, так как тротуара здесь не было, и заметил, что даже птицы прекратили свое пение, как будто слушая детей.

Эш поравнялся с одноэтажным зданием, сложенным из серого камня, его высокие окна приветливо светились под самой крышей, крытой красной черепицей. Над входом во двор, как и у входа в церковь, была арка с зеленой росписью, облупившейся и еле видной. Вывеска, тоже вся облезлая и выцветшая, гласила: «Слитская начальная школа для мальчиков и девочек». Эш прислушался к голосам — здесь песня звучала резковато, и в ней было что-то навязчивое и чарующее:

— Танцуйте все,— сказал он.—
Я танцев всех владыка.
Я поведу вас в танце
От мала до велика!

Идти стало труднее, дорога пошла в гору, и вскоре Эш выругал себя за глупость, принудившую его пойти пешком, но утешился мыслью, что к тому времени, когда он встретится с викарием, по крайней мере, пройдет действие выпитого. Пение позади быстро затихло. Над верхушками деревьев маячила церковная башня — четырехугольное сооружение из кремниевых валунов. На каждом углу его были контрфорсы, а единственное стрельчатое окно смотрело вниз из-под самой крыши, как черный зрачок. Носовым платком Эш утер со лба пот. Длинный ряд елей за низкой каменной оградой скрывал большую часть церковного двора, но через просветы Эш заметил там несколько надгробий и могил. Среди памятников двигалось что-то белое, но, когда он остановился присмотреться, фигура исчезла. Эш двинулся дальше, на мгновение ободренный пением дрозда; к дрозду присоединился другой, его зов властно заполнил тишину дня. Отражаясь в мелких лужицах, на дороге сверкало солнце.

Подойдя к церковным воротам, Эш вдруг решил заглянуть в церковь — викарий мог оказаться там. Тень под навесом ворот принесла мгновенное облегчение от дневной жары, и Эш на пару минут задержался здесь, прежде чем зайти в саму церковь Святого Джайлса. За годы работы ему довелось ознакомиться с историей нескольких таких

церквей, и теперь Эш догадался, что эта, со своими высокими контрфорсами, выложенными камнем стенами и широкими дубовыми дверями на выступающей вперед паперти, относилась к тринадцатому или четырнадцатому веку. Окна из цветного стекла были непроницаемы снаружи, и сама их непрозрачность придавала строению вид склепа, словно церковь была закрыта от внешнего мира. «Внушительно, но вряд ли приветливо, впрочем как и сама деревня»,— подумал Эш о здании.

Он толкнул тугие ворота и вскоре снова вспотел, когда на непокрытую голову обрушилось солнце. Ступая по мощенной щебнем дорожке через кладбище, Эш снял пиджак и ослабил галстук. Некоторые памятники и надгробия были напыщенно разукрашены, на одном-двух, как часовые, возвышались мрачные ангелы, но большинство оставались чисто функциональными, без фантазии. Большая часть церковного двора была пуста, и сквозь высокую траву проглядывали только замшелые поребрики, а в дальнем конце трава разрослась с бесстыдным буйством. Старые дубы и ели росли так близко к некоторым могилам, что их корни, несомненно, пронзили гробы под землей.

Одна створка внушительных дубовых дверей была приоткрыта, и Эш вошел. Тотчас холодная темнота, как поджидающий хищник, скользнула под одежду, предъявляя права на его тело, так что Эш не удержался и вздрогнул. В это мгновение холод показался живым паразитом, темным призраком, стремящимся украсть его тепло и заморозить чувства. Это было нелепо, и образ так же быстро исчез, как и появился, но все же Эш на мгновение задержался, озадаченный собственными ощущениями. Что-то здесь было не так. Не только в церкви, но и вообще в Слите. Здесь было что-то — что-то *скрытое*,— что вызывало странное беспокойство. Что-то незаметное, неощутимое, поскольку деревенское очарование местечка было несомненным. И все же это очарование казалось поверхностным. Эш чувствовал это так же отчетливо, как солнце на лице после тени ворот, как пение детей в школе, как трели

птиц. Это ощущение было для него так же реально, как каменные стены вокруг.

Он посмотрел на объявления, прикрепленные к доске с внутренней стороны двери, словно ища подтверждения, что, несмотря на его тяжелое чувство, здесь все нормально. Объявления сообщали о приближающемся благотворительном базаре, о распродаже, о собрании Женского общества, о постановке пьесы «Король и я» в соседнем приходе, о близящемся собрании приходского совета; висело расписание церковных служб — все как обычно. А где же объявление о следующем шабаше и сатанинской мессе? Или, возможно, более приземленно — объявление о вечере танцев для слитских педофилов, о ежемесячном сборище местного отделения ку-клукс-клана или о празднике Общества развратников? Нет, здесь не было ничего неуместного, ничего необычного, подозрительного. Так откуда же сомнения, предчувствия? Здесь в самом деле что-то не так, в этой мирной деревушке, или его просто взволновал происшедший инцидент? Ответ ускользал.

Почти рассердившись, Эш схватился за ручку внутренней двери и нажал на нее. Она повернулась, но дверь не открывалась. Он попробовал снова, но понял, что дверь заперта.

Исследователь не удивился. В нынешние дни даже святые места не ограждены от вандалов и воров. Он постучал кулаком по дереву на случай, если внутри кто-то есть, но, не услышав никакого отклика, вышел на паперть. Заслонив глаза от яркого света, Эш закрыл за собой дверь, но успел заметить, как что-то быстро мелькнуло среди могил.

Прежние чувства вновь нахлынули на него, и он прислонился к двери, ища опоры.

Это был внезапный легкий шок, не более чем ментальный трепет, психическая вспышка, заставившая его задрожать. Эш заморгал на солнце, но фигура снова исчезла, оставив гадать, не померещилось ли ему.

Он потер обеими руками лоб, надавливая, чтобы прогнать боль. Но ее вызвало лишь его собственное волнение,

и он постарался успокоиться. Эш опустил руки и внимательно посмотрел на дорожку.

Раньше там кто-то *был*, он не сомневался в этом. И этот кто-то видел его. Зачем же он скрылся?

Эш вернулся назад по своим следам и там, где маленькая тропинка вела через могилы к заднему фасаду церкви, свернул в сторону. С просмоленной крыши глазели дождевые горгульи, их ухмылки словно дразнили. Приближаясь к углу, Эш вдруг насторожился, сам не понимая почему, и замедлил шаги.

Он чуть не остановился, так как почувствовал, что за углом, невидимый, кто-то притаился.

Досадуя на себя, Эш снова ускорил шаги, теперь уже торопясь, стремясь столкнуться с тем, кто был вместе с ним в церковном дворе. Он знал, что ведет себя неразумно, что этот человек имеет право быть здесь — но зачем же он пытается спрятаться, почему убегает?

Эш дошел до угла. Свернул. И остолбенел.

7

На ней была белая рубашка без пуговиц поверх футболки и голубая юбка, а ее глаза, чуть более светлого оттенка, чем юбка, выражали такой жалкий страх, что Эш протянул к ней руку, успокаивая.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, не двигаясь и ничего не говоря.

Эш был ошеломлен. И изумлен. Его мысли как будто сковала, парализовала страхом вторгшаяся извне энергия. Он отпрянул, сопротивляясь, напрягая волю против необъяснимого давления, и через мгновение его сознание снова освободилось, мысли опять стали подчиняться ему.

— Извините,— услышал Эш свой голос.

— Что?

Она замотала головой, не понимая.

— Я, должно быть, напугал вас.

«Или вы меня»,— добавил он мысленно.

Женщина выпрямилась и подняла подбородок, словно придя в себя. Она была стройна, хорошо сложена, ее светло-каштановые волосы, завязанные сзади в хвост, лежали на плече. В руке она держала букетик цветов.

— Нет.

Впрочем, в ее отрицании слышалась резкость, а глаза выдавали замешательство.

То же замешательство ощущал и Эш. Преодолев неловкость, он выговорил:

— Я ищу викария. Преподобного Локвуда.

— А-а.— Казалось, она немного успокоилась, хотя в глазах по-прежнему оставалась неуверенность.— В этот час вы его здесь не найдете.

Женщина смотрела куда-то мимо, и Эш понял, что загнал ее в угол, поскольку церковная стена изогнулась буквой «Г», примыкая к самой церкви. Прямо за спиной у женщины была узенькая дверца, возможно ведущая в ризницу. Он тихонько отодвинулся, открывая ей, скорее психологически, чем реально, путь к бегству, и не удивился, когда женщина сделала несколько шагов, чтобы оказаться на открытом пространстве. Это выглядело чем-то вроде необычного ритуала, и Эш гадал, заметила ли женщина, что они вроде как исполнили некий танец. Ее подавленная улыбка сказала, что да.

— Преподобный Локвуд совершает обход, навещает некоторых старых прихожан,— объяснила она.— Впрочем, вот-вот обед, так что он скоро вернется.

— А-а.

Эш обнаружил, что больше не знает, что сказать; его по-прежнему не отпускало переживание неленого ощущения, возникшего несколько мгновений назад.

Возможно почувствовав его замешательство, женщина заговорила снова:

— Преподобный Локвуд знает о вас? — Эша удивила ее широкая улыбка и то, что женщина, очевидно, успоко-

илась.— Ну конечно! Вы ведь Дэвид Эш, не так ли? Вы из Института экстрасенсорики.

— Да. А как?..

Он дал вопросу повиснуть в воздухе.

— Это я от имени отца связывалась с Кейт Маккэррик из Института. Я Грейс Локвуд, дочь преподобного Локвуда.

Переложив цветы в левую руку, она приблизилась к нему, протягивая правую. Он пожал ее и ощутил легкий укол узнавания.

Но первой спросила она:

— Мы уже встречались?

Почему-то он понял, что нет, несмотря на отчетливое ощущение, что они раньше соприкасались. Тем не менее Эш потратил время, чтобы порыться в памяти. Он дал собеседнице лет тридцать или поменьше — милая женщина с мягким, как и ее черты, голосом. Ее кожу покрывал легкий загар, подчеркивая голубизну глаз, и на лице не было косметики. Эш осознал, что перед ним хотя и не столь пленительная, но одна из тех женщин, чье обаяние чарует со временем все больше и больше, и чем дольше он рассматривал ее лицо, тем прекраснее оно казалось. Он подумал, что если бы встречал ее раньше, то не забыл бы уже никогда.

Прокашлявшись, Эш сказал:

— М-м-м, нет, не думаю.

Она неуверенно покачала головой. Потом пожала плечами:

— Конечно, вы правы. Просто показались знакомым, вот и все.

Так ли? Или ее сбило с толку то же чувство, которое возникло и у него, когда они столкнулись? Но теперь и оно отступило, потускнев; первая реакция уже утратила свое значение, и Эш знал, что скоро будет гадать, не было ли все это вызвано его разыгравшимся воображением. По всей вероятности, дочь священника просто напугало его внезапное появление из-за угла церкви, и между ними не было никакого психического контакта. «Держись, Эш,— сказал

он себе,— и не представляй остальных такими же сумасшедшими, как ты сам».

Он снова ощутил неловкость и быстро проговорил:

— Вы сказали, ваш отец скоро будет дома?

— Да, к обеду. Я тоже иду домой, так что можем пойти вместе, если хотите.

— Прекрасно. Это далеко? — спросил Эш, просто чтобы поддержать разговор.

— Не очень. Подождите, я только положу эти цветы, и мы пойдем.

Он смотрел, как она пробирается между могил, ее движения соответствовали ее имени*, белая рубашка и голубая юбка ярко выделялись на фоне серых полуразрушенных надгробий. Немного отойдя, Грейс остановилась и, наклонившись, положила букет, потом выпрямилась, но осталась стоять, склонив голову, словно молилась.

Возвращаясь назад, она спугнула сидевшую на могильной плите бабочку, и та запорхала вокруг, белая и нежная в солнечных лучах. Эш увидел, что женщина улыбается, а ее губы словно что-то говорят. Бабочка сделала два круга вокруг нее, а потом удетела прочь и исчезла в высокой траве на краю кладбища.

Грейс Локвуд улыбалась Эшу и рассматривала его с таким интересом, что он едва не смутился.

— Я никогда не встречала охотников за привидениями,— сказала она, приблизившись.— Я их представляла совсем не такими.

— Вы думали, я буду в кепке или, может быть, в черной шляпе.

— По крайней мере, с бородой. Да, и с Библией под мышкой.

— Извините, что разочаровал вас.

— Не разочаровали.— Она кивнула в сторону деревни.— У вас уже было время посмотреть наши места?

---

* Грейс (Grace) по-английски значит «грация».— *Прим. перев.*

— Я видел кое-что по дороге сюда. Необычно. Удивительно, что у вас тут нет туристов.

— Иногда они нас находят, хотя мы сознательно стараемся не попадать в туристские путеводители.

— Могу понять почему. Слит, несомненно, привлек бы многих, особенно американцев и японцев. Они бы влюбились в этот истинный кусочек старой Англии.

— Мы ценим свой покой.— Она посмотрела ему через плечо, словно обеспокоившись.— Мы чуть ли не прячемся, и здешние жители тоже стараются хранить секрет.

— Секрет?

— То, как здесь прелестно. У нас тесная община, мистер Эш, и, как правило, гостеприимство не распространяется на чужих.

Он робко улыбнулся:

— Могу это подтвердить. Даже хозяин «Черного кабана» будто бы не обрадовался, что я сниму у него комнату.

— Вы остановились там?

Эш кивнул.

— Том Джинти — хороший человек. Сначала кажется немного грубоватым, но вполне дружелюбен, когда познакомишься поближе.

Эш воздержался от замечания, что при упоминании имени преподобного Локвуда дружелюбие Джинти осталось лишь внешним, и сменил тему:

— Эти цветы — родственнику или другу?

Вопрос застал ее врасплох.

— О, это моей матери. Она умерла в прошлом году. Так пойдемте?

Она направилась к воротам, и Эш на шаг отстал.

— Мне очень жаль,— сказал он, ненавидя эти общие слова.

— Жаль, что спросили или что моя мать умерла? — Очевидно, она тоже не любила общих слов. Грейс обернулась к нему, и ее улыбка смягчила упрек.— Меня тогда не было дома — я два года работала в Париже, в Музее Клюни, и

вернулась через час после ее смерти. Отец не понимал, насколько она больна, а то вызвал бы меня раньше.

Эш воздержался от выражения соболезнований.

— И что вы делали в музее?

— Вы знаете Музей Клюни?

Он покачал головой.

— Раньше это был средневековый монастырь, а теперь там хранится одна из величайших в мире коллекций средневековых произведений искусства. Шпоры, пояса целомудрия, скульптуры, фигурки из слоновой кости, бронза, ювелирные изделия — самые разнообразные и очаровательные предметы старины. К сожалению, многие из них нигде не описаны и не вошли в каталог, и моей работой было выяснить их историю, включить в определенный исторический контекст. В зимние месяцы там почти не бывает посетителей, и легко работать среди сокровищ, когда тебя никто не беспокоит.

— Вы специалист по таким вещам?

— Когда училась, я особенно интересовалась средневековьем. Это было интересное время.

— Верю вам на слово. Но почему во Франции? Думаю, наше собственное средневековье вполне заняло бы вас здесь.

— В нашей стране слишком много историков и слишком мало рабочих мест, мистер Эш.

— Просто Дэвид, мисс Локвуд.

— Тогда просто Грейс. В Париже я несколько лет посещала музеи и картинные галереи — мои родители всегда поощряли меня к путешествиям,— но когда я открыла в Музее Клюни серию гобеленов — один из них знаменитый «Дама с единорогами»,— они заворожили меня. Они так завлекают, так приковывают к себе...— Она прервалась.— Вы знаете их?

Непринужденно засмеявшись, Эш признал, что никогда даже не слышал.

— Впрочем, верю вам на слово, что это нечто особенное,— добавил он.

Они подошли к воротам, и Эш открыл их перед Грейс.

— О, они не просто особенные,— ответила девушка, заходя в тень навеса.— Но во время моих посещений музея я поняла, насколько он отстал в своих систематизации и документировании, и предложила свои услуги. Это было немного нескромно, но я неплохо говорила по-французски и имела соответствующую квалификацию. И согласилась на низкое жалованье, так что, наведя некоторые справки, музей предложил мне годовой контракт.

— Вы, наверное, обрадовались.

— Не то слово — я была в восторге. Первый год прошел хорошо, и мой французский быстро улучшался. Было столько работы, и, конечно, все время обнаруживались новые редкости. Многие экспонаты присылали прямо к нам, за обладание другими музею приходилось торговаться. Мне продлили контракт еще на два года, но, как я уже сказала, в прошлом году моя мать заболела, и мне пришлось вернуться.

— Но вы, конечно, могли бы снова уехать в Париж.

Ее лицо было в тени, но Эш заметил перемену в ее голосе.

— Я нужна отцу здесь.

Она вышла на свет за воротами, и под теплыми солнечными лучами ее печаль будто усилилась.

— Вы голодны, мистер Эш... Дэвид?

— Немного.

«И не отказался бы от еще одной рюмки»,— подумал он.

— Что ж, до дома недалеко.— Грейс указала в противоположную от деревни сторону и направилась туда.— Вы не разделите с нами ленч? — спросила она, когда Эш догнал ее.

— Спасибо. Я думал, викарий живет ближе к церкви Святого Джайлса.

— Ближе, чем прежде. Мои предки были изначальными владельцами здешнего поместья, а также духовными поводырями общины. По сути дела, семейство Локвудов

на протяжении многих поколений являлось частью истории Слита. Вы знаете, что такое «скуарсон»?

— Боюсь, что нет.

— Это термин восемнадцатого века, когда местный помещик являлся и приходским священником.

— Должно быть, мощное сочетание.

— Да. Возможно, даже слишком.— Она посмотрела куда-то вдаль и снова заговорила лишь через несколько мгновений: — Теперь мы бедное поколение Локвудов, и мой отец имеет влияние на местное общество лишь как викарий. Это не много для нынешних дней и нашего века,— добавила она с улыбкой.— Я неполный день работаю в местном муниципалитете, что дает некоторый приработок. И занимает время.

— Вы сказали, что викарий живет ближе к церкви, чем прежде,— напомнил Эш, все еще озадаченный этой фразой.

— Извините, я отвлеклась. Локвуд-Холл раньше размещался в центре владений Локвудов, но лет двести назад особняк сгорел. Мы с отцом живем там, где раньше был гостевой дом при въезде во владения.

— Да уж, существенная перемена обстоятельств.

— Не совсем. Локвуды утратили свое богатство задолго до рождения моего отца. И я не привыкла ни к чему иному.

Судя по ее улыбке, Грейс не чувствовала сожаления.

— Я уверен, ваш отец также пользуется уважением со стороны здешних жителей,— сказал Эш и подумал: «Даже если кажется, что местный содержатель гостиницы не очень любит викария».

— О, я не думаю, что Локвуды были очень популярны. Им приходилось поддерживать порядок в приходе и нести слово Божье.

— Да, я заметил в деревне колодки и позорный столб.

— В прежние дни бывали наказания и похуже.

— Не могу представить, что в таком местечке было много злодеев.

— Теперь, возможно, нет, но в прошлом Слит, несомненно, видел другие времена.

— Нынче утром в «Черном кабане» мне показали ваших лоботрясов.

— Лоботрясов? Честное слово, вы быстро все узнаете.

— Это слово употребил хозяин гостиницы.

— Да, у нас тоже есть свои браконьеры и воры, плюс обычные деревенские чудаки.

— Устраивающие шабаши ведьмы, сатанисты — такого рода?

Она рассмеялась.

— Что вас заставило спросить об этом?

— Просто генеральная линия расследования — изолированное общество и все такое прочее.

— Мы не изолированы. Правда, здешние жители не склонны пускать чужих в свой круг, но даже это начинает меняться.

Они уже вышли за пределы церковного участка, перед ними лежала ровная дорога. Впереди раскинулись леса и холмы, поблизости виднелось лишь несколько домов.

— Как меняться? — спросил Эш, закинув пиджак на плечо и засунув руку в карман брюк.

— Молодежь уезжает, ищет работу в городе или перебирается в Лондон. Даже детей нынче возят на автобусе в городскую школу.

Он остановился.

— Но по пути сюда я проходил мимо школы. Я слышал, как дети поют.

Она тоже остановилась.

— Вы слышали? Нет, это, наверное, играло радио в одном из коттеджей.

— Пение доносилось из школы,— упорствовал Эш.— Когда я проходил мимо, дети пели какой-то гимн.

— Вы ошиблись,— не уступала она, и в ее светлых голубых глазах виделось больше чем замешательство: в них был явный признак тревоги.— Слитская начальная школа уже два года как закрыта. Там никого не бывает.

8

Одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая...

Эллен Предда сидела у окна, тишину в крохотной комнатке нарушал лишь звук соприкасающихся спиц. Ее пальцы проворно двигались, на коленях лежал недовязанный детский джемпер, на скамеечке рядом — клубок красной шерсти.

Одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая...

Это была немая молитва — хотя ее губы двигались беззвучно, сосредоточенность ее ума на недопущении черных мыслей была сродни строгости церковной службы. Но когда ее глаза отрывались от вязания, то становились пустыми, ничего не видящими, и мысли возвращались к мрачным раздумьям о том, что лучше забыть.

— О, Саймон,— бормотала она, и позвякивание спиц прекращалось; она клала руки на колени.

Солнце с неистовой яркостью проникало через закрытое окно, заставляя седые пряди в голове сверкать серебром. О стекло еле слышно бился мохнатый шмель, и его жужжание перешло в сердитый гул, когда он усилил свои попытки преодолеть невидимый барьер. Побежденный, шмель отлетел назад — к сладкому нектару садовых цветов,— и его танец усложнился, гнев забылся.

Эллен вздохнула. Какой хороший мальчик был Саймон! Такой невинный. Но почему он не приходит уже три дня? Или она что-то не так сделала? Он сердится на нее? Она закусила нижнюю губу и напряглась, сдерживая переполнявшие грудь рыдания. Не надо плакать. Плач расстраивает Саймона. Тем не менее туман застилал глаза. Эллен моргнула, прогоняя слезы. Капля скатилась по щеке, пощекотав кожу, и Эллен быстро вытерла ее тыльной стороной руки.

Она посмотрела на вязанье у себя на коленях. Саймон любил красное. Он всегда говорил, что этот цвет наполня-

ет его чувством счастья. Счастья? Разве ее бедняжка знал когда-нибудь счастье? Только когда они были вдвоем, вместе играли, ухаживали за своим садиком, даже когда ходили за покупками. И по-детски шутили, хихикали, вместе смотрели телевизор, вместе... вскоре это счастье стал омрачать поворачивающийся в двери ключ. Лицо Саймона изменялось, оно становилось испуганным, чуть ли не безумным при звуке шагов на лестнице. Пока ключ искал скважину, он неотрывно смотрел на дверь, а потом, когда дверь начинала открываться, прижимался к матери. Как они ненавидели эти моменты, когда он входил в комнату, наполняя ее подлой вонью виски и сигарет и отвратительным запахом немытого тела! Как им хотелось убежать и спрятаться от его порока и грязи! Как...

Резким движением она снова взялась за спицы, прогоняя из головы ужасные воспоминания.

Одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая...

Даже после смерти отца маленький Саймон боялся. Он по-прежнему смотрел на входную дверь со страхом в глазах, когда слышал звуки снаружи, хотя она заверяла его, что отца нет, что он больше не будет их беспокоить, что теперь они на самом деле остались вдвоем. Вместе... Но оставались кошмары, шаги на лестнице, когда там на самом деле никого не было, никто не крался в его комнату мучить его, проделывать эти ужасные вещи...

Одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая...

Брось это, Эдлен! Забудь все. Он умер. Теперь остались только она и Саймон. Что бы ни говорили другие, во что бы ни верили. Что они знают? Они думают, что Саймон покинул ее, но нет, он никогда ее не покинет, ее Саймон. Он слишком любит свою мамочку. Она объяснила тогда священнику, но он только отругал ее, сказал, что это неправда, что Саймон... что Саймон...

Одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая, одна изнаночная, одна лицевая...

Ее проворные пальцы двигались все быстрее, быстрее, за их мельканием было не уследить. Ряды были забыты, рисунок стал беспорядочным.

Но где же Саймон теперь? Сегодня? Вчера? Позавчера? Почему он не вернулся? Неужели он осудил... осудил...

...Ее?..

Позвякивание спиц прекратилось. В комнате снова стало тихо.

Разве он мог осудить... свою мать? О, Саймон, то была не моя вина, я же не знала... не понимала того... что твой отец... делал... с тобой...

Она вернулась к вязанию, ее движения замедлились, словно руки налились свинцом.

Одна... лицевая... одна... изнаночная... одна... спустить...

Звук на лестнице.

Она повернула голову. Прислушалась.

Он снова пришел. Но звук доносится сверху, не с лестницы,— обычный, самый обычный повседневный шум.

Эллен начала подниматься с кресла.

Красный клубок шерсти соскользнул со скамеечки и покатился по полу, разматываясь. Эллен посмотрела на потолок. Звук, такой явственный, такой... такой нормальный, повторился. Звук воды. Вода тихо плескалась.

Саймон любил играть в воде.

Саймон любил купаться в ванне.

До последнего раза...

Она выронила вязанье, спицы звякнули последний раз, упав на пол.

— Саймон?..— тихо, неуверенно позвала она.

Снова легкий всплеск.

Эллен шагнула к лестнице.

— Саймон, ты вернулся?

На губах заиграла улыбка, такая же неуверенная, как и голос.

Эллен продолжила свой путь к лестнице, глядя вверх, страстно надеясь увидеть на площадке умершего сына. Но

нет, конечно нет, его там нет. Звук доносился из ванной. Саймон в ванной, резвится в воде, как резвился всегда.

Она ступила на первую ступеньку. На другую.

— Саймон? — на этот раз погромче повторила Эллен, и ее шаги ускорились.

Она споткнулась и, чтобы не упасть, схватилась рукой за верхнюю ступеньку. Подняться наверх не заняло много времени, и через несколько мгновений Эллен стояла на маленькой площадке, выходящей к спальням и ванной.

Дверь в ванную была приоткрыта.

В ванне был Саймон. В ванне был Саймон. На том самом месте, где... невозможно допустить такое... где он...

— Саймон!

Плесканье прекратилось.

— Саймон,— на этот раз она прошептала его имя.— Я иду к тебе.

Улыбка, уже более уверенная, вернулась к ней.

Эллен подняла руку, чтобы открыть дверь в ванную, но сдерживала свое нетерпение, чтобы не напугать мальчика — испугавшись, он может вновь исчезнуть, раствориться в воздухе, как раньше.

Она тихонько надавила на дверь.

И закричала, увидев, что нечто ужасное, темное, нагнувшись к ванне, частично заслонило собой крохотную белую фигурку и держит ее под водой своими обугленными руками.

9

Преподобный Эдмунд Локвуд казался ниже из-за сутулых плеч и изможденности, оставившей тени под глазами и на щеках. Глядя на священника, стоящего у окна гостиной и смотрящего на лес, Эш заключил, что в прошлом он, ростом выше шести футов, несомненно, производил внушительное впечатление. Наружность преподобного говорила о его глубокой внутренней убежденности. Зачесанные за уши волосы представляли собой смесь седого и

черного и подчеркивали высокий лоб, а нос, по-видимому, был когда-то сломан, поскольку крючком загнулся немного вправо. Отец имел мало сходства с дочерью, если не считать глаз, но и они были несколько светлее. Они показались Эшу такими пронзительными, что ему стало не по себе под их пристальным взглядом, когда Грейс представляла его отцу. Исследователь отвел глаза, возможно испугавшись, что Локвуд разглядит в них цинизм.

При рукопожатии он удивился отсутствию силы в руке священника, но потом заметил его деформированные, покрасневшие и распухшие от артрита суставы. Наверное, всякое усилие причиняло преподобному Локвуду ощутимую боль.

Эш сидел на комфортабельном раскладном диване перед большим кирпичным камином с длинной решеткой, заваленной старыми высохшими поленьями. В комнате было прохладно и пахло пыльными книгами и старой кожей. Запах кожи исходил от двух изношенных кресел, их обивка исцарапалась и местами порвалась. Вдоль низкого потолка шли балки, а посреди комнаты толстый столб поддерживал верхний этаж.

— Вы не возражаете, если я закурю? — спросил Эш и полез в карман пиджака.

Преподобный Локвуд вздрогнул, обернулся к нему, словно только что вспомнил о присутствии исследователя, и резко ответил:

— Я бы предпочел, чтобы вы воздержались.

Рука Эша замерла, и он холодно посмотрел на священника. В это время в комнату вошла Грейс Локвуд с подносом, на котором стояли кофейник и чашки. Ленч перед тем был довольно постным — салат с ветчиной и несколько сортов сыра,— и беседа велась такая же постная. У Эша сложилось впечатление, что священнику не до еды, однако во время трапезы тот не дал вовлечь себя в обсуждение слитских призраков. Даже когда все перешли в гостиную, викарий, казалось, не хотел касаться этой темы, и Эш первым заговорил о таинственных явлениях, рассказав о песно-

пениях, доносившихся, как ему показалось, из заброшенной деревенской школы. Локвуд подошел к окну и посмотрел на улицу, лицо его еще больше омрачилось.

Грейс заметила, как Эш засунул сигареты обратно в карман.

— Вы хотели закурить, Дэвид? — Она многозначительно улыбнулась, посмотрев на отца.— Я пойду для вас пепельницу — мы держим ее для гостей.

Поставив поднос на маленький кофейный столик, она снова вышла. Викарий нахмурился, провожая ее взглядом, но в его глазах отражалось добродушие.

— Вы *действительно* возражаете? — еще раз спросил Эш, делая упор на втором слове.

— Пожалуй, нет,— ответил Локвуд, и его черты немного смягчились.— Простите меня за дурные манеры, мистер Эш. Боюсь, все это повлияло на меня больше, чем хочется признать.

Он отошел от окна и опустился в кресло напротив исследователя. Изношенная кожа застонала под его весом.

— Вы не могли бы налить кофе? Мои руки нынче такие неловкие.

Эш нагнулся к столику между креслами и налил две чашки.

— Черный,— сказал викарий, когда Эш потянулся к кувшинчику со сливками.

Когда сутулый священник взял протянутый Эшем кофе и зажал блюдце между указательным и большим пальцем, другой рукой придерживая чашку, его скрюченная рука тряслась.

— То песнопение, что вы якобы услышали из школы,— вы узнали его? — спросил он, усевшись обратно в кресло.

— Я не разбираюсь в церковных гимнах,— ответил Эш, пригубив свой кофе.— Впрочем, он звучал знакомо. Где-то я слышал его раньше.

— Припомните какие-нибудь слова?

Эш на мгновение задумался, потом медленно покачал головой:

— Забыл. Теперь я даже не уверен в мелодии, хотя знаю, что раньше слышал этот гимн. А почему вы спрашиваете?

— Я подумал, насколько старым он мог быть.

— Знаете, я думал об этом за ленчем. Может быть, Грейс была права, и он доносился откуда-то по радио. Сегодня жарко, и кто-то мог открыть окно.

Викарий улыбнулся, но не поднимал глаз, глядя себе в чашку.

— Здравый смысл всегда ищет рациональных объяснений. Это способ избежать умственных страданий.

Эш слишком хорошо понимал истинность сказанного, но ничего не ответил. Вернулась Грейс со стеклянной пепельницей и поставила ее на столик рядом с подносом.

— Пожалуйста, чувствуйте себя свободно,— сказала она Эшу, прежде чем подойти к окну.— Я открою, пока отец не начал жаловаться. Бог знает, почему окна закрыты в такой чудесный день.

Она подняла шпингалет и распахнула раму. Снаружи повеяло сладким ароматом жимолости, и вскоре затхлый запах гостиной выветрился. Эш наблюдал за Грейс в профиль, когда она сделала глубокий вдох. Грейс закрыла глаза, ее грудь натянула ткань футболки, на губах заиграла полуулыбка.

Эш вытащил из пачки сигарету и закурил, подавив легкое чувство вины за то, что загрязняет свежий воздух, которым только что наслаждался.

— Мистер Эш почти убежден, что это было радио, а не голоса призраков из начальной школы,— сообщил преподобный Локвуд, когда дочь повернулась к ним.

Ответ Грейс предназначался Эшу:

— Интересно.

— Но вы сами сначала так подумали,— напомнил он.

— Да, но потом я вспомнила о других происшествиях, которые недавно случились в Слите. Если бы вы знали о них, чудесный хор не показался бы вам столь удивительным.

— Так давайте начнем.

Эш вытащил из кармана миниатюрный магнитофон и пододвинул его к Грейс и ее отцу.

— Если не возражаете, я бы хотел записать наш разговор. Это избавит от необходимости впопыхах делать пометки во время беседы.

Грейс кивнула, но викарий смотрел с сомнением.

— Не скажу, что люблю такие штуки, мистер Эш,— сказал он.

— Это будет строго конфиденциально. Все, сказанное в этой комнате, останется между нами — вами, мною и Институтом экстрасенсорики.

— А вам можно верить?

Грейс была смущена прямотой отца:

— Институт много раз имел дела с церковью, отец. Его репутация зависит от щепетильности в подобных делах — так же как и от беспристрастности. Мы уже говорили об этом перед моим обращением к мисс Маккэррик.

Тон викария остался ворчливым и по-прежнему выражал сомнение.

— Ну, ладно. Но я так и не уверен, что это правильно.

— У нас нет выбора.

Ее голос был тверд, лицо решительно.

Вмешался Эш, включив магнитофон и проговорив:

— Можно мне начать с вопроса: почему вы не обратились в Институт через иерархов церкви?

Колебаний не последовало:

— Я не хотел, чтобы на данном этапе в дело оказался вовлечен кто-то третий. Архиепископ будет обо всем проинформирован в зависимости от результатов ваших поисков. Зачем вы прибыли, не знают даже прихожане.

— Они скоро догадаются, когда я начну расспросы и расставлю оборудование. Может быть, в процессе расследования мне даже придется вызвать подмогу из Института.

— Мы решим эту проблему, когда столкнемся с ней. Но даже тогда цель вашего появления в Слите не должна стать известна за пределами самой деревни.

Эш покачал головой:

— Я не могу это гарантировать. Люди сплетничают, а сплетни разлетаются.

— За пределы этого прихода — редко.

— Значит, Слит — изрядная диковина.

Грейс и ее отец молчали, и Эш перевел взгляд с одного на другую.

— Хорошо, верю вам на слово,— сказал он.— Во всем, что касается меня и Института, это строго секретное расследование. Однако мы не можем ручаться за остальное общество.

— Понятно.

Эш затянулся сигаретой, стряхнул пепел в пепельницу и поставил магнитофон на кофейный столик. Потом объявил время, дату, место и назвал имена присутствующих в комнате.

— Расскажите о первом видении,— обратился он к викарию.

— Насколько я понимаю, вы под этим подразумеваете первое появление призрака,— сказал преподобный Локвуд и, когда исследователь кивнул, продолжил: — Это случилось вскоре после того, как одна из моих прихожанок, женщина, которая много перенесла в жизни, потеряла своего единственного сына.

— Нельзя ли чуть поточнее? — деликатно попросил Эш.— Когда именно умер этот мальчик?

Локвуд обернулся к дочери.

— Саймона похоронили три недели назад,— ответила за него Грейс.— Он умер за неделю до того.

Лицо Эша выразило вопрос.

— Его нельзя было похоронить раньше, пока не установили причину смерти. Видите ли, он утонул в ванне. Нужно было выяснить, почему это произошло.

Эш осведомился о возрасте мальчика, а потом быстро сопоставил даты смерти и похорон. Он записал все это, прежде чем задать следующий вопрос:

— Смерть произошла при подозрительных обстоятельствах?

— Нет, никто не был замешан. Заключение патолого-анатома таково, что мальчик играл в ванне и, возможно, задержал дыхание под водой — вы знаете детей, особенно когда они остаются одни. Вероятно, он не дышал слишком долго и потерял сознание.

Эш прищурился:

— Это довольно странно.

— Коронер вынес вердикт о смерти от несчастного случая. Никаких свидетельств чего-либо иного не было.

— А мать...

В голосе преподобного Локвуда послышался еле сдерживаемый гнев, словно скептицизм исследователя исчерпал терпение священника:

— Эллен Предда в сыне души не чаяла. Она любила его как никого и ничто на свете.

— Вы сказали, что эта женщина многое перенесла. Может быть, слишком многое? Мальчик мог плохо вести себя, вывести ее из равновесия, когда жизнь была для нее особенно невыносима. Она могла поддаться секундному порыву. А с другой стороны, бывало, что мужчины убивали свою семью, а женщины душили детей из ложного представления о том, что должны защитить своих любимых от неприглядных реальностей жизни.

Гнев не покидал викария.

— Мне хорошо известны подобные трагедии, мистер Эш, но смерть мальчика не подпадает под эту категорию. Эллен Предда и ее сын Саймон были счастливы в последний год жизни мальчика — по сути дела, гораздо счастливее, чем когда-либо раньше.— Голос Локвуда стал спокойнее.— Видите ли, отец мальчика был жестокий, порочный человек и гнусно обращался с женой и сыном. Молю Бога простить меня за эти слова, но когда Джордж Предда в прошлом году умер, единственным наследством, что он оставил семье, были покой и счастье.

— А как умер он?

— Несчастный случай на ферме. Совершенно ужасная смерть.— Викарий поставил недопитую чашку с кофе на

столик и согнулся в кресле, сцепив руки перед собой и положив на них лоб. Он вздохнул, прежде чем снова поднять голову: — Полагаю, вас интересуют все подробности?

Его нежелание говорить было очевидно.

Ответ Эша прозвучал бесстрастно:

— Я скажу вам, если вы начнете говорить лишнее.— Но, увидев удивление на лице Грейс и раздражение на лице священника, он быстро пояснил: — Когда расследование касается сверхъестественного и аномального, лишние знания порой мешают, а не помогают — они могут подменить то, что исследователь должен открыть сам, или даже заранее определить его точку зрения. И теперь, учитывая это, поскольку, по всей видимости, призраки обитают не в одном месте — если меня правильно проинформировала моя коллега мисс Маккэррик,— мне понадобится больше исходной информации, чем обычно.

— Понятно,— сказала Грейс и добавила: — Ваш кофе стынет.

Эш улыбнулся и потянулся к чашке.

Взгляд преподобного Локвуда по-прежнему выражал тревогу.

— Я буду помогать вам всеми средствами, мистер Эш, но должен поставить вас в известность, что сотрудничество с Институтом экстрасенсорики — это целиком идея моей дочери. Я не хотел в этом участвовать.

— И какую вы видите альтернативу?

— Не уверен, что понял ваш вопрос.

— Я полагаю, вы не хотели информировать и вашего епископа. Так что же вы собирались предпринять? Вы надеялись, что эти проявления в конце концов исчезнут сами собой, до того как в дело окажется вовлечено много людей?

Локвуд уклонился от ответа:

— Так вы в самом деле считаете, что это призраки?

— Я не говорил этого. И должен подчеркнуть, что в девяти случаях из десяти институтские расследования выявляют не более чем исключительные природные обстоятель-

ства или жульничество, не имеющие ничего общего с потусторонними силами.

— И все же в одном случае из десяти?..

— Даже об этих случаях можно спорить. Они таинственны, но это не значит, что мы имеем дело со сверхъестественным.

— Мы поняли вас, Дэвид,— сказала Грейс, подойдя и забрав у отца чашку.— Тебе долить, отец?

Не дожидаясь ответа, она налила из кофейника горячего кофе. Викарий взял чашку и откинулся в кресле; казалось, он пребывал в смятении. Грейс пододвинула кресло с прямой спинкой поближе к магнитофону.

Эш вывел викария из задумчивости:

— Вы собирались рассказать мне, как умер муж Эллен Преддл.

Прежде чем заговорить снова, Локвуд отхлебнул кофе.

— Вы когда-нибудь видели, как горит стог сена, мистер Эш?

— Я думал, стога сена — это предметы из прошлого. Неужели на фермах и сегодня по-прежнему складывают стога?

— Это Слит. Некоторые фермеры здесь предпочитают старые методы. Иногда стог загорается изнутри. Снаружи вы можете увидеть небольшие язычки пламени и дым, много дыма; но настоящий ад внутри, выгорает самая сердцевина стога. Там невероятный жар, просто невероятный, и в конце концов все вдруг вспыхивает.

Он замолк, словно представив адское пламя.

— Джордж Преддл работал на ферме — когда там была работа. Впрочем, большую часть времени он бездельничал. Это был грубиян и пьяница, бивший жену и истязавший сына.

Эш слегка удивился, что человек в сутане говорит об умершем в таких выражениях. Очевидно, этот пастырь не был терпим к грехам своей паствы.

— Ему повезло, что родители его жены Эллен оставили ей в наследство коттедж, иначе у семейства Преддлов

не было бы почти никакой собственности.— Чашка кофе задребезжала на блюдце, и Локвуд поставил ее на столик.— Он работал на ферме у Ганстоунов, всего в миле от деревни, и в тот день — помнится, день был, как сегодня: солнечный и страшно жаркий — сын помогал ему. Мальчик зарабатывал за каникулы несколько шиллингов, выполняя вместе с отцом случайную работу на ферме. Никто не видел, как стог загорелся, мы лишь знаем, что Предд был заядлым курильщиком и выпивал в обеденное время. Очевидно, он работал рядом со стогом и не туда выбросил окурок или спичку. Как бы то ни было, из стога повалил дым, и все рабочие быстро выстроились в цепочку, чтобы передавать ведра от ближайшего крана, который был не так далеко. А этот болван Предд приставил к стогу лестницу и залез наверх, настояв, что будет тушить огонь сверху.

Эш поморщился:

— Стог загорелся изнутри?

Локвуд расправил плечи, как бы сбрасывая с них боль и тяжесть, и посмотрел на поленья в камине.

— Наружу пробивалось лишь несколько язычков пламени, в основном валил дым. Отчего бы стог ни загорелся, он горел изнутри. Причуда судьбы, нелепый несчастный случай: нашу судьбу решают такие капризы. Предд только смеялся над предостережениями других сельских рабочих. Мне говорили, что даже его сын кричал, чтобы он спустился. Заносчивость или алкоголь — кто знает, что двигало этим человеком? Несчастный дурак угодил в стог.

На этот раз Эш заморгал и перевел взгляд на Грейс, которую, казалось, тоже взволновала эта история, хотя и известная ей раньше. Он вскоре понял причину ее волнения, поскольку дальше последовало самое страшное.

— Было бы лучше, если бы он сразу провалился,— продолжал викарий.— Но он застрял на верхушке стога, зацепившись за что-то руками, в то время как нижняя половина его тела оказалась в огне. Его ноги горели, и он страшно вопил. Люди могли лишь наблюдать, никто не решился за-

лезть на стог и вытащить несчастного. А если бы кто-то и рискнул, стог провалился бы под двойным весом.

Эш побледнел, вспомнив другой огонь, в другом месте. Он вынул изо рта сигарету и смотрел на дым, погрузившись в свои мысли.

— Говорят, его последний крик, прежде чем он наконец исчез, был ужаснее всего.

Слова викария вернули Эша к действительности.

— Когда пожар закончился, от Джорджа Преддла мало что осталось. Огонь фактически кремировал его.

— Вам нехорошо, Дэвид? — Грейс заметила, что Эш замер и побледнел, и решила, что причиной этому рассказанная отцом история.

Он отрешенно взглянул на нее и проговорил почти рассеянно:

— Что? Нет, со мной все в порядке. Неприятная смерть.

— Неприятная? — усмехнулся священник.— Да ни один человек, как бы он ни грешил, не заслуживает такого наказания.

«Это все ваш Бог»,— чуть было не ответил Эш, но решил, что глупо нарываться на конфликт с викарием — тот и так казался достаточно взвинченным,— и вместо этого спросил:

— И мальчик видел все это?

— Боюсь, что да,— ответила Грейс.

— И как на него это подействовало? — Эш мысленно выругал себя.— Простите, довольно дурацкий вопрос. Несомненно, он был глубоко травмирован.

На этот раз ответил преподобный Локвуд. Он повернулся к Эшу, хотя глаза его были обращены куда-то внутрь, и проговорил:

— Странно, но мальчик как будто вовсе не был травмирован. О, конечно, происшедшее каким-то образом на него повлияло, но где-то в глубине души, а внешне никак не проявлялось. Пожалуй, в последующие недели Саймон как-то притих, но он и так был робким мальчиком и не

отходил от матери — в этом отношении ничего не изменилось. Заметно было только — и, по-моему, это вполне естественно,— что мать и сын стали еще ближе друг другу.

— Судя по вашим словам, довольно естественно. Эллен Преддл потеряла мужа, мальчик потерял отца: им пришлось искать утешение друг в друге.

— Вы не поняли. Они обрели счастье. Видите ли, они оба ненавидели Джорджа Преддла, пока тот был жив, и никто из знавших его в деревне не мог бы упрекнуть их. Это было низкое подобие человеческого существа.

И снова Эш удивился отсутствию сострадания в викарии. Видимо, этот Преддл представлял собой нечто особенное, если даже приходской священник хулит его после смерти.

— Может быть, в конце концов мальчик осознал постигшее его горе?

— Вы предполагаете, что в таком случае Саймон мог сознательно утопиться в ванне? — недоверчиво проговорила Грейс.

— Просто пришла такая мысль — несомненно, ошибочная. Вы убедили меня, что он не был так расстроен.— Нагнувшись, Эш затушил сигарету.— Так что из всего этого следует? Чей призрак якобы являлся Эллен Преддл — мужа или сына? — Прежде чем ему ответили, Эш добавил: — Вы, конечно, понимаете, что обстоятельства способствовали самообману. Две трагедии, обе потрясающие, и тем более утрата любимого сына оставили женщину в полном одиночестве. Горе могло сделать ее восприимчивой к чему угодно.

— Циничный взгляд, мистер Эш,— сказал Локвуд с некоторой неприязнью.

— Это приходит с профессиональным опытом, ваше преподобие,— без обиды ответил Дэвид.— Хотя я предпочел бы рассматривать такое отношение как здоровый скептицизм — необходимое качество в моей работе. И если бы я рассказал вам, что крылось за некоторыми моими рас-

следованиями, вы бы поняли почему. Так расскажите мне, пожалуйста, чей дух явился женщине, по ее словам?

— Это был ее сын,— торжественно проговорил Локвуд.— После похорон мальчика Эллен сразу, ни с кем не разговаривая, отправилась домой. Позже я зашел к ней предложить свое утешение и посмотреть, нельзя ли чем помочь. Бедная женщина не впустила меня. Она даже не открыла мне дверь.

— Но вы говорили с ней?

— Я позвал ее, но она велела мне убираться. Ее голос звучал... я бы сказал, странно.

— Как именно?

— Как-то отдаленно, и не потому, что она была за дверью. Сначала я подумал, что она пьет.

— Может быть, так оно и было.

— Раньше я не знал случая, чтобы она пригубила хотя бы каплю спиртного.

— Печаль, потрясение. Кто упрекнет ее?

Священник покачал головой.

— Только не она, не Эллен. Возможно, я плохо описал ее голос. Он звучал счастливо, мистер Эш, но рассеянно, словно ее ум был занят чем-то другим. И она казалась уклончивой, почти что скрытной.

— Она вела себя так и следующие две недели,— сказала Грейс.— Эллен не покидала своего коттеджа, а соседи, проходя мимо, слышали ее пение. Я сама его слышала, зайдя к ней через несколько дней после похорон, но оно прекратилось, когда я постучала в дверь.

— Вы видели ее? — спросил Эш.

— Нет. Она даже не ответила мне. Притворилась, что ее нет.

Отец перебил ее:

— Грейс, ты не принесешь мне аспирин?

Дочь встревоженно посмотрела на него:

— Опять головная боль?

Он кивнул:

— Но пока не слишком страшная.

Грейс поднялась и вышла из комнаты. Преподобный Локвуд потер рукой лоб.

— Может быть, мы отложим разговор? — спросил Эш, потянувшись к магнитофону, чтобы выключить.

— Нет-нет. Давайте продолжим. Я не хочу, чтобы вы теряли много времени.

— Терял время? Почему вы так говорите?

— А разве нет? Бессмыслица, пустая трата времени.

— Нет, если будет результат — тот или иной.

Локвуд нахмурился.

— Вы искренне верите, что сможете доказать существование призраков?

— Или несуществование.

Викарий чуть заметно покачал головой, изданный им звук можно было принять за короткий смешок или внезапный кашель.

— Тогда продолжим. Мы обеспокоились насчет Эллен, глубоко обеспокоились. Однако каждый раз, когда я подходил к ее дому, она или отсылала меня обратно, или притворялась, что ее нет. Но в прошлое воскресенье она пришла в церковь, как делала регулярно, сколько я ее знал. Я был удивлен и обрадован.

Вернулась Грейс с водой и таблетками.

— Ты принесла три, дорогая? — спросил отец.

— Да,— ответила она с неодобрением.— Знаешь, с этой головной болью тебе надо показаться врачу.

— У доктора Степли и без меня есть кусок хлеба, не стоит беспокоить его еще и тем, что со временем пройдет само, как всегда бывает.

— Это повлиял разговор о привидениях, да? — спросила Грейс, садясь напротив.— Такое случается с тобой от сильного стресса.

— Если так, то наш исследователь сверхъестественного решит все проблемы, включая головную боль.— В улыбке викария проскальзывала ирония.

— Вы сказали, что миссис Предда пришла в церковь,— продолжил Эш, проверив кассету.

— Да. Она дождалась конца службы, чтобы поговорить со мной. Должен сказать, выглядела она на удивление хорошо. Немного иссохшей, возможно, но никакой красноты вокруг глаз от слез, и ее плечи не были ссутулены, как от чрезмерной ноши. Она казалась чуть ли не безмятежной.— Он бросил таблетки в воду и узловатыми пальцами поднес стакан к губам.— Она потрясла меня своим вопросом: не грех ли это — ненавидеть кого-то после его смерти?

— Она имела в виду своего мужа.

— Конечно. Что она любила сына, не вызывает сомнения.— Он с упреком посмотрел на исследователя.— Я сказал ей, что она должна найти в своем сердце великодушие и простить бывшего мужа и что со временем, когда воспоминания поблекнут, это будет легче. А пока, учитывая все вынесенное ею от этого человека, грех не так тяжек.— Он сделал глоток воды, прежде чем продолжил: — Но она только покачала головой и как будто еще больше опечалилась. Я неправильно ее понял, сказала она. Она спрашивала не от себя, она спрашивала от имени своего сына, Саймона.

Эш ничем не выразил своего отношения. Он допил остатки кофе и ждал, когда священник продолжит.

— Она сказала, что Саймон тревожится и полон чувства вины. Он ужасно обеспокоен тем, что так ненавидит отца, хотя они оба умерли. Мальчик признался в этом матери.

Локвуд поднял руку, словно предупреждая возражения со стороны исследователя, но Эш молчал.

— Я бы не упрекнул вас, если бы вы приняли ее слова за вызванную горем истерику, я и сам сначала подумал так. О, я страстно верил в это! И все же я успокоил женщину, сказал, что приду к ней. И хотя сначала она отнеслась к этому с неохотой, но когда я намекнул, что, возможно, смогу помочь ее сыну, смогу убедить его, что он не должен, не может грешить, она согласилась. Естественно, я вкладывал

в свои слова духовный смысл, полагая, что мои молитвы достигнут души Саймона, где бы она теперь ни была, но Эллен поняла меня буквально.

Локвуд взволновался, его рука то поднималась, то опускалась на подлокотник.

— Когда я зашел к ней во второй половине того же дня, Эллен попыталась сказать мне, что ее сын не раз приходил к ней после своих похорон, и когда я не поверил, когда сказал, что Саймон отошел в иной мир, что его душа теперь пребывает в покое, она рассердилась. Она настаивала, что Саймон по-прежнему здесь, с ней, и никогда не покинет ее.

Грейс подошла к отцу, которого охватила дрожь; теперь обе его руки вцепились в подлокотники, так что побелели костяшки. Видимо, боль в пораженных артритом суставах усилилась. Дочь обняла отца за плечи и попыталась успокоить, но он не обращал внимания, его светлые глаза вдруг пронзительно взглянули на Эша.

— И понимаете, тогда — прямо тогда — я понял, что она говорит правду.

Исследователь напрягся:

— Но раньше вы, кажется, давали понять, что не верите в привидения.

— Нет, я только спросил, можете ли вы доказать их существование.

— Так почему же вы вдруг решили, что она говорила правду?

— Потому, мистер Эш, что я сам увидел мальчика.

10

— Извините.

— За что? — удивился Эш.

— Боюсь, отец переволновался. Эти головные боли...— Грейс не закончила фразу, оставив додумать ее извинение.

Они шли по дорожке через садик за домом. Садик отделялся от остального участка потрепанной непогодами огра-

дой и буйным кустарником. Впереди виднелась белая беседка, и, подходя к ней, Эш заметил, что старая краска облупилась, а сам остов местами изрядно потрескался и перекосился. Тем не менее беседка по-прежнему выглядела привлекательной в окружении рододендронов и других цветов и растений по обе стороны тропинки, ведущей к ее ступеням. Хотя солнце утратило свою ярость, было еще жарковато, и Эш перекинул пиджак через руку. С запахом жимолости смешались другие ароматы — сирени, розы, пиона,— и Эш глубоко вдохнул, чтобы прогнать из легких затхлый воздух покинутой комнаты.

— Ваш отец обращался к врачу? — спросил он как бы между прочим.

— Отказывается. У отца старомодные понятия, что все болезни в конце концов проходят сами собой.— Грейс остановилась на мгновение, чуть наклонившись к желтой розе на дорожке, и следующая реплика выдала, что ее не обманул тон Эша: — Вы, наверное, сочли нас невротиками, да?

Эш не хотел обижать ее, но не хотел и лгать:

— Гм, он, м-м-м... показался мне очень взволнованным.

Грейс выпрямилась и посмотрела ему в лицо:

— Да, взволнованным. Он не может понять происходящего. Я и сама немного волнуюсь, но это не невроз, мистер Эш.

— Дэвид.

— Дэвид. И взволновались не только отец и Эллен Прадда.

— И другие тоже видели мальчика?

Она снова пошла вперед, уже не так непринужденно, как мгновение назад.

— Не Саймона. Но видели другое — как вы это назвали? Видение? Он бы рассказал вам больше, если бы не эта головная боль.— Она посмотрела назад, на дом, на окно второго этажа, как будто могла отсюда увидеть отца.— Его здоровье так ухудшилось за последний год. Потому-то я и не вернулась в Париж после смерти матери: я нужна ему

здесь, рядом. Он привык быть сильным, таким решительным...

— Насколько тяжел его артрит?

Грейс не ответила, а отвернулась от дома, подошла к беседке и села внутри на железную скамейку.

— Он старается скрывать, как ему больно, но часто я замечаю муку на его лице, в глазах. Он по-прежнему много работает для прихожан, но я страстно надеюсь, что церковь скоро убедит его уйти на покой. К счастью, у нас осталось от наследства немного денег — во всяком случае, достаточно для умеренной жизни.

Эш сел на другой конец скамейки, наклонился в сторону Грейс и положил руку на железную спинку.

— Достаточно, чтобы управлять владениями Локвудов?

Она улыбнулась его прямоте:

— Управлять нечем. Большая часть владений распродана, хотя мы сохранили земли, ведущие к старому поместью. Вот на что мы тратим деньги: поддерживаем те несколько акров в приличном состоянии. Но мы снова отвлеклись, не так ли?

— Всякая информация может оказаться полезной,— заверил ее Эш.

— Не понимаю, как она поможет поймать призраков.

На этот раз улыбнулся он:

— Мы не *ловим* их. Мы определяем, есть они на самом деле или нет.

— И вы хорошо справляетесь со своей работой, Дэвид?

Это был серьезный вопрос, и задан он был искренне.

— Как правило, я получаю результат — тот или иной.

— Но вы верите в это... ну, в мир духов? Вы верите, что у нас водятся призраки?

Она не поняла, почему он быстро повернул голову, будто позади, в доме, что-то привлекло его внимание. Но его глаза не сфокусировались на доме, и мысли были обращены внутрь, в себя.

— В чем дело, Дэвид? Что я сказала?

Грейс увидела, как его шея стала жесткой, а плечи неуловимо напряглись, словно он старается справиться с чем-то взволновавшим его.

— Не так уж важно, во что я верю,— тихо сказал Эш.

— Но...

Он остановил ее:

— Нет, Грейс. Мы имеем дело с происходящим в Слите.

— Почему вы так встревожились, Дэвид?

Это был простой, но прямой вопрос, и он проник сквозь преграду к эмоциям, которые Эш долго сдерживал внутри. Но и теперь он не выдал их, смущенный ее интуицией.

— Вы не скажете мне? — настаивала Грейс.

— Слишком рано, Грейс,— в конце концов выговорил он.

— Вот как? — откликнулась она.— Разве вы не почувствовали тогда, в церкви, что с нами происходит что-то странное? Что вы находитесь там, я ощутила еще до того, как подняла глаза, и знаю: вы почувствовали то же самое. Что-то случилось между нами еще до того, как мы встретились.

— Возможно,— резко проговорил Эш.— Но это не имеет никакого отношения к расследованию. А нам, думаю, лучше заняться им.

Грейс была поражена внезапной переменой в Эше и гадала, что же он скрывает. Почему он не поговорит с ней о том особом ощущении, которое, она знала, оба испытали в церкви Святого Джайлса, которое внезапно, как электрическим разрядом, поразило их души, заставив уверовать в то, что они уже прежде встречались? Почему он предпочитает отрицать это?

— Грейс, расскажите мне о других инцидентах.

Он намеренно вторгся в ее мысли, но в его глазах не было вызова — только желание оправдаться.

— Ладно, Дэвид,— покорно согласилась она и добавила: — Но откуда вы знаете, что это не относилось к происходящему здесь? Вы сами недавно слышали пение детей в

пустой школе. Как вы это объясните? Разве вам не кажется, что здесь может быть связь?

Он подумал, прежде чем ответить:

— Возможно. Мне нужно гораздо больше информации, прежде чем я смогу прийти к какому-либо заключению. Вам придется помочь мне, если хотите, чтобы я помог вам, Грейс.

— Наверное, я снова должна извиниться.

— Не надо. Просто расскажите мне об этих других видениях.

Она наблюдала, как он опять вынимает из кармана портативный магнитофон и включает его. Эш положил его между собой и Грейс на скамейку и сказал:

— Начинайте.

Грейс глубоко вздохнула, прежде чем начать.

— Несколько дней назад к моему отцу пришла молодая девушка, работающая в «Черном кабане». Она была очень взволнована и выглядела так, будто долго не спала. Да так оно и было.

— Ее имя, случайно, не Рут?

— Вы виделись с ней?

— Когда снимал комнату. Я заметил, что она действительно выглядит так, словно плохо спала.

— Ее зовут Рут Колдуэлл. Ее отец — местный столяр.

— И что с ней случилось?

— Она сказала, что ее мучают страшные сны. Но это не были сны: они продолжались, даже когда она не спала.

— Не так уж необычны грезы наяву. Она могла находиться в полусознательном состоянии.

— Отец объяснил ей это, но она настаивала, что не грезила. Она садилась в постели и однажды даже включила лампу. Человек, разбудивший ее, оставался в комнате и сидел на краю кровати.

— Это был человек?

— Он выглядел как человек.

— Кто-то, кого она знала?

— О ком знала, что он умер. В детстве Рут подвергалась развратным действиям. Того человека звали Джозеф Манс, и время от времени он работал с ее отцом. За то, что он сделал с Рут, его посадили, и он умер в тюрьме. Покончил с собой.

— Как я говорил, она могла запутаться. Иногда кошмары невероятно реальны.

— Но она зажгла свет, а он оставался сидеть.

— И потом растворился в воздухе.

Грейс кивнула:

— Так Рут говорила отцу.

— Подобное возможно во сне. Некоторые люди уходят из дома, и их находят гуляющими во сне по улицам, другие спускаются в кухню и наливают себе выпить. Когда девушка очнулась от сна, видение растворилось.

Грейс закусила нижнюю губу.

— Это слишком правдоподобно, Дэвид. Я не верю, что Рут сказала бы, что видела это наяву, если бы на самом деле грезила. Я знаю ее не один год, она всегда была рассудительной девушкой.

— Она прошла через ужасное испытание, когда была еще ребенком, и кто знает, какие затаенные мысли копились в ее голове все эти годы? Может быть, она чувствует свою вину за то, что случилось, может быть, осуждает себя за это. Самоубийство того человека в тюрьме могло усилить ощущение вины, если оно у нее было.

— Я не стану с вами спорить, Дэвид, у меня нет достаточных знаний. Но давайте я вам расскажу другой случай.

Ему вдруг захотелось коснуться ее руки, чтобы успокоить. Почему-то Грейс казалась такой ранимой, такой встревоженной и такой близкой. Ему захотелось объяснить, что он приехал помочь, что это часть его работы — быть прагматичным, скептичным, но это вовсе не означает, что он сомневается в ее или еще чьих-то словах. Ему хотелось рассказать ей, почему такая огромная часть его жизни оказалась направлена на доказательство того, что призраков не существует, на выявление мифов и обнаружение мошенни-

чества, на рациональное объяснение природных явлений. И хотелось поделиться с ней мыслями о том, как он заблуждался все это время.

Но не сейчас. И он дал ей продолжить.

— Отец говорил вам, как погиб муж Эллен Преддл?

— В горящем стогу сена.

— Да. Отец пришел на ферму Ганстоунов за несколько дней до того — миссис Ганстоун, которая прислуживает в церкви Святого Джайлса, недавно заболела. Ее муж Сэм разволновался и ждал, когда отец выйдет, чтобы поговорить с ним. Видите ли, он не хотел, чтобы жена слышала их разговор, не хотел волновать ее в таком состоянии. Сэм Ганстоун всегда был здравомыслящим, практичным человеком, он определенно не склонен к полету фантазии, так что рассказанная им история тем более удивительна и убедительна.

Эш услышал, как магнитофон с тихим щелчком выключился,— кончилась пленка.

— Погодите,— сказал исследователь и быстро перевернул кассету. Он снова включил магнитофон и кивнул Грейс, давая знак продолжать.

— Хотя стояло раннее утро, над полями колебалась дымка зноя. Сэм шел с собакой, неся в руках дробовик и высматривая кроликов, когда вдруг невдалеке от фермы увидел странное оранжевое зарево. Он направился в ту сторону и заметил, что оно мигает — или, лучше сказать, колеблется — в дымке, а когда приблизился, то ясно увидел, что это...

Грейс говорила, опустив голову. Теперь она подняла ее и смотрела куда-то вдаль, словно сама видела это таинственное зарево.

— Ганстоун заметил, что собака отстала, и как бы он ни звал ее, отказывалась идти дальше. Она стояла, застыв, и только смотрела на свет и поскуливала. Сэм пошел дальше один и вскоре понял, что вызывало свечение, хотя не было ни звука, ни дыма.

— Это был пожар?

Она кивнула:

— Горел стог сена. Но время года было слишком ранним для стогов. На полях у Сэма сена не было.

Эш уже понял:

— Это был горящий в стогу Джордж Предда.

— Да. И хотя не было ни шума огня, ни дыма, Сэм поклялся моему отцу, что чувствовал жар и запах пожара. Я знаю, это невозможно, но, как уже сказала, фермер клянется, что все так и было.

«Невозможно? — подумал Эш.— Нет, не так уж невозможно, вовсе нет. Жар, едкий запах. *Языки пламени.* Но не пожар, не настоящий пожар».

Грейс увидела беспокойство в глазах Эша.

— Дэвид, вам нехорошо?

Он напрягся, как раньше, вновь обретая самообладание.

— Я вспомнил, что произошло много лет назад. Случившееся с вашим фермером напомнило мне давнее происшествие.

— Вы расскажете мне?

— Это не столь важно. Сейчас важно лишь то, что происходит в Слите.

— Дэвид, вы верите тому, что я вам рассказала?

— Дело не в вере. Эти люди, в том числе и ваш отец, верят тому, что видели, и вы признаете это. Моя работа — собрать свидетельства и провести некоторые тесты, а потом выдать квалифицированное суждение.

— Вы сможете сказать нам, почему это происходит?

— Если в Слите в самом деле появляются призраки, этому должна быть причина. И возможно, мы узнаем ее.

— И вы сможете положить этому конец?

Он не ответил, но в его улыбке была горечь.

11

Рут Колдуэлл попрощалась со стоящим за стойкой Томом Джинти и вышла на послеполуденное солнце. Ее голые до плеч руки быстро согрелись после относительной

прохлады полутемного бара, и она быстрыми шагами направилась по главной улице. До дома родителей было добрых четверть часа ходу, и будь это зимой, вероятно она бы воспользовалась своей красной малолитражкой, однако весной и летом всегда ходила пешком, не только потому, что любила прогулки и ощущение солнца на лице после полумрака бара, но и потому, что чувствовала необходимость утвердить собственную волю, свое право на свет в этой мрачной жизни.

Рут была хорошенькой девушкой — и была бы еще более хорошенькой в этот день, если бы на нее не наложили свой отпечаток последние тревожные ночи. Ей было восемнадцать, она скромно, но мило одевалась и нравилась как персоналу, так и посетителям «Черного кабана». Хотя ее амбиции ограничивались профессией няни, эта профессия тоже требовала обучения, а обучение требовало денег, и потому девушка прилежно и, как правило, с радостью трудилась за стойкой, зная, что работа — всего лишь средство для достижения заветной цели. Если бы удалось скопить денег, она бы покинула этот заброшенный уголок под названием Слит и посмотрела на реальный мир. Не то чтобы она стремилась к развлечениям — вовсе нет: ей просто хотелось вырваться отсюда. Ничего драматического, никакого внезапного переворота, который расстроил бы ее родителей и вызвал недоумение у подруг, а тихонько и незаметно отплыть — вот что было у нее на уме; постепенно и мягко порвать с тем, что оставалось дорого, но в конце концов только удушало ее. Папа все равно не поймет, если она попытается объяснить свои чувства,— он лишь скажет, что всегда думает только о ней. Да, так оно и было. Но в том-то и трудность.

Если бы забыть *тот случай*, воспоминания больше не управляли бы ее жизнью.

Даже теперь, через много лет, она знала, что, если дорога домой займет у нее больше двадцати пяти минут, папа бросится на своем пикапе в деревню на розыски. Он не мог

забыть сам и не давал забыть ей. И она твердо верила, что так же не мог забыть *это* и дух Манса.

Рут свернула с главной улицы в переулок, ведущий в поле за деревней. После утреннего дождя приходилось обходить мелкие лужицы, она перепрыгивала через оставленную трактором колею и следы конских копыт. Вскоре девушка вышла на открытое место.

Когда-то Рут любила живописную дорогу от дома до деревни, ласковые колокольчики на опушке рощи, шмыгающих в траве кроликов, внезапное появление оленя вдали. Она помнила, как в детстве папа водил ее этой дорогой в детский сад, отрываясь для этого от работы, как переносил через грязь, помнила запах дерева от его рук, легкие рыжеватые опилки в складках его одежды, от которых она чихала,— а папа смеялся. Она чувствовала себя в такой безопасности, такой защищенной и счастливой у него на руках. И не сомневалась, что так будет всегда, что он всегда будет любить и охранять ее, удерживать от всего *нехорошего*, направлять ее, когда она растеряется. Но его не оказалось, когда... *Стоп!* Это не папина вина. Никто не виноват. Кроме Манса. И ее самой...

Она отогнала навязчивые мысли. Это было так давно, и воспоминания стерлись. Они никогда не были ясными. Даже его лицо... *лицо Манса*... теперь вспоминалось с трудом. Это было расплывчатое — *плаксивое* — пятно. Но когда была маленькой, она хорошо знала его. Она смотрела, как он помогал папе в мастерской, и иногда он оборачивался к ней и подмигивал. И она хихикала, потому что в этом не было ничего такого. Она наблюдала, как папа с Мансом тянули за длинные веревки церковных колоколов, и, чтобы защититься от глубокого гулкого звука, прижимала ручки к ушам, а двое мужчин смеялись, еще сильнее дергая за веревки, и Манс по-особому скалился на нее — этой глупой, полуидиотской, кривой ухмылкой, значения которой она не понимала, потому что была маленькой, а папа не понимал, потому что мужчины, кажется, не замечают при-

знаков, не понимают намерений; а она хотя и была маленькая и не понимала... до конца не понимала... тихий голосок внутри говорил ей, что в круглых глазах Манса и его лоснящейся влажной коже есть что-то забавное...

«Стоп!» — снова приказала она себе. Но мысли не отступали.

Манс почти постоянно жил у них, работал с папой, обедал с ними за кухонным столом, а иногда, когда папа уходил искать или выполнять работу по найму, а у мамы не было времени, даже провожал ее в школу... Он был почти что членом семьи, вроде дяди, и никто не знал, что происходит в его грязной голове, что кроется за хитрой ухмылкой и мутными глазами, толстыми влажными губами,— даже мама, а папа и подавно. Хотя Рут была тогда всего лишь ребенком, она подозревала, что тут что-то не совсем так, но не знала что. Впрочем, как она могла понять извращенность взрослого ума? Ну действительно, в самом деле, откуда ей было знать о таящейся там похоти, скрывающейся, поющейся и бурлящей, выжидающей подходящего момента, чтобы выползти наружу? Откуда ей было знать?

Но ей нравилось играть с ним.

Играть, когда рядом никого не было, когда они шли в школу мимо опушки, или в мастерской, когда папа куда-то уходил. Ей было всего семь лет, когда это началось, но ей нравилось это забавное чувство в животе, глубоко-глубоко внизу,— там щекотало, немного чесалось и покалывало. Ей нравилось — *нет, не нравилось, потому что это ужасно и отвратительно, и она была слишком мала, чтобы понимать!* — хотя потом становилось страшно, страшно сказать маме, страшно, что она *скажет* папе, потому что в конце концов Рут была папина дочка и любила его больше всех в мире конфет и кукол, мам и сестренок, а папе не понравилось бы, что она так играет с Мансом, в эти тайные игры, грязные игры...

Рут споткнулась в колее и сделала несколько быстрых шагов, чтобы не потерять равновесие. Ее колени согнулись,

и, прежде чем выпрямиться, она рукой чуть не коснулась земли. Покачнувшись, Рут поправила веревку соломенной сумки на плече и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Неожиданная встряска выбила из головы эти дурацкие мысли. Она была маленькой, невинной восьмилетней девочкой, когда Манс... когда Манс... *скажи это, Рут, как много лет назад говорила добрая тетя в большом доме в Лондоне, та, что дала ей прелестную голенькую куколку и попросила показать на кукле места, где отвратительный дядька касался ее, скажи это и не держи больше в своей хорошенькой головке, назови это как угодно, потому что в этом нет твоей вины, виноват тот мужчина, тот отвратительный человек, который больше не причинит тебе вреда, потому что его отправят туда, где он уже не сможет больше ни с кем делать это...*

И пока она проверяла, не вывалилось ли что-нибудь из сумки, ее глаза увлажнились.

О да, Манс больше не причинит ей вреда, он больше никому не причинит вреда, потому что там, куда его отправили, не любили таких, кто обижает маленьких девочек и мальчиков, а вокруг быстро распространился слух, что он растлевает детей.

Она достала из сумки платок и приложила к глазам, ткань впитала слезы, и они не скатились по щекам.

Через год она узнала, что произошло с Мансом в тюрьме. Папа рассказал ей, так как думал, что это поможет ей справиться с происшедшим, считал, что ей лучше узнать, что тот нехороший человек в самом деле понес наказание и больше никогда ни на кого не наложит свои грязные лапы. Извращенцев безжалостно истязали сами заключенные — а по правде, и тюремщики тоже — его били и унижали, над ним издевались. И по сути дела довели до того, что он совершил нечто страшное над собой, чтобы избавиться от всего этого, убежать. «Убежать в ад,— сказал папа со злым и странным смехом.— Манс умер отвратительной смертью,— сказал он ей, и больше ничего.— *Главное,*

Рут, что он больше никогда не будет приставать к таким невинным крошкам, как ты». А она улыбнулась, когда папа сказал это, потому что была невинной, а это отвратительное, грязное существо развратило ее, познакомило ребенка с презренным пороком и обрекло на многие годы душевных мук, которые преследовали ее не только потому, что она подверглась растлению, а потому, что, когда папа застал их в лесу, она... ей... было... приятно... от этого... ужасного... постыдного... чем... они... занимались...

Нет! Как ребенок может наслаждаться этим? Она была слишком мала, слишком чиста, чтобы понимать...

Рут снова ускорила шаги, выпрямив спину.

Это было давно, много, много лет назад, а теперь она взрослая женщина в полном смысле слова. Ради Бога, она даже не помнит, как выглядел тот мужчина!

Но если она не помнит, как он выглядел, почему же теперь, когда ей восемнадцать, так уверена, что это Манс стоял у ее постели в самый темный час ночи?

Это был не он! Это не мог быть он! Рут на ходу замотала головой. Манс умер и похоронен, а мертвые не встают из могил! Преподобный Локвуд заверил ее в этом, когда она пришла к нему. Она рассказала викарию о своих страхах — что Манс вернулся, чтобы продолжить то грязное, порочное, что он делал вместе с... нет, просто с ней... когда она была ребенком, и преподобный Локвуд утешил ее, сказал, что это все пустяки, что это приснилось, просто воспоминания угнетают ее. Манс исчез навсегда.

Кусты вдоль дороги вдруг зашелестели, и Рут быстро отшатнулась в сторону, в страхе ожидая, что оттуда кто-то появится. Ее сердце продолжало стучать, хотя она сразу поняла, что там никого нет — просто встревоженная птица или зверек. Призраки не появляются днем, сказала она себе. Призраков вообще не бывает. Преподобный Локвуд снова и снова повторял это. Но как поверить ему, если она видела, что он сам не верит? Он мог успокаивать ее, но его глаза, его взгляд говорили другое. И по деревне ходили слу-

хи. Никто не говорил прямо, никто в «Черном кабане» не заявлял, что видел призрака сам,— нужно быть дураком, чтобы сказать такое,— но были разговоры, осторожные, осмотрительные разговоры на ухо, с глазу на глаз, и никогда — среди людей. Странные вещи происходили в Слите, и никто не хотел признавать это.

Она увидела, что впереди среди деревьев кто-то есть, и ее шаги замедлились.

Рут пожалела, что не поехала на машине, но тут же пристыдила себя. Стоял чудесный день, а весной и летом она всегда ходит пешком, если не идет дождь. Да и тогда можно надеть плащ и поднять капюшон, радуясь свежести воздуха, наслаждаясь природой после проведенного в тесном помещении дня. Она ходила этой дорогой всю жизнь, с кем-то или одна, и мало что могло отбить у нее охоту к таким прогулкам. Конечно, было время, после того как Манса посадили, когда ей не хотелось ходить здесь даже вместе с мамой и папой, но прошли месяцы, ее страхи улетучились, и прогулки больше не казались страшными. А когда она стала на несколько лет старше, то была совершенно счастлива ходить одна. Хотя Рут и не боялась заплутать в лесу, она никогда не углублялась в те темные рощицы, куда любил уводить ее Манс. Даже негустому лесу она предпочитала открытые места.

Девушка шла дальше, ее глаза смотрели вперед, где вроде бы кто-то двигался. Нет, конечно, показалось. Теперь там ничего нет. Она стала пугливой в эти несколько дней после первого... сна? Да, назовем это сном, так гораздо лучше. Нет, никто там не прячется. Ветер пошевелил листву, а облако отбросило тень.

Но нет ни малейшего ветерка, а на небе ни облачка.

Что ж, прекрасно. Кто-то шел через лес, почему бы нет? Это не частные владения. Кто-то прошел мимо, а ее воображение нарисовало призрака. Никто там не прячется, не подстерегает...

Она вскрикнула, когда навстречу кто-то шагнул.

— Дэнни! — Рут издала сдавленный звук, скорее вскрик, а не приветствие. Она подняла руки к лицу, стараясь совладать с дыханием.

— Я не хотел тебя пугать, Рути,— с глупой улыбкой проговорил парень.

Он слегка покачивался, и Рут подумала, сколько же он выпил в «Черном кабане». Она сама его обслуживала, но голова была занята другими вещами, и ей было не до того, чтобы считать, сколько пинт сидра он проглотил.

— Что ты тут делаешь? — спросила девушка, и охватившую ее на мгновение панику сменило раздражение.— Уже сто лет, как ты вышел из паба.

— Я дожидался тебя.

— Ты мог бы лучше провести свой выходной.

Дэнни Марш подошел к ней, одну руку глубоко засунув в карман джинсов, а другой смахивая рыжий вихор со лба. Это был хулиганистый парень с большими карими глазами и щербатой улыбкой. Он работал в гараже примерно в миле от деревни, а жил вместе с матерью и престарелой бабкой в небольшом домике с верандой, притулившемся у главной улицы.

— Я не мог поговорить с тобой в баре,— сказал он, словно извиняясь.

— Не вижу причин — почему: я была не так уж занята.

— Там неловко. Все слушают.

— Ой брось, Дэнни. Кому какое дело?

Рут внутренне все еще дрожала, но не хотела, чтобы он заметил ее состояние.

— Мы не можем поговорить с прошлой недели. Но тогда мы неплохо провели время, правда? Я подумал... Я подумал, что могли бы и продолжить.

Она попыталась обойти его, но парень загородил дорогу. Ей это не понравилось.

— Что случилось, Рут? — настаивал он, и его глубокие карие глаза мрачно уставились на нее.

— Ничего. Пропусти меня.

Он схватил ее за руку.

— Просто объясни. Мне казалось, я тебе нравлюсь.

— Нравился... Нравишься. Мне нужно домой, Дэнни, мама ждет меня.— На самом деле мать ушла с Сарой — сначала к зубному врачу, потом за очками, потом за новыми туфлями. Их мать полагала, что уж если забирать младшую сестру из школы, то не просто так; в семействе Колдуэллов считалось, что поездка в город не должна быть связана только с одним делом.

— Пару минут, Рути.

— Нет! — Она не смогла сдержать злобу и, вырвав руку, протиснулась мимо и быстро зашагала по дороге.

Дэнни пошел следом, потом побежал, повернулся к ней лицом и снова загородил путь.

— Почему ты не хочешь говорить со мной? Что я сделал? Это из-за...

— Нет, то, что было между нами, не имеет никакого значения! — отрезала она и отвернулась, ее коробило от запаха сидра. Манс тоже любил сидр, вспомнилось вдруг.

— Я думал иначе. Я думал, ты хотела этого.

Он снова потянулся к ней, на этот раз двумя руками, и схватил за обнаженные плечи. Девушка попыталась вырваться, но он держал крепко, прижал ее к себе и поцеловал, сначала в щеку, а потом, когда она окаменела в его руках, прижался губами — *влажными* губами — к ее губам.

Дэнни знал, что они одни, с одной стороны поле, с другой — лес, и вряд ли кто-нибудь проедет мимо в это время дня. Он крепко прижался к ней, лаская ее тело, ее живот оказался напротив его паха, ее груди прижались к его ребрам. Он просунул язык меж ее губ, и слюна — его слюна — намочила ей подбородок.

Паралич, охвативший Рут, напугал ее не меньше, чем намерения Дэнни. Хотя руки у нее были скованы, мысли бешено кружились, и в голове звенел застрявший в горле крик. Она не могла двинуться. Как бы ни пыталась, как бы ни колотилось ее сердце. Молчаливый крик пронзил мозг,

тело сжалось, она не могла пошевелить ни единым мускулом, чтобы оттолкнуть этого... грязного... слюнявого...

Одна рука отпустила ее, скользнув к пуговицам на блузке. Пальцы коснулись ее груди.

Это прикосновение высвободило крик, который вырвался с такой злобой, что напугал храбреца. Тот отшатнулся, и его рука, застряв в блузке, оторвала две пуговицы.

Рут посмотрела на разорванную блузку, увидела свою обнажившуюся грудь, вылезшую из белого кружевного лифчика, и закричала снова; она кричала и кричала.

Дэнни посмотрел на нее умоляющими глазами, протягивая руки, но она начала махать руками и царапать ногтями воздух, опасаясь его приближения. Дэнни быстро опустил руки, а потом бессмысленно шагнул к ней.

Рут бросилась прочь, не разбирая дороги, хлынувшие наконец слезы застилали ей глаза. Лишь бы избавиться от него, подальше от этих грязных похотливых рук, этих поблескивающих мокрых губ! Кустарник цеплялся за юбку, тонкие ветви хлестали по голым плечам и лицу; Рут бежала в лес и слышала, как Дэнни зовет, чтобы она вернулась, кричит, что он не хотел ее обидеть, а ей слышалось, что это кричит Манс, столько лет назад умолявший ее папу теми же самыми словами, тем же плаксивым тоном, так же отрицавший свою вину.

Рут петляла между деревьями, спотыкаясь о корни, отбивая преграждавшие путь ветки, но не останавливалась и даже не оглядывалась проверить, преследуют ли ее; она продиралась сквозь лес, ища, где бы спрятаться... как она убежала, когда папа застал ее в лесу с Мансом, когда они вместе... занимались... этим. Тогда она где-то спряталась — теперь уже не помнит где, но там было безопасно и темно. Однако папа все равно разыскал ее, он услышал ее плач и сказал, что ничего страшного, что она не виновата, а Манс больше не причинит ей вреда, не сможет, потому что его запрут там, куда запирают таких грязных, отвратительных людей, и наказывают, и никогда не выпускают, чтобы они

больше не обижали невинных крошек. Но прежде всего она должна сказать папе, что именно Манс делал с ней, куда совал свои грязные лапы, какую другую часть своего гнусного тела употреблял...

Она продолжала бежать, слова и образы путались в голове, сбивая с толку; она потеряла ориентацию, ее босые ноги — туфли в какой-то момент свалились — тонули в лесной пыли, вороша сухую листву и сучки. Ее руки были в крови, подбородок рассекло веткой, а колени покрылись многочисленными ссадинами. Ступни тоже кровоточили.

Рут совсем изнемогла и в конце концов упала без сил, ударившись лбом о толстый ствол дерева. Ее тихий плач слышала только она сама. Девушка лежала оглушенная, глядя на калейдоскоп зеленых, голубых и коричневых пятен вокруг. Постепенно они стали принимать очертания. Дрожащей рукой Рут смахнула слезы с ресниц. Потом протерла глаза двумя руками, испуганная, что плохо видит. Она полуобернулась, опираясь одним плечом о дерево, которое послужило причиной ее падения. Лоб онемел в месте соприкосновения с жесткой корой, и все чувства тоже онемели. Но, по крайней мере, удар вывел ее из истерики. Теперь она могла лишь лежать — тихое, измученное создание, по-прежнему полное страха, но слишком обессиленное и ослепленное, чтобы бежать дальше. Она заметила, что блузка распахнулась еще шире и выбилась из-под юбки, а на груди остались следы ее бегства через лес, из царапин и порезов выступили капельки крови. Девушка медленно запахнула блузку, не отдавая себе отчета в своих действиях, но инстинкт говорил, что не следует оставаться такой распустехой. Она прижала материю, словно желая срастить ее с кожей, и подтянула колени, так что они коснулись локтей.

— Боже,— прошептала девушка.— Боже мой...

Она сидела у дерева, пока неистовая дрожь немного не улеглась и паника не перешла просто в страх.

Нужно идти домой. В безопасность. Где никто... не тронет... ее. И она не скажет папе. Нет, это будет неправильно. Он может посмотреть на нее так странно. Так, как смотрел на нее, когда застал с Мансом. Она не хочет, чтобы он когда-нибудь так смотрел на нее. Ей не нравится это. Это было, как будто... как будто... как будто он... упрекал... ее.

Рут попыталась подавить рыдания, но все равно ее плечи задрожали, грудь сжало. Нужно идти домой. Дома безопасно.

Сначала она не зафиксировала звук, так слабо было шевеление. Потом звук превратился в легкий шорох и привлек ее внимание.

Деревце рядом, довольно высокое, но тонкое, с ветвями, покрытыми молодыми листочками, как будто задрожало. Рут подумала, что это не более чем иллюзия, вызванная ее собственной дрожью, но потом услышала, что листья деревца шуршат, и заметила, что оно шевелится. А другие деревья рядом — неподвижны. Потому что никакого ветра нет. Сюда, в лес, не доносилось ни ветерка. Как будто чья-то мощная невидимая рука трясла тонкий ствол, чтобы шевелить листву наверху. Но ствол оставался недвижим.

А листья начали отрываться и падать.

Был ранний вечер, и крохотные зеленые трепещущие листочки начали падать, на лету превращаясь в шуршащие коричнево-бурые комочки, края которых загибались внутрь и рвались от собственной хрупкости; безжизненность делала их еще легче, еще невесомее, так что они словно зависали в воздухе.

Теперь зрение Рут прояснилось, она внимательно, как загипнотизированная, смотрела на это зрелище. Листьев падало все больше и больше, и вскоре она видела перед собой как будто цветной снегопад, где яркая зелень на лету становилась насыщенно коричневой, а потом безжизненно бурой. Как только первые листочки коснулись почвы, нечто неуловимое подхватило их, так что они вновь оторвались

от земли, закружились и смешались с падающими сверху. Взявшийся невесть откуда ветерок так окреп, что поднял в воздух опавшие листья, заставляя их нырять, кувыркаться, взлетать. Но он не рассеивал их, а собрал в один водоворот, который начал кружиться все быстрее и быстрее вокруг невидимого центра, затягивая в себя все больше листьев; и вскоре Рут уже смотрела на маленький, пестрый, золотисто-зеленый смерч.

Выпучив глаза и раскрыв рот, Рут вжалась спиной в дерево, ее пятки погрузились в землю. Вихрь кружащихся листьев становился все более неистовым, и через мгновение листья превратились в сплошную массу; но все новые отрывались от тонких веток, так что их шелест и шум ветра заполнили голову Рут. Она хотела отвести взгляд, но не могла, зачарованная зрелищем.

Форма вихря начала изменяться, приобретать новые очертания, он стал ниже, тоньше у вершины и конусом расширялся к земле.

Звук перешел в шипение. А шипение превратилось в многоголосый шепот, в множество приглушенных голосов.

И вдруг вихрь стал распадаться.

Чтобы открыть под собой фигуру.

Фигура была смутной, словно не в фокусе, но приняла грубые очертания человека.

И Рут узнала этого человека.

Фигура пошевелилась внутри вихря листьев, и Рут показалось, что склоненная голова медленно поднимается и смотрит на нее. Содрогание прервало ее дрожь — девушка узнала это бесформенное лицо еще до того, как показались первые черты и острый кривой нос с загнутым к верхней губе концом. Ноги девушки загребли по мягкой лесной земле, будто изображая бег, щека вдавилась в жесткую кору, а глаза скосились под неловким углом, будто она в самом деле убегала, оглядываясь через плечо на нечто, проявляющееся среди кружащихся листьев. Девушка издала негромкий, напоминающий мяуканье звук, когда под крючковатым

носом образовалась темная дыра, дыра с губами — влажными, поблескивающими губами.

Фигура заговорила, но ее слова, как и сама она, были смутными, неразборчивыми. Возможно, она назвала имя девушки, возможно, жаловалась на свои муки — Рут не разобрала.

Она хотела закрыть глаза, чтобы не видеть этого все усиливающегося уродства — вполне могло быть, что фигура исчезнет, если на нее не смотреть,— но искушение было слишком велико, слишком сильно ее притягивало извращенное очарование, чтобы бороться с ним; Рут не могла удержаться, чтобы краем глаза не подсматривать.

Размытая тень снова пошевелилась, словно проверяя свою подвижность,— медленно, еле-еле; и вдруг листья вокруг разлетелись, будто их сдуло порывом ветра. Фигура развернулась к девушке, и Рут увидела, что Манс голый.

— О нет...— тихо проговорила она.

Его тело разложилось — «*Ради Бога*,— закричал голос у нее в голове,— *конечно, оно разложилось, он уже девять лет как умер!*» — и в открытых ранах гнездились мелкие прожорливые существа. Манс смотрел на нее мертвыми, черными глазами.

Самая глубокая рана пересекала его тощий — Манс всегда был худым,— но вздувшийся живот, хотя раны на истерзанных руках и бедрах компенсировали ее глубину своим количеством. Внимание Рут опять привлек его омертвевший взгляд, завораживающий ее, и, к еще большему ужасу, девушка заметила, что рот с поблескивающими краями улыбается ей. Голова Манса снова склонилась, словно он смотрел на свое обезображенное тело, и, проследив за его взглядом, она поняла, что означает этот взгляд. Руки мертвеца двинулись к паху в жуткой пародии на те давние времена, когда Рут была ребенком и они вместе играли в те тайные игры; пальцы указали на рану, которая была действительно глубже всех остальных.

Рут вдруг поняла, как Манс изуродовал себя, как он закончил свою несчастную и мучительную жизнь. Она увидела сгусток черной крови, сочащейся из рваной дыры в том месте, где раньше были половые органы.

12

Грейс Локвуд еще раз постучала в раскрашенную желтую дверь, в то время как Эш стоял на дорожке и смотрел на ряд маленьких садиков. Все садики были аккуратны, а два по краям особенно ухожены; тот, в котором стоял Эш, начал проявлять признаки заброшенности, в нем пробивались сорняки, а некоторые цветы явно нуждались в прореживании. Покосившись на окошко над входной дверью, Эш задумался, почему оно сегодня уже привлекло его внимание.

После третьего стука дверь на несколько дюймов приоткрылась, и из темноты выглянула опухшая физиономия.

— Привет, Эллен,— услышал Эш голос Грейс.— Это я, Грейс Локвуд. Последнее время вас совсем не видно.

Щель сузилась, и на мгновение Эшу показалось, что Эллен Предд сейчас захлопнет дверь, но потом женщина выглянула для более внимательного осмотра.

— Всего несколько дней назад я виделась с викарием.— Это прозвучало почти как довод защиты.

— Я знаю, Эллен,— успокоила ее Грейс.— Преподобный Локвуд и послал меня к вам.

— Ты его дочь, да? — послышалось после некоторого колебания.

— Ну да, Эллен. Вы же знаете меня, мы много раз говорили с вами.

— Я знала тебя, когда ты была маленькой. И знала твою мать. Это была добрая женщина.

— Мне можно войти?

— Нет.

Категоричность ответа удивила Грейс, и, прежде чем совершить вторую попытку, она оглянулась на Эша.

— Мы пришли помочь, Эллен. Может быть, вы передумаете?

— Чем вы можете помочь? — резко возразила Эллен Предда.— Никто из вас не понимает, что происходит. Вам не понять.

Грейс шагнула в сторону и представила исследователя:

— Эллен, это Дэвид Эш. Уверяю вас, он разбирается в таких вещах.

— Разбирается? В чем?

Эш не понял, почему грубость женщины перешла в нервозность. Он подошел и тихонько коснулся двери.

— Миссис Предда, я из Института экстрасенсорики. Преподобный Локвуд связался с нами и просил помочь. Мы постараемся разобраться, что у вас тут происходит.— Ему показалось нецелесообразным уточнять, что фактически с Институтом связывалась дочь викария,— упоминание о том, что сам викарий не одобряет этого, могло оказаться лишним.

— Он говорил, что никому не скажет, говорил, что это останется между нами.— В голосе женщины не было возмущения, только отчаяние.— Он обещал.

— Да, я знаю, но недавно в Слите произошло кое-что еще. И о вас он никому не говорил. Викарий уважает ваши желания, миссис Предда.

— Кажется, мисс Локвуд вполне в курсе всего.

— После визита отца к вам я настояла, чтобы он все мне рассказал,— быстро вмешалась Грейс.— Он был в очень возбужденном состоянии. Послушайте, может быть, мы зайдем и поговорим? Просто поговорим, ничего больше. И если вы захотите, чтобы мы ушли, мы уйдем. Мистер Эш... он ученый, изучает подобные явления и постарается понять, что происходит. И возможно, объяснит нам причины.

Дверь открылась поцире, и женщина вышла на свет. Эш заметил, что Грейс вздрогнула.

Глаза Эллен Предда как-то странно, отчужденно смотрели на них, словно ее мысли витали где-то вдали и лишь отчасти улавливали настоящее. Вокруг глаз виднелись тени, как те пятна усталости, что пропали краски с лица молодой девушки в «Черном кабане». Под глазами у женщины образовались мешки, несомненно от слез и утомления, и на виске под тонкой кожей заметно пульсировала жилка. Пряди черных с проседью волос неряшливо сбились на широкий лоб, а руки, казалось, не могли ни на мгновение успокоиться: они хватались за одежду, прикасались к лицу, постоянно сжимали одна другую. Эш заключил, что Эллен Предда выглядит так, будто ее посещают призраки.

Она прямо посмотрела на него.

— Вы можете помочь моему Саймону? — умоляющим тоном спросила Эллен, и волнение в ее голосе так же потрясало, как и ее внешность.

— Вы имеете в виду вашего сына? — ответил Эш как можно мягче, словно в ее вопросе не было ничего странного.— Думаю, я смогу помочь вам обоим, если вы разрешите мне.

Ему было неловко за свою уверенность, поскольку в его функции входило только объяснять, опровергать или подтверждать; он не был специалистом по изгнанию бесов или утешителем. Однако в данных обстоятельствах доля притворства могла помочь наладить отношения с этой женщиной.

Сомнение придало ее отрешенному взгляду хоть какое-то выражение, и Грейс быстро подхватила:

— Мой отец и я уверены, что мистер Эш сможет выяснить причину происходящего, Эллен, а разобравшись в причинах, он, вероятно, сможет положить этому конец.

Эш посмотрел на нее с еле скрываемым удивлением, и Грейс ответила легкой извиняющейся улыбкой.

Эллен Предда ничего не заметила, потому что закрыла лицо руками.

— Положить конец? — проговорила она с тихим стоном.— Вы действительно можете? Саймон наконец обретет покой?

— Давайте войдем,— ласково сказала Грейс, двинувшись вперед.

Осиротевшая женщина уронила руки и повернулась, чтобы войти в комнату, она не приглашала остальных, но и не отказывалась впустить.

Эш прошел вслед за Грейс и осмотрел помещение. Маленький коттедж с террасой, куда они вошли, был довольно тесным, но выглядел вполне уютно со своей старой мебелью и яркими занавесками. Справа была дверь, за которой виднелась маленькая кухонька, а прямо перед входной дверью располагалась лестница. Кресло с цветастой обивкой было повернуто к камину, а почти всю вторую половину комнаты занимали стол и стулья. На каминной полке стояло несколько украшений, но фотография в рамке была лишь одна — портрет мальчика с большими темными глазами и копной непослушных волос, закрывающих лоб. Мальчик улыбался, но Эшу показалось, что в его глазах застыло горе.

Эллен Предд, сгорбив плечи и сжав руки, стояла посредине комнаты; Грейс провела ее к креслу.

— Сядьте, Эллен, и позвольте мистеру Эшу задать вам несколько вопросов,— сказала она, когда женщина в поисках утешения взглянула на нее.

Эш выдвинул из-за стола жесткий стул и поставил перед сидевшей в кресле женщиной. Та смотрела на него с таким печальным и потерянным видом, что несколько мгновений он не мог сказать ей ни слова.

Грейс заметила его неловкость и, наклонившись, обняла Эллен за плечи.

— Не бойтесь,— успокоила она ее.— Помните, Дэвид пришел, чтобы помочь вам. Только постарайтесь поточнее

отвечать на его вопросы. А пока... как насчет чаю? Не возражаете?

Женщина слабо кивнула и запахнула поплотнее кофту, будто замерзла, несмотря на жаркий день. Когда Грейс удалилась на кухню, до Эша вдруг дошло, что в комнате действительно холодно. До того он не замечал, что на Эллен Предда теплая вязаная кофта поверх блузки, хотя день стоял исключительно теплый. Он почувствовал, что и его тело борется с изменением температуры, которое только что зафиксировал мозг.

— Вы не возражаете, если я воспользуюсь магнитофоном? — спросил Эш и вынул из кармана крохотный прибор.

Эллен не ответила и даже не взглянула на него.

Эш включил магнитофон и поставил на пол между собой и женщиной.

— Мне хотелось бы услышать, что именно вы видели, с тех пор как ваш сын покинул вас, миссис Предда,— тихо проговорил исследователь, боясь напугать ее.— Миссис Предда? — повторил он, когда она не ответила.

— Я рассказывала преподобному Локвуду,— после минутного молчания произнесла Эллен.

— Да, я знаю. Но теперь хочу, чтобы вы рассказали мне. Видите ли, мне нужно услышать ваши собственные слова. Саймона похоронили три недели назад, не так ли?

Снова небольшая пауза. Потом женщина проговорила:

— Так давно? Три недели? Да, должно быть, так — тогда похоронили моего бедного мальчика.

— И вы видели его после этого? — вкрадчиво спросил Эш.

— Саймон ждал меня, когда я вернулась с похорон. Он сидел в этом самом кресле.— Она коснулась кресла, указывая место.

— Вы действительно видели его? — Повторение вопроса было необходимо, так как в подобных случаях люди часто просто связывают свои переживания с присутствием безвременно ушедшего из жизни любимого человека.

Она кивнула, опять, как и прежде, медленно, осторожно.

— Это было ясное видение? Вы видели его всего?

На этот раз ее ответ прозвучал со страстью:

— Саймон был здесь. Он сидел в этом кресле.

— Он говорил с вами?

И снова ответа пришлось подождать.

— Ему не было нужды говорить со мной. Он просто был счастлив здесь.

Из кухни донесся звук льющейся из крана воды, потом звон чашек и блюдец. Эш ногой пододвинул миниатюрный магнитофон к Эллен Предда.

— Сколько раз Саймон навещал вас?

Впервые еле заметная тень улыбки коснулась ее губ:

— О, Саймон проводил здесь большую часть времени. Это было, как... раньше... когда он...

— Когда он был жив? — закончил за нее Эш.

Она отшатнулась, словно в шоке, и Эш заподозрил, что у женщины серьезные проблемы с психикой, вызванные не только потерей сына. Ее скорбь была вполне естественна, в ее нежелании примириться с утратой не было ничего необычного; однако прошло уже слишком долгое время, чтобы по-прежнему убеждать себя, что сын жив, и это представлялось неестественным. Грейс уже рассказала ему то, что узнал ее отец: что после похорон сына Эллен Предда продолжает вести себя так, будто он по-прежнему с ней, не отходит от нее, разговаривает и помогает ей по дому. На ночь она укладывает его в постель, рассказывает сказки и даже готовит пищу (без сомнения, внушая себе, что он все съедает, хотя сама сгребает пищу с тарелок в бачок). И все же подсознание подсказывает ей, что это невозможно, что на самом деле Саймон утонул в ванне и похоронен на кладбище, и именно потому она не выходит из дома в эти последние три недели, так как за стенами ее ждет реальность, где нет и не может быть Саймона, где люди сочувствуют ей, даже плачут или пытаются убедить ее, что он умер. И самое главное — они не видят его, а это значит,

что его нет. Эллен замкнулась в себе, чтобы сын оставался живым.

Эш вздохнул про себя, подавленный внутренним конфликтом этой женщины. То, как всего несколько мгновений назад она восприняла его термин «видение», означало, что она все больше осознает собственный самообман. Впрочем, могут потребоваться годы, пока она признает, что призрак Саймона — это не более чем ее разыгравшееся воображение. Что касается видения преподобного Локвуда, который якобы сам видел мальчика в этом доме,— что ж, это может быть случаем коллективной истерии; сильные впечатления женщины передались священнику, который, по мнению Эша, страдал неустойчивостью психики. Тогда остальные видения в Слите могли быть тоже частью того же синдрома, ведь коллективная истерия не так уж необычна, как принято считать, и может легко передаваться от одного человека к другому. Многие наблюдали НЛО, целые группы людей — особенно молодые девушки — без видимых причин падали в обморок, на стадионах и в городах вдруг возникали вспышки агрессивности — все это разные проявления одного и того же феномена.

Голос женщины прервал его мысли.

— Вы можете помочь моему мальчику? — Она напряженно смотрела на Эша.

— Почему ему нужна помощь, Эллен? Если вы просите меня упокоить его душу, боюсь, я не смогу этого.— Он приспосабливался к ее образу мыслей, но желал ей добра: если она действительно верила, что сын вышел из могилы, то способна и поверить, что он снова может обрести покой.— Впрочем, это может преподобный Локвуд. Священники часто выполняют подобные обряды.

Женщина в нетерпении покачала головой:

— Вы не поняли. Я хочу, чтобы Саймона оставили в покое. Я хочу, чтобы он оставил нас в покое!

Эш был поражен силой этой вспышки. Он наклонился на стуле и как можно спокойнее спросил:

— О ком вы говорите?

Внезапный грохот, а потом крик из кухни заставили его быстро обернуться. В дверях появилась Грейс, одной рукой она схватилась за косяк, чтобы не упасть, другую прижимала ко лбу. Эш увидел, как сквозь ее пальцы сочится кровь и стекает на запястье.

Он встал, чтобы подойти к ней, но Эллен Предда вскочила из кресла и с неожиданным проворством схватила исследователя за рукав.

— *Это все он!* — прошипела она, и ее лицо исказилось гримасой, в которой была смесь страха и злобы.— *Отец Саймона! Как вы не понимаете?! Он вернулся, чтобы мучить нас обоих!*

13

Закинув одну руку на спинку и поставив согнутые ноги на сиденье, Дэнни Марш развалился на исцарапанной деревянной скамейке перед лужайкой с прудом. В нескольких ярдах от него были колодки и позорный столб, которые хотя и не использовались по назначению, но вызывали восхищение у некоторых членов общества, считавших, что, с тех пор как отменили телесные наказания и казнь через повешение, закон и порядок невозвратимо утрачены. Парень плакал, не обращая внимания на изредка проезжавшие машины и автобусы. Солнце клонилось к вечеру, и народа вокруг не было: слишком жарко для прогулок; лишь случайный фургон у магазинов хоть как-то скрасил полное уныние. Вскоре из ближайшего городка должен был приехать школьный автобус с детьми, но по этому поводу никто не вывешивал флагов.

Дэнни протянул руку к своей джинсовой куртке, висевшей на подлокотнике скамейки, запустил пальцы в карман и вытащил пластинку жвачки. Последнюю. Он развернул ее, засунул в рот, швырнул измятую обертку на траву и начал жевать. Сладкий вкус сразу нейтрализовал несве-

жий привкус выпитого ранее сидра. Почему такая приятная штука становится потом такой отвратительной для рта и живота? И почему то, что сначала вроде бы хорошо, после кажется безобразным? Такие важные вопросы следовало обдумать. Дэнни потратил на это время, но так и не нашел никакого ответа, и его мысли, как всегда, вернулись к Рут.

Дерьмово получилось. Он вовсе не собирался ее пугать. И ей не было нужды убегать от него. Он только хотел показать, как она ему нравится — как он *любит ее*,— вот и все. И действительно, он по-настоящему любит ее. Боже, он полдня — половину этого чертова дня! — проторчал за стойкой в «Черном кабане», только чтобы побыть с ней рядом. И она не оценила этого! Он работает всю неделю, а также по утрам в субботу и воскресенье и проторчал половину выходного в темном старом пабе, вздыхая по ней. Хотел только поговорить. И потому поджидал на дороге, зная, что рано или поздно она пойдет там. Черт возьми, еще неделю назад он ей нравился! Она стала странной, эта Рут, черт ее разберет. Да и не она одна в этих местах. Рехнулись они все, вот что. Ведь он не хотел ничего плохого. Просто поцеловаться, поболтать, вот и все. И неправильно ее понял. Когда она не стала вырываться, он решил, что она сама хочет, чтобы он обнял ее. Почему она просто не сказала, что не хочет, а убежала в лес? Он мог бы догнать ее, но не тогда, когда она в таком настроении. И ничего страшного! Хватит так хватит. Пусть теперь кто-нибудь другой за ней бегает. С него достаточно этих выходок. Не на ней одной свет клином сошелся. Впрочем, может быть, у нее это пройдет. Конечно, он ей нравится. Может быть, ему лучше не показываться недельку. Или пару дней. Или лучше позвонить завтра. И объяснить все. Купить цветы. Черт, упадет на колени и извинится — вот что он сделает. Ну же, Рут, давай попробуем!

Занятый такими невеселыми размышлениями, Дэнни не заметил, как мимо лужайки проехал ржавый серый пи-

кап. Впрочем, услышав внезапный скрип тормозов, парень повернул голову. К его удивлению, пикап на опасной скорости развернулся на дороге и прямо по траве подъехал к скамейке.

Дэнни сел прямо, когда дверь машины распахнулась и из кабины вылетел Ролф Колдуэлл, отец Рут. Он что-то держал за спиной, и Дэнни сначала не понял, что это, но, когда Ролф приблизился, парень увидел какой-то столярный инструмент. Отец Рут с закатанными выше локтей рукавами, в расстегнутой почти до пояса рубашке шел к Дэнни, уставившись на него и похлопывая себя по ладони увесистой с виду киянкой.

— Мистер Колдуэлл...— неуверенно начал Дэнни. Он приподнялся, не смея смотреть в лицо столяру.

— Маленький... грязный... дерьмовый... гаденыш...— Колдуэлл выдавливал слова сквозь сжатые зубы.— Маленький... грязный...

— Мистер Колдуэлл! — Парень замер, привстав; решение оставаться на месте или бежать было бессмысленным, поскольку все члены словно окаменели. Его челюсть отвисла.

— Ты тронул мою дочь?

До Дэнни с трудом дошли эти слова. Тронул его... дочь? Рут?

Колдуэлл почти навис над ним, киянка начала медленно подниматься над головой.

— Похотливый... подлый... маленький...

Дэнни заметил, что на щеках столяра блестят мокрые следы.

Ролф Колдуэлл поморгал, чтобы смахнуть слезы ярости и смятения и лучше видеть свою жертву — *маленького, грязного, подлого ублюдка*. Этого оболтуса... *скотину*... *похабника*! Протянувшего свои вонючие лапы к Рут, попытавшегося... попытавшегося... Колдуэлл не дал страшному образу сформироваться в голове. Он, ее отец, не уберег ее, по своей слепоте позволил Мэнсу испортить дочь, не видя, что делается под самым носом, не понял, не оказался в

нужном месте, чтобы не дать этому скоту коснуться ее, сунуть свой гнусный... в несчастное невинное, маленькое тело Рут. С криком боли, ярости, возмущения и отчаяния он опустил деревянный молоток на череп молодого парня.

Понимая, что сейчас последует, Дэнни поднял руки для защиты, и киянка на пути к голове скользнула по предплечью. Когда оружие достигло своей истинной цели, звук напомнил щелчок ремня по лозе или удар крикетной биты по мячу — не такой уж нелепый в этой истинно английской деревне. Он разнесся хотя и резким, но обыденным, почти приятным шумом, нарушившим угнетающее спокойствие и тишину этого летнего дня.

Даже не вскрикнув, Дэнни рухнул на скамейку. Он не мог вскрикнуть, потому что его череп треснул, проломился и надавил на парализующие нервы и ткани. Вместо него крикнул его обидчик:

— *Ублюдок! Грязный подонок!*

Колдуэлл снова и снова опускал свой молоток на беззащитное тело Дэнни, на руки, на плечи, на хребет, на подергивающиеся ноги, снова поднимался к голове, дробил череп, разбрасывая по зеленой траве вокруг красные осколки с какими-то поблескивающими клочьями. Жидкий поток хлынул изо рта Дэнни на деревянную скамейку, сначала бесцветный, потом розовый, потом ярко-красный.

Встревоженные криками столяра, в дверях лавок появились торговцы. Из открытых окон высунулись лица.

— *Ты... ты тронул... мою девочку... ты...*

Месть Колдуэлла продолжалась, он не знал жалости. Бедная Рут, она приплыла домой в шоке, еле способная говорить, в растрепанной и разорванной одежде, расстегнутой блузке, со ссадиной на лбу, с исцарапанными ногами и руками. Он был в мастерской, и Рут упала в его руки, что-то бормоча про Манса и Дэнни, ее речь была бессмысленна, но в голове Колдуэлла быстро сложилась связь. Он не забыл и не простил выродка Манса, как не забыл и не простил собственной оплошности. Тогда он по неведению допу-

стил это, но поклялся, что больше никто не обидит его дочь. И все же опять дал маху.

И теперь этот ублюдок — маленький ублюдок, безмятежно загорающий на лужайке у ратуши, словно ничто в мире его не волнует! — теперь он заплатит. Да, теперь он не так безмятежен, когда лежит на скамейке, блюя кровью, а его тело дергается, как какое-то отвратительное насекомое, наколотое на иглу. Теперь он понял свою ошибку. Теперь этот маньяк уже никогда не сделает ничего подобного, ни с кем. Да, сэр, ни с кем.

Колдуэлл попытался совладать с дрожью. Кто-то окликнул его из дверей лавки. Кажется, кто-то звал его по имени. Но столяр не замечал. Он еще не закончил свое дело. О нет.

Он выпрямился, глядя на по-прежнему дергающееся тело, затем повернулся и одеревенело пошел назад к машине; ее двигатель еще работал. Швырнув окровавленный молоток на сиденье, столяр дотянулся до длинного металлического ящика с инструментами, который всегда возил с собой, и порылся там в поисках чего-то. Когда трясущаяся рука нащупала твердую рукоятку, он вытащил инструмент и решительно направился обратно к скамейке. Удивительно, но парень был еще в сознании — значит, мало ему досталось — и непрестанно бормотал. Звуки имели мало смысла. Возможно, он молил о жизни.

Несколько человек осторожно и с явной неохотой пересекли дорогу, понимая, что нужно что-то сделать, нужно вмешаться, пока парня не убили — то есть если еще не убили. Но они узнали Ролфа Колдуэлла и опасались его силы и ярости — не он ли чуть не прикончил несчастного извращенца Манса много лет назад?

— Ролф,— осторожно позвал владелец скобяной лавки, где Колдуэлл покупал материалы и инструменты.— Успокойся, Ролф, старина.

Но Колдуэлл еще не закончил свою работу.

Он стащил тело со скамейки и опустился рядом с ним на колени.

Дэнни Марш лежал на спине и смотрел в чудесное голубое небо. Оценил он или нет небесную голубизну, невозможно сказать, но один его глаз двигался слева направо и справа налево, словно пытаясь обозреть весь небосклон. Губы шевелились, хотя издаваемые звуки слышались все тише и тише, пока почти не замолкли.

Отец Рут поднял тяжелый инструмент, принесенный из машины. Он выбрал его под влиянием порыва, так как много раз применял его к Мансу — правда, только в воображении, каждый раз, когда приходилось обстругивать длинную доску. Он все представлял, как пройдется им по Мансу, даже после того как растлитель малолетних однажды поздно ночью в камере отрезал себе гениталии и к утру истек кровью.

Колдуэлл приставил инструмент к лицу парня.

— Вижу, ты больше не захочешь снова говорить с бедной невинной девочкой, дружок.— Он опустил свой инструмент, так что режущий край остановился на щеке.— Я покажу тебе, дружок.— Слова перемежались всхлипами. Всхлипами, но не жалостью.— Я... покажу... тебе...

К остановке через дорогу от того места, где по-прежнему стоял пикап Ролфа Колдуэлла, подъехал школьный автобус. Маленькие любопытные лица прижались к стеклу, когда столяр начал состругивать кожу и кости с лица Дэнни Марша.

14

— Кейт, это Дэвид.

Когда она отозвалась, он сделал быстрый глоток из плоской фляжки.

— Слишком рано что-либо говорить,— ответил Эш на вопрос Кейт.— На первый взгляд это просто одна из идиллических деревушек, мечта туристов. Однако забавно, что туристов тут нет. Это довольно замкнутое общество.

— Удалось прилично устроиться?

— Да, в баре «Черный кабан».

— В *баре?*

Он улыбнулся, услышав неодобрение в ее тоне:

— Да нет, здесь также и гостиница. Единственная.

— Но ты там не усердствуй.

— В рабочее время — ни капли, босс.

— Что-то не верится. Серьезно, Дэвид...

— Ладно, Кейт,— бесцеремонно перебил ее он.— Я еще не подводил тебя в расследованиях.

На другом конце возникла пауза.

— Извини, я не должна была так говорить. Тебе выпало провести несколько прекрасных дней в деревне.

— Да, великолепных. Знаешь, то, что здесь происходит, смахивает — *здорово* смахивает — на аномальные явления. Сантский викарий даже засвидетельствовал одно видение.— Эш, развалившись на кровати в своей комнате в «Черном кабане», потянулся к пачке сигарет на тумбочке рядом с кроватью. Тут же лежал его дипломат.

— Вообще священники — надежные свидетели,— сказала Кейт Маккэррик, а Эш губами вытащил из пачки сигарету.— Он не упоминал, почему с нами связалась его дочь, а он не воспользовался обычными каналами через церковную иерархию?

— Думаю, помешало смущение. Они хотели узнать мнение специалиста, прежде чем дать делу ход. Кстати, здесь какая-то странная атмосфера. Должен признать, мне от этого неуютно.

Он подбородком прижал трубку к плечу и закурил.

— Что именно ты имеешь в виду, Дэвид? — Кейт в своем офисе в Институте экстрасенсорики нахмурилась. На крутящемся кресле она отвернулась от открытого окна, склонилась над столом и прижала свободную руку к уху, чтобы приглушить шум оживленной лондонской улицы.

— Хм, не знаю — просто как-то странно. Как будто что-то назревает.

— Работает твоя интуиция, Дэвид? — Это было не просто случайное замечание.— Дэвид? — окликнула она его, когда Эш не ответил.

— Да, извини. Я задумался.

«Я тоже»,— про себя проговорила Кейт.

— Нет, интуиция тут ни при чем,— продолжил он.— Здешнюю атмосферу можно прямо-таки ножом резать.

«Можно резать, или это ты мог бы резать?» — снова про себя проговорила Кейт.

— В общем, прямо сегодня, через дорогу от того места, откуда я сейчас говорю, произошло нечто ужасное.— Он затянулся сигаретой.

— Расскажи.

— Ну, вроде как молодого парня лет девятнадцати-двадцати почти до смерти избил местный столяр. Сначала деревянной киянкой, а потом прошелся шерхебелем.

— Чем?

— Шерхебелем. Это такой инструмент с лезвием внизу, чтобы строгать дерево, вроде рубанка.

— Он ударил им этого парня?

— Нет, попытался обстрогать ему лицо. И насколько я слышал, это ему почти удалось. По крайней мере, к тому времени парень валялся без сознания, с проломленным черепом.

— Боже мой!

— Да. Пока что я не знаю подробностей, но когда я недавно вернулся в гостиницу, все здесь только об этом и говорили.

— Ничего удивительного. Мне показалось, ты сказал, что Слит — одна из тех милых деревушек, о каких мечтают туристы.

— Я также сказал, что здесь странная атмосфера. Во всяком случае, я поговорил здесь с тремя — с самим преподобным Локвудом, с Эллен Предда, которая недавно потеряла сына, и с фермером, живущим недалеко от деревни. Завтра я найду время напечатать отчет для тебя и пошлю его.

— В гостинице есть факс?

— Не уверен. Если нет, я схожу в муниципалитет — дочь священника там работает неполный день.

— Ах да, Грейс Локвуд.

— Она оказалась очень полезной.

— Хм. Невротический тип?

— Ни капельки. Так же нормальна, как ты или... в общем, достаточно нормальна.

Кейт рассмеялась:

— Симпатичная? Замужем?

— Да и нет, но не то чтобы это имело отношение к чему-либо.

— Возможно, я приеду к тебе на помощь.

Эш про себя вздохнул. Кейт говорила непринужденно, но в ее предложении сквозила серьезность.

— Кейт.

— Да, Дэвид?

— Ведь тут нет связи, а?

Последовала пауза.

— Приеду, если скажешь.— Она снова вернулась к деловому тону, но Эша это не обмануло.— Что ты собираешься делать, Дэвид? Ты сможешь установить свою аппаратуру?

— Лучше всего начать с коттеджа Эллен Преддл. Она первая, кто видел призрака.

— Опознала его?

— Это был ее сын. Мальчик утонул четыре недели назад. Незадолго до этого она также потеряла мужа.

— Бедная женщина.

— Ты не слышала эту истеричку. Теперь она утверждает, что ее муж встал из могилы.

— Так ее преследуют *два* призрака?

Эш долгой струей выпустил дым.

— Не совсем так. Похоже, призрак преследует призрака.

— Что-то я не совсем поняла.

Эш мрачно улыбнулся:

— Эллен Предл считает, что призрак отца преследует призрак сына.

15

В тот вечер обеденный зал в гостинице «Черный кабан» не был переполнен. По сути дела, не считая Дэвида Эша, ожидавшего Грейс Локвуд, там обедали всего двое. Эта пара, обоим с виду за шестьдесят, отмечала годовщину своей свадьбы. Мужчина заказал бутылку дорогого шампанского и пригласил жену хозяина, которая была метрдотелем. Она произнесла тост в честь их долгого брака. Розмари Джинти со счастливым видом говорила положенные слова, но Эш видел, что, даже подняв свой бокал, она бросает подозрительные взгляды в его сторону.

Обеденный зал с камином, мягкими лампами на стенах и мощными балками на потолке создавал приятное ощущение уюта; маленькие круглые столики были рассчитаны на то, чтобы посетители сидели поближе друг к другу, а в центре крохотных цветочных клумбочек горели короткие свечи. Большинство окон выходило на задний двор гостиницы и в сад, и когда темноту прорезали вдруг вспыхнувшие снаружи фонари, скворцы, гнездящиеся на деревьях и под навесом крыши, начали кричать и хлопать в воздухе крыльями.

Захваченный безумным, хотя и кратким зрелищем, Эш вдруг осознал, что кто-то стоит у его столика. Отвернувшись от окна, он увидел пухлое симпатичное лицо жены хозяина, выражение пристального внимания на котором тут же сменилось вежливым интересом.

— Я не хотела пугать вас, мистер Эш.— У нее была вполне приятная улыбка, но плохо скрывавшая тревогу в глазах.— Я подумала, не принести ли вам из бара еще выпить, пока вы ждете,— Она сцепила руки на животе, протестующем против корсета под темно-зеленым платьем. Свечи

отбрасывали теплые отблески на короткую двойную нитку жемчуга на ее шее и делали губную помаду темнее, почти малиновой.

— Хорошо бы еще водки.

— Со льдом?

— Нет, просто водки.

— О да. Кстати, мистер Джинти интересовался: вы уже решили, на сколько еще останетесь у нас?

Эш догадался, что хозяин гостиницы ничем подобным не интересовался, а его жена просто хочет завязать беседу. Может быть, приезжий вызвал у нее любопытство, а может быть, местные жители уже заподозрили, зачем он прибыл в Слит. Со времени своего приезда он посетил троих, так что слухи уже вполне могли разойтись.

— Так вы решили, мистер Эш?

— М-м-м, извините. Я отвлекся. Нет, еще не решил, миссис Джинти. Как я говорил вашему мужу, возможно, еще два дня, а может быть, неделю.

— Понятно. Вы интересуетесь здешними местами, да?

Ее улыбка была несколько натянутой, когда она приглаживала тщательно уложенные обесцвеченные волосы.

— У вас прелестная деревня.

Хозяйка подождала, но Эш только улыбнулся.

— Да,— сказала она, поняв, что он не собирается прямо отвечать на ее вопрос.— Да, в Слите очень красиво. И очень спокойно, мистер Эш. Ну, я надеюсь, ваша спутница скоро придет, так что пойду, принесу вам выпить.

— Спасибо,— поблагодарил он и снова посмотрел в окно, когда хозяйка ушла.

Скворцы угомонились, вероятно потому, что уже наступила ночь; газоны и клумбы заливал свет уличных огней. Однако тени стали гуще.

В ожидании Грейс Локвуд Эш вспоминал свой разговор с фермером. Земли Сэма Ганстоуна находились сразу за деревней, но, чтобы добраться до фермы, Эшу пришлось на машине Грейс добрых пять минут петлять по дороге. У Ган-

стоуна, дородного седеющего мужчины за шестьдесят с красным, испещренным жилками лицом, которое выдавало жизнь на свежем воздухе в суровом климате, не хватило терпения отвечать на вопросы исследователя, даже когда Грейс объяснила цель их визита.

— Чепуха,— был его ответ.— Чепуха и коровье дерьмо. Кто слышал о призраках в стогу? Такого не бывает.

Эш напомнил, что именно он, Ганстоун, и видел такое.

— Да, я видел что-то,— резко ответил фермер,— но это был никакой не дерьмовый призрак. Фокусы памяти, вот и все — как это называет доктор? — дежа вю. Понимаете, о чем я говорю?

Конечно, Эш понимал. Ганстоун был прагматик, серьезный человек от земли, который мог верить в древние мифы и легенды, но никогда не поверит в чудеса наяву. Как говорил викарий? Здравый смысл всегда ищет рациональные объяснения. Казалось, на этот раз фермер передумал, хотя его первый рассказ преподобному Локвуду был совершенно правдоподобен.

Эш отвернулся от окна и положил руки на стол, рассматривая пустую рюмку и размышляя, почему такое множество видений произошло именно в этом районе.

Что-то заставило его оторвать глаза от рюмки и посмотреть на дверь в бар — единственный вход в ресторан. Через три секунды в зал вошла Грейс Локвуд.

Эш поднялся из-за стола навстречу ей, и она без улыбки подошла к нему. В этот вечер на ней было бордовое платье из дорогого тисненого шелка, с длинными рукавами; распущенные по плечам волосы завивались концами внутрь. Ссадина на лбу была едва видна под слоем грима, но напомнила Эшу про дневной инцидент на кухне у Эллен Прадд, когда, по словам Грейс, без всякой видимой причины с верхней полки через все помещение на нее полетело блюдце. Поскольку осиротевшая мать находилась в полуистерическом состоянии, Эш не смог должным образом провести исследование, но теперь задумался, уж не связаны ли видения и полтергейст.

— Дэвид, у меня только что было странное чувство.

Он подставил ей стул; Грейс села, сохраняя серьезное выражение лица. Глядя на нее, он сел напротив.

— Как сегодня в церкви,— сказала она,— за несколько мгновений до того, как мы действительно встретились.

— Знаю,— кивнул Эш, положив свои руки на ее, словно внушая ей, что все будет в полном порядке.— Я тоже ощутил это.

Грейс с любопытством посмотрела на него.

— Как будто небольшой безболезненный удар током, да? У меня было то же ощущение. Я узнал, что вы пришли, еще до того, как вы появились в дверях.

— Да, именно так.— Когда он убрал руки, она наклонилась над столом, покачивая головой.— Я не понимаю, что происходит.

— Грейс, у вас раньше были телепатические проявления?

Вздрогнув от вопроса, она снова выпрямилась.

— Не думаю. Может быть, иногда, вроде того, когда, еще не сняв трубку, знаешь, кто звонит. Но ведь это совершенно обычно?

— Это не *так* обычно, но такое бывает. Часто это просто логика — вы ожидаете чьего-то звонка или знаете, что больше никто вам не позвонит,— но иногда подобные ощущения могут быть связаны и с телепатией. А что-нибудь еще, какие-нибудь другие примеры?

Она на мгновение задумалась.

— Не думаю... Погодите... В детстве родители возили меня в Кентерберийский собор. Потом мы пошли гулять по городу, и каким-то образом — не спрашивайте меня как, не помню,— я потерялась. Родители сходили с ума, разыскивая меня больше часа, но потом я нашла их. Мне было всего семь лет, и я совсем не знала Кентербери, но я точно помню, что мне не было страшно ходить там одной. В общем-то мне даже нравилось ходить одной по магазинам, а когда надоело, я просто пошла к углу, где, я знала — в са-

мом деле знала,— были мои родители. Они разговаривали с полисменом, а я просто подошла и взяла маму за руку, словно ничего не произошло.

— Вы уверены, что не нашли их случайно? Это было так давно.

— Забавно, но я до сих пор точно помню то место, где я решила тогда, что нагулялась. За все эти годы мне не приходило в голову, что это могло быть что-то вроде телепатии. И с тех пор определенно ничего подобного не случалось.

— Это мог быть всего лишь природный инстинкт — все дети в определенной степени обладают им. Впрочем, нужно еще выяснить, что мы подразумеваем под словом «инстинкт».

— Добрый вечер, Грейс.

Оба удивленно взглянули на жену хозяина, стоявшую у столика с рюмкой в руке.

— Привет, Розмари,— сказала Грейс, когда та поставила перед Эшем рюмку рядом с уже пустой.

— Ваша водка, мистер Эш.— Миссис Джинти забрала пустую рюмку.— Вам аперитив, Грейс? О, дорогая, вы поранились?

Грейс прикоснулась ко лбу, словно только что вспомнила про рану.

— Ничего серьезного. Посуда опрокинулась, вот и все.

Розмари закатила глаза в притворном смирении:

— У меня тоже такое бывало. Не раз Том выгонял меня с кухни, говоря, что от меня одни убытки.

Грейс вежливо улыбнулась.

— Пожалуй, я бы выпила вашего домашнего вина. Сухого белого, да?

— Оно не совсем сухое, но довольно сухое.— Миссис Джинти переводила взгляд с Эша на Грейс и обратно, намереваясь присоединиться к беседе, но, когда ни тот, ни другая не дали повода, сказала: — Хорошо. Почему бы вам не ознакомиться с меню, пока я схожу за вином?

Она отошла, проверила, не нужно ли чего-нибудь остальным посетителям, и исчезла в баре за дверью.

— Может быть, вы восприимчивы к определенной психической энергии,— сказал Эш, когда хозяйка оказалась за пределами слышимости.

— И что это значит? — На лице Грейс играла полуулыбка.

— Вы настроены на определенные умы.

— Например, ваш?

— Возможно. Вы можете оказаться скрытым телепатом.

Она засмеялась:

— Я слышала о скрытых гомосексуалистах, но скрытые телепаты? Очень сомневаюсь.

— Люди обычно противятся такой мысли.

Ее озадачила убежденность в его голосе.

— Почему?

Эш пожал плечами:

— На то есть свои причины, даже если люди не знают о них.

— Вы имели дело с такими людьми?

В его улыбке не было юмора.

— Можно сказать так. Кстати, как чувствует себя преподобный?

Грейс уловила, что Эш хочет сменить тему, и решила не настаивать. В этом человеке было что-то загадочное, и она подумала, что прямые вопросы, касающиеся чего-то личного, вызовут лишь неприятие. А может быть, здесь проявлялся его профессионализм — он приехал провести расследование для ее отца, и откровенность насчет себя не способствует выполнению этой задачи. И все же странно, какую близость она ощущала с этим человеком, несмотря на то что только сегодня его встретила. Может быть, это телепатия, о которой он сейчас упомянул? Может быть, их умы «настроены на одну волну», и этим объясняется его восприимчивость? Грейс на время прогнала эти мысли.

— В последний год отцу стало нехорошо; его здоровье быстро ухудшалось — еще до смерти матери. Она часто писала мне, как беспокоится об отце. По иронии судьбы

она сама...— Грейс замолчала, грустно качая головой.— Естественно, после ее смерти ему стало еще хуже, а теперь... эти призраки. Они совершенно вывели его из равновесия.— Она снова наклонилась, сцепив руки на краю стола.— Дэвид, что происходит здесь, в Слите?

Он не успел ответить, потому что жена хозяина поставила перед Грейс бокал белого вина.

— Именно это всем нам хотелось бы узнать, дорогая,— проговорила она, не понижая голоса. Пожилая пара за столиком в другом конце зала с интересом посмотрела на них.— Все эти глупости насчет призраков и прочего, все ходят с вытянутыми лицами, и трудно с кем-нибудь нормально побеседовать.— Она безнадежно обвела рукой помещение.— И видите, как страдает бизнес. Обычно в такие чудные вечера ресторан почти полон. И потом — этот ужасный случай днем.

Ее шея напряглась, и хозяйка чуть заметно покачала головой.

— Представляете, Грейс? Ролф Колдуэлл чуть до смерти не измолотил бедного юношу.

— Мой отец сейчас у матери Дэнни Марша, хотя не знаю, чем он сможет ее утешить. А полиция выяснила, почему Колдуэлл совершил такой ужасный поступок?

Теперь Розмари Джинти понизила голос и заговорщицки склонилась над столом:

— Я слышала, молодой Дэнни что-то сделал дочери Колдуэлла. Потому-то Рут и нет на работе вечером.

— Что вы имеете в виду, Розмари? — спросила Грейс.— Что именно он сделал?

— Вы сами понимаете, Грейс, вам не нужно растолковывать. Я всегда думала, что этот мальчик довольно безобиден — может быть, немного мрачноват, но в нем нет ничего плохого. Никогда бы не подумала, что он способен на такое.

— Он пытался ее изнасиловать? — пришел на помощь Эш.

Розмари искоса бросила на него жесткий взгляд:

— Я сказала только то, в чем его могут обвинить — если он останется жить.

— Он совсем плох? — спросила Грейс.

— Будешь плох — с проломленным-то черепом! — Ее передернуло, сцепленные на толстом животе руки пошевелились.— Колдуэлл содрал ему почти все лицо своим рубанком, и это вряд ли улучшило дело. Боже мой, для Дэнни, может быть, было бы счастьем теперь умереть, когда у него практически нет лица, а мозги, наверное, как картофельное пюре. Так вы уже посмотрели меню?

Он ошибался, понял Эш, пригубив арманьяк. Грейс Локвуд — прекрасная женщина. Может быть, сыграли свою роль пламя свечей, вино, бренди, а недостатки — которых и так было мало — исчезли при ближайшем знакомстве. Знакомстве? Они не знакомы и дня. Что здесь происходит, Эш, что за чертовщина здесь происходит? Ее глаза, смотрящие на него, казались мягкими в приглушенном свете, и тем не менее проникали в него, словно она хотела узнать о нем больше, чем он был готов предложить. Длинными пальцами она держала чашку с кофе и улыбалась ему через стол.

— Вы задумались,— сказала Грейс и многозначительно добавила: — Опять.

Он извинился и тоже улыбнулся ей.

— В этом деле так много аспектов, не знаешь, на чем сосредоточиться.

— Ах, так *вот* вы о чем задумались.

Он улыбнулся еще шире, так что улыбка стала натянутой.

— На самом деле нет. Я думал, почему вы не замужем.

Если она и растерялась, то не подала виду.

— Почему вы так решили?

— Нет кольца. Да и вообще никаких драгоценностей, даже браслета. Мужья и приятели обычно на некотором этапе начинают дарить такие вещи.

— Я никогда не любила подобные украшения.

— Мужей и приятелей?

Ему понравился ее смех.

— Драгоценности, дурачок. Если, конечно, им не несколько сотен лет. Что касается двух остальных, что ж, у меня было несколько из одной категории и ни одного из другой. Из какой именно — постарайтесь догадаться сами.

— Думаю, развод бросил бы тень на семью священнослужителя.

— Бросил бы, но бывали и такие случаи. Во всяком случае, это пришлось бы решать мне и моему мужу — если бы таковой был. В этом решении профессия моего отца не играла бы роли.

— Вы не религиозны?

— Нет, в том смысле, который вы вкладываете в это слово. Я верю кое во что, но не уверена, что это моя религия. А вы? Дайте мне угадать — я бы сказала, вы законченный атеист.

— Что привело вас к такому мнению?

— О, главным образом ваш цинизм.

— Он так быстро проявился?

— Вы излучаете цинизм, Дэвид. Он способствует вашей работе?

— Иногда помогает.

— Но разве вам не доводилось расследовать случаи с духами, призраками, полтергейстом — как вы их там называете? Конечно же, за годы работы вы сталкивались с истинными проявлениями сверхъестественного? Разве это не доказывает, что в той или иной форме существует жизнь после смерти? А, Дэвид?

Он отвел глаза и уставился в рюмку с бренди. Грейс заметила, как его плечи ссутулились, будто он буквально погрузился в себя.

— Я что-то не так сказала? — обеспокоенно спросила она.

Он поднял рюмку и сделал большой глоток.

— Не возражаете, если я закурю? — наконец проговорил Эш.

— Конечно не возражаю. Так вы расскажете мне, что не так?

Когда он протянул ей пачку, Грейс покачала головой и подождала, когда он закурит сам.

— Что-то не так, да? — снова спросила она, когда ритуал был закончен.— Я чувствую это с того момента, как мы встретились.

— Ваши телепатические способности,— прямо сказал Эш.

— Старая добрая женская интуиция,— возразила она.

— А, да.

— Знаете, Дэвид, у вас даже глаза тревожные.

— А я полагал, они задумчивые.— Он пододвинул к себе пепельницу и стряхнул о край пепел с сигареты, хотя в этом не было никакой необходимости.— Мы говорили о вас, Грейс.

— Хорошо. Я не была замужем, хотя как-то раз чуть не вышла, очень давно.

— Это был кто-то из местных?

— Не важно. У меня также был близкий друг в Париже, но мы расстались за несколько месяцев до моего возвращения в Англию. Это было неизбежно, потому что он был уже женат. А теперь расскажите мне о себе.

Эш выдохнул дым, мысли путались, его обуревали сомнения. Он понял, что впервые ему хочется рассказать кому-то свою тайну. О доме под названием Эдбрук и семье, которая жила там. О двух братьях и их сестре. Прекрасной... безумной... Кристине. Боже, даже Кейт Маккэррик он не рассказал всего, даже во время интимной близости, а теперь готов — отчаянно хочет — рассказать все этой женщине, с которой встретился только утром.

— Грейс,— сказал он неуверенно.— А вы, вы сами, действительно верите в призраков?

— Вы оказались здесь из-за меня, Дэвид.

— Это не значит, что вы верите, будто здесь, в Слите, видели призраков. Вы можете сознавать, что это всего лишь мысленные образы.

— Но мой отец, Элден Предда...

— Забудем о том, что, как им кажется, они видели. *Вы* верите в призраков?

Грейс вздрогнула от напора эмоций, с которым он задал свой вопрос.

— Я... Я не уверена.

Она помолчала, а Эш смотрел на нее, словно ее ответ имел для него чрезвычайную важность.

— Да,— наконец сказала Грейс.— Да, верю. Как уже говорила, я не очень религиозна в смысле церковных доктрин и церемоний, но я верю, что должно быть что-то большее, чем просто существование. То, что мы делаем в этой жизни, должно иметь какой-то смысл, должно что-то значить. Думаю, это значение приходит потом, когда мы умираем. Я ответила на ваш вопрос?

— Не совсем.

Она искала слова, чтобы озвучить свои мысли:

— Я думаю, что, когда мы умираем, какая-то часть нас остается. Возможно, это наши души, наше сознание — наверное, вы бы сказали, наша психическая энергия. Что бы это ни было, оно продолжает существовать в своей собственной форме, и кто знает — может быть, оно возвращается в этот мир в виде образов своей последней оболочки, если обстоятельства благоприятствуют этому, или в виде блуждающих огоньков. Может быть, это мы сами создаем этот образ, наш собственный ум придает ему форму чего-то такого, что мы можем себе представить.

Эш как будто немного расслабился.

— Разумная гипотеза,— сказал он.— Просто, но не хуже всего того, что мне доводилось слышать.

— А, без сомнения, вы слышали немало.

Он кивнул:

— Но это так и не объясняет, почему они возвращаются.

— Пожалуй. А должна быть причина, да? Может быть, всегда должен быть какой-то странный несчастный случай, а?

— Я не верю в это. Убежден, должна быть какая-то цель.

— Так расскажите, зачем вам понадобилось мое мнение. Мне показалось, для вас этот вопрос был очень важен.

Он отвел глаза, как будто что-то в саду за окном вдруг вызвало у него интерес. Огни снаружи казались ярче, ночное небо темнее.

Грейс рассматривала его профиль, уже не в первый раз за этот день. Она была права насчет его глаз — их словно тревожил окружающий мир. У него был мощный нос, такой же мощный, как и челюсть, и он был привлекательным и сильным мужчиной. Но даже в галстуке Эш казался несколько растрепанным. Его темные волосы были взъерошены, словно по ним лишь слегка прошлась расческа. По крайней мере, прежде чем пойти в ресторан, он удосужился побриться, хотя тень на подбородке выдавала уже пробивающуюся щетину. Грейс заинтересовалась маленьким шрамом у Дэвида на скуле.

По-прежнему не глядя на нее, Эш сказал:

— Несколько лет назад меня самого посещали призраки.

Грейс не знала, как отнестись к этому, поскольку видела, с каким трудом дались ему эти слова. Но ей хотелось узнать, что тревожит его, хотелось, чтобы он поделился своими мыслями, и поэтому она сказала:

— Расскажите мне, Дэвид. Пожалуйста, расскажите.

Он снова повернулся к ней лицом.

— Я не уверен.

— Не уверены во мне?

Он покачал головой:

— В себе. Вы можете подумать, что я сошел с ума.

Она сделала протестующий жест.

— После всего, что мы рассказали вам о происходящем в Слите? Я боялась, что вы примете *нас* за сумасшедших.

— Это... это непросто.

— Мне все равно некуда спешить.

И снова он задумался, затянувшись сигаретой, потом допил свой арманьяк. На этот раз, заключила Грейс, чтобы успокоиться, а не чтобы уклониться от вопроса.

— Три года назад,— наконец сказал Эш,— Институт направил меня в поместье под названием Эдбрук. Там, в огромном заброшенном здании жили четверо — два брата, их сестра и престарелая няня, присматривавшая за ними всеми и за самим домом. Они утверждали, что к ним является призрак девочки.

Он повертел пустую рюмку, наклонив ее к себе, словно ища там бренди.

— И он в самом деле являлся? — тихо спросила Грейс.

Ей совсем не понравилась его улыбка.

— О да. В Эдбруке водились призраки. Но это была шутка.

— Шутка? Они хотели подшутить над вами?

— Вроде того. Я имел репутацию человека, умеющего доказывать, что все разговоры о призраках не имеют под собой реальной почвы, а вызываются геологическими процессами, сквозняками, усыханием дерева — всякими нормальными, естественными явлениями. Мой послужной список был так безупречен, что все, кто занимался сверхъестественным, меня ненавидели.

— Но, очевидно, не в Институте экстрасенсорики.

— О, и там многие не выносили меня. Но медиумы, ясновидцы, прорицатели и исправители судьбы ненавидели меня страшно. Они чувствовали, что я подрываю доверие к ним. Да так оно и было.

— И эти люди в Эдбруке — они как-то хотели опозорить вас?

Так же как и улыбка перед тем, ей не понравился его смех.

— Да, вроде того. Они попытались меня опозорить.

— И им это удалось?

Он чуть заметно кивнул, его плечи снова ссутулились.

— Они добились большего. За три дня и три ночи, что я провел там, они открыли мне глаза.

— Вы хотите сказать, они действительно убедили вас в том, что дом посещают привидения, а потом показали, как обманули вас?

В обеденном зале стояла тишина. Пожилая пара, отмечавшая годовщину свадьбы, ушла, жены хозяина тоже не было видно.

Когда Эш снова заговорил, его голос еле звучал, и Грейс пришлось склониться над столом, чтобы расслышать его слова.

— Они напугали меня. Боже, они напугали меня! И величайшая шутка заключалась в том, что я позволил себе влюбиться в девушку.

— За три дня? — тихо спросила Грейс.

— Думаю, с первого же мгновения, как увидел ее глаза.

— И она вам отказала.

— Она посмеялась надо мной, Грейс.

Грейс нахмурилась. Эш не производил впечатления человека, который позволяет смеяться над собой.

— Они все посмеялись надо мной. Кристина и ее братья, Роберт и Саймон. Даже няня понимала, что происходит. Я провел три дня и три ночи, ничего не подозревая, не догадываясь, зачем они позвали меня туда.

— И вы уверены, что они стремились одурачить именно вас? Я хочу сказать: может быть, они хотели обмануть собственно Институт?

— Нет, именно меня. Меня они выбрали своей жертвой.

— Но почему? Какой смысл заходить так далеко, просто чтобы одурачить вас?

— Я сказал вам: это непросто. Видите ли, в конце концов они убедили меня, что такие вещи, как привидения, существуют.

— Вы в самом деле их видели? Вы зафиксировали их?

— Нет, у меня не было никаких свидетельств. И потому я не мог доложить Институту обо всем. Меня упекли бы куда-нибудь.

Он долгим взглядом посмотрел на нее, и ее встревожила темнота в его глазах, глубокая подавленность, словно шедшая из глубины души.

Эш снова закурил, взвешивая слова, и они звучали чуть ли не сердито:

— Видите ли, *они* были призраками. Все в этом Богом забытом доме, кроме няни, которая совершенно выжила из ума, были призраками.

Странный человек, думала Грейс, когда они шли к ее машине. Насколько серьезно следует воспринимать его историю о шутках призраков в таинственном доме? Все это звучит нелепо. И все же... И все же было что-то в Дэвиде Эше, что заставляло поверить в его рассказ. Или, возможно, правда заключалась в том, что в нем было нечто такое, отчего ей хотелось поверить ему. Он был, несомненно, мрачен и отличался большим запасом цинизма; и все же в нем чувствовался юмор, хотя и какой-то усталый. Возможно, именно сочетание, а точнее говоря, противопоставление таких настроений и делало его... интересным. Хотя его помятый вид производил впечатление небрежности, темные задумчивые глаза иногда выражали такую силу, что становилось страшно. И кроме того, между ним и ею существовало что-то странное, чувство, что они *знают* друг друга. Она не могла читать его мысли, не могла проникнуть в глубины его души, и все же при ней оставалось ощущение знания, идущего от глубокого понимания, хотя она, казалось бы, совсем не могла разгадать этого человека. Грейс запуталась, и эмоциональный шок, дважды, как удар молнии, поразивший ее в этот день за мгновение до встречи с ним,— запутывал еще больше. Телепатия, начал убеждать ее Дэвид, пока в их разговор не вмешалась Розмари Джин-

ти. Разве это возможно? Но что же тогда связывает их? Грейс отогнала навязчивые мысли, но они продолжали тревожить ее.

Подойдя к машине, она стала рыться в сумочке, ища ключи.

— Мне, м-м-м, нужно будет поговорить с вами завтра,— сказал Эш.

— Простите, что? — Она нашла ключи и взглянула на него.

— Мне нужно будет еще поговорить с вами о самом Слите. О его истории и прочем. Получить общую картину.

— Это поможет?

Он пожал плечами:

— Может помочь. Надо же с чего-то начать.

— Утром мне надо сходить в муниципалитет, но я могу вернуться домой к половине одиннадцатого.

— Прекрасно.

Он смотрел, как Грейс вставила ключ в замок.

— Грейс... А ваш отец — он психически здоров?

Она выпрямилась и посмотрела на него, шокированная вопросом. Свет из окон «Черного кабана» освещал половину ее лица, оставляя другую половину в глубокой тени. Где-то вдали, может быть около самой церкви, закричала сипуха.

— Почему вы спрашиваете?

— Он показался мне не просто нездоровым психически, когда я говорил с ним сегодня. Извините, я не хочу никого обидеть, но он вел себя как невротик. Или, по крайней мере, близко к этому.

Ей с трудом удалось подавить гнев.

— Ведь это в его деревне завелись привидения. И он испугался.

— А-а,— тихо проговорил Эш, и Грейс не поняла, что он имел в виду.

— Говорю вам, Дэвид, мы все напуганы. Мы будто ждем, что вот-вот что-то случится, что-то страшное.

Он подошел поближе и взял ее за локоть.

— Это может быть разновидностью коллективной истерии, Грейс. Раньше я сталкивался с подобным.

— Истерия? Вы думаете, так просто?

— Нет, в этом нет ничего простого. Но когда кто-то пережил или думает, что пережил нечто сверхъестественное, в его уме впечатление может быть таким сильным, что передается другим, а от них к следующим.

— Что-то вроде метафизического вируса?

Он не стал винить ее за насмешливый тон.

— Никто не знает, как это начинается, хотя многие изучали этот феномен. Массовые обмороки у девушек в одной и той же школе, толпы засвидетельствовавших чудо в святом месте — плачущую или кровоточащую статую, левитацию,— даже спонтанные беспорядки. Словно ум способен передавать от человека к человеку какой-то импульс, иногда мгновенный, так что в результате этот импульс может охватить всю массу.

— И вы считаете, что такое произошло в Слите? — недоверчиво спросила Грейс.

— Возможно, хотя здесь все протекает несколько иначе. Например, развивается медленнее, постепенно. Но пока все, кто видел так называемых призраков, перенесли ту или иную душевную травму, а это значит, их умы могут быть восприимчивыми к внушению. Эллен Предда потеряла сына и мужа, Сэм Ганстоун видел, как сгорел Джордж Предда. Рут Колдуэлл утверждает, что видела призрак человека, растившего ее в детстве.

— Но мой отец...

— Думаю, он все еще скорбит по вашей матери. И он был один с Эллен Предда, когда видел ее мертвого сына. Ее мысли могли быть так интенсивны, что ум вашего отца уловил их.

Грейс коснулась ссадины на лбу.

— Значит, и мой ум тоже?

Ее гнев не остыл, но она сдерживалась.

— Элен Предд была возбуждена. Ее охватили страх и гнев, а иногда у некоторых лиц эти эмоции могут разбудить дремавшие до того внутренние силы. Институт исследовал несколько сотен заявлений о появлении полтергейста, и большинство из них оказались не чем иным, как высвобожденной энергией томящихся молодых девушек.

— Вряд ли вы отнесете Элен к этой категории.

— Конечно, но принцип тот же. Человеческое сознание обладает огромной силой, Грейс, такой силой, какую мы все еще не в состоянии понять.

— Вы не верите, что в Слите обитают призраки.— Это было прямое, почти без всяких эмоций утверждение.

— Я не говорил этого. Слишком рано выносить какое-либо определенное суждение.

— Так что же теперь делать?

— Я продолжу свои исследования. Подождем.

В ее глазах застыл вопрос.

— Подождем,— сказал Эш,— пока случится еще что-нибудь.

16

Отодвинув яркую цветастую занавеску, лесник вглядывался в темную ночь. Небо затянули тучи.

— Эти козлы вернутся,— проворчал он, и его жена оторвалась от шитья.

— Вряд ли, Джек, не прошло и двух ночей,— сказала она скорее с надеждой, чем с уверенностью.

Он опустил занавеску и отвернулся от окна.

— Они болваны, Мэдди. Вчера они смылись с хорошим уловом и думают, им снова повезет. Помяни мое слово, сегодня они вернутся.

— Ленни Гровер и его дружки?

— Можешь быть уверена.

Джек Баклер вышел в прихожую и достал пару старых, но крепких башмаков. Когда он принес их в комнату, эр-

дельтерьер, растянувшийся у камина, словно, как зимой, там еще полыхал огонь, поднял голову. Завидев в руках хозяина старые башмаки, собака вскочила, заскулив.

— Смотри, Гаффер, не визжи раньше времени,— предостерег лесник эрделя и усмехнулся, когда пес с ожиданием в черных глазах потрусил за ним, свесив розовый лоскут языка.— Ладно, парень, посмотрим, что поймаем сегодня, а?

Гаффер быстро пробежал через прихожую и с участившимся дыханием стал ждать у дверей. Джек Баклер сел на краешек кресла, скинул шлепанцы и, ворча, натянул тяжелые башмаки.

— Эй, не тряси грязь на ковер! — закричала женщина, хотя плохо скрываемое беспокойство относилось не к ковру, а к мужу.

— Я их сегодня чистил, сама знаешь,— добродушно огрызнулся он.

— Да, иногда ты забываешь это, Джек Баклер.— Ее тон смягчился.— Почему бы тебе не остаться сегодня, Джек? Бердсмор не повысит тебе жалованье за выходы среди ночи.

— Брось, Мэдди, ты же знаешь: это моя работа — отгонять этих бездельников, чтоб их! Прошлой ночью они набили целый мешок, а сегодня придут опять, чтобы набрать еще больше. Так было раньше, и так будет, а я не могу предоставить им такую возможность, особенно после сегодняшней выволочки от управляющего. Эти лоботрясы стали приносить слишком много ущерба. Кроме того, Бердсмор не любит, когда чужие бродят по его землям, каковы бы ни были у них причины. Ты же знаешь, как он относится к своей собственности.

Мэдди отложила шитье, подошла к креслу и опустилась рядом с мужем на колени. Она посмотрела ему в лицо и с тихой грустью отметила, что в этих старых, усталых глазах видны его шестьдесят три года, а вокруг разбежались морщины, вызванные печалями и радостями, которых было немало в его честной, богобоязненной жизни. Этот добрый, мягкий человек, хотя и загрубевший на особый манер —

как бывает груба, но целесообразна природа,— слишком заботился о птицах и животных, отданных на его попечение, и иногда ей приходилось отговаривать мужа от выполнения обязанностей, когда в расчет не принимались его здоровье и возраст.

— Назови меня старой дурой, но, мне кажется, ты зря выходишь этой ночью, Джек. Как-то у меня странно кости ломит.

— Не мели чушь, Мэдди. Нынешняя ночь ничем не отличается от прошлой и позапрошлой, и можешь быть уверена, эти лоботрясы окажутся там, и ничего хорошего они не замышляют. Вот и ломит кости.— Он потрепал ее по щеке.— Не думаешь же ты, что я забьюсь в постель, когда эти чертовы браконьеры вышли за добычей? Тем более что это моя работа, сама прекрасно знаешь.

— Я знаю, что тебя не переубедишь, ты упрям как старый осел.— Обидевшись на его холодный смешок, она начала зашнуровывать ему башмаки.— Только обещай, что будешь осторожен,— вот и все, о чем я прошу.

Джек оборвал смех и посмотрел сверху на макушку Мэдди. Значит, она тоже это чувствует. В последнее время в поселке происходило что-то странное, и ясные дни и спокойные теплые ночи не могли этому помешать. Даже птицы и звери в лесу нервничали. Как... как много лет назад, когда он был еще юным и его отец показывал, как действуют браконьеры. Боже небесный, столько лет он не вспоминал те времена, да и не хочет думать о них. В Слите у каждого поколения своя трагедия, у одних тяжелее, у других легче. Что, пришло время для новой? Он поежился, и Мэдди встревоженно посмотрела на него.

— Почувствовал твою ломоту,— пошутил Джек.— Наверное, холодает. Нужно потеплее одеться.

Его жена встала, задохнувшись от усилия, и разгладила на себе юбку.

— Я принесу тебе куртку,— сказала она, исчезая в прихожей.— И шапку,— донеслось оттуда.— Может снова пойти дождь, как утром.

Гаффер бегал кругами, пока лесник не вышел к жене в прихожую, короткий собачий хвост поднялся, блестящие глаза перебегали с хозяина на дверь.

— Успокойся, Гаффер,— проворчал Баклер.— Неужели тебе хочется продираться через кусты, отпугивая негодяев?

Пес тут же принял серьезный вид, поняв, что они идут на дело, а не играть.

Мэдди помогла мужу надеть куртку, а он взял с подставки для обуви длинный фонарь, сунул в глубокий карман, затем потянулся к черному предмету, напоминавшему замысловатый тубус телескопа, и положил его в другой карман. Мэдди протянула шапку, и Джек плотно натянул ее на белую от седины голову.

— Ложись спать, девочка,— сказал он жене.— Что толку ждать меня полночи?

— Думаешь, я такая дура, что буду дожидаться тебя, пока вы там играете в казаки-разбойники? Я буду умницей и лягу в свою уютную мягкую постель, мой милый. А ты не шуми и не буди меня, когда вернешься, понял?

Может быть, она и ляжет, но будет лежать в темноте, напрягая слух в ожидании его шагов. И не сомкнет глаз, пока не услышит шевеление ключа в замке и приглушенный голос, успокаивающий Гаффера перед сном. Она знала это, и Джек это знал.

Они прожили слишком длинную совместную жизнь для прощальных поцелуев, и Мэдди знала, что если бы он нагнулся и коснулся своими старыми сухими губами ее пухлой щеки, ему было бы так же неловко, как и ей. Вместо этого он в шутливом салюте коснулся пальцем края своей плоской шапки и поднял щеколду.

Когда муж открыл дверь, Мэдди сказала:

— Хочешь, чтобы я позвонила? Сержант Пимлетт мог бы послать кого-нибудь тебе в помощь.

До ближайшего полицейского участка надо было проехать две деревни и один городишко, но иногда, если по-

имка была весьма вероятна, дежурный сержант охотно высылал патрульную машину. Однако в эти дни ловля браконьеров не была главным приоритетом для полиции графства.

— Не стоит отнимать у них время, дорогая. Другое дело, если бы я знал наверняка, что браконьеры нынче ночью выходят на охоту, но я не хочу портить хорошие отношения с констеблем, вызывая его людей для охоты на диких гусей.

И он скрылся в темноте; Гаффер уже убежал по садовой дорожке вперед. Мэдди подождала, когда за ним захлопнется дверь, а потом перекрестилась.

— Пусть с ним будет все хорошо, Господи,— прошептала она.— Пусть ничего не случится с моим Джеком.

Она вернулась в комнату и снова взялась за свое шитье. Но игла не двигалась в руке, и глаза долго оставались закрытыми.

Гаффер подбежал к стоящему у открытой садовой калитки «лендроверу» и стал ждать хозяина. Джек Баклер следовал позади более ленивой походкой, его лицо помрачнело, когда он покинул домик лесника. Мэдди действительно волнуется за него: еще никогда в жизни она не предлагала позвонить в полицию, чтобы вызвать помощь. Определенно, ночным патрулям нравилось такое развлечение — это приятнее, чем колесить по бетонному городу и забирать хулиганов и пьяниц. Некоторые полицейские даже любили на дневных захватах в свободное от службы время подрабатывать загонщиками — платили за это немного, но свежий воздух, приятная деятельность и хороший грог после работы уже сами по себе служили вознаграждением; кроме того, представлялась возможность познакомиться с заманчивыми уголками природы. Но нет, как правило, Мэдди оставляла за мужем право принимать решение; он знал свое дело, а она знала свое место. Так что же на нее нашло сегодня? А если подумать, то и на него: он тоже весь вечер не находил себе места.

Джек Баклер вышел за калитку и открыл дверь «ленд-ровера». Гаффер тут же заскочил на сиденье, и его короткая колючая шерсть по пути царапнула руку хозяина, как щетина щетки. Баклер залез следом.

— Ладно, красавец, посмотрим, что нам попадется в эту темную ночь.

В ответ Гаффер лишь стукнул коротким хвостом по сиденью, а лесник завел двигатель и включил фары.

Выехав на длинную изъезженную лесную дорогу в район, который, он знал, должен привлекать браконьеров, лесник притушил фары. Тяжелый фонарь в кармане успокаивал, хотя другие лесники для защиты брали с собой кирку; но хуже, что *другие* брали с собой в ночные вылазки дробовики 44-го калибра. Баклер не привык к такому, он на своем участке имел дело лишь с полупрофессионалами, а не с организованными бандами. Да, Ленни Гровер приносил много неприятностей, но не был настоящим бандитом. Громкий сигнал в темноте заставит его удрать и спрятаться, как и его напарника и собутыльника Денниса Крика. Оба они трусливо убегут, если поймут, что лесник рядом. Однако, хотя эти двое не отличались крутизной, у них были дробовики — а точнее, 9-миллиметровый «флоберт» и дробовик 36-го калибра с самодельными глушителями. Баклер знал это, потому что не далее как прошлым утром сам подбирал пустые гильзы после их ночной вылазки (а что глушители самодельные, знал потому, что Гровер и Крик никогда бы не потратились на такие вещи, когда их можно легко и недорого изготовить у себя в сарае или в гараже). Довольно странно, что в их шайке появился кто-то третий — а лесник прекрасно знал, что их трое, и его особенно злило, что оружие этого третьего столь же неэффективно, сколь дико.

Очевидно, это был новичок, и двое других, без сомнения, вовлекли третьего не из-за его искусства в стрельбе, а чтобы он был носильщиком, поскольку больше ни на что не годился. Оружие у этого новичка, молодого Микки Данна,

было гнусное — арбалет. Самое невыносимое для лесника, когда смертельно раненным птице или зверю удавалось скрыться от охотника в лесной чаще и они умирали мучительной смертью. Как хотелось тогда Джеку Баклеру обратить это садистское оружие против его владельца! Или прострелить ему коленные чашечки из его собственного арбалета. Или проломить башку киркой. Потому-то он и не брал с собой никакого оружия. Нет, фонарь был достаточно тяжел и крепок, чтобы воспользоваться им для угрозы или защиты; и не нужно ничего такого, что может нанести непоправимое увечье.

«Лендровер» свернул на узкую лесную дорогу, и по ветровому стеклу захлестали тонкие ветки. Гаффер мотался из стороны в сторону, радуясь движению, он обожал волнующую атмосферу таких полуночных экскурсий. Лесник сбавил скорость, мотор на малых оборотах заработал тише. По-прежнему зоркие глаза Баклера замечали все вокруг, с обеих сторон окна были открыты, чтобы впускать посторонние звуки. В такую ночь не помешал бы напарник, едущий с другой стороны, чтобы браконьеры оказались зажаты, но хозяин, газетный магнат, скупивший большую часть владений Локвудов, уволил помощника сразу же, как только появился здесь двадцать с лишним лет назад. «Хватит одного, чтобы присматривать за лесным хозяйством»,— объявил Бердсмор и продолжил экономить: уволил еще и половину персонала, следящего за угодьями. Что ж поделаешь! Если ему хочется, чтобы большая часть его живности досталась браконьерам, это его дело. Вот только не стоит сваливать вину на лесника.

Джек сбавил скорость до пешеходной и оставил зажженными только подфарники, полагаясь на свое знание дороги впереди — и глаза лесника, видящего в темноте лучше, чем большинство людей. Вскоре он выключил и подфарники.

Теперь «лендровер» двигался крадучись и наконец совсем остановился. Баклер выключил двигатель и тихо от-

крыл дверь. Как только хозяин вылез, Гаффер проскочил на место водителя и стал ждать команды.

Баклер осмотрелся по сторонам, принюхался, пытаясь уловить непривычный запах; он впитывал в себя все окружающее, улавливал все звуки, замечал малейшие движения и выискивал в воздухе запах кордита — бездымного нитроглицеринового пороха. Иными ночами, когда легкий ветерок дул в нужном направлении, лесник улавливал даже особый, отдающий медью запах крови животного. Сегодня вроде бы не было ничего необычного: ни еле слышного треска сучьев под ногами, ни вскрика вспугнутого с насеста фазана, ни осторожного шепота браконьеров, разыскивающих добычу. И все же лесник что-то чувствовал; что-то было не так в самой ночи, об этом говорила каждая косточка в его теле и все его инстинкты. И более того, тихое, протяжное поскуливание, исходившее откуда-то из глубины собачьего горла, подтверждало, что и Гаффер чувствует то же самое.

— Ладно, парень, пока помолчи,— приглушенным голосом приказал Баклер.— Ведь мы же не хотим, чтобы они нас заметили? О да, на этот раз мы поймаем их, вот увидишь. Схватим их, не дадим им истреблять наших друзей, а, парень?

Его шепот успокоил собаку, и скулеж затих. По-прежнему шепотом лесник велел Гафферу вылезти из машины, тот сразу выскочил на дорогу и встал рядом с хозяином, дожидаясь дальнейших команд.

Баклер засунул ключи в карман, следя, чтобы они не звякнули друг о друга,— такие звуки усиливаются в неподвижном ночном воздухе. Маловероятно, но у нарушителей могло хватить глупости оставить свои машины на дороге впереди, и в таком случае «лендровер» перегородит им дорогу к отступлению. Скорее всего, они оставили свой пикап у какой-нибудь дороги на краю охотничьих угодий и пешком пошли к участку, который наметили на этот раз для ночной охоты.

Баклер зажег фонарь, стараясь держать луч поближе к земле, чтобы найти подходящую тропинку через лес. Обнаруженную тропку любой другой не заметил бы, но лесник различил ее довольно отчетливо.

— Давай, Гаффер, старина, разыщем их, пока они не слишком напакостили.

Собака послушно потрусила вперед и быстро исчезла на заросшей тропинке, которую высветил фонарь хозяина, но оставалась на расстоянии шепота, готовая выполнить дальнейшие указания. По пути пес обнюхивал землю и принюхивался к воздуху.

Баклер шел следом так же бесшумно, используя собаку как проводника. Многие лесники предпочитали немецких овчарок, доберманов или даже ротвейлеров — в прежние дни особенно любили мастиффов,— но Баклер предпочитал эрделя. Гаффер был силен и понятлив, а главное — верен. А также имел хорошее чутье и умел разыскать подранешную дичь, не повредив на ней ни перышка, ни волоска. И он никогда не трусил: не раз браконьеры угрожали Гафферу ружьем или дубинкой, но собака никогда не отступала и преследовала злоумышленника, пока тот не убегал, спасая жизнь, или не отдавал свое оружие Баклеру. Трудно найти замену такому помощнику, и лесник с печалью думал о том дне, когда Гаффер состарится и не сможет работать. Да, можно хорошо выдрессировать молодую собаку, но на это нужно время и огромное терпение, и почему-то новое всегда кажется хуже старого. Как бы то ни было, когда придет пора, Гаффер проведет остаток своих дней, лежа около дома и выходя на короткие прогулки, которые не будут слишком утомлять его старые скрипучие кости. Но тебе еще не скоро на пенсию, правда, старина? В тебе еще много жизни!

Словно почувствовав мысли хозяина, Гаффер оглянулся и подождал, когда лесник приблизится.

Баклер опустился рядом с собакой на колени и положил руку на ее мохнатую шею.

— Учуял их, Гаффер? — прошептал он.— Мы на правильном пути? Там есть пара рощиц, которые потом можно проверить, если мы ошибались, но, сдается мне, мы на верном пути. Что скажешь, парень?

Ответом было глухое ворчание эрделя. Баклер ощутил, как Гаффер напрягся и вскинул голову, прислушиваясь к чему-то вдали.

— Ладно, Гаффер, продолжим. Думаю, нынче ночью удача отвернулась от них.

Собака бросилась вперед, а Баклер приподнялся на полусогнутых ногах, опустил фонарь еще ниже и светил им не дальше чем на два шага вперед, готовый при малейшем звуке выключить.

Ровным шагом он двигался через темный лес, собака так же бесшумно и легко бежала впереди.

Ленни Гровер тыльной стороной руки ударил Микки Данна, и его пальцы довольно крепко прошлись парню по плечам, отчего тот взвизгнул.

— Убери от меня свою чертову задницу с этой ерундовиной! — прошипел Гровер.

— Рядом с тобой ничего нет,— огрызнулся Микки, чуть не споткнувшись о корень в стремлении оказаться подальше от Гровера. Свой арбалет он спрятал за спину, словно боялся, что кто-то отберет его.

— Тише, вы, двое! — сердито прошептал третий, шедший впереди.— Если Баклер где-то тут, нам не поздоровится.

Гровер в волнении опустил козырек своей бейсбольной кепки:

— Этот старый болван не пронюхает. Нынче ночью он где-нибудь на другой стороне леса.

— Что ты хочешь сказать? — проговорил Деннис Крик.— Он наверняка знает, что прошлой ночью мы были тут.

— Именно,— согласился Гровер, скалясь в темноте.— И подумает, что мы не придем в одно и то же место дважды.— Его лицо приняло презрительное выражение.— Но благодаря этому козлу здесь осталось много всего, чем можно поживиться.

Микки Данн открыл было рот, чтобы опять возразить, но решил воздержаться, когда двое остальных снова двинулись дальше. Его ли вина, что он не может позволить себе ружье, и кроме того, он отлично стреляет из арбалета. Ну, днем. Ну, по неподвижной мишени. Лучше промолчать — Гровер совсем издергался в ночных вылазках и слишком распускает руки.

Осознав, что рядом никого нет, Микки, согнувшись чуть ли не вдвое и держа арбалет перед собой, будто играл в войну, поспешил за товарищами.

Хотя Микки был на подхвате у двух других браконьеров, он сумел накануне ночью настрелять изрядное число фазанов, пока Крик ослеплял их своим мощным фонарем и те, оцепенев, неподвижно сидели в луче света. Единственная трудность заключалась в том, что многие с леденящими душу воплями скрывались в зарослях, унося в себе стрелы. Все трое гонялись за ними, Гровер и Крик забывали о тех, кого удалось подстрелить, и Микки ощутил позывы тошноты, когда увидел, как Гровер схватил подраненную птицу и зубами раздавил ей голову. Его действительно стошнило, когда Гровер заставил и его проделать с пойманным фазаном то же самое. Впрочем, хуже было, когда обнаружилось, что он принес для мертвых птиц дерюжный мешок, а не ремни: браконьеры орали, что с мешком неудобно таскаться по лесу и к возвращению домой тушки будут все в крови и слишком страшными,— местные мясники и держатели ресторанов (или ресторанщики, как он называл их) предпочитали дичь чистую и аппетитную.

Что-то зацепило его дешевую кожаную куртку и потянуло назад с такой силой, что Микки потерял равновесие. Сначала, помертвев от страха, он подумал, что это лесник

выскочил из-за дерева и схватил его, но когда браконьер уже был готов закричать, то понял, что Гровер просто отпустил низко растущую ветку — несомненно, с намерением ударить идущего сзади. Услышав смешок Гровера, Микки выругался про себя. И ткнул перед собой кулаком, хотя и был уверен, что кулак не коснется спины. «Ты еще получишь свое, Ленни Гровер,— подумал он, не решаясь выразить вслух это мнение,— и тогда я окажусь рядом и плюну тебе в глаза». В мрачном настроении Микки шагал за двумя браконьерами.

— Похоже, подошли к роще,— через некоторое время проговорил Крик и остановился, ожидая, когда Гровер поравняется с ним.

— Нет, еще далеко,— ответил тот.

— Ты уверен? Мы уже здорово удалились от машины.

Гровер снял свою бейсбольную кепку и откинул назад длинные черные волосы.

— Мы должны сначала спуститься, потом забраться немного наверх, обойти пруд и тогда окажемся на месте — *отстань от меня, эй, ты, Микки!*

Микки, который снова в темноте наткнулся на Гровера, отшатнулся назад, чтобы не попасть под размашистый удар, его нога зацепилась за какое-то ползучее растение, и он упал навзничь в кусты, с шумом ломая ветки мешками и арбалетом.

Двое других вздрогнули от шума.

— Оставим его здесь, Лен,— громко проворчал Крик.— От этого козла одна опасность.

— Он только заблудится и доставит нам еще больше хлопот,— простонал Гровер.

Поставив копошащуюся в кустах фигуру на ноги, он приблизил свое лицо к лицу молодого парня, так что между ними осталось лишь несколько дюймов, и прошипел:

— *Не шуми, ты, маленький гаденыш!*

Микки не двигался.

— Ленни, я...

— *Заткнись!* — На этот раз Гровер почти кричал.

— Ленни! — в ужасе простонал Крик.— Бога в душу, ведь теперь *ты* шумишь! Если Баклер где-то рядом, он обрушится на нас, как тонна кирпичей!

Гровер отпихнул Микки.

— Говорю тебе, если Баклер нынче ночью и вышел, то он за несколько миль отсюда. Все, пошли, и не будем останавливаться до самой рощи. Слышишь, Микки?

В ответ послышалось ворчание, и все трое отправились дальше через лес, теперь Гровер пропустил Данна вперед, так что тот оказался между двумя сообщниками. В отместку за то, что первую часть пути тот все время пихал его в спину своим арбалетом, теперь Гровер то и дело тыкал его в спину стволом ружья и только ухмылялся на приглушенные жалобы Микки.

Однако через некоторое время удовольствие от этой небольшой пытки пошло на убыль, поскольку чем дальше они углублялись в лес, тем тревожнее им становилось. Что-то было не так, и они не могли понять, что именно. В лесу было довольно тихо, вдали между деревьями не мелькало никаких огней, ничто не выдавало приближающегося лесника. И только пройдя еще некоторое расстояние, Гровер понял, что вызывало его тревогу, и шепотом велел всем остановиться.

Они остановились и обернулись посмотреть, в чем дело.

— Слышите? — сказал Гровер.

Они прислушались, но ничего не услышали.

— Что такое, Ленни? — проворчал Крик.— Я ничего не слышу.

— Вот именно,— хмыкнул тот.— Ничего не слышно.

Они постояли молча, напряженно прислушиваясь, и Крик понял, что его товарищ прав. Даже глухой ночью в лесу слышались звуки — в кустах копошились маленькие ночные зверьки, иногда птицы шевелились в своих гнездах, порой в темноте пищала мышка, попав в когти вышедшей на охоту совы. Но сейчас не слышалось ничего такого. Ничего вообще.

И не только тишина встревожила этих троих — кроме того, в лесу не было никакого движения.

— Не нравится мне это, Лен,— пробормотал Крик.— Думаешь, старый Баклер устроил нам ловушку?

— Не знаю. Но что-то здесь не так.

— Что за чушь вы там несете? — засмеялся Микки.— Чего вы ждете среди ночи?

Двое не обратили на него внимания.

— Как думаешь — смыться по-хорошему? — сказал Крик.

— Может быть, лучше смыться,— ответил Гровер.

— Ох, пошли дальше,— простонал Микки.— Мы уже у самой рощи.

Они услышали, как он вложил в арбалет стрелу.

— Что ты делаешь? — спросил Гровер нарочито терпеливым тоном.

— Приготавливаюсь, пока вы двое не начали распугивать все вокруг своими пушками.

— Я только что сказал тебе: смываемся.

— Нельзя. Босс обещал мне, что возьмет всех фазанов, которых мы добудем до конца недели.— Его боссом был мясник, на которого Микки работал по воскресеньям.

И снова Гровер схватил парня за отвороты куртки и приподнял на цыпочки:

— Я не скажу, что...

Он замер, так и держа Микки на цыпочках. Сквозь деревья до них донесся слабый шум.

Все трое медленно повернули головы в ту сторону.

Гаффер превратился в статую. Потом постепенно, начиная с задних ног, задрожал. Вскоре он трясся уже весь, от длинной узкой морды и до короткого поднятого хвоста. Глубоко из нутра донеслось особое, завывающее, скуление.

Джек Баклер посветил на собаку.

— В чем дело, Гаффер? — тихо спросил он.— Что-то услышал?

Собака продолжала смотреть прямо вперед, маленькие черные глазки не отрывались от какой-то точки вдали.

— Они рядом, да, Гаффер? — лесник выпрямился, на лицо легли жесткие морщины.— Ну, на этот раз мы их поймаем.

Эрделю удалось зарычать, издать долгий, протяжный звук, закончившийся подвыванием и скулением. Но теперь звук стал более жалобным, больше похожим на плач.

— Ну, успокойся, старина.

Баклер был в замешательстве: никогда еще он не видел, чтобы Гаффер так себя вел. Обычно собака ничего не боялась, всегда готовая броситься и вмешаться, с чем бы они ни сталкивались — будь это браконьеры, загнанные в угол лисицы или даже сумасшедшие барсуки (и барсуки тоже иногда сходят с ума). Но за все годы службы никогда пес не реагировал так, как сейчас. Ради Бога, что такое могло ему привидеться?

И тут Баклер услышал другой звук — звук, исходивший словно из самого воздуха. Это был стон, жуткий плач, от которого на голове дыбом поднимались волосы. Вдруг стало как-то необычно холодно, как будто температура упала до нуля, и теперь дыбом встали волосы не только на голове, но и на руках, на ногах и по всему телу.

Донесшийся из-за деревьев звук был заунывным воем, жуткой жалобой, непрерывным плачем, выражающим полную безысходность. Баклер прищурился, вглядываясь в ночной мрак в поисках источника этой тоски, этой муки. Но не увидел ничего, кроме теней.

Он полез в карман куртки и вытащил ту складную трубку, что засунул туда раньше, щелкнул выключателем и приложил к глазу окуляр. Прибор весил более шести килограммов и работал от одной батарейки; лесники часто пользовались такими инструментами, когда не хотели включать фонарь, чтобы не выдать свое местонахождение. Баклер поводил прибором из стороны в сторону и направил туда, от-

куда, как ему казалось, донесся звук. У него перехватило дыхание при виде появившегося на высветленном фоне предмета. Это напоминало какие-то зеленоватые обломки, плывущие по бурным водам.

Он оторвался от прибора и невооруженным глазом посмотрел в точку, где обнаружил движение. Теперь во мраке что-то серело.

— Пошли, Гаффер,— тихо, но решительно сказал лесник.— Выясним, что происходит.

Но собаки уже не было рядом. До Баклера донесся шорох кустов под лапами убегающего пса. Удивленный трусостью своей собаки, он чуть было не позвал ее, но вовремя остановился: не имело смысла привлекать внимание существа за деревьями, кем бы оно ни было. Скорее озадаченный, чем рассерженный поведением Гаффера, лесник снова повернулся к сероватому свечению и начал пробираться вперед, то и дело останавливаясь, чтобы через окуляр посмотреть, не удастся ли различить эти пляшущие силуэты. Это было странно — просто какая-то чертовщина,— но каждый раз невооруженным глазом он видел, как нечто бесформенное, серое, словно туман без клочковатых краев, не имеющий ничего внутри, складывается в неясные фигуры.

Какое-то пугающее чувство говорило ему, что нужно убираться отсюда, вслед за Гаффером бежать назад, откуда пришли, к «лендроверу», но что-то другое — земная, практическая жилка лесника, обязанного защищать животных и лес и любящего свое дело,— напоминало ему, что здесь непорядок и его обязанность — выяснить, что происходит. И он пошел дальше.

Одолев половину дистанции до этой мглы, Баклер остановился проверить свой инвентарь. Подземные звуки по-прежнему доносились до него, но теперь стали громче. Снова подняв прибор ночного видения, лесник посмотрел в него и увидел, что образы, эти зеленоватые пляшущие обломки, стали отчетливее. Разные по размеру, они колыха-

лись и кружились, не принимая никаких очертаний, совершенно бесформенные.

Баклер опустил прибор и заметил, что и без него видит мглу в середине, ставшую теперь непрозрачной. Он двинулся дальше, еще осторожнее; любопытство вместе с чувством долга преодолело страх. Он не дышал — не из опасения выдать свое присутствие: треск сучков под ногами все равно уже выдал его, а просто потому, что забыл. Частично скрытая за деревьями и кустами, вблизи мгла казалась более осязаемой, словно состояла скорее из тончайшей кисеи, чем из тумана, и внутри что-то двигалось.

Странные звуки, не ставшие громче, слышались яснее, и, приблизившись, Баклер различил человеческие голоса. И вдруг понял, что они исходят из середины... середины чего? Что *это* было? *Мгла* — вот какое слово лучше всего описывало увиденное.

Он был рядом, совсем рядом, лишь пара деревьев и низкорослый кустарник отделяли лесника от загадочного явления. Через прибор ночного видения плавающие предметы стали различаться яснее, и, разинув рот, не веря своим глазам, Баклер разобрал определенные очертания.

Один сгусток состоял из трех частей — две длинных и одна покороче и явно толще; лесник мог поклясться, что это была часть руки — большой палец и два других, соединенные кусочком плоти.

Другой сгусток, поменьше, был круглым, с темным кольцом внутри; позади него свободно висела длинная нить, как тонкий хвостик какой-то глубоководной морской рыбы. Потрясенный, Баклер понял, что это напоминает плывущее глазное яблоко.

Перед глазами возник большой кусок — или так показалось растерянному леснику,— а другой кусок гнался за ним. Вот он догнал первый, и оба слились воедино, плотно прижавшись, как какая-то трехмерная головоломка.

Баклер в ужасе оторвался от прибора; до него вдруг дошло, свидетелем чего он стал. Звуки представляли собой стоны и причитания, иногда вопли, а пляшущие обломки были частями человеческих тел.

Без прибора ночного видения они казались еле различимыми бесформенными образами, но теперь, зная, что это, он мог различить движущиеся очертания. Они искали друг друга, соединялись и сливались вместе, постепенно становясь единой массой.

Зачарованный, возможно загипнотизированный, лесник придвинулся поближе, опустив прибор — в нем больше не было необходимости, поскольку мгла стала светлее, а фигуры в ней приобрели более отчетливые контуры. У самой земли что-то зашевелилось и начало подниматься.

До Баклера дошло, что как ни дико это выглядело, но фигуры в тумане представляли собой расчлененное тело, его части кружились, колыхались, ища целое; только их было очень много, они страдались, слишком многие теснились в одном месте, так что им приходилось разъединяться и начинать свое фантастическое кружение снова и снова.

Разбросанные части вдруг закружились смерчем, и каждый кусок, большой или маленький, превратился в размытое пятно света. Баклер не вспомнил бы о дыхании, если бы не инстинкт. Лесник покачнулся и, чтобы удержать равновесие, схватился за ствол дерева; голова шла кругом, подкатилась тошнота. Закрыв глаза перед слабым и все же почему-то ослепительным свечением, он все-таки справился с рвотой.

Когда он открыл их опять, движение в тумане замедлилось, упорядочилось. Баклер понял, что это действительно было тело, пытающееся собрать себя воедино; теперь части стали более отчетливыми, их формы более узнаваемыми.

Но частей по-прежнему оставалось слишком много...

Еще один кусок, побольше, зашевелился на земле и тоже, как и предыдущие, начал подниматься, приведя более мелкие части — пальцы, глаза, языки и прочие члены — в

возбужденную сутолоку, так что они сбились в рой — как мухи над собачьим дерьмом, подумалось леснику.

— Боже святой на Небесах! — прошептал он, когда постепенно сформировались два тела; грубые швы указывали места соединения, глаз у одной из голов неловко высунулся из глазницы, одна из ступней нелепо перекрутилась в лодыжке, из отверстия в плече свисала какая-то поблескивающая трубка.

Лесник почувствовал слабость в коленях и выронил прибор ночного видения, так как обеими руками схватился за дерево. Ему хотелось убежать, но не было сил. Хотелось закричать, но звуки застряли в горле. Хотелось закрыть глаза или хотя бы отвести их, но вращение впереди не позволяло и этого.

И вот, наблюдая — *вынужденный* наблюдать, не в состоянии вырваться из гипноза,— Баклер заметил, что по ту сторону тумана что-то движется.

Гровер, Крик и Микки бросились через лес в надежде убежать от страшного низкого стона за спиной, но он оставался с ними, доносясь не справа и не слева, не сзади и не спереди — он был везде, вокруг, в дюйме от головы.

Они проламывались сквозь кустарник, не обращая внимания на производимый шум, спотыкаясь о корни и рытвины; ветви и кусты, казалось, нарочно цеплялы и хлестали их, словно сам лес был заодно с мучительным звуком. Они не пытались понять, что это, а просто убегали; им не было дела до того, что это. Они лишь знали, что никогда в жизни так не пугались. Возможно, безлунная тьма, сквозь которую они бежали, делала звук таким жутким, ведь невидимое и непонятное — союзники страха. Возможно, сама глубина и мрачность этого душераздирающего вопля так напугали их, что проникли до самого дна души, распространили всеподавляющее и гнетущее чувство отчаяния. Как бы то ни было они не задумывались о причинах своего страха. Им хотелось только оказаться подальше от этого чернильно-

темного леса, и они бежали, насколько позволяли вдруг одеревеневшие ноги.

И таков был их страх, и таково желание спастись, что, когда молодой Микки с разбегу налетел на дерево и, издав испуганный визг, упал с рассеченной губой, Гровер и Крик продолжали, спотыкаясь, бежать дальше и оставили товарища лежать в лесу среди гниющих листьев и древесных корней.

Кровь потекла по его пальцам, когда он поднес их ко рту и попытался крикнуть:

— Ленни! Деннис! Я поранился!

Их не было, и если бы не непрерывный стон, наполнявший его уши, а теперь еще и добавившийся звон в голове от удара, Микки услышал бы, как они продираются сквозь лес все дальше и дальше.

Микки медленно поднялся на колени, его лицо онемело от удара о дерево. Он пошарил вокруг по рыхлой земле в поисках арбалета, который до того крепко держал в руках. Все еще стоя на коленях и по-прежнему напуганный — и он был бы напуган еще больше, если бы такое было возможно, поскольку Гровер и Крик теперь бросили его,— всхлипывая, Микки проверил свое заряженное оружие.

— Ублюдки! — выругался он, морщась от боли в разбитых губах.— Дерьмовые ублюдки!

Он встал на ноги и заковылял прочь, прижимая к груди арбалет и не соображая, что идет совсем не в том направлении. Он спотыкался о корни, царапался о деревья, и стон, перешедший в завывания, гнал его вперед. Микки вытащил из кармана брюк скомканный носовой платок и приложил к рассеченной губе, чтобы остановить кровь; слезы застилали глаза, еще больше затрудняя видимость.

— Ленни! — снова крикнул он, уже не думая, что его может услышать лесник или кто-нибудь еще, устроивший эту жуткую шутку.— Деннн-ни-и-иссс!

Он споткнулся, пополз, и его палец, скользнув через скобу арбалета, нажал курок. Микки услышал, как стрела вошла в ствол дерева в нескольких ярдах впереди.

Бормоча ругательства, охваченный паникой, он полез в мешок на плече за другой стрелой. Хотя дома он сто раз сидел в шкафу, привыкая к темноте, его пальцы не слушались указаний головы. Он даже умудрился выронить стрелу, и ее пришлось искать на пыльной земле, но в конце концов арбалет был заряжен, Микки снова встал на ноги и похромал по лесу, прерывисто дыша, что-то бормоча и всхлипывая.

Довольно скоро он набрел на поляну, где мерцал странный свет. Микки быстро заморгал, чтобы лучше видеть. Его онемевший рот открылся, а глаза вылезли из глазниц, когда внутри странного свечения он увидел две бледные голые фигуры, нелепые, как будто они были наскоро склеены или связаны и некоторые части плохо подошли — вроде повернутой не в ту сторону ступни, ягодицы, висящей на нескольких нитях, или плеча, слишком развернутого назад. Одна голова начала поворачиваться, чтобы посмотреть на него, но Микки не хотел этого, он не хотел, чтобы это увидело его и решило познакомиться. Нет, ему совсем не хотелось этого.

Арбалет был уже нацелен. И Микки пришлось опять нажать курок, на этот раз преднамеренно. Это было легко. Даже не потребовалось подумать. Он просто сделал это. Просто нажал.

И когда стрела унеслась, она не встретила ничего в странной оболочке серого свечения, но Микки услышал резкий вскрик, звучащий более по-человечески, чем завывания двух нелепых, кое-как собранных существ перед ним.

17

Вода стремительно сомкнулась над головой, и невидимые силы соединились, чтобы бросить его в темные глубины. Он кричит, но звук заглушается бульканьем. Он тонет, погружается глубже, глубже, его руки молотят по воде и хватаются за шелковистые водоросли. Из темно-

ты к нему скользит фигура, тянет к нему крохотные бледные пальчики. Несмотря на заполняющую рот воду, он зовет ее по имени, а когда она приближается, видит ее улыбку; ее темные волосы обрамляют призрачное личико, локоны вьются и колышутся в струях. Она приблизилась, и ее улыбка превращается в оскал, такой злобный, такой лютый, что он снова кричит и пытается убежать...

Эш заворочался в постели и поднес руку ко лбу, словно отгоняя кошмар.

Теперь его призрачное видение изменилось: это больше не его сестра, не ребенок, а женщина, но с той же злобной улыбкой и с тем же безумным взглядом. Ее тонкие руки скользят по его шее, просторная рубашка колышется, ее губы приближаются к его губам, глаза светятся безумием... и желанием. Ее губы прижались к его рту, и он ощущает их давление, чувствует, что она вытягивает его жизнь, как вода отнимает дыхание. Он больше не борется, отдает себя в ее объятия. Его поглощает тьма...

Эш что-то бормотал во мраке комнаты, но слова были бессвязны, неразборчивы, они — часть его сна.

...И с облегчением он обнаруживает, что снова один. В черноте появляется слабое мерцание — эта чернота невесома, никаких кружащихся струй, но она давит так же, как вода, что хотела поглотить его,— и вскоре к световому пятнышку присоединяются другие, и он видит, что это огоньки свечей. Их все больше, они становятся пламенем, которое заливает комнату мягким неровным светом. Но от свечей нет тепла, нет успокоения, а только нарастает ужас. Потому что в их свете на ярусах вдоль черной стены постепенно проступают очертания каменных гробов. Но ужасно не только это. Прямо перед ним в середине мавзолея — ему знакомо это место, он уже приходил сюда — стоит еще один гроб, меньше остальных, сделанный из дорогого дерева, обитый изнутри белым атласом. В нем что-то шевелится, маленькая

ручка ложится на край гроба. Девочка садится и смотрит на него, ее зловещая улыбка неподвижна, холодные глаза не моргают...

Простыни Эша промокли от пота. Не просыпаясь, он сбросил одеяло, открыв грудь ночи.

Он стонет во сне, и слезы сначала размывают, а потом растворяют картину вокруг. Теперь он на широкой водной глади, залитой лунным светом. Поверхность спокойна — ни ветерка, который смог бы нарушить это умиротворение,— но вскоре слышатся слабые крики, голоса доносятся, кажется, издалека, возможно с другого края огромного озера. Но откуда-то он знает, что это не так, что крики эти — стоны, вздохи, стенания — гораздо ближе. Он знает, что они исходят из самого озера. Прозрачная поверхность воды колышется. Пробегает рябь. Расходятся круги. И из воды поднимается рука, а за ней другая — рядом, от того же тела. Стон переходит в визг, хотя звук остается все еще под водой. Появляется еще одна рука, ее пальцы тянутся вверх, с них стекает влага. Еще рука. Еще. И над поверхностью воды вздымаются сразу миллионы рук. А с ними вырывается многоголосый крик, и озеро превращается в хаос звуков и движения. За руками показываются головы — глаза выпучены, рты разинуты,— и головы поворачиваются к нему, пытаются позвать его. Но голоса искажены, словно горло прогнило в воде, заполнившей через него легкие. И даже не это самое ужасное...

У него вырвался не то крик, не то жалобный стон.

...Потому что головы, смотрящие на него через залитую лунным светом водную гладь,— маленькие...

Его нога дернулась под простыней.

...И все ручки, хватающие воздух,— крошечные...

Он заметался и застонал.

...И все широко раскрытые маленькие глаза хранят ужас своей ранней смерти.

Во сне он издал долгий, протяжный стон:

— Н-н-е-е-ет...

...И дети-утопленники застонали вместе с ним, умоляя о спасении, упрашивая помочь им. Но он знает, что не может, что слишком поздно, что они уже умерли и уже ничто не спасет их. И тогда они умоляют присоединиться к ним в этом водяном склепе...

Веки Эша задрожали. Он почти проснулся. Но сон не отпускает его.

Жуткая картина — вздымающиеся умоляющие руки, маленькие бледные головки, качающиеся на воде, как призрачные буйки, серебрящаяся поверхность озера — исчезает, и он уже на сжатом поле. Он думает, что один здесь — он чувствует отчаянное одиночество,— но видит маленькую фигурку в белом, стоящую у деревьев в отдалении. На маленькой девочке лишь один белый носок, и Эш зовет ее по имени, но его зов глохнет в собственных ушах, будто он не издал ни звука. «Джульетта!» Она не отвечает, она вроде тех детей в озере. Она бесстрастна, потому что мертва; и это ее месть ему. Он будет видеть ее — он всегда будет видеть ее,— но она никогда не отзовется и не узнает его. Это наказание ему и кара умершей сестры.

Тишину комнаты нарушает его бормотание. Во сне он снова и снова повторяет имя сестры.

Он смотрит на вырывающееся пламя и слышит его шум, мертвенно-бледное лицо умершей сестры согревается желтым светом. Он ищет источник этого пламени и видит позади горящий стог сена, слышит крики изнутри, крики, переходящие в смех, отдаленный смех, а когда он снова оборачивается в поисках девочки, ее уже нет; на месте, где она была, кружится вихрь сухих листьев, а внутри вихря постепенно что-то вырисовывается. Листья разлетаются, и на месте вихря остается изуродованная огнем фигура мужчины с напоминающей

слюнявую гримасу похотливой улыбкой на почерневшем, истлевшем лице. Испускаемые фигурой мысли каким-то образом проникают в сознание Эша, они грязны и противны...

Эш перевернулся на бок и стукнул кулаком по матрацу. Но так и не проснулся, хотя какой-то частицей своего подсознания ожидал продолжения кошмара.

Он бежит от отвратительного зрелища, и на бегу сухой, колючий лист касается его щеки. Эш чувствует, что лист летит сзади,— а за ним другие,— словно преследуя его. Он пытается прибавить скорость, но шаги все медленнее, ноги тяжелеют, дыхание затрудняется. Листья вьются вокруг, острыми краями царапают кожу, а он руками смахивает их с лица и бежит дальше, но его движения становятся вялыми. Он замечает что-то красное на ладонях и пальцах, эта краснота лоснится и блестит, и он понимает, что это кровь...

Эш вытянул спину, его зубы оскалились, как в агонии. Сознание, по-прежнему далекое, стремилось вырвать его из глубин этого кошмарного сна.

Он пытается сбить лист, прилипший к щеке, как какой-то кровососущий паразит, и тут чувствует, что лист стал мягким и за ним потянулись длинные усики. Эш отрывает от лица окровавленные куски сырого мяса и бросает на землю, продолжая бежать, не позволяя изнеможению остановить его. Он видит отрубленную руку и, прежде чем она успевает схватить его за запястье, с криком отбрасывает ее, но тут же какая-то полоска плоти начинает парить перед ним, волоча за собой длинный, мокрый лоскут, ища для себя естественное место — это язык пытается проникнуть в его собственный рот. Со скрежетом сжав зубы, Эш обеими руками отталкивает скользкий, противный кусок мяса и отворачивается. Он отбрасывает чужой язык, но к его телу прилипают другие члены, их число быстро растет, словно они собира-

ются задавить его, воспользоваться им, чтобы создать собственную законченную форму. Он отталкивает, отрывает их, отбивается от них, но они все прибывают; он скользит по чему-то мягкому и слизистому, какому-то внутреннему органу, который поблескивает в траве и испускает пар. Эш падает, его пальцы зарываются в землю, и он прячет лицо в траве. Он ощущает громадную тяжесть на спине, на шее, на плечах, на ногах, чувствует, как члены скользят по нему, они ищут места, куда можно внедриться, и он перекатывается на спину, чтобы раздавить их, и не может удержаться от крика, когда видит пространство над собой, усеянное членами и органами, невероятным множеством частей и кусков человеческих тел. Они не дают видеть, затрудняют дыхание, и он не знает, сколько тел нужно расчленить, чтобы получить столько обрывков, кусков, органов; он пытается подняться, опираясь локтями о землю, но вся эта нечисть слоями навалилась на него, она так давит, что он не в силах пошевелить и пальцем. И все же борется, так как знает, что, если уступит их весу, они вытянут из него жизнь, чтобы самим снова жить как единое целое. Он сопротивляется, его шея напрягается в мучительных попытках удержать прямо голову, плечи дрожат от усилий, и спина наконец-то отрывается от земли. Но они не уступают, давят на него, заполняют глаза и рот; он кричит снова и снова и поднимается, поднимается, поднимается...

И он проснулся.

Эш застыл во мраке комнаты — только полоска света из прихожей сверкала под дверью — и несколько мгновений не мог понять, что сидит в постели. По голому телу катился пот, и дыхание вырывалось короткими толчками. «Это всего лишь сон»,— сказал он себе.

— Всего лишь сон,— повторил он приглушенным, испуганным голосом. Его дыхание стало глубже, дрожь прошла. Сновидения потеряли свою яркость.

Он проснулся, и он спасен. Спасен от кошмаров.

Но если это *был* всего лишь сон, а теперь он не спит, почему же у кровати стоит маленький мальчик и смотрит на него? Почему его так хорошо видно в темноте?

И почему мальчик так неподвижен и молчалив?

И почему теперь он постепенно меркнет... растворяется... исчезает?..

18

Глаза Грейс Локвуд вдруг открылись.

Единственная простыня, укрывавшая ее, была перекручена и измята; одна нога высунулась до колена, так что простыня лежала на бедре. Грейс посмотрела на потолок, в сознании бушевали мысли и образы. Сон... он был так реален и в то же время так запутан.

Стянув измятую простыню с груди, она лежала в темноте, успокаивая дыхание, стараясь осмыслить остатки образов, продолжавших ворочаться в голове, но, как ни пыталась сосредоточиться, они разлетались — как сухие листья на буйном ветру.

Она вспомнила детские лица, их широко раскрытые глаза и умоляющие крохотные ручонки, хватающие воздух, словно просящие... кого-то. Но не ее. Она была просто свидетельницей, словно наблюдала чей-то кошмар. Грейс вспомнила огонь, такой яркий, что во сне она заслонила глаза руками. Вспомнила другой вихрь — *нет-нет, это был вовсе не вихрь, а каскад кусков человеческой плоти.*

Грейс содрогнулась, хотя видение быстро поблекло и его воздействие уже ослабело под напором возвращающейся реальности. Но память хранила другие образы, сжавшиеся до смутных впечатлений.

Она, наблюдатель, следила за Дэвидом Эшем. Позади него, у группы деревьев, стояла маленькая девочка в белом. На девочке был лишь один носок, что выглядело нелепо, и она тоже смотрела на Дэвида.

Девочка улыбалась. Но улыбка ее была неприятной.

Грейс не могла понять, откуда знает, что имя девочки — Джульетта.

19

Она знала, что это Дэвид, еще до того, как открыла дверь. Она знала это даже до того, как он позвонил. До того, как услышала снаружи подъезжающую машину.

Она знала, что это он, потому что ждала его. По крайней мере, так она говорила себе, идя к двери.

— Дэвид...

Он с мрачным видом стоял на крыльце. Нет, не мрачным. Грейс чуть не улыбнулась, когда разглядела. Его взгляд выдавал подавленность, глаза казались ввалившимися в окружающих их тенях. Дэвид Эш выглядел так, будто его посещали призраки.

— Можно мне поговорить с вашим отцом? — спросил он.

«Боже»,— подумала она, услышав подавленность даже в его голосе.

— Конечно. Отец в саду.

Грейс отступила в сторону, чтобы дать ему пройти, но Эш вошел и встал рядом. Теперь она увидела в его глазах замешательство. И что-то еще, что-то скрываемое, но не совсем скрытое. Она почувствовала, что это страх.

— Вы слышали деревенские новости?

Страх просочился в нее, запустил длинные холодные пальцы ей в душу; почему-то захотелось отойти и заткнуть уши, чтобы не слышать, что Дэвид скажет ей. Что-то в Слите было не так, и ей не хотелось об этом слышать, потому что она разделяла страх, таившийся в Дэвиде Эше. Она не понимала причин этого страха, но не могла и преодолеть его.

— Я недавно вернулась из муниципалитета, но там ничего не слышала.

— Это только что узнали. Хозяин «Черного кабана» сказал мне в гостинице, что этой ночью в лесу убили лесника. Стрела из арбалета попала ему в сердце.

— О Боже! — проговорила Грейс, и Эш протянул руку, чтобы успокоить ее.— Надеюсь, это не Джек Баклер? — Не веря, она покачала головой.— Это был такой добрый человек, так любил животных...

— Хозяин назвал мне это имя. Полиция связалась с Джинти — узнать, не было ли в баре прошлой ночью незнакомых или кого-нибудь, кто вел себя подозрительно. Он сказал мне, так как ему пришлось им сообщить, что единственный постоялец в гостинице — я. Несомненно, на определенном этапе они захотят со мной поговорить.

— Я не понимаю, Дэвид. Вчера кого-то забили чуть не насмерть, несколько недель назад мальчик утонул в ванне — а теперь это.

— Мне нужно знать, что еще здесь произошло. Не только недавно, а за последние несколько лет.

— Но тут нет никакой связи, все это не имеет между собой ничего общего.

— Кроме самого Слита.

— Но как это может...

Он прервал ее:

— Понятия не имею. Но иногда место — это может быть даже комната или дом — наполняется атмосферой, способствующей злу.

— Это бессмыслица.

— Поверьте мне, такое бывает. Вы не скажете отцу, что я приехал?

— Я отведу вас к нему.— Вместо этого Грейс, поколебавшись, сделала полшага к Эшу, так что их тела сблизились.— Вы выглядите усталым. Вы хорошо себя чувствуете?

— Плохо спал, вот и все.

«И видел сны, Дэвид?» — про себя спросила она. Не его ли сон она подглядела?

— Кто такая Джульетта? — спросила Грейс, на этот раз вслух.

Похоже, вопрос ошеломил его. Его глаза на мгновение встретились с ее, скрытый страх, который она заметила раньше, сбросил цепи и вырвался на свободу.

— Как вы узнали про нее? — Его тон был лишен всяких эмоций, но Грейс ощутила, как по телу его пробежала дрожь.

— Вы приснились мне этой ночью,— ответила она.— Странный, запутанный сон, я ничего не могла понять. Я не много запомнила, но знаю, что видела девочку, смотрящую на вас. Она ничего не говорила, ничего не делала, но откуда-то я знала, что ее зовут Джульетта. Возможно, вы говорили с ней или позвали ее по имени — точно не помню.

Его холодный взгляд на несколько мгновений приковал ее к месту, потом Эш опустил голову и сказал:

— Джульетта — моя сестра. Она утонула, когда ей было одиннадцать лет.

Для Грейс это стало еще большим потрясением. Да, она видела воду, она видела, как кто-то тонет, она едва ли не чувствовала, как вода заливает ее легкие. Но девочка была тут ни при чем. Как и Грейс, во сне она была лишь наблюдателем, свидетелем.

Грейс обрела голос.

— Простите, Дэвид. Я не знала...

— Конечно, откуда бы?

Она вздрогнула от горечи в его голосе. Эш больше ничего не сказал, и Грейс отвернулась и пошла к задним комнатам.

— Грейс.

Она остановилась и оглянулась.

— Послушайте, и вы меня простите,— сказал он.— Просто, ну... то, что произошло тогда, я бы предпочел забыть.

— Я чувствовала это, Дэвид. Сама не знаю как, но я ощутила часть того страдания, что вы испытали. Наверное, прошлой ночью я видела ваш сон. Ваш кошмар, правильнее сказать.

— Вы...— Он посмотрел куда-то мимо нее.— Вы видели его весь?

— Там было все так перепутано, и в общем-то ничего не происходило. Падающие листья, детские лица...— Она раздраженно покачала головой.— Ясно я запомнила только девочку. Она была в белом. И что-то еще, не могу точно вспомнить... Ах да. На девочке был лишь один носок. Довольно глупо запомнить такую вещь.

Но, похоже, Эш так не думал. Он с таким напряжением уставился на Грейс, что ей захотелось снова отвернуться и выйти на солнечный свет, потому что никогда еще дом не казался ей таким унылым, даже в день похорон матери.

— Вчера вечером вы говорили мне, что не обладаете даром телепатии,— сказал Эш.— Думаю, вы ошиблись.

— Если бы обладала, я бы, конечно, знала об этом,— быстро ответила Грейс.

— Может быть, этот дар — некоторые называют его проклятием — большую часть жизни дремал в вас. Может быть, он был у вас в детстве, а потом на годы вы утратили его. Иногда взрослые дела вытесняют определенные способности. Или, может быть, вы сами старались не замечать эту способность, потому что боялись ее. Поверьте мне, я один из тех, кто знает правду об этом.

— Вы сами телепат.— Это был не вопрос.

— Иногда.

— Я не думала, что это проявляется иногда.

— События — травмы — могут отключить эту способность.

— И вы думаете, что это случилось со мной?

— Нельзя сказать наверняка. Но вчера, когда я впервые встретил вас у церкви, что-то произошло между нами.

— Это было как удар молнии. Вы предполагаете, что между нами существует какая-то телепатическая связь?

Она вспомнила свое ощущение, когда прошлым вечером входила в ресторан, и схожее чувство всего несколько минут назад, когда Эш вошел в дом, «знание» о его при-

сутствии; ни то ни другое нельзя было назвать ударом молнии, но тем не менее это было особое ощущение.

Эш последовал за ней через прихожую и теперь оказался рядом. Она положила ладонь ему на грудь:

— Вам снилась Джульетта, да?

Он кивнул.

— И прочее.

— Какой-то вихрь? Детские лица?

— Да.

Ему не хотелось подробно описывать все эти ночные видения.

— Что все это означает, Дэвид? Почему я так реагирую на вас?

Он коснулся ее пальцев у себя на груди.

— Дело не во мне, Грейс. Дело в самой деревне. Здесь что-то происходит, но я пока не пойму, что именно. Три инцидента — смерть Саймона Преддла, вчера парень, чуть не забитый до смерти, а теперь убитый ночью лесник — это три проявления таинственных сил. Метафизическими проявлениями были и призраки, которых видели ваш отец, Эллен Преддл и Рут Колдуэлл. И я.

— Вы?

— Этой ночью я видел — думаю, что видел — призрак мальчика.

У Грейс захватило дыхание.

— Саймона Преддла? — спросила она.

Эш покачал головой.

— Этому мальчику было лет шесть-семь. Я уже видел его вчера, перед тем как приехать в Слит.

Ее пальцы переплелись с его. Ее удивление перешло в недоверие, а оно в свою очередь сменилось тревогой — все в течение каких-то секунд.

— Я не уверен, что он был частью моего кошмара,— проговорил Эш, пытаясь убедить самого себя.— Но несколько мгновений он казался совершенно реальным.

— Неверующий уверовал.

Они вместе повернулись на голос. В дверях в конце зала стоял преподобный Локвуд, свет из сада очерчивал его ссутуленную фигуру. Одна рука тянулась к косяку в поисках опоры.

— Отец?

Грейс подошла к нему, вытянув руку, словно опасаясь, что он сейчас упадет.

При ее приближении священник выпрямился.

— Со мной полный порядок, дорогая. Но, возможно, работать в саду еще рановато, даже в этот час. Впрочем, ты не принесешь мне стакан воды?

— Хорошо, но ты сядь и отдохни.

— Сяду. Вы не присоединитесь ко мне на улице, мистер Эш?

Пройдя вперед, Эш прищурился — свет из открытой двери был слишком ярко — и только в трех или четырех футах от викария понял, как плохо тот выглядит. Его здоровье, которое и при первой встрече казалось не очень крепким, словно стремительно ухудшилось за ночь.

Локвуд заметил удивление в глазах исследователя и устало улыбнулся:

— Кажется, вы и сами плохо провели ночь, мистер Эш.

Это замечание еще больше удивило Эша. Неужели он так же плохо выглядит, как и викарий? Он сомневался в этом, поскольку знал, что викарий *психически* нездоров и тяжесть его болезни усиливалась тревогой за свою деревню.

— Ночь слишком жаркая для хорошего сна,— сказал он.

— Ах, если бы причина была только в этом! Мне ночь показалась вполне прохладной. Там, на террасе, есть кресла — присядем?

Эш вышел вслед за викарием наружу, и Локвуд, усевшись в широкое кресло с толстыми подлокотниками, выдвинул от стола стул попроще. Сама терраса была скромной, с заросшей лишайником балюстрадой и четырьмя ступеньками, спускающимися в сад. Там виднелась беседка, где Эш с Грейс вчера разговаривали, а за ней простирались лес

и бывшие владения Локвудов. Не успели мужчины сесть, как к ним присоединилась Грейс. В одной руке она держала стакан воды, а в другой — потрепанную соломенную шляпу, какую мог носить крикетный судья. И то и другое Грейс протянула отцу.

— Я должен это надеть? — пожаловался викарий.

— Нет, если предпочитаешь свалиться от солнечного удара.— Грейс села за стол напротив Эша и подарила ему мимолетную улыбку, прежде чем обратиться к отцу: — Я хочу, чтобы сегодня ты отдохнул, а потом, думаю, мы сходим к доктору Степли, чтобы он осмотрел тебя.

— Ничего подобного ты не сделаешь.

Как бы плохо викарий ни выглядел, в тоне его отказа слышалась сила.

— Но, отец...

— Я сказал нет. Все, что мне нужно,— немного отдохнуть, это же предпишет и доктор. Отдых и успокоительное. Боюсь, это все, что может предложить нынешняя медицина.— Он посмотрел на исследователя.— Есть какие-нибудь результаты для нас, мистер Эш?

— Слишком рано,— ответил Дэвид.— Но определенно в Слите происходит нечто ненормальное.

— И что же именно?

Эш поймал встревоженный взгляд Грейс и понял, что она не хочет без необходимости волновать отца в подобном плачевном состоянии, но ему не представлялось возможным уйти от прямого ответа:

— Для начала, привидения.

— Для начала?

Пожилой человек чуть повернул голову в сторону, краем глаза наблюдая за исследователем.

— Есть и другие инциденты.

— Парень, которого чуть не до смерти избил отец Рут?

— Да.

— И?..

Эш, извиняясь, посмотрел на Грейс:

— Этой ночью убит лесник.

— Джек Баклер? Неужели наш старый добрый Джек Баклер?

— Боюсь, что он. Полиция уверена, что его убил браконьер.

Викарий покачал головой, больше с сожалением, чем с недоверием.

— Где его убили? — спросил он наконец так тихо, что Эшу пришлось наклониться, чтобы расслышать.

— Где-то в бывших угодьях Локвудов. Этой ночью.

— В угодьях Локвудов,— повторил викарий.— Значит, это продолжается.

Эш с интересом взглянул на него:

— Это продолжается?..— напомнил он.

Локвуд бросил взгляд на дочь, его худое тело напряглось.

— Трагедии в Слите,— сказал он Эшу.— Они продолжают косить нас.

Эша удивило то, как Локвуд переглянулся с дочерью. Он уже открыл рот спросить, но викарий опередил его:

— Недавно я подслушал, как вы рассказывали моей дочери, что видели дух мальчика. Вы можете объяснить это?

— У меня был кошмар. Возможно, я не до конца проснулся.

— Ага, и сон продолжался. Кого вы пытаетесь убедить, мистер Эш, нас или самого себя?

Исследователь не смог ответить на этот вопрос. И сменил тему:

— Мне нужно изучить историю Слита. В частности, я бы хотел побольше узнать о вас и ваших предках.— Второе замечание подсказал обмен взглядами между отцом и дочерью минуту назад.

— О Локвудах? — Грейс была больше удивлена, чем возмущена.— Вы, надеюсь, не думаете, что наше семейство как-то связано с привидениями? — Она сдержанно улыбнулась, подчеркивая полную абсурдность такой мысли.

— Я думаю, что поколения Локвудов играли важную роль в истории местной общины. И мне бы хотелось как можно больше узнать о них.

Преподобный Локвуд устало покачал головой.

— Я бы рекомендовал вам не слишком погружаться в дела давно минувших дней, мистер Эш. Они не могут иметь отношения к происходящему в Сайте сегодня.

Эш не был так уверен в этом, поскольку многие призраки — или «психические рецидивы», как он предпочитал классифицировать их — были непосредственно причастны к прошлым событиям.

Викарий не скрывал своего раздражения, правильно истолковав его молчание:

— Какой смысл копаться в старых деяниях и преступлениях моего семейства? Маленькие деревушки вроде нашей склонны копить обиды из поколения в поколение, и, уверяю вас, подобные изыскания не приведут ни к чему хорошему.

— Я уже говорил вам, все результаты моих исследований будут строго конфиденциальны. Институт докладывает о них непосредственно клиентам, и больше никому.

Выражение лица Локвуда говорило, что он отнюдь не удовлетворен. Викарий с трудом встал на ноги, заканчивая беседу.

— Вы позволите мне посмотреть приходские книги? — упорствовал Эш.

Светлые глаза пожилого священника не мигали.

— Что касается церковных фондов — нет. К сожалению, я не могу помешать вам в поисках других источников информации.

С этими словами он оставил дочь и исследователя на террасе одних, гнев на время придал энергию его шагам.

Они шли по широкой тропе, и Эш представлял, что когда-то этот путь был не так заброшен и вел к особняку Локвудов, расположенному примерно в миле от самих владе-

ний. Теперь обочины заросли травой и кустарником, разбегавшимися по изрытой каменистой поверхности. Эш хотел посмотреть на сгоревший дом, бывший когда-то центром поместья, и Грейс, хотя и удивленная его просьбой, охотно согласилась сходить с ним туда.

Они могли бы съездить к руинам, но Грейс пришло в голову пойти пешком: дорога была слишком разбита и поездка могла оказаться не очень удобной. На самом деле Грейс хотелось подольше побыть с этим загадочным мужчиной, побольше разузнать о нем, возможно даже узнать, как утонула его сестра и почему его так встревожило упоминание ее имени.

У обочины старой, заброшенной дороги трудилась пчела, ее жужжание подчеркивало обыденность дня. Впереди в ясном голубом небе порхали зеленушки, а вдали терялись в дымке залитые солнцем лесистые холмы. «Как может этот день,— размышляла Грейс,— не замечать творящегося зла; как эти отвратительные деяния не заражают сам воздух?» Что касалось видений прошлой ночи, то дневной свет как-то ослабил их силу, так что они стали смутными и потеряли свое значение. Сам Дэвид Эш выглядел не таким подавленным, как раньше, словно яркое солнце и свежий воздух если и не стерли совсем, то затушевали ночные страхи.

Поднявшаяся с цветка пчела перелетела через разбитую дорогу, ее полету на мгновение помешало присутствие людей. Грейс и Эш постояли, пока насекомое жужжало вокруг них.

— Почему ваш отец возражает против того, чтобы я заглянул в историю вашего семейства? — спросил Эш, когда они двинулись дальше.

— Думаю, он боится за хорошо упрятанные скелеты, которые вы можете вытащить из разных шкафов. Знаете, как он был сначала взбешен, когда я обратилась в Институт экстрасенсорики? Потом он вроде бы согласился на ваше

исследование, пока сегодня утром не узнал, что вы будете копаться в прошлом.

— Я так и не понял, почему это должно его беспокоить.

— Он не ожидал этого. Он думал, вы установите свои мониторы, или чем вы там пользуетесь для выявления присутствия призраков, составите отчет, посоветуете что делать и уберетесь восвояси.

— Это не всегда так просто.

— Так ему казалось. Но его главная тревога — население Слита. Боюсь, что семейство Локвудов оставило плохой след в истории по отношению к людям, как говорит отец, и он не хочет оживлять старое недоброжелательство.— Заметив интерес Эша, она продолжила: — Среди наших предков были неудачные правители здешних мест, некоторые из них имели совершенно подлую репутацию, и я расплачиваюсь за это. Честно говоря, я никогда не интересовалась историей Слита. Меня отправили в пансион, когда мне было семь лет, и даже на каникулы мама увозила меня куда-нибудь, обычно за границу, а отец оставался выполнять свои обязанности, так что я никогда не чувствовала себя частью местного общества. А последние годы заняли университет и работа за границей.

— Мне по-прежнему хочется узнать об этих скелетах у Локвудов в шкафу.

Грейс улыбнулась, и он ощутил ее теплоту.

— Я же говорю, я сама мало знаю об этом. Да особенно и не хочу знать.

— Даже из любопытства?

— Ну, рискуя возбудить у вас аппетит, могу сказать: както я услышала, что один из моих предков, Себастьян Локвуд, был большим другом и помощником сэра Френсиса Дэшвуда. Думаю, это заинтересовало меня минут на десять.

— Дэшвуда?

— Вы, конечно, слышали о нем? — Ее улыбка стала озорной.— Я думала, в Институте есть картотека, содержащая всю информацию об этой выдающейся личности.

— Ах да. Сэр Френсис Дэшвуд, распутник и оккультист, основатель Клуба адского огня, тайного общества поклонников дьявола. Да, ваш родственник попал в милую компанию.

— Его фамильное поместье было не так далеко отсюда. Он устраивал свои оргии и сатанинские ритуалы в меловых пещерах, которые сам вырыл. Себастьян Локвуд был членом тайного братства, и в середине восемнадцатого века они всячески позорили эти места.

— О, это уже скелет. И этот ваш предок был — как вы это назвали? Скуарсон?

— Да. Это моя мать рассказала мне о нем и, помню, очень сердилась. Не знаю, почему это так ее задевало — мне это показалось забавным.

— Не удивительно, что ваш отец не позволяет мне добраться до церковного сундука, особенно если у вас и другие предки того же сорта. Интересно было бы почитать эти записи.

— Надеюсь, он был самой паршивой овцой в стаде. Если нет, то к поколению моего отца Локвуды здорово переменились. Я не могу себе представить отца, вовлеченным в нечто подобное. А вы?

Эш улыбнулся ей в ответ, хотя улыбка не коснулась глаз.

— Думаю, нет. Вы не возражаете, если я закурю?

— Даже в такой прекрасный день вам нет дела до загрязнения окружающей среды, не говоря уж о ваших легких?

— Это помогает мне думать.

— Вы только думаете, что помогает.

— Ну ладно, это помогает мне думать, что помогает думать.

— В таком случае на здоровье.

— Можете чувствовать свое превосходство.— Он полез в карман и ничего не вытащил.— Эх, что-то мне кажется, что курение сейчас не поможет.

— Хорошо. Дольше проживете.

— Да, минуты на две.

— В свое время вы оцените эти две минуты.

— У меня будет время в последний раз закурить.

Она рассмеялась, радуясь, что шутливая беседа разрядила напряженность между ними. Но Эш все испортил своим вопросом:

— Как долго болеет ваш отец, Грейс?

— Уже третий раз вы спрашиваете о здоровье моего отца. Не понимаю, почему это для вас так важно.

— Я не говорил, что это очень важно. Любопытно, вот и все.

— В этом нет ничего таинственного. Здоровье отца стало ухудшаться вскоре после смерти матери, хотя артрит в руках мучит его уже несколько лет. Но только недавно отец так сдал.

— Он показывался врачу в последнее время?

— Несколько месяцев назад, когда не смог больше выносить моих надоеданий. Истощение, умственное и физическое, несколько повышенное давление — вот приговор доктора. И артрит не улучшает положения.

— Сегодня он выглядел неважно.

— Я попросила доктора Степли зайти на неделе посмотреть его. И не собираюсь предупреждать отца до последнего момента.

— Доктор Степли — деревенский терапевт?

Грейс кивнула.

— Он присматривает за нашей семьей, сколько я себя помню. Думаю, ему пора на пенсию, но он упрям, как мой отец. Наверное, будет продолжать практику, пока не свалится во время обхода.

Реактивный самолет высоко в небе виднелся сверкающей точкой и оставлял за собой тонкую, почти призрачную линию. След разбухал и растворялся в разреженном воздухе.

— Вот что осталось от Локвуд-Холла.

Эш посмотрел, куда указывала Грейс, и увидел вдали серые развалины. Приглушенная зелень холмов позади подчеркивала безжизненность изломанных камней.

Эш снял пиджак и повесил на руку.

— В прежние дни дом, должно быть, имел величественный вид,— заметил он, вместе с Грейс приближаясь к руинам.

— Во многих отношениях — да.

Эш взглянул на нее:

— Вы как будто не уверены.

— У нас до сих пор есть картина с изображением Локвуд-Холла, каким он был в восемнадцатом веке,— и да, я думаю, это было внушительное здание. Но мне оно никогда не нравилось. Его архитектура всегда казалась мне какой-то холодной; возможно, картина просто плохо написана.

— Я бы хотел увидеть ее.

— Хорошо. Она в кабинете у нас дома. Некоторые восхищаются как зданием, так и картиной, так что мое мнение может показаться вам не слишком заслуживающим доверия.

— Довольно часто бывает, что люди ощущают неприязнь к некоторым местам.

— К дому моих предков? Я должна бы гордиться его историей, как и его величественностью.

— Может быть, на вас влияет сожаление о том, как много Локвуды утратили за все эти годы.

— Я не проклинаю судьбу за утрату того, что мы имели.

В ее ответе не было резкости, просто твердое убеждение, и Эш решил, что ему это нравится. Эта женщина не хнычет, как новые бедные.

Ее саму словно смутила собственная откровенность:

— Я показалась вам сварливой?

Он не удержался от смеха:

— Нет, возможно, просто возмущенной.

К ней снова вернулось хорошее настроение.

— О, я умею возмущаться. Вам надо послушать, когда отец говорит со мной о религии. После этого мы можем несколько дней дуться друг на друга.

— Как вам удалось не стать религиозной? Вам, дочери викария?

— Это все равно что жить в магазине кондитерских изделий. Можно потерять аппетит к сладкому, когда кругом его навалом. Под конец и мама чувствовала то же. Хуже того — я думаю, под конец ее тошнило от религии. Но это не значит, что я не верю во Всевышнего или загробную жизнь. Наверное, это догма и ритуал отвратили меня от религии. Кроме того, есть другие тайны, которые нужно разгадать, прежде чем беспокоиться о смысле мироздания,— например, призраки, которых видели в Слите, или то, почему иногда я могу проникать в чужое сознание.

Ее последнее замечание остановило его расспросы, на что и было рассчитано. Грейс повернулась к Эшу:

— Как я смогла этой ночью участвовать в вашем сне, Дэвид? Как я смогла увидеть вашу несчастную умершую сестру Джульетту, когда до вчерашнего дня ничего не знала о вас? И то, о чем я раньше не упоминала: вы как будто страшно боялись ее...

Она увидела, что ее слова произвели на него глубокое впечатление. В глазах отразилась смесь страха и горечи, но когда Эш заговорил, в его голосе была лишь холодная злость:

— Я боялся ее шуток, ее отвратительных мелких шуточек.

Он пошел дальше, оставив Грейс стоять на дороге.

— Вы не можете до сих пор проклинать ее за это, Дэвид,— крикнула она ему в спину.— Теперь, когда ее нет, вы должны простить ее.

Эш остановился и обернулся.

— Вы не поняли,— с прежней холодной злобой сказал он.— Она разыгрывала свои шутки уже после смерти.

20

Меж широких ступеней лестницы, ведущей к зияющему входу в Локвуд-Холл, росла трава, и истинный цвет железных перил скрыла ржавчина. С обеих сторон от входа возвышались почерневшие колонны, а высокие зияющие окна открывали пустоту внутри.

Поднявшись по ступеням, Эш увидел рухнувшие внутренние стены, полуобвалившуюся лестницу на верхние этажи, которых больше не было, и темные, искореженные стропила; сквозь крышу виднелось ясное светлое небо. Грейс с ничего не выражающим лицом стояла на самой нижней ступени позади Эша.

Он обернулся и подождал ее, но она колебалась.

— Грейс! — позвал он, не понимая, почему она не идет.

Прогнав все чувства, которые только что занимали ее, она перевела взгляд с распахнутой двери на исследователя и начала взбираться по лестнице.

Эш снова переключил внимание на дом, вытянув шею, чтобы разглядеть то, что было когда-то верхними этажами, и остатки витиеватой каменной балюстрады, идущей вдоль всей крыши.

— Можно примерно представить, как это выглядело,— сказал он взволнованно, почувствовав рядом присутствие Грейс.

— Я не хочу думать об этом, Дэвид. Я не люблю это место. Когда я прихожу сюда, у меня всегда такое впечатление, что оно что-то замышляет, обиженное этой разрухой. Странно, но у меня появляется такое же ощущение, когда я смотрю на картину, что висит дома.

— Вы позволяете воображению завладевать вами,— мягко успокоил ее Эш.— Здесь ничего нет.

— Вы ничего не чувствуете?

Он заглянул внутрь, его глаза обежали заляпанные стены, обвалившуюся лестницу.

— Это просто пустая оболочка.

Она обхватила себя за плечи, словно внезапно замерзла.

— Мне тоже хочется поверить в это. Даже в детстве я ненавидела это место. Я никогда не прихожу сюда одна, и, к счастью, моя мать вроде бы тоже не любила его. Только отец ходил сюда и иногда настаивал, чтобы я шла с ним. Помню, как он переходил из комнаты в комнату и часто, если это было безопасно, закрывал глаза, представляя, как тут было раньше. Он даже что-то напевал — знаете, один из старинных вальсов — и описывал мне социальное положение, которое занимали здесь поколения Локвудов. Держась за его руку, я сама воображала их — длинные одежды, напудренные парики, звуки клавесина. Я чуть ли не слышала смех, разговоры, стук туфель по мраморному полу в бальном зале, когда гости танцевали. Романтика, я знаю, представления девочки о том, как все должно было здесь происходить; но я чуть ли не наяву видела их...

Она замолкла, удивленная собственными воспоминаниями, и Эш придвинулся к ней.

Неуверенным голосом Грейс продолжила:

— И мне также представлялись другие... события здесь. Что-то темное... чего я, вероятно, в детстве не понимала... чего не понимаю и сейчас...

Он взял ее под руку, и она сначала напряглась, а потом расслабилась, прижавшись к нему.

— Какими они представлялись вам, Грейс? — осторожно спросил он.— Вы действительно слышали музыку и голоса? Вам они казались реальными?

— Не знаю — прошло столько лет. Но ведь я не могла слышать, правда? Все это творилось лишь в моей голове, просто детские фантазии.

— Но вы так живо помните их.

— Сегодня — да.

Грейс провела его за собой в высокий дверной проем.

Поравнявшись с ней, Эш увидел, что ее глаза закрыты, а голова чуть приподнята, словно Грейс вспоминала свои детские впечатления. Он не стал ее тревожить, а осмотрел

заброшенное помещение. Было нетрудно представить былое величие Локвуд-Холла, хотя остатки стен почернели от мха и лишайника, пышно разросшихся в темных углах. Полы усеяны обломками, там и здесь валялись обгоревшие балки, их толстым слоем покрывала каменная пыль, сбившаяся в кучи, как и многолетняя грязь, смываемая дождями с рухнувшей крыши. В полу были большие дыры, чернота которых казалась непроницаемой для солнечного света. Эш взглянул на остатки верхних этажей и удивился, не обнаружив птиц и птичьих гнезд на сломанных бревнах и в трещинах стен, поскольку такие опустевшие места обычно служили для них прекрасным убежищем. Он прислушался, но не уловил никаких признаков жизни. Только тишина и кружение пыли в пустой оболочке.

Эш шагнул вперед и оказался за дверным проемом.

— Не надо, Дэвид.— Почувствовав его позади, Грейс тут же открыла глаза.— Здесь небезопасно.— И, увидев его неуверенность, добавила: — Этот пол — он теперь ненадежен. И некоторые потолочные балки совсем ослабли.

Он кивнул, благодаря за предостережение.

— Когда вы были здесь в последний раз? — спросил Эш, снова придвигаясь к ней.

— Не помню точно. Возможно, год назад, когда вернулась домой из-за болезни матери. После похорон мне просто хотелось уйти из дому, я пошла по старой дороге и оказалась здесь. Помню, отец рассердился, когда узнал, где я была.

Эш вопросительно приподнял брови.

— Ничего таинственного, Дэвид. Он беспокоится, что в один прекрасный день все это может обрушиться, и не хочет, чтобы в это время кто-то оказался здесь.

— Почему бы ему не снести это здание, если он так беспокоится?

— Это слишком дорого. И кроме того, дом находится в частных владениях — никому не позволено сюда заходить.

— Я нигде не видел предупреждающих знаков.

— В них нет необходимости. Кажется, никто и так не интересуется этим местом.

— Даже человек, скупивший остальные владения?

— Карл Бердсмор? Он знает, что оно за их пределами. Это мой дед, Невилл Локвуд, распродал земли, чтобы расплатиться с долгами, и он оговорил в условиях сделки, что Локвуд-Холл навсегда останется семейной собственностью Локвудов, невзирая на его состояние. Думаю, он хотел поддержать традицию, как бы ни уменьшилось наше богатство. Новый владелец земель построил собственный особняк на южной стороне — это был Бердсмор, он купил наши угодья двадцать с лишним лет назад. Мне говорили, он владел несколькими журналами по машиностроению и продал их за миллионы. Тогда он пришел к моему отцу и потом приходил еще несколько раз с предложением купить остальное, но отец отказал ему. Наверное, теперь Бердсмор уже отказался от мысли стать единоличным господином всех владений.

Эш понимал амбиции миллионера, поскольку Локвуд-Холл после перестройки мог бы стать великолепной резиденцией в прекрасном обрамлении, и, несомненно, Бердсмор был готов заплатить за него баснословную сумму. Было в некотором роде приятно узнать, что семейная традиция возобладала над силами рынка. Локвуды были вымирающей породой.

Внезапный шум крыльев заставил обоих вздрогнуть, и Грейс отшатнулась от дверного проема, опасаясь, что сейчас сверху что-нибудь упадет. Но с крыши посыпалась только пыль, и на солнце засияли миллионы сверкающих точек.

Эш взглянул вверх и увидел птицу, только что усевшуюся на балку высоко над пустым помещением. «Значит, я ошибался,— подумал он,— здесь есть жизнь». И будто в ответ ворон издал резкое, хриплое карканье, еще более мрачное, чем пустота этих старых стен.

— Дэвид.— Грейс уже ушла вперед, она была почти у самой лестницы.— Пойдемте.

Он оглянулся на ворона. Тот молчал и, казалось, внимательно смотрел на него сверху. Эш поежился и вдруг понял, что несмотря на беспрепятственное прохождение солнечных лучей внутрь в Локвуд-Холле — или в том, что осталось от него,— было холодно как в склепе.

21

Ах, вот и это место! Мило. Нет, не просто мило: прекрасная маленькая деревенька. Какая жалость, какой стыд!

Маленький тщедушный человечек на скамейке положил ногу на ногу, обхватил руками колено и несколько мгновений раскачивался взад-вперед, еле заметно — его плечи едва отрывались от спинки. Он задумчиво похлопал рукой по тонкой тросточке с серебряной рукоятью.

Случайный прохожий мог бы принять это местечко за совершенно обычное — ну, может быть, слишком милое с этой старомодной гостиницей и живописными домишками, этой лужайкой и прудом, слишком милое, чтобы назвать его совершенно обычным,— но, конечно, прохожий бы решил, что тут спокойно и определенно ничего не происходит. О да, и случайный приезжий, вероятно, заключит, что деревенские обитатели — очень милые люди без каких-либо особых забот, кроме обыденных мечтаний; и он не заметит за вежливыми улыбками отдаленной, но — если приглядеться — заметной тревоги, какого-то душевного дискомфорта в бегающих глазах.

Несомненно, это то место. Великий Боже, да здесь чувствуется подрагивание в самом воздухе, чувствуется запах тревоги. Эти люди — стоит только посмотреть, как они прохаживаются мимо, еле кивая друг другу, избегая встречаться глазами,— эти люди подозревают, что в их деревне происходит что-то ужасное, но пока не зна-

ют, что это. Они ждут чего-то, но у них нет нити к тому, что может случиться.

О чем-то задумавшись, Симус Фелан поскреб в носу и вытер палец носовым платком в красно-белую крапинку, который выхватил из нагрудного кармана своего твидового пиджака. Некоторое время он рассматривал землю перед собой, изучая темные пятна на траве, и глубокие морщины избороздили его лицо, а обычно веселые глаза на время затуманились.

Ну вот, отвратительная высохшая кровь заляпала траву (какой мерзкой становится эта жизненная жидкость, когда так безрассудно расплескивается!) и теперь нарушает душевный покой, заставляя размышлять и гадать, откуда она. Что-то случилось здесь, на этом самом месте, совсем недавно, что-то ужасное и жестокое. Смерть запустила сюда свои костлявые пальцы, но ее хватка еще недостаточно крепка. Да, да, я чувствую это. Смерть еще не прошла здесь, но хмуро стоит рядом. И ждет удобного момента.

Он вытянул шею, чтобы разглядеть подъезжающий к лужайке красный «форд», его заинтересовала не машина, а водитель. Маленькие глазки, в которые вернулась веселость, прищурились, пытаясь рассмотреть его лицо, но солнце стояло высоко, и внутри машины казалось темно. Однако удалось различить профиль.

Хм, волевое лицо. Впрочем, наполнено сомнениями. Так почему этот человек привлек мое внимание? Ах, да, он тоже часть этого. И ощущение сильное. Ну-ка, он тоже что-то уловил. Смотрит сюда, что-то разыскивая. Он увидел меня, но не уверен. Снова смотрит мимо, осматривает дорогу. Совершенно сбит с толку.

Маленький ирландец наблюдал, как Дэвид Эш втиснулся на последний свободный пятачок стоянки по ту сторону пруда, как запер машину и пересек дорогу, направляясь к «Черному кабану», как обошел стоящий у поребрика поли-

цейский автомобиль и подошел к входу в гостиницу. И снова остановился и осмотрелся, прежде чем войти.

Он не здешний, наверняка. Приезжий, как и я. Да, он участвует в происходящем здесь. Интересно, его тоже позвали эти страшные вибрации? Его тоже привели сюда они?

Фелан замер на скамейке, уставившись на вход в гостиницу.

Нет, энергия этого человека не очень сильна. Или, точнее сказать, слишком подавлена. Как бы то ни было, мы должны поскорее сойтись. То есть пока не поздно. Но в данный момент пусть просто сидит и впитывает то же, что и я, что бы это ни было. Например, пруд вон там. Ужасный застоявшийся пруд. И он глубокий, глубже всяких земных пределов, мне даже не нравится сидеть рядом. Пожалуй, я прогуляюсь к церкви, что виднеется вдали. Церковь — всегда хорошее место для начала, и приезжий, шныряющий вокруг подобных древних достопримечательностей, ни у кого не вызовет удивления.

Симус Фелан встал и потряс по очереди обеими ногами, будто расправляя складки на собственном теле. Потом приподнял легкомысленную шляпу с узкими полями, чтобы пробежать рукой по редеющим посеребренным волосам. Проделав это, он быстрым движением водрузил шляпу на место, снова взял трость, резко расправил плечи и уже было пошел к церкви на возвышенности. Но что-то снова привлекло его внимание — нечто, удивившее его тем, что он не замечал этого раньше. Позорный столб и колодки он заметил еще до того, как сел на скамейку; в них не было ничего неуместного. Однако в этот момент по иззубренному старому дереву позорного столба текла темная жидкость, такая же темная, как на траве.

Фелан подошел к памятнику пыткам и мучениям и пальцем провел по гладкой мокрой полоске. Когда он оторвал его, палец окрасился красным.

Посмотрите-ка на это!

Он снова осмотрел место для бичевания, потом свой палец. И удивленно покачал головой.

Господи Иисусе, почему дерево плачет кровью?

22

Эш подрулил к маленькому коттеджу с террасой, где жила Эллен Прадд, выжал ручной тормоз и несколько мгновений сидел, глядя через ветровое стекло. Он чувствовал усталость и сам не понимал отчего. Определенно он плохо спал, потому что сны были явственными, мучительными, но с годами он как-то привык к таким снам. Значит, усталость могла быть физической, а не умственной. Дальняя прогулка к развалинам Локвуд-Холла по дневному солнцепеку была достаточно утомительной, а потом еще расспросы местных полицейских в «Черном кабане». Ведь ложь всегда немного утомляет.

Сохраняя конфиденциальность клиентов, пришлось сказать двум полисменам, что викарий церкви Святого Джайлса нанял его, чтобы разобрать давние приходские записи и восстановить их, где возможно (на это Эша вдохновил рассказ Грейс Локвуд о том, как Музей Клюни нанял ее, чтобы систематизировать тамошние экспонаты). В названии Института Эш опустил слово «экстрасенсорики» и назвал его просто Институтом исследований. Это была не слишком большая ложь — только в интересах клиентов, и он сомневался, что полицейские позаботятся проверить его слова, поскольку их допрос был чисто формальным: после ночного убийства лесника полагалось допросить всех приезжих, как и местных жителей.

Весь допрос занял не более десяти минут и проводился с глазу на глаз в пустом обеденном зале, вдали от дотошных взглядов и ушей пары провинциальных журналистов, приехавших в Сант осветить убийство и вызывающий содрогание акт насилия, случившийся накануне у лужайки

перед гостиницей. Когда Эш зашел в бар выпить и перехватить бутерброд, прежде чем взяться за первую часть отчета для Института, он заметил, как с журналистами быстро расправляется один из завсегдатаев бара. Короткие хмыканья и односложные ответы вроде бы касались распорядка дня, а когда сам Эш приблизился и журналисты спросили у него, что он думает о распространении городских беспорядков на такое тихое, патриархальное сельское общество, каким является Слит, то он в грубой форме объяснил, что сам тут приезжий, залпом выпил свою водку и забрал бутерброд с собой в комнату.

Остаток дня он провел у себя, просматривая свои заметки, прослушивая записи разговоров с преподобным Локвудом, Грейс, фермером Сэмом Ганстоуном и, конечно, с Эллен Прадда, фиксируя их от руки на бумаге, чтобы потом перепечатать на привезенной с собой портативной пишущей машинке.

Закончив, он растянулся на кровати, покуривая сигарету, время от времени потягивая водку из плоской фляжки, лежащей на тумбочке рядом, и обдумывая результаты своих исследований. Но снова и снова его мысли возвращались к Грейс Локвуд.

«Это глупо,— говорил он себе,— глупо связываться с клиентом, пока длится расследование. Это отвлекает и в некотором роде просто непрофессионально — выглядит так, будто врач-психиатр увлекся своей пациенткой,— а подобное увлечение может привести к никому не нужным осложнениям». И кроме того, случившееся с ним однажды вроде бы убедительно доказало губительность подобных вещей.

Тем не менее его тянуло к Грейс, и Эш знал, что и Грейс тянет к нему. Эта взаимосвязь между ними, эта странная дрожь при встречах были бесспорны. И на этот раз в отличие от прошлого женщина была реальна, она не была призраком.

Такие мысли мелькали у него в голове, пока он сидел в машине, и Эш отгонял их, зная, что Эллен Прадда, вероятно, наблюдает за ним через кружевную занавеску, ожидая, когда он подойдет к двери. Эш гадал, позволит ли женщина установить в доме аппаратуру, на что согласилась вчера, или передумает, напуганная случившимся с Грейс на кухне. Скажет ли, чтобы ее оставили в покое, или примет предложенную помощь? Это следовало выяснить.

Эш вылез из машины и подошел к багажнику. Утомление немного прошло, а когда он стал выгружать оборудование, перспектива выявить истинное аномальное явление, как всегда, привела к выбросу в кровь адреналина.

Взяв два чемодана: один большой, другой поменьше, Эш прошел через калитку и по короткой дорожке направился к коттеджу. Дверь отворилась, когда он не прошел еще и половины пути.

Эш посмотрел на свои часы. Около одиннадцати. На улице темно и тихо, как в могиле. Он взглянул на маленький видеомонитор, установленный на столе в нескольких футах от лестницы, и увидел только черно-белое изображение пустой ванной комнаты на верхнем этаже. Несколько минут он смотрел на эту картину, пытаясь отыскать что-нибудь — хоть что-нибудь — необычное. Но все было совершенно нормально.

Из найденной еще раньше на кухне жестяной пепельницы он взял недокуренную сигарету и затянулся. Горящий кончик ярко высветился в полумраке комнаты. И все же скучно не становилось, хотя Эш вел наблюдение уже несколько часов,— и это было странно, потому что долгое наблюдение, не важно в каких обстоятельствах, через два часа неизменно приводило к скуке и утомлению.

Провода от монитора тянулись по лестнице к видеокамере, укрепленной на треноге в дверном проеме, ведущем в ванную. Напротив, в самой ванной комнате, на треноге был установлен фотоаппарат с автоматической вспышкой,

подключенный к детектору изменения емкости, который должен был включить его. Таким же устройством был снабжен самописец. Рядом с ванной комнатой был установлен включающийся от звука магнитофон, в самой ванной рассыпан по полу тонкий слой талька. За раковиной висел оранжерейный термометр, а снаружи, на лестнице, еще один — поменьше, способный регистрировать самую высокую и самую низкую температуру за время наблюдения. На ступеньках лестницы был рассыпан более мелкий порошок, а поперек третьей снизу протянулся тонкий черный волосок. У входных дверей размещалась направленная на ступени обычная камера, заряженная инфракрасной пленкой. На столе перед Эшем были разложены два фонаря, еще один фотоаппарат с обычной пленкой, разные прозрачные пакеты и чистый пластиковый контейнер, безмен и тензометр, а также ручки, карандаши, мелки и рисовальные угли, записная книжка и лист бумаги, на котором он начертил план коттеджа, верхнего и нижнего этажей. В большем из принесенных чемоданов было и другое оборудование; еще кое-что осталось в багажнике машины.

Эш курил и при свете маленькой настольной лампы рассматривал план. Эллен Предда была в своей спальне, и он надеялся, что она уже спит, получив инструкцию не выходить из комнаты, пока он не позовет ее,— какие бы звуки она ни услышала. Если что-либо потревожит ее в спальне, ей надлежало сразу же звать его. Ванной комнатой не следовало пользоваться всю ночь, и Эш надеялся, что Эллен сделала все необходимое, чтобы обойтись без нее. Все окна были плотно закрыты, и в комнате весь вечер чувствовалась духота, хотя к ночи постепенно стало прохладнее.

Когда Эллен Предда открывала Эшу дверь, она выглядела совсем неважно. Тени под глазами стали еще заметнее, и еще до того, как дошел до двери, Эш ясно различил смятение на ее лице. Руки, которые при первой встрече непрестанно шевелились, теперь недвижно висели, а плечи еще больше сутулились. На женщине было цветастое

платье и, несмотря на жаркий день, все та же вязаная кофта. Волосы были растрепаны, седые и черные космы спутались и торчали в разные стороны. К удивлению Эша, она без слов позволила ему войти.

Он установил свое оборудование и объяснил женщине назначение разных частей, но она равнодушно сидела в кресле у холодного камина и даже не смотрела на Эша, когда он задавал прямые вопросы, а отвечала еле разборчивым бормотанием. Ему стало легче, когда женщина решила лечь спать и, не встретив возражений, направилась к лестнице. Эшу пришлось повторить свои инструкции — не выходить всю ночь из комнаты; но единственным ответом ему был стук захлопнувшейся двери. С тех пор с лестницы не доносилось ни звука.

Эш зевнул и потер руками глаза. Усталость, обычно усиливавшаяся скукой, часто была первым препятствием, которое следовало преодолеть. Какой бы час наблюдения ни шел, сонливость наступала около полуночи или вскоре после того; сегодня же усталость пришла немного раньше из-за тяжелой ночи накануне. Эш докурил сигарету и удерживал себя, чтобы не закурить новую; вместо этого он достал из кармана висевшего на спинке пиджака плоскую фляжку и открутил крышку. Небольшой глоток оживил его. Он привык делать так, когда возвращалась усталость, и повторял эту процедуру всю ночь до утренних часов.

По-прежнему держа фляжку в руке, Эш рассеянно взял карандаш и начал набрасывать план кухни, рассчитывая траекторию блюдца, которое якобы слетело с полки и ударило по лбу Грейс Локвуд, после чего упало на плитки пола и разбилось. Он начертил этот план просто так, чтобы чем-то заняться, потому что без независимых свидетелей это событие не могло быть зафиксировано как аномальное явление.

Тем временем он заметил, что изо рта при дыхании идет пар.

Эш выпрямился, поняв, как похолодало, и ощутил, что волосы на руках встали дыбом. Становилось не просто холоднее — холод стал почти невыносимым.

Он опустил закатанные рукава рубашки и, застегивая манжеты, оглядел комнату. Температура упала неестественно быстро, как будто снаружи вдруг изменился климат, и Эш приподнялся, намереваясь посмотреть на термометр на лестнице.

И когда отодвинул стул, сверху послышался глухой звук.

Эш замер, затаив дыхание и прислушиваясь. Это Эллен Придд проснулась и ходит? Возможно — несчастная женщина выглядела так, словно несколько недель толком не спала. Но что-то звучало прямо над головой. В ванной комнате.

Эш посмотрел на экран монитора. В ванной ничего не двигалось. Никаких посторонних теней, ничего необычного. Впрочем, его глаза что-то уловили, но не на экране. А на лестнице в нескольких футах от него.

Рассыпанный на ступенях тальк начал вздыматься, словно от сквозняка.

Когда мелкий порошок, кружась, медленно поднялся в воздух, Эш затаил дыхание, а когда пыль поднялась на высоту более двух футов, подошел к аппарату с инфракрасной пленкой. Его движения были легки, чувства обострились, скука и усталость улетучились.

Он надавил на кнопку фотоаппарата, раздался щелчок и жужжание мотора перемотки, чрезвычайно громкое в ночной тишине. Эш сделал еще три снимка, а взлетевшая со ступеней пыль перестала подниматься выше, но сгустилась, ее движение ускорилось, словно побуждаемое чем-то кроме сквозняка. Через секунду пыль, как клубы дыма, потянулась в одном направлении, снова поднялась, но потом побежала по ступеням, подобно морским волнам. Пылевой вихрь потек вверх, изгибаясь и извиваясь, и туманные струи в конце концов покинули нижние ступени.

Рваный конец пыльного облака уже исчезал на верхней площадке, когда Эш решил действовать. Он поспешил вперед, помедлил на нижней ступеньке, а потом неторопливо, осторожно стал взбираться вверх. Эш уже достиг ступеньки, где был натянут волосок, когда тишину разорвал жуткий, душераздирающий крик.

Это был крик зверя в смертельном ужасе, и Эш от неожиданности отшатнулся и прижался спиной к стене. Крик продолжался, наполняя помещение, и, достигнув оглушительной ноты, вдруг замолк. Последовала жуткая тишина, потом наверху раздались тяжелые шаги. За углом площадки на стене зашевелились какие-то тени, и на ее поверхности возник странный блеск. Эш в ужасе отступил.

О Боже, он не хотел подниматься. Ему не хотелось видеть, что издало этот жуткий жалобный крик. Он стал спускаться, и его плечи скользили по деревянной стене. Он оказался не готов к такому; хотя в прошлом ему и приходилось сталкиваться с леденящими душу ужасами, только что услышанный крик поверг его в шок. Но не только крик — из самих стен в атмосферу просочилось парализующее чувство страшной угрозы. И пока это чувство держало его на месте — напуганного, не в состоянии двинуться дальше,— с верхнего этажа стал распространяться смрад разложения.

От раздавшегося снова крика Эш дернулся всем телом, но на этот раз крик звучал не так — это был крик женщины, испытывающей страшные муки. Эш понял, что это кричит Эллен Предд, и когда раздался звук удара и последовал новый крик, он понял, что должен помочь ей, он не мог позволить ей встретиться в одиночку с тем, что перед ней появилось. Эш заставил себя оторваться от стены, и когда это удалось, его решимость усилилась. Он бросился вверх по лестнице, но пути зацепив контрольный волосок, споткнулся на повороте, расшибив подбородок, но тут же поднялся и, перешагивая через провода, быстро достиг площадки. Зловоние встретило его, как удар кулака, и он

отвернулся, схватившись за перила, чтобы удержаться на ногах от приступов рвоты.

Когда из ванной послышался звук еще одного мощного удара, Эш выпрямился и увидел, как камера наклонилась на треноге и замерла на краю подставки. Ленты изорванной пленки валялись на полу вместе с детектором электрической емкости. На потолке метались тени, и Эллен Предд, одна в ванной комнате, махала руками в воздухе, воя и царапая пустоту, с безумно вытаращенными глазами, с оскаленными зубами, мокрыми от слез щеками и пеной у рта.

— *Оставь его!* — визжала она.— *Не трогай его!*

Осторожно ступая, весь напрягшись, с натянутыми как струна нервами Эш приблизился к двери. Он перешагнул самописец и треногу на площадке, вырванные из гнезда провода.

— *Отпусти его!* — Ее слова вырывались отчаянным причитанием.

Термометр, установленный за раковиной, вдруг сам по себе полетел через комнату и, разбившись от удара о темное оконное стекло, упал на линолеум пола. Почти тут же стенной шкаф отделился от стены и упал на раковину, его содержимое высыпалось, баночки и картонки попадали на пол, под ноги неистово приплясывавшей Эллен Предд.

Эш бросился вперед и схватил обезумевшую женщину. Но она повернулась и скрюченными пальцами потянулась к его лицу, к его глазам. Он сжал ее запястья и постарался удержать их подальше от себя.

— Перестаньте! — крикнул он.— Успокойтесь!

Ее глаза не узнавали его, их освещала такая лютая злоба, что Эш понял: эта женщина готова убить его. Она плевала ему в лицо, и Эшу пришлось отвернуться, от напряжения его руки тряслись, шея напряглась.

Повернувшись, Эш увидел какое-то волнение в ванне, разглядел слабый силуэт под поверхностью темной, вспененной воды. Он увидел лицо мальчика с открытым ртом и выпученными глазами.

Дрожащая измазанная рука мальчика с растопыренными пальцами высунулась из пены, словно тянулась к Эшу, тянулась к самой жизни.

23

В деревне горело мало огней. Большинство людей уже глубоко спали; но были и другие, которых мучила бессонница и которые ощутили резкое похолодание ночного воздуха, неожиданный озноб, ломоту в костях и мурашки по коже,— и это насторожило их. Эти несчастные поспешили лечь в постель или, если уже лежали, поплотнее укутались в одеяла.

Главная улица и маленькие, расходящиеся от нее переулки были пустынны. Даже летучие мыши, гнездившиеся в деревне под крышами домов, не отправились на свою ночную охоту. И из-за стен маленького коттеджа с террасой, что примостился в выходящем к церкви переулке, не доносилось шума. Вокруг было очень тихо.

Ущербная луна освещала колодки и позорный столб у поблекшей лужайки, но если бы случайно кто-то вышел этой ночью на улицу, он не заметил бы черноватой жидкости, сочащейся из старого потрескавшегося дерева. Пруд рядом был недвижен и непроницаем — задумчивая темная масса, не отражающая ничего.

Но какое-то движение вдруг возникло на фоне этой унылой картины. Маленькое одинокое существо скользнуло по траве, его заостренная мордочка поднималась через каждые несколько ярдов, принюхиваясь к воздуху. Этот осторожный зверек знал об отвращении, которое вызывает у всех, и его щетинистая шерстка напряженно топорщилась. Он добрался до края воды и замер как загипнотизированный. Острые маленькие глазки уставились в одну точку.

С тихим тревожным писком крыса юркнула прочь от воды, повернувшись так, что ее длинный хвост шлепнул по поверхности, отчего по озеру разошлись круги. Она бро-

силась по траве назад и пересекла дорогу — юркая тень среди других теней. Мгновение — и ее уже нет, она присоединилась к другим таким же существам, населяющим подвалы гостиницы.

Больше ничто не шевелится. Деревня спит. Но сны здешних жителей неспокойны.

Том Джинти дернулся и проснулся. Несколько секунд он приходил в себя.

Он лежал на кровати, хлопая глазами, его жена Розмари храпела рядом. Что разбудило его? Мясистая рука Тома высвободилась из-под одеяла и прикоснулась к онемевшей правой щеке. Вот что! Ему показалось, что кто-то во сне закатил ему оплеуху! Приподняв голову над подушкой, он посмотрел на Розмари.

Она как бревно лежала рядом. Нет, не совсем как бревно — одеяло приподнималось и опускалось в такт дыханию. Жена громко всхрапнула, и Том сдержал желание в ответ тоже смазать ей по морде, хотя пощечина, которой она его наградила, была явно случайной. Вероятно, жена хлопнула его, поворачиваясь во сне. Странно, однако,— она лежит спиной к нему, и ее жирные руки спрятаны под одеялом. Она не могла его ударить. Если только не металась и не ворочалась. Чертова корова! Очевидно, приняла перед сном стаканчик портвейна. А то и два. И наверняка сыром закусила. Боже — портвейн с сыром! Не удивительно, что теперь ворочается.

Что-то коснулось его редких, прилипших к черепу волос.

Том Джинти вскочил на кровати и поднес руку к голове. Что это было? Одеяло соскользнуло с живота на колени. С несвойственным для таких тучных мужчин проворством он метнулся к лампе у кровати и, нащупав выключатель, через мгновение зажег свет.

— Кто здесь? — громко спросил Том Джинти.

Но он уже сам все увидел: в комнате никого не было.

Он снова обернулся к жене, и его лицо вытянулось: ее храп говорил, что ее ничто не потревожило. Едва не пнув ее, хозяин гостиницы вдруг заметил, как холодно в спальне, и натянул одеяло на свою голую мясистую грудь, прижав его, как старая дева, оберегающая свою девственность при виде ночного вора. Он осмотрел комнату и темные углы.

«Смешно»,— сказал себе Джинти. Кроме Розы и его самого, в комнате никого не было. Он взглянул на потолок в надежде увидеть там паука, парящего над головой на своей шелковой нити и так же потрясенного столкновением. Конечно, никакого паука там не было, да и если бы даже он пробежал у него по макушке, то вряд ли хлопнул бы по щеке! Джинти ладонью провел по волосам и убедился, что в редких прядях ничто не шевелится. Должно быть, приснилось. Никто его не трогал. Волосы? Сквозняк, и больше ничего. Гостиница полна этих подлых сквозняков. И все же щека до сих пор не отошла. И хотя в комнате холодно, никакого сквозняка не чувствуется.

Край кровати начал вибрировать. Не сильно, чуть-чуть.

Джинти посмотрел на эти колебания, на его широком лице отразилось недоумение, и через несколько мгновений он прошептал:

— О Господи, кто-то спрятался под кроватью!

Соскочив, в два быстрых шага он подошел к стоящему у стены комоду. Одной рукой опершись на него, а другой поддерживая пижамные штаны, чтобы не упали, Джинти прошипел:

— *Розмари!*

Жена продолжала храпеть.

Он уставился в темноту между свисающим одеялом и ковром на полу. Есть там кто-нибудь? Невозможно. Как кто-то мог пробраться в спальню? В настоящее время в гостинице лишь один постоялец, и Джинти знал, что вечером он не возвращался. Конечно, странный парень, да еще водит знакомство с викарием, что делает его еще более

страшным. Но все равно он не мог проникнуть в комнату, потому что дверь в спальню заперта изнутри — привычка многих хозяев, не доверяющих чужим под своей крышей.

Кровать перестала дрожать.

Чтобы заглянуть в темноту под ней, Джинти согнулся вдвое и опустился как можно ниже — неудобная поза для людей его сложения. Но рассмотреть ничего не смог. Он встал на четвереньки и придвинулся ближе, нос едва не касался пола. Джинти ощутил запах пыльного ковра и затхлого, застоявшегося воздуха. Но было слишком темно, чтобы что-либо рассмотреть.

Он подлез еще ближе, чуть дрожащей рукой схватил свисавшее одеяло и резким движением забросил его на кровать. И тут же кровать начала неистово раскачиваться.

Розмари в испуге проснулась. Поняв, что происходит с кроватью, она издала крик, а когда увидела выглядывающую из-за края кровати, как ей показалось, лишенную тела, голову своего мужа с разинутым ртом и выпученными от страха глазами, ее крик перешел в вопль.

Через долю секунды она соскочила с постели и оказалась на другом краю комнаты, где для защиты завернулась в оконную штору. Ее муж встал с пола и быстро отскочил от раскачивающейся кровати. Оба, не веря своим глазам, уставились на сошедшую с ума постель, и Розмари завыла:

— Что происходит, Том? Почему это она?..

Но Джинти не ответил. И не собирался выяснять. Не отрывая глаз от явления посреди комнаты, он двинулся вокруг комода к двери.

— *Том!*

Сетка на волосах Розмари каким-то образом зацепилась за ворсистый материал шторы, так что прядь крашеных белокурых волос выбилась на нарисованные брови. Глаза с возмущением смотрели на мужа, который оставил ее в этой комнате наедине с обезумевшей кроватью, но когда до нее наконец дошли его намерения, возмущение смени-

лось мольбой. Джинти был уже у двери, и его пальцы шарили за спиной, нащупывая защелку.

Наконец защелка нашлась, он уже собирался повернуть ее, когда стоящий слева от кровати комод вдруг отклонился от стены и так и завис, никем не поддерживаемый, не становясь на место и не падая. Только когда Розмари снова завизжала, комод опрокинулся, ударился о кровать, два ящика выдвинулись, и из них посыпалось содержимое, так что на одеяле перемешались носки и носовые платки. И комод, и кровать вовсю тряслись, их движение стало более замысловатым, более размашистым, ножки кровати прямо-таки отрывались от пола, и стук мебели почти заглушил стоны Розмари.

Джинти развернулся, повернул защелку и распахнул дверь. Розмари за спиной умоляла не покидать ее, а к сумасшествию уже присоединился платяной шкаф, стоящий в ногах кровати. Его дверца открылась, и на пол посыпалась одежда.

Хозяину гостиницы показалось, что в темном коридоре он видит двигающиеся тени, но когда он моргнул, они замерли, стали вполне обычными тенями.

Сзади слышалось сдавленное «Том!».

С несчастным выражением на лице, в панике, он поспешил в коридор и захлопнул за собой дверь. Но пока держался за ручку, закрывая дверь плотнее, все вдруг снова успокоилось. Тишина наступила так внезапно и была такой полной, что пугала почти так же, как и шум.

Пока Джинти стоял, поеживаясь в холодном коридоре, из спальни донеслись приглушенные рыдания. Робко — и с выражением стыда на лице — он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Кровать стояла неподвижно, не двигался и прислонившийся к ней комод. Шкаф тоже стоял спокойно, хотя и под углом к стене; на полу валялась одежда. Ничто в спальне не двигалось. Только вздрагивали пышные плечи плачущей, уткнувшейся лицом в штору, Розмари.

Мельничное колесо заскрипело. Впервые за много лет оно протестовало против напора воды, хотя течение было тихим. Потом оно застонало, и его громкая жалоба нарушила тишину ночи. Если бы кто-то был неподалеку от слитской главной улицы или у моста, служившего въездом в деревню, он мог бы подумать, что кто-то стонет, глубоко страдая. Но рядом никого не было, никто не слышал этого стона.

Колесо сдвинулось, возможно на миллиметр, не больше, и шевельнулись шестерни внутри мельницы. Они тоже заскрипели и застонали, напрягаясь в оковах въевшейся грязи и гнили, столько лет покрывавших их. Свисающая со стропил паутина колыхнулась на холодном ветерке, пролетевшем по старому заброшенному зданию; в воздухе повисла пыль, оседавшая еще долго после того, как звуки затихли и все снова успокоилось.

Доктор Роберт Степли никогда не спал хорошо. Даже в бытность его студентом, около пятидесяти лет назад, мозг и энергия не давали ему покоя, энтузиазм был слишком необузданным, чтобы позволить спокойно спать. А старость, этот неизбежный успокоитель всякой чрезмерности, притупив непоседливость и энтузиазм, просто стала союзником бессонницы; но, возможно, к преклонному возрасту плохо спать вошло в привычку, и вред от этого едва ли имел какое-либо значение. В самом деле, в последние десять лет Степли не мог припомнить, чтобы сумел заснуть без помощи половины таблетки нитразепама с теплым молоком и дозы шотландского виски. И даже тогда сон приходил медленно, усталость — не покидавшая его в эти дни — неохотно уступала перетомлению, а переутомление в конце концов капитулировало перед забытьем. Возможно, в последние годы причиной тому было чувство вины, заноза воспоминаний. Столь многое хотелось забыть... Почему возраст и отмирающие клетки мозга не сыграют своей роли и в этом?

Его слезящиеся глаза через съехавшие на кончик носа очки смотрели в открытую книгу, но слова там казались просто аккуратными рядами крохотных существ, марширующих по страницам без всякой цели и смысла.

Он вспоминал. Вспоминал тех, кому позволил умереть. Не сознательно, не преднамеренно — чаще дело было в халатности и невнимательности, а не в злом умысле. Вспоминались имена умерших, и перед внутренним взором вставали их лица. Одно за другим, как на параде, они дефилировали мимо с осуждением в печальных неподвижных глазах, указывая пальцами, будто только он был в ответе за их смерть, а Бог являлся лишь сторонним наблюдателем. *Не его вина, не его.* Как врач может отвечать за жизни, пришедшие к своему естественному и неизбежному концу? Не может каждый диагноз и каждое предписание быть безупречным! Врачи — тоже люди — и ошибаются, как и все другие. *«Но ошибки бывают разные,*— говорил тихий изводящий голосок.— *Бывают промахи и неправильные выводы, бывают заблуждения и ляпсусы. Но ведь бывали и ошибки по недосмотру, правда? А, ведь были? И конечно, было одно убийство».*

Книга соскользнула с коленей, и он оставил ее у ног. «Да, да,— отвечал он мучителю, которым была его собственная совесть,— все прочее было. Но убийство?» Разве может он признать это? А отрицать это может? Он заворочался в кресле и потянулся к бутылке виски на маленьком круглом столике. Налив себе дозу, доктор Степли задумчиво посмотрел на другую баночку на столе, поменьше. Взять вторую половину таблетки? Стоит ли? На следующий день он всегда после этого такой сонный. Но какое это имеет значение? Он снова откинулся в кресле. Имеет. Как он сможет должным образом выполнять свои обязанности, если в голове будет туман, а движения как у лунатика? Но против этого есть другие таблетки. Которые раньше помогали справляться с любыми трудностями. И даже слишком часто. Что там говорят насчет жизни в кондитерском магазине? Скоро

потеряешь вкус к сладкому? Эх, если бы это касалось и профессии медика, где подобная аналогия вполне уместна — только вместо конфет наркотики! Но если честно, здесь доступность, наоборот, часто ведет к зависимости.

«Оставим это. Подождем еще минут двадцать. Если к тому времени не удастся заснуть — черт с ним, приму еще полтаблетки. И еще дозу виски. Забытье — это та же анестезия. Никаких мыслей, никаких недобрых воспоминаний, вторгающихся в настоящее».

Он поднял рюмку и отпил виски. *Однако как дрожит твоя рука, дорогой доктор. Как плещется виски в рюмке, и как колеблется поверхность золотистой жидкости. В чем причина этой дрожи — в ночном холоде или в темных пятнах на совести? Кто знает правду? Только ты сам.*

Он выпил еще, запрокинув голову и влив в себя все разом в надежде, что алкоголь согреет, молясь, чтобы он принес облегчение. Но в комнате в самом деле холодно. Он взглянул на окно: не открыто ли; темнота снаружи прижалась к стеклу, словно стремясь проникнуть внутрь. Как темно там, как черно! Каминные часы показали, что уже двенадцать минут первого.

Боже, неужели он сидит здесь так долго? Он сел в кресло с книгой около десяти, бутылка виски была непочата, даже не откупорена. Теперь в ней меньше половины, а он только чуть пьян. Наверное, чтобы обрести на ночь покой, следовало открыть шкаф с лекарствами внизу, в кабинете. Небольшая инъекция, тщательно выверенная доза. Иногда это оказывалось единственным средством.

«Как такую ночь переносит Эдмунд?» — подумалось ему. Плохо, догадался доктор, и даже Бог не утешит его. Успокоение для святого человека может прийти через искреннее раскаяние, но этот путь теперь закрыт для преподобного Эдмунда Локвуда. Бедняга, он круто сдал, неся свое бремя, так тревожась после смерти жены, и его страдания,

должно быть, ужасны. Впрочем, а каковы они у остальных, причастных к этому делу?

Например, у тебя? Твоя обязанность — или считается, что это твоя обязанность,— спасать жизни, а он, священник, обязан — или считается, что обязан,— спасать души: так чья же вина больше, кто должен нести большее наказание? Ответь мне, дорогой доктор.

Он осушил рюмку и налил другую. Желанный огонь обжег горло и согрел грудь, но все равно рука продолжала дрожать.

Если бы только Бердсмор не приехал тогда в Слит! Ведь это он зачинщик, это его кривые, окольные пути оживили нечто страшное. Нечто тайное.

Но тебе нравилась его извращенность, не правда ли? Тебе нравилось это оживление.

— Меня вовлекли, нас всех вовлекли! — Голос доктора разнесся по комнате, и на какое-то исполненное паники мгновение Стефли испугался за свой рассудок. Впервые он ответил вслух на звучащий в голове вопрос.

Доктор поднес руку к лицу и, закрыв глаза, простонал:

— О Боже!

Он замер, услышав на лестнице шум, и прислушался, привлеченный чем-то кроме своих мыслей. Еще какой-то шум, что-то вроде шарканья. И голоса — ему послышались голоса. Откуда-то снизу, проникающие сквозь пол. Но этого не может быть, эта комната прямо над приемной, примыкающей к кабинету, а приемную всегда запирают на ночь. Так же как парадную дверь и черный ход в сам дом, они тоже закрыты на засов. А поскольку там лекарства, все окна на первом этаже заперты на замок, наиболее доступные даже закрыты ставнями снаружи. Никто не может сюда забраться. Пару раз пытались, но дом оказался совершенно неприступен.

Так как же, черт возьми, кто-то проник внутрь?

Звуки вдруг перешли из бормотания в шепот, будто кто-то рядом крутил ручку радио, постепенно повышая и по-

нижая громкость. Рука по-прежнему дрожала, и доктор поставил рюмку на столик, потом, опираясь руками о кресло, с усилием встал на ноги. В эту ночь он чувствовал ужасную слабость.

Шепот-бормотание продолжался, и доктор постоял у кресла, прислушиваясь и ожидая, когда голоса затихнут. Но они не затихали. Послышался тихий смех — нет, скорее подавленный смешок, подлое гнусавое хихиканье. И это звучало... как-то... таинственно.

Чепуха! Эти голоса звучат у него в голове или доносятся из телевизора или радио в доме по соседству. Причуды атмосферы — и кажется, что звуки исходят из комнаты внизу. О, он слышал, о чем шепчутся в деревне. Говорят, в Слите происходит что-то странное. Да, в самом деле, происходит что-то странное — вчера молодого Дэнни Марша так избили и изуродовали, что его жалкая жизнь оказалась в дюйме от своего конца, а ночью был убит Джек Баклер,— но это не имеет никакого отношения к призракам. Всякие мошенники вроде этого типа — как бишь его? Эш, да, вроде бы Эш — тут как тут, готовы воспользоваться страхами и доверчивостью глупых людей. Вот уж исследователь! Какая чепуха! Как глупо со стороны Грейс Локвуд обратиться к такому типу. Конечно же, ее отец не принимал в этом участия! Он еще не совсем спятил. Можно пригласить Эдмунда завтра и тихо побеседовать с ним кое о чем. Видит Бог, его обязанность как врача и давнего друга викария выразить озабоченность ухудшением его здоровья. По сути дела, Локвуду давно пора обратиться к врачу. (*Но есть причина, не правда ли, очень веская причина не желать посмотреть друг другу в глаза? Как не испытать глубокого стыда, если встретишь его взгляд, а? А?*) Он потряс головой, словно прогоняя этот коварный внутренний голос. Завтра он скажет Эдмунду Локвуду, что он, он сам, засвидетельствовал, как этот Эш вел свои расспросы в «Черном кабане», и ему не понравился этот человек. Его неопрятность соответствует его дряшной профессии, и —

если мнение врача что-нибудь значит — этот человек, похоже, чересчур привержен к спиртному. Следовало бы немедленно прогнать этого так называемого исследователя.

Бормотание внизу стало громче и прервало его размышления. Но потом снова затихло и доносилось еле-еле.

Доктор Степли посмотрел на пол, словно мог проникнуть взглядом в комнату внизу. Неужели в самом деле слышны голоса? Он приложил дрожащие пальцы к вискам. Или эти голоса звучат в его голове? Неужели чувство вины и тревога в конце концов сказались на его психике? Или наконец его одолели постоянные недосыпания и тайное употребление некоторых составов?

Он вдруг улыбнулся, потом засмеялся визгливым смехом, в котором не было ничего веселого, но который зазвенел в комнате как притворное одобрение собственной логики. Конечно, старый ты дурак! Это радио, радио внизу! Кто-то из молодых пациентов оставил там днем приемник — сегодня приходили по крайней мере двое подростков, а всем известно, как ведут себя нетерпеливые юнцы, когда приходится ждать больше двух минут. Один из них принес с собой транзистор, плеер (или что они там теперь носят?) и забыл. Логично. Раньше он ничего не слышал, потому что звук был прикручен, а он слишком поглощен своими мыслями, и только поздно вечером и ранним утром звуки как будто усиливаются; или вдруг повысилось напряжение, и радио заговорило громче. Приемник был включен весь день и вечер, но только теперь звук проник через пол под ногами! Ох, ну и идиот же он!

Доктор поднял рюмку с остатками виски, словно собирался выпить за свое здравомыслие, потом сделал большой глоток; на этот раз вкус виски показался прогоркым и его тепло не согревало. Бормотание по-прежнему не покидало мыслей доктора.

— О дьявол! — проворчал он. Придется спуститься и выключить эту штуку. Или пусть бурчит всю ночь, пока не сядут батарейки? Доктор поставил рюмку, подошел к бу-

фету и достал из ящика связку ключей. Он ненавидел заходить в кабинет в неприемные часы даже больше, чем с некоторых пор стал ненавидеть бывать там, когда в приемной толпились пациенты,— да, он не любил больных, гадящих и распространяющих в воздухе микробы, но ночью (когда ему приходилось проходить через приемную с драгоценной коллекцией опиатов и анодинов — иногда простого вдоха кислорода хватало, чтобы удовлетворить его нужды) отсутствие пациентов подчеркивало не только пустоту самих комнат, но и пустоту его собственного существования; присутствие же больных свидетельствовало об их нужде в его искусстве и знаниях, поддерживало его престиж. Их болезни придавали его жизни смысл.

Однако нужно спуститься; это стоит сделать хотя бы для того, чтобы поискать в «сокровищнице» кое-что посильнее простого снотворного — что, быть может, и не позволит уснуть, но, по крайней мере, сделает бессонницу приятнее. Он неуверенно двинулся к двери своей жилой комнаты, чуть более ободренный, чем минуту назад.

На лестнице было темно, и доктор пошарил по стене в поисках выключателя. Вот он, теперь уже лучше. Посмотрим, насколько он хороший врач. Только что было темно, а через мгновение свет. Гений, не меньше, бог причинности. Так, теперь доберемся до этого чертова радио и проделаем то же самое там. Только что играло, а через мгновение молчит. Ха, практикующий мастер за работой!

Он покачнулся, пытаясь сделать шаг. О Господи — слишком много виски и мало закуски. А ты не знал? Снотворное наконец начинает действовать. Не важно. Небольшое превышение дозы не принесет вреда. В конце концов, он врач, а врач лучше знает. Он прописал себе ровно столько, сколько нужно, чтобы вытащить себя из этой трусливой, подавляющей меланхолии. Не больше и не меньше. Правильно, пойдем.

Он ступил на первую ступеньку, поскользнулся и, чтобы не упасть, ухватился за перила, его тощие ноги соскочили

на нижние ступени. Доктор выругал себя за то, что сам не понял, насколько напился.

Ну ладно, не в первый и не в последний раз. Он нашел пятками опору и, кое-как поднявшись, прислонился к перилам, давая себе время отдышаться и успокоиться. Мог бы случиться пренеприятный инцидент. Как бы разнеслись сплетни — доктора Степли нашла уборщица, когда он пьяным валялся у подножия лестницы! Да, милая история, чтобы ее разнести, и она бы вызвала много веселья и укоризненного покачивания более благочестивыми, чем его, головами. Как бы пострадала его репутация! Но какого черта ему волноваться? Да плевал он на этих провинциальных сплетников! Они представления не имеют о настоящем мире, они поколение за поколением пасутся в этой прелестно-дебильной деревушке с соломенными крышами и кривыми переулками. Лично он, по крайней мере, имеет вкус к другим вещам; он испытал удовольствия, которые им и не снились.

Чертов шум!

Он стал громче, словно разносился по лестнице специально, чтобы посмеяться над ним. Голоса, стоны, шепот — ради Бога, что это за передача? Доктор выпрямился, взбешенный наглостью юнца, оставившего приемник. Да как они смеют! Завтра же надо проинструктировать миссис Пайкинс, чтобы гнала всех с этими гадостями из приемной! Пусть читают журналы, которые он приобретает за свой счет.

— *Проклятье, я больше не могу выносить этот шум!*

Доктор спускался по лестнице, его гнев нарастал с каждой ступенькой. Такое впечатление, что и приемник звучит все громче с каждым шагом! Но, конечно, дело в том, что он подходит все ближе. Или кто-то есть в комнате и регулирует звук.

Доктор замешкался на последней ступеньке, посмотрел на дверь прямо напротив и с облегчением отметил, что она закрыта, но облегчение было недолгим. Вопрос в том,

заперта ли она? Он чуть не повернулся и не скрылся в своей комнате, где безопасно, откуда можно позвонить в полицию. Но, каким дураком он себя выставит, если они приедут и найдут в приемной транзистор, а наверху деревенского доктора с мутными глазами, от которого разит виски. Что тогда?

Эти гадкие звуки проникают прямо под череп! Он стиснул зубы, глубокие морщины пролегли по лицу от глаз к челюсти. Доктор почти закрыл глаза и так сжал в руке ключи, что побелели костяшки. Звуки становились невыносимыми. Это просто сумасшедший дом! Это слишком, черт бы их побрал, слишком!

Он сделал несколько торопливых шагов к двери и свободной рукой схватился за ручку; если у него и были опасения, гнев возобладал над ними. Повернув ручку, доктор потянул дверь. Заперта! Слава Богу! Никого внутри нет, больше туда никак не попасть. Там в самом деле радио.

Звук так хрипел и так сбивал с толку, что ключ лишь со второго раза удалось вставить в замок. Доктор крикнул, заглушая звук, и повернул ручку. В замешательстве, взбешенный, он распахнул дверь и шагнул внутрь, нащупывая выключатель.

Звук тут же затих.

Доктор стоял у двери в полной — оглушительной — тишине. В комнате не было ни радио, ни людей.

Но стоял какой-то отвратительный, навязчивый, столь знакомый запах. Запах мертвечины.

Мокрота во вздувшихся легких Нелли Ганстоун не давала нормально спать ночью не только ей самой, но и ее мужу Сэму. В худшем случае дыхание выходило с трудом и с хрипом, в лучшем — просто с трудом. Кроме того, несколько раз за ночь ей приходилось свешиваться с края кровати и отхаркивать в тазик на полу накопившуюся в груди слизь; она ненавидела эту отвратительную процедуру так же, как ненавидела будить Сэма. Ему нужно отды-

хать, чтобы управляться с фермой, небольшой, но требующей работы с раннего утра и до позднего вечера, с перерывом в полдень, меньше чем на час, чтобы перекусить. Конечно, Сэм стреляный воробей, но, не отдохнув хорошо ночью — особенно теперь, когда она не могла помочь ему хотя бы по дому,— он скоро выдохнется. Не то чтобы муж жаловался — нет, он был не из той породы, но Нелли знала, что для него лучше всего (еще бы не знать после тридцати одного года замужества), и поэтому настояла, чтобы он перебрался в отдельную комнату. Хотя сначала Сэм ворчал и отнекивался, но когда она пожаловалась, что его храп не дает ей заснуть, он наконец уступил. Нелли так и не поняла, действительно ли муж поддался на ее уловку,— она подозревала, что он просто не хотел расстраивать ее спорами, учитывая состояние ее здоровья. Впервые со дня их женитьбы (не считая того случая, когда пять лет назад Сэм попал в больницу, чтобы удалить камень из мочевого пузыря) Нелли спала одна. И ей это не нравилось, ни капельки не нравилось. Как оказалось, болезнь — это одинокое занятие, и среди ночи или ранним утром одиночество было хуже всего, что ей довелось в жизни испытать.

Она пошевелилась и проснулась, машинально свесилась с края кровати, расслабив мышцы горла, чтобы отхаркнуть слизь, так мешавшую дышать. Но, приподнявшись на локте, Нелли поняла, что бронхи не забиты и дышится так легко, как уже не бывало несколько дней. Она упала обратно на подушку, раскидав по ней седые ломкие волосы, обрамляющие некогда полное, а теперь дряблое лицо, и задумалась, что же ее разбудило.

Причина скоро выяснилась, поскольку на потолке возникли оранжевые отсветы, а из-за окна донесся приглушенный шум. Но не этот шум и не мягкое отражение света на потолке заставило ее проснуться, а ощущение, что что-то не так. Она лежала и смотрела на пляшущие огни, боясь не за себя, а за Сэма и жителей Слита, так как ее близкая смерть — да, Нелли знала, что эмфизема порази-

ла ткани легких и что ей недолго осталось жить в этом мире,— как-то приблизила ум и сердце к таинственному и обычная жизнь уже не занимала ее. Слит изменился. Или выродился.

Нелли обдумала эту мысль, не понимая, почему она пришла ей в голову. Как бы близко она ни подошла к таинственному, оно было все тем же — неизвестным и невообразимым. Его можно было только почувствовать.

Нелли услышала звук с другого конца комнаты и в колеблющемся свете увидела, что дверь в спальню начала открываться. Нелли схватилась за одеяло. В дверях стояла фигура, ее очертания виднелись в слабом ночном свете из прихожей. Нелли снова обрела дыхание, когда узнала мужа в старой фланелевой ночной рубашке, доходившей ему почти до лодыжек, которую он надевал на ночь последние лет двадцать, а то и больше.

— Что это, Сэм? — спросила Нелли, и Сэм понял, о чем она спрашивает.

Его голос звучал грубо, как обычно, но по крайней мере — и она догадалась, что это из опасения за ее слабое здоровье, а не из-за своего страха,— муж пытался успокоить ее.

— Ты сама знаешь что, Нелл,— ответил он, двигаясь к кровати.

— Я хочу увидеть.

— Нет, лежи. Ночью похолодало, незачем еще и простужаться.

— Сэм, я хочу.— Она уже стягивала одеяло.

Он поспешил к ней.

— Нет, Нелли, не нужно волноваться, ладно?

— Конечно, Сэм, я и не волнуюсь. Но раньше никогда не было так ярко. Я хочу увидеть сама.

— Тогда накинь что-нибудь на плечи. Надень халат.

Халат висел на стуле рядом, и Сэм быстро накинул его ей на плечи, пока она вставала. Вместе они подошли к озаренному оранжевым светом окну.

Сэм Ганстоун ощутил, как жена напряглась под его оберегающей рукой.

— О, Сэм, так ясно! Как будто там в самом деле что-то горит.

— Ничего там не горит — в поле ничего нет. Нет, это тот самый стог, в котором отправился в преисподнюю Джордж Прадда.— Его рука крепче обхватила жену.— Что происходит, Нелл, что творится с этим местом?

Раньше она никогда не слышала такого страха в его голосе, кроме того случая, когда доктор Степли объяснил им обоим суть ее болезни и Сэм спросил, выздоровеет ли жена. Ее рука скользнула по его спине, и Нелли взглянула мужу в лицо. Увидев играющие в его глазах языки пламени, она содрогнулась.

Когда из призрачного огня послышался тихий, но жуткий смех, Сэм Ганстоун увел жену от окна. Он подвел ее к измятой постели и помог лечь, потом сам лег рядом и накрыл их обоих с головой одеялом.

Давно уже они так крепко не прижимались друг к другу.

Рут Колдуэлл не спалось в ту ночь.

Она лежала в постели, дверь в спальню была открыта, так что через нее проникал свет, но свет какой-то странный, который создавал тени, а не освещал предметы. В комнате было холодно, но не поэтому Рут застегнула ночную рубашку до самой шеи, ведь вечером, когда она ложилась, было тепло, даже душно — она оделась так, потому что стыдилась своего тела.

Уткнувшись в ткань, мокрую от слез, пролитых в долгие ночные часы, Рут лежала на боку, свернувшись, почти в позе зародыша. Мать и младшая сестра Сара спали вместе внизу, в комнате родителей, утешая друг друга, потому что Ролфа Колдуэлла накануне днем забрала полиция. Рут не захотела присоединиться к ним, и мать не стала настаивать. Вчера, когда полицейские увели папу, Рут была уверена, что уловила в глазах матери упрек, словно та обвиня-

ла ее в этом аресте. Взгляд был мимолетным, упрек не был выражен вслух, мать отвернулась и наклонила голову, но не произнесла слов утешения или понимания. А Рут тогда — и все время с тех пор — отчаянно требовалось и то и другое.

Это по ее вине Дэнни Марш попал в больницу, обезображенный и еле живой, это ее вина, что папу посадили в тюрьму и обвиняют в покушении на убийство. Ее вина, потому что это она, ее неспокойная совесть вернула Мансa и ее истерика сбила с толку отца. Когда Рут приковыляла домой в растрепанной одежде, с исцарапанным лицом, кровоточащими руками, с разбитым, распухшим лбом, из ее бессвязных слов он смог разобрать лишь имя Дэнни и, разъяренный, бросился прочь, не обращая внимания на ее мольбы остаться с ней. Он поехал в деревню и разыскал бедного, несчастного Дэнни...

Рут вцепилась зубами в рубашку, чтобы сдержать рыдания. Почему это нельзя остановить? За что ей такое наказание? Нет, не ей — наказаны ее отец и Дэнни... Но они не виноваты в том, что произошло столько лет назад. Это ее вина... ее вина... ее *мерзость*...

В расстроенных чувствах, ненавидя себя, она дрыгнула ногой на кровати и со всей силы ударила кулаком в подушку. Потом выпрямилась и легла на спину, вся напрягшись, одеревенев, мрачные мысли мучили ее. И она не сразу заметила, что в комнате не просто холодно, а прямотаки мороз, и, будь посветлее, стал бы виден пар изо рта. Но холод исподволь просочился в кости, и в конце концов Рут заметила его. А также заметила прокравшееся в дом зловоние.

Это был тошнотворно-сладковатый аромат разложения и гниения, смрад, всегда приходивший вместе с Мансом...

Она не шевелилась. Ее охватил страх, разрывающий душу, ужас, сковывающий все члены. Девушка раскрыла рот, чтобы позвать мать или просто закричать, но горло тоже

сдавило. В местах синяков ее тело зудело, и вся кожа покрылась пупырышками, затвердела...

Рут не увидела его, потому что не хотела отрывать глаза от потолка. Сначала она почувствовала его присутствие, потом краем глаза уловила движение теней. Но даже когда темная масса стала красться к ней вдоль кровати, она отказывалась взглянуть, так как знала, что на сей раз это не просто видение, не просто нематериальная тень из кошмара, а теперь это имеет форму, материю, силу.

И Рут знала, что этот паралич вызван ею самой, что если бы она действительно захотела — если бы имела *мужество* для этого,— то ничто бы не удержало ее здесь против ее воли. Но правда, которую нельзя было отрицать, заключалась в том, что Рут предпочла замереть. Потому что если она двинется — на миллиметр, на дюйм,— Манс очень, очень рассердится, как он сердился много лет назад, если она отстранялась или боролась во время их игр, грязных, тайных игр...

Он был рядом, она чувствовала у себя на щеке гнилостный запах, исходивший из мокрых, порочных губ. Все жилы в ее теле закаменели, нервы натянулись, шея вдавилась в подушку, в горле застрял крик. Судороги волнами пробегали по телу, каждая часть которого трепетала от омерзения. Рут почувствовала тяжесть на кровати; вот что-то скользнуло под одеяло.

А потом холодные, безжизненные пальцы коснулись ее тела.

Ее рот раскрылся еще шире, зубы оскалились, затылок вжался в подушку; но крик так и не вырвался.

Холодная рука скользнула по животу, разложившиеся пальцы терлись о ее кожу. Они задержались там.

Веки Рут опустились, но не до конца. Ей хотелось крикнуть, позвать мать, отца, но она знала, что не может. То, что происходило, было слишком постыдно, слишком гадко... слишком... тайно. Они не должны знать, не должны узнать.

Она ощутила, как рука, теряя кожу и крохотные кусочки прогнившей плоти, пробирается выше. Пальцы медленно, лаская, проползли по ребрам и задержались перед холмиком груди.

Его вонючее дыхание участилось, и она ощутила мерзкое зловоние на своей щеке и шее.

Рука поднялась, мертвые пальцы сомкнулись вокруг затвердевшего соска. Рут задохнулась, когда рука превратилась в клешню и сдавила мягкую плоть вокруг выпрямившегося бугорка так, что боль вскоре стала невыносимой. Но девушка по-прежнему не могла пошевелиться.

Мука резко прекратилась, когда рука вдруг скользнула обратно к животу. Рут показалось, что она слышит его стоны, но из-за крика, звучащего в ее собственной голове, не была уверена в этом. Может ли мертвое издавать звуки? Может ли мертвое *чувствовать*?

Рука лежала на ней, будто какой-то маленький, но тяжелый зверек прилег отдохнуть, и на одно опрометчивое мгновение Рут подумала, что худшее позади. Она ждала и надеялась.

Но рука снова зашевелилась.

Она двинулась по волосам в углубление между ногами, роясь там, ладонь прижалась к коже, пальцы нащупывали путь. Запястье и рука Манса вдавились в ее живот, оставляя слизистый след. Его пальцы углубились и медленно, очень медленно проникли в ее тело.

Небо на востоке постепенно начало светлеть, холмы очертил расширяющийся ореол света. Начали пробуждаться животные; птицы расправляли крылья, готовясь к утреннему полету. Хотя и холодный с ночи, воздух не был свеж, а близящаяся дневная жара могла лишь усугубить затхлость царящей над Слитом атмосферы. Не было ни ветерка. Ворон-стервятник взлетел много раньше своих собратьев, предрассветные сумерки облегчали его задачу, скрывая черноту хищника.

Добычу было нетрудно разыскать, и птица залетела в укрытие высокого дуба, чтобы стать невидимой в тени листьев. Ворон посмотрел в точку на контрфорсе старой церковной башни — там в дыре между разошедшимися камнями черные горихвостки устроили себе гнездо из травы и перьев. Скоро взрослые оставят своих птенцов и отправятся искать пищу.

Не теряя времени, ворон взлетел, потом упал на контрфорс, и его большое тело втиснулось в дыру, где птенцы в ожидании вытянули шеи и разинули клювики. Одному за другим хищник отрывал им головы и погружал свой кинжал-клюв в окровавленную открытую рану, чтобы насытиться сочной, влажной плотью.

Микки Данн дрожал от холода, а также от страха и тревоги. Его одежда отсырела от предрассветной росы, волосы спутались и покрылись грязью, кожаная куртка испарапалась, а джинсы изорвались о ветви деревьев и кустарник, когда он ковылял по лесу ночью после убийства лесника. Глаза налились кровью, оттого что он их постоянно тер, веки покраснели от слез.

О дерьмо, дерьмо, дерьмо, что он натворил! Но разве он виноват? Он же не знал, что старый Баклер в лесу, он выпустил стрелу в ту странность перед собой, в ту проклятую туманность со всем, что в ней было. Он не собирался убивать лесника. Он и не видел его, а просто что-то маячило по ту сторону. Но когда стрела улетела и Баклер вскрикнул, Микки услышал этот вскрик и ясно увидел лесника, шатающегося на краю поляны с торчащей из груди стрелой. О дерьмо, дерьмо! Конечно, Баклер был мертв. Он издал странный булькающе-дребезжащий звук и рухнул на колени, а потом, молча, упал ничком, загоняя стрелу еще глубже. Тихо. Без стона, без корчей.

Микки вздрогнул, и с листьев, под которыми он съежился, упали капли воды. Они упали ему на шею, и он торопливо вытер их грязной рукой. Микки подтянул колени к

животу и обхватил их руками; в одной руке он по-прежнему сжимал заряженный арбалет. Последние две ночи были хуже всего, что Микки когда-либо знал. Даже хуже, чем когда старик запер его на ночь в бомбоубежище в огороде. Бетонированная яма осталась там с войны, ее построил дед Микки, полагавший, что немецкие бомбардировщики имеют специальное задание убить лично его; по этому поводу шутили все в деревне, но еще забавнее было то, что дед умер от сердечного приступа, когда слишком усердно звонили в колокола, празднуя окончание войны. Потом отец Микки использовал бомбоубежище как погреб для хранения яблок, а потом Микки прятал там свою браконьерскую добычу. Но в одну ночь, в ту ночь, когда ему было всего одиннадцать лет, старик запер его в бомбоубежище — в яме, в погребе, долбаной могиле! — за какую-то провинность, возможно за воровство, и оставил там до утра. Микки скулил, чтобы его выпустили, и закричал, когда услышал, как вокруг в кромешной тьме скребутся крысы; он кричал и кричал, когда одна из этих тварей пробежала по коленям. Но отец не вернулся и не отпер дверь — вероятно потому, что к тому времени заснул в кресле в своем обычном пьяном отупении (мать Микки давно сбежала с торговцем, который раньше каждую неделю звонил насчет платы за мебель). Да он бы все равно не услышал, и соседи тоже — ведь стены убежища были восьми дюймов толщиной. Когда на следующее утро дверь открыли, Микки вылетел оттуда с побелевшим лицом и бросился к отцу, клянясь, что больше никогда, никогда не будет, никогда не возьмет того, что ему не принадлежит,— и на мгновение, на малейшую долю секунды отец прижал его к груди, чего не было никогда ни до, ни после. Отец тут же оттолкнул его с кратким наставлением, но Микки успел взглянуть ему в лицо и уловил в глазах старика потрясение и стыд.

Без сомнения, ночное пребывание в бомбоубежище нанесло Микки травму — после этого его несколько лет мучили кошмары, но эти две ночи, о, эти две ночи были го-

раздо страшнее. Потому что темнота леса пугала не меньше, чем любой погреб. Вместо крыс здесь были звуки других подкрадывающихся тварей, а вместо сплошной окутывающей черноты возникали глубокие тени, которые надвигались, тянулись к нему. И были разные шорохи и шевеления, заметные краем глаза,— и чьи-то фигуры быстро ныряли в темноту или блекли, когда он поворачивался к ним.

И конечно, не оставляло знание о содеянном, о совершенном убийстве, оно преследовало Микки все эти долгие часы. Поверит ли кто-нибудь его рассказу? Поверят ли, что он видел в лесу призраков, демонов, которые корчились, стонали и издавали в тумане другие страшные звуки? Он браконьерствовал, и лесник застал его на месте преступления — вот чему они поверят. Кто поверит на слово человеку, за всю свою недолгую жизнь не видевшему ничего хорошего, отпрыску горького пьяницы и шалавы, сбежавшей с торговцем? (*Ох, мама, почему ты ушла? Потому что я вечно воровал и ввязывался в драки? Ты не взяла меня с собой, потому что я был плохой и от меня с самого рождения были одни неприятности, как всегда говорил старик?*) «Ты застрелил беднягу Джека Баклера, потому что знал: на этот раз тебе не отвертеться от тюрьмы»,— так скажут люди. «Ты убил невиновного, выполнявшего свой долг, поскольку знал, что, даже если убежишь, он опознает тебя»,— скажут в полиции. «Посадите его под замок, и не на одну ночь, а навсегда»,— распорядится судья. (*Пожалуйста, отец, можно я спрячусь в бомбоубежище, пока они не бросят искать меня и не уйдут? Я больше не буду кричать, я буду сидеть тихо и смирно, если даже крысы будут бегать по мне, если они начнут есть меня, отгрызать пальцы, кусать живот и пробираться внутрь. Я даже не заплачу, пока полиция не уйдет, и тогда ты снова отопрешь дверь и прижмешь меня к груди, на одно мгновение, как раньше, на крохотную долю секунды, и не надо сты-*

диться, не надо жалеть, не надо любить меня, отец, тебе даже не нужно меня любить...)

Микки открыл глаза и поднял голову. Черт возьми, он чуть не уснул! Не надо. Не здесь. Нужно идти.

Он раздвинул листву, и она задрожала вместе с его руками. Микки увидел смутные силуэты деревьев и кустарника. Потом еще что-то — что-то большое в отдалении за деревьями. Дом, должно быть. Но какой?..

Он понял, где оказался. По-прежнему в Локвудском лесу. Он убежал как можно дальше от трупа, прячась от всякого звука, от всякого признака жизни, он спал урывками и снова двигался — и все равно оказался на том же месте, в тех же владениях. А сквозь деревья виднелся сгоревший особняк.

Они никогда не найдут его здесь, им и в голову не придет. А если все же додумаются, то внутри множество дыр, куда можно спрятаться. Разве не прятался он здесь в детстве, когда с ребятами играл в прятки на этих развалинах? Впрочем, они сюда приходили лишь один раз. Ему не очень нравилось здесь, да и другим ребятам тоже. Все говорили, что в доме водятся привидения. Но кем они были тогда — просто детьми, вот и верили всяким глупостям. А теперь он не ребенок. Эти руины — убежище для него. Он может там немного отдохнуть, а когда почувствует себя в безопасности, то найдет в лесу чего-нибудь поесть — ягод или чего-нибудь еще. В лесу много еды, если знаешь, как ее найти, а Ленни и Ден научили его. У него есть арбалет — он может подстрелить кролика или птицу, разведет костер в подвале поместья и приготовит что удастся добыть. Дыма никто не увидит, снаружи его не видно. Никто сюда не ходит, даже старый болван викарий, владелец этого места. Никто не любит этот уголок Слита. Здесь можно прятаться несколько дней, а потом пробраться домой и чего-нибудь поесть, взять немного денег — полиция наверняка к тому времени уйдет, подумает, что он убежал в Лондон или куда-нибудь на север. Отец не выдаст его, хотя Гровер

и Крик могут. О да, они все разболтают! Полиция сразу поймет, что тут замешаны браконьеры, как только найдет стрелу, торчащую из груди Джека Баклера, а определить владельца оружия не займет много времени, если расспросить двух известных прохвостов — Ленни Гровера и Денниса Крика.

— Ублюдки! — пробормотал съежившийся в кустах Микки, поглаживая распухшие нос и губу.

Он встал и, согнувшись чуть ли не вдвое, выбрался из своего укрытия в листве. Листья оставили сырость на куртке и легко скользнули по щеке, отчего Микки вздрогнул и быстро отмахнулся. Выбравшись из кустов, он потянулся, жадно глотнул воздух и грязной пятерней поскреб голову, вычесывая крохотное насекомое, которое заползло в волосы, приняв их за безопасное, роскошное жилище с хранилищем крови под полом. Микки прищурился, через просвет между деревьями вглядываясь в огромный силуэт развалин, виднеющихся в отдалении.

Там будет все нормально. Он сможет оставаться там сколько захочет, лучше ничего не придумаешь. Они не будут долго рыскать вокруг, не будут тратить время на поиски убийцы, особенно если решат, что он сбежал.

Согнув плечи и сжимая в руке арбалет, Микки направился к заброшенному строению.

Боже, как он проголодался. Но не стоит рисковать. Нужно спрятаться, хотя бы до вечера. К тому времени будет много кроликов. Наверное, он успеет убить штуки три, пока они поймут, что на них охотятся. Глупые твари. Микки занимал себя такими мыслями, поскольку они оттесняли худшие размышления, хотя и ненадолго.

Он подошел к дороге — на самом деле широкой колее в засохшей грязи — и двинулся вдоль нее, держась в тени идущей рядом полосы деревьев и кустов. Вскоре перед ним выросла пустая оболочка, бывшая некогда большим особняком, и он остановился на краю обширной, но заросшей поляны. Микки взглянул на пустые черные окна, и что-то

внутри словно отступило, как будто часть его самого — возможно, его бравада — съежилась при виде Локвуд-Холла. Ему *никогда* не нравилось это место.

Открытый портал наверху лестницы казался темным и неприветливым, как и окна, но Микки знал, что для него это единственное убежище. По крайней мере, внутри он сможет развести огонь, чтобы погреться в ближайшие пару ночей,— стояло лето, однако ночи в последнее время похолодали. Он может на малом огне зажарить кролика или птицу, не заботясь о яркости костра и запахе пищи. Микки еще немного поколебался, потом пожал плечами, поскольку больше ничего не оставалось, и покинул свое укрытие среди деревьев, направляясь к мрачному убежищу.

Его промокшие кеды сделали первый неуверенный шаг, как вдруг послышалась тихая звенящая музыка. Ему показалось, что он слышит ее. Микки остановился и прислушался. Но ничего больше не было слышно, только вдали каркнул ворон. Наверное, просто померещилось. Он ведь, по сути дела, две ночи не спал, устал, изголодался — и был напуган, еще бы! Сознание могло выделывать что угодно. Наверное, сквозняк внутри пошевелил разбитое стекло или еще что-нибудь. Впрочем, не похоже, чтобы звук был от стекла. Он больше напоминал старое пианино — не настоящий инструмент, а вроде тех маленьких штуковин, что играют в музыкальных шкатулках. Да и ветерка, чтобы вызвать сквозняк, не было. Значит, просто померещилось.

Микки стал взбираться по лестнице, и музыка как будто тут же вернулась. Он остановился перед широким порталом и снова прислушался. Нет, ничего. Неподалеку просыпались в гнездах птицы, вот и все. Он так устал, что уже не различает звуков. Это место пустует более двухсот лет, после того страшного пожара, о котором местные жители говорят до сих пор. Он сам себя пугает. Все равно, даже если в доме водятся привидения — как говорят в деревне,— они не могут причинить вред. Это все знают. При-

зраки ничего не могут, кроме как маячить с несчастным видом.

Микки попытался засмеяться, но губы тряслись, и он издал только какое-то гортанное кудахтанье.

Он поднял к груди арбалет, держа его двумя руками, и, целясь в темный вход перед собой, стал осторожно приближаться. Когда Микки вошел, его приветствовала только тишина.

Маленькая одинокая фигурка пересекла каменный мостик и направилась по главной улице Слита к лужайке перед гостиницей. Человек шел явно целенаправленно, хотя и не торопясь — он провел ночь, наблюдая за деревней издали, а в его возрасте сырость проникает в кости, как чернила в промокашку. Воротник его твидового пиджака был поднят, а шляпа с узкими полями глубоко надвинута на лоб. В серо-зеленых глазах Симуса Фелана отражался мягкий красный рассвет над размытым горизонтом.

«Впереди еще один прекрасный денек,— думал Фелан, подходя к месту, где короткая главная улица разделялась на две дороги вокруг лужайки и пруда.— Конечно, прекрасный денек, но, возможно, не такой уж прекрасный для людей вокруг».

Ночь не торопилась уступать место рассвету, и, несмотря на теплое мерцание над холмами, ее темнота окутывала деревню, как черная мантия. Прежде чем перейти перекресток, маленький человечек оглядеался и посмотрел на ивы, словно ища признаки жизни. Многие ли из вас еще спят? Что-то плохое было здесь этой ночью, что-то ужасное шевелилось в Слите. Вы почувствовали это, оно приснилось вам? Оно явилось вам? Да, будет прекрасный летний день, но на лицах местных жителей проступит усталость. И несомненно, тревога. И некоторый страх. Да, точно, все будет именно так.

Он преодолел небольшое пространство с разметкой для стоянки машин и увидел красный «форд», который заме-

тил накануне. Потом его внимание привлекла гостиница на другой стороне дороги.

— Я навещу тебя попозже, парень,— тихо проговорил Фелан.— Нам есть о чем поговорить. Но не буду тревожить тебя в этот немилосердный час — тебе надо хорошо выспаться, если придется столкнуться с тем, что грядет.

«Если этой ночью ты умудрился заснуть»,— добавил он про себя.

Фелан прошел мимо нескольких машин на стоянке и ступил на траву. Поверхность пруда была гладкой и отражала сумрачное небо над ней. Не хотелось заглядывать в глубину стоячих вод, но невольно глаза притягивались к воде.

— Нет,— строго приказал себе Фелан и решительно повернулся к скамейке и огромному почтенному вязу на другом краю лужайки.— У меня нет большого желания смотреть в твои мрачные глубины в это время дня,— сказал он, будто обращаясь к самому пруду, и тут что-то на краю воды привлекло его взгляд. А, просто пластиковая утка, застрявшая в камышах. В ней нет ничего зловещего, хотя в темных водах крылась какая-то тайна, и довольно скоро она выявится. Но пока пусть все остается как есть, имеются другие дела, чтобы ими заняться. И Фелан пошел дальше.

Изогнутый край солнца медленно выскользнул из-за горизонта и стал подниматься как какой-то суровый и неумолимый противник ночи и всех ее воровских замашек. Это было великолепное и возвышающее душу зрелище, которое чуть не вызвало на лице Фелана улыбку радости; но он знал, что свет и тепло не предотвратят событий, разворачивающихся в этом нечистом месте.

Он подошел к скамейке, опустился на нее, заметив на траве оставшиеся пятна крови, и не удержался, чтобы вновь не взглянуть на позорный столб. В глазах Фелана не было удивления, у него не перехватило дыхание, когда он заметил сочащуюся из древнего дерева темную малиновую жидкость — непрерывную струйку, которая смешивалась

с пылью у подножия столба и постепенно впитывалась в землю.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть этого зрелища, и поднял подбородок, подставляя лицо солнцу. Но солнце было у него за спиной и пока что грело слабо.

Губы Фелана шевелились как в молитве.

24

Эш натянул рубашку и, застегиваясь, посмотрел в окно на лужайку. Еще не было и половины девятого, но солнечные лучи уже проникли сквозь низкие облака испарений от сырой земли и пруда. Эш заправил рубашку в брюки и засучил рукава; еще один жаркий, возможно, даже знойный день. Он заметил в камышах какое-то желтое пятнышко, колеблющееся в тонкой дымке над прудом, и вспомнил маленькую желтую уточку, которую увидел, приехав в Слит.

Постель у него за спиной была измята, простыня почти сползла на пол, сброшенная во время ночных метаний. Он подошел и закинул простыню на кровать, потом сел на край и провел рукой по все еще мокрым волосам, стараясь их пригладить. Чуть раньше он сходил в душ в конце коридора и освежил тело прохладной водой, чтобы прийти в себя. Но по-прежнему ощущал изнеможение, будто его выжали, и, если учесть сумасшедшую ночь, в этом не было ничего удивительного.

Когда Эш, услышав жуткие, душераздирающие крики, добрался до ванной комнаты в коттедже Эллен Предд, то увидел, что женщина мечется там как припадочная, словно борясь с каким-то демоном. Немного спустя Эш понял, что так оно и было — женщина сражалась с демоническим духом своего бывшего и исполненного ненависти мужа. «Джордж Предд по-прежнему хочет, чтобы мальчик страдал»,— сказала Эллен Эшу позже, когда слезы высохли и осталась только дрожь; и чтобы прекратить мучения, ей

приходится изо всех сил сражаться с его злой душой. Ей не удалось уберечь Саймона, пока он был жив, но она убережет его после смерти.

Эшу было бы нетрудно отмести ее утверждения как бред эмоционально травмированной женщины, если бы он сам, собственными глазами не видел призрак ее сына. Ни с того ни с сего свет в ванной замерцал и потускнел, а потом наступил полный мрак. Как будто вся энергия в коттедже иссякла. И в этой темноте Эш услышал крик мальчика, страдающего от ужасной муки.

Почти тут же свет опять загорелся, и Эш увидел, что Эллен Предд лежит на полу с закрытыми глазами, без сознания. А в ванне никого нет.

Эш быстро проверил разбросанные по полу фотоснимки, но ни на одном не было изображения. Все показывали какое-то белое сияние, как будто вспышка фотоаппарата отразилась от линзы обратно. Он собрал снимки и засунул в карман, чтобы внимательно изучить потом; проверил перевернутый магнитофон. Отделение для батареек было открыто, внутри осталась лишь одна батарейка, остальные валялись, разбросанные по полу. Женщина тихо застонала, и Эш слегка потряс ее за плечо. Она вздрогнула и, очнувшись, попыталась бороться, на этот раз с ним. Эш быстро успокоил ее, и вскоре она прислонилась к нему в изнеможении, не имея сил для борьбы.

В доме не было ничего крепче шерри, и, усадив женщину в кресло внизу, Эш налил ей полный стакан. А чтобы успокоить собственные нервы, налил себе столько же водки из фляжки.

Эш оставался с Эллен Предд, пока ее глаза не начали закрываться, теперь уже от естественной усталости. Он присматривал за ней, пока она лежала в постели, и уверял, что в эту ночь больше ничего не случится (по своему опыту он знал, что такие феномены не могут продолжаться долго из-за слишком большого расхода психической энергии). Вне-

запно сам ощутив полное изнеможение, он вернулся в гостиницу поспать. Хозяин оставил ему ключ от главного входа, и, быстро преодолев небольшое расстояние до «Черного кабана», Эш воспользовался этим ключом. С оборудованием, решил он, в коттедже ничего не случится.

Он считал, что на эту ночь с призраками покончено, хотя дух другого мальчика еще мог появиться.

В изнеможении Эш рухнул на постель, и его сны были такими же запутанными, тревожными, как и в предыдущую ночь. И так же, как и в предыдущую ночь, проснувшись, он увидел у своей кровати все тот же образ.

В широко раскрытых глазах мальчика застыли страх и мольба; мальчик был виден совершенно ясно, словно светился изнутри. Через несколько секунд образ померк, оставив — всего лишь на мгновение — легкую ауру в форме детского тела, некое призрачное очертание, устремившееся вперед, к протянутой руке Эша, и он ощутил холодное покалывание в том месте, где остаточная энергия коснулась его.

Очнувшись от гипнотических чар, Эш быстро перекатился через кровать и в страхе встал на полу на колени. Казалось, он очень долго пробыл в таком скрюченном положении, но на самом деле прошла минута или две.

Когда он достаточно успокоился, чтобы снова двигаться, то лег в постель и на удивление быстро уснул. В конце концов его разбудил яркий свет дня и звуки жизни в гостинице, а прохладный душ помог прочистить мозги и успокоить нервы.

Неожиданный стук в дверь вывел его из задумчивости.

— Мистер Эш! — послышался женский голос.

— Да? — откликнулся он, вставая с кровати.

— Кое-кто хочет вас видеть, мистер Эш.

Он удивился. Кому это захотелось увидеть его в такое время дня? Первая мысль была о Грейс, и, поглядывая на дверь, Эш быстренько заправил постель. Затем он подошел

к туалетному столику у окна и засунул плоскую фляжку в один из ящиков.

Когда же он наконец открыл дверь, его удивление усилилось, потому что там была вовсе не Грейс.

Рядом с женой хозяина стоял маленький человечек, его внешность можно было бы назвать броской. В руке он держал трость и был одет в красно-коричневый пиджак с торчащим из кармана пятнистым носовым платком и темно-зеленые вельветовые брюки, на ногах красовались коричневые башмаки. Его жилет был бордового цвета, а галстук под широким открытым воротом голубой рубашки играл всеми цветами радуги; серебристые седые волосы были зачесаны назад, но по бокам были густыми и переходили в длинные бакенбарды. Серо-зеленые глаза рассматривали Эша так пристально, что исследователь начал ощущать неловкость.

— Надеюсь, вы не возражаете, что я провела этого джентльмена прямо наверх,— сказала Розмари, не представляя мужчин друг другу,— он сказал, что вы ждете его.

Эш изумленно уставился на маленького человечка, но что-то заставило его сказать:

— Да, да, миссис Джинти.

Он подождал, когда незнакомец представится, но тот только улыбнулся ему.

— Ну, тогда я вас оставлю.— Жена хозяина двинулась прочь, опустив голову, словно занятая другими заботами, но остановилась и полуобернулась к Эшу: — Надеюсь, вас ничто не беспокоило этой ночью?

— Беспокоило? — Он подумал, что это скрытый упрек за позднее возвращение в гостиницу.

— Шум,— пояснила она, и только тут Эш заметил в ее глазах тревогу.— Мистер Джинти и я... м-м-м... ловили мышь у нас в комнате. Боюсь, он очень шумел, гоняясь за ней. Вы понимаете, у нас в комнатах не бывает мышей.— Она издала неуверенный смешок и заправила за ухо выбивший-

ся белокурый локон.— Нахальный зверек, но Том скоро прогнал его. Ну, я оставляю вас.— Она снова остановилась у лестницы и спросила: — Скоро ждать вас к завтраку, мистер Эш?

— Не думаю...

— А лично я проголодался,— сказал незнакомец, махнув шляпой жене хозяина.— Почему бы вам не приготовить столик для двоих?

Она кивнула и скрылась на лестнице.

Прежде чем Эш успел возразить, маленький человечек повернулся к нему.

— Думаю, вам нужно основательно позавтракать,— проговорил он с сильным ирландским акцентом,— чтобы приготовиться к грядущим невзгодам.

Эш нахмурился.

— Вам кажется, мы знакомы? — спросил он; его уже начали раздражать бесцеремонность и фамильярность гостя. По акценту Эш понял, что странный посетитель ирландец, но они определенно раньше не встречались.

— Нет.— Маленький человечек многозначительно посмотрел на него.— Нет, вы меня не знаете, мистер Эш, но полагаю, что я в некотором роде вас знаю. Не возражаете, если я войду?

Исследователь машинально отступил в сторону, ирландец шагнул в комнату, держа трость почти как указку, и прошел прямо к окну напротив двери.

— У вас была возможность взглянуть на лица местных жителей сегодня утром? — спросил он непринужденным и добродушным тоном.— Все, кого я сегодня встречаю, выглядят так, будто плохо спали. Вы видели глаза хозяйки? Над этим местом царит какой-то мрак, мистер Эш, что необычно в такой погожий день, вам не кажется? — Незнакомец оглянулся, ожидая ответа.

— Вас не затруднит представиться? — вместо ответа спросил Эш.— И откуда вы меня знаете?

— Не скромничайте,— последовал ответ.— Вы хорошо известны в возвышенном мире парапсихических явлений. Еще бы, не вашу ли книгу по этой теме я читал несколько лет назад? Исключительно интересно, хотя и не совсем точно.— Он прошел к единственному в комнате стулу и сел, положив ногу на ногу и обхватив руками колено, на которое водрузил шляпу.— Вчера я увидел, как вы проезжаете мимо, и узнал вас по фотографии на задней обложке книги.

Эш вспомнил странное чувство, которое ощутил, проезжая мимо лужайки, когда свернул к гостинице накануне во второй половине дня,— чувство, что за ним наблюдают. Нет, не просто чувство — это было похоже на удар, как при первой встрече с Грейс, хотя, возможно, не такой сильный.

— Этот снимок был сделан много лет назад,— сказал Эш, понимая, что незнакомец узнал его не по фото. Он закрыл дверь и подошел к краю кровати.— И даже тогда в нем не было большого сходства.

— Нет, это был прекрасный снимок,— обезоруживающе улыбнулся ирландец.— Впрочем, не важно. А важно то, что я знаю, кто вы.

— Но я не знаю, кто вы.

— Ах, извините меня. Хорошие манеры никогда не были моим главным достоинством. Мое имя Симус Фелан, и я сердечно рад с вами познакомиться.

Имя звучало знакомо, но как Эш ни пытался, так и не вспомнил, где же его слышал.

— Уверен, чуть позже вы вспомните,— сказал Фелан, по-прежнему улыбаясь, и пригладил свои редеющие волосы.— А пока давайте сосредоточимся на ближайшей проблеме.— Игривость отчасти исчезла из его тона, и глаза пристально уставились на Эша.— Странные вещи происходят в Слите, вам не кажется, мистер Эш?

Исследователь ощутил замешательство. Кто же, черт возьми, этот человек и что ему известно о происходящем в деревне?

— Извините,— резко сказал он,— но у меня есть инструкции от клиента сохранять строгую конфиденциальность моего исследования.

Фелан сделал мягкий жест рукой:

— Напыщенная чепуха, очень типично для Института экстрасенсорики, если позволите так выразиться.

— Вы имели дело с Институтом?

— Не совсем так. Впрочем, мне известна его репутация. Так вот, Дэвид,— не возражаете, если я буду менее официален? — Так вот, ситуация здесь сложилась довольно печальная — хоть это и не совсем подходящее слово в данных обстоятельствах, но назовем ее так. И дело в том, что она может значительно обостриться.

Эш обошел маленького ирландца и, засунув руки в карманы, уставился в окно. Внизу было не много народу — через дорогу переходили две женщины, по ту сторону лужайки лавочник открывал свой магазин, другой подгонял пыльный автомобиль к «форду» Эша на стоянке,— но Фелан был прав: их лица были мрачны, люди двигались как-то замедленно, словно отягощенные предчувствием несчастья. А с другой стороны, он мог просто судить о них по себе. Может быть, это самовнушение, вызванное странным гостем. И Эш не стал скрывать своего раздражения, когда спросил:

— Что вам надо, мистер Фелан?

— Просто Фелан. Я не выношу, когда меня называют Симус,— слишком по-ирландски, правда?

Даже улыбка, не сходящая с лица гостя, начала раздражать Эша.

Будто догадавшись об этом, Фелан напустил на себя мрачное выражение.

— Здесь, в Слите, происходит нечто неприятное, и, думаю, на жителей это оказывает вредное, возможно, даже пагубное влияние. И на вас тоже, Дэвид.

Эш помолчал. Потом спросил:

— Вам известно о призраках?

Человечек кивнул и снял ногу с ноги.

— В этом месте собирается огромная — и зловещая — психическая энергия. Вы знаете, что деревня построена в точке, где сходятся несколько полевых линий?

И снова Эш оказался озадачен. Полевые линии, согласно теории,— это линии земной энергии, вдоль которых наблюдается повышенное проявление аномальной активности. Не будучи сторонником этой теории, Эш проговорил несколько сардоническим тоном:

— Понятия не имел.

— Не совсем точный термин — полевые линии, но, я думаю, он отвечает целям. Эта земная энергия используется во многих областях вместе со скрытой психической энергией определенных личностей. Вы не замечали этого в себе, Дэвид?

Вопрос был задан совершенно серьезно.

— Послушайте, мистер Фелан...

— Просто Фелан. Окажите мне любезность.

— Ладно — Фелан. Я не понимаю, как вы связаны со всем этим. Я не знаю, кто вы и чем занимаетесь.

— Я сказал вам, кто я, а чем я занимаюсь — это не важно. Но меня привлекли сюда возмущения, созданные этой энергией, понимаете? Уверен, я не единственный в стране обладатель психической энергии, которого встревожили эти странные силы в атмосфере.

— Но вы единственный, кто обнаружил их здесь.

— И вы тоже здесь. Ведь вы тоже приехали сюда, Дэвид.

— Откуда вы знаете, что я обладаю психической энергией?

— Как мы узнаем друг друга? — Его улыбка вернулась.— Странно, что вы так сопротивляетесь этому. Почему вы так боитесь своего дара?

Эш пропустил вопрос мимо ушей.

— Меня привлекли не таинственные силы — меня пригласил клиент.

— Конечно, сам викарий, не меньше. Да, я тоже провел вчера в деревне расследование — послушал сплетни, послонялся вокруг и все такое прочее. Разве я не провел всю ночь, наблюдая за этим местом с холма?

Вопрос был риторическим, но Эш встретил его собственным вопросом:

— Зачем бы это?

— О, из-за опасности, о которой я уже упоминал. Извините за мелодраматический стиль, но тут витает зло, а на почве его расцветают привидения.

— Привидения?

— Это...

— Да, я знаю, что это. Это духи, которые возвращаются после смерти. Другими словами — призраки. Но я не понимаю, почему вы так думаете.

— Чувствую, мой мальчик. *Чувствую.* Вас используют, Дэвид. Эти злобные силы вытягивают вашу психическую энергию. Я подумал так, когда впервые увидел вас вчера, и сейчас более чем уверен, что уже встречал вас. Вокруг вас существует аура, которая истощается, и это не имеет никакого отношения к здоровью или болезням.— Ирландец помолчал, но его глаза не отрывались от Эша. Потом он проговорил: — Вас использовали и раньше, ведь так? В другое время и в другом месте.— В его тоне появились ноты озабоченности.

Эш попытался отогнать мысли об Эдбруке и Кристине, но Фелан почувствовал его борьбу.

— Оставим это, Дэвид. Сейчас разговор о другом. Я понимаю, что вы испытали травму, какую человеку трудно перенести. Но это наша доля, не так ли? Давайте сосредоточимся на ближайшей проблеме. Бог хранит нас, и этого достаточно, чтобы жить дальше.

Снова положив ногу на ногу, Фелан откинулся назад и положил руку на спинку стула, другой рукой раскачивая туда-сюда свою шляпу.

— И здесь используют еще кого-то, верно? Кого-то еще с незаурядной энергией. Это логично, ведь чтобы вызвать вас, должны были появиться призраки, и насколько я сумел узнать, недавно здесь было несколько видений.

Кто-то еще, обладающий психической энергией? Он имеет в виду Грейс? Эш и раньше догадывался, что Грейс имеет экстрасенсорные способности, еще более подавленные, чем его собственные, но возможно ли это? Может быть, она является катализатором для этих сил?

— А, вижу по выражению вашего лица, что дал вам пищу для размышлений. Я был прав, догадавшись, что вы знаете эту другую личность?

Эш ответил не сразу. Ему требовалось время подумать и узнать побольше об этом Симусе Фелане.

Неожиданно быстрым, энергичным движением ирландец встал на ноги, чем застал Эша врасплох.

— Почему нам не обсудить это за завтраком? — Фелан был уже на полпути к двери.— Мне пойти вперед, пока вы приготовитесь?

— Я не уверен...

Улыбка покинула глаза маленького человечка.

— Боюсь, что вам уже слишком поздно в ком-либо сомневаться, друг мой. Вроде бы никакой связи, а? Что бы вы ни решили делать, что бы ни решили предпринять, это уже слишком поздно. Конечно, вы можете покинуть Слит прямо сейчас, сию секунду, но я не верю, что вы захотите этого,— я прав? Вижу, что да. Ну, у вас свои причины, но могу сказать вам: ни вы, ни я не можем контролировать происходящее здесь, в этом месте. Самое большое, на что мы можем надеяться,— это на то, что, когда безумие закончится, мы оба сохраним здравый рассудок. О, и жизнь — не будем забывать и этот пустячок. Кажется, двое несчастных уже погибли здесь. Лесник и молодой человек, которого жестоко избили.

— Парня не убили.

— Ну, думаю, вы еще убедитесь, что я прав. Молодой человек в данный момент мертв, и на очереди другие. Увидимся внизу за завтраком через пять минут.

И весело махнув шляпой, Фелан проскользнул в дверь и скрылся.

— Кейт? Слава Богу, что застал тебя.

— Еще пара минут, и я бы ушла в Институт. Ты бы смог застать меня там.

— Да, знаю, но мне нужна кое-какая информация и быстро.

— Ну-ну. В Слите назревает беда?

Возникла короткая пауза.

— Похоже, да. В данный момент нельзя быть ни в чем уверенным.

— Продолжай, Дэвид, что там происходит?

— Не сейчас. Впрочем, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала.

— Я готова помочь. То есть чем могу.

— Ты слышала что-нибудь о человеке по имени Симус Фелан? По-моему, это медиум, ясновидец или что-то в этом роде.

Кейт задумчиво повторила имя.

— Звучит знакомо, но прямо сейчас ничего не приходит на ум.

— Да, и мне тоже показалось знакомо. Слушай, ты не можешь покопаться, когда придешь на работу,— может быть, у тебя есть что-нибудь в картотеке.

— Сегодня я довольно занята, Дэвид.

— Думаю, это может оказаться важным.

— Хорошо, постараюсь. Не хочешь намекнуть, с чем все это связано?

— Я бы и сам хотел понять. Потерпи пока.

— Дэвид?

— Что?

— Судя по голосу, ты не слишком хорошо себя чувствуешь. Ты уверен, что справишься с этим делом? Проис-

ходящее в Слите — ты достаточно здоров, чтобы разобраться в этом?

— Прошлый раз я перенес это, Кейт.

— Но получил серьезную душевную травму. Подобные вещи не проходят. Может быть, приехать мне самой — для моральной поддержки и вообще?

— Нет.

Отказ был резким и недвусмысленным, и Кейт вздрогнула у телефона.

— Хорошо,— сказала она.— Но если я понадоблюсь...

— Я позвоню.— В его голос вернулись теплые нотки.

— Когда тебе нужна информация?

— Сегодня.

— Это так важно?

— Честно сказать, я сам не понимаю. Но может быть.

— Я постараюсь.

— О большем я и не прошу.

— Брось свой сарказм, он слишком тебе идет.

— Спасибо, Кейт.— Он имел в виду помощь, а не сомнительный комплимент.

Ее голос тоже смягчился:

— Ты сообщишь мне, если будут проблемы, ладно, Дэвид?

— Всенепременно.

— Я сказала тебе, брось. Я тебе позвоню.

— Спасибо.

Эш повесил трубку. Рука все еще лежала на телефоне, и он несколько секунд бессмысленно смотрел на него. Потом снова снял трубку и набрал другой номер. На другом конце ответила Грейс Локвуд.

25

Грейс вошла в пустой класс и подошла к столу, за которым раньше сидел учитель. Она положила на стол ключи и задумчиво провела рукой по поверхности, ощупывая ца-

рапины и зазубрины. В дерево впитались десятилетия учебы; стены вокруг когда-то отражали оживленный шум детей, их песни, даже их молчание. На доске еще оставалась полустертая надпись мелом, и Грейс улыбнулась, прочтя строчки стихотворения, которое сама она с одноклассниками разучивала на этом самом месте столько лет назад. Ее обрадовало, что прежние традиции сохранялись здесь — по крайней мере, пока школу не закрыли; это порождало какое-то чувство уверенности в этом быстро изменяющемся мире, где игру в «классики» заменило увлечение «Нинтендо», а вместо дешевых мультиков появились фильмы со спецэффектами. Грейс прочла про себя строчки:

Три крысенка в черных шляпках,
Три утенка в белых тапках,
Три щенка в цветных жилетках,
Три котенка в...

Странно! Столько лет прошло, а она точно помнит эти незатейливые строки. Они обычно пели их хором, и их хорошо знал Тимми Норрис. Он знал все стишки и все церковные гимны, знал их все наизусть.

Ее лицо погрустнело. Тимми так и не научился ничему другому, ничему более взрослому. Он не научился ничему новому, с тех пор как ему стукнуло шесть лет. Грейс выдвинула из-за стола стул и села лицом к партам, словно была учительницей.

— В вуалетках,— вслух произнесла она.— Три котенка в вуалетках.

Ее тихие слова будто повисли в воздухе.

В классе было жарко, солнце лилось через высокие незанавешенные окна. В детстве весной и летом окна всегда широко распахивали, вспомнилось Грейс, иначе в солнечные дни здесь было невыносимо.

Она посмотрела на часы. Скоро придет Дэвид. Его голос по телефону казался встревоженным. Однако дело было не только в голосе — Эш хорошо скрывал свои чувства, но

ей передалась его тревога. Странно, как легко она определила его настроение. Она едва знает Эша и все же... И все же знает его мысли. Конечно, она не могла точно сказать, о чем он думает, что собирается сказать, но она откликалась на его мысли и интуитивно чувствовала себя рядом. И чувствовала, что то же самое происходит с ним.

Грейс посмотрела на средний ряд — на вторую парту. Здесь она сидела, пока не уехала. Те дни тоже казались неизменно солнечными. Но это всего лишь иллюзия детских воспоминаний, когда лето представлялось долгим и жарким, а на Рождество обязательно лежал снег. На самом деле все было не так. Здесь, в Слите, было не так. Бывало и по-другому.

Грейс поежилась. И сама не поняла почему. Что-то обеспокоило ее — какая-то мысль, какое-то воспоминание, что-то на периферии сознания. Она закрыла глаза, чтобы поймать эту мысль, но ощутила только замешательство. Замешательство... и глубокий страх.

На ее закрытые глаза упала тень, и Грейс быстро открыла их. В классе никого не было. И на небе не было ни облачка. Грейс беспокойно осмотрела комнату. Солнце за стеклом светило до рези в глазах, но в классе было почему-то сумрачно. Она отодвинула стул, собираясь встать.

И тут до нее донеслись голоса. Она не услышала их, они звучали у нее в голове — слабые, отдаленные звуки, скорее принадлежавшие ее воображению, чем физически ощутимой реальности. Грейс опустилась обратно и снова закрыла глаза.

И опять какая-то тень упала на ее веки, что-то загородило от нее солнечный свет; но как только она открыла глаза, все исчезло.

Голоса приблизились — они были у нее в голове, но стали *ближе*. И Грейс поняла, что это детские голоса.

Она покачнулась на стуле и уронила голову на грудь, но тут же подняла снова. Дети пели, и, слушая слова этой пес-

ни — звучавшие только в ее воображении,— она узнала их. Это были строчки из гимна, который они часто пели в школе. В этом самом классе. Когда она сама была девочкой.

— Танцуйте все,— сказал он.—
Я танцев всех владыка.

Дети пели, и она повторяла их слова.

Я поведу вас в танце
От мала до велика!..

Громче. Теперь она в самом деле слышала их. Голоса звучали уже не у нее в голове, они исходили от парт, от стен, из самого воздуха. Она повторяла вместе с ними, и ее голос так же повышался.

Меня секли, раздели,
Крест мой был высок...

Чистые детские голоса звучали наяву, они были в этом классе, и ее ресницы заблестели под лучами высоко поднявшегося солнца, из-под закрытых век выступили слезы. Грейс вспомнила слова, словно пела этот гимн только вчера:

...Чтобы там я умер,
Гол и одинок.

Звучание гимна приобрело более мрачную тональность. Голоса продолжали петь, но уже не были такими чистыми и такими молодыми. В них слышалась угрюмая пустота.

Но в пятницу внезапно
Покрылось небо мглой.

Голоса стали глубже, совсем не детские.

Трудно танцевать
С чертом за спиной!..

Пели уже взрослые.

...Но знайте: я — танец
И снова кружусь!

— Грейс?

Она подскочила на стуле, машинально схватившись за грудь.

В дверях стоял Дэвид Эш, его лицо казалось бледным в солнечных лучах.

Ей не хотелось оставаться в школе, и они вышли и сели в его машину. Окна в машине были широко открыты, чтобы принести хоть какую-то прохладу в эту удушливую жару, которая постепенно становилась гнетущей. Над травой образовалась дымка, и казалось, что поверхность дороги дрожит. Вдали виднелась башня церкви, выглядывающая из-за верхушек деревьев; небо позади нее казалось почти что выбеленным.

— Что там произошло? — спросил Эш, повернувшись к Грейс и положив руку на руль.

— Я задумалась о гимне, который в детстве мы обычно пели в школе.

— Я слышал, как вы произносили слова.

Она порылась в маленькой коричневой кожаной сумочке, лежавшей на коленях.

— И вы тоже слышали голоса?

— Да, слышал. И это был тот же самый гимн, что я слышал перед тем, как встретился с вами у церкви два дня назад. О котором говорил вам.

— Сначала пели детские голоса, а потом словно переменились. Они стали...— Грейс в отчаянии посмотрела на него.— Они стали неестественными, совсем не похожими на детские. И напугали меня.

Его ладонь опустилась на ее руку, и Грейс с благодарностью приняла этот жест.

— Некоторые парапсихологи считают, что в определенных местах звуки могут впитываться в стены, а возможно, даже в саму атмосферу и хранятся там до тех пор, пока не высвобождаются под влиянием соответствующих условий.

— Так почему же ничего подобного не случалось со мной раньше?

— До сих пор вы не признавали своих экстрасенсорных способностей. Но обстоятельства изменились. Скажите, что заставило вас пойти туда сегодня утром?

Грейс выжала слабую улыбку.

— В этом нет ничего таинственного, Дэвид; меня затянули туда не аномальные силы, на которые вы намекаете. В мои обязанности по работе в муниципалитете входит периодический осмотр школьных зданий, чтобы потом представить отчет властям. Они владеют недвижимостью и, наверное, хотят быть уверенными, что она содержится в надлежащем состоянии. В конце концов они продадут ее в собственность тому, кто найдет ей применение. Когда вы позвонили, то сказали, что вам очень нужно меня видеть, и я подумала, что для встречи это место подойдет не хуже любого другого. Но какие неотложные дела заставили вас искать встречи со мной?

— Сегодня утром в гостинице меня кое-кто посетил. Колоритного вида ирландец, назвавшийся Симусом Фелаком. Он напомнил мне гнома.

— Вы не были знакомы с ним?

— Никогда в жизни не встречался. Но он, похоже, догадывается о том, что происходит в Слите.— Эш вкратце рассказал Грейс о своем знакомстве с маленьким ирландцем.— Мы даже позавтракали вместе, после того как я позвонил вам, хотя, признаюсь, у меня не было особого аппетита. Прикончив свой завтрак и половину моего, Фелан сказал мне, что, по его мнению, в здешних местах происходит нечто вроде колоссального спиритуального катаклизма. Так он назвал это — «спиритуальный катаклизм».

— Если бы я сама не слышала голоса в школе, я бы сказала, что вы преувеличиваете. И все же... «катаклизм»? Но, как вы сами сказали, причины появления призраков связаны только с определенными людьми, перенесшими когда-то душевные травмы.

— Эти призраки могут оказаться только началом.

— О Боже, неужели? Вряд ли будет что-то еще.

— Он сказал, что сама атмосфера отравляется происходящим в Слите.

— Два убийства.

— Что?

— Он прав, разве вы не видите? Слит некоторым образом загнивает, разве вы не чувствуете? Убит лесник, а потом этот парень, Дэнни Марш, которого забили до смерти. Разве могли подобные страшные вещи произойти случайно в таком тихом местечке?

— Дэнни Марш умер?

— Утром отцу звонили из полиции. Они подумали, что в качестве приходского священника он может пожелать поговорить с семьей Дэнни.

— Ирландец сказал мне, что парень умер.

— Возможно, он уже связывался с больницей.

— С чего бы? Кроме того, он не родственник — там ему бы ничего не сообщили.

— Так вы думаете, ему можно верить?

— Если бы я сам не стал свидетелем аномального явления прошлой ночью и еще одного сегодня утром, я бы принял Фелана просто за безумца. А теперь не уверен.— Эш рассказал, что произошло ночью в коттедже Эллен Преддл, а потом в его собственной комнате в гостинице перед рассветом.— Эллен верит, что душа ее сына по-прежнему подвергается опасности со стороны его отца. И в обоих случаях — и когда передо мной предстал призрак сына Эллен, и когда я видел другого мальчика — они протягивали ко мне руки, словно прося о помощи. Фелан чувствует, что эти призраки — не единственные, что есть и другие, кто ищет помощи. И возможно, с более злыми намерениями. Он посоветовал мне как можно скорее посмотреть слитские записи о прошлом, пока он проводит собственные исследования.

— С чего бы следовать совету совершенно чужого человека?

— Дело не в том. Все равно я и сам хотел ознакомиться с этими записями — это часть моей работы. Для этого я и захотел увидеться с вами.

— Я помогу как смогу, Дэвид, вы знаете.

Он сжал ее руки.

— Это значит — пойти против воли вашего отца. Мне нужен доступ к церковному сундуку, где хранятся эти записи. Мне нужно знать, где он, и если он заперт, мне понадобится ключ.

Эш искоса посмотрел на нее. Вместо ответа она наклонилась и поцеловала его в небольшой шрам на щеке.

26

Эш подрулил к воротам в церковный двор и выключил двигатель. За воротами виднелись стены церкви Святого Джайлса, и их вид почему-то встревожил его. Только когда Грейс коснулась его руки, торопя, он отогнал смутные мысли и потянулся к ручке двери.

Стоя у машины в ожидании, когда из нее выйдет Грейс, Эш ощутил на спине щекотание от стекающей струйки пота. Он расстегнул воротник рубашки и помахал им, пропуская более прохладный воздух под мягкую материю. Несмотря на возрастающую жару, Грейс казалась свежей как всегда; на ней была легкая голубая блузка, заправленная в тонкую летнюю юбку. Распущенные волосы обрамляли лицо, их вьющиеся концы спадали на плечи. Эш заметил, как, прежде чем присоединиться к нему, она бросила обеспокоенный взгляд назад, на школу.

— Постарайтесь не думать об этом,— сказал он, прекрасно понимая бессмысленность своего совета.

На мгновение она смешалась, но с легкой улыбкой сказала:

— Трудно не думать. Не пойму, что со мной происходит, Дэвид.

«И со мной тоже»,— хотел ответить он, но оставил свое замешательство при себе.

— Давайте войдем,— сказал Эш, направляясь к деревянным воротам.

Ржавые петли сопротивлялись, когда он толкнул створку, а тень под навесом принесла временное облегчение от утреннего солнца. Эш пропустил Грейс и по гравиевой дорожке пошел следом за ней к паперти. Проходя мимо могил, Грейс вынула из сумки на плече связку ключей, затем подошла к большим двойным дверям, повернула железное кольцо и вошла в притвор, держа в руке выбранный ключ. Она оглянулась на Эша, но он и сам увидел, что дверь внутрь церкви раскрыта.

— Она должна быть заперта,— сказала Грейс, кладя ключи обратно в сумочку.— Наверное, здесь отец или его причетник.

Как и в первый раз, в притворе Эша охватил холод, но теперь он показался еще более неестественным; его невидимая пелена обволакивала тело слишком плотно, вызывая сильный озноб.

Грейс отворила внутреннюю дверь, и они вместе прошли внутрь. Эш остановился, словно его удержала какая-то невидимая рука; тишина внутри церкви была прямотаки осязаемой, как и холод, охвативший его мгновение назад.

Хотя церковь Святого Джайлса была достаточно внушительной, ее внутреннее убранство поражало своей скромностью. С обеих сторон к алтарю, отделенному от нефа расписными колоннами, вели ряды арок; пространство над ним занимала фреска, изображающая преображение Христа. Окно за алтарем было залито солнцем, так что фигуры на витраже ярко светились. Их теплое, мягкое сияние падало на кафедру в нефе. Центральный проход разделял ряды скамей надвое и тянулся к другому концу церкви, где по обе стороны от ведущей на колокольню арки располагались друг напротив друга орган и хоры. Через арку Эш смог рассмотреть концы колокольных веревок; они чуть

покачивались, возможно оттого, что открылась дверь в притвор.

Грейс сжала локоть Эша и напряженным шепотом проговорила:

— Вы слышали?

Эш прислушался и покачал головой.

— Наверное, здесь кто-то...— начал он, и тут они оба услышали звук — тихий, неотчетливый стон. Грейс крепче сжала его руку.

— Это слышится оттуда,— приглушенно проговорил Эш, указывая на алтарь.

Грейс попятилась, но Эш, осторожно ступая, двинулся по боковому проходу вперед, вглядываясь в арки и осматривая пространство между колоннами. Грейс, еще более бесшумно, неохотно пошла следом.

Тихие стоны продолжались.

Обернувшись к Грейс, Эш увидел, что она побледнела, шаги ее замедлились. Оба замерли, когда стоны перешли в резкий крик, звучание которого усилили каменные стены и высокие своды.

Вдруг Грейс оттолкнула Эша и побежала на звук. Он ее окликнул, боясь за нее, но она не отозвалась и, добежав до конца прохода, пересекла неф, направляясь к другой небольшой арке.

Эш поспешил за Грейс, а она исчезла в боковом приделе.

Хотя и крохотный, придел имел маленький алтарь и жертвенник, а также каменное изображение лежащей на спине фигуры в древних одеяниях. У самого основания лежал преподобный Локвуд, а вокруг него были разбросаны клочья разорванных книг и измятые пергаменты.

27

Рассмотрев изображение Локвуд-Холла, Эш решил, что Грейс была права: в его архитектуре действительно чувствовался какой-то холод. О, это было величественное, даже

великолепное здание с коринфскими капителями и пилястрами, с высокими окнами и замысловатыми балюстрадами на крыше, но в этой величественности таилась какая-то сухость, словно архитектор больше заботился о точности, чем о красоте. С другой стороны, такое впечатление могло возникнуть и усилиться вследствие интерпретации художника, поскольку реалистическая точность картины оставляла мало простора для романтического воображения. Даже крохотные фигурки всадников, скачущих через поле позади дома, были выписаны со всеми прозаическими подробностями, а лесные деревья в отдалении виделись почти так же четко, как и деревья на переднем плане. И несмотря на это — а может быть, именно благодаря точности,— картина зачаровывала.

Эш обнаружил, что углубился в картину, его взгляд сфокусировался на отдельных деталях — длинных шторах на окнах, причудливых перилах лестницы, ведущей к огромным входным дверям, на ярких костюмах всадников, маленькой белой фигурке под вечнозелеными дубами в некотором отдалении...

Его отвлекли голоса снаружи. Дверь, и так приоткрытая, открылась шире, и вошла Грейс Локвуд в сопровождении человека с кислым выражением лица. Он показался исследователю знакомым; Эш узнал в нем одного из завсегдатаев «Черного кабана», которого увидел впервые, приехав в деревню,— тогда этот человек и его напарник, казалось, заинтересовались им. Грейс была занята спором и в первый момент посмотрела на Эша с удивлением, забыв, что он ждет ее здесь.

— Дэвид,— проговорила она, указывая на сопровождающего,— это доктор Степли.

В слезящихся глазах доктора за очками в тонкой оправе таилась усталость, как и во всем облике этого человека: кожа его имела нездоровый оттенок, словно он много лет провел в темной комнате, а не наслаждался свежим возду-

хом и пышной природой того местечка, в котором практиковал. Казалось, терапевту давно пора на покой.

Что-то помешало Эшу протянуть ему руку — тот тоже не протягивал руки, и исследователь заметил, что доктор внимательно его рассматривает.

— Как дела преподобного Локвуда? — спросил Эш, озадаченный явной холодностью в манерах врача.

— Ему нужен отдых,— коротко ответил Степли.— Я объяснил Грейс, что ее отцу надо хотя бы одну ночь провести в больнице под наблюдением.

— Отец и слышать об этом не хочет,— быстро пояснила Грейс.— Он утверждает, что должен быть рядом с деревней.

Это тут же вызвало у Эша любопытство:

— Почему он так считает?

— Бедняга страдает от страшного переутомления,— вмешался доктор.— В данный момент его мысли бессвязны, но боюсь, что у него какие-то навязчивые идеи. К несчастью, здоровье Эдмунда постоянно ухудшалось после смерти его жены, и, честно говоря, я удивлен, что он не свалился гораздо раньше.

— У него был нервный срыв?

— Этого я не говорил.— Ответ прозвучал резко, почти как выговор.— У Эдмунда психологическое и физическое переутомление, не более.

— В церкви он упал в обморок, Дэвид,— тихо проговорила Грейс. Она подошла к маленькому старому дубовому столику и, не видя, смотрела на обтянутую исцарапанной кожей поверхность, заваленную бумагами и книгами. Руки она сложила ниже груди и чуть ссутулила плечи.— Отец сказал нам, что он просматривал церковные записи, когда вдруг закружилась голова. И он упал.

— Но он не потерял сознания: мы слышали стоны.

— Очевидно, вы нашли его, когда он приходил в себя,— сказал доктор.— В таком полубессознательном состоянии Эдмунд потерял ориентацию и, вероятно, очень испугал-

ся.— Стефли обратился к Грейс: — Я дал ему успокоительное, так что, пожалуйста, не беспокойте его несколько часов. Я зайду позже, посмотреть, как он, но если будет ухудшение — в чем я, впрочем, сомневаюсь,— немедленно вызывайте меня.

Грейс улыбнулась врачу обеспокоенной, но благодарной улыбкой.

Тот уже стоял у открытой двери, держа в одной руке свой черный портфель, а другую засунув в карман пиджака. На лбу у него выступил пот, и Эшу подумалось, только ли это от духоты в воздухе, вытягивающей из человека все силы. Глаза за линзами очков перебегали с Эша на Грейс, словно доктор сомневался, выполнят ли эти двое его предписания.

— Пожалуйста, обеспечьте преподобному полный покой,— повторил он, выходя из комнаты.

Грейс поспешила за ним, и Эш услышал их приглушенные голоса в прихожей. В ожидании Грейс он из любопытства стал рассматривать ряды книг вдоль стен — многие были старинными, в кожаных переплетах, и полки прогнулись под их весом. Поскольку комната располагалась на темной стороне дома, солнечный свет не имел здесь власти, и в затхлой атмосфере полумрака сильно ощущался запах пыли и старой кожи. Взгляд снова вернулся к картине с изображением Локвуд-Холла, и Эш вспомнил, что привлекло его внимание, перед тем как вошли Грейс с доктором. Подойдя поближе, он услышал, как входная дверь закрылась и в прихожей послышались шаги Грейс.

Когда она вошла, Эш повернулся к ней, но, прежде чем успел что-то сказать, она бросилась к нему и уткнулась лицом в его грудь. Он почувствовал, как слезы промочили рубашку, и на мгновение оторвал руки от ее спины, не зная что делать, но потом крепче прижал девушку к себе.

— Я так испугалась,— глухо сказала Грейс, не отнимая головы от его груди.

— С ним все будет в порядке,— успокоил ее Эш.— Вы же слышали доктора — ваш отец просто переутомился. Ему нужно отдохнуть, вот и все. Может быть, на время увезти его отсюда?

Она прижалась к нему и взглянула в лицо:

— Увезти из Слита? Вы слышали, что я сказала. Он ни за что не уедет, коль скоро сюда пришла беда.

— Он ничего не может поделать с этим.

— Он должен помочь людям. Он их духовный поводырь.

— Местным жителям? Большинство из них не знают о призраках.

— Неужели вы так слепы, Дэвид? Вы не смотрели в их лица, не видели страх в их глазах? Они *знают*, что в Слит пришло что-то страшное.

Ему припомнились слова маленького ирландца: *здесь витает зло*. Фелан был прав, и Грейс тоже. Зло — или предчувствие зла — проникло повсюду и касалось всех, кто жил в Слите или рядом. Эшу не было нужды смотреть в их лица, слушать их рассказы, а вероятно, в Слите было немало и тех, кто предпочитал утаивать свои видения — из страха или в замешательстве,— и чтобы убедиться в этом, не было нужды проводить проверки с камерами и термометрами. Он ощущал таящееся здесь зло так же отчетливо, как и Грейс сейчас в своих объятиях.

— Я верю, Грейс. Что-то происходит здесь, что-то такое, чего я не понимаю, но инстинкт говорит мне, что нужно держаться отсюда как можно дальше.

Эш почувствовал, как она напряглась.

— Вы уезжаете?..

— Если вы уедете тоже.

— Вы знаете, что я не могу.

— От этого нет защиты.

— Почему вы так говорите? Из-за того, что случилось с вами в Эдбрукс?

Он замолчал, но Грейс настаивала:

— Это осталось в прошлом, Дэвид. Кроме того, тогда вас тяготило чувство вины, и от этого вы были так уязвимы.

Он отстранился от нее, чтобы можно было ее видеть.

— Откуда вы знаете?

— Вы сами сказали мне тогда вечером. В ресторане.

— Нет. Нет, не говорил. Я ничего не упоминал о...

— О Джульетте? Это еще одно, что я чувствую в вас, нечто относящееся к сновидению. Вина, связанная с гибелью сестры, и она по-прежнему тяготит вас, да? Пожалуйста, помогите мне понять почему!

— Сейчас это не важно. Сейчас хватает других забот.

— Вы остаетесь?

— Я не говорил, что уезжаю.

Она вновь прижалась к нему и положила голову ему на грудь.

Его рука гладила ее волосы, пальцы ласкали шею.

— Однако меня тревожит еще кое-что,— сказал Эш.— Мне нужно узнать, зачем ваш отец пытался уничтожить церковные записи.

И снова она напряглась:

— Я не думаю...

— Вы видели их,— перебил он.— Бумаги были порваны, книги разодраны на части.

Грейс чуть заметно покачала головой:

— Он мог не знать что делает. Доктор Степли говорит, что у отца могло быть помрачение; возможно, так оно и было.

— Сомневаюсь. Думаю, он боялся, что мы можем что-то обнаружить в записях.

— Чепуха. Что в них скрывать?

— Вот это нам и надо выяснить.

Она обняла его крепче и сказала:

— Я рада, что вы приехали помочь нам, Дэвид.

Эш взял ее за подбородок и приподнял его. Большими пальцами он вытер слезы из уголков ее глаз, а потом нагнулся к ее губам. Движение было нерешительным, неуве-

ренным, словно Эш боялся отказа, но Грейс подалась ему навстречу. Ее руки скользнули вокруг его шеи и притянули к себе, так что их губы встретились.

Поцелуй был глубоким, и Эш ощутил его влажность. Он обнял Грейс крепче, прижав все ее тело; она мягко прильнула к нему, ее губы приоткрылись ровно настолько, чтобы красть его дыхание; и вдруг его чувства бешено закружились, так что мысли спутались, смешались с ее мыслями. Это был тревожный и тем не менее чудесный момент — момент смятения и восторга, и восторг был взаимным. Поцелуй, интимное общение превратились в нечто большее, чем физическая близость.

Когда объятия стали крепче, его охватило чувство легкости, а сознание обоих словно слилось, как и их тела.

Он парил в ней, а она в нем; их мысли и чувства перемешались, стали частью другого сознания. Эш проник в глубины ее души, в ее ощущения, ее тайны — и знал, что она так же проникла в него. Он коснулся ее эмоций, ее страстей,— и его ошеломила сила ее желания.

И Грейс с радостью приняла его, в замешательстве, но и в восторге от вторжения,— и, в свою очередь, проникла в его сознание, свободно блуждая там, впитывая его мысли и чувства. Она нырнула глубже, в его подсознание, настороженная темнотой, но без страха. Она прошла через вуаль, которая была всего лишь тенью души, вздрагивая от всякого впечатления, но не в состоянии вернуться назад и не желая этого. И вдруг она оказалась внутри мрачных, хмурых стен Эдбрука.

И там были двое мужчин, эфирные духи, плывущие через ее — и его! — сознание. И девушка — прекрасное видение с длинными темными, вьющимися волосами и глазами, исполненными страсти, но и насмешки. Эта мысль проплыла, а за ней возник устойчивый образ девочки, почти ребенка, со злобной улыбкой и белой, как алебастр, кожей. Девочка, такая юная и одновременно такая старая, словно разложившаяся душой,— Грейс поняла, что это

сестра Дэвида, Джульетта. И, осознав это, Грейс открыла глубочайшую тайну Дэвида.

Грейс ощутила ярость девочки и увидела, как та пошатнулась, заскользила,— и вот падает в черную, как деготь, реку. Кружащиеся воды подхватили девочку, она бьется в пенящихся струях, а мальчик, которым был Дэвид, пытается дотянуться до нее, но его кидают и отшвыривают ужасные силы; его ум полон стыда, и мальчик кричит от страха.

Оба наблюдали — Грейс и этот мальчик,— как Джульетта уступила в своей борьбе с разъяренной водной стихией, и ее глаза, так широко открытые, такие испуганные, медленно утратили свой блеск, помертвели. И Грейс ощутила, что мальчик винит себя за смерть девочки, думает, что это он убил ее. Но это было не так! Девочка сама упала в воду, а он пытался спасти ее.

Джульетта уплыла, как обломок кораблекрушения по бурным волнам, потеряв одну туфлю и один белый носок, сорванный, как и ее жизнь, водной стихией, и оставив Дэвида тысячекратно переживать эту смерть.

Они стояли в комнате, их тела были неподвижны, в то время как стены вокруг словно закачались и закружились. Губы обоих были все еще слиты воедино — на самом деле прошло всего несколько мгновений с тех пор, как они соприкоснулись, но время потеряло свое значение в этом единении душ.

Эш заблудился в калейдоскопе понятий и образов и упивался ими, хотя свою роль играл и трепет, ибо никогда еще Эш таким образом не получал доступа в чужое сознание. Он вздрагивал от ее эмоций — таких сильных, таких всеобъемлющих,— но с радостью поддавался им. Он позволил себе уступить этому деликатному и утонченному вторжению, и в то время как она проникала в его мысли, он еще глубже погружался в ее сознание.

И когда он погрузился в самую глубину, то услышал тонкий голосок, и этот голос принадлежал Грейс, не те-

перешней Грейс. Это была детская жалобная мольба, но ее источник был неясен; почему-то Эш не мог направить к нему свои мысли.

Его губы еще крепче прижались к ее губам, пытаясь уловить ускользающий внутренний голос, и Грейс отклонилась назад под его напором, обхватив его руками за плечи.

И наконец он определил направление в ее душе, откуда доносился тоненький, испуганный голосок, и бросился туда. Но что-то вцепилось в него, затруднило движение, и он обнаружил, что бесцельно плывет куда-то. Однако он уже был почти на месте, голос слышался так ясно! И вскоре Эш оказался перед огромной пустой областью и, приблизившись, увидел — осознал,— что область эта серая и неровная, словно часть сознания затмила какая-то мрачная туча. Эш понял, что не проникнет сюда, потому что это тайна Грейс, тайна, о которой не знает даже она сама. Он повернул назад, ошеломленный силой сопротивления, и помчался наверх, стремясь, как тонущий, вырваться из глубин океана души Грейс.

Они отшатнулись и в оцепенении уставились друг на друга, смущенные этим необыкновенным опытом.

Но прежде чем хоть один успел что-либо сказать, послышался крик, а потом грохот падения на лестнице.

28

Грейс метнулась к двери, и Эш схватил ее за локоть. Она обернулась с тревогой, страхом и замешательством в глазах.

— Погоди,— сказал он, преодолевая собственное замешательство.

— Отец...

Она попыталась вырваться, но он держал крепко.

— Пусти сначала меня.

Он оттолкнул Грейс в сторону — грубо, потому что она сначала сопротивлялась,— и бросился к двери. Грейс устремилась следом.

Эш перешагивал через две ступени, но наверху остановился, осознав, что не имеет понятия, где находится комната викария. Однако следующий вопль подсказал ему это.

Дверь была закрыта, и на мгновение Эш решил, что она заперта, так туго поддавалась ручка. Он нажал крепче, налегая двумя руками, и дверь открылась. Эш ворвался внутрь и отшатнулся от увиденного.

Хотя шторы были опущены, освещение позволяло рассмотреть на полу фигуру преподобного Локвуда, вжавшегося спиной в стену. Прижимая к груди простыни, он смотрел в противоположный угол, и жалкий страх оттянул его челюсть, так что рот перекосила гримаса, а на тонких губах заблестела слюна, струйкой стекающая по подбородку. Его белые волосы упали на лицо, зрачки так расширились, что их пугающе бездонная чернота заняла почти всю радужную оболочку. Викарий дрожал как припадочный и не отрывал глаз от пустого угла.

Эш почувствовал, как за его спиной в комнату вошла Грейс. Глядя на отца, она взяла Дэвида за плечо.

— *Не приближайся ко мне!*

Крик вырвался у викария так неожиданно, что оба вздрогнули, но тут же поняли, что предостережение относится не к ним, а к какому-то видению в пустом углу комнаты.

— Папа! — воскликнула Грейс, не сознавая, что с детства не произносила этого слова.

Она попыталась обойти Эша, но тот снова схватил ее. Силясь вырваться, она еще раз позвала отца. Никогда еще он не казался таким старым и больным, таким сломленным; даже месяцы его болезни не подготовили ее к этому. Грейс едва не закричала, когда затравленный взгляд отца обратился к ней, и Эш почувствовал, как она прислонилась к нему.

Голос преподобного был таким же дряхлым, как и его внешность:

— Уйди отсюда, Грейс. Уйди из этой комнаты, из этого дома... сейчас же... пожалуйста...

Слова звучали все тише и затихли совсем. Внимание Локвуда снова обратилось в пустой угол, и он застонал, стон перешел в долгий вздох и закончился несчастным всхлипом. Дрожащими, пораженными артритом руками викарий поднял простыни и уронил на них голову, закрыв лицо.

— Прости меня... пожалуйста, прости меня... — умолял он.

Они подумали, что эти слова относятся к тому, кто мерещился ему в углу, пока Локвуд не произнес имени Грейс:

— Прости меня, Грейс... Это тебя... Это тебя они...

Она чуть не упала в обморок, и Эш удержал ее. Он обхватил ее, хотя собственные ноги ослабли, и опустился на одно колено, держа Грейс руками за плечи и талию, прижимая лицом к себе.

И услышал тихий издевательский смех, исходивший из пустого угла.

29

Как ни душно оказалось на улице, все же было приятно выйти на воздух. Эш поспешил прочь от гостиницы, от прохладного, но удушающего заключения в ней. Ему не нравилось, что Грейс осталась одна со своим обезумевшим отцом, но выбора не было: нужно посмотреть на эти церковные записи или хотя бы на те из них, что оказались не слишком сильно повреждены. Кроме того, Грейс, когда отошла от потрясения, настояла, чтобы он сходил в церковь Святого Джайлса один.

Когда Эш добрался до своей машины, его рубашка уже промокла от пота и походка утратила первоначальную резвость. Он завел мотор и включил кондиционер, потом сел и некоторое время не двигался, обдумывая происшедшее в доме. Что за демон явился преподобному Локвуду в углу занавешенной комнаты? Если бы сам он не слышал этого жестокого, глумливого смеха, исходящего из другого конца

комнаты, то мог бы заключить, что викарий в бреду и галлюцинирует.

Эш взял с заднего сиденья оставленный там пиджак и порылся в карманах, ища сигареты, потом закурил и бросил обгорелую спичку на пыльную дорогу.

Демон — это не совсем то слово; видимо, начало сказываться переутомление. Демоны — это из дешевых романов и еще более дешевых фильмов. Лучше называть это спиритуальным явлением. Да, такое можно допустить; и даже можно допустить зловредность подобного существа. Эш потрогал тонкий шрам на щеке и выпустил дым в открытое окно.

Но почему Локвуд просил прощения у дочери? Что, черт возьми, он сделал ей? Эш вспомнил, что произошло между ним самим и Грейс, прежде чем они услышали крик наверху. Каким-то образом они смогли проникнуть в закоулки сознания друг друга, их души слились в каком-то сверхчувственном объятии, образовали телепатический сплав переживаний и восприятий. Это было сильное и ошеломляющее ощущение, и Эш знал, что выдал секреты, долгое время подавляемые в глубинах сознания. А его собственное погружение в ее сознание оказалось заблокированным каким-то барьером. И теперь Эш гадал, есть ли связь между мольбой Локвуда о прощении и тем, что укрывало душу Грейс не только от других, но и от нее самой.

И являлось ли это частью тайны преподобного Локвуда? Почему он так перепугался? Зачем он пытался уничтожить церковные записи? И что за чертовщина происходит в Слите?

Эш сердито нажал на газ и выкрутил баранку, так что машина рванулась на другую сторону узкой дороги. Заехав на заросшую травой обочину, он быстро перешел на третью скорость, и машина устремилась в деревню. Эш последний раз оглянулся на гостиницу, потом надавил на педаль и направил машину к церкви Святого Джайлса.

Через несколько секунд он был уже у церкви, ему стоило усилий не проехать мимо, чтобы выехать из деревни, пересечь холмы и вернуться в грязный город, где единственной угрозой были сумасшедшие и бандиты. Но пришлось свернуть к церковным воротам и остановить машину.

С недокуренной сигаретой, по-прежнему рассерженный, Эш вылез и прошел через ворота с навесом, где в старину ставили гробы, прежде чем внести их в саму церковь. Только у двери в притвор он выплюнул окурок и растоптал его.

Обозрев старые, покосившиеся надгробия, Эш подумал, почему смерть не всегда означает окончание всего.

Когда он прошел через притвор и открыл внутреннюю дверь в церковь, его охватил знакомый холод. Здесь Эш снова задержался и тут же понял, что не один в этом могильном мраке. Не было ни шороха, ни голоса, ни движения, кроме производимых им самим, но Эш оглянулся, чтобы узнать, кто еще разделяет с ним эту тишину. В отличие от прошлого раза, когда они с Грейс пришли в церковь Святого Джайлса, никакой шепот не предостерегал его, и все же Эш был уверен, что тут кто-то есть,— чувства слишком болезненно напряглись и не могли обманывать его.

И чуть ли не с облегчением Эш различил еле слышный звук.

С ощущением, что все это уже было, он тихо скользнул в боковой неф, напряженно вслушиваясь на каждом шагу. Звук стал громче, хотя по-прежнему оставался тихим... словно кто-то мурлыкал себе под нос. Он исходил из маленького придела, где они с Грейс обнаружили лежащим преподобного Локвуда.

Нервозность в значительной степени ослабла, когда пение стало более мелодичным и менее угрожающим. Теперь Эш различил другие звуки и приблизился к их источнику — слышался шорох бумаги, приглушенный кашель, что-то скребло по каменному полу.

— Это вы, Дэвид?

Ирландский акцент не оставлял сомнений.

— Фелан!

— Идите сюда, тут есть о чем потолковать.

Эш прислонился к скамейке и глубоко вздохнул, прежде чем снова смог заговорить.

— Вы меня чертовски напугали,— признался он, пересекая неф.

— Ах, у меня не было таких намерений. Сказать по правде, когда пришел, я ожидал застать вас еще здесь.

Мурлыканье возобновилось.

Эш встал у входа в боковой придел, где пространство между крохотным алтарем и жертвенником разделяла каменная фигура. Симус Фелан раздобыл откуда-то маленький стульчик и сидел, окруженный кипами пожелтевших листов и древних книг, в большинстве своем измятых и порванных. Раньше у Эша не было времени оценить ущерб, нанесенный документам, но теперь он увидел, сколько викарий успел натворить. Книги и так были не в лучшем состоянии, пострадав от времени и вандализма: из них выпадали страницы, и у одной-двух были содраны обложки. Эш нагнулся поднять измятый лист пергамента, рукописный текст на котором выцвел и был еле различим.

— Я был бы вам очень благодарен, если бы вы ничего не трогали, Дэвид. Я потратил время, чтобы собрать листы вместе.

Хотя в голосе ирландца по-прежнему слышалась насмешка, Эш ощутил в нем и некоторую тревогу, а, приглядевшись, в улыбке различил мрачность.

— Я удивился, не застав вас здесь, когда пришел,— проговорил Фелан, словно не замечая пристального взгляда исследователя.— Ведь это входило в ваш план, не так ли? Нам следовало разделиться в наших исследованиях?

— Я не знал, что вы так скоро вернетесь.

— Микрофильмы в библиотеке сообщили мне все, в чем я нуждался. Я хотел проконсультироваться с вами, прежде чем браться за архивы.— Мрачность перешла в его

глаза.— Это может оказаться хуже, чем я ожидал, Дэвид. Гораздо хуже. Но сначала скажите мне, какой негодяй устроил этот вандализм? — Он указал на свалку на полу.

Эш вкратце рассказал, как они с Грейс нашли в часовне викария в полубессознательном состоянии с разбросанными вокруг церковными записями.

— Значит, это был сам преподобный Локвуд,— задумчиво проговорил Фелан, когда он закончил.— Интересно, зачем это священнику, столпу общества, уничтожать хронику своего прихода?

— Видимо, ему не нравится какая-то история, о которой там говорится?

Фелан с интересом посмотрел на него и добавил:

— История про его собственного предка.

Эш опустился на колени у изорванной бумаги и, забыв о предупреждении, поднял обрывок пергамента.

— У вас было время просмотреть все это?

Фелан издал усталый насмешливый вздох.

— Чтобы просмотреть все это, нужна неделя, а чтобы ознакомиться как следует — много больше. Но все же я нашел кое-что интересное.— Он наклонился и осторожно взял переплетенный том, который, несмотря на свою очевидную древность, был вроде бы в лучшем состоянии, чем большинство других, среди которых лежал.— Я нашел этого голубчика на самом дне сундука, под кучей всякого хлама. К счастью, наш зловредный викарий не успел добраться до него.

Осторожно держа на коленях книгу в потрескавшемся кожаном переплете и с золоченым обрезом, маленький ирландец открыл ее.

— Многое здесь неразборчиво, а еще больше читается как какая-то напыщенная белиберда. Боюсь, автор не был образованным человеком, судя по его употреблению латыни. Я могу это презирать, но такой стиль делает чтение завораживающим. Кстати, этот парень может вызвать у вас интерес.— Он полуобернулся и кивнул на каменного

рыцаря, лежащего на пьедестале позади.— Это сэр Гарет, он был первым Локвудом, появившимся в Слите. Не думаю, что это местечко было чем-то примечательно в тринадцатом веке, но деревня и все прилегающие земли были отданы этому рыцарю в награду за его заслуги в Пятом крестовом походе. Вы знаете свою историю, Дэвид?

— Могу сказать вам лишь, что случилось вчера.

Фелан приподнял брови:

— Несомненно, вы смеетесь надо мной. Ну да ладно, не важно. Кажется, сэр Гарет принимал участие в несколько нелогичной и неудачной попытке христианского войска завоевать Египет — наверное, все рыцари были в упоении после Четвертого крестового похода, состоявшегося лет за десять до того или еще раньше и приведшего к захвату Константинополя и образованию Византийской империи.— Он недоуменно покрутил головой.— Вы бы решили, что наш рыцарь вернется после поражения домой отрезвленным, но ничуть не бывало. Из того, что я сумел разобрать в этих замысловатых каракулях, следует, что он вернулся с войны с несколько странными — захватывающими — идеями в голове. К несчастью для местных жителей и соседних землевладельцев, это были не христианские идеи.

— Тому есть свидетельства в книге?

Фелан улыбнулся:

— Некоторые. Но мне то и дело приходилось читать между строк, как бы благочестивы они ни казались. Я бы сказал, сэр Гарет определенно был энтузиаст. И опять же, к несчастью, его энтузиазм — нет, лучше назовем вещи своими именами: его нездоровая одержимость — заключалась в колдовстве.

— Но его потомки стали служителями церкви.

— Очень странно, не правда ли? Думаю, это сделало их власть над местными жителями абсолютной.

Пробравшийся в старое здание ветерок поднял листы бумаги у ног Фелана, и тот положил на них трость, которая была прислонена к его стулу.

— Видите ли, несколько пассажей являются прямым цитированием египетской Книги Мертвых. При вашем знании оккультизма, думаю, у вас есть некоторые догадки, для чего предназначалась эта стряпня.

— Она предназначалась для того, чтобы ее читали умирающие перед смертью и отдавали власть над своим подсознательным «я» духу, который остается жить.

— Да, определенную власть над судьбой и чудесными явлениями — так следует сказать? Прекрасная перспектива, вам не кажется?

— Думаю, сэр Гарет сел в галошу, когда умер и убедился, что это все пустая болтовня,— сухо ответил Эш.

— Но болтовня ли это? А чем вы считаете призраков, духов, упырей, выходцев с того света и тому подобное? Разве это не души тех, кому не позволено или кто сам себе не позволил отойти к величайшему блаженству? Возможно, сэр Гарет открыл для себя эту тайну и хотел поделиться своим знанием или даже править при помощи его.— Фелан остановился и улыбнулся Эшу скорее покорно, чем устало.— Но вижу, вас это не убедило, Дэвид. Вечный циник, а?

— Вы упрекаете меня? Довольно абсурдно, не правда ли?

— Не более чем призраки, терроризирующие маленькую деревушку на Чилтернских холмах. Но давайте не будем сейчас спорить об этом частном вопросе — нам еще нужно многое раскопать, прежде чем делать какие-то выводы. И все же, я полагаю, дневник сэра Гарета — неплохо для начала, гораздо лучше, чем можно было ожидать.

Погрузившись в задумчивость, он стал медленно перелистывать страницы.

Эш поднялся с колен и, подойдя к лежащей фигуре, провел рукой по потрескавшемуся камню. По телу неестественно быстро распространился холод. Встревоженный, Эш тут же отдернул руку.

Его отвлекли звук закрытой книги и бормотание Фелана.

— Вы что-то сказали? — спросил Эш, машинально потирая руки, чтобы согреть их.

— Мысли вслух, мой мальчик,— одна из неприятных привычек, приходящих с возрастом.

Несколько мгновений он что-то мурлыкал себе под нос, барабаня пальцами по толстой обложке книги у себя на коленях. Потом его глаза остановились на Эше, и в них не было прежнего юмора, а присутствовала только усталость.

— Как я говорил, нужно многое сделать, а времени мало.

— Я помогу вам разобраться в этом беспорядке. Может быть, я сумею прочесть относительно поздние записи, сделанные не на каком-нибудь тарабарском языке.

— У меня ощущение, что эти древние тексты дадут нам ответы, которые мы ищем, но я просмотрю все сам, чтобы убедиться, что ничего не упущено.

— Но какая польза в этих ответах? — проговорил Эш, начиная раздражаться.

— Ну, они помогут нам понять, что же происходит в Слите и почему призраки запугивают народ. А потом мы сможем убедить вовлеченных в это дело — я имею в виду живых — прекратить практику по вызову этих сверхъестественных сил.

— Погодите. Вы полагаете, что это люди виноваты в появлении призраков?

— Полагаю, что да, хотя не знаю, сознательно или, может быть, подсознательно они это делают. Видите ли, я сомневаюсь, что подобные силы способны являться без какого-то понуждения или даже приглашения. В большинстве случаев подобные явления вызывает или какой-то спиритист или чей-то восприимчивый ум, но в данном случае — кто знает? Будет интересно это выяснить.

Фелан покачал головой, опечаленный, и с видимым усилием начал вставать. Он повернулся, чтобы положить книгу, потом размял свои короткие ноги, прогоняя онемение.

— В этой церкви царит какой-то особенный холод, вам не кажется? — как бы между прочим проговорил ирлан-

дец, осматривая стены и своды потолка.— Я чувствую, что над Слитом витает зло, и некоторое время оно укрывалось здесь. Признаюсь, я готов поверить, что оно таилось здесь несколько столетий.

— Почему вы так решили? — спросил Эш.

Фелан насмешливо посмотрел на исследователя.

— А вы сами не чувствуете этого? Вы не ощущаете зла в этом месте? Боже правый, да оно почти что осязаемо, его почти можно пощупать! О, оно здесь, и оно было здесь гораздо дольше, чем любой из нас топчет землю. Мне кажется, что оно возрастает и убывает в зависимости от определенных факторов. Что это за факторы, пока что я не имею ни малейшего представления, но, как говорят наши американские друзья, «мы здесь в процессе познания».

Хмыкнув, Фелан нагнулся и взял свою трость, опираясь костяшками руки на ляжку. Это обыденное движение придало всей его нелепой фигуре в твидовом пиджаке и пестром галстуке еще более причудливый, но и жизнеутверждающий характер. Вокруг него стопками лежали бумаги и документы, и солнечный луч, смягченный цветным стеклом в окне, окрасил его серебристые седые волосы в сочные тона. Фелан представлял собой резкий контраст с лежащим позади него каменным рыцарем, который казался мрачным, погруженным в непроницаемую задумчивость и хмурую сосредоточенность.

— Я знаю одно,— продолжил ирландец, снова пронзив Эша внимательным взглядом,— и это я нашел в микрофильмах старых местных журналов.

Снова ветерок поднял листы на полу, и Эш обежал взглядом главный зал церкви — не вошел ли кто-то через притвор. Но там никого не было.

Фелан не заметил внезапного дуновения, хотя пергамент приподнялся и теперь лежал у него на башмаке.

— Кажется, внезапные исчезновения и неестественные смерти не так уж необычны в этих лесных краях. Я имею в виду, конечно, долгий период времени, возможно сто лет

и более, а судя по тому, что нам известно, еще гораздо более долгий — но местные газеты охватывают лишь этот период. За более короткий промежуток подобные инциденты привлекли бы к себе внимание своей регулярностью, вам не кажется?

За цветным стеклом над головой у Фелана замахала крыльями темная тень, и послышалось приглушенное карканье ворона. Тень вскоре исчезла, но крылья успели несколько раз хлопнуть по окну.

Фелан даже не оглянулся и постучал тростью по каменному полу, чтобы привлечь внимание Эша.

— И шутка в том, Дэвид,— мрачно проговорил он,— *ужасная* шутка в том, что большинство исчезнувших — дети.

И снова донеслось карканье ворона — на этот раз еле слышное, отдаленное.

30

Микки Данн вытер лицо рукавом, но только размазал грязь. Он дрожал, хотя в полутемной комнате, где скрывался, было скорее прохладно, а не холодно.

— Кажется, задремал,— пробормотал он; его голос прозвучал странно в тишине развалин и вызвал эхо.

Когда Микки подтянул к себе ноги, они зашуршали по битому камню, и он сам испугался произведенного шума. «Не надо шуметь,— сказал он себе,— не надо здесь ничего нарушать». Никого поблизости не было, никто не знал, что Микки пришел сюда. И все же его пальцы пошарили по полу, и, нащупав арбалет, Микки поднес его к груди, направив стрелу перед собой.

В помещении было светлее, чем когда он впервые пробрался сюда, но все равно здесь царил полумрак. Микки различил большие фарфоровые чаши под затемненными окнами, а в центре комнаты помещался какой-то большой квадратный чурбан, вероятно в прежние дни использовав-

шийся для рубки мяса и приготовления пищи, пока Локвуд-Холл не пришел в упадок и не превратился в заброшенную пустую оболочку. К темным окнам снаружи прижимались ветви с листьями; в тех местах, где стекла были разбиты, они тянулись внутрь, словно искали тень, а не солнечный свет. Микки не мог понять, почему окна такие темные — просто покрылись грязью или закоптились дымом во время того, давнего, пожара? Но почему это должно его волновать? Такие стекла делают его укрытие только надежнее, а остальное не важно. Ни одна сволочь не найдет его тут.

Ему снова припомнились обрывки сна, сразу же Микки ощутил себя не в такой безопасности и съежился в полумраке. Он вспомнил, как во сне стрелял, вспомнил тошнотворный запах гниющих яблок, крепко запертую дверь бомбоубежища, в которую он все колотил и колотил. Странно, этот запах гниющих яблок по-прежнему преследует его, словно он так и не проснулся.

Микки сел на корточки и прижался спиной к стене, обтирая с нее пыль. Кусок штукатурки обломился и упал на пол, обнажив кладку.

Нет, не было никакого запаха гниющих яблок, он только почудился, остался от сна. На самом деле пахло грязью и сыростью. Что это за место? Да, Локвуд-Холл, но что *это* за место? Микки бродил здесь ранним утром, до смерти напуганный, уставший как собака, он обходил пустые комнаты, коридоры без потолка и со скрипящими под ногами старыми досками. Наконец нашлась огромная квадратная комната с прекрасным, надежным каменным полом. Что здесь было раньше? Теперь, когда посветлело, можно разобрать раковины у стены, частично заслоненные обуглившимися старыми шкафами, большой обгоревший чурбан в центре — нетрудно понять, что это была огромная кухня. Чертовы богачи с чертовой уймой слуг и кухарок — им понадобилась такая большая кухня. Но в конце концов день-

ги не довели их до добра, не так ли? Чертов дом все равно сгорел.

Микки выдавил слабую улыбку. Огонь не подмажешь, это точно. И судьбу тоже. Его улыбка погасла. Да, с судьбой шутки плохи. Не она ли сыграла шутку и с ним самим, ведь он же не собирался никого убивать? Это проделки судьбы.

Микки не смог подавить рыдание и издал короткий лающий звук. Эхо снова заставило его поднять голову.

Опираясь о стену, он встал на ноги, отодрав еще часть потемневшей штукатурки и пыли. Сжимая в руке арбалет, тыльной стороной другой ладони он вытер глаза, еще больше размазав по лицу грязь.

Нет, они не схватят его. О да, они могут ругать его как угодно, но не посадят в тюрьму. Баклер сам виноват — зачем болтался по лесу среди ночи? И к тому же он, Микки, целился не в лесника, а стрелял в... это... в эту бессмыслицу, в это привидение.

— О, дерьмо, дерьмо, дерьмо! — простонал он, колотясь головой о стену позади.

Отвалился еще кусок штукатурки, и на этот раз с остатков потолка посыпалась пыль, запорошив длинные волосы и забившись в ноздри. Микки перестал колотиться и обеими руками схватился за арбалет.

Черт, здесь его может завалить. Он с опаской посмотрел на голые балки над головой, моргая от все еще оседающей пыли. Сквозь провалившиеся этажи пробивался слабый солнечный свет, и Микки смог различить часть того, что осталось от крыши. Хорошенько чихнуть, и все обвалится, сказал он себе, но его смешок больше напоминал икоту.

На самом деле ничего смешного. Ему здесь не нравится, совсем не нравится. В этих старых развалинах было что-то мертвое, всегда было. Все знают, что здесь водятся привидения, потому-то никто из деревни и не ходит сюда. Впрочем, тем лучше. Он-то знает, что никаких призраков не бывает — это просто детские выдумки,— а если они отпугивают пронырливых ублюдков, так просто прекрасно. Во

сне его тревожили какие-то звуки, но у Микки достаточно ума, чтобы понять, что это просто оседает само здание, да шуршит ветерок в деревьях, трескается часть кладки, копошатся какие-то зверьки. И даже та странная музыка, та еле слышная старомодная мелодия, что послышалась ему несколько часов назад, когда он поднимался по лестнице, и вернулась, чтобы вывести его из дремоты,— она тоже была частью сна, потому что исчезла, как только он открыл глаза, а его мозг проснулся. Глупо думать иначе, а он определенно не дурак, хотя Ленни и Ден порой и называли его так. Будь он дурак, то сидел бы уже в тюрьме, как, вероятно, уже сидят те двое. А он здесь, вольный как птица, и никто не знает, где он скрывается. Он может оставаться здесь днями, неделями. Если придется — если *действительно* придется.

Микки расслабил плечи, оттолкнулся от крошащейся стены и подошел к обугленному чурбану посреди помещения. Куски обвалившейся кладки и досок скрипели под ногами. Микки подпрыгнул, когда треснула длинная щепка и звук отразился от стен, как ружейный выстрел. После этого он пошел осторожнее, используя в качестве маяков светящуюся в солнечных лучах пыль, хотя и знал, что рядом никого нет, кто мог бы его услышать.

Он добрался до обгоревшего дверного проема и заглянул туда. Снаружи было чуть посветлее, и Микки вспомнил, что там был широкий коридор, по которому он пробирался в серые утренние часы и который вел в огромный зал, где располагался главный вход и куда с рухнувших верхних этажей спускались остатки двух лестниц. Давнишний пожар, должно быть, больше всего свирепствовал у фасада, хотя не пощадил ни одну часть Локвуд-Холла. Микки принюхался к сырому воздуху, и ему показалось, что по-прежнему чувствуется едкий запах дыма, запертый вместе с призраками, которые якобы населяют это место. Чертов дурень! Нет никакого дыма, никаких призраков.

Микки осторожно перешагнул через кучу мусора в коридоре, и вдруг живот сжала отчаянная боль, так что он чуть не потерял равновесие.

— Черт! — выругался Микки. *Это ушиб. Черт возьми, это ушиб?* Но, конечно, он знал причину. Эта боль не была новой, она возникала почти всегда, когда он выходил на «работу» с Ленни и Деном. Частично ее причиной был голод — он никогда не мог есть перед ночной прогулкой со своими друзьями-соучастниками,— но в основном ее вызывало волнение (в котором он никогда не признавался товарищам). Ленни Гровер всегда смеялся над ним, когда он жаловался на боль в кишках, но самому ему было совсем не до смеха. Врач, старый доктор Степли, говорил что-то о разъедании стенок желудка кислотой, когда некоторые слишком волнуются, особенно, если в животе пусто. Доктор — старый маразматик — предостерегал его от попоек и жирной пищи и вообще рекомендовал питаться по часам. Но что это за жизнь! Жизнь — это когда делаешь что хочешь и когда хочешь. Верно? Верно.

Новый спазм, такой же страшный, обрушился на Микки, но чуть погодя отпустил. Нужно что-нибудь съесть, хотя бы каких-нибудь лесных ягод. Можно также подстрелить хорошую жирную птицу или кролика. Впрочем, нужно соблюдать осторожность, чтобы не попасться никому на глаза. Боже, ну и холодрыга же здесь!

Микки двинулся по коридору, осторожно перешагивая через кучи мусора и крепко прижимая к груди арбалет. Под ногой скрипнула половица, он замер, встревоженный звуком, а также тем, что половица может провалиться. Потом фыркнул. И фыркнул снова, представив, что кто-то его слышит, хотя известно, что в развалинах никого нет. Но половица опасно прогнулась под его весом. «Иди осторожно,— предостерег он себя,— дерево все прогнило и прогорело».

Справа было два дверных проема, один рядом с другим, и Микки из любопытства заглянул в первый. Ничего инте-

ресного, одни головешки, но странно — дверь в другую комнату оказалась металлической. Она была опалена, но казалась достаточно прочной, а ее ручка выглядела гладкой и тусклой, словно ее часто трогали. Но это невозможно. Никто сюда больше не ходит. Никому тут не интересно.

Микки взялся за ручку и повернул. Она поддалась довольно легко, но дверь оказалась заперта. Наверное, просто перекосило. Он навалился плечом на гладкий металл. Однако дверь даже не шелохнулась.

Тогда его внимание вновь привлекла первая комната. Ничего особенного там не было — просто гора досок и кирпичей да несколько дыр в полу. Светлее, чем в помещении, где он спал, поскольку в двух низких окнах не было не только стекол, но и самих рам. Огонь здесь хорошо похозяйничал. Может быть, лучше спрятаться здесь — хотя тут тоже стоит смрад, но не такой сильный, как прежде.

Микки сделал несколько шагов внутрь и почувствовал, как под ногами просели половицы. Он поспешно попятился назад, но вдруг снова, с еще большей силой схватило живот. Микки согнулся, машинально прижав к животу арбалет, и от этого наклонился вперед. Чтобы поддержать равновесие, нога инстинктивно шагнула туда же, и пол под ним вдруг провалился.

Микки взвизгнул, а потом с криком полетел вниз.

Грязь, щебень и обломки досок какое-то мгновение — а для него целую вечность — падали вместе с ним, и Микки испытал страх, какого не знал даже в предыдущую ночь, даже ночью в бомбоубежище. Он летел и летел в темную неизвестность, с ужасом гадая, насколько глубоким окажется дно и что его там поджидает, чтобы переломать кости и разорвать плоть; сознавая, что, когда упадет, остатки потолка могут завалить и раздавить его насмерть. Была и другая опасность, которая из-за быстроты падения, казавшегося столь необычно долгим, так и не пришла ему в голову.

Падение закончилось, но шум, вызванный им, продолжался. Микки был оглушен и не слышал даже собственного крика; из-за клубящейся пыли и кромешной тьмы ничего не было видно. Он был ошеломлен, и не только ужасным приземлением. Сквозь сумятицу падающих обломков, ломающихся досок, свои собственные крики Микки услышал — *почувствовал?* — словно разжалась пружина, и в тот же миг снизу что-то захлопнуло его разинутый рот. Крик тут же затих, а это что-то продолжало лезть через рот, давя на нёбо, пока наконец не пробилось наружу через хрящи и кости носа.

Короткий наконечник стрелы вошел в подбородок и срезал край переносицы, а оперенное древко вдавилось в шею. Микки скорчился, как заколотое животное, вдруг поняв, что произошло, но все еще не веря этому, а вокруг продолжали падать обломки и сыпалась пыль.

Этот обвал через некоторое время успокоился, но не Микки. Он больше не мог кричать, а только давился и блевал, поскольку кровь изнутри заливала горло. Его крики превратились в сдавленное бульканье.

Он ухватился за древко стрелы, стараясь крепче сжать жесткое оперение, но текущая по древку скользкая кровь не давала это сделать. Его измазанные руки совершенно покраснели; густая жидкость сочилась сквозь сжатые губы и текла из ноздрей, хлестала из всех отверстий — естественных и проделанных стрелой — и смешивалась с грязью и пылью, вызванными его падением.

Близящаяся агония толкнула Микки в безумный поход через заваленный щебнем пол. Невероятно, но ему удалось подняться. Он продолжал дергать стрелу, но его измазанные руки то и дело соскальзывали. Боль и шок вскоре одолели его, он зашатался в ночной темноте, его ноги согнулись, как у обезьяны. Он ударился о лестницу — ту, что спускалась от запертой железной двери в коридоре,— и, еле удерживаясь на ногах, спотыкаясь об обломки, которые сам

же обрушил, скользя в лужах собственной крови, хрипя и булькая на разные лады, побрел по подвалу.

Кровь вскоре пропитала одежду, и каждый раз, когда Микки натыкался на стены, на них оставались свежие кровавые пятна. Его руки в темноте казались рубиново-красными, а легкие стали наполняться жидкостью. Постепенно его движения замедлились, ослабли, Микки остановился, тело начало оседать. Но безумный поход уже привел его к другому концу полутемной комнаты. В голове у Микки все смешалось, его и так обуревал ужас, но этот ужас достиг предела, когда глаза различили перед собой странную, ярко освещенную свечами картину.

Остатки воздуха вытолкнули через сомкнутые губы поток крови, и темная пенистая жидкость обагрила каменный пол. Микки последовал за этой кровавой дугой и с тупым сочным шлепком упал лицом вниз. Его глаза остались открытыми, хотя видение быстро меркло. Но образ человека среди ярко горящих огней оставался в сознании и преследовал его почти до самого последнего вздоха, унесшего в небытие его несчастную жизнь.

31

Эш задержался под вывеской «Черного кабана». Раньше он обращал на нее мало внимания, но теперь вытянул шею, чтобы получше рассмотреть выцветшее изображение. Черная щетина и желтоватые клыки огромного зверя с дикими глазами словно подрагивали от ярости. Хотя и грубо намалеванная, с потрескавшейся и местами отвалившейся краской, картина вполне реалистично передавала свирепую мощь кабана. Возможно, это бешенство в налитых кровью глазах придавало ей такую выразительность, а возможно, стойка зверя — сгорбленного, с поднятым, роющим землю копытом; но, скорее всего, дело было в контрасте между страшным образом и обрамлявшей его мирной картиной деревенской жизни — контрасте, который

и поражал зрителя. Впрочем, Слит вообще казался деревней контрастов.

Эш оторвал взгляд от вывески и осмотрелся. Пруд, покрытый поднимающимся от воды туманом, больше не казался таким мирным: он представлялся слишком тихим, слишком глубоким. И колодки с позорным столбом являли собой не памятники старины, как Эш подумал вначале, а постыдное и явное напоминание о более зловещих временах Слита. Даже окна старых домов и муниципалитета напротив выглядели мрачно нахмурившимися, а на лицах немногих людей, попавшихся Эшу на коротком пути от церкви Святого Джайлса, лежала печать подавленности и смятения — когда один прохожий поднял голову, глядя на машину исследователя, и тот приветственно кивнул ему, человек быстро и чуть ли не воровато отвел глаза.

Эш повернулся к узкому горбатому мостику на выезде из деревни и удивился, что там тоже поднимается туман — его клочковатые щупальца тянутся от реки к низкому каменному ограждению. Эш заметил легкую дымку и над главной улицей. Было слишком жарко, слишком влажно, нестерпимо болела голова, и в горле пересохло. «Нужно непременно выпить»,— решил Эш.

Он толкнул дверь в гостиницу — она подалась туго, словно не желая впускать неугодного посетителя, но Эш толкнул сильнее, дверь распахнулась, и с некоторым облегчением он ступил в тенистую прохладу бара.

Посетителей не было, и обслуга на первый взгляд отсутствовала. Однако, когда Эш направился по истертому ковру, вскоре из открытой двери за стойкой послышался голос. Хотя время ленча давно прошло, Эш слегка удивился, что в такой тяжелый, удушливый день никто не пьет. Возможно, те, кто не работал, предпочли остаться в прохладе у себя дома. Он решил не пить в самом баре — не было настроения ни с кем говорить — и тихо прошел к задней лестнице. В комнате у него была водка, а больше сейчас ничего и не требовалось, есть не хотелось.

Эш прошел к лестнице, не привлекая внимания персонала из задней комнаты, и быстро поднялся наверх. Коридор пропитали несвежие запахи пива и кухонной стряпни, жара выдавила этот удушающий аромат самого времени из стен и ковровой дорожки. Запах вызывал тошноту, и Эш с облегчением зашел к себе в комнату, где оставалось открытым окно. Постель была заправлена, в комнате прибрано, а что лучше всего — на тумбочке стоял графин свежей воды.

Еще закрывая плечом дверь, Эш начал расстегивать рубашку и вытаскивать ее из брюк. Обмахиваясь полами рубашки, он направился к фляжке на столике у окна, взял ее и с тяжелым вздохом сел на край кровати, потом полой рубашки вытер пот с лица, груди и живота и, закрыв глаза, посидел так несколько мгновений, пытаясь вдыхать воздух, веющий из открытого окна. Но вскоре открыл глаза, поняв, как мало воздуха попадает в комнату с улицы,— занавески висели совершенно без движения. Поднеся флягу к губам, Эш быстро глотнул водки и налил в стакан воды из графина на тумбочке. Вода была тепловатой, но хорошо заливала огонь алкоголя, в то же время утоляя жажду. Невидящим взглядом он уставился в окно, а в голове теснились мысли. Прошло несколько минут, прежде чем Эш снова потянулся к графину, чтобы наполнить стакан. Водка, потом вода. И снова: водка, потом вода. Стало получше, и мысли начали выстраиваться в каком-то порядке.

Симус Фелан не был дураком, каким мог показаться. Возможно, он эксцентричен, слишком экстравагантен, но в этом человеке скрыт острый ум, который заметен не сразу. Обладает он психической энергией или нет — это другой вопрос, хотя ирландец, несомненно, восприимчив: он быстро ощутил царящее в Слите настроение. Впечатляет и его знание мертвого латинского языка, равно как и познания в истории — он легко восстанавливал исторический фон церковных записей, когда они вместе просмат-

ривали их. Из этих древних книг оставалось еще многое узнать, но через пару часов кропотливой работы, тщательно просеяв каждую строчку, которая могла относиться к их поискам, двое мужчин начали уставать.

Оставалось еще много работы, но в конце концов Фелан утоворил Эша вернуться в гостиницу и отдохнуть, пока сам он продолжит исследование, и Эш, все еще чувствовавший недосыпание после прошлой ночи, неохотно согласился. Кроме того, ему хотелось навестить Эллен Преддл, посмотреть, оправилась ли она после ночных волнений, а также забрать пленку из расставленных в коттедже камер. Требовалось также время, чтобы обдумать все то, что они с Феланом уже узнали. Если те церковные записи не были сделаны сумасшедшим, Слит имел тайную историю, столь же ужасающую, сколь и отталкивающую. Извинившись, Эш оставил ирландца продолжать работу в одиночестве.

«Эллен Преддл тоже могло не быть дома — хотя и вряд ли,— подумал он,— или — более вероятно — она могла просто не открыть дверь на его стук». Эш несколько минут колотил в дверь, потом постучал в окно, заглянул и позвал хозяйку. Внутри не раздалось ни звука, не было видно и движения, и он решил зайти попозже вместе с Грейс, которая, может быть, убедит вдову снова впустить их. Тягостное чувство все возрастало, и Эш поехал обратно в гостиницу.

Он потряс фляжкой у уха, чтобы оценить, сколько там еще осталось. Она была почти пуста. Эш сделал последний глоток и потянулся к сигаретам, которые бросил на кровать. Когда он закурил, послышался неуверенный стук в дверь.

— Дэвид?

Это был голос Грейс.

Эш встал и двинулся мимо кровати, а когда раздался повторный стук, распахнул дверь. Грейс еще не успела опустить руку. Хотя в затененном коридоре было мало света, Эш разглядел в ее светлых глазах волнение.

— Грейс? Ваш отец...

— С ним доктор Стенли.— Она смотрела мимо него, в комнату, и Эш отошел в сторону, чтобы Грейс могла войти.— Я сразу отправилась сюда.— сказала она, проходя.— Вроде бы внизу никого нет.

Грейс встала у кровати и посмотрела на него, ее волосы были распущены, на лбу поблескивала легкая испарина.

— Мне нужно было увидеться с вами, Дэвид. Раньше у нас не было возможности поговорить.

Он вспомнил их поцелуй, открытую этим поцелуем ошеломительную свободу, проникновение в душу друг другу. Эти образы, эти ощущения по-прежнему оставались в душе, но теперь были более неотложные дела.

— Я должен кое-что рассказать вам о Слите, Грейс. Ваш отец...

— С ним все в порядке, доктор Стенли позаботится о нем. Сначала нужно поговорить о вас, Дэвид, как вы не понимаете?

— О Боже, я меньше всего...

— Вы не понимаете? Я все знаю о вас, знаю о вашем чувстве вины. Но вы не виноваты, разве это не ясно? Вы не причастны к смерти вашей сестры.

Эш был ошеломлен. Черт возьми, о чем она говорит?

— Я проникла в ваше сознание, Дэвид. Я узнала ваши мысли, я пережила ваши воспоминания. Я была рядом с вами, когда погибла Джульетта.

Он повернулся к ней спиной, словно чтобы закрыть дверь. Требовалось время подумать.

— Вы не могли о ней знать...

— Но я знаю. На несколько минут, может быть, даже секунд, мы стали частью друг друга, и наши мысли слились. И между нами существует эта связь, психическая связь. Мы оба чувствовали, что когда-нибудь встретимся.

Она шагнула к нему, но он, словно защищаясь, поднес к губам сигарету.

— Чего вы боитесь? — В ее голосе слышалась мольба.— Я знаю, что ваша сестра умерла не по вашей вине, хотя вы и корите себя. Не это ли мучило вас все это время — чувство вины за то, что ваша сестра утонула? И с тех пор призрак Джульетты являлся вам во сне. Вот почему вы так старались доказать, что призраков не бывает. Если их нет, если после смерти никакие духи не блуждают в этом мире, то и Джульетты нет, она не может преследовать вас и искать мести, она существует только в вашем воображении. Не так ли вы думали?

Эш не нашел что сказать, и Грейс продолжала:

— Потом в месте под названием Эдбрук кое-что произошло, и вам пришлось признать существование призраков. Два брата и их младшая сестра Кристина — они открыли вам неоспоримую правду. Как и собирались, потому что были заодно с Джульеттой. Они принадлежали злу, Дэвид, это были злые духи, сговорившиеся с вашей сестрой, чтобы заставить вас страдать не только от сознания вины за смерть Джульетты, но еще и за упорное отрицание всего сверхъестественного, за вашу работу, за вашу книгу, ваши попытки отговорить остальных от веры в мир духов. Боже мой, вы были так уязвимы!

Эмоции захлестывали Грейс, но она сдерживала себя.

— Вы сами понимаете, как смешно это звучит?

Она вдруг опомнилась.

— Тогда скажите, что это не так, попытайтесь отрицать это. Вы не можете притворяться передо мной, Дэвид, теперь я слишком хорошо вас знаю.

В ее улыбке не было насмешки... как у Кристины... и как у Джульетты... Своей улыбкой Грейс хотела сказать, что все в порядке, что она открыла ему его собственные секреты, потому что заботится о нем... Ее глаза смягчились, и снова она попыталась дотронуться до него.

Но он сам взял ее за руку.

— Грейс...

— Вы не поняли, что я чувствую к вам, Дэвид?

Момент был потерян. Все, что Эш хотел сказать ей, все то ужасное, что узнал о Слите и семействе Локвудов, куда-то пропало, на мгновение стерлось, когда Грейс открыла ему правду, которую его заблокированное сознание всегда отрицало. Их физическая близость помогла Грейс проникнуть в его подсознание, где не могло быть лжи, а присутствовало только свидетельство неумолимой реальности. Грейс проникла туда, куда не смог проникнуть даже злобный дух Джульетты, и там обнаружила воспоминания о том далеком дне на берегу реки, когда исчезла сестра, в смерти которой он обвинял себя.

Эш привлек Грейс к себе, и она прижалась к нему.

— Ты нужен мне,— проговорила она тихо, и все посторонние мысли унесло из его головы, потому что давно уже никто не говорил ему такие слова. Он обнял ее, их лица сблизились, и его губы стали искать ее губы. Поцелуй принес ему легкость, эйфорический заряд, снявший усталость и все тревоги. В этот момент он думал только о Грейс.

Через несколько мгновений она тихонько отстранилась, но легкость осталась в нем.

— Сигарета...— сказала Грейс.

Эш смутился, только теперь заметив, что сигарета все еще дымится у него в пальцах. Он быстро загасил ее в пепельнице и снова обернулся к девушке. Она стояла у кровати.

— Пожалуйста...— тихо проговорила Грейс.

Эш подошел к ней, и они вместе опустились на простыни. Грейс легла на спину, а он склонился над ней, и его губы были лишь в дюйме от ее губ.

Он хотел что-то сказать, но она приложила палец к его рту. «Не надо»,— говорили ее глаза.

Ее рука погладила его щеку, и он снова прижался к ее губам, ощутив их мягкость, теплоту и влажность. Эш почувствовал, как ее рука скользнула по его шее и прижала

крепче, чтобы крепче был поцелуй, и от этой близости пробудилась страсть. Их объятия стали плотнее, ее губы раскрылись, а их тела напряглись, отчаянно сжимая друг друга, языки соприкоснулись, и Эш ощутил содрогание в мышцах, словно от легкого шока. Он услышал приглушенный стон и потерялся в ней, прижав так, что ее голова вдавилась в матрац. Ее ноги раздвинулись, его нога скользнула между ними; ее бедра в напряжении приподнялись.

На кратчайший миг внутренний голос предупредил Эша, что это глупо, что сейчас не время, что нужно кое-что сказать Грейс, но было поздно, потому что оба испытывали одинаковый голод, переживали одну страсть, и даже если бы он захотел остановиться, то не смог бы — ее страстная потребность в нем легко перевесила бы все его желания. Он позволил себе сдаться и отмел все прочие мысли, утонув в уже неконтролируемом желании. Их поцелуи стали менее неистовыми, но более утонченными; они погрузились в души друг друга, их физические тела больше не были барьером для чужого — нет, уже не чужого — сознания.

Ее руки блуждали у него по спине под расстегнутой рубашкой, пальцы скребли тело, и он застонал от наслаждения. Он приподнял ее голову, чтобы провести рукой по длинной, грациозной шее; пальцы скользнули под воротник блузки, гладя горячую кожу. Ощущение этой скрытой плоти, его первое робкое поглаживание ее тела оказалось более чувственным, чем он мог предполагать; это был начальный момент взаимного открытия. Его рука, чуть дрожа, двинулась вниз вдоль блузки, пальцы скрылись под тканью. Верхние три пуговицы расстегнулись, и он провел по плавному холмику груди; легко расстегнулась четвертая пуговица, за ней пятая.

Под блузкой у нее ничего не было, и его рука приблизилась к маленькому твердому бугорку в центре холмика. Эш ощутил, как по телу Грейс пробежала дрожь. Она тихо произнесла его имя, чуть вздохнув, когда пальцы коснулись

соска, отчего тот отвердел и торчком встал посреди окружающей мягкости. Руки Грейс замерли, она целиком отдалась его ласкам, ее дыхание участилось, тело напряглось от наслаждения.

У нее захватило дыхание, когда его рука откинула укрывающую ткань, и губы переместились к гладкой груди, увлажняя соски, превращая их в источник непередаваемого наслаждения. Когда он взял сосок в рот и погладил его кончик своим языком, по ее телу пробежала дрожь. Грейс задохнулась, когда язык надавил, а потом мягкими, влажными ударами выманил сосок вперед. Ее руки больше не могли оставаться в покое, она сдавила ими его спину, массируя кожу, и провела вниз вдоль позвоночника, засунув под пояс брюк.

Эш приподнял ее голову, ища губы, и на этот раз их поцелуй был безумным, их рты слились, столкнувшись зубами, языки нащупывали друг друга, дыхание и слюна смешались, чувства кружились, руки непрестанно двигались — толкая, сжимая, хватая друг друга.

Вдруг он оторвался от нее, оставив внизу, и Грейс посмотрела ему в глаза, ее грудь вздымалась, словно девушка не могла отдышаться. Возможно, в комнате было темно, но они не замечали ничего вокруг. Ее кожа поблескивала, нежный взгляд с примесью еще не утоленной страсти был почти гипнотизирующим. Вдруг ослабев, он лег рядом с ней, его эмоциональное смятение какое-то время боролось с физической потребностью. Прошло несколько секунд, прежде чем он снова дотянулся до ее блузки, нащупал грудь и обнажил, любуясь ею. Веки Грейс закрылись, а губы сложились в улыбку, которая показалась Эшу более эротичной, чем обнаженная грудь, которую он ласкал. Улыбка стала отчаянной, когда его рука скользнула по животу к складке бедер и надавила на тонкую ткань юбки напротив самого интимного места на теле. Грейс тихо вскрикнула, содрогнувшись от его прикосновения, и рукой схватила Эша за плечо, потянув его вниз, предлагая

надавить еще сильнее. Пальцы Дэвида ощутили просочившуюся влагу.

Грейс снова выдохнула его имя, с мольбой, в которой не было необходимости, и он запустил руку под юбку, ощущая бархатную гладкость ее бедер; невидимые, они казались на ощупь восхитительно длинными. Рука двигалась намеренно медленно, скорее лелея, чем раздразнивая, а Грейс тихим шепотом подгоняла его; она выгнулась, так что лопатки почти сошлись, и в свете, льющемся из окна, голые груди горделиво блестели, выделяясь на темном фоне розовыми, набухшими сосками.

Его пальцы нащупали резинку трусов и скользнули под нее. Эшу казалось немыслимым большее возбуждение, но когда его пальцы нащупали насыщенную, кремовую влажность между ее ног, он ощутил прилив такого восторга, словно пробудились все нервы в его теле. Теперь Грейс помогала ему: подняв юбку и запустив пальцы за резинку, она стянула трусы ниже бедер, открывая ему путь в себя; потом подняла колени и сбросила шелковистую ткань совсем — сначала с одной ноги, потом с другой. Грейс ждала с закрытыми глазами и приоткрытым ртом, между зубов виднелся кончик языка.

Она жаждала ощутить Эша внутри себя, ей хотелось почувствовать вес его жилистого, худого тела, она хотела сжать его ноги своими бедрами, чтобы и он почувствовал ее, чтобы их тела соединились и между ними не было ничего, кроме их собственного жара. Возбужденная до такой степени, что это уже было почти мучительно, она ждала, когда любимый проникнет в нее.

Но Эш еще не был готов к этому.

Грейс ощутила его руки у себя на бедрах и раздвинула их шире; она застонала, когда его язык проложил чувственную дорожку по ее гладкой коже, и повернула голову набок, так что висок вдавился в ее собственные волосы и простыню под ними.

Эш уловил ее запах — этот властный женский запах. Она была страшно нужна ему — нужна до внутренней боли — но он не мог устоять против этой танталовой муки, этой прелюдии, которая была так же почтительна, как и сладострастна. Он хотел доставить ей удовольствие, а не только получить наслаждение от нее.

Она содрогнулась от прикосновения его губ, этот поцелуй был нежен, как только может быть нежен поцелуй. Когда его язык легонько ткнулся в нее, открыл вход и влажность встретилась с влажностью, ее руки раскинулись и сжали простыни. Он прошел по наружным краям, щупая защищающие складки, щекоча нервные окончания, двигаясь выше к скрытому бугорку, и, водя языком вокруг крохотного твердого вздутия, возбудил его, как раньше возбудил груди, заставив их ожить и выпрямиться.

И пока он любил ее таким очень интимным образом, его мысли начали растворяться и плавиться в ее мыслях, как накануне во время поцелуя. Это была короткая волна, как морской прилив, и его мысли тут же вернулись к ожиданию следующего чувственного порыва.

Грейс беспомощно лежала, пригвожденная силой — нежной, но властной. Ее ноги раздвинулись еще шире, она глубоко вздохнула, и вдох засвистел в горле, а его язык вился по внутренним стенкам, которые сами пришли в непрерывное движение; ее руки отпустили простыни и схватились за его голову, пальцы скользнули по взлохмаченным волосам, притягивая, поощряя его. Грейс вскрикнула, этот звук не имел ничего общего с болью, но был полон наслаждения; и она знала, что больше не может терпеть, что соки внутри нее начинают течь слишком свободно, а ее движения становятся слишком неистовыми. Когда эта плотина экстаза прорвется, Эш понадобится ей весь, и Грейс хотела, чтобы его прорыв совпал с ее. Она потянула его, успокаивая собственные эмоции, и он понял... Эш приподнялся, быстро расстегнул ремень и сбросил одежду, а Грейс сдвинулась на постели так, что ее лодыжки и ступни свешива-

лись с края. Взглянув на нее, лежащую там, с восхитительной грудью, не прикрытой измятой блузкой, с юбкой, поднятой над раздвинутыми бедрами, оттеняющей темный холмик волос между ног, Эш почувствовал, что у него захватило дыхание. Грейс смотрела на него с соблазнительной поволокой под полуприкрытыми веками и протягивала к нему руку.

Он подошел, опустился на постель и нежно проник в нее — медленно, ласково, не чувствуя сопротивления, сознательно тратя время на то, чтобы не причинить никакой боли, входя в нее до тех пор, пока было возможно, пока его бедра плотно не прижались к ее бедрам. Грейс извивалась под ним и дышала в щеку, а он двигался вперед и назад, вперед и назад...

— Дэвид, о Дэвид...

Новое тяжелое исступление охватило его ум, его сознание устремилось в ее сознание, подражая физическому проникновению; но в отличие от последнего духовное проникновение не имело выхода и границ. Это было как и раньше, когда они прощупывали друг друга в кабинете ее отца, но гораздо сильнее, поскольку теперь Грейс отдалась ему и физически, и эмоционально: она с удовлетворением пустила его в свое сознание, потому что слишком потерялась в упоении любви. И он плыл в ее душе, в то время как тела доставляли обоюдное физическое наслаждение.

Перед Эшем мелькали образы, воспоминания, он переживал ее утонченное удовольствие от сближения с ним, всю сумятицу в ее сознании — и двигался дальше, не задерживаясь, отдавая себе отчет в собственных чувственных ощущениях, но не отвлекаясь на них. Обширная серая область, которую он видел раньше, замаячила перед ним, теперь такая знакомая, с клубящимся туманом запрета. Из-за этого газообразного барьера донесся тонкий детский голосок, и теперь он тоже был знакомым, потому что Эш уже слышал его. Это был голос Грейс — голос испуганный, взывающий об освобождении. И снова

Эш ощутил сопротивление, что-то тянуло его назад, словно эфирные руки держали его сзади, но в этот раз он был сильнее, и теперь Грейс отдалась ему. Теперь он прошел дальше.

В уголках ее глаз собралась влага, и слеза, потревоженная движением, скатилась по щеке ей в волосы. Грейс обезумела и еле могла дышать, потому что никогда — никогда! — не знала такого мучительного блаженства. У нее вырвался долгий стон, и все ее существо начало туго сжиматься. Каждая жилка, каждая мышца ее тела напряглась и словно втянулась внутрь; влага внутри ее превратилась в поток, и этот поток обрушился в ту точку в центре тела, в то место, которое теперь она делила с этим чудесным, необыкновенным мужчиной. Стон перешел в тонкий, протяжный эйфорический крик.

Напряжение в груди у Эша распространилось на все его тело, охватив мышцы, так что они сковали все члены и живот. Его бедра заработали еще сильнее, он погрузил руки в ее волосы; ее голова откинулась назад, и шея изогнулась в финальной предэкстазной судороге. Грейс рухнула и отпустила его, все ее мышцы вдруг ослабли, но тут же она снова прижалась к нему, чуть не приподняв его тело. Эш оставался с ней, приноравливаясь к ее движениям, их совершенному ритму,— падая и поднимаясь, падая и поднимаясь... Это единение приближалось к своему апогею, и вместе Эш и Грейс воспарили на новый уровень восторга, словно стремясь к ослепительно белому свету.

И часть Эша, удаленная от всего этого — хотя и слышала ее крики и ощущала свое и ее наслаждение,— нырнула сквозь барьер, отделявший ее сознание от подсознания; Эш увидел — его душа увидела — воспоминание, которое Грейс так долго скрывала от самой себя. И когда через их трепещущие тела пронесся финальный пароксизм полного упоения, Эш открыл тайну, понял причину ее самораздвоения...

32

Тень маленького ирландца, черная и длинная, протянулась через каменный пол церковного придела. Свет проходил сквозь витраж, расположенный высоко на стене, но солнце на мглистом небе опустилось ниже, и зеленые и голубые пятна на полу теперь уже не так играли. Фелан, нахмурившись и весь дрожа, бродил среди разбросанных бумаг.

«Значит,— гневно говорил он себе,— все началось с чудовища, похороненного в этом приделе, с первого Локвуда, правившего Слитом! С крестоносца, вызывавшего благоговение у глупцов и страх у тех, кто догадывался о его нечестивом пути». Издав неровный вздох, Фелан переключил внимание на суровое лицо каменного рыцаря; он задумался о черной душе, что жила когда-то в оболочке, лежащей ныне под своим каменным изображением. Нет, это не божий воитель; это наемник Сатаны. Несомненно, это был ученый, проникший не только в темные искусства египтян, но также в оккультные теории халдеев и вавилонян, чтобы по возвращении с войны в далеких землях использовать приобретенные знания в своих владениях, полученных за заслуги в походах.

Фелан подобрал трость с серебряной рукоятью и торопливо перешел из крохотного придела в главный зал, затем осторожными шагами прошел в боковой неф. Его чувства были в смятении. Маленький ирландец остановился у пятого ряда скамей и повернулся к алтарю.

«Именем Бога,— кричала его душа,— *как такое возможно? Как можно было допустить такое?»*

Но ответа не последовало. Фелан опустился на ближайшее сиденье и прислонил трость к спинке впереди.

Витраж на высоком окне за алтарем потускнел, и сам алтарь казался холодным и мрачным, почти безжизненным в своей пустоте. «Как это подходит,— подумалось Фелану,— к храму, являющему собой не более чем безжизненную

оболочку, которая глумится над славой Господа, а не прославляет его».

Он сделал глубокий неровный вдох, а из головы не выходила история этого места, называемого Слит. Тени вокруг сгустились.

Запутанные письмена сэра Гарета Локвуда были полны навязчивых идей, в них содержались намеки на странные обряды и церемонии, предназначенные для растления, а не для возвышения души, ритуалы, выполнять, да и просто выносить которые могли только выродки. Этот лишенный стыда и совести рыцарь хвастал, как после неудачного Пятого крестового похода принес с собой египетские тайны, как поделился этим запретным знанием с другими подобными себе — или с теми, кого совратил,— и описывал опыты, одно ознакомление с которыми заставляло Фелана не раз в отвращении отбрасывать книгу. Он открывал ее снова, лишь когда успокаивались нервы и ослабевал гнев. Одно из основных таинств учрежденного Локвудом нечестивого ордена состояло в том, что путем выполнения определенных ритуалов живые могут вызывать духов и встречаться с мертвыми. В частности, один ритуал, унаследованный от египтян, заключался в присоединении к телу человека его отрубленной головы — якобы ради его воскрешения. Фелану оставалось только гадать, сколько раз это проделывалось и сколько несчастных жертв было положено на алтарь этой дьявольской и богомерзкой процедуры. Еще в этих сумасшедших писаниях беспокоили намеки на то, что иногда подобные опыты удавались. Как мог этот человек так обманывать себя? Неужели он был настолько безумен, что верил в явно невозможное? Несомненно, у него было много последователей, и как же они могли засвидетельствовать это смехотворное чудо оживления? В своем дневнике Локвуд также утверждал, что общался с мертвецами и, в частности, с теми духами, что были особым образом выдрессированы им, прежде чем покинули этот мир, и по-прежнему оставались под его влиянием.

Хуже того, для такого общения он считал идеальными «агентами» детей, поскольку их души не так вибрируют и их воля более податлива.

Фелан наклонился, поставил ноги на подушечку для коленопреклонений и оперся головой на руки, думая об убийствах, совершенных первым владетелем Слита. Невинным перерезали горло, их морили голодом, отравляли и подвергали всяческим извращенным мучениям, чтобы их господин мог следовать своим причудам. Но ведь местные жители знали о процветающем среди них зле? Могло ли в те смутные времена исчезновение детей и любимых стать настолько обыденным — или, по крайней мере, не слишком необычным,— что все принимали это как должное? Всего за несколько лет до появления Локвуда тысячи малолетних увели в чужие страны в Крестовом походе детей на Святую землю, и многие из них по пути умерли от недоедания или были проданы в рабство и никогда не вернулись домой. Неужели этот страшный исторический эпизод послужил санкцией для таких исчезновений или жители Слита просто боялись вслух говорить о своих подозрениях? И Фелана поразила еще одна страшная догадка: не были ли жители соучастниками своего господина? Сколько стоила человеческая жизнь в те дикие времена, когда значение имели лишь пища, тепло и средства выживания?

Запутанные записи не позволяли все четко проанализировать, но ирландец вопреки здравому смыслу гадал, уж не достиг ли сэр Гарет своей цели в общении с мертвыми и использовании их или это просто бред сумасшедшего, безумные писания человека, которого собственное безумие привело к грандиозному самообману? Есть ли в его загадочных текстах какая-нибудь действительная ценность? Если есть, то зачем же затемнять свои сомнительные достижения зашифрованными, бессвязными строками? Но, возможно, секретность была первым правилом Таинств, каббалистической природой оккультизма.

Фелан выпрямился на скамейке и прислонился к спинке. Он заметил, что тьма в церкви сгущается, тени становятся мрачными. И словно похолодало. Неужели старое здание совсем не сохранило дневной жары? Ирландец потер свои костлявые колени — не для того чтобы разогнать кровь, а скорее просто чтобы что-то сделать.

Проработав всю вторую половину дня, сначала с помощью Дэвида, а потом один, он умудрился привнести некоторый порядок в разбросанные и, что хуже, разорванные бумаги и книги, расположить дневники в хронологическом порядке. Многое с течением веков было утеряно, а еще больше оказалось совершенно неразборчивым или не могло быть восстановлено из-за вандализма викария. Но снова и снова Фелан возвращался к определенным этапам в истории Слита, сам не понимая почему, пока не догадался, что собственные экстрасенсорные способности влекут ум к деталям, относящимся к предмету его исследования. Некоторые отрывки как будто излучали темную энергию, на которую настроилось его психологическое восприятие, и тогда он с особым вниманием расшифровывал таинственные тексты. Эш был озадачен, но вскоре признал странную способность ирландца, когда в истории Слита всплыли новые подробности.

Излияния сэра Гарета Локвуда резко прервались, и Фелан заключил, что это означало смерть или тяжелую болезнь странного человека, возможно склонного к помрачению рассудка. К тому времени его почерк стал совершенно неразборчивым, и даже особые способности Фелана не могли помочь ему различить на поблекших страницах что-либо кроме бессмысленных каракуль. К сожалению, со смертью нечестивого рыцаря зло не закончилось; похоже, следующие поколения Локвудов продолжали заниматься черной магией, без сомнения вдохновленные своим предком, и его врожденная порочность передалась потомкам.

Однако после кончины сэра Гарета прошло почти сто лет, когда эта порочность проявилась снова. Бесчинства

развращенного рыцаря продолжил его потомок Хьюго Локвуд. Очень кстати для наследника по стране пронеслась чума, опустошая города, стирая с лица земли целые деревни, и она позволила ему до самой смерти пользоваться наведенным ею страхом. Чума, переносимая блохами черных крыс, пришла из Азии в Китай, прокатилась по Европе, забирая по пути миллионы жизней, и наконец докатилась до Англии, принеся с собой новую изуверскую секту — братство флагеллантов. Мужчины и женщины буквально до умопомрачения секли себя плетьми с металлическими хвостами, чтобы очиститься от грехов, которые якобы навлекли на них Божью кару. Подобно самой чуме, эти изуверы размножились по всей Европе, хотя в Англии их влияние было ограниченным. Мировоззрение или хитрость заставили владетеля Слита обернуть в свою пользу этот мазохистский обычай — об этом писания умолчали, но он им воспользовался.

Фелан удрученно покачал головой. Как легко, очевидно, было этому новому Локвуду, теперь уже не только господину деревни, но и духовному поводырю, убедить своих людей, что наказание означает умиротворение Господа Бога, и как легко было найти жертву, когда смерть ходила у дверей каждого. При первом же признаке болезни — любой болезни — заболевшего забирали, и больше его никто не видел. Кто мог пожаловаться, какой родственник или друг мог возразить, если все население страны подверглось подобному жестокому уничтожению? Как злорадно автор смотрел на обманутых, с какой любовью он подробно объяснял им причину и ложный смысл смерти очередной жертвы. Ирландца охватила дрожь, когда он разбирал пассажи проклятого текста, в который ему приходилось вникать,— эти пытки, убийства, растление и сексуальные извращения, записанные там как свидетельство чего-то чудесного.

Через некоторое время Фелан настоял, чтобы Эш вернулся в гостиницу отдохнуть, понимая, что исследователь

вряд ли выспался ночью. Кроме того, теперь, когда записи были рассортированы и разложены в некотором подобии порядка, Эшу особенно нечего было делать в церкви Святого Джайлса. Эти бумаги и книги содержали мирские записи о деревне и церковных расходах, однообразные свидетельства о рождениях, браках и смертях. Исследователь неохотно согласился и оставил Фелана продолжать работу, условившись, что позже они встретятся в гостинице и все обсудят. Ирландцу стало не по себе, когда он услышал звук закрывшейся за Эшем двери. Никогда еще Фелан не чувствовал себя столь одиноким.

В истории Слита было много пробелов — Реформация мало значила для местного населения и их господина,— но Гражданская война в середине семнадцатого века принесла новые возможности для активизации тайной деятельности и грязных делишек. Снова и снова, казалось Фелану, история играла на руку поколениям Локвудов и способствовала претворению в жизнь их зловещих целей. В частности, в ту неспокойную эпоху молодых людей посылали воевать в междоусобной войне, чего никому не хотелось. Сколько таких подневольных рекрутов из этих мест так и не добрались до противостоящих войск короля и парламентариев и исчезли без следа — но не из-за войны, а вследствие чего-то более коварного? Кто знал это, кроме человека, организовавшего набор рекрутов, хозяина, которому служили эти несчастные?

Задрав голову, Фелан посмотрел на высокие церковные своды. Образы и события проплывали перед ним, и он понял, что слишком во многое нужно вникнуть, слишком многое нужно осознать. Его виски пульсировали от усилий. Дело было не только в чтении и переводе слов, его шестое чувство зашло гораздо дальше, открыв ему запутанные сцены ужасных злодейств. Фелан уже жалел, что не уговорил исследователя остаться, потому что каждый вновь узнанный ужас вызывал у него страх и присутствие Эша мог-

ло бы укрепить его собственную решимость остаться в этом бессовестном месте.

Поколения Локвудов, видимо, чувствовали себя обязанными записывать все эти гнусности, добавляя их общую сумму к... к чему? Это было выше его понимания. Могла ли такая скрупулезная фиксация мерзостей иметь какую-либо цель или какие-либо последствия? Если только записи не служили руководством — а возможно, даже каким-то источником для извращенного вдохновения — последующим поколениям Локвудов.

Фелану вспомнился один трагический эпизод через двадцать с лишним лет после Гражданской войны, во времена великого пожара в Лондоне. Этот эпизод был описан, вероятно, одним из самых подлых предков Эдмунда Локвуда — Робертом Гаем Локвудом. В Лондоне царили насилие, проституция, преступность — и бубонная чума; и только огонь, пронесшийся по грязным улицам, избавил город от самовырождения. Воздаяние за все грехи — так говорил Локвуд своим последователям,— отмщение Всемогущего невеждам и больным, больным умом и несовершенным телом. Неправедность души сама проявляется в нездоровье и физической ущербности, объявлял этот набожный лицемер, и огонь и чума придут в Слит, если здешние люди не очистятся от разврата.

Какая гнусная хитрость! Какое вероломное искажение! Он вел свои доверчивые когорты к избавлению от всего «нехорошего» в деревне и окрестностях, призывая устроить так называемую «ночь очищения». Больные дети, дети, покалеченные в несчастных случаях или с врожденными недостатками, неполноценные умственно — эти несчастные, которые могли быть обязаны своим несчастьем именно слитским бесчинствам и извращениям,— их выволокли из домов, вытащили из постелей, вырвали из семей. А тех отцов и матерей, кто нашел в себе мужество сопротивляться, избили и заставили подчиниться. Их привели или при-

волокли к черной яме в центре деревни — к неестественно глубокому пруду. И там утопили. Дети отчаянно цеплялись за берег, но их жалобные крики останавливали ударами дубиной по губам.

Фелан вслух застонал, представив это зрелище. Он сбросил дневник с коленей, и несшитые листы рассыпались по каменному полу, где ирландец раньше нашел их. Он опустился на колени, не в состоянии продолжать чтение, и вознес молитву как за невинно убиенных, так и за будущее самого Слита.

В конце концов, когда образ кричащих детей и подростков, исчезающих под неспокойными черными водами, поблек, когда перед глазами потускнело зрелище того, как ручонки хватали ночной воздух, прежде чем погрузиться и скрыться из виду,— когда эту ужасную картину удалось отодвинуть в глубь сознания, Фелан снова занял место на стульчике в приделе.

Ужасы еще не прошли и не пройдут, пока он не покончит с чтением дневника Локвудов, но он ожесточил сердце ко всему, что бы ни таилось в этих нечестивых страницах. К счастью, под управлением последующих Локвудов Слит вроде бы получил период нормальной жизни — или только создавалось такое впечатление? В течение следующих, более цивилизованных, лет зло или подавлялось, или хорошо скрывалось, и записи были похожи на любые другие хроники подобного рода, какие можно найти в старых церковных сундуках в этих краях: приходские переписи, крещения, свадьбы, смерти — обычные вещи для таких патриархальных деревень.

И все же... И все же, вчитываясь в поблекшие тексты, Фелан не мог избавиться от странного чувства. Какими бы обычными, какими бы мирскими ни казались документы, под его взглядом в них словно проявлялись темные оттенки. Он гадал, не собственные ли его мысли и воображение оставались под впечатлением предыдущих открытий, и, по правде говоря, не мог с уверенностью ответить на этот во-

прос. Он измучился, ему было плохо, и его особые способности, его шестое чувство, ослабли. Но внутренний холод, охвативший его во время поисков, сжал душу Фелана еще сильнее, когда тот коснулся дневников и записей, относящихся к дательному периоду восемнадцатого века.

Эти записи хранились в полном порядке и были сделаны аккуратным, чуть ли не каллиграфическим почерком. Однако вскоре ирландец заметил, что смысл в этих более поздних записях так же ускользал, был таким же уклончивым, как и в дневниках прежних Локвудов. Себастьян Локвуд был скуарсоном Слита, то есть одновременно духовным и светским правителем, и держал прихожан в железном кулаке, а также, подобно своим предшественникам, казалось, испытывал особый восторг, перечисляя все наказания, назначенные осужденным или тем, кто вызвал его неудовольствие. В одном случае ранним утром в господских землях поймали двух браконьеров; Локвуд избил их и спустил на них собак. Несчастные были разорваны сворой на куски, а Локвуд с приятелями наблюдал и делал ставки, кто из браконьеров упадет первым. Довольно бессердечно со стороны так называемого священнослужителя, но еще более неуместным было упоение, с которым он это описывал. «*Собаки нажрались до отвала,*— сообщалось в дневнике,— *им понравилась человечина*».

Рука Фелана дрожала, когда он читал эти строки. Что это за господин, способный отдать такой зверский приказ, да еще делать потом ставки?! Ясно, что «болезнь» Локвудов пережила века.

И с другими браконьерами расправлялись с подобной же жестокостью, хотя до смерти затравили собаками лишь нескольких. Чаще их заковывали в колодки на деревенской площади и оставляли истекать кровью в назидание другим. Еще один злоумышленник, мельник по имени Сэмюэл Бриджсток, чье преступление состояло в подделке счетов — видимо, некоторая часть его помола продавалась налево, а

не в пользу Себастьяна Локвуда, обладавшего всеми правами на водяную мельницу и ее продукцию,— был привязан к мельничному колесу, а его семье и деревенским жителям было велено смотреть на это. «Десять оборотов,— был приговор Локвуда мельнику,— и если он останется жив, значит, его грех искуплен». И далее следовала злорадная запись, что Бриджсток захлебнулся на пятом обороте колеса.

И так далее — перечень имен и наказаний, словно Локвуд радовался каждому «преступлению» и наказанию, как будто их сумму он передавал по наследству следующим поколениям Локвудов. Фелан не мог понять, как такое зверство могло оставаться безнаказанным в так называемый век Просвещения, когда на материке пропагандировались и даже были приняты многими деспотическими монархами такие реформы, как равенство всех перед законом, религиозная терпимость, отмена крепостного права и упразднение многих дворянских и клерикальных привилегий. Неужели Слит был так удален от остального мира? Или власть Локвуда была такова, что никто не смел даже в мыслях противиться ей?

Фелан продолжал читать и нашел упоминание о сэре Френсисе Дэшвуде — это имя было ему знакомо. Сэр Френсис как будто был близким приятелем Локвуда. И вряд ли тут было что-либо удивительное. Ирландец знал, что в восемнадцатом веке Дэшвуд пользовался известностью в этих краях как оккультист и основатель нечестивого Клуба адского огня — тайной организации, выполнявшей сатанинские ритуалы и устраивавшей аристократические оргии. Подходящий друг и союзник для типа вроде Себастьяна Локвуда!

Видимо, в окне за алтарем пропылло облако и заслонило солнце, поскольку цвета на витраже померкли, стали тусклой мешаниной коричневого и серого. Фелан оглянулся посмотреть, что затенило окно, и обнаружил, что уже наступили сумерки.

Дневники и списки Себастьяна Локвуда занимали множество книг, но в последних почерк превратился в неразборчивые каракули. Местами казалось, что скуарсон просто тыкал пером в бумагу, так как на листах оставались царапины и даже дыры, а многие слова были заляпаны кляксами. Нервные строчки пересекали текст, предложения часто не заканчивались, оставались непонятными, словно охваченный лихорадкой ум больше не мог переводить собственные мысли в слова. Фелану оставалось лишь заключить, что безумие, так же как и бесчеловечная жестокость, передавалось Локвудам с генами.

Эти последние дневники вызвали у него новый прилив такого отвращения, что его буквально чуть не стошнило. Они описывали некрофилические склонности Себастьяна Локвуда. Как ни трудно было разобрать ставший совершенно неразборчивым почерк, Фелан быстро понял, что этот безумец, как и первый слитский Локвуд, проводил опыты над мертвецами с целью их оживления, но в отличие от своего предка Себастьян Локвуд пошел дальше и совокуплялся с трупами не только взрослых мужчин и женщин, но и детей — здесь Фелана чуть не вырвало прямо на раскрытые страницы.

И хуже чтения слов было исходящее от них ощущение. Ирландец старался закрыть свой мозг от страшных образов, но они вторгались и распространялись, как зараза, вытесняя все остальное. Перед Феланом вставали ужасные, отвратительные картины, вызывающие позывы рвоты и конвульсии тела. Он встал на ноги, дневник соскользнул на пол придела и остался лежать среди разбросанных бумаг.

Ирландец не выкрикнул, а прошептал слова возмущения, но свистящий шепот эхом разнесся под сводами придела. Чуть погодя Фелан покинул это место со всем его нечестивым содержимым.

Он стоял перед скромным алтарем; его потрясение, его гнев, его изнеможение, его отчаяние — все сговорилось, чтобы отнять у него решимость. Закончилась ли болезнь на Себастьяне, был ли он последним выродком среди Локвудов? Или грядет новое зло?

Сначала звук еле слышался, просто шорох камня по камню, и Фелан наклонил голову, не понимая, откуда он исходит.

В церкви совсем потемнело — неужели он так долго просидел здесь? — но никто не входил, он бы непременно услышал. Ирландец взглянул на часы и поморгал, чтобы рассмотреть, который час. Это не помогло; он слишком долго вглядывался в едва различимые каракули, и взгляд затуманился от утомления. Он протянул руку к спинке передней скамьи, чтобы помочь себе встать, и когда пальцы ухватились за край, Фелану показалось, что тени вокруг вдруг стали непроницаемо черными. Так не могло быть. Ночь наступает постепенно — по крайней мере в этих широтах,— и тени должны подчиняться этому закону. Наверное, виной тому были утомленные старые глаза, слишком долго читавшие при скудном освещении и щурившиеся в попытках разобрать каракули. Дело в этом. Но почему так холодно? Не просто прохладно, как обычно в каменных домах, несмотря на высокую температуру снаружи, а прямо-таки могильный холод, от которого мерзнут внутренности и коченеет спина.

Впрочем, в этом нет ничего нового, не так ли? Кое-где здесь он уже ощущал этот холод. В местах, где водятся призраки. В комнатах и домах, нуждающихся в изгнании нечистой силы.

И снова звук камня по камню. На этот раз громче. И дольше.

О Спаситель! Фелан понял, откуда исходит звук.

Его спина окоченела, по ней к шее пробежала дрожь, волосы встали дыбом. «Ну, разве это не в лучших традициях? — спросил он сам себя.— Разве мышцы должны рас-

слабляться в таких случаях? Кажется, они достаточно тверды, так что, слава Богу, не замараю белье».

Он попытался улыбнуться, чтобы ободрить себя, и его губы растянулись в жалком подобии улыбки. Однако и оно сменилось гримасой, когда снова раздался звук камня по камню, словно каменная плита сдвигалась со своего основания.

— О Спаситель...— теперь уже не про себя, а вслух процедил мольбу ирландец.

Он уставился на открытый вход в маленький придел, где лежали останки сэра Гарета Локвуда.

О нет, это невозможно! Такое случается лишь в рассказах Эдгара Аллана По. Весь многолетний опыт аномальных и парапсихических исследований утверждал, что мертвецы — особенно куски высохшей кожи и костей — никогда не пытаются по собственной воле покинуть места своего упокоения. Может вернуться дух, но сами мертвецы никогда не встают и не ходят, не сдвигают огромные камни.

Звук прекратился.

И Фелан начал подниматься на ноги.

Это только кажется. Он сам запугал себя до безумия, читая эти проклятые дневники. Эти звуки лишь у него в воображении, как и темнота в церкви. Он позволил безумным писаниям повлиять на собственный ум.

А что теперь? Шарканье ног по полу? Возьми себя в руки, старый ты дурак!

По-прежнему глядя на вход в придел, Фелан чуть напрягся за своей тростью. И начал пробираться вдоль скамьи к центральному нефу.

Конечно, померещилось, но какой смысл оставаться тут? Ночью здесь нечего делать. Это вовсе не оправдание, ему действительно нужно кое с кем повидаться.

Фелан не отрывал глаз от темноты — *кромешной черноты* — за входом в придел.

«Если простите мою невежливость, я, пожалуй, пойду»,— повторял он про себя, будто, переведя все в беззаботное подшучивание, мог сделать явление нереальным.

Его снова охватила тошнота, на этот раз вызванная страхом, а не отвращением. Уже у самого конца скамьи он согнулся и, чтобы не упасть, схватился за спинку переднего сиденья и стоял так, согнувшись и давясь блевотиной, не желая осквернять храм Божий. Чтобы подтвердить, что это в самом деле храм Божий, Фелан осенил себя крестным знамением.

— ...Отца и Сына и Святого Духа,— бормотал он.

Дурнота приковала его к месту.

— Я сам все это придумал,— пропентал он.— Всему виной мой страх.

Тело там мертво, действительно мертво, и ничто на свете не может вернуть его к жизни.

— Действительно мертво,— повторил ирландец, на этот раз шепотом.

Он открыл свое сознание всем безумиям и зверствам этого дня, и вот результат: переутомился, перевозбудился, как говорит молодежь, до глюков. Возьми себя в руки, мужик!

Фелан заставил себя выпрямиться. И увидел в черноте входа в придел какую-то тень. Как тень могла быть видна на фоне кромешной черноты — этого вопроса он себе не задавал; ему хотелось лишь поскорее уйти.

Тень двинулась, словно появившись из мантии собственной черноты, и ирландец споткнулся в нефе. Он отвернулся и направился к главному входу, скорее ковыляя, чем труся, но, по крайней мере, хоть как-то двигаясь. Если в спешке он немного утратил достоинство, то кто узнает об этом, кто видит? Никто, кроме этого... этого... позади...

Вскоре он достиг промежутка между скамьями — прохода, ведущего через неф к аркаде и двери в притвор за ней. Фелан почти бежал, стуча тростью по полу перед собой — это помогало держать равновесие. Неодолимо хо-

телось оглянуться через плечо, посмотреть, что же появилось из придела, но он не позволял себе обернуться. Если что-то следует за ним, то лучше не знать этого, лучше убраться отсюда как можно скорее. И вообще, мертвецы не ходят, так что и оборачиваться незачем, совершенно незачем.

Он шмыгнул мимо последней скамьи, по-прежнему отказываясь взглянуть назад, хотя... хотя... краем глаза заметил... что что-то... что что-то там действительно...

...движется...

...ковыляет...

...идет следом...

Он нырнул в темноту под аркадой и, как темно там ни было, различил дверь в притвор — темную массу в тени, добротное, основательное сооружение; Божья длань — твердая, надежная защита от бандитов.

Фелан заметил, что быстро бормочет про себя, но какая разница, если это помогает отогнать мысли от того, что находится в церкви вместе с ним, что, конечно же, всего лишь игра воображения и тем не менее, кажется, следует за ним из могилы древнего рыцаря.

Он добрался до двери, прямо-таки наткнулся на нее, рука ударилась о грубое дерево. Онемевшей ладонью Фелан нащупал железное кольцо, которое следовало повернуть, чтобы открыть защелку.

Он нащупал его — но не мог повернуть.

Уронив трость, чтобы ухватиться обеими руками, ирландец попробовал снова. И снова кольцо показалось вросшим в дерево, оно не поворачивалось...

Смешно. Когда он входил в церковь, повернуть кольцо не представляло никаких трудностей. Все дело в панике. Чтобы справиться с кольцом, нужна особая сноровка.

Фелан почувствовал, что за спиной кто-то есть, уловил медленное, неторопливое движение по проходу. Послышалось шарканье, ноги волочились по камню, и... *не мо-*

жет быть, не может быть, мертвые не могут... он услышал вдохи и выдохи, хриплое, неровное дыхание, словно в разложившихся легких было слишком много дыр, а прогнившее горло пересохло, заскорузло, расслоилось...

Фелан чуть повернул голову — только чуть-чуть, потому что не хотел видеть черную фигуру, многовековой труп, сохранившийся в холоде своей каменной могилы, не желал убеждаться в своих подозрениях в том, что мертвое существо из его воображения идет за ним,— и что-то действительно увидел — *что-то*, ничего определенного, ничего такого, что можно было бы назвать реальным существом, но это *что-то* тяжело двигалось к нему.

Нет! Невозможно!

Фелан возился с железным кольцом. Оно подалось на какой-то дюйм, и он нажал сильнее. Кольцо повернулось, и послышался металлический щелчок. Фелан навалился на дверь, бессмысленно, глупо чувствуя, что *это* сзади подходит все ближе, и ближе, и ближе. Он напряг все силы, его руки тряслись, плечо вжалось в дерево двери.

«*Мертвецы не дышат,*— кричал его ум,— *почему же я слышу его дыхание, почему чувствую этот зловонный запах?*»

И почему он ощутил, как к нему тянется костлявая рука и клочья иссохшей плоти падают с нее на пол, как конфетти?

— О святая Мария...— простонал ирландец и вспомнил, что дверь открывается внутрь.

Он потянул на себя, ударив дверью колено, выскользнул наружу и захлопнул дверь за собой. Казалось, что с другой стороны кто-то скребется о дерево.

Фелан не стал дожидаться в притворе. Холод здесь был как в морозильнике, и ирландца обуревал иррациональный страх. Ему казалось, что, пробудь он здесь еще немного, все члены окончательно окоченеют и не смогут двигаться. Кроме того, повторял он себе, оставаться нет никакого смысла...

В два шага он добрался до двери наружу и на этот раз не возился с ручкой. Дверь легко открылась, и он, шатаясь, вышел и рухнул на покрытую гравием дорожку. Но все равно не остановился, а пополз мимо могил, царапая колени и руки о гравий, повторяя про себя, что это безумие, что по церкви не может разгуливать призрак, что все дело в его разыгравшемся воображении, внезапном помрачении рассудка, вызванном прочитанными днем ужасами. Духи, злые или добрые, не принимают такую форму — они не сдвигают надгробных камней, не дышат и не преследуют. Безумие. Безумие. *Безумие!*

Его мозг был переполнен переживаниями, и Фелан не заметил тумана вокруг.

33

Переход от сна к бодрствованию был внезапным. Только что глаза Эша были закрыты, а в следующий момент он уже смотрел в потолок.

Секунду или две он лежал не двигаясь, собираясь с чувствами, его ум был как чистое полотно. Потом вдруг события и обстоятельства восстановились в памяти. Эш снова закрыл глаза и приложил к ним руки, стараясь привести в порядок переполнявшие его мысли.

Он начал понимать, что вокруг происходит.

Оторвав руки от глаз, Эш удивился, почему в комнате так темно. Как долго он спал?

Встав с кровати, он подошел к окну и отдернул занавески. Тело напряглось, когда снаружи он увидел туман — желтоватую, клубящуюся мглу, окутавшую дома и муниципалитет на другой стороне лужайки. Мгла кружилась и лениво плыла, и в ней было что-то зловещее. Ее сверхъестественность усиливалась абсолютной тишиной вокруг, полным отсутствием всякой обычной деятельности. Ни шагов, ни голосов, ни перекликающихся птиц, ни уличного движе-

ния; даже в самой гостинице не слышалось обычного приглушенного шума из бара внизу.

Эш отвернулся от окна, встревоженный туманом и принесенной с ним тишиной, и заметил на кровати спящую фигуру.

Грейс лежала на боку, согнув одно колено, гладкое бедро приподнимало юбку, блузка была расстегнута, открывая изгиб груди; тени скрывали интимные части, которые он целовал и ласкал. При виде ее Эш вновь почувствовал желание, и собственная нагота возбудила его. Но с желанием пришло воспоминание о проникновении в ее сознание, о проникновении в ее тайну, которую Грейс скрывала от самой себя. Он подошел и опустился у кровати на колени.

— Грейс.

Но это было сказано слишком тихо, чтобы разбудить ее.

Эш коснулся ее плеча и тихонько потряс.

— Грейс,— позвал он снова, погромче.

Она пошевелилась, чуть приподняв подбородок и раздвинув губы.

— Проснись, Грейс.

Кончиками пальцев он откинул с ее щеки прядь волос.

Ее гладкий лоб нахмурился, Эш уловил, как ресницы Грейс задрожали и глазные яблоки задвигались под веками. Она что-то пробормотала, возможно его имя, и медленно открыла глаза. При виде Эша Грейс протянула руку и погладила его бедро, ее губ коснулась улыбка. Грейс повернулась и разогнула колено, так что черные волосы между ног больше не скрывались в тени. Он хотел прикоснуться к ней, хотел погладить рукой промеж бедер и снова ощутить ее влажность.

Но вместо этого сказал:

— Нам нужно идти.

Она не убрала руки, но снова нахмурилась.

Эш наклонился поцеловать ее, и ее губы с нетерпением встретили его. Снова желание чуть не захлестнуло Эша, заслонив другие мысли, другие дела, но глубокая внутренняя

тревога усилила его решимость. И даже теперь он удивлялся силе своего чувства к Грейс. Этого не должно было случиться, он не должен был допустить этого; так долго в нем вырабатывался иммунитет к любви, а теперь эта прелестная, такая ранимая женщина проскользнула через воздвигнутую им психологическую защиту и стала частью его жизни, словно прошлый урок ничему его не научил. Эшу страстно хотелось продолжить любовь с этой женщиной, хотелось забраться под простыни и крепко прижать ее к себе, спрятаться от страха и от открытия, скрывающегося за пределами этой безопасной комнаты. И все же он знал, что это ложная надежда, что освобождение Грейс от внутренней болезни может состояться только через уничтожение причины этого недуга. Их обоих мучило прошлое: его — собственная ложная вина, смущавшая память воспоминанием о трагической смерти сестры, а Грейс — нечто такое, что она скрывала даже от себя самой. Возможно, она и сама не отдавала отчет в том душевном смятении, которое таила в себе, но подсознание знало о нем слишком хорошо.

Эш попытался отойти, но Грейс вцепилась в него.

— Пожалуйста, Дэвид,— прошептала она.

Он сжал ее запястья, чтобы оторвать от своей шеи.

— Это случилось, Грейс. Выгляни в окно.

Она отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза.

— О чем ты?

— Ты не чувствуешь?

Ее нахмуренный взгляд сменился непонимающей улыбкой, но улыбка тут же растаяла. Грейс окаменела, а ее глаза осматривали комнату.

— Что это?

Она обхватила себя руками, словно вдруг замерзла.

Когда он не ответил, Грейс обошла его и подошла к окну. Эш услышал, как у нее перехватило дыхание.

— Может быть, это природный туман,— предположил он не очень уверенно, сам не понимая, почему старается

объяснить явление естественными причинами. Неужели надеется, что она согласится с ним? И взаимные отношения представятся нормальными? Но надежда тут же растаяла, когда Грейс обернулась к нему со страхом в глазах.

— Что это значит, Дэвид?

Поскольку Эш и сам не знал ответа, он пропустил ее вопрос мимо ушей и, взяв свою одежду, начал одеваться.

— Я хочу отвести тебя обратно к твоему отцу,— сказал он.

Она как будто удивилась и начала медленно застегивать блузку.

— Он знает, да? — Ее руки на мгновение замерли.— Мой отец имеет к этому какое-то отношение?

— Думаю, он может быть одной из причин.— Эш двинулся к ней, протянув руки, чтобы коснуться ее плеч.— Он был нечестен с тобой, Грейс.

Она вырвалась, рассерженная, и встала с кровати, чтобы собрать остальную одежду.

«Она подозревает истину,— подумал Эш, наблюдая за ней.— Но не догадывается о собственном участии в этом». Он надел рубашку и нагнулся за туфлями и носками, а Грейс сидела на кровати и ждала его. Она казалась онемевшей, но он представлял, какой хаос царит в ее голове. Эш зашнуровывал туфли, понимая, что сейчас ничем не может ей помочь, что, по всей вероятности, она все равно ему не поверит. Не в первый раз он проклинал свои экстрасенсорные способности, иногда позволявшие ему проникать в мысли других.

Закончив одеваться, он взял Грейс под руку и вывел из комнаты. Пока они шли через душный коридор, а потом спускались по лестнице, Эш удерживал себя от желания нарушить тишину и позвать хозяина или его жену. Проходя мимо бара, они увидели, что там пусто.

Следуя через большую свободную комнату к открытой двери на улицу, они испытали странное чувство, потому что тишина была оглушительной. Эш не мог сдержать свое во-

ображение и представил, как выглядел постоялый двор сто лет назад — со своими дубовыми балками и обширным открытым камином, заполненный торговцами, фермерами, сельскими рабочими и местной знатью,— почти наяву услышал, как плетутся байки, из угла доносится смех, а хозяин у стойки выговаривает батраку за то, что тот перебрал эля.

— Дэвид?..

Он вздрогнул и заморгал.

— Ты остановился,— сказала Грейс.— Ты к чему-то прислушивался.

Он чуть покачал головой, словно ослепленный.

— Я подумал...— Он потер руками лицо.— Не важно. Пошли.

Они продолжили путь через гостиницу, очевидно покинутую всеми, сосредоточившись на двери впереди, уже не отвлекаясь на порожденные игрой собственного воображения образы, и, добравшись до большой входной двери, опять остановились.

— Так мрачно, зловеще,— тихо проговорила Грейс, вглядываясь в желтоватую мглу.— И пахнет...

Стоящие напротив разноцветные машины еле виднелись за плывущим туманом; трава на лужайке казалась неяркой, почти серой. Эш прищурился, напряженно вглядываясь во мглу, через которую, как ему показалось, двигались какие-то темные фигуры. Было невозможно определить, были ли они на самом деле, потому что, когда взгляд фокусировался на них, они словно растворялись в самом тумане.

Покидать убежище гостиницы не хотелось, но Эш понимал, что оставаться здесь нельзя. Что-то — он догадался, что это было нечто вроде гнева на происходящее в Сайте,— требовало идти к Локвуду и посмотреть в лицо отцу Грейс.

Он поднял ружье:

— Брать машину не имеет смысла. Скорее дойдем пешком.

Грейс кивнула и потерла плечи.

— Тебе холодно? — спросил Эш, и она снова кивнула.

Он тоже ощутил холод, тот же озноб, что охватывал его в церкви Святого Джайлса. На мгновение подумалось: неужели Фелан все еще просматривает там записи?

Эш шагнул на улицу, а Грейс колебалась; ему пришлось снова взять ее за руку. Она пошла, прижимаясь к нему и крепко стиснув его руку.

— Ты видишь их, Дэвид?

Сначала он не понял, о чем это она, но потом догадался, что ее слова относятся к смутным очертаниям в тумане.

— Это ничего, Грейс, просто сгустки тумана.

Но сам понимал: что что-то не так, это не просто сгустки.

— Это люди,— сказала Грейс.

Одна фигура стояла рядом, на другой стороне дороги, у пустыря. Эш решительно двинулся к ней, оставив Грейс позади. Он смог различить очертания головы, плеч, остальное скрывалось в густой клубящейся мгле. Эш открыл рот, чтобы позвать этого человека, войти с ним в контакт. Но когда приблизился, фигура — или то, что ее напоминало,— просто улетучилась, превратилась в ничто.

Ошеломленный, Эш остановился посреди дороги, вглядываясь в место, где только что видел какой-то силуэт. Мгла клубилась, словно потревоженная порывом ветра. Эш почувствовал, что Грейс снова рядом.

— Я видела,— сказала она, хватаясь за его руку.— Оно исчезло.

Он продолжал вглядываться в туман.

— Этого не может быть.

— Может, Дэвид, ты сам знаешь. Разве ты не узнал кое-что об этом месте? — Прежде чем Эш успел ответить, она подняла руку: — О Боже! Смотри...

Эш проследил за ее пальцем и увидел, что желтоватые облака над прудом поредели и вода там выглядит вроде бы как обычно — спокойно. Но что-то в ней изменилось, что-то блестело на поверхности. И трава у берегов затвердела

и побелела, словно... Он заморгал, не веря своим глазам... Словно покрылась инеем.

— Это лед, Дэвид,— Грейс все еще указывала туда.— Пруд замерз.

Оба вздрогнули от отдаленного крика. Это был слабый одинокий звук, как будто клекот орла над равниной. Грейс стиснула руку Эша.

Он отвел взгляд от замерзшего пруда и всмотрелся в лениво плывущий туман. Там появились новые серые фигуры, одни застыли совершенно неподвижно, другие медленно двигались.

— Пошли,— сказал Эш, обняв Грейс за талию.

Она противилась.

— Мне страшно, Дэвид.

Он посмотрел на нее и крепче прижал к себе.

— Это видения; они не могут нанести нам вред.

— Почему ты так уверен?

— Вред причиняет наш собственный страх.— Это были пустые слова, но в данных обстоятельствах Эш не мог придумать ничего лучше и добавил, чтобы как-то отвлечь ее: — Нам нужно добраться до твоего отца, Грейс.

— Ты так и не сказал зачем.

Она старалась заглянуть ему в лицо, пытаясь найти в нем ответ.

Эш начал подыскивать слова.

— Думаю, он сможет кое-что объяснить,— проговорил он наконец, надеясь умолчать об остальном.

Но Грейс настаивала:

— Почему же он не объяснил мне раньше? Ради Бога, ведь он же мой отец!

— Ты должна сама спросить его об этом.

Этот холодный ответ, видимо, поразил ее.

— Что тебе известно, Дэвид?

Вопрос был задан тихо, но в его интонациях слышалась напряженность, и Эша это обеспокоило.

— Ты же ощущаешь мои чувства, Грейс, знаешь воспоминания и травмы, известные только мне. Могу сказать тебе лишь одно: твой отец долгое время обманывал тебя.

Она покачала головой, не веря его словам.

— Тогда пошли к нему, взгляни ему в глаза,— настаивал Эш.

— Он болен. Доктор Степли сказал, что его нельзя беспокоить.

— Тогда ты никогда не узнаешь правду.

Он видел ее замешательство, чувствовал ее внутреннее потрясение. Но вскоре к Грейс вернулась решимость.

— Ты поможешь мне? — сказала она, и Эш быстро обнял ее. Он поцеловал ее волосы и крепче прижал к себе.

Грейс отстранилась и, еще раз посмотрев ему в глаза, повернулась к дороге перед собой.

Они вышли на середину главной улицы, прислушиваясь, не едет ли какая-нибудь машина, но кроме стука своих ног по покрытию тротуара услышали только глубокую тишину. Туман — или мгла — собирался клочьями, то совершенно скрывая из виду здания за прудом, то открывая белые дощатые заборы, маленькие живые изгороди и домики с газонами за ними. Свет в окнах домов не горел, но Эш и Грейс знали, что внутри кто-то есть, что вся деревня не могла эвакуироваться, пока они спали. Так куда же все делись? Неужели все так перепугались, что сидят взаперти? Они тоже чувствуют угрозу? Под деревьями в конце пустыря сгустились какие-то тени, но когда Грейс и Эш приблизились, фигуры опять поблекли и растворились в тумане. Однако когда они поравнялись с колодками и позорным столбом, до них донесся жалобный стон.

— Идем,— спокойно проговорил Эш.

Грейс дала увести себя, но не удержалась от того, чтобы взглянуть на ветхие пережитки прошлого, ожидая со страхом увидеть их в действии. К ее облегчению, они были пусты, хотя что-то темное, поблескивая, сочилось из позорного столба, образуя расширяющееся влажное пятно у его

основания, которое тут же впитывалось в землю. Это очень напоминало кровь, но Грейс не хотелось убеждаться в этом. И Эшу, который также заметил струйку,— тоже.

Они прошли мимо и добрались до края лужайки, а когда Эш взглянул через плечо, у колодок и позорного столба снова образовались фигуры. Он ничего не сказал Грейс.

Из дома слева донесся крик — человеческий крик, приглушенный стенами. За ним последовал другой — из дома подальше. Грейс и Эш услышали, как хлопнула дверь и вдали стих шум бегущих ног.

Снова повисла тишина, которую нарушали лишь их собственные шаги. Мгла плыла мимо, за ней то показывались, то опять скрывались пустынные улицы. Несколько лавок, мимо которых они прошли, казались пустыми — ни огонька не светило сквозь туман и двери были закрыты. Эш случайно прикоснулся рукой к лицу и ощутил холодную сырость.

Дверь в коттедже справа вдруг распахнулась, и оттуда, спотыкаясь, вышла пожилая пара. Поймав взгляды Эша и Грейс, мужчина и женщина на секунду замерли, а потом поспешили вокруг дома к дорожке, ведущей в поле. Эш проследил за ними взглядом, но они быстро скрылись в тумане.

Повернувшись к Грейс, он покачал головой. Они двинулись дальше. В доме рядом раздался грохот, послышался взволнованный, гневный голос, потом все затихло. Эшу показалось, что в окне другого дома дернулась занавеска, но его отвлек еще один звук. Где-то позади завелась машина.

Глупо ездить в такой туман, но, очевидно, кто-то отважился на это. Шум мотора затих вдали — по-видимому, водитель переехал мост, уезжая из деревни. «Счастливого пути»,— подумал Эш. Ему захотелось скрыться вместе с Грейс в том же направлении.

Вскоре они дошли до развилки, и на какое-то мгновение Эш задумался, не пойти ли налево, так как эта дорога

вела от церкви и дома Локвудов прочь из самого Слита. Но Грейс на этот раз не колебалась: она повернула направо и стала подниматься на холм, не заметив секундного сомнения спутника. Сам Эш даже не замедлил шаг.

Их внимание привлек ряд коттеджей, и Грейс спросила:

— Может быть, заглянем, как она?

Прежде чем он успел ответить, впереди послышались голоса. Оба сразу забыли об Эллен Предда и напряженно вслушались.

— Это дети,— тихо выдохнула Грейс.

Хотя гимн был уже знаком, теперь он звучал не так зловеще, поскольку Эш знал, что поют бестелесные голоса. Он и Грейс ускорили шаги, двигаясь по направлению к небольшому зданию школы.

Они остановились у ворот, и Эш представил собравшихся в классе детей, распевающих гимн с горящими от энтузиазма глазами. Он напомнил себе, что в школе никого нет, а это голоса из другого времени, что он и Грейс уже слышали это небесное пение мертвых.

— Танцуйте все,— сказал он.—
Я танцев всех владыка.
Я поведу вас в танце
От мала до велика!

И все же Эш недоумевал — и дело было не только в неземном явлении, а еще и в том, что, по словам Грейс, гимн был не таким уж древним. Большинство, если не все певшие дети, должны быть еще живы — почему же его разучили духи тех, кто ушел из жизни гораздо раньше? Если, конечно, как он убеждал Грейс, это не были просто воспоминания, звуки, сохранившиеся в атмосфере, в самих стенах школы, как таинственная запись, высвобожденная теперь его и Грейс психической энергией. Гимн изменил тональность, стал мрачнее.

Но в пятницу внезапно
Покрылось небо мглой.
Трудно танцевать
С чертом за спиной!

Считалось, я умер
И к вам не вернусь.
Но знайте: я — танец
И снова кружусь!

— Ты видишь? — Грейс словно прочла его мысли.— Видишь? — повторила она.— Это какое-то предупреждение. Так они дают нам знать, что происходит в Слите.

Он покачал головой.

— Я не понял.

Голоса стали громче, мгла на детской площадке распалась, кружась и раздуваясь, будто под порывами неистового ветра.

Грейс не двигалась, глядя сквозь кружащийся туман на школу.

— Им очень нужна наша помощь, Дэвид,— сказала она.— Как ты не понимаешь? Им нужна наша помощь.

34

В церкви Святого Джайлса было пусто.

Грейс, стремящаяся обратно домой, подождала у ворот, в то время как Эш поспешил по дорожке мимо могил к открытой двери в притвор. Как и раньше, внутри было неприятно, могильный холод и мрак вызывали дрожь. Когда Эш добрался до внутренней двери, сначала ему показалось, что она заперта, но когда он повернул железное кольцо и налег плечом, дверь поддалась. Вызывающий содрогание холод еще более усиливался в самом здании, и Эш не ощутил никакого желания заходить в это отталкивающее темное помещение. Он позвал Фелана, но, не дождавшись ответа, снова закрыл дверь и торопливо вышел из притвора.

Когда он подошел к воротам и сказал, что ирландец, по-видимому, закончил свои исследования и ушел, Грейс, не скрывая своего нетерпения, тут же устремилась к дому пристави, оставив Эша гадать, почему Фелан не пришел в го-

стницу, как они договорились. Все еще недоумевая, он догнал Грейс.

Выше по склону туман был не таким густым, и вскоре показался дом Локвудов. Но в нем было что-то не так, и оба почувствовали это.

Грейс бросила на Эша быстрый встревоженный взгляд и ускорила шаги. Последние ярды до ворот она преодолела почти бегом. Ворота были открыты, так же как и входная дверь в дом.

— Грейс, подожди! — крикнул Эш, когда девушка с растрепавшимися и развевающимися волосами побежала к двери.

Грейс скрылась внутри, и он, чуть запыхавшись от подъема, каким бы пологим тот ни был, бросился за ней.

Эш вошел в прихожую, и вокруг него сомкнулся мрак. Услышав шаги на верхней площадке, Эш прислушался. Грейс позвала отца, и ее шаги вдруг замерли. Она позвала снова, и Эш понял, что викария нет в спальне. Не дожидаясь Грейс, он распахнул двери в гостиную и заглянул туда. Никого. До него снова донесся голос Грейс, осматривавшей комнаты наверху. Эш прошел по прихожей и заглянул через дверной проем в кухню; судя по всему, там тоже никого не было. Эш остановился у двери кабинета.

Когда с лестницы донеслись шаги Грейс, он открыл дверь. И замер, пораженный.

— Дэвид, его нет...

Грейс встала рядом в дверном проеме, но когда она заглянула через плечо Эша в комнату, слова замерли у нее на губах. Он почувствовал ее реакцию по короткому вдоху. Ее глаза уставились на картину над пустым камином.

Холст местами стал темно-коричневым, словно его опалил огонь, а масляные краски размякли и вздулись. Картина начала трескаться, и в воздух поднялись тонкие черные завитки дыма.

Грейс и Эш в ужасе смотрели, как невидимый, неслышный и не имеющий запаха огонь пожирает изображение Локвуд-Холла.

35

Кейт Маккэррик через окно своего «рено» посмотрела на указатель.

«Боже мой,— подумала она,— тот, кто вешал эту штуку, наверняка не хотел, чтобы кто-то нашел нужное место».

Она сверилась с атласом у себя на коленях. Да, Слит должен быть где-то там, в этом направлении. Направо.

Заняв правый ряд, она подъехала к перекрестку и повернула вправо.

Поездка по Лондону не доставила удовольствия. Все транспортные магистрали на север, запад, восток и юг были забиты. Вечер пятницы — не лучшее время для выезда за город. Но когда наконец удалось выехать, то и на шоссе оказалась такая же давка, отчего поездка в Чилтерн стала не только долгой, но и страшно утомительной. Спустились сумерки, и Кейт, у которой хватило времени лишь на то, чтобы взять из дома самые необходимые вещи и большую сумку, чувствовала себя одновременно усталой и голодной. Почему, черт возьми, телефоны в Слите не отвечают? Вчера она несколько раз пыталась дозвониться в гостиницу «Черный кабан», а потом к викарию, но без всякого результата. Оператор сообщил, что на линии какие-то повреждения, но в самом скором времени все снова будет в порядке. Что ж, прекрасно. Поездка через холмы вполне устраивала Кейт, а полученная информация о Симусе Фелане могла пригодиться ее исследователю. Кроме того, хоть Кейт и не хотелось это признавать, она соскучилась по Эшу.

Любовь тут была больше ни при чем — возможно, с его стороны никакой любви и не было — но Кейт по-прежнему испытывала к Дэвиду сильное чувство, несмотря на его угрюмость и раздражающие манеры уставшего от жизни человека. Они неплохо проводили время вместе — да, в основном беспокойно, но Дэвид Эш по-прежнему оставался интересной личностью. Его нервное расстройство три года назад несколько поколебало его цинизм, поубавило

самоуверенности, и, надо сказать, появившаяся в нем душевная ранимость некоторым образом улучшила его облик. Между ними всегда было что-то, временами даже страсть, но во время его болезни Кейт приготовилась посвятить себя более глубокому чувству к нему. Эш не допускал этой близости и еще больше уходил в себя. Ему потребовалось по меньшей мере пять месяцев, чтобы одолеть своего внутреннего демона, и перемены, как ни странно, оказались к лучшему. Эш все также усердно бился, чтобы вывести на чистую воду шарлатанов в мире парапсихологии, по-прежнему с пренебрежением смотрел на большинство медиумов и знахарей, но в нем появилась терпимость, он перестал с ходу отрицать все аномальные и сверхъестественные явления.

К этому времени солнце тонкой красной дугой выглядывало из-за отдаленных темных холмов, и Кейт надеялась, что скоро очутится в Слите. Надо будет крепко выпить, потом хорошо поужинать, а потом — что ж, потом смотря по обстоятельствам. Возможно, останется на все выходные, и, может быть — только может быть,— они с Эшем снова переживут часть прежнего волшебства — или, по крайней мере, часть прежнего вожделения.

Она улыбнулась своим не слишком благопристойным мыслям. О да, она скучает по этому. Для загадочного, замкнутого в себе мужчины Дэвид Эш был на удивление несдержан, когда дело доходило до страсти. События в Эдбруке совершенно изменили его — и неудивительно.

Дорога на протяжении мили постепенно понижалась, и вдруг меж деревьев открылась ошеломляющая картина. Кейт съехала на заросшую травой обочину, но не для того, чтобы полюбоваться панорамой, а потому что кое-что привлекло ее взгляд.

Теперь только верхний краешек солнца выглядывал из-за далеких холмов, и словно в ожидании его кончины начали собираться темнеющие облака. В воздухе стояла сырость, атмосфера была тягостной, будто перед грозой. Но

между ближайшими холмами виднелась долина, которую заполнило желтоватое облако, что и привлекло внимание Кейт. По крайней мере, это выглядело облаком, но на самом деле было, видимо, паром или туманом. Кейт смогла различить в дымке лишь высокую церковную башню — и больше ничего.

Не Слит ли скрывается в тумане? Если верить карте, деревня должна быть где-то рядом. Очень интересно. Насколько Кейт могла заметить, больше нигде тумана не было, откуда же этот клок? Несомненно, на то существует какая-то геологическая причина. Кейт несколько минут смотрела на это зрелище, зачарованная колдовской картиной.

Наконец она вернулась в машину и досадливо покачала головой. От выходных она ожидала чего-то другого. Возможно, к утру туман унесет, или он рассеется дождевыми тучами, открыв деревню во всем ее великолепии солнцу. Определенно, деревня была прекрасно расположена, вдали от городского шума и уныния. Кейт пристегнула ремень безопасности и тронулась с места.

Вскоре дорога стала понижаться, и частые повороты отвлекли Кейт от мелькания долины за деревьями. Дорога не была очень широкой, но, слава Богу, встречных машин не попадалось. Когда Кейт круто повернула у подножия холма, то обнаружила, что в нескольких ярдах впереди поперек дороги протянулся туман.

Сбавив скорость, она в смятении смотрела на сплошной, непрозрачный барьер. На расстоянии он казался непроницаемым. И таким... Кейт упрекнула себя за эту мысль, но мысль оставалась... таким отталкивающим.

Невдалеке от стены тумана стояли два автомобиля, и Кейт подрулила к ним. Водители собрались у переднего, серого пикапа марки «форд» с красно-голубой надписью «Бритиш Телеком» на боку и на задней двери. Прервав разговор, они обернулись к Кейт. Один из них, что помоложе, с собранными в хвостик волосами на затылке, изобразил улыбку.

— Вам не проехать через туман,— объявил он, облокотившись на крышу своего пикапа и почесывая шею.

Другой мужчина, который в отличие от своего товарища был в галстуке поверх аккуратной голубой полосатой рубашки, согласно кивнул головой и добавил:

— Странный туман. Никогда не видел ничего подобного!

— Я могу включить фары...— в надежде ответила Кейт.

Техник из «Бритиш Телеком» покачал головой с хвостиком:

— Я пытался. Не видно и на десять ярдов. Никогда не наблюдал ничего подобного.— Он оглянулся на клубящуюся массу и вызывающе заметил: — Мне не так много платят, чтобы я рисковал своей жизнью.

— Пожалуй, поищу объезд,— сказал другой, которого Кейт приняла за бизнесмена или торгового представителя.— Все равно мне в сам Слит не нужно.

— Так там впереди Слит? — спросила Кейт.

— В паре миль.— Телефонный техник в притворном расстройстве зацокал языком.— Не знаю, что скажут в фирме. Все линии в деревне сдохли, и они считают, что вышла из строя распределительная коробка. Я собирался посмотреть, починить или доложить в чем дело. Но сегодня вечером ничего не выйдет.

— И это касается всех телефонов? — уточнила Кейт, понявшая, почему не могла дозвониться.

— Если повреждение серьезное. Последний раз такое произошло в городе, когда в одну из наших коробок врезался грузовик. Это сразу выбило половину городских линий.

— Но мне нужно в Слит,— настаивала она.

Техник пожал плечами.

— Ничем не могу помочь, мадам. Если не верите, можете сходить туда пешком. Но далеко не заходите...— Он подмигнул другому водителю.— А то мы вас больше не увидим.

Кейт решила именно так и поступить. В конце концов, каким густым может быть туман? Возможно, он такой плотный лишь у краев, а этот идиот не попытался заехать дальше. Она отошла от мужчин, а они оценивающе посмотрели ей вслед.

— Берегите себя,— совершенно искренне крикнул ей мужчина в галстуке. (Не первой молодости женщина, но ничего.)

Техник понимающе подмигнул ему.

Кейт задержалась у края тумана, удивленная его непроницаемостью и странной желтизной. И кроме того, стоял отвратительный запах. Туман простирался вправо и влево, но никуда не уплывал, хотя и клубился внутри своей толщи. Кейт шагнула вперед и тут же ощутила холод этой мглы; через два шага дороги уже не было видно. Обернувшись, она различила лишь смутные очертания автомобилей и водителей рядом. Хотя и встревоженная, Кейт снова повернулась вперед и сделала еще несколько шагов.

Холод усилился, и она снова остановилась. Тут явно что-то не так. Этот чертов туман неестествен. Кейт почувствовала, что теряет ориентацию.

Она скорее бросилась искать траву на обочине дороги и с облегчением вздохнула, когда, хотя и с трудом, нашла. В нее просочился холод, а с ним пришло какое-то предчувствие. Кейт это не нравилось, совсем не нравилось. Она начала возвращаться — пятясь, боясь повернуться спиной к тому, что притаилось в тумане. Это было бессмысленно, глупо, но Кейт не придавала значения тому, как выглядит со стороны. Отступая, она вглядывалась во мглу, ожидая, что сейчас из клубящегося тумана что-то выплывет. Ничто оттуда не выплывало, но Кейт все равно не осмеливалась повернуться к туману спиной. Она слышала свои шаги по дороге, и казалось, что она выходит из тумана обратно гораздо дольше, чем заходила туда. Ведь уже должна бы выйти? Сейчас она бросится бежать. Сейчас выберет момент, повернется и побежит, побежит и не остановится, пока...

Ее появление было встречено аплодисментами телефонного техника. Бизнесмен сочувственно улыбнулся, когда она обернулась. Кейт поежилась и продолжала идти, успокаивая себя, чтобы не побежать.

— Вам как будто померещился там дракон,— сказал бизнесмен, словно эта шутка могла ее ободрить.

«Нет,— подумала Кейт, глядя через плечо на непроницаемую стену лениво колышущегося тумана,— ничего романтического там нет. А есть что-то дьявольски зловещее».

Она снова забралась в машину и сидела там, восстанавливая дыхание. Двое мужчин залезли в свои автомобили и развернулись на узкой дороге в сторону холмов. Бизнесмен махнул Кейт рукой, телефонный техник на прощание посигналил, и она осталась в одиночестве смотреть во мглу через ветровое стекло.

Что же теперь делать? Как же, черт возьми, добраться до Дэвида Эша с информацией для него? Хотя сведения Кейт не имели прямого отношения к его расследованию — по крайней мере, так ей казалось,— но ее находка могла вызвать интерес. И вдруг возникла тревога, потому что этот Симус Фелан, как ни странно, появлялся только тогда, когда случалось какое-нибудь несчастье. Нет, не совсем так: он появлялся *перед тем*, как случалось несчастье. Когда Эш упомянул его в первый раз, имя показалось Кейт знакомым, но потребовалось несколько запросов, чтобы выяснить кое-что об этом ирландце, и все равно сведения были весьма скудными.

Его имя никогда официально не фигурировало в расследованиях катастроф — очевидно, власти считали его не более чем чудаком,— но нашлись люди, знавшие его: полиция, некоторые журналисты и кое-кто из работавших в сходных с Кейт областях — те, кто изучал метафизическую природу всяких страшных происшествий. У них-то она и разузнала о Фелане.

Его первое появление было отмечено около тридцати лет назад, когда в Эберфане, маленьком шахтерском по-

селке в Мид-Гламоргане, вершина террикона съехала вниз и накрыла школу и дома, погибли сто сорок четыре человека, в основном дети. Потом о Фелане не было ничего слышно до середины восьмидесятых, когда станцию лондонской подземки «Кингс-Кросс» охватил пожар. Тогда сгорел тридцать один человек из пассажиров и персонала. Фелан с несколькими, не связанными между собой личностями, о которых публично ничего не сообщалось, был арестован по подозрению в поджоге, но потом освобожден без предъявления каких-либо обвинений.

Кажется, он снова всплыл в 1988 году, когда предупреждал жителей маленького шотландского пограничного городка под названием Локкерби, перед тем как направлявшийся из Франкфурта американский Боинг-747 взорвался в небе от бомбы террориста и обрушился на дома внизу. Потом, не так давно — и это были лишь слухи, что подчеркивали источники Кейт,— Фелан направил полицию в дом в Глостере, где в полу погреба, а также в саду и в поле рядом нашли двенадцать тел женщин и молодых девушек, которые за год до того были объявлены пропавшими. Здесь Фелан впервые появился после события — во всех остальных случаях он умудрялся оказаться рядом загодя, явно предупреждая людей о близящейся беде. Вряд ли можно считать удивительным, что никто его не слушал.

А теперь Симус Фелан появился в Слите.

Кейт ударила кулаками по рулю и прокляла туман, отгородивший ее от деревни.

Зачем этот ирландец приехал сюда?

И что ему нужно от Дэвида Эша?

36

Река текла лениво, но все же с неодолимой силой давила на мельничное колесо. Деревянные колодки, удерживавшие колесо на месте более полувека, начали трескаться, откалывались щепки, части превращались в пыль. И когда

колесо содрогнулось и медленно повернулось, ночь прошил визгливый скрип, напоминавший мучительный стон какого-то существа.

С первым поворотом из реки появилось что-то раздутое и белое — разложившийся труп, когда-то, возможно, бывший человеком. Проржавевшие цепи приковывали его к позеленевшим от тины лопастям, и из дыры, где когда-то был рот, вырвался звук — жалобное стенание страдающей души.

Сэм Ганстоун не побеспокоился стряхнуть грязь с башмаков и оставить их у порога. Он поспешил по коридору, оставляя за собой след грязи и пыли, и, хватаясь за перила, чтобы удержаться в вертикальном положении, взобрался по лестнице. Как фермер ни запыхался, он не останавливался, пока не добрался до верха. Что-то было не так. Он не знал, почему так уверен в этом, но не замедлял шагов. Странного цвета туман обволок поля вокруг фермы, словно вернулся прошлогодний грязный смог, и это усиливало смертельную тревогу, которую фермер не мог себе объяснить. Когда он возвращался с охоты на кроликов, через поля поползла сплошная стена клубящейся мглы и сначала сбила его с толку, потому что впереди не было видно ни на ярд. И запах был отвратительный, а плывущие клубы тумана будто льнули к телу, отчего становилось холодно и сыро, хотя стояло лето. Сэму было даже боязно дышать.

Там, в полях, он прежде всего встревожился о Нелл. Она слишком больна, чтобы надолго оставлять ее одну, а если он заблудится в этом... Ганстоун стал вспоминать, закрыл ли окно в спальне, прежде чем уйти из дома. Эта дрянь не принесет ничего хорошего легким жены, а она, наверное, спит, не зная, что это пробирается в комнату.

Он уронил мешок с еще теплыми тушками кроликов и замахал руками на туман перед собой, будто расчищая путь. Конечно, усилия были напрасны, но ему повезло, что он

знал эти места. Пока видно землю под ногами, все будет в порядке.

К счастью, туман стал реже — в нем, казалось, появилось менее густое внешнее кольцо — и вскоре Ганстоун смог ускорить шаги. Он с трудом шел, положив «переломленный» дробовик на сгиб руки, и вскоре различил очертания своей фермы. Затем показался и сам дом, но, поскольку Сэм подходил к нему с фасада, а спальня выходила на задний двор, он не смог определить, открыто ли там окно. Чертов дурень, он никак не мог отделаться от чувства, будто что-то не так, что он отчаянно нужен Нелл. Бросив дробовик, фермер побежал рысцой. «Господи, не дай мне опоздать!» — про себя молился он.

Через переднюю дверь, вверх по лестнице, и вот он на площадке. Ганстоун бросился к открытой двери в спальню и вскрикнул, увидев, что окно закрыто, а стекло снаружи заволокло туманом, но крик застрял в горле, когда Сэм заметил пустую постель.

Простыни протянулись по полу, словно тащились за Нелл, когда та шла к окну. Окно... Ганстоун посмотрел через стекло.

Сквозь туман мерцало оранжевое зарево.

«Нет, только не это,— подумал он,— только не этот чертов призрачный огонь! Как Нелли могла узнать, как она могла увидеть его со своей постели?» Он придвинулся к окну и вгляделся во мглу, еле различая языки пламени, а они разгорались и плясали, их яркость приглушалась плывущим туманом.

— Нелл! — Его нос едва не касался стекла.— *Нелли!*

Он позвал громче, так как различил на фоне смутного зарева силуэт, фигура была невысокая, грузная, в чем-то бесформенном — не иначе как в ночной рубашке.

Издав протяжный, испуганный стон, Ганстоун рванулся от окна и бросился к лестнице. В своих тяжелых резиновых сапогах он протопотал вниз, но не замедлил бега. Внизу он повернул к задней двери и на бегу стал снова и

снова звать жену. Задняя дверь была распахнута, он поспешил через двор к воротам, утопающим в разросшейся живой изгороди. Не увидев жены, Ганстоун остановился. Хотя огонь взметнулся высоко в небо и освещал мглу своим сиянием, Нелл нигде не было видно.

Но Ганстоун вновь побежал, тяжело дыша от волнения и напряжения. Где же она, где она, где Нелл? Он издал мучительный вопль.

«Старая дурочка, зачем ты ушла, зачем вылезла из своей теплой, безопасной постели? Он не настоящий, этот чертов огонь. Господи помилуй, это только призрак, на самом деле его нет!»

В конце концов усилие стало для него чрезмерным, он замедлил бег и теперь двигался усталой рысцой. Его грудь работала как мехи, и он слышал только свое хриплое дыхание. Крепкий, сильный мужчина — таким он был всю свою жизнь, но теперь понял, что силы уже не те. Бег перешел в слабое, неуклюжее ковыляние.

И тут он увидел ее. Нелли бесформенной кучей лежала на земле перед огнем. Она казалась просто холмиком на земле.

— О, Нелл... Что случилось, девочка моя?..

Сэм Ганстоун упал на колени рядом с лежащей женой, уже поняв, что она мертва: он чувствовал ее отсутствие. Он коснулся ее плеч, и тепло, которое ощутил, исходило не от нее, а от зарева рядом, от огня несуществующего пожара.

И тогда Ганстоун взревел. Повернувшись к призрачному пожару, он выкрикнул ему проклятие, а небу свое возмущение и свою боль.

А когда наконец повернул к себе лицо жены — возможно, чтобы поцеловать ее в последний раз так, как не целовал много лет,— то увидел застывший в ее мертвых глазах ужас.

Рут Колдуэлл размешивала в кофе сахар, не сознавая, что на самом деле не положила его в кружку. Она смотрела на созданный ложкой крохотный водоворот, и ее мыс-

ли уносило вихрем, кружащимся все быстрее и быстрее,— и они, перепутываясь и смешиваясь, исчезали в темном центре, превращались в ничто...

Она внезапно вскинула опущенную голову, ложка упала на кухонный стол. Кофе продолжал кружиться, но водоворот стал плоским и вскоре исчез; Рут показалось, что ее унесенные мысли через мгновение вернулись, она еле слышно застонала и откинулась на спинку стула. Изогнув шею, девушка секунду-две смотрела на потолок.

Лампочка над кухонным столом напоминала смотрящий сверху глаз, наблюдающий за каждым движением девушки, за каждым изменением в выражении ее лица. Он шпионил за ней, как и все лампочки в доме, но Рут ни разу не выдала себя, ни разу не показала, что знает об этом. Она не такая дурочка, не тупая корова, чтобы не понимать, что происходит. Она заметила, как мать наблюдает за ней краем глаза. Даже Саре, младшей сестре, велено следить за ней. Они хотят поймать ее, думают, что смогут открыть ее секрет.

Но Рут не будет включать лампочки, даже если в доме потемнеет. Ведь тогда лампочки не смогут видеть ее, а? Не смогут, если отключить энергию. Не смогут донести — и зеркала тоже не смогут, потому что она не будет в них смотреться. Все равно она ненавидит свое отражение, потому что, когда смотрит в зеркало, сама видит свой секрет так ясно и ей он так очевиден, что скоро станет очевидным и для всех остальных. Все увидят ее грех, ее похоть, те страшные грязные вещи, которыми она занималась с...

Девушка снова поникла, локти упали на стол, голова склонилась над кружкой с кофе, так что поднимающийся пар согрел лицо. У края кружки кружились пузырьки, как маленькие плавающие глаза, и они тоже наблюдали за ней, следили, пока мать ходила к отцу в тюрьму. Рут знала, что мать дала дому инструкции следить за дочерью, пока ее самой нет, смотреть, не займется ли она опять какой-нибудь гадостью.

«Это не моя вина, мамочка! Это все он, разве ты не понимаешь? Он заставил меня...»

Осторожно. Она только что чуть не закричала вслух. Этого нельзя делать, нельзя давать знать дому. И Саре.

Рукав ее блузки расстегнулся, и Рут поскорее застегнула его снова, прикрыв запястье. И проверила пуговицы у шеи, убеждаясь, что они тоже застегнуты.

Ничего нельзя показывать. Манс не должен видеть ни дюйма обнаженного тела. О, пожалуйста, пусть ночью он не придет снова!

По коже пробежали мурашки от одного упоминания его имени.

Думай о чем-нибудь другом! Подумай о бедном папе. Мама сказала, что Рут поможет ему, если признается, что Дэнни Марш набросился на нее в лесу. Почему она такая безрассудная, упрямая девчонка и отрицает то, что случилось на самом деле? Когда она притащилась домой, на всем ее теле оставались следы насилия, одежда была изорвана. Надо сказать правду полиции и папиному адвокату — и папу не обвинят в умышленном убийстве. Его даже не обвинят в неумышленном убийстве, если суд узнает, как Дэнни набросился на нее. Весь день мать уговаривала Рут, не давая ни минуты покоя. А ночью, когда Рут была одна в тишине своей спальни...

Она содрогнулась, судорога пробежала от макушки до кончиков ног. Она не хочет думать об этом...

По коридору из комнаты донесся голос сестры. Как обычно, пение было фальшивое, но энтузиазм у Сары от этого не убывал. Звук чуть не вызвал у Рут улыбку. Сара не понимает, что происходит. Она живет в своем невинном мире, мире кукол и Диснея. Она уверена, что полицейские скоро отпустят папу, как только Рут скажет им про глупого парня, который пытался ее целовать и обнимать.

Рут снова воровато посмотрела на лампочку наверху. «Ты не можешь заглянуть *внутрь* меня. Никто не может. Ни ты, ни мама, ни папа. И ты не можешь видеть *его*, не

можешь видеть *Манса*. Если бы могла, то сообщила бы маме и папе, и они бы поняли, узнали секрет, узнали бы, что он делает...»

Рут еще больше сгорбилась и сцепила руки под носом, прижав большими пальцами губы. От кофе поднимался белый пар. Пение сестры замолкло, и в доме стало тихо-тихо.

Как темно в кухне. И какой мрак снаружи. Оконные стекла потеряли прозрачность, их как будто измазали чем-то желтовато-серым. Нужно включить свет. На самом деле лампочки не могут ее видеть, это просто ее воображение. По правде-то она знает это, но все равно. Наверное, она как под гипнозом: человек в здравом уме не может так смешно вести себя, сознавая всю абсурдность своего поведения; а в трансе это кажется совершенно естественным. Вот как она себя чувствует. Она прекрасно знает, что лампочки не шпионят, но не может перестать думать, что это шпионы, и ведет себя соответственно. И то же самое с Джозефом Мансом. Она не могла встретить его в лесу, потому что он умер и не мог приходить ночью и трогать ее, щупать, делать эти *гнусности*...

Рут рассмеялась нервным смехом, в котором слышались одновременно смятение и страх. Это был только один короткий смешок.

Кофе еще не остыл, но она заставила себя сделать глоток. Боль ей кстати. Она отпила еще, радуясь, что обжигается. Горячо, неприятно, но это *реально*. Кофе горячий и поэтому обжигает губы. Никаких споров, никакого обмана, никаких фантазий. Лампочка — это лампочка, не более; зеркала отражают изображение, они не могут проявить твою скрытую сущность.

Манс умер и *никогда* не вернется.

Манс умер и *никогда не вернется*.

Манс умер и никогда не вернется.

Так почему же он здесь?

Откуда этот знакомый холод, пробежавший по телу?

Откуда это шарканье, что слышится через приоткрытую дверь?

Откуда этот запах, если не от разлагающегося тела?

Откуда это склизкое бормотание, если не из прогнившего горла?

Откуда все это, если Манса нет в коридоре?

Рут медленно повернулась на стуле, чтобы видеть приоткрытую дверь. Шарканье приближалось. Хотя было темно, что-то еще более темное заполнило дверной проем. Что-то поджидало там. Что-то наблюдало за ней.

Рут открыла рот, чтобы закричать, хотя и знала, что крик не получится. Он никогда не получался. Он всегда застревал в груди. Манс даже провоцировал ее закричать, но из этого никогда ничего не выходило — горло парализовало.

Выпучив глаза, Рут смотрела на узкую тень, одной рукой схватившись за спинку стула; все тело ее дрожало, но так незаметно, что со стороны могло показаться, что девушка совершенно неподвижна. Рут хотела взмолиться, но ни звука не сорвалось с ее губ. Она хотела убить его, но он и так был мертв.

Однако на все это был ответ; был способ сделать так, чтобы его мерзкие, прогнившие руки не коснулись ее тела. Или, по крайней мере, был способ сделать так, чтобы она не почувствовала его прикосновения. Рут обежала взглядом кухню, ища нож. Сначала по запястьям, потом по горлу. Это будет легко. И никто не узнает, как она позволяла Мансу трогать ее. И как его прикосновения возбуждали ее.

Нож не попадался на глаза, но девушка знала, где лежат ножи. Ее внимание вновь привлекла открытая дверь.

Тень исчезла.

Но снова послышалось шарканье.

Он уходит. *Манс уходит от нее.*

Ее тело обмякло. Хотелось плакать, хотелось упасть на пол и благодарить Бога за милость. Девушка прислушалась, чтобы убедиться наверняка. По-прежнему слышалось движение, но оно определенно удалялось.

А потом остановилось, и Рут услышала скрип дверной ручки.

Дверь отворилась. И Рут услышала крик Сары.

И все поняла.

— *Н-е-е-е-т!*

У нее наконец вырвался крик, стул опрокинулся, и она бросилась к ящику кухонного стола. Девушка рывком выдвинула его, выдвинула слишком далеко, вывалив все содержимое на пол. Упав на колени и не обращая внимания на боль, она вытащила из кучи широкий нож для разделки мяса и, сжав его деревянную рукоять, поднялась с пола. Ноги одеревенели и не слушались, но она заставила себя подойти к кухонной двери. Второй Сарин крик заставил Рут броситься в дверь и побежать по коридору, подняв над головой нож, с диким криком, еще более страшным, чем у младшей сестры.

Эллен Предда ждала. И вместе с ней ждал ее умерший сын.

Саймон сидел в продавленном кресле у пустого камина, его хрупкое голое тело было белым, как алебастр, а мать сгорбилась на стуле напротив. Правда, Эллен не могла с уверенностью сказать, что сын видит ее, потому что в его глазах не было тепла узнавания. Но, сидя перед ним, Эллен могла по крайней мере надеяться в душе, что он знает о ее присутствии. С каждым ее выдохом поднималось облачко пара, и теперь она поплотнее закуталась в свой вязаный жакет, чтобы не пустить холод к телу. От Саймона такие облачка не поднимались, и, несмотря на то что он был раздет, не было никаких признаков, что ему холодно.

Казалось, у Эллен больше не осталось слез, зажатый в руках платок промок от уже выплаканных. Возможно, она выплакала все; возможно, даже скорбь может иссякнуть. Когда оживет боль, вернутся и слезы.

Саймона, *ее* Саймона больше нет. Наконец она поняла это. Маленькая фигурка в кресле не была ее сыном, это не

была его *плоть* и *кровь*, это был лишь его призрак. Саймон умер. Она наконец признала реальность. И ничто не вернет его. Но если бы она могла сохранить хотя бы это — его дух, его душу, хотя бы то, что сейчас сидит напротив,— чтобы знать, что хоть что-то осталось, что смерть не означает забвение, то, возможно, это принесло бы какое-то удовлетворение. Это лучше, чем остаться совсем без Саймона.

Ей вспомнился тот момент несколькими часами раньше, когда она спустилась из спальни, проплакав всю вторую половину дня, и нашла здесь его, сгорбившегося, с руками на коленях. Саймон всегда так горбился, когда боялся, а по-настоящему он боялся лишь одного человека — своего отца. Она бросилась к нему, хотела взять на руки и успокоить, но что-то удержало ее; почему-то она поняла, что если прикоснется к нему, то обнаружит, что его нет, что его видит лишь ее воображение, а значит, она снова останется одна и правда навсегда рассеет сон.

Когда Эллен села на стул напротив Саймона, ее осенила другая мысль. Мысль, которая преследовала, тревожила и мучила, но в которой она никогда не отдавала себе полный отчет, в эти последние несколько часов приобрела более отчетливые очертания.

Саймон умер, и мальчика убил его отец.

Сам Джордж Предда умер так же, как и жил,— скверно. Порочность его жизни распространялась на окружающих, и Эллен с Саймоном годами страдали от его выходок. Он ненавидел их обоих, и Эллен не понимала причины этой ненависти, а сына он ненавидел еще больше, чем жену. Только ночью накануне его смерти Эллен поняла почему. Тогда он назвал мальчика *ублюдком*. Почему он пришел к такому заключению, она не знала, но его издевательства были так же безжалостны, как и изощренны, и в конце концов она поняла, что поверить в свои слова его заставила подлость собственной души. Возможно, он не мог понять доброты Саймона, его невинности, его любви ко всем, осо-

бенно к матери, не мог понять, почему он так не похож на самого Джорджа. Да, сын любил мать, но Саймон *был* сыном Джорджа, после замужества она даже не смотрела на других мужчин. Нет, его упорное стремление не видеть в Саймоне своего сына вызывалось более глубинными причинами, чем ложная уверенность в ее измене; оно вызывалось сексуальным влечением к Саймону. Джордж не признавал сына своим, потому что его порочная, извращенная, злобная натура жаждала кровосмешения, а это — *это* — выходило за пределы всего, даже за грань вседозволенности!

Иногда у Эллен возникали смутные подозрения, но поскольку Саймон никогда не жаловался, никогда даже не намекал на поведение отца, она отметала эти мысли, потому что убедиться в их истинности было бы слишком мучительно и невыносимо стыдно. Она вспомнила необъяснимую угрюмость Саймона, когда он прятался в своей комнате, замкнутый и весь в слезах, особенно после того, как оставался со своим пьяным папашей наедине,— и теперь Эллен гадала, какие угрозы запечатали уста Саймона. Да, она подозревала — особенно когда Саймон с упреком смотрел на нее своими темными глазами,— но не решалась что-то предпринять. А однажды все-таки предприняла.

Эллен пошла к викарию и поделилась с ним своими подозрениями. Как потрясен был пастор этим утверждением и как он убеждал ее, что она заблуждается, что хотя Джордж Предда — глупый и никчемный человек, да, да, и пьяница, но он никогда не совершит такого со своим сыном. Несомненно, она ошибается. Конечно, он поговорит с ее мужем, напомнит об обязанностях по отношению к семье и, если она настаивает, скажет ему о ее опасениях. «Положись на меня,— сказал он,— и я разберусь со старым Джорджем, но больше никому не говори о своих подозрениях. Помни, работники социального попечительства и местные власти нынче разрушают семью при малейшем намеке на издевательство над ребенком, а ты же меньше

всего хочешь, чтобы юного Саймона отдали под чью-то опеку. Вспомни, что случилось с этими несчастными семьями на Оркнейских островах».

Эллен отвлеклась от мыслей о сыне — казалось, газеты каждую неделю пишут о подобных вещах — и почувствовала себя еще хуже, ощутила еще больший страх. Она только *подозревала*, что происходит, а сам Саймон никогда ничего ей не говорил. Он знал, как мать любит его, и, наверное, рассказал бы ей, несмотря на свой страх перед отцом. Но, видимо, он боялся не только за себя, но и за мать... Нет, нет, она не позволяла себе так думать, это слишком ужасно. И кроме того, на Саймоне не оставалось никаких следов, синяков. Преподобный Локвуд пообещал поговорить с Джорджем, а Джордж мог кричать, ругаться и неистовствовать дома, но вне дома он был малодушным трусом и должен прислушаться к словам викария.

Как-то вечером после этого Джордж пришел с двумя дружками-собутыльниками еще более пьяный, чем обычно, и во взвинченном состоянии. Он набросился на жену с руганью и так тряс ее, что она рухнула на пол. Да, викарий поговорил с ним, ухмылялся Джордж, да, великий и могучий святой преподобный Локвуд кое-что сказал ему, но ведь все в порядке, а? Видишь ли, они со скуарсоном одинаково смотрят на это. И преподобный понял старину Джорджа. Запомни это навсегда, старая жирная свинья!

Ухмылка на его лице поблекла, слегка увяла, и, крепко пнув лежащую на полу жену, он хихикнул и сказал, что мальчишка и впредь будет получать свое, как и раньше, и никто ему, Джорджу, не помешает.

Эллен поползла по лестнице в крохотную спальню Саймона и обняла сына, пока снизу доносился грохот и шум — это Джордж вымещал остатки своей злобы на мебели. Иногда слышался его хохот и громкие бессвязные крики, но сам он не поднялся за ней наверх. И на другой день, как и в последующие дни не трогал мальчика.

Но иногда, когда Саймон был в ванне, а Эллен сидела на табуретке рядом, рассказывая ему сказки и помогая мыть голову, Джордж появлялся в дверях, не всегда пьяный, и с особым выражением на лице смотрел на мальчика. Саймон съеживался, подтягивал колени к подбородку, а Эллен отталкивала мужа от дверей на площадку перед их спальней. Не раз в таких случаях, чтобы успокоить Джорджа и не пустить к двери ванной, ей приходилось вступать с ним в сношения, которых она стыдилась,— грязные, скотские сношения, к которым никакая обладающая достоинством женщина не дала бы себя принудить. Но если это могло оградить Саймона, отвратить от него эти похотливые глаза, разве остальное имело значение?

К несчастью, хотя Джордж больше и пальцем не касался сына, его угрозы становились все страшнее. Иногда он бубнил что-то странное и бессвязное, в других случаях его слова, которые он произносил с мерзким хихиканьем, были полны темных намеков и угроз. Это так влияло на Эллен, что когда она выходила из коттеджа посадить Саймона на школьный автобус или купить что-либо в лавке, то ощущала темный, зловещий мрак над самой деревней. Как будто над ней нависло что-то отвратительное.

А потом Джордж погиб в огне.

Освобождение — и облегчение — было ошеломляющим. Вместо скорби они с Саймоном ощущали избавление. И радость, такую блаженную радость.

Когда Саймона привели домой, после того как он стал свидетелем смерти отца в горящем стогу, он не плакал и не был потрясен. Сын бросился в объятия матери, а когда принесшие с ним постояли в дверях со скорбью на лице от принесенной вести и ушли, Саймон посмотрел матери в лицо и улыбнулся.

Как счастливы были они вместе! Угроза и чувство вины у Эллен исчезли! Как они наслаждались жизнью! Их привязанность друг к другу еще усилилась, и как хорошо им

было с этой обретенной свободой! Почти год совершенного счастья.

Пока не вернулся Джордж.

Тогда Эллен этого не поняла, но понимала теперь. Вся правда о смерти сына дошла до нее, когда она сидела с ним в тот вечер. Саймон ничего не говорил, он даже не замечал ее присутствия, и в ее голове не возникло никаких образов. Понимание пришло без всякого предупреждения, без объявления, без видений.

В тот роковой день Эллен оставила Саймона одного. Он был в ванне, совершенно счастливый, в полной безопасности, но его маленькое сердечко остановилось — *буквально* остановилось — от шока, когда он увидел призрак отца, стоящий у открытой двери и смотрящий на него с тем отвратительным, похотливым выражением, которое Саймон так хорошо помнил. Сын потерял сознание и упал в ванну, а легкие машинально пытались вдохнуть воздух. И через несколько секунд Саймон захлебнулся. Убитый собственным отцом.

И вот сейчас, сидя напротив неподвижно застывшей фигурки сына, Эллен так и не могла понять: если она не может обнять его худое голое тельце, если не может утешить его, почему сам Саймон остается здесь? Почему его бедная душа не отправилась к Богу? Чего он ждет в этом кресле?

Пока не услышала сверху шум.

И тогда Эллен начала осознавать, почему Саймон возвращался снова и снова.

Сверху доносился звук плещущейся воды, словно чья-то рука зачерпывала ее, проверяя температуру, как сама она обычно делала, перед тем как позвать Саймона принимать ванну.

Саймон продолжал смотреть на нее — или, по крайней мере, на то место, где она сидела.

Кто-то позвал его, громким и грубым голосом.

И Саймон встал.

Борясь с паникой, Эллен тихо окликнула его, но он не слушал и подошел к лестнице.

— *Саймон!* — закричала она, когда мальчик стал подниматься.

Эллен подбежала к лестнице, умоляя его, но маленькое белое тело уже свернуло за угол. Она закачалась, все вокруг закружилось, страх и дурнота обрушились на нее, как сговорившиеся демоны, вытягивая все силы; ее ноги обмякли... Саймон скрылся из виду, и ей послышалось, что из ванной донесся другой звук. Это был хриплый булькающий звук, который издавал Джордж, когда проделывал с ней эти ужасные, отвратительные вещи.

Эллен предостерегающе вскрикнула, но это не возымело действия. Она попыталась на четвереньках вскарабкаться по лестнице. И снова закричала, услышав всплеск воды.

Во мгле вокруг иссушенных ветром памятников старины, в иные времена служивших в Слите средствами наказания и пыток, бродили тени. Можно было расслышать шепот — если бы на пустыре кто-нибудь был,— и по мере того, как темнота сгущалась, тени становились четче, яснее, а бестелесный шепот звучал громче.

Кровь по-прежнему сочилась из позорного столба — теперь она уже текла из каждой щелочки, каждой трещинки, капая на колодки и заливая землю под ними. Вскоре земля пропиталась густой темно-красной влагой, которая образовала лужу, а лужа превратилась в ручеек, устремившийся по лужайке дальше и выбравшийся наконец на дорогу...

...Где в тумане двигались другие тени — призраки Слита...

Посуда на столе начала дребезжать, одна чашка стала приплясывать на блюдце, словно собираясь убежать.

Розмари Джинти прижала к губам ладонь, чтобы не закричать, а ее муж Том через плечо оглянулся на свисто-

пляску на столе. Его мясистые руки еще держались за занавеску, которую он только что задернул, чтобы не видеть туманной ночи снаружи, но они разжались, когда он увидел танцующий фарфор.

Чашка наконец перескочила через край блюдца и продолжила свое движение по столу; Том с Розмари в немой тишине смотрели, как, приплясывая, она добралась до края стола и упала на пол. На полу в верхней гостиной у Джинти почти от стены до стены расстелился толстый ворсистый ковер, и чашка не разбилась, а только подскочила, несколько раз дернулась и затихла.

— *Том!* — наконец смогла выкрикнуть Розмари, словно обвиняя мужа в происходящем.

Если она ожидала ответа, то его не последовало. Вместо этого хозяин «Черного кабана» осторожно приблизился к столу с дребезжащей посудой и протянул перед собой руку, как будто пытаясь утихомирить расшалившееся домашнее животное. Ради экономии места стол был придвинут к стене, по краям стояли два стула (за исключением завтрака супруги редко принимали пищу у себя, предпочитая ресторанчик прямо под их комнатой), а саму гостиную загромождала разномастная мебель с разными безделушками, которые коллекционировала Розмари. В углу стоял телевизор, включавшийся от случая к случаю, на нем располагались лампа и фотография в рамке, а в углу напротив находились низенький кофейный столик и комфортабельное кресло, в котором в настоящий момент и восседала Розмари. Оставшееся место занимали длинный стол для посуды, диван, сервант и старенькая радиола.

Том Джинти осторожно потянулся к ближайшим чашке и блюдцу и прихлопнул танцующую чашку, как муху. Она поддалась насилию, застыла под изрядной тяжестью его ладони и некоторое время стояла спокойно, даже когда он приподнял руку. Потом дрожь возобновилась в такт с общими колебаниями фарфоровой посуды. Крышка дре-

безжала о край чайника, а в сахарнице подскакивали песчинки сахара; даже молоко в изящном фарфоровом молочнике устроило миниатюрный шторм.

Когда хоровод вдруг прекратился и все застыло, тишина показалась такой же пугающей, как дребезжание вначале.

А когда Джинти обернулся к жене и открыл рот, чтобы что-то сказать, одна из безделушек Розмари, фигурка якобы восемнадцатого века, пробила стекло серванта и пронеслась через комнату.

На этот раз Розмари не удержалась от визга, потому что фигурка пролетела всего в дюйме от ее уложенных обесцвеченных волос. Штуковина с размаху ударилась о стену рядом с задернутой занавеской и, разлетевшись на куски, упала на пол. От визга жены Джинти съежился и в изумлении уставился на разбитое стекло серванта.

Набрав в грудь воздуха, Розмари повернулась к мужу.

— Это все ты! — завопила она, и его изумление сменилось ужасом.— Ты и все эти...— Она возмущенно махнула рукой в сторону окна.— Прочие!

— О чем ты говоришь, женщина? — Он недоуменно покачал головой.

— Сам понимаешь! Черт возьми, ты сам прекрасно понимаешь!

Круглое лицо Джинти побледнело, на щеках и носу проступили красно-синие вены. О Господи, неужели она права? Такие штуки происходили в Локвуд-Холле... Господи, нет, это совершенная чепуха. Он участвовал в этом, но не верил. Это было вроде деревенской традиции, да, тайной, но не причиняющей никому никакого вреда. Всегда на следующий день он трясся от страха и ничего не помнил, только какие-то обрывки, куски дурацкой церемонии, глупое пение, напяливание древних одежд. Вроде масонов, так же безобидно. Но откуда знает Розмари? И *что* она знает?

Джинти закрыл лицо руками, потому что мимо просвистела еще одна безделушка из разбитого серванта. Розмари

нырнула за мягкий подлокотник кресла, схватившись руками за волосы, когда статуэтка — двое влюбленных на ложе любви — ударилась о занавеску и разбила окно за ней.

— *Как ты мог?* — заорала Розмари, рискнув снова поднять голову.

Почему она ругает его? Она *не может* ничего знать.

— Не будь такой дурой! — заорал он в ответ.

Розмари соскользнула на пол, опасаясь новых летящих предметов. Зачем он прикидывается? Последние несколько часов они просидели взаперти в своих комнатах в гостинице, потому что в деревне происходило что-то нехорошее, и оба знали это. Но он знал больше и не хотел признаваться! Как только Слит окутало этим ужасным туманом, Розмари почувствовала, что здесь что-то не так. Что-то в этом напоминало предупреждение (Нет, как это называют? Знамение? Да, знамение!), что сейчас случится что-то мерзкое. И забавно, что нечто подобное ожидалось, какая-то мерзость уже давно назревала, и не одна она, Розмари, чувствовала это.

В тот день никто не вышел на работу, и ни один посетитель даже не переступил порог бара. Позже, после полудня, Розмари пыталась дозвониться до кого-нибудь в деревне, а когда обнаружила, что ни один номер не отвечает, ее охватил панический озноб. Она так испугалась, что не осмелилась выйти и постучать кому-нибудь в дверь. Том был так же встревожен — нет, может быть, даже больше, потому что участвовал в этом, он явно участвовал в этом, черт бы его побрал! — он затолкал ее в комнату наверху и запер ся там вместе с ней. Даже через некоторое время, услышав движение в коридоре, он не дал ей выглянуть — а честно сказать, ей и не было так уж любопытно. Розмари вспомнила предыдущую ночь, ту свистопляску в спальне, и содрогнулась.

— Сволочь! — сказала она мужу.

Что-то защекотало ее пухлые ноги в чулках, и, взглянув вниз, Розмари увидела, что ковер, покрывающий большую

часть пола в гостиной, колышется, словно по полу дует ветер.

Розмари поднялась на ноги и переместилась на другую часть ковра в стремлении убежать от таинственно катящихся волн.

Она чувствовала, как толстый ковер пытается подняться под ногами, но не позволял ее вес; волны просто распространялись вокруг, расходясь во все стороны и относя мебель к краям.

Том Джинти был упрям, его мозг отвергал происходящее вокруг, но глаза настаивали, что все это вполне реально. Занавески хлопали, словно в разбитое окно врывался ветер. Часы на камине как-то нелепо, ни с того ни с сего начали со звоном отбивать время, хотя обе стрелки находились далеко от какой-либо цифры. Картина на стене — охотничья сцена, полная красных камзолов, лошадей и гончих,— неожиданно упала на пол. Старый чай в чайнике захлопал, выливаясь из носика, и еще одна чашка, на этот раз вместе с блюдцем, свалилась с края стола. Цветастый диван начал раскачиваться туда-сюда, разбрасывая подушки по ковру. С телевизора вдруг соскочили лампа и фотография.

Розмари потеряла равновесие и снова стояла на коленях. Ей повезло, потому что остатки стекла в серванте и в окне напротив ни с того ни с сего вывалились и по комнате засвистели осколки, большие и маленькие. Занавески были изрезаны в клочья и раздвинулись, а из серванта вместе с осколками вылетели статуэтки, стеклянные фигурки и украшения. Смертоносная шрапнель устремилась прямо в центр комнаты, именно туда, где стоял хозяин «Черного кабана».

Наибольший ущерб ему нанесли стеклянные осколки, хотя свою лепту внес и фарфор. Удивленный крик Джинти перешел в хрип, когда осколок стекла рассек ему горло. Рана была не так глубока, чтобы мгновенно убить, и Джин-

ти инстинктивно вскинул руки, защищая глаза, но когда Розмари снова подняла голову, то увидела, что верхняя часть его тела, как подушечка для булавок, утыкана крошечными острыми осколками, напоминающими кинжалы. Люстра, как маятник, раскачивалась над головой, и в ее бликах одежда и тело Джинти то освещались, то опять затенялись. Розмари истерически что-то бормотала, в то время как сам Джинти, оставаясь совершенно неподвижным, по-прежнему держал исколотые руки у глаз, а хрип в горле превратился в бульканье.

Боль вызвала у него шок, и Джинти двигался скованно, как робот. Он опустил руки и, не веря происходящему, посмотрел на жену. Розмари кричала уже давно, но теперь крик вырвался с новой силой, потому что гротескный вид проколотого, окровавленного и страдающего от множества ран мужа напугал ее больше, чем кутерьма движущихся вещей. Позже к ней вернулась интуиция и, возможно, даже смутные, но тревожные предчувствия, которые, она знала, были и у других,— о, никто о них не упоминал, все держали их при себе, боясь, что окажутся одиноки в своих мыслях, что это, может быть, какое-то ползучее слабоумие; но Розмари видела по лицам, по встревоженным глазам, по скованным манерам: страх увеличивался с каждым днем. И тайное, долгое время скрывавшееся, как метастазы рака, как неприметная, но смертельная болезнь, под внешне благополучной оболочкой,— наконец проявилось. Одно из этих проявлений стояло сейчас перед ней с миллионом стеклянных осколков, торчащих из изуродованного, напоминающего опухоль тела.

Том Джинти сделал неуверенный шаг к жене, и Розмари снова закричала и отшатнулась. Между ними никогда не было настоящей любви, первоначальная нужда в близости очень скоро сменилась терпимым отношением друг к другу, которое в конце концов перешло во взаимную неприязнь,— и Розмари трудно винить в том, что она бросилась прочь от окровавленного монстра, бывшего ее мужем.

Причудливые часы, грубая имитация Бомберга, соскользнули с каминной полки и разбились. Висевшее над диваном зеркало покрылось узором трещин. Диван, все более неистовый в своем раскачивании, наконец перевернулся вверх ножками.

Розмари продолжала кричать, вздрагивая при каждом новом происшествии и прикрываясь креслом от приближающегося мужа. Внезапно она бросилась к двери, преодолев по пути перевернутый диван. Под ногами хрустели стекло и осколки фарфора, а Том Джинти попытался последовать за ней. Розмари нащупала защелку и, открыв дверь, бросилась в коридор. Она чуть не рухнула, увидев маленькие фигуры, прячущиеся в колеблющихся тенях. Вдоль стен бежали крысы, волоча за собой голые хвосты.

Розмари заставила себя побежать за ними, чувствуя за спиной изуродованную фигуру. Где-то в комнате она потеряла туфлю и могла продвигаться дальше, только прихрамывая и опираясь рукой о деревянную обшивку стены. Тени впереди безумно метались, запутывая ее, пока вдруг большую часть коридора не заполнила темнота. Розмари поняла, что, видимо, Том дошел до дверного проема и загородил свет. Ей послышалось, что он зовет ее, но это был лишь странный, бессвязный гнусавый звук, и Розмари не остановилась; она не испытывала сочувствия, только страх. В голове мелькнула мысль обратиться за помощью к единственному постояльцу, но уж слишком ненадежным человеком был этот Дэвид Эш. В нем чувствовалась какая-то холодность, непроницаемость; кроме того, Розмари была не уверена, не связан ли как-то и сам он с появлением призраков. Свечение впереди заставило ее еще прибавить ходу.

Кто-то включил свет на лестнице и нижнем этаже, но Розмари не стала сразу спускаться, несмотря на шаги за спиной. Она и Том всегда знали, что в подвалах полно крыс, пару раз на кухне и в баре им пришлось гоняться за грызуном, но никогда раньше у этих тварей не хватало наглости

подняться выше, и уж тем более никогда они не проникали в номера. А сейчас ими вся лестница кишела.

Крепко схватившись за перила и испуганно вскрикнув, Розмари заставила себя сделать шаг. Большинство крыс убежали вперед, но одна, остановившись у поворота лестницы, показала зубы и зашипела на приближающуюся фигуру. Розмари поставила ногу на ступеньку, и крыса неохотно отползла; Розмари слышала стук когтистых лапок по доскам.

— Ро... Роз...— донесся хриплый стон, от этого звука Розмари вздрогнула и повернула голову. Том стоял на площадке, его тело раскачивалось, утыканное битым стеклом. Он начал наклоняться, и Розмари бросилась прочь, но споткнулась на повороте лестницы и, воя, кубарем покатилась вниз. Полное тело больно колотилось о старые ступени и замедлило движение лишь у подножия. Еще не придя в себя, Розмари услышала наверху нетвердые шаги. Почувствовав укус в руку, Розмари с содроганием отшатнулась от крысы, которую чуть не раздавила.

Она поднялась на ноги — уже не было и второй туфли — и, размахивая руками и наполняя воплями помещение, зашлепала по полу бара к открытой двери, в которой клубился желтоватый туман.

Том снова позвал, и, обернувшись к нему, Розмари увидела, что он по-прежнему идет за ней, как зомби, одеревенев, его руки и рубашка были все в крови. «*Почему он не оставит меня в покое? Что нужно от меня этому прогнившему дерьму?*»

Розмари выбежала в открытую дверь на улицу, в туман. И снова завопила, увидев два быстро надвигающихся на нее призрачных огня, возникших из кружащейся мглы.

Ленни Гровер бессмысленно захихикал.

— Не вижу ни хрена,— сказал он Деннису Крику, сидевшему рядом в пикапе.

— Так притормози, придурок.— Крик тоже ухмылялся, прижав нос к измазанному ветровому стеклу.— Ну и дерьмо! — Его речь была несколько неразборчива после нескольких кружек, принятых им и Гровером в придорожном пабе.

— Я бы сказал, химический газ,— предположил Гровер.— Посмотри на цвет, только принюхайся!

— Уже, и мне не понравилось.— Для усиления слов Крик состроил гримасу.

— Откуда-то его напустили, уж поверь мне.

— Не пори чепуху, Лен. Это туман, вот и все. Смотри, уже рассеивается.

— Слава Богу,— снова хихикнул Гровер.

Его напарнику не хотелось ехать в тумане, в который они вдруг попали на обратном пути в Слит и в котором не было видно и на ярд вперед. Но Гровер настоял, что нужно ехать, поскольку у них в кузове лежали новехонькая газонокосилка, отличный электрический резак для живых изгородей и несколько домашних растений — все, собранное в очередном регулярном «обходе». Не реже чем раз в две недели приятели колесили по сельским дорогам, присматриваясь к садовому инвентарю и всему, что лежит без присмотра недалеко от дороги. Владелец газонокосилки, еще сверкающей лаком модели «Хейтер-Харриер 56», понес сеносборник к помойке или куче компоста позади дома — эта процедура заняла не более двух минут,— оставив Гроверу и Крику достаточно времени, чтобы прибрать саму машину. Они уже пару раз проезжали мимо, выжидая момента. Потребовалось не более тридцати секунд, чтобы остановиться, выскочить, забросить косилку в кузов и отправиться дальше. Их еще больше развеселило, когда через десять минут они увидели электрический резак, лежащий поверх живой изгороди. Владелец, по всей видимости, зашел в дом помочиться или попить, и Крик выскочил из кабины, дернул идущий в гараж шнур, чтобы

вырвать вилку из розетки, и, не мешкая, бросил «плохо лежащий» инструмент рядом с газонокосилкой. Гровер еле завел машину, так его это рассмешило. Еще удалось стащить прямо с подоконников несколько горшков с цветами и пинту молока, которое оказалось прокисшим от жары. На этом дневная работа была закончена. Легко и приятно, и не так рискованно, как среди ночи красться по лесу, ожидая выстрела из двустволки лесника.

Въехав в обволакивающий туман, они стали двигаться осторожнее, оба высунули головы в боковые окна, чтобы следить за обочинами дороги. Гровер переключил фары на средний свет, а Крик постоянно жаловался, что нужно повернуть обратно.

Гровер глотнул теплого пива из зажатой меж коленей жестянки. Крик взял катающуюся по полу неоткрытую банку, откупорил и направил пену на соучастника.

— Козел! — взревел Гровер, пролив свое пиво на брюки, когда попытался загородиться рукой. Пикап дернулся вправо и несколько ярдов проехал, царапая боком по кустам. Гроверу понадобилось время, чтобы вернуть машину на середину дороги; при этом, резко выруливая, он расплескивал пиво на плечо Крика. Обоим показалось это очень смешным.

— *Смотри!* — Крик вдруг прекратил смех и схватил Гровера за руку.

Тот, коленями зажав банку с пивом и вытирая бейсбольной кепкой лицо, нажал на тормоза. Автомобиль ехал довольно медленно, хотя Крику так не казалось, и, хотя тормоза были не прокачаны, быстро остановился.

— Что? — спросил Гровер, с прищуром вглядываясь через ветровое стекло.— Что еще?

Крик посмотрел по сторонам.

— Мне показалось, кто-то переходил дорогу.

— Лично я никого не вижу.

— Мы, наверное, уже в деревне, так что не кипятись.

— Да, да.— Большим пальцем Гровер ткнул за спину.— Скоро мы их выгрузим и пропустим немного в «Черном кабане».

— Не знаю. Эти свиньи могут все еще расспрашивать там про Микки. У меня нет большого желания опять с ними говорить.

— Нет, они убрались в тот же день.

— Возможно. Я только говорю, что не стоит пока показываться, знаешь, пока все не утихнет.

— Глупо, парень. Надо вести себя так, будто ничего не случилось, вот что.

Крика это не убедило.

— Все равно. Давай сначала спрячем барахло.

Гровер нажал на педаль, машина снова поползла вперед. Он почувствовал себя увереннее и начал набирать скорость.

— Ладно, это не так глупо. успокойся.

Гровер специально нажал на газ.

— Ленни! — предупредил его Крик.

Тот фыркнул и поехал еще быстрее.

Они подъехали к перекрестку, где сходились две дороги. По одной ехали они, другая шла от церкви Святого Джайлса. Крик обалдело уставился в окно, хлопая глазами; он даже провел по лицу рукой, не веря себе.

— Ленни, ты видишь?..

Гровер, напевая, ехал вперед. Никаких других машин на дороге не ожидалось — какой дурак выедет в такой туман? — и было особое возбуждение от езды вслепую. Он с удовольствием рыгнул, почувствовав на языке вкус пива.

— Ленни,— опять сказал Крик. Он мог поклясться, что видел, как кто-то двигается в тумане. И слышал странные звуки, похожие на голоса, хотя и не был уверен из-за пения Гровера и шума мотора. Что это впереди? Словно масло течет на дорогу с лужайки. Крик испугался, что машину занесет, и открыл рот предупредить Ленни, но не успел: они уже переехали ручеек. Крик снова высунул голову в

окно и принюхался. Неприятный запах... Стоп! На улице есть люди, только он не может рассмотреть — это всего лишь силуэты...

Крик посмотрел вперед, но свет фар отражался от тумана, и было трудно что-либо разглядеть. Других огней не было — ни в лавках, ни в домах. Это чертовски странно...

— *Ле-е-и-и-и!..*

Крик только что увидел метнувшуюся из дверей фигуру, они чуть не наехали на нее. Гровер тоже ее заметил и, выругавшись, нажал на тормоз.

Он выкрутил баранку влево, чтобы не сбить светловолосую женщину, и машина, дико накренившись, наехала на поребрик. Крыло ударило второго человека, появившегося из той же двери, и отбросило его назад. Вопль сбитого был не громче их собственных. С ошеломляющей силой машина протаранила косяк двери и стену за ним. Автомобиль резко остановился, и оба сидящих в нем, всегда презиравшие ремни безопасности, вылетели через ветровое стекло.

Крику повезло: он приземлился внутри гостиницы, а Гровер с размаху ударился о дерево и кладку у входа. Впрочем, в конечном итоге не повезло никому, потому что в аварии погибли оба. Просто Крик прожил чуть дольше.

Они снова здесь. Внизу. Бормочут. Шепчут. Стонут. Стараются свести его с ума. Ну, он не будет долго это терпеть. Всему есть предел. Ему надоели эти голоса, он устал от призраков.

Доктор вылил остатки виски и уронил пустую бутылку на пол. Он держал стопку и смотрел в янтарную жидкость. Ты даешь забвение, не так ли? Что ж, его это устраивает, потому что забвение означает защиту. Они не смогут пробраться к нему, когда он согреется. Его пальцы крепче обхватили стопку, и виски внутри задрожало.

Локвуд может идти к черту. И Бердсмор вместе с ним. И остальные тоже, эти дурачки,— Бердсмор называл их

«посвященные» Им нравились эти обряды, и разложение проникало в них без их ведома. Что ж, и они тоже могут сгнить в аду!

Доктор Степли пил виски, уже не смакуя его, а стремясь лишь забыться. Потом, приняв какое-то решение, поставил стопку обратно на столик у кресла, встал, поправил галстук, расправил плечи и выпрямился; выпрямился, насколько позволяло выпитое и таблетки, которые он принял за последние несколько часов.

Рукой он ухватился за спинку кресла, чтобы сохранить равновесие. Любой может держаться с достоинством, ободрил он себя.

«*Как и деградировать*»,— напомнил внутренний голос, ставший в последнее время постоянным собеседником.

Подчеркнуто твердо доктор прошел к двери.

«*Притворство*,— тут же вмешался издевательский голос.— *Настоящий доктор слаб и в панике. Ведь честно, ты не хочешь спускаться туда, правда, дружок? Что ты там обнаружишь? Подумай...*»

В дверях он помедлил и закрыл глаза. Нет, он настоящий и вполне реальный, ободрил он себя, но эти звуки в приемной отсутствуют. Это просто шепот сознания, а сознание — это продукт интеллекта, который сам по себе не имеет физической субстанции. Известно, что в придуманном нет ничего реального.

«*Но когда ты приблизишься, разве голоса не станут громче? А когда ты откроешь дверь внизу...*»

Ум может дурачить сам себя — таков был его вполне рациональный ответ.

«*Тогда нет никакой причины бояться*».

Никакой.

«*И все же твои руки дрожат, ладони влажные; и разве твой пульс не участился?*»

Усталость. Стресс. И...

«*И?..*»

Он рванул дверь.

Быстрыми, даже самоуверенными шагами доктор спустился по лестнице. Да, хорошо ощущать злость — она подавляет другие эмоции, в частности страх. Он не превратится в лопочущую развалину, как малодушный Локвуд, который забился к себе в спальню и сидит там, вцепившись в одеяло, как старая дева, вообразившая насильника у себя в дверях. Сумасшествие Эдмунда случилось не внезапно, процесс начался давно. Возможно, столетия назад.

«Начиная с первого слитского Локвуда?»

Да. И последующих Локвудов. Эдмунд продолжил долгую цепь психопатов.

«Как мертвый доктор продолжил цепь предшественников?»

Да, да, это передается по наследству, если хочешь — если ты настаиваешь. Возможно, само рождение в Слите означает рабство.

«Значит, ты не виноват».

И снова Степли заколебался. Он стоял в темноте лестницы, и его решимость убывала. Если бы было так просто переложить вину, обвинить своего отца, а до того его отца! К сожалению, это означало бы отрицать свободу воли.

«Ах да, свобода воли. Этого достаточно, чтобы противостоять импульсам собственного безумия?»

Но я не безумен!

«Однако ты слышишь голоса из пустой комнаты».

Не пустой.

«Пустой».

Еще три шага привели его к подножию лестницы. Напротив была закрытая дверь приемной.

Там не может быть пусто.

«Пусто».

Прислушайся к ним, прислушайся к этим голосам.

Внутренний голос, звучащий только в голове, помолчал, потом послышался снова:

«Что ты собираешься делать?»

Прогнать их.

«Если они есть...»

Я слышу их.

«А если там пусто, ты признаешь свое безумие?»

Но там *не* пусто! Смотри, я покажу тебе...

Доктор шагнул вперед и распахнул дверь.

Не последовало ни торжества, ни злорадства от сознания того, что он оказался прав. Стенли попятился назад и упал на лестницу, по которой спустился.

Теперь, когда дверь была открыта, внутренний голос превратился в бормотание, в адскую какофонию стонов и воплей, причитаний и молений, ярости и упреков. Стенли поднял руки, чтобы отгородиться от этих ужасов, собравшихся в тесной приемной, но их образы уже проникли в его ум, их было не стереть. И он по-прежнему видел их...

...кричащая женщина протягивает к нему окровавленный зародыш своего ребенка, пуповина которого все еще обвивается вокруг крохотного горлышка, его рождение убило обоих; собравшиеся вместе старики — их слишком много, чтобы сосчитать,— изможденные и дряхлые даже в призрачных оболочках, поносящие его за свою жалкую смерть по его халатности, из-за его презрения, пренебрежения; ребенок с призрачными слезами, блестящими на призрачном лице, упрекает его в неверном диагнозе, который привел к смерти,— грипп вместо бронхиальной пневмонии; жертва СПИДа, которой Стенли прописал всего лишь поверхностное лечение,— огромные призрачные глаза этой жертвы смотрят на доктора из кутерьмы непостоянных призраков и посылают проклятия; девушка, показывающая свою иссеченную плоскую грудь, изуродованную раком и запоздалым оперативным вмешательством, повлекшим смерть, которой вполне можно было бы избежать, если бы доктор обратил внимание на первые признаки злокачественной опухоли; монстр в углу — это новорожденный, которого доктор счел слишком

страшным, чтобы оставить жить, и который теперь вырос в альтернативном мире фантомов...

...и были другие — призрачные лица, которые он с трудом вспоминал, несчастные, ставшие жертвами его небрежности и неправильного лечения, побочные жертвы его злоупотреблений алкоголем и наркотиками...

...другие, большинство из которых он определенно не знал, еле видимые в толпе тени прошлого, умершие еще до его появления...

...и еще другие, более отчетливые, чем предыдущие, некоторых он даже узнал, поскольку их использовали в ритуалах...

...и среди них стоящий в дверях маленький Тимми Норрис, всего семи лет от роду, его фигура видна отчетливее всех, он почти реален, почти осязаем...

Услышав тихое пение убитого мальчика, доктор Степли медленно опустил руки. Каким-то образом слова, как бы тихи они ни были, слышались сквозь шум позади. Тимми пел гимн, и Степли узнал его, этот гимн он слышал во сне, в ночных кошмарах...

Доктор начал понимать.

— *Н-е-е-е-т!* — закричал он.

Не отрывая глаз от мальчика в открытых дверях, он скатился с лестницы и только у самых дверей выпрямился, но его спина по-прежнему скользила по стене; он мотал головой, пытаясь отогнать обретающее реальность видение.

Крики, бормотание, *стенания* из приемной продолжались, но, несмотря на это, ясно слышалось тихое пение мальчика.

Доктору Степли потребовалось несколько секунд, чтобы отпереть разнообразные замки, но в конце концов он распахнул входную дверь. Словно привлеченный звуками, внутрь запалы грязного цвета туман, и доктора едва не стошнило от его запаха; это напомнило ему о тех домах, куда его вызывали и где мертвые тела лежали неосвидетельствованными по нескольку дней — не такие уж ред-

кие случаи для этих треклятых времен,— заползающая с улицы мгла имела тот же сладковато-тошнотворный аромат разложения. Зажав нос и рот рукой, Стефли бросился на улицу.

Его машина стояла в мощеном палисаднике перед кабинетом, и, спеша к ней, доктор полез в карман за ключами. Обнаружив, что ключей там нет, он вслух застонал. Нет, он не мог вернуться, он *не может вернуться*! Через открытую дверь по-прежнему доносились голоса, теперь слабее, но неземной голос мальчика слышался так же ясно.

...Но в пятницу внезапно
Покрылось небо мглой,

Доктор чуть не зарыдал от облегчения, когда увидел через окно машины, что ключи вставлены в замок зажигания. Он не удивился, а был только благодарен, что они там, так как в последние месяцы подобная забывчивость стала характерной для него; напряжение, в котором он так долго находился, привело к переутомлению, как умственному, так и физическому. Доктор прямо-таки рухнул на сиденье и обнаружил, что руки слишком трясутся и слишком мокрые, чтобы сжать ключ зажигания. Обеими руками, сгорбившись и неуклюже изогнувшись, он все же умудрился завести двигатель. Мотор заворчал, и Стефли быстро включил фары.

Но, взглянув через ветровое стекло, понял, как трудно будет ехать сквозь туман. Туман клубился, застилая обзор, лениво плыл, и Стефли различил темные сгустки, напоминающие... призрачные... фигуры...

...трудно танцевать...

Гимн слышался даже сквозь закрытое окно машины.

Доктор отпустил сцепление и нажал на акселератор. Покрышки пробуксовали, но тут же бросили машину вперед. Там и здесь в тумане имелись просветы, отчего было проще находить путь — или, по крайней мере, не съезжать с дороги. Зубы Стефли, сточившиеся и пожелтевшие от

возраста, закусили нижнюю губу. Локвуд должен помочь. В конце концов, он несет ответственность, это он разжег все это. Но теперь Локвуд превратился в съежившуюся развалину. Тогда Бердсмор. Он сильнее. И они с Локвудом — одно...

...с чертом за спиной...

Стефли еще сильнее нажал на акселератор, и машина накренилась, набирая скорость. Детский голосок не отставал, хотя кабинет остался далеко позади. Это было почти как...

Он бросил взгляд через плечо, ожидая увидеть на заднем сиденье фигуру Тимми Норриса. Конечно, там было пусто.

Доктор снова стал смотреть вперед и заметил свет фар, какая-то машина мчалась сквозь туман. Он слишком поздно заметил, что кто-то перебегает ему дорогу.

Хотя Стефли резко повернул руль влево, машина сбила этого человека. Тело ударилось о ветровое стекло, отчего по стеклу во все стороны разбежались трещины. Стефли услышал женский вскрик, машину занесло, и женщина упала с капота. Автомобиль доктора ударился о машину, стоящую у края пустыря, и Стефли дернуло вперед. От кружения машины он потерял ориентацию, потом ощутил особое чувство полета, словно плавно плывет по воздуху. Машина продолжала вертеться, отчего кружилась голова, и, как ни странно, это не было неприятно.

Движение замедлилось и прекратилось, легко и без всякого столкновения, мотор заглох. Все стало тихо и спокойно. Даже гимн замолк.

Доктор прислонился к рулю, очки съехали на кончик носа. Он тяжело дышал.

Потом послышался треск. Невероятно, но как будто трескался лед.

Машина вздрогнула, ее передние колеса погрузились, но не глубоко, всего на фут, не больше. И она начала скользить вниз.

Когда машина снова наклонилась вперед и послышался плеск, доктор вскрикнул. За окнами стала подниматься темная вода, ноги вдруг промокли.

Вода из пруда заполняла тонущую машину, темная, серая тяжесть давила на окна, просачиваясь через трещины в ветровом стекле, и струйки вскоре превратились в потоки, фары по-прежнему горели, и даже сквозь охвативший его ужас доктор разглядел во мраке темные фигуры, плывущие к нему, словно что-то тянуло их к новому чужеродному элементу, появившемуся в этом тускло, водянистом мире.

Что-то застучало в боковое стекло, и доктор резко обернулся. Ему показалось, что к окну прижалась маленькая ручка. Но на ее пальцах не было плоти.

Стук по стеклу рядом заставил его снова оглянуться.

Сначала было трудно что-то разглядеть, поскольку все окутывал мрак — и внутри машины, и снаружи. Но даже в этой кромешной тьме глаза различили прижавшееся к стеклу лицо. Необъяснимо — поскольку мрак не рассеивался,— но он увидел, как появилось еще одно лицо; призрачные образы как будто светились изнутри, а к стеклу прижимались маленькие ручки.

Сначала Стефли показалось, что лица улыбаются ему, но потом он понял, что вода в пруду разъела губы на этих лицах.

Ледяная вода сдавила грудь, стало трудно дышать. Он не мог шевельнуться. Нет, ему не двинуться. Куда ему деться? Туда, к этим призракам?..

Лица словно закивали в ответ на его молчаливый вопрос. Появлялись все новые фигуры, безгубые лица, пустые глазницы, они облепили ветровое стекло и боковые окна.

Вода дошла до подбородка.

Хотя плоть с лиц была смыта на этом подводном кладбище, Стефли понял, что лица принадлежат детям, потому что они были в большинстве своем маленькие, как и костлявые ручонки, стучащие по стеклу. «*Нам одиноко здесь,* —

говорили дети.— *Слишком долго мы здесь безупречны. Нам нужен кто-то, кто бы позаботился о нас. Кто-нибудь старший. Вроде тебя».*

Вода заливала рот, попадала в нос. Очки упыли. До Степли донеслись слова гимна. От детских голосов улыбки за стеклом словно посветлели и стали еще шире.

...Но знайте: я — танец
И снова кружусь!

Вода сомкнулась над его головой.

Мэдди Баклер шила, ожидая. До того она поставила на окно маленькую лампу. Возможно, это было глупо, но чувство говорило, что лампа может послужить маяком.

Рядом лежал Гаффер, прижавшись к креслу так близко, что мог коснуться хозяйки. Пес бегал за ней повсюду, с тех пор как в позапрошлую ночь вернулся один и стал выть у двери. Тогда у Мэдди не было сомнений, что с Джеком что-то случилось. Она сразу же позвонила в полицию, но там отказались ехать в лес искать его. Пусть рассветет, сказали ей, и тогда — если с ее мужем что-то случилось — его будет легче найти. Кроме того, в любой момент он сам может вернуться, ругая убежавшую собаку. Мэдди не удалось убедить их, что здесь что-то не так и нужно начинать поиски немедленно. Она уговаривала Гаффера отвести ее к Джеку, но собака отказывалась выходить из коттеджа, убегала от входной двери и забивалась под стол в кухне.

Позже, утром, полиция нашла тело Джека, но их извинения и выражения сочувствия уже не могли помочь. Так же как и заверения, что виновного, пронзившего ему сердце металлической стрелой, скоро разыщут.

Прошлой ночью Мэдди ждала, что Джек вернется. И теперь ждала снова.

Он придет. Она знала, что он придет. Он найдет путь в противном тумане, и свет в окне направит его.

О, пусть говорят, что он умер! Они могли унести его тело, но это не значит, что Джек не вернется к ней.

Потому что *все* возвращаются.

Как никто не понимает этого?

Все возвращаются.

И поэтому она будет сидеть здесь и шить, пока Джек не придет. Мэдди начала напевать себе под нос.

Но прекратила, когда Гаффер вздернул голову. Эрдель тихо заскулил.

— Все хорошо, старый дурачок. Ты знаешь, кто это.

Собака, не отрываясь, смотрела на дверь, жалобное скуление стало настойчивей.

— Теперь помолчи, добрая псина.

Мэдди положила руку на длинную плоскую собачью голову, и пес успокоился. Впрочем, он оставался начеку, повернув голову в сторону и приподняв ухо.

Вскоре и Мэдди услышала шаги.

Они доносились с дорожки, ведущей к коттеджу.

Шаги приближались.

37

Не раз Грейс убегала вперед, и Эшу приходилось ускорять шаг, чтобы догнать ее. Теперь туман рассеялся клочьями, он то становился редким, так что при неполной луне под деревьями с обеих сторон была видна дорога, то вдруг сгущался, и Эш боялся потерять Грейс из виду; только фонарь у нее в руках указывал путь. Запах, тошнотворный запах разложения, по-прежнему стоял в воздухе, но Эш немного привык к нему и больше не испытывал позывов рвоты при каждом вдохе.

Начав уставать, он взял Грейс за локоть.

— Может быть, сбавим темп?

— Если не спешить, мы можем опоздать.

Она даже не взглянула на него, сосредоточенно изучая изъезженную дорогу перед собой.

— Куда? Какого черта нам делать на развалинах?

— Ты видел, что случилось с картиной в кабинете отца.

Их обоих поразило это явление, тем более необычное, что, хотя изображение Локвуд-Холла было уничтожено невидимым пламенем, раму и стену даже не опалило.

— Мы...— начал Эш, но Грейс прервала его.

— Отец там,— сказала она.— Я знаю, что он там.

Он замолчал, высматривая путь. Густое облако тумана преградило им дорогу, затмив все, в том числе и облачное ночное небо. Они продолжили свой путь, Грейс светила фонарем под ноги на ярд или два вперед. Наконец туман немного рассеялся, и Эшу показалось, что впереди мелькнула обгоревшая оболочка Локвуд-Холла, прежде чем ее опять поглотила налетевшая мгла. Грейс тоже заметила развалины и пустилась бежать. Эшу ничего не оставалось, как последовать за ней.

Ей недолго удалось поддерживать взятый темп — как и Эш, она устала от ходьбы. Туман и изрытая дорога делали путь трудным; временами приходилось идти почти вслепую, так как свет фонаря отражался от тумана. Когда они подошли ближе, впереди снова показались развалины Локвуд-Холла. На какое-то время мгла рассеялась, и Эш с Грейс увидели заброшенный особняк почти целиком. В свете луны Локвуд-Холл казался мрачным как никогда.

Эш ощутил жгучую потребность отвернуться от этого безрадостного места — даже черные провалы окон казались угрожающими,— но Грейс все равно пойдет, даже если останется одна, а он не мог допустить это. Их близость в тот день была не просто случайным совокуплением — страсть возникла из более глубокого источника, из понимания природы друг друга и осознания общности бремени, которое каждому из них уготовила судьба.

Словно уловив его мысли, Грейс вдруг взяла Эша за руку. Она смотрела не на него, она не отрывала глаз от полуразрушенного здания, что маячило впереди, теперь уже совсем рядом. Вместе они приблизились, и мгла сомкнулась.

Они вышли на широкую площадку перед лестницей, к которой когда-то, давным-давно, подъезжали кареты, где

собирались всадники со сворами гончих, суетящихся у лошадиных ног, или толпились спешащие на бал гости. Грейс указала на свет, видневшийся в одном из окон на обветшавшем фасаде.

Верхние этажи старого дома терялись в тумане, стены, казалось, уходили в забвение, в туманную пустоту, ведущую в бесконечность. Эш ощутил мерзость запустения и нечто большее — здесь была какая-то зараза, черная злоба, которая не проявляла себя во время их первого посещения. Возможно, только темнота могла обнажить гнойную язву этой несчастной души, или некий временной цикл управлял этими нечестивыми проявлениями, поскольку Эш явственно чувствовал, что выпущенное на Слит зло достигло своей кульминации. Он поежился от этой мысли, не понимая, откуда она взялась.

— Отец внутри.

Эш резко взглянул на Грейс:

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда же, откуда и ты,— ответила она, светя фонарем на вход в Локвуд-Холл.

Она начала пересекать каменную, поросшую травой площадку. Когда Эш присоединился к ней, Грейс уже подошла к ступеням, ведущим к колоннам у входа. Эш взял у нее фонарь, и они начали подъем.

— Слышишь?..

Грейс остановилась, и он обернулся к ней, поставив ногу на ступеньку.

Музыка была едва слышна, она нарастала и убывала, так что ему приходилось вслушиваться. Она напоминала отдаленные звуки клавесина.

Грейс подошла к нему и взялась за его локоть.

— Я часто слышала это, когда была маленькой,— сказала она приглушенным голосом и добавила: — Когда отец брал меня сюда.

— И он знал?..

— Я... не могу вспомнить. Наверняка я спрашивала его, слышит он музыку или нет.— Она прикоснулась к виску, словно воспоминания вызывали боль.— Я танцевала под эти звуки у меня в голове, и он предупреждал, что пол внутри может провалиться.

— Тогда зачем же он приводил тебя?

Грейс не ответила, и Эш не знал, то ли ей изменила память, то ли она просто не хотела дальше погружаться в свои воспоминания. Он заподозрил последнее.

Но не стал настаивать, а просто сказал:

— Пойдем разыщем его.

Они вместе преодолели последние ступени, и, когда добрались до входа, музыка прекратилась. Как будто их присутствие не осталось незамеченным. Эш направил фонарь в обширное пустое пространство внутри.

Ничто не изменилось с первого посещения: широкая, но полуобвалившаяся лестница, жалкий символ былой роскоши, торчащие из разбитых стен стропила, кучи мусора, как маленькие холмы,— все было точно так же, как и в первый день. И все же теперь Эш ощущал в этом месте какую-то неуверенность — нет, какую-то опасность,— которой не было раньше. Он чувствовал, что ветхое строение стало еще более хрупким, и, будто дразня его неуверенность, откуда-то сверху обрушилась гора пыли и мусора.

Оба отшатнулись; Эш направил фонарь вверх. Туман так наполнял помещение, что луч еле проникал выше первого этажа. Они подождали у входа, пока последняя частица пыли не упала на замусоренный пол.

Когда эхо затихло, Эш сказал:

— Это слишком опасно, Грейс. Нам не попасть внутрь.— Он говорил тихо, словно боялся, что их подслушают.— И кроме того, у нас нет никаких доказательств, что твой отец здесь.

Грейс не потрудилась ответить. Она вошла внутрь, и Эшу пришлось последовать с фонарем за ней.

— Посвети туда,— указала она.

Он сделал, как она просила.

Вестибюль находился меж двух винтовых лестниц прямо напротив места, где стояли Эш и Грейс. Эш посветил на них, но, хотя туман здесь был реже, он все же не позволял лучу проникнуть далеко.

Эш вздрогнул, когда Грейс вдруг сказала:

— Я знаю, где он, Дэвид. Я вспомнила.

Она снова бросилась прочь, и снова Эш последовал за ней. Светя фонарем под ноги, нащупывая каждую ступеньку, боясь, что лестница рухнет под ногами, они стали подниматься. Везде валялись сухие листья, принесенные ветром через вход. Теперь Эш шел впереди, и вскоре они дошли до конца лестницы. Вестибюль исчез внизу, возникло ощущение еще большей неуверенности.

Часть потолка обвалилась, вверху и внизу виднелись дыры, отчего Грейс и Эшу приходилось осторожно обходить провалы в полу. Проход был таким узким, что Эш прижимался к стене. Он оперся рукой о выцветшую штукатурку и повернулся к Грейс.

— Пощупай,— сказал он ей.

Она пощупала и, вскрикнув, отдернула руку.

— Она как будто вибрирует.

— Но поверхность неподвижна,— ответил Эш, почти касаясь стены фонарем.— Смотри, пыль здесь совершенно нетронута.

Снова донеслась музыка, к отдаленным глухим звукам добавились новые — голоса, смех, шум шагов. Эш и Грейс переглянулись и замерли, свет отражался на лицах. Только когда голоса снова затихли, они осмелились вздохнуть.

— Я всегда думала, что мне кажется,— прошептала Грейс.— Когда я была маленькой, эти звуки слышались на самом деле, Дэвид, это вовсе не было игрой воображения.

Услышав рядом треск, она прижалась к Эшу. Он посветил фонарем через ее плечо в направлении звука, но там ничего не было видно, только клубился туман.

— Тут все скоро рухнет,— сказал Эш, обнимая Грейс.

И будто в подтверждение этих слов послышался шорох сыплющихся камней и мусора. На этот раз вдали, возможно, на верхних этажах.

— Скоро мы найдем его, я знаю.— Грейс отстранилась и умоляющими глазами посмотрела ему в лицо.

— Попытайся позвать его,— предложил Эш.— Может быть, он выйдет к нам.

Грейс повернулась и позвала отца, сначала тихо, боясь потревожить ненадежное здание, а потом громче. Единственным ответом стал новый обвал камней где-то наверху. На несколько панических мгновений Эшу показалось, что сейчас вся оставшаяся половина потолка накроет их, и он увлек Грейс в относительную безопасность рядом с дверью. Потолок удержался, хотя с него и посыпалась пыль, от которой запершило в горле.

— Нам нельзя здесь оставаться.— Он стиснул Грейс запястье, собираясь увести ее. Оба закашлялись от пыли.

— Там, внизу, есть дверь,— наконец выговорила Грейс.— Наверное, она ведет в подвал.

— И ты думаешь, твой отец может быть там? Ради Бога, почему?

Эш осветил ее лицо, но увидел в глазах только замешательство.

— Хорошо,— уступил он.— Посмотрим, но если через несколько минут не найдем его, уходим. Ладно?

Грейс по-прежнему пребывала в замешательстве.

— Ладно? — повторил он, встряхнув девушку.

Пыль осела у нее на волосах, щеки и лоб были измазаны. Грейс кивнула и посмотрела в темные углы вестибюля у него за спиной.

Эш продолжал держать ее, пока они пробирались через кучи мусора и сухих листьев, обходя участки, где пол был явно ненадежным. Стены там и здесь почернели, а двери полностью выгорели. Каждый раз, проходя мимо такого

проема, Эш светил туда фонарем. Во всех помещениях не было ничего, кроме следов разрушений. Пожар более чем двухсотлетней давности, видимо, был ужасен и не миновал ни одной комнаты; запах горелого дерева и опаленной кладки составлял часть общего смрада. Даже зловоние плывущего тумана перебивалось запахом этого здания. Каждый раз, задевая стену или обугливщуюся дверь, Эш ощущал колебания, и с каждым шагом его беспокойство усиливалось. Он начал подумывать, что, может быть, на самом деле эта дрожь исходит из его собственного тела, а не от стен вокруг, но вспомнил, что и Грейс ощущает то же самое. Его осенила новая мысль: возможно, дрожь идет откуда-то из глубины, из самой земли. Может быть, это сейсмические сотрясения, посылающие импульсы на поверхность и самому зданию. Это не слишком редкое явление, оно могло дать логическое объяснение непонятной дрожи, по крайней мере прогнать некоторые страхи. К сожалению, от этого в доме не становилось безопаснее.

— Вот.

Грейс остановилась, вглядываясь в темный проем в стене напротив.

Эш направил туда луч и увидел большую приоткрытую дверь, ее поверхность дочерна обгорела. Вместе они перешагнули обломки, и Эш увидел рядом другую открытую дверь. Быстро посветив туда, он обнаружил большой черный провал. Тем временем Грейс толкнула обгоревшую дверь. Та громко заскребла по полу, и когда Эш налег, чтобы помочь, то обнаружил, что дверь железная.

За дверью была крутая каменная лестница, ведущая вниз, как будто в самые недра Локвуд-Холла.

38

Еще не завершив спуск, они увидели теплое свечение из пролома в стене одного из подвалов и последние ступени преодолели в нерешительности. Эш также заметил зи-

ющую в потолке дыру: очевидно, в комнате, которую он только что видел, провалился пол. Атмосфера здесь была душной, сырой, и все покрывала пыль.

Они дошли до последней ступени, Эш посветил вокруг. На первый взгляд, здесь не было повреждений от пожара, хотя стоял тяжелый запах горелого дерева, а под дырой в потолке скопился мусор. Вдоль стен шли полки и пустые стеллажи для вина, но удивительно — совсем не было паутины. Эш решил, что даже пауки покинули это Богом забытое место. Его внимание вновь привлек большой проем, откуда исходило мягкое, неровное свечение. Что-то лежало у входа — с лестницы ему показалось, что это куча мусора. Теперь же стало понятно, что это тело — с согнутыми ногами и прижатыми снизу к подбородку руками. Оно лежало в темной луже высохшей крови.

Сделав Грейс знак следовать за ним, Эш обошел обломки и осмотрел тело вблизи. Мертвый человек с длинными вьющимися волосами — его возраст было невозможно определить по залитому кровью лицу с концом какого-то шипа, высовывающимся из перебитой переносицы,— был одет в грязные потрепанные джинсы и драную кожаную куртку; рот его был плотно закрыт и запечатан запекшейся кровью, а окровавленные руки мертвой хваткой вцепились в конец торчащего под подбородком древка. Глаза выкатились, словно изнутри на них что-то давило.

— Дэвид, осторожнее.

И Эш, и Грейс подскочили. До прозвучавших слов тишина была такой напряженной, что, хотя исследователь сразу же узнал этот голос, ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

— Фелан? — спросил он, вглядываясь.

Огромная комната по ту сторону проема была освещена свечами, сотнями свечей всевозможных размеров и толщины. Тени в дальних углах колебались в неровном свете, и Эш смог смутно различить в стенах ниши с закруглен-

ным верхом — в них было темно до черноты. Стены покрывали поблекшие шпалеры и какие-то причудливые древние инструменты, а посредине зала стоял длинный каменный стол. Между сводчатыми нишами и особенно толстыми свечами в высоких, тяжелых, витых канделябрах черного металла стояли большие резные деревянные кресла, с дюжину или больше. И хотя запах горящего воска перебивал остальные запахи, в ледяном холоде этого внутреннего святилища не ощущалось никакого тепла от мириад огней.

В одном из резных кресел сгорбился преподобный Локвуд, его подбородок упал на грудь, изуродованные артритом руки покоились на подлокотниках, а позади, положив свои маленькие, изящные ручки на высокую спинку, стоял Симус Фелан; на полу рядом валялась его трость.

— Как...— начал было Эш, но ирландец перебил его, незамедлительно пояснив:

— Покинув церковь Святого Джайлса, я направился прямо к викарию и уговорил преподобного Локвуда пойти со мной сюда.

— Но зачем? — Грейс тоже вошла в освещенную свечами комнату и двинулась к двум мужчинам.— Мой отец болен, ему не следовало...

— Не приближайтесь! — Фелан поднял руку, словно загораживаясь от нее.— Дэвид, пожалуйста, уведите ее отсюда, сейчас же, сию минуту.

Но было поздно: Грейс уже подошла к отцу. Она опустилась рядом с ним на колени и попыталась заглянуть в опущенное лицо. Услышав ее голос, викарий пошевелился и закачался как под действием наркотика. Она заговорила с ним, но он не ответил.

Голос Фелана стал тише.

— Боюсь, он действительно болен.— Ирландец вышел из-за кресла и, положив руки священнику на плечи, вернул его в вертикальное положение.

Преподобный Локвуд посмотрел вниз и, увидев дочь, попытался произнести ее имя, но получился лишь невнятный шепот.

— Что вы сделали с ним? — Грейс сверкнула глазами на Фелана.

Тот продолжал обращаться к Эшу:

— Пожалуйста, Дэвид, сделайте как я просил. Уведите мисс Локвуд отсюда. Вы не понимаете.

Но Эш отвлекся. Зайдя вслед за Грейс в просторную комнату, он заметил в темноте сводчатых ниш какие-то фигуры. Посветив фонарем в ближайшее углубление, он содрогнулся от отвращения, выронив фонарь, который со стуком упал на каменный пол и тут же погас.

Хотя ниша снова скрылась в темноте, мельком увиденный образ остался у Эша в голове. Несмотря на свою бесформенность, это был человек — по крайней мере, когда-то это был человек, Эш не сомневался. Иссохшая кожа на голове побурела, плотно облепив сжавшееся основание, обтянув уменьшившийся череп, с которого свисали нити белых волос; из впавших глазниц смотрели высохшие глаза, часть носа отсутствовала, возможно съеденная червями; на месте ушей — просто скрюченные кусочки хряща. С одного плеча свисал изодранный в клочья ковер, тоже обесцвеченный и выцветший от времени, милосердно скрывая большую часть мумии; край ковра доходил до лодыжек, которые представляли собой не более чем серовато-желтые суставы с приставшими к ним темными полосками плоти. Обнажив остатки зубов в жуткой гримасе, мертвец будто издевался над исследователем.

— О Боже,— еле проговорил Эш; в горле пересохло.— Что это?

В голосе Фелана слышалось усталое смирение.

— Это Локвуды,— сказал он.— Тот, кого вы только что увидели, и другие в этой комнате были забальзамированы и сохранялись здесь последующими поколениями Локву-

дов. Как и сами руины, это просто безжизненная оболочка, без души, но с черной, порочной историей. Ах, Дэвид, если б только вы не пришли в это место...

— Зачем вы привели сюда моего отца? — В вопросе Грейс страх граничил с яростью.

Прежде чем ответить, Фелан внимательно посмотрел ей в лицо.

— Для искупления.— сказал он наконец, глядя в ее горящие глаза.— И еще, может быть, для спасения души, его собственной и других. Но боюсь, теперь уже поздно и для того, и для другого.

В дальнем конце длинной комнаты послышалось какое-то движение. Эш скосил глаза, но Фелан даже не потрудился повернуть голову, Грейс встала с коленей и тоже вгляделась в ту сторону, прищурившись в неровном свете свечей.

Из темноты одной ниши что-то появилось.

У Эша захватило дыхание. Фелан говорил, что это безжизненные оболочки. Это только оболочки, забальзамированные древние мертвецы. Они не могут двигаться...

Появившейся из тьмы фигуре предшествовал какой-то блеск, отражение огней, а потом на свет вышла и сама фигура.

Человек был весь в черном, высокий, чрезвычайно большой; поседевшие с боков черные волосы были зачесаны назад. В руке он держал дробовик с двумя стволами, один над другим,— такое оружие предпочитают охотники, для более точной стрельбы по дичи.

Человек показался Эшу знакомым, хотя он не мог припомнить, что когда-либо встречался с ним. И еще было что-то странное в его глазах — в мерцающем свете казалось, что они не имеют радужных оболочек. Только когда темный человек приблизился, Эш понял, что глаза были светлые-светлые, серые или голубые, и зрачки странно выделялись, несмотря на мрак в комнате.

Человек с ружьем подошел к каменному столу и стал обходить его, направив на Эша дробовик.

У мужчины был сильно выступающий крючковатый нос, и только отсутствие волевого подбородка смазывало впечатление силы в его чертах. Скошенный подбородок тонул в мешке кожи на широкой шее. Бледность глаз подчеркивалась густыми черными бровями; большие руки твердо держали оружие.

И только когда он остановился в нескольких шагах от Фелана, Эш вспомнил, где впервые встретил этот взгляд: несколько дней назад, когда он только приехал в Слит, этот человек сидел вместе с доктором в баре в «Черном кабане», и оба разглядывали его. Вдруг до Эша дошло, кто этот охотник в черном.

— Вы Карл Бердсмор,— сказал Эш.

Высокий человек улыбнулся:

— Какая догадливость!

— Вы слышали такой термин, Дэвид,— «душевод»?

Фелан задал вопрос довольно спокойно, как будто нацеленное на них ружье ничего не значило.

— Не уверен...

Бердсмор дернул стволом дробовика, раздраженный манерой ирландца.

— У нас нет времени,— сказал он.

— Разве этот человек не заслуживает объяснения? — ответил Фелан.— Вреда не будет. Кроме того, это очень волнует присутствующую здесь молодую леди.

Грейс, снова опустившись на корточки рядом с креслом пребывающего в трансе священника, переводила взгляд с одного лица на другое.

Фелан сохранял самообладание, он один понимал грозившую всем истинную опасность. Раньше он пытался предупредить Эша, но теперь было уже поздно, все они оказались во власти Бердсмора. Внушало тревогу и многое другое — например, состояние развалин; и еще Фелан чувствовал возмущения в самой атмосфере. В деревне пред-

знаменования были так сильны, что даже не обладавшие «даром» заметили симптомы, потому что призраки уже являлись не только к людям с интуицией. В Слите происходило нечто страшное, и до окончания ночи предстояло заплатить ужасную цену.

Чтобы выиграть время, Фелан пропустил мимо ушей возражение Бердсмора.

— Душевод — это проводник души в иной мир, вроде конвоира или пристава, если угодно.— Он махнул рукой в сторону ниш в стене.— Поколения Локвудов — эти чудовища, по глупости сохраняемые в ожидании времени, которое никогда не придет,— верили, что они были такими людьми.

— О, они были больше чем проводниками.— Бердсмор снова улыбался, хотя глаза его оставались тусклыми.— Они были духовидцами, людьми, достигшими невероятного.

— Как скажете,— снизошел ирландец.

Бердсмор двинулся с другой стороны к просторному креслу и встал в нескольких футах от остальной группы, и Фелан заметил, что, когда Бердсмор отвлекся, Эш украдкой сделал шаг вперед.

— По существу,— продолжил маленький ирландец,— сегодня в церкви Святого Джайлса мы познакомились с некоторыми, м-м-м, ну... Как мне следует их называть? Ритуалами? Пусть будет так. Мы познакомились с различными ритуалами, которыми в течение веков баловались правители Слита, хотя мой друг, присутствующий здесь,— он кивнул в сторону Эша,— не остался до конца урока. Мисс Локвуд, боюсь, ваши предки практиковали черную магию, чтобы сохранить души несчастных грешников, которых самолично убивали. Их целью было управлять самими душами через временное состояние смерти — искусство, возрождаемое (если не совершенствующееся) от поколения к поколению.

— Это было гениально.

Улыбка Бердсмора больше походила на оскал.

— Это было сумасшествие.

Ствол дробовика качнулся в сторону Фелана, и Эш подумал, не был ли комментарий ирландца преднамеренной хитростью, чтобы вывести Бердсмора из себя. И сделал еще шажок по направлению к человеку с ружьем.

— Вы не первый, кто насмехается над гениальностью избранных,— сказал Бердсмор.

— И вы не первый, кто использует этот стереотип.

Эшу показалось, что Бердсмор сейчас выстрелит в Фелана. Большие руки так сжали оружие, что побелели костяшки. Но, как ни удивительно, Бердсмор вдруг рассмеялся:

— Еще шаг в мою сторону, и я разнесу твою дерьмовую башку.

Он не смотрел в сторону Эша, но исследователь понял, к кому обращены эти слова. И замер.

Фелан торопливо заполнил паузу:

— Видите ли, мисс Локвуд, ваши предки верили, что если смогут управлять духами и общаться с теми, кого убили, то познают тайну смерти. И надеялись, что, получив это знание, достигнут бессмертия.— Он вздохнул и посмотрел на викария, чей подбородок опять упал на грудь.— Хуже всего то, что стремление к подобной мудрости включало в себя опыты и ритуалы, проводившиеся на невинных молодых людях, часто на детях, потому что они обладали самой крепкой, самой трепетной жизненной силой. Думаю, считалось, что энергию их духа легче уловить и ею легче манипулировать, когда они умирали.

В голосе Грейс послышался еле скрываемый гнев:

— Это бред! Явный и полный бред.

— Увы, к несчастью, это правда.— Фелан встретил ее взгляд.

Она неистово замотала головой:

— Мой отец не стал бы...

Ее прервал смех. Похоже, Бердсмора позабавили эти рассуждения.

— Ваш отец участвовал в этом,— сказал он.— Неужели вы так и не поняли? Ему завещали поддерживать традицию.

— Вы лжете! — Глаза Грейс сверкнули на покрытом пылью лице.— Он бы никогда не стал продолжать такую мерзость, даже если это правда. Ради Бога, он же священнослужитель!

— Не ради Бога, а ради него самого. Кто может быть ближе к душам мирян? Многие Локвуды были одновременно священниками и господами, хозяевами и пастырями. Почему вы не спросите его самого?

Предложение было сделано с такой самоуверенностью, что Грейс перевела взгляд с Бердсмора на отца, а потом почему-то на Фелана.

Ирландец кивнул:

— Боюсь, это так, мисс Локвуд. Болезнь, которая в конце концов сокрушила вашего отца, не более чем физическое проявление болезни души. Дурная наследственность, если хотите,— нечто такое, с чем он боролся всю свою жизнь. И боюсь, сражение в конечном итоге было проиграно.— Он прислонился к креслу, резкие черты его лица смягчились в свете свечей.— Дэвид говорил мне о состоянии вашего отца, но когда я заглянул к вам, преподобный Локвуд более или менее пришел в себя. Мы побеседовали, и мне удалось уговорить его пойти вместе в Локвуд-Холл. Видите ли, он был полон раскаяния и хотел каким-то образом исправить свою жизнь. О, не он один виноват, тут были вовлечены и другие — местные жители, которые, думается мне, в настоящий момент столкнулись с собственными демонами. Но главная вина на нем. Ведь он же Локвуд, понимаете?

Грейс сжала руки отца в тщетной надежде привести его в чувство.

— Это неправда! — кричала она.— Этого не может быть!

— Он приводил тебя сюда, когда ты была маленькой.— Эш снова двинулся, изобразив это так, будто хочет приблизиться к Грейс, а не к Бердсмору.

Она резко повернулась к нему:

— Я знаю, Дэвид. Я же и рассказала тебе об этом.

— Нет. Я хочу сказать, он приводил тебя сюда, на это самое место. Вот откуда ты знаешь о нем, разве не понятно? Ведь это ты привела меня сюда, Грейс.

— Неужели и ты тоже, Дэвид? Пожалуйста, скажи, что не веришь во всю эту нелепицу!

— Я видел это в твоем сознании. Я прорвался через тот барьер в твоем подсознании, который ты сама воздвигла. Ты никогда не хотела знать правду, разве ты не понимаешь? Это слишком больно.

Ее взгляд говорил о том, что она не верит ему.

— О чем ты говоришь? — Грейс замотала головой.

— Он приводил тебя сюда в детстве, и они использовали тебя.— Эш поколебался. Как сказать ей? — Те церемонии...

На помощь пришел Фелан:

— Вы участвовали в тех извращенных ритуалах. Вы! Вместе с другими детьми. Но вам больше повезло: они брали жизни других.

Грейс продолжала мотать головой; бессознательно она поднесла руки к лицу и заткнула уши.

А Фелан продолжал:

— Ваша мать узнала правду перед самой смертью. Ваш отец признался, хотя я уверен, что она и так подозревала все эти годы. Как не заподозрить? Вот почему в детстве она отправляла вас подальше от Слита — чтобы оградить от этого места и его порочности. Ваш отец рассказал мне, что это была его идея отослать вас, так что, может быть, в нем еще оставалось что-то хорошее.

Слезы оставили следы на щеках Грейс.

— Ваша мать подозревала, но никогда не знала наверняка размаха происходившего в этом тайном зале. А когда наконец ваш отец рассказал ей — из чувства вины, от угрызений совести, возможно в поисках ее помощи,— то ее сердце не выдержало.

Грейс стала подниматься, но ее лицо было обращено к отцу, и Эш не мог видеть его выражение. Она начала понимать? Что было в ее глазах — презрение? Отвращение?

— Ты заставила себя забыть,— нежно проговорил он, отчаянно желая подойти к ней и утешить, но помня о направленной на него двустволке.— Ради сохранения рассудка твой мозг заблокировал все это — здешние ритуалы, непристойности, безумия,— поскольку ты не хотела верить, что участвовала в этом. А еще потому, что ты любила своего отца и твое сознание не могло признать его порочность.

Грейс резко повернулась к Эшу, в ее глазах не было ни понимания, ни отвращения, а только гнев.

Прежде чем она успела что-либо сказать, вмешался Фелан, потому что существовала еще одна правда, которую эта девушка имела право знать; эта правда могла даже в некоторой степени уменьшить ненависть, которую, несомненно, Грейс начнет испытывать к отцу, когда признает — а в конечном итоге она должна признать — эти ужасные разоблачения.

— В то время,— сказал он,— кое-кто хотел убить и вас, но отец убедил вместо вашей взять чужую жизнь.

Замешательство подавило ярость.

— Они хотели убить меня? — медленно проговорила Грейс.

— Это я хотел убить вас.— Бердсмор неторопливо приблизился к остальным.— Боюсь, вы оказались слабым звеном в цепи. Даже в том нежном возрасте, в котором вы пребывали, когда я впервые увидел вас, я смог определить, что вы не были настоящей Локвуд. В отличие от вашего

отца, в отличие от меня. И вы были не первой паршивой овцой в нашем роду, в прошлом были и другие, кто не поддерживал идею Локвудов, и с ними тоже пришлось разделаться.

— Она была всего лишь ребенком,— проговорил Фелан, живо заинтересованный.— Как...

— Как я узнал? — проговорил Бердсмор презрительно, хотя продолжал улыбаться.— Некоторые чувствуют такие вещи.

Эш смотрел на высокого человека, обдумывая сказанные им слова.

— Вы? — До него наконец дошло.— Вы — Локвуд?

— Присмотритесь получше, Дэвид,— сказал Фелан.— Разве не видно сходства? Глаза, скос лба. Разве он не напоминает самого Эдмунда Локвуда? Одному Богу известно, какие случайности рождения привели его в этот мир.

— Не случайности, друг мой.— Всякие следы насмешки улетучились из голоса Бердсмора.— Неужели вы удивились бы, если бы узнали, что половая активность мужской части нашего семейства — не считая определенных склонностей — не ограничивалась пределами собственной спальни? А вы не задумались, почему такого человека, как я,— богатого и ценящего то, что остальное общество может считать излишествами,— привлекло это убогое местечко, Слит?

— Я с удовольствием вас послушаю,— сухо проговорил Фелан.

— Несомненно. Впрочем, мне представляется, что вся эта бессмысленная болтовня имеет для вас одну цель — выиграть время. Зачем оно вам — этого я не могу представить. Возможно, вы ожидаете, что меня вдруг одолеют угрызения совести — нечто вроде того, что постигло моего отдаленного родственника, падшего священнослужителя,— и я брошу ружье и попрошу у всех вас прощения. Или надеетесь, что мое внимание ослабнет, и я предоставлю это-

му придурку,— он указал на Эша,— возможность напасть на меня. Может быть, мне покалечить его? — Он прицелился Эшу в ногу.— М-м-м? И у нас всех будет возможность побеседовать, не беспокоясь, что какой-нибудь герой прервет наш разговор.

— А его стоны нас не отвлекут? — Несмотря на страх, явные следы которого читались на лице Эша, Фелан выдержал непринужденный тон.

— Ха! Резонно. Тогда, может быть, избавиться от него окончательно? Нет, пожалуй, не стоит. Грейс устроит истерику. Что ж, тогда встаньте на колени, мистер Эш. Пока достаточно этого.

— Сделайте, как он говорит, Дэвид,— по-прежнему непринужденным тоном посоветовал Фелан.

Эш неохотно опустился на колени. Но при этом еще чуть-чуть двинулся вперед.

Фелан приподнял свои серебристые брови:

— Ну, кажется, вы собирались намекнуть нам на вашу связь с семейством Локвудов. Который же из них завел на стороне ребенка, ставшего вашим прародителем?

Бердсмору словно доставило удовольствие ответить:

— Не кто иной, как Себастьян. Весьма известный — нет-нет, надо сказать: печально известный — в свое время.

— Ах да. Как-никак член Клуба адского огня.

— Член? Ничуть не бывало. Преподобный сказал бы вам, если бы мог говорить. Себастьян Локвуд был *учредителем* Клуба адского огня, а сэр Френсис Дэшвуд, которому всегда приписывали эту честь — или *вину*,— был всего лишь одним из его последователей. И позвольте добавить: никто ни в те времена, ни в нынешние не знал истинного размаха его деятельности. Но, надеюсь, хотя бы вы теперь имеете о ней представление.

— Да, пожалуй, я получил некоторое представление о ней.

Фелан казался задумчивым, но Эш заметил, что он тоже сократил расстояние между собой и Бердсмором. По-

ка высокий человек наблюдал за Феланом, Эш оперся одной рукой о каменный пол и приподнялся на колене, как спринтер на старте. И весь напрягся, готовый выпрямиться.

— Несомненно, все они были скверной братией,— продолжал ирландец,— должен сказать, как и само семейство Локвудов. Да, действительно, шайка развратных безумцев, все до единого.

— Соблюдайте чрезвычайную осторожность в словах,— посоветовал Бердсмор.

Эш задумался над сменой тактики со стороны Фелана. Он намеренно подкалывает Бердсмора, видимо считая, что ситуация идет к завершению и следует попытаться разоружить его. Глаза ирландца бегали туда-сюда, словно его беспокоило что-то помимо Бердсмора. Рукой Эш ощутил вибрацию и вспомнил, как прикасался к стене наверху. Не этого ли ждет Фелан? Может быть, он почувствовал, что с Локвуд-Холлом что-то должно произойти?

Ирландец, по всей видимости, не собирался останавливаться:

— А вы не думали, почему каждый потомок Локвудов рано или поздно сходил с ума? Да, мне кажется, что к нынешнему времени они уютно устроились у них в генах — безумие и развращенность. Так кто же та потаскушка, что спуталась с Себастьяном? Кто-то из светских дам? Нет, вероятно, какая-нибудь дешевая шлюха из города или какая-нибудь выжившая из ума беззубая деревенская карга. Впрочем, вы должны знать ответ.

— Я думаю, тебе надо держаться поскромнее, коротышка,— снова предупредил Бердсмор, поднимая ружье на уровень головы ирландца.

С потолка посыпалась пыль, отчего свечи заколыхались и задымили.

Фелан безжалостно продолжал свои провокации:

— Вы не заплатили кому-нибудь, чтобы проследил вашу генеалогию? Уверен, ваше состояние могло бы позво-

лить нанять лучшего исследователя. Наверняка именно так вы и выяснили своего истинного предка. Держу пари, та шлюха вела собственные записи, чтобы в будущем кое-кому было легче выявить свое происхождение. Или вы подумали, что она собиралась шантажировать Себастьяна? Вероятно, он просто рассмеялся бы ей в лицо. Или велел выпороть на конюшне. Какое ему дело до шлюхи и ее отпрысков? Блуд с женщиной не дает права ее ублюдкам называться Локвудами. Если бы Себастьян был сейчас жив, разве не плюнул бы он вам в лицо?

— *Заткнись!* — прошипел Бердсмор.

— Нет, он не позволил бы какому-то старому подонку примазаться к клану. А ведь вы, по сути дела, и есть такой подонок. Просто возомнивший себя тем, кем никогда не был и не мог быть. В своих извращениях Себастьян, возможно, был незаурядной — как вы упомянули — может быть, даже выдающейся личностью. И не поэтому ли вы так хотите сравняться, даже превзойти вашего, так сказать, родственника? А? Я прав?

Бердсмор приложил ружье к плечу. Но с улыбкой направил его в голову Грейс.

Фелан побледнел.

— Нет... не ее. Она ведь тоже Локвуд, Бердсмор. Ты не можешь убить ее.

Бердсмор с ухмылкой шагнул к Грейс, по-прежнему держа ружье у плеча.

— Ты потратил уйму времени, убеждая меня, что между нами нет родства. Да и кроме того, она давно должна была умереть, еще в детстве. Уже тогда я различил, что она не из настоящих Локвудов. Как я сказал, она оказалась слабым звеном, но его еще можно было использовать. Она никогда не стала бы похожа на своего отца. И на меня...

Он прижался щекой к прикладу.

Эш бросился вперед, но Бердсмор ожидал этого и, как только исследователь поднял голову, повернулся к нему.

Раздался выстрел, и пуля из дробовика скользнула около уха Эша. Перед его глазами полыхнула белая вспышка, и он почувствовал, что падает и все куда-то исчезает. Ударившись о пол, он закрыл глаза, а когда открыл снова, все в комнате качалось. Он моргнул и вновь огляделся вокруг.

И увидел, что ружье снова приставлено к шее Грейс. И услышал щелчок, когда палец Бердсмора взвел один из двух курков.

Но услышал и еще кое-что.

39

И все услышали.

Бердсмор, по-прежнему прижимая оба ствола двустволки к шее Грейс, подозрительно осмотрел помещение, в то время как сама Грейс с закрытыми глазами ждала, все ее тело напряглось, подбородок приподнялся. Фелан не отрывал от нее глаз.

Преподобный Локвуд пришел в движение; он задергался и заерзал в своем кресле как человек, которого замучили невыносимые кошмары. Его грудь тяжело вздымалась, плечи дергались, голова медленно поднялась, а в бледные, безжизненные глаза вернулось ошеломленное сознание. И новый увиденный им сон наяву принес мало утешения.

Сначала звуки доносились издалека, но они приближались, и вскоре уже можно было различить голоса, слившиеся в каком-то нестройном гимне. Потом послышались другие звуки — свистящий шепот, шаги, бормотание, перешедшие в буйный шум. К звучащему все громче хору контрапунктом присоединилась музыка из другой эпохи, которую Эш и Грейс слышали при входе в Локвуд-Холл, но теперь в ней было больше неистовства, чем искусства. Казалось, она идет из коридоров и залов наверху, наполовину или полностью разрушенных и исчезнувших, просачивается сквозь черный потолок и темные стены вокруг.

Все тоже услышали этот гимн, его ясный мотив выделялся среди других звуков.

Симус Фелан отделился от общей группы, вскинув голову и прислушиваясь.

Реакция Бердсмора была менее спокойной. Он опустил ружье и стал поворачиваться из стороны в сторону.

— Что это? — воскликнул он, и в его голосе послышался страх.

— Прислушайтесь к словам,— сказал ирландец, словно упрекая невнимательного ученика.— Я узнаю этот гимн. А вы?

— Мы слышали его в пустой школе,— сказал Эш.

— А! — Фелан проговорил слова, которые все слышали: «Считалось, я умер и к вам не вернусь, но знайте: я — танец и снова кружусь!» Понимаете, что они говорят нам? Это ни в коем случае не древний гимн, это духи узнали от новых духов. Очаровательно.— Он улыбнулся, переводя взгляд с одного лица на другое, как бы ища поддержки собственным чувствам.— Они рассказывают собственную историю, понимаете? «Трудно танцевать с чертом за спиной». Понимаете, что они говорят? Это и есть причина возникновения призраков.

— Ты сошел с ума.— Бердсмор качнул ружьем в сторону Фелана.

— Ах, возможно, возможно.— Ирландец прямо-таки забавлялся.— «Я жизнь, а она никогда не умрет»,— повторил он только что прозвучавшие слова гимна.— Это чертовски кстати, я бы сказал.— Выражение его лица изменилось, и он метнулся к Эшу, который начал подниматься с пола.— Пора убираться, Дэвид. Я ужасно боюсь того, что сейчас произойдет.

Шум стал оглушительным, и Грейс снова зажала руками уши. В ее слезинках отражался мягкий свет свечей.

Стены пульсировали, с них сыпалась пыль, застилая всю комнату.

— *Что им нужно?*

Рот Бердсмора остался разинутым, а сам он продолжал кружиться, нелепо выставив перед собой ружье.

Ответ Фелана прозвучал довольно спокойно, но ирландец начал пробираться к Грейс и ее отцу.

— Надо полагать, возмездия,— сказал он сквозь шум.

Стены неистово сотрясались, будто гигантские тараны колотили по ним снаружи. Удары сопровождались громовым треском, и все в зале ходило ходуном. Шпалеры колыхались, свечи раскачивались и падали.

Грейс осела на пол, и Эш увидел, как отец подошел и погладил ее по голове. По-прежнему чувствуя головокружение от полученного удара, Эш беспомощно наблюдал, как Бердсмор шагнул к ней с дробовиком наперевес.

— *Можете взять ее!* — крикнул он в пространство.— *Она Локвуд. Вот, я отдаю ее вам!*

— *Нет!* — закричал Эш и стал вставать, когда ствол ружья уткнулся Грейс в висок.

Но Эдмунд Локвуд, увидев злобу и панику в глазах своего дальнего родственника, осознал намерение Бердсмора. И понял, зачем призраки Слита пришли сюда. Он теперь многое понял. Все это было неправильно — вмешательство в пути Господни,— но ни грехи, ни дурные наклонности не передаются по наследству, у каждого поколения они свои; все мужчины, женщины и дети обладают свободой совести и собственной волей, и растление души может начаться только по сознательному выбору каждого. Грейс в отличие от своей матери не должна платить за выбор, который сделал он, он сам.

Локвуд поднял слабую руку на обидчика дочери. Сознавая свое бессилие, отдавая себе отчет, что болезнь души привела к атрофии плоти, он все же собрал остатки сил и выпрямился.

Больше не сутулясь, встав вровень с высоким человеком перед собой, священник схватился за ствол ружья, отвел его от лица дочери и направил на себя.

Палец Бердсмора дернул оба курка, и два слившихся выстрела перекрыли весь остальной шум.

Грейс ощутила вырвавшийся из ружья жар и зажмурилась от внезапной ослепительной вспышки. Она не видела, как разлетелась голова ее отца, не ощущала кровавых ошметков, полетевших ей в волосы, но закричала, потому что результат выстрела мог быть только один.

Эдмунд Локвуд согнулся, но его изуродованные артритом руки, хотя уже и не получали команды от мозга, которого больше не было, продолжали сжимать горячий ствол, и руки разжал сам стрелок. Бердсмор в ужасе смотрел, как его непреднамеренная жертва медленно валится навзничь. Тяжелый деревянный приклад ударился о каменный пол.

Как летучий пар, в комнату проникли облака тумана, пламя свечей задрожало, шпалеры захлопали по стенам. Звук возобновился, пространство заполнилось настойчивым пением, стенаниями и шепотом, музыкой и шумом шагов. Стены затрепетали, их дрожь прервалась неистовым сотрясением; даже пол завибрировал, словно от какого-то сейсмического возмущения глубоко внизу.

Эш кое-как встал на ноги и поспешил к Грейс, которая была в глубоком шоке. К Эшу присоединился Фелан, и вместе они подняли ее.

— Здесь нельзя больше оставаться,— крикнул в ухо Эшу ирландец.

— Во имя Господа, что происходит? — прокричал тот, обхватив Грейс за талию.

— Господь тут ни при чем,— донесся еле слышный ответ.— Их энергия идет из другого источника. И вы с девушкой являетесь ее частью. Вы оба — психические катализаторы, как и прочие в Слите. Прибыв сюда, вы только добавили им силы.

— О чем вы говорите? — Эш недоверчиво покачал головой.

— Сейчас не время обсуждать это, мой мальчик. Займемся делом.

Они потащили Грейс к выходу, но чья-то рука вцепилась Фелану в шею и потянула назад. Эш зажмурился, когда кто-то схватил его сзади за волосы и обрушил мощный удар кулака ему на голову. Он снова упал на пол, но на этот раз перекатился на спину. Нога пнула то место, где он только что был, и, привстав на колено, Эш увидел возвышавшуюся над собой громаду Бердсмора. Не ожидая, когда его снова свалят, он бросился вперед и головой боднул нападавшего в ребра. Бердсмор отшатнулся, но Эш успел вцепиться ему в одежду.

Высокие свечи в массивных подсвечниках перевернулись. Эш для лучшего упора зарылся туфлями в пыльный пол. За спиной у Бердсмора был длинный каменный стол, куда он и рухнул во весь рост, в то время как Эш продолжал осыпать его градом ударов, столь же безжалостных, сколь и отчаянных. Несмотря на это, Бердсмор почувствовал особую вибрацию, пробежавшую по плечам и спине, и, испуганный, оттолкнул Эша. Тот отлетел, потрясенный силой огромного противника, но сумел сохранить равновесие. Он подхватил упавший канделябр и поднял его над головой как оружие, готовый снова броситься в атаку. Но замер на полушаге.

Бердсмор смотрел куда-то мимо Эша, на вход в зал, его челюсть отвисла, брови приподнялись в почти комическом изумлении. Вокруг него кружились прозрачные клубы тумана, с потолка продолжала сыпаться пыль, так что его волосы и плечи покрылись ровным серым слоем.

Эш повернулся в поисках Грейс, а Фелан тоже уставился на широкий вход в зал.

Мгла превратилась в желтоватые клубы тумана, который раньше окутывал деревню, а теперь вторгался и в секретные подвалы, проникая сюда, как щупальца какого-то огромного невидимого зверя. Среди этих катящихся, раздувшихся клубов тумана возникали странные изменчивые фигуры, по-видимому тени умерших, стремящиеся похо-

дить на человеческие тела, но так и не приобретшие законченный образ. Они таяли на глазах и превращались в иные формы, пребывающие в вечном движении. Их явление сопровождал продолжительный нестройный шум — стенания голосов, музыка и топот. Внутри этого мерцающего в свете свечей сумбура складывались и зарождались лица, которые тут же распадались и растворялись в окружающем их бесформенном хаосе. Представшее перед всеми видение было ужасающим и зловещим.

Постепенно, следуя за своими менее значительными предвестниками, в зал начал проникать скопившийся снаружи туман, перетекая через скрюченное мертвое тело у входа — мертвую вещь, чьей души, которая пребывала в другом месте, не в аду и не в раю, еще не было среди призрачных легионов. Туман, стелясь, расползался по подземному помещению, поглощая огни свечей, обволакивая могильным холодом замерших в страхе людей, и во время вторжения не прекращались его бессвязные, но наполненные скрытой угрозой призывы. Во мраке начали возникать призрачные химеры, их сходство с земными существами оставалось отдаленным, их формы тоже расплывались и менялись, но сборище химер все разрасталось, и казалось, что в этом святилище собрались все призраки Слита.

Что-то холодное коснулось щеки Эша; ощущение было таким ледяным, что кольнуло кожу как будто внезапным морозом, и Эш увидел, что Грейс отпрянула, словно тоже почувствовала это касание.

Бердсмор махал руками, чтобы разогнать кружащийся вокруг него туман. Его большие руки рассеивали возникающие лица, отбивали тянущиеся к нему руки. Но на их месте возникали новые, шумя вокруг Бердсмора, словно предпочли его всем остальным; завывания все усиливались, шум от ветерка напоминал хриплые вздохи.

Рука, вполне материальная, крепко схватила Эша за плечо.

— Пошли, Дэвид,— сквозь шум крикнул Фелан.— Нельзя терять время.

— Грейс?..

— Думаю, она еще больше потрясена, чем вы. И в глубоком шоке.

Грейс по-прежнему стояла, глядя на мглу и проникающих вместе с ней призраков. Она прижала грязные руки к лицу, и, приблизившись, Эш увидел, что ее губы шевелятся. Слов не было слышно за какофонией других звуков. Даже когда он позвал ее и потянул за собой, она, завороженная ужасным зрелищем, не узнала его, не заметила его стараний. Какая-то сила, невидимая, как ветер, толкнула три фигуры, заставив всех покачнуться. Мужчины поддержали Грейс, которая чуть не упала.

— О Боже, помоги ему...— Фелан обернулся к Бердмору, который прислонился к каменному столу, схватившись одной рукой за край, а другой по-прежнему разгоняя туман перед собой. С его лба свешивался лоскут кожи.

Вся комната начала неистово трястись. Свечи попадали, с потолка лавиной посыпалась пыль. По комнате пронесся скрежет камней.

Одна свеча, упав, все еще горела на полу у одной из ниш, и свет от нее выхватил какое-то движение внутри. Эш смотрел, загипнотизированный, как что-то как будто ковыляло из темноты. Он сжал Грейс так, что она вскрикнула.

В колеблющемся свете появился стоявший внутри ниши мумифицированный труп, создав иллюзию силы, преодолевшей смерть. Из ниши рядом вывалился другой, и его усохшая голова раскололась, ударившись о пол.

Фелан тоже увидел это и поторопился ободрить Эша:

— Здание сотрясается, вот и все. Это и привело их в движение!

Одна свеча упала у плинтуса и подожгла сухой край. Пламя взметнулось вверх, охватив труп, и тот на миг превратился в ожившую пародию на человека. Теперь мерт-

вая оболочка пришла в движение, иссохшая голова приподнялась, туловище перекрутилось, потом скрючилось, брюхо вытянулось, черная дыра рта широко раскрылась, будто протестуя в немом крике. Мертвое тело охватили фиолетовые языки пламени, оно съежилось и упало на пол, вспыхнув с треском и без шипения, поскольку в хрупкой плоти не осталось влаги. Оно горело как мусор.

Страшный, пронзительный визг разнесся по комнате, так что Эшу показалось, что это визжит сам труп, и он почувствовал, как Фелан сжал ему плечо. Пламя плясало в глазах маленького ирландца, но их выражение было мрачно. Сквозняк, неся с собой туман, шевелил его серебряные волосы, как деревенский ветерок в ветреный день, и Фелан отвернулся от горящего трупа, его взгляд приковала к себе обезумевшая фигура в центре водоворота толпящихся вокруг призраков. Грейс осела рядом с Эшем, и он понял, что силы — а возможно, и мужество — покинули ее.

Мгла с тенями и непонятными фигурами окружила кричащего Бердсмора так яростно, что тот оказался словно в центре смутного смерча. Он отчаянно сопротивлялся, его кулаки проходили сквозь нематериальные скопления обступивших его гротескных фигур, не нанося им ощутимого вреда. Но пока Эш и другие наблюдали за этой неравной схваткой, фантомы приобрели форму и плоть, у них появились когтистые лапы и напоминающие маски лица, а звуки их голосов перекрыли гремящий голос Бердсмора. И эти лапы щипали его, цеплялись за одежду, царапали лицо, так что оно вскоре покрылось кровоточащими ранами.

Бердсмор взревел, когда из его щеки вырвали кусок от нижнего века до челюсти, обнажив сочащуюся кровью розовую мякоть. Лоскут кожи, свисавший со лба, оторвался, открыв плоть, поблескивающую в свете свечей и пожара. Тени продолжали кружиться. Из отбивающейся руки они вырвали клок мяса, от запястья до среднего пальца, и Бердсмор спрятал бы обе кисти, если бы не приходилось защи-

щать ими голову и горло. Кожа от виска до щеки отошла, как бумага, открыв пузырящееся кровавое месиво. Вихрь призраков вился вокруг человека, превращая его руки и лицо в сырое мясо. Его пиджак и рубашка изорвались в клочья и свисали лохмотьями, потом дошла очередь до плеч и живота — и уже лохмотья плоти свисали как изодранная одежда. Бердсмор опрокинулся навзничь на каменный стол, тело обмякло, но толпа демонов продолжала нападать, не обращая внимания на его мольбы сохранить ему жизнь и душу, и их дикий вой многократным эхом повторял его стенания.

— Всемилостивый Боже...— Фелан перекрестился раз, еще раз. Он был загипнотизирован этим зрелищем, и теперь уже Эш потряс его за плечо.

— *Почему?* — крикнул он.— *Почему они раздирают его?*

Фелан медленно повернул голову, но глаза не отрывались от ужасающей картины.

— Он Локвуд,— услышал Эш.

Ирландец быстро зажмурился, и Эш не понял, то ли от попавшей в глаза пыли, то ли чтобы не видеть страшное зрелище. Наконец Фелан перевел взгляд на Грейс.

— Помогите мне вытащить ее отсюда, Дэвид,— сказал он, и, хотя Фелан не повышал голоса, Эш хорошо его расслышал.

Вдвоем они потащили Грейс к выходу, навстречу трепавшему их ветру, который потоком вливался в узкую щель входа, неся с собой клочья тумана, крутя мглу, которая словно шептала что-то, когда они проходили мимо. Гимн стал тише, отдаленное многоголосие гневной темы и смутные образы призраков устремились за ветром, их фигуры пародировали человеческие. От упавших свечей загорелись новые шпалеры, и новые уродливые фигуры запылали, как факелы, в нишах, служивших им открытыми могилами. Огонь осветил обширное помещение, открыв хранилище древних запыленных томов, магических и

каббалистических книг, стоящих на полках в глубоких нишах в дальнем конце комнаты. Там же размещались бутыли различного цвета и размера с какими-то снадобьями, лекарствами, ядами, смесями, предназначенными для воскрешения после смерти, но не имеющими власти остановить увядание и муки совести. Пламя открыло, а затем поджгло висевшие на вешалках одежды, причудливые костюмы для тайных церемоний. Загорелись и другие древние предметы, больше напоминавшие орудия пыток, чем принадлежности для отправления культа.

На каменном полу лежало распростертое тело священника — отрешенная от души оболочка продолжала дергаться, словно жизнь еще задержалась в ней, и кровь хлестала из вязкой мякоти, бывшей когда-то головой. А над телом, как любопытные наблюдатели, парили тусклые фигуры, темные и неопределенные. На столе рядом лежала окровавленная, с содранной кожей туша, бывшая раньше Бердсмором. Она еще дергалась и кричала в агонии, протестуя против этого окончательного обнажения, но движения и крики все ослабевали и в конце концов перешли в хрип и легкое подрагивание конечностей. Но мучители не были удовлетворены: они скребли его призрачными лапами, раздирали грудь, чтобы добраться до еще бьющегося сердца. Последние жалобные стоны молили о том, чтобы по завершении этой пытки демоны не преследовали его в загробном мире. И только когда последний хрип вырвался из легких под шелест множества холодных рук, копающихся в его растерзанной плоти, до Бердсмора наконец дошло, что смерть для него, как и для других Локвудов, может означать полное и окончательное исчезновение.

Что-то прогремело, звук исходил словно со всех сторон. Как будто содрогнулось само здание, от провалившихся крыш до подземелий. Стены пошли трещинами, и сверху посыпались куски потолочного перекрытия. Последовали другие толчки, появились новые трещины, послышался гро-

хот обваливающейся кладки и падающих деревянных конструкций.

Эш и Фелан помогли Грейс подняться на ноги, но все трое потеряли равновесие от нового толчка. Девушка упала на колени и напряглась, словно с толчком к ней вернулось сознание. Она рванулась назад, пытаясь высвободиться из рук мужчин.

— Отец...

— Он мертв, Грейс, ты не поможешь ему! — крикнул Эш, хватая ее крепче.

Она изворачивалась, стараясь вырваться.

— Нет, мы не можем оставить его там!

— Слушайте Дэвида, девушка,— сказал Фелан, крепко держа ее.— Теперь мы уже ничего не можем сделать для вашего отца. Он искал какого-то искупления, потому и дал мне привести его сюда. Он знал, какую цену придется заплатить.

Грейс неистово замотала головой.

— Он не участвовал в этом...— начала она, но воспоминания больше ничто не сдерживало, и они проникли в ее сознание, открыв ужасную и безобразную правду.

Грейс снова стала оседать, но Эш успел подхватить ее.

— Дэвид, извини меня...

— Тебе не в чем винить себя, Грейс. Ты не знала.

— Извини меня...— повторила она.

Полоска грязной кожи содралась у нее на щеке.

— Дэвид, нам нужно убираться отсюда! — Фелан потянул их обоих по направлению к вестибюлю.

Что-то ударило Эша в спину, то ли кирпич, то ли доска — он не разобрал и не обратил внимания на боль. Обхватив Грейс одной рукой за талию, а другой держа за локоть, он потянул ее за собой. Фелан шел впереди. Частицы тумана касались их лиц, обжигая, как острые льдинки; позади распространялся пожар. В дальнем конце зала вспыхнули книги, создав собственную преисподнюю.

На этот раз проявил неуверенность Фелан, поскольку среди сумбура смутных и переменчивых образов, толпившихся в прохоле, среди непостоянных форм, напоминавших человеческие, виднелась маленькая фигурка, более телесная, чем остальные. Перед тем скорчившимся, мертвым телом, что валялось при входе, стоял мальчик и, не отрывая своих ясных глаз, мрачно смотрел на них, не замечая суматохи вокруг.

Грейс вздрогнула. Эшу показалось, что то ли она произнесла имя «Тимми», то ли его сознание уловило это в ее мыслях. Грейс съежилась и отпрянула, и Эшу пришлось удерживать ее. Образ тут же начал блекнуть, кружащаяся мгла поглотила его, туман разбух и рассеялся по залу.

Фелан больше не колебался. С ободряющим возгласом, стиснув руку девушки, он повел спутников дальше. Они перешагнули через труп, который смутно виднелся в тумане, льющемся в помещение сзади и тянущемся к металлической двери наверху. Пол под ногами трясся, и эхо повторяло грохот; старый цемент и штукатурка не выдерживали тряски, делая путь ненадежным; и все время их преследовал дикий вой, подгоняя вперед, так что все трое быстро добрались до лестницы; Фелан шел первым, таща за собой Грейс, а Эш поддерживал ее сзади. Они еле видели ступени из-за тумана, падающего на них, как грязный, зловонный водопад. Грейс не упиралась, но и не помогала вести себя; покрывавшую лицо грязь перечеркнула странная багровая полоса.

Фелан добрался до верхней ступеньки и задержался, чтобы порыться в кармане пиджака. Он достал маленький черный фонарик, и темноту пронзил тоненький, как карандаш, луч. Он повернул кольцо на корпусе, и луч расширился, осветив зал за дверью.

— Теперь осторожно,— сказал Фелан спутникам.— Нам нужно спешить, но там опасно — пол может провалиться. Смотрите под ноги.

Эш не ответил — он уже знал об опасном состоянии здания — и вслед за Грейс, ни на миг не отпуская ее, прошел через дверь. Бедлам внизу успокоился, и Эш был благодарен хотя бы за это. Вдруг дверной проем и дыры в потолке над широким залом озарила белая вспышка; через секунду или две послышался отдаленный гром.

— За мной, быстро! — скомандовал Фелан, снова схватив Грейс за руку.

Он посветил на пол, высматривая неровности под ногами, опасаясь ям, которые, как он знал, скрываются под бегущим туманом, потом пустился вперед по дорожке, которую высвечивал своим фонариком. Пробираясь по охваченному хаосом залу, Фелан и Эш прислушивались к треску досок и хрусту камня, и каждый раз, касаясь стены, они ощущали дрожь самого здания. Они осторожно переступали через обломки, ирландец проверял каждый шаг перед собой, останавливаясь, когда не был уверен, и светя в туман фонариком. Грейс вели, как слепую, потому что она снова пребывала в шоке, вызванном пробудившимися воспоминаниями и воображением. Время от времени кто-нибудь из них спотыкался, нанося себе ощутимые травмы, но никто не задерживался, чтобы осмотреть раны, и все продолжали идти. Их ослепляли вспышки молний, вторгающиеся в заброшенное здание; раскаты грома слышались все ближе, заставляя путников съеживаться от страха. Один раз Эш потерял равновесие и оперся о стену, и она раскрошилась от его прикосновения. Создавалось впечатление, что не осталось ничего твердого, будто под прогнившей оболочкой все превратилось в труху, а вибрация ускорила распад. Словно боясь заразиться, Эш вытер руку о брюки.

Пол под ногами Фелана вдруг просел, и ирландец полетел вперед. Эш бросился и успел подхватить его как раз вовремя, чтобы предотвратить падение. Все трое замерли, прислушиваясь к треску досок, и двинулись к противоположной стене. Прижавшись к ней спиной, они обошли

опасный участок. Лавина пыли обрушилась перед ними. Фелан направил фонарик вверх, и они увидели, что потолок тоже начал прогибаться.

Грейс тихо вскрикнула, и Эш не понял, чем был вызван этот вскрик — то ли опасностью сверху, то ли тем, что она наткнулась на что-то в темноте. Выяснять не было времени.

— Нам лучше бежать,— сказал он, нагнувшись к Фелану.

— Пожалуй, вы правы. Все равно, я уверен, самое страшное позади.

Без лишних слов они поспешили вперед, увлекая за собой Грейс, а когда увидели впереди просвет, то удвоили свои усилия. Со скрежетом и скрипом, слившимися с громом снаружи, потолок позади рухнул, словно топот ног стал для него последней каплей. Шум и вздымающаяся пыль последовали за беглецами в обширный зал, а они продолжали бежать, перепрыгивая через обломки и упавшие бревна, стремясь к выходу. Когда снова полыхнула молния, Эш увидел нечто столь устрашающее, что у него чуть не подогнулись колени. Горло так сжало, что он не смог предупредить остальных.

Через провалы в этажах и дыры в крыше ясно виднелось ночное небо, внутреннее пространство заброшенного здания заливал свет молний, и вся выбеленная в бликах этого света стена, от земли до крыши, с низким зловещим стоном наклонилась внутрь.

Грейс упала на землю перед Эшем, и с новой, порожденной паникой энергией он подхватил ее и понес, а скорее, поволок к выходу. Ее тело дергалось, из горла вырывались крики, но Эш продолжал идти вперед, не ослабляя хватки, не обращая внимания на причиняемую ей боль. Грейс пыталась вырваться, но он не отпускал, у него даже не было времени удивиться ее сопротивлению. Фелан уже стоял у входа, всего в нескольких шагах впереди, и что-то кричал, подгоняя их и протягивая к ним руку.

Полыхнула молния, раздался гром, и в этой вспышке Эш заметил, что при взгляде на Грейс побелевшее лицо ирландца исказил ужас.

В неимоверной спешке все трое проскочили через двери и, спотыкаясь, вылетели на террасу перед лестницей. Сказалось изнеможение — ноги наконец подогнулись, и все почти замертво свалились на землю.

Эш перевернулся на спину, хватая ртом несвежий воздух, его грудь тяжело вздымалась, голова гудела от полученного раньше удара. Туман тянулся по лестнице в дверной проем, стелясь по ступеням, в других местах он переваливал через стены, лился через подоконники пустых окон. Сквозь вьющиеся, несущиеся по ночному небу тучи пробилась половинка луны, на мгновение осветив зловещим светом пейзаж и разбитый фасад некогда величественного здания.

— Слава Богу! — сказал Эш, задыхаясь и закрыв глаза, как в молитве.— Свершилось, все кончено.

Что-то опять вызвало сотрясение в глубине руин, и он ощутил, как по каменной плите, на которой он лежал, пробежала дрожь. Снова вспыхнула молния, треск грома с такой силой расколол воздух, что содрогнулась сама земля. Тучи набухли и потемнели от назревавшего дождя, их косматые серебристые края без конца перекручивались, сливались и разрывались. Дыхание Эша немного улеглось, сердце стало биться не так лихорадочно, и он заставил себя успокоиться. Они были в безопасности. Теперь, когда они здесь, призраки и монстры Локвуд-Холла не причинят им вреда. Цена искупления была страшной, но теперь она уплачена. Со злом Локвудов покончено. Грейс освободилась от тяжкого бремени, прятавшегося в ее подсознании.

Эш приподнялся на локте и посмотрел на нее. Она лежала спиной к нему, и он видел только, как поднимаются и опускаются плечи,— очертания ее силуэта четко виднелись в лунном свете. Ирландец лежал за ней, его фонарик

куда-то пропал — потерялся или сломался. Фелан был совершенно неподвижен.

Эш потянулся к девушке.

И замер с протянутой рукой, когда она подскочила и издала резкий вскрик.

— Грейс?..— сказал он тихо, неуверенно.

Она снова закричала, это был мучительный вопль.

Эш приподнялся на колено, по-прежнему протягивая к ней руку.

На этот раз она завизжала, дергая ногами, как в судорогах.

Он поспешил к ней, наполовину ползком, наполовину на четвереньках, и позвал ее.

В ночи снова раздался ее вопль.

— Грейс!

Эш схватил ее за плечо и повернул лицом к себе. Ее тело билось под его рукой.

В нескольких футах от них Фелан сел прямо и повернул к ним голову.

Грейс неистово корчилась, ее крики были полны страдания.

— Грейс, в чем дело?

Эш ощутил беспомощность, он опустился на колени рядом, протянув к Грейс свои руки, но уже не касался ее из опасения причинить боль.

Грейс колотила руками по воздуху, извивалась и билась, с шумом втягивая в себя воздух.

— *Дэвид!* — кричала она.— *Дэвид, помоги!*

Он взял ее за плечо и попытался прижать к себе, но она вывернулась, ее тело сложилось пополам, голова прижалась к коленям. В свете луны на них упала тень Фелана, ирландец тоже попытался помочь. По небу неслись тучи, застилая свет, и опять все оказались в темноте. Но по-прежнему слышались стоны, и Эш чувствовал, как корчится Грейс. Он обхватил ее руками, отчаявшись помочь и боясь, что она в своем безумии поранит себя.

— Что с ней? — спросил он ирландца, полагая, что у того должен быть ответ на все.

— Я думал, здесь она в безопасности.— В словах Фелана слышались печаль и жалость. И отчаяние.— Я думал, мы вовремя увели ее. Господи Иисусе, не допусти этого!

Ее крики не ослабевали и разрывали сердце Эша. Нужно было что-то делать, как-то помочь, он не мог позволить ей так страдать. Эш попытался приподнять ее, но его руки дрожали в панике, и Грейс вырвалась, упала спиной на каменный пол, ее тело выгнулось, скрюченные пальцы хватали саму ночь.

Прерывистой вспышкой полыхнула молния, залив все вокруг ярким, безжизненным светом. Эш не услышал последовавших тут же раскатов грома, потому что в эти краткие мгновения полной иллюминации заметил только что открывшуюся его взору рану на ее теле — обнаженную плоть и кожу, тонкие полоски которой отдирались с лица, с шеи, с груди. Он слышал только ее крики, ее мольбы, ее призывы.

Снова наступила тьма, но ужасный образ запечатался в его мозгу. Эш прижал руки к ее лицу, стараясь удержать кожу, не дать ей окончательно оторваться, и ощутил покалывания, легкие и слабые, проходящие через руки. Его усилия были бесполезны против невидимых рук, щипающих ее тело. Грейс колотила его, словно это он нападал на нее, и кричала, выражая свою муку, свой страх; она корчилась под ним, пытаясь встать, чтобы убежать и спрятаться, скрыться от этого безжалостного истязания.

Прозвучала молитва, как заклинание, и Эш понял, что это ирландец молит Бога о помощи. Даже когда Эш накрыл тело Грейс своим, невидимые руки продолжали терзать ее, и он знал — о Боже, он знал! — что эти руки не остановятся, пока Грейс не останется голой, как Бердсмор, неприкрытой и окровавленной — пока не потеряет человеческий облик. Его вопль слился с ее криком, и, когда сно-

ва выглянула луна, при виде Грейс на глазах у Эша заблестели слезы.

Он пытался удержать ее, но агония придала ей страшную силу. Грейс выскользнула из-под него и локтем ударила в переносицу, ошеломив и отбросив в сторону, так что на несколько драгоценных мгновений Эш беспомощно растянулся на террасе. Грейс стояла над ним, прижав руки к лицу и подняв голову, будто выла на луну, и ему показалось, что на ветру треплются лохмотья ее одежды, но тут же он понял, что девушка почти голая, а это развеваются и отрываются пластами лоскуты ее кожи.

Фелан, сознавая, что ей не поможет ни один смертный, по-прежнему стоял на коленях и молился.

Потом она убежала. Вернулась в Локвуд-Холл.

— *Дэвид, нет!*

Фелан попытался задержать Эша, бросившегося за ней, но исследователь без труда оттолкнул его и нырнул в дверной проем.

Ирландец был стар, он смертельно устал, но не отставал от Эша.

Огромный зал озарила молния, и оба увидели Грейс, неподвижно стоящую среди обломков. Она застыла там, в свете молнии блестели ее поднятые руки, вырирали окровавленные, ободранные груди, на лице без кожи выделялись сверкающие холодной белизной глаза. Ее волосы разлетелись, как наэлектризованные, а вокруг собралась мгла, кружась и качаясь в каком-то таинственном танце. За старыми разрушенными стенами стояла холодная тишина — не слышалось ни шепота, ни криков, ни музыки, ни треска камней,— и Грейс тоже больше не кричала. Но ее ободранные губы шевелились — она умоляла кого-то невидимого.

На этот раз гром донесся через некоторое время после молнии, и, когда его раскаты докатились до Локвуд-Холла, руины содрогнулись до самого основания. Эш карабкался через кучу мусора, чтобы добраться до Грейс, когда ему на

голову и плечи посыпалась обвалившаяся кладка, так что он зашатался и попятился; все вокруг снова завертелось.

Глубокий грохот, последовавший за громом, был еще более угрожающим, чем все предыдущее, и, инстинктивно взглянув вверх, Фелан увидел, как массивный кусок стены на самом верху, у крыши, угрожающе заваливается внутрь, все быстрее и быстрее. Ирландец заметил это лишь мельком, так как половинка луны тут же скрылась за облаками, но грохот перешел в оглушительный рев...

С предостерегающим криком Фелан быстро подбежал к Эшу и увлек его назад, через кучи обломков. Тот слабо сопротивлялся, оглушенный, и едва стоял на ногах. Фелан тащил его, крича, что все равно они ничем не могут помочь девушке, что она пропала, но ее мучения скоро кончатся. Шум усилился — послышался страшный грохот камней и треск бревен, визг, заглушивший все остальные звуки и чувства,— и двое мужчин вылетели, почти вывалились из дверей. Фелан не отпускал Эша, не позволяя ему поддаться слабости. Шатаясь, они спустились по лестнице, но и тогда Фелан не дал Эшу упасть. Он толкал, тащил, уговаривал его отойти подальше от рушащегося здания и ослабил свою хватку, лишь когда они пересекли площадь перед домом.

Прижав руки к вискам, Эш повернулся и, опустившись на колени на покрытую мглой дорогу, увидел окончательное крушение Локвуд-Холла — вверх взлетели огромные тучи пыли, и в ночи разнесся мощный рев, соперничающий с громом.

Сознание Эша померкло и покинуло его. Он осел на землю, и мягкая трава приняла его измученное тело.

На щеку упала первая капля дождя.

40

Крохотные фонтанчики всколыхнули в темноте поверхность реки, когда громоздящиеся, как горы, тучи сбросили вниз свой груз. Туман прибило ночным ливнем, и мгла в деревне отступила, рассеялась, побледнела.

Мельничное колесо со стоном остановилось, груз разложившейся плоти остался под водой, чтобы раствориться там и превратиться в ничто, чем в действительности и являлся. И все снова затихло.

Ад вдруг прекратился.

Свет больше не озарял лицо Сэма Ганстоуна, который ласкал свою мертвую жену, а когда он взглянул на поле, то увидел, что там пусто и темно. И он подумал, что дождь усмирил не пламя, а само видение.

Он склонил голову и прошептал молитву, а когда наклонился, чтобы поцеловать жену в лоб, то молния вдруг залила все белым светом, и Ганстоун заметил, что застывший на лице жены ужас тоже исчез. На ее лице больше не было никакого выражения, и Сэм подумал, что это хорошо.

Нелл обрела покой.

Рут с занесенным ножом стояла в дверях в спальню. Ее сестра лежала на узкой кровати, подтянув к себе ноги и прижавшись спиной к стене. Выпучив от ужаса глаза, Сара прижимала к груди свою куклу Салли, словно и той угрожала опасность.

Манс — хотя *это* уже не было Джозефом Мансом — стоял у кровати спиной к Рут, глядя на Сару. При появлении девушки он медленно пошевелился — двигалась только его верхняя часть: плечи покачнулись и голова повернулась к ней. Голова скалилась — той хитрой, *грязной* ухмылкой, которую Рут так хорошо знала. Его локти были прижаты к бокам, кисти рук скрывались в паху, зажимая там рану.

Манс мерзко хихикнул, и девушку разозлил этот знакомый утробный звук. А также она ощутила стыд, потому что много лет назад смеялась при этом. Рут подбежала к отвратительной фигуре, но как только она замахнулась ножом, Манс начал исчезать, быстро блекнуть, как Чеширский кот из «Алисы в Стране чудес»: ноги, потом туловище, потом голова, и в последнюю очередь — ухмылка.

Клинок поразил пустоту, и Рут сначала вздрогнула, а потом начала хохотать. И плакать.

Отшвырнув Салли, Сара соскочила с постели и бросилась в объятия сестры. Нож упал на пол.

Они прижались друг к другу, и через некоторое время Рут успокоила Сару, сказав, что это был просто кошмарный сон и теперь, как все дурные сны, он закончился. И никогда, *никогда* не вернется снова, заверила она сестренку. И хотя при этих словах Рут плакала, она улыбалась сквозь слезы.

Когда она добралась до ванной комнаты, он держал Саймона под водой, одной рукой схватив за волосы, а другой — за хрупкое, голое плечико. Саймон сопротивлялся, дрыгал ногами, хватался за края ванны, борясь за жизнь, которую уже утратил. А Джордж с хохотом пихал его вниз, не в состоянии убить уже мертвого, но его черная душа наслаждалась пародией на убийство, получая удовольствие от чужих страданий.

Эллен закричала, чтобы остановить Джорджа, но, как только она раскрыла рот, от его лодыжек поднялись языки пламени, быстро охватили все ноги и с ревом поднялись по спине. Только когда пламя добралось до плеч и окутало голову, он ослабил свою хватку и отлетел к стене, ударившись о нее спиной. Джордж закружился внутри страшного призрачного пламени, и в его криках была такая же призрачная пустота — они доносились откуда-то издалека.

Обхватив себя худыми ручками, Саймон поднялся из воды, его мокрое бледное тело тряслось.

Эллен успела различить, как смутный силуэт мужа в адском пламени метнулся к окошку ванной комнаты, и бросилась подтолкнуть, но ее руки даже не обожгло — они словно погрузились в глубокий холод. Джордж прошел сквозь стекло, его тело согнулось, чтобы вписаться в маленькую раму. Он исчез в ночи, и когда Эллен выглянула, то ничего внизу не увидела. Дорожка была мокрой от дождя, вдоль нее таяли остатки тумана, но от Джорджа, горящего или нет, не осталось и следа.

А когда Эллен обернулась, то увидела, что Саймон тоже исчез. Но это ее не встревожило. Она чувствовала — и чувство было слишком сильным, чтобы обманывать,— что душа ее сына наконец обрела покой.

Джордж вернулся к себе в ад.

Дождь и ветер продолжались и разогнали туман, лишь его отдельные пити и клочки блуждали по лужайке вокруг пруда, вились вокруг позорного столба, откуда больше не текла кровь. Незадолго до того буря унесла последние остатки тумана, а с ним и зловонный запах. Дождь смыл кровавые пятна с травы и следы шедшего к дороге ручейка.

Дождь привел в чувство Розмари Джилти. Его тяжелые капли упали на ее скорчившееся тело, причинив новые мучения.

Она попыталась встать, но не смогла: что-то сломалось внутри и причиняло боль, чудовищную боль. И что-то случилось с ногами: она не могла ими двигать, они не сгибались. А голова... о, как болела голова!

Розмари некоторое время пролежала так, потом ей удалось перевернуться на живот, поскольку противный дождь заливал глаза. Когда улицу осветила молния, Розмари заметила что-то странное, торчащее из «Черного кабана» за дорогой. Это напоминало пикап или грузовик. Кто бы мог совершить такую глупость? И где Том? Почему бы ему не выйти помочь ей? Ну, она найдет для него пару ласковых слов, когда вернется!

Розмари поползла к гостинице, кляня Тома и досадуя на дождь, который явно собирался испортить ей прическу.

Крик открыл глаза и тут же пожалел об этом: лучше было бы ничего не видеть, это было слишком больно. Он дал голове повернуться и снова пожалел: лежащая рядом фигура с расквашенным лицом и толстым брюхом, с руками, утыканными блестящими осколками, представляла собой неприятное зрелище.

Но доносившиеся голоса успокоили его. Это было непонятно: бар казался пустым — если не считать долбаного пикапа, въехавшего через входную дверь,— и все же некоторое время слышалось какое-то бормотание. И хрен с ним. И с Ленни тоже, это он во всем виноват.

Крик закрыл глаза и уснул. Это был сон, от которого не просыпаются.

Лед в пруду потрескался и растаял под дождем, и некоторое время темная вода в нем двигалась и кружилась. В конце концов поверхность успокоилась, и спокойствие нарушал только дождь. Впрочем, время от времени снизу вдруг поднимались пузыри, но вскоре и это прекратилось.

Мэдди подошла к двери, но Гаффер остался на месте. Собака съежилась за спинкой кресла в гостиной, и в ее выпученных, испуганных глазах показались белки. Глубоко из горла вырвалось скуление.

Шаги по дорожке снаружи смолкли. Мэдди знала, что он ждет там — ждет, когда она откроет дверь.

— Все в порядке, Джек, я здесь,— крикнула она, хватаясь за засов. Джек всегда настаивал, чтобы в его отсутствие она запиралась и задвигала засов,— мало ли кто может постучаться в нынешние дни, всегда говорил он.

На секунду-две ее пальцы задержались на холодной железной задвижке. Из груди вырвался тихий всхлип. «Я знаю, это ты, Джек,— проговорила она про себя.— Я знаю, ты вернулся ко мне. Все в порядке, правда? Так и должно быть!» Она слышала, как по каменистой дорожке стучит дождь.

Мэдди отодвинула засов и отперла замок. И распахнула дверь.

Полыхнула молния, на время ослепив ее. Донесся рокот отдаленного грома, она несколько раз моргнула и увидела, что дорожка пуста.

В ту ночь Мэдди долго стояла в дверях, налетавший дождь промочил ее одежду, ветер шевелил растрепавшиеся се-

дые волосы. Она смотрела на дорожку. И прислушивалась к шагам.

Но ее муж не вернулся.

41

От земли стал подниматься пар, солнце палило сильно, неумолимо даже ранним утром, и разбитая, заросшая травой дорога утратила свою твердость, поверхность стала скользкой, во впадинах образовались лужи. Одежда на Эше отсырела, рубашка на спине промокла.

Он шел, все еще оглушенный, больше не оглядываясь назад: рухнувшее здание уже скрылось вдали. Из леса доносились птичьи голоса, и время от времени слышался шорох какого-нибудь зверя в кустах. Ни единое облачко не затеняло небо в это ясное утро, и даже при взгляде в сторону от солнца небесная голубизна казалась ослепительной.

Эш провел рукой по щеке, размазав по грязи слезы; его мозг пытался справиться с образами ночного кошмара. Нога поскользнулась в слякоти, но он удержал равновесие и продолжал путь.

Возвращаясь мысленно на некоторое время назад, он вспоминал, что лежал на краю дороги под деревьями. Вроде бы это Фелан притащил его туда ночью, чтобы укрыть от страшной бури. Ирландец, кажется, что-то говорил ему, но слова не вспоминались. Что-то о том, будто снова он опоздал... но хоть кто-то спасся... а теперь все кончилось, свершилось... Все это не имело для Эша никакого смысла, но, возможно, приобретет смысл, когда прекратится головная боль и мысли улягутся. Он не помнил, почему Фелан покинул его.

Рубашка и брюки высохли и заскорузли, а Эш все шел и шел. Иногда его шаги сбивались, мысли путались, а когда нахлынули воспоминания о Грейс, Эш упал на колени и вцепился руками в сырую землю. Он плакал.

Входная дверь «Черного кабана» была все еще открыта, и на какое-то безумное мгновение Эшу вопреки здравому смыслу представилось, что внутри он сейчас встретит Грейс. Это было безумие, и он даже не задержался у входа. Ее нет, она потеряна навсегда, и безумное время тоже прошло. Он свернул на узкую дорогу, ведущую в деревню.

Над деревьями возвышалась башня церкви Святого Джайлса, но Эш отвел глаза. Только когда он приблизился к церковным воротам, резкое карканье заставило его вздрогнуть, и он заглянул во двор старой церкви. Недалеко от паперти на надгробии сидел ворон-стервятник, и его кинжал-клюв короткими резкими движениями пронзал воздух. Ворон замер, черным глазом следя за исследователем.

Потом он улетел, мощные взмахи крыльев подняли его высоко над башней, и издалека, как глухое бессмысленное эхо, донеслось карканье.

Эш пошел дальше, спустился с холма и прошел мимо школы. В школе было тихо. Подходя к коттеджу Эллен Прадда, приткнувшемуся между соседними домиками, он заметил темную фигуру, смотрящую на него из-за тюлевой занавески в окне первого этажа. Эш совсем забыл об оставленном в коттедже оборудовании, не вспомнил и теперь. Вся деревня словно замерла, в ней стояла совершенная тишина, Эш слышал только собственные шаги. В нескольких домах были разбиты окна, а в одном снаружи обгорела стена, его дверь была распахнута — по-видимому, жители в панике убежали.

Эш дошел до пустынной главной улицы, где от дороги поднимались тонкие струйки пара. Солнце, хотя еще стояло невысоко, здорово грело и вытягивало из поверхности ночную сырость. Там и здесь виднелись распахнутые двери и разбитые окна, и не проехала ни одна машина, не прошел ни один пешеход. Колодки и позорный столб на пустой лужайке казались странно забронзовевшими — пережитками ушедших веков, уже неуместными здесь.

Из-за ближайших домов тихо поднимался столб дыма, только птицы напоминали в Слите о реальной жизни, но даже их щебет казался сдержанным.

Эш продолжил свой путь. Его не заинтересовал пикап, въехавший в двери «Черного кабана»; вырванная из скоб вывеска свободно повисла. Эш мельком взглянул на желтую пластиковую утку, плавающую в поднимающихся над темным прудом испарениях. Его заботил только собственный автомобиль, стоящий у края лужайки, потому что, подойдя ближе, Эш заметил, что в нем что-то не так.

Его шаги замедлились, когда стало ясно видно повреждение. Весь бок машины был помят и ободран, крыло совершенно искорежено, переднее колесо погнуто, шина спущена. Эш заметил следы торможения, идущие с дороги через траву к краю пруда, но не придал им значения; он также не задержался проверить размер повреждений «форда» — погнутое колесо сказало ему достаточно.

Не оглядываясь по сторонам и уставившись только на дорогу перед собой, Эш прошел к мосту в конце деревни.

Тихая, сонная мельница слева являла собой еще одно напоминание о давно ушедшей эпохе. Он перешел каменный мостик и стал взбираться на холм, прочь из Слита.

По шее стекал пот, и Эш спиной чувствовал странный сырой холод; его дыхание затруднилось, шаги стали тяжелей. Но он не останавливался. Дрожащей рукой Эш вытер глаза; восприятие постепенно притуплялось, и воспоминания о событиях ночи теряли остроту. Рана еще оставалась в душе и, возможно, останется навсегда, но в настоящий момент была лишь одна забота — как можно дальше убраться из Слита.

Мимо проехала машина по направлению к деревне, двое сидевших внутри с любопытством посмотрели на него. Через несколько минут встретилась другая машина. Потом промчался полицейский автомобиль с выключенной сиреной, но на большой скорости. Женщина-полицейский на пассажирском сиденье, вытянув шею, проводила взгля-

дом одинокую фигуру, но машина не снизила скорость и вскоре скрылась за поворотом, даже шум ее мотора затих. Проехали еще две машины, потом «скорая помощь», и ее сирена нарушила тишину проселочной дороги. Этот рев еще слышался некоторое время, но потом тоже затих вдали. Эш тащился дальше, увеличивая расстояние между собой и деревней. Голова болела, ноги одеревенели от подъема на холм. Вдоль дороги появились деревья, и стало прохладнее.

Его глаза смотрели под ноги и видели только залитую солнцем дорогу, и, когда послышалось приближение еще одного автомобиля, Эш не поднял голову. Он услышал, как машина затормозила, покрышки скрипнули по дороге, но по-прежнему не обращал внимания на шум. Машина остановилась, и, чтобы привлечь внимание Эша, Кейт пришлось позвать его:

— Дэвид!

Он медленно обернулся и посмотрел на Кейт Маккэррик.

— В чем дело, Дэвид? Что случилось?

Он подождал, не в силах ответить, его грудь тяжело вздымалась, и Кейт пришлось выйти из своего «рено».

Встревоженная состоянием Эша, она осторожно коснулась его локтя.

— Ты ужасно выглядишь,— только и нашлась она что сказать, потом торопливо добавила: — Я пыталась добраться к тебе прошлой ночью, но помешал туман. Знаешь, весь вечер телефоны не работали! Я переночевала в отеле, чтобы сразу приехать сюда. Ты выглядишь так...— Она лишь покачала головой.

— Увези меня отсюда, Кейт,— медленно проговорил Эш.

— Но...

— Просто увези меня.

— Хорошо, Дэвид. Конечно.

Без лишних слов он обошел машину и забрался на сиденье. Кейт быстро села рядом и завела мотор.

— Ты хочешь, чтобы я отвезла тебя в Слит?

— Нет!

Она вздрогнула и посмотрела ему в лицо. Эш выглядел таким изможденным, таким усталым, каким она его еще никогда не видела. И его глаза казались отстраненными, словно мысли были заняты чем-то не имеющим отношения к происходящему здесь и сейчас. Кейт удивилась, каким образом Эш сумел весь так перепачкаться — грязной была не только одежда, но и лицо, и руки. Даже в спутанных волосах запеклась грязь. И не кровь ли засохла на рубашке?

— Поехали, Кейт,— сказал он, глядя прямо перед собой.— Разворачивайся, и поехали.

Заехав на обочину, чуть не задев деревья, она быстро развернула «рено» в обратном направлении. Когда они немного удалились от Слита, им навстречу попалась еще одна «скорая помощь», и ее сирена на несколько секунд оглушила их. Видя угрюмую сосредоточенность Эша, Кейт удержалась от вопроса — не знает ли он, куда это направляется «скорая помощь»?

Под успокаивающий голос Кейт Эш откинулся на спинку и закрыл глаза. Она говорила что-то про Симуса Фелана, но ее слова не доходили до него, не имели никакого смысла, совершенно никакого. Локкерби... Эберфан... эти названия ничего не говорили ему. На ветровом стекле играло солнце, листва сверху отбрасывала на дорогу тенистый узор; ослепительный шар солнца за деревьями словно следовал за машиной, постоянный, неотвязный и никуда не сворачивающий.

Впереди показался горбатый мостик, и Кейт притормозила, на случай если с другой стороны кто-то подъезжает. Почувствовав торможение, Эш снова открыл глаза и увидел у края дороги маленькую фигурку.

Он хотел что-то сказать Кейт, но она была поглощена дорогой впереди, и машина быстро промчалась мимо мальчика. Эш обернулся, положив локоть на спинку сиденья, и через заднее стекло поглядел на дорогу.

Мальчик вышел на середину дороги и смотрел вслед машине. Смотрел на Эша.

На мальчике была курточка с тремя пуговицами, тесная даже для его щуплой фигурки, и короткие, до колен, штаны. И Эш узнал его. Это был тот самый мальчик, которого, как ему показалось, он сбил по пути в Слит, когда чуть не потерял контроль над машиной, переехав мост.

Тот, что являлся ему в комнате в гостинице.

Тот маленький мальчик, что стоял среди других призраков у входа в тайный зал Локвуд-Холла.

Тот, которого Грейс назвала Тимми.

Тот, который много лет назад принял смерть вместо нее.

И пока Эш смотрел, видение начало блекнуть.

Машина въехала на мост и спустилась с другой стороны, так что мальчик скрылся из виду. Но Эш знал, что, даже если они остановятся и вернутся, дорога позади окажется пустой.

Он снова повернулся вперед. И закрыл глаза.

СОДЕРЖАНИЕ

В ПЛЕНУ У ПРИЗРАКОВ 5

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИЗРАКОВ 231

Литературно-художественное издание

Джеймс Герберт

ДЭВИД ЭШ, ДЕТЕКТИВ ПО ПАРАНОРМАЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЯМ

Ответственный редактор *И. Шефановская*
Редакторы *А. Жикаренцев, Е. Ампелогова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *Н. Шабунина*
Корректор *К. Шефановская*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *М. Уэллана*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино».
197198, Санкт-Петербург ул.Блохина, 20/7. Тел./факс (812)325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
27299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. **E-mail: reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 78-48-66.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-48; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 17.02.2005. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 32,76.
Тираж 5000 экз. Заказ 2547.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ДЖЕЙМС

ГЕРБЕРТ

James Herbert

ISBN 5-699-10341-4

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ